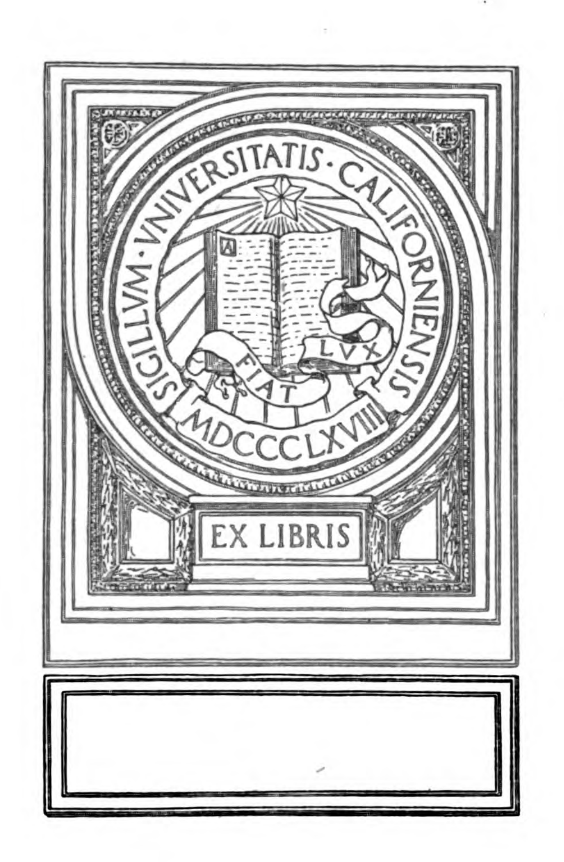
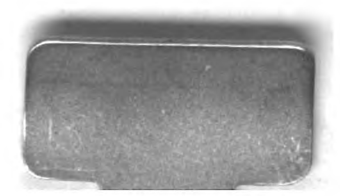

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VIII-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

Высочайшій Манифестъ.—Кончина Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича. — Е. И. В. Государь Наслѣдникъ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. СТАТИСТИКА И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННАГО ОБЩЕСТВА. Прив.-доц. **I. Гольдштейна** 1
2. ВЪ СФЕРѢ НЕРѢШЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ БІОЛОГІИ. (Жизнедѣятельность клѣтки). (Окончаніе). **В. Лункевича** . . 21
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. ТИШИНА. (Изъ Маріи Конопницкой). **Тана** 39
4. ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ. (Очерки и наблюденія). (Продолженіе). **Н. Манасеиной** 41
5. ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. (Продолженіе). Проф. **Р. Виппера**. 67
6. ПОЭЗІЯ И ПРАВДА МІРОВОЙ ЛЮБВИ. (Окончаніе). **Ив. Иванова** 102
7. ОСВОБОДИЛАСЬ. Повѣсть. **А. Вербицкой** 157
8. АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ. (Продолженіе). **Л. Крживицкаго** . . . 202
9. СТИХОТВОРЕНІЕ. CONTRA SPEM SPERO. (Изъ Маріи Конопницкой). **В. Б.** 216
10. СТУДЕНТКА. Романъ **Грэхэмъ Трэверса**. Переводъ съ англійскаго **З. Журавской**. (Окончаніе) 218
11. РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). **К. Станюковича** . . 257
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВОСКРЕСЕНІЕ. **А. Ѳедорова**. 288

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Два поколѣнія» г. Головина.— Маленькій литературный формуляръ г. Головина-Орловскаго.— Его ультра-дворянскія тенденціи прежде и теперь. — «Оскудѣніе», «Потревоженныя тѣни», С. Терпигорева (Атавы).— Широкая картина гибели цѣлаго класса, нарисованная Терпигоревымъ.—Можно ли жалѣть о его культурѣ.—Отвѣтъ «Потревоженныхъ тѣней» на этотъ вопросъ.—Изъ замѣтокъ о голодѣ 1892 г. Л. Н. Толстого. **А. Б.** 1

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Сего іюня въ 28 день скончался въ Абасъ-Туманѣ возлюбленный Братъ Нашъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Болѣзнь, постигшая Его Императорское Высочество, могла еще, казалось, уступать дѣйствію предпринятаго лѣченія и вліянію южнаго климата, но Богъ судилъ иначе. Покоряясь безропотно промыслу Божію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ раздѣлить съ Нами душевную скорбь Нашу и усердныя моленія о упокоеніи души почившаго Нашего Брата.

Отнынѣ, доколѣ Господу не угодно еще благословить Насъ рожденіемъ Сына, ближайшее право наслѣдованія Всероссійскаго Престола на точномъ основаніи основного Государственнаго Закона о престолонаслѣдіи, принадлежитъ Любезнѣйшему Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу.

Данъ въ Петергофѣ въ 28-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, царствованія же Нашего въ Пятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

---

28 іюня, въ 9 часовъ утра, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ выѣхалъ на прогулку на велосипедѣ съ бензиновымъ двигателемъ изъ Абасъ-Тумана, по направленію къ Зегарскому перевалу. Слѣдуя очень быстро, Его Императорское Высочество проѣхалъ около двухъ верстъ и потомъ повернулъ назадъ. Шедшая по пути слѣдованія Цесаревича молоканка Анна Дасаева увидала, какъ Наслѣдникъ, возвращаясь, замедлилъ движеніе велосипеда, отплевывая густую кровь; затѣмъ Его Высочество остановилъ ходъ и, сойдя съ велосипеда, пошатнулся. Подбѣжавъ, Дасаева поддержала Его Высочество, со словами: «Что съ Вами?» Наслѣдникъ Цесаревичъ отвѣтилъ: «ничего»,—а на предложеніе

воды знакомъ руки изъявилъ согласіе. Тогда Дасаева, опустивъ поддерживаемаго ею Великаго Князя на землю, стала освѣжать Ему водою голову и ротъ; тутъ же послѣдовала кончина Наслѣдника Цесаревича, тихо и безъ страданій. Тѣло въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича было доставлено во дворецъ, а мѣсто кончины обнесено рѣшеткою. («Правит. Вѣстникъ»).

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ—третій сынъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Его Императорское Высочество родился въ С.-Петербургѣ, въ Собственномъ Его Величества (Аничковскомъ) Дворцѣ, 22 ноября 1878 года. При рожденіи Онъ былъ назначенъ шефомъ 129 пѣхотнаго Бессарабскаго полка и при святомъ крещеніи въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II возложилъ на Него знаки Царскаго ордена Св. Равноапостольнаго Андрея Первозваннаго.

Воспитаніе и первоначальное образованіе Его Императорское Высочество получилъ въ семейномъ кругу Своихъ Августѣйшихъ Родителей, а затѣмъ былъ зачисленъ въ число юнкеровъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, гдѣ подготовлялся къ службѣ въ артиллеріи. Въ прошломъ году, во время большихъ маневровъ, Онъ окончилъ курсъ училища. Въ дни празднованія пятидесятилѣтія со дня назначенія Августѣйшаго Генералъ-Фельдцейхмейстера Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича шефомъ л.-г. 2-й артиллерійской бригады, волею нынѣ царствующаго Императора Николая II Великій Князь Михаилъ Александровичъ былъ назначенъ вторымъ шефомъ л.-г. 2-й артиллерійской бригады. До этого Его Императорское Высочество, какъ близко интересующійся успѣхами электротехники, принялъ на себя, съ разрѣшенія Государя Императора, званіе Августѣйшаго покровителя электротехническаго института. Проходя военную службу въ артиллеріи, Его Императорское Высочество, наравнѣ съ прочими юнкерами Михайловскаго артиллерійскаго училища, принималъ участіе, не только въ лагерныхъ занятіяхъ въ Красномъ Селѣ, но и несъ тяжелую службу во время большихъ маневровъ, совершая большіе переходы вмѣстѣ съ училищемъ. Великій Князь Михаилъ Александровичъ совершалъ довольно часто образовательныя путешествія по Россіи, а также не разъ сопровождалъ Своихъ Августѣйшихъ Родителей въ путешествіяхъ по Россіи, финляндскимъ шхерамъ и за границею. Въ прошломъ году Онъ предпринялъ спеціальную поѣздку въ Юго-Западный край для ознакомленія съ крѣпостями. 6 мая 1899 года Великій Князь Михаилъ Александровичъ, какъ достигшій совершеннолѣтія, приносилъ въ церкви Царскосельскаго Большого Дворца присягу на вѣрность службы Государю Императору и Отечеству и въ тотъ же день Государемъ Императоромъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ силу Высочайшаго Манифеста, ближайшее право наслѣдованія Всероссійскаго Престола, на точномъ основаніи основного Государственнаго Закона о престолонаслѣдіи, стало принадлежать Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу, и съ этого же дня Великій Князь Михаилъ Александровичъ, какъ Государь Наслѣдникъ, сталъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, оставаясь въ то же время шефомъ 129 пѣхотнаго Бессарабскаго полка и вторымъ шефомъ л.-гв. 2-й артиллерійской бригады («С.-Петерб. Вѣд.»).

Годъ VIII-й. №8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ
1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1899.

Дозволено цензурою 24-го іюля 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Высочайшій Манифестъ.—Кончина Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича. — Е. И. В. Государь Наслѣдникъ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. СТАТИСТИКА И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННАГО ОБЩЕСТВА. Прив.-доц. **I. Гольдштейна** 1
2. ВЪ СФЕРѢ НЕРѢШЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ БІОЛОГІИ. (Жизнедѣятельность клѣтки). (Окончаніе). **В. Лункевича** . . 21
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. ТИШИНА. (Изъ Маріи Конопницкой). **Тана** 39
4. ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ. (Очерки и наблюденія). (Продолженіе). **Н. Манасеиной** 41
5 ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. (Продолженіе). Проф. **Р. Виппера**. 67
6. ПОЭЗІЯ И ПРАВДА МІРОВОЙ ЛЮБВИ. (Окончаніе). **Ив. Иванова** 102
7. ОСВОБОДИЛАСЬ. Повѣсть. **А. Вербицкой** 157
8. АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ. (Продолженіе). **Л. Крживицкаго** . . 202
9 СТИХОТВОРЕНІЕ. CONTRA SPEM SPERO. (Изъ Маріи Конопницкой). **В. Б.** 216
10 СТУДЕНТКА. Романъ **Грэхэмъ Трэверса**. Переводъ съ англійскаго **З. Журавской**. (Окончаніе) 218
11. РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). **К. Станюковича** . . 257
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВОСКРЕСЕНІЕ. **А. Өедорова** 288

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Два поколѣнія» г. Головина.- Маленькій литературный формуляръ г. Головина-Орловскаго.— Его ультра-дворянскія тенденціи прежде и теперь. — «Оскудѣніе», «Потревоженныя тѣни», С. Терпигорева (Атавы).— Широкая картина гибели цѣлаго класса, нарисованная Терпигоревымъ.—Можно ли жалѣть о его культурѣ.—Отвѣтъ «Потревоженныхъ тѣней» на этотъ вопросъ.—Изъ замѣтокъ о голодѣ 1892 г. Л. Л. Толстого. **А. Б.** 1

стр.

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ**. Въ мѣстахъ недорода и цынги.—На голодѣ.—8-ми часовой рабочій день.—Безпорядки и забастовка рабочихъ въ Ригѣ.—Переселеніе духоборовъ въ Якутскую область и Канаду.—Отголоски пушкинскихъ празднествъ.—Послѣсловіе Пушкинскимъ празднествамъ въ Перми—Закрытіе Московскаго Юридическаго Общества. 15

15. **За границей**. Промышленная война въ Даніи.—Событія итальянской общественной жизни. — Освобожденный плѣнникъ. — Индусскій журналистъ Бейрамъ Малабари. — Столѣтіе королевскаго института въ Лондонѣ. 31

16. **Изъ иностранныхъ журналовъ**. «Revue des deux Mondes». — «Century Magazine».—«The Idler». 38

17. НА ЖЕНСКОМЪ МЕЖДУНАРОДНОМЪ КОНГРЕССѢ. (Письмо изъ Лондона). **Л. Давыдовой** 42

18. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. **Ботаника**. Органы растеній, служащіе для выдѣленія воды въ жидкомъ видѣ.—**Гигіена**. Достоинство альбумозы и мясныхъ экстрактовъ, какъ пищевыхъ средствъ.—**Минералогія**. Естественная окраска минераловъ.—**Зоологія**. О самостоятельныхъ движеніяхъ псевдоподій у корненожекъ. **Д. Н.**—Астрономическія извѣстія. **К. Покровскаго**. 61

19. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Публицистика.—Исторія искусства.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 76

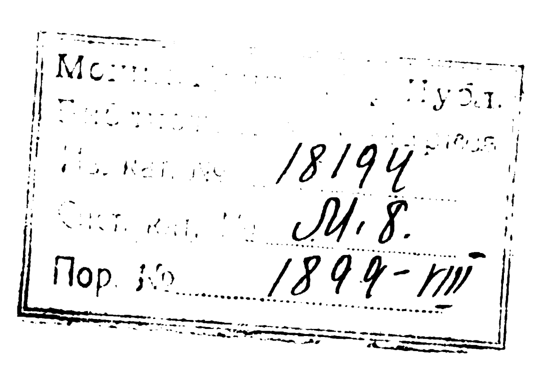
20. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Культурные и соціальные вопросы нашего времени при свѣтѣ германской исторіи. **Ив. Иванова** 104

21. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 134

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

22. ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. **Эдмонда де-Амичиса**. Переводъ съ итальянскаго **Ел. Колтоновской**. (Продолженіе). 33

23. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ**, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго** и **Д. Н. Нелюбова**. Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе). 215

Статистика и ея значеніе для современнаго общества *).

Говоря о статистикѣ, мы подразумѣваемъ въ настоящее время главнымъ образомъ 2 понятія. Въ 1) методъ систематическихъ числовыхъ наблюденій надъ массами; этотъ методъ проникъ уже, какъ извѣстно, въ большинство наукъ, и далъ почти повсюду блестящіе результаты. Во 2) подъ статистикой понимаютъ особую науку, пользующуюся вышеупомянутымъ методомъ для изслѣдованія явленій общественной жизни, для выясненія замѣчающейся при этомъ регулярности и закономѣрности явленій и установленія ихъ причинъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ для нашей науки, какъ и для всѣхъ другихъ наукъ, является вопросъ объ ея зачаткахъ и дальнѣйшемъ развитіи.

Особенно ревностные приверженцы старались доказать, что статистика столь же давняго происхожденія, какъ утро народовъ и государствъ. «Est scientia perantiqua ante magnam annorum seriem cogitata», отвѣтилъ Goes туринской академіи, предложившей въ 1803 г., въ видѣ темы для полученія преміи, вопросъ, новая ли наука статистика? **).

При этомъ важно, конечно, прежде всего точно установить, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ наука. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что насколько хватаютъ наши историческія свѣдѣнія почти повсюду можно отыскать факты, доказывающіе, что статистическія свѣдѣнія добывались почти во всѣ времена. Не менѣе достовѣренъ и тотъ фактъ, что статистическія наблюденія служили подчасъ государственнымъ людямъ древнихъ временъ *основой* для ихъ законодательныхъ актовъ. Такіе отрывочные факты, какъ ихъ повсюду можно встрѣтить, не даютъ однако ни въ коемъ случаѣ достаточнаго основанія

---

*) Статья эта представляетъ извлеченіе изъ вступительной лекціи, читанной 22-го октября 1898 года. Характеръ публики, состоявшей изъ слушателей всѣхъ факультетовъ, требовалъ, чтобы все, что не является общепризнаннымъ достояніемъ статистической науки, было оставлено, по возможности, въ сторонѣ. Сообразно съ этимъ читатель найдетъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ многочисленныя цитаты и указанія на труды извѣстныхъ статистиковъ, тогда какъ собственные взгляды и личныя пожеланія автора поставлены на задній планъ.

**) Ср. J. Wörl, «Erläuterungen zur Theorie der Statistik», S. 32.

для того, чтобы считать какую-либо отрасль знанія *древней наукой*. Это станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что подъ наукой понимается обыкновенно цѣлая система познаній и основательное изученіе причинной связи между многочисленными явленіями въ извѣстной области, а не кое-какъ и безпринципно-скомпилированные аггрегаты не систематизированныхъ наблюденій *).

Вышеприведенное служитъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы рѣшить нашъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что статистика никоимъ образомъ не можетъ быть названа древней наукой. Я не могу остановиться здѣсь подробно на интересныхъ десятки лѣтъ длившихся спорахъ о томъ, заслуживаетъ-ли современная статистика вообще названія самостоятельной науки и о томъ, какое мѣсто должно быть ей въ этомъ случаѣ отведено въ ряду другихъ наукъ.

Весьма интереснымъ является въ этомъ отношеніи мнѣніе, высказанное «Британскій ассоціаціей» въ 1833 г. въ Кембриджѣ. Ассоціація эта рѣшила признать статистику наукой подъ условіемъ, чтобы въ ея трудахъ впредь избѣгались всякія гипотетическія спекуляціи и все то, что не носитъ вполнѣ позитивнаго характера **).

Мы отмѣтили уже, что подъ статистикой въ настоящее время понимаютъ науку, пользующуюся методомъ систематическихъ числовыхъ наблюденій для изслѣдованія явленій общественной жизни, для выясненія замѣчающейся при этомъ регулярности (Regelmässigkeit) и закономѣрности (Gesetzmässigkeit) явленій и установленія ея причинъ. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній я позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ о значеніи понятій *регулярность* и *закономѣрность*.

Различіе между этими двумя понятіями легче всего постичь при противопоставленія понятію «регулярность» такъ часто употребляемаго въ естественныхъ наукахъ термина гипотеза, понятію «закономѣрность» термина—теорія. Различіе заключается, слѣдовательно, въ томъ, что установленіе закономѣрности явленій представляетъ собой болѣе высокую ступень теоретическаго познанія, нежели установленіе регулярностей.

Въ нашемъ изложеніи мы будемъ не разъ имѣть случай наблюдать, какъ различныя поступки отдѣльныхъ личностей, которые, какъ казалось, совершались вполнѣ произвольно, въ дѣйствительности были вызваны извѣстными внѣшними обстоятельствами. Мы увидимъ, напр., что на 1000 особъ того же возраста въ одной и той же странѣ—поскольку не произошло существенныхъ перемѣнъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ—ежегодно приходится почти одно и тоже число смертныхъ случаевъ. Мы увидимъ далѣе, что въ спокойныя въ экономическомъ и политическомъ отношеніи эпохи на 1000 способныхъ къ дѣторожденію

*) Тамъ же стр. 32 и слѣд.

**) Сравн. E. Morpurgo, «Die Statistik und die Sozialwissenschaften», Jena 1877 стр. 27 и слѣд.

женщинъ извѣстной націи ежегодно приходится приблизительно одно и тоже число рожденій. Далѣе, что на 1000 рожденій—поскольку не случатся необыкновенныя событія, ежегодно приходится приблизительно тотъ же процентъ мертворожденныхъ, и что въ извѣстной странѣ почти изъ году въ годъ извѣстные мѣсяцы или времена года отличаются наибольшей смертностью дѣтей, что кривыя, изображающія собой смертность отъ различныхъ болѣзней въ извѣстные мѣсяцы разныхъ годовъ пробѣгаютъ приблизительно одинъ и тотъ-же путь и т. д. безъ конца.

Намъ станетъ послѣ этого яснымъ, что если и кажется, будто каждый изъ насъ воленъ лишить себя жизни, совершить или не совершить кражу, жениться, имѣть дѣтей и т. д., то для всего человѣчества или для отдѣльныхъ классовъ его существуетъ, въ силу воздѣйствія внѣшнихъ, часто даже не сознаваемыхъ нами моментовъ, извѣстное принужденіе къ совершенію тѣхъ или другихъ поступковъ, слѣдствіемъ чего и являются вышеупомянутыя нами регулярности и закономѣрности.

Въ исторіи статистики можно отмѣтить даже періоды, въ которые представители ея склонны были объяснять правильность и закономѣрность общественной жизни либо выраженіемъ божественной воли, либо особыми законами природы. Извѣстнѣйшимъ представителемъ перваго воззрѣнія былъ прусскій полковой священникъ Johann Peter Süssmilch, издавшій въ 1741 г. трудъ подъ заглавіемъ «Божественный порядокъ въ измѣненіяхъ человѣческаго рода, доказанный при помощи рождаемости, смертности и т. д.»

Согласно господствующему въ настоящее время мнѣнію, произведеніе это слѣдуетъ считать однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи развитія статистики, въ современномъ смыслѣ этого слова *). Какъ особую заслугу Süssmilch'а слѣдуетъ отмѣтить его постоянное стремленіе ссылаться, при установленіи закономѣрности явленій, на многочисленныя лично имъ для разныхъ мѣстностей собранныя данныя о рожденіяхъ, смертныхъ случаяхъ и бракахъ. Зная, какимъ убѣжденнымъ теологомъ былъ Süssmilch, мы едва ли станемъ удивляться названію «Божественный порядокъ», данному имъ этой закономѣрности явленій.

Извѣстнѣйшимъ представителемъ второго направленія, согласно которому жизнь народовъ подчинена вліянію извѣстныхъ природныхъ законовъ, былъ почти на 100 лѣтъ позже жившій бельгіецъ Quetelet, труды котораго привлекали къ себѣ долгое время не только вниманіе ученаго міра, но и вниманіе широкихъ слоевъ читающей публики.

Человѣческое общество должно, по его мнѣнію и по мнѣнію нѣко-

---

*) Сравни Georg Mayr, «Die Gesezmässigkeit in Gesellschaftsleben», München 1877, стр. 221.

торыхъ его учениковъ, предъявлять ежегодно опредѣленный бюджетъ преступленій, проступковъ, самоубійствъ, бракосочетаній и т. д., и т. д. Представители этого направленія склонны, какъ это, между прочимъ, удачно выражено Майр'омъ, разсматривать совокупность статистически наблюдаемыхъ индивидуальныхъ поступковъ, какъ сборъ единичныхъ взносовъ для составленія какъ бы заранѣе опредѣленнаго бюджета.

За недостаткомъ мѣста мы не можемъ останавливаться здѣсь дольше на вопросѣ о свободѣ или несвободѣ человѣческой воли, тѣмъ болѣе что вопросъ этотъ можно скорѣе причислить къ области философіи, чѣмъ статистики. Достаточно констатировать, что точка зрѣнія, защищаемая Кетле въ его произведеніи «Antropometrie, ou mésure des différentes facultés de l'homme», согласно которой въ законахъ, управляющихъ міромъ, все такъ разумно установлено, что человѣкъ, повинуясь имъ, полагаетъ, будто имъ руководитъ въ его поступкахъ исключительно его личная воля,—что эта точка зрѣнія въ послѣднее время рѣдко кѣмъ-либо защищается. Громадное большинство статистиковъ придерживается въ настоящее время мнѣнія, что человѣкъ обладаетъ лишь очень ограниченной свободой воли.

Эта точка зрѣнія мѣтко характеризуется извѣстнымъ итальянскимъ статистикомъ Бодіо при помощи слѣдующаго примѣра: «Личность свободна,—говоритъ Бодіо,—и можетъ поступать такъ или иначе, но и общество имѣетъ свои законы самосохраненія и развитія... Личность—сама себѣ господинъ, но и человѣчество идетъ своей дорогой. Въ виду этого послѣдняго факта индивидуумъ находится въ такомъ же положеніи, какъ путешественникъ, которому позволено бродить по палубѣ парохода, но строго запрещено безпокоить какимъ бы то ни было образомъ команду» *).

Для обоснованія вышеприведеннаго конкретнымъ примѣромъ, достаточно упомянуть здѣсь о бракосочетаніяхъ, при заключеніи которыхъ индивидуумъ, повидимому, дѣйствуетъ совершенно по своей волѣ. Прежде всего, какъ извѣстно, почти во всѣхъ государствахъ личности, желающей вступить въ бракъ предписывается извѣстный возрастъ, до достиженія котораго бракосочетаніе ей не разрѣшается. Обладаетъ наблюдаемая нами личность надлежащимъ возрастомъ, тогда ей представляется возможность, по скольку дѣло идетъ о мужчинѣ, который въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, несравненно свободнѣе женщины, осмотрѣться между бракоспособными и желающими вступить въ бракъ дѣвицами, вдовами и разведенными женщинами. Онъ ограниченъ, такимъ образомъ, вдвойнѣ въ своихъ дѣйствіяхъ. Во-первыхъ, волей женщины, которая ему нравится, и во-вторыхъ тѣмъ—фактомъ, что, даже въ случаѣ обоюднаго согласія, женитьба на особѣ, находящейся уже замужемъ, сопряжена, какъ извѣстно, съ большими за-

*) Ср. Morpurgo, Die Statistik und die Socialwissenschaften, стр. 65.

трудненіями. Если, слѣдовательно, выборъ уже самъ по себѣ вещь не легкая, то вступленіе въ бракъ и того труднѣе. Желающій вступить въ бракъ начинаетъ обыкновенно обсуждать свое положеніе, т. е., съ одной стороны, свое отношеніе къ роднымъ въ частности и къ родственникамъ вообще, съ другой стороны, величину и, что еще важнѣе, обезпеченность своихъ доходовъ и, наконецъ, свои физическія и умственныя качества и наклонности. Чѣмъ больше онъ поддается вліянію результатовъ своихъ размышленій и чѣмъ больше практическіе, этическіе, соціально-политическіе и другіе принципы вліяютъ на него, тѣмъ болѣе ему придется ограничиться небольшимъ кругомъ женщинъ. Подчасъ, пожалуй, ему придется и совсѣмъ отказаться отъ мысли вступить въ бракъ *).

Мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться здѣсь на понятіи «законъ», такъ какъ этому выраженію въ естественныхъ наукахъ придается отчасти совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ въ статистикѣ и родственныхъ ей соціальныхъ наукахъ. Главное вспомогательное средство естественныхъ наукъ—экспериментъ—можетъ примѣняться въ соціальныхъ наукахъ и въ статистикѣ лишь въ весьма ограниченной мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ въ формѣ дифференціаціи.

Въ то время какъ физикъ при установленіи моментовъ, вліяющихъ на паденіе тѣлъ, имѣетъ возможность выкачать изъ наблюдаемаго сосуда воздухъ, чтобы уменьшить такимъ путемъ сопротивленіе, никакой статистикъ не въ состояніи, понятно, при изслѣдованіи вліянія повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ на преступность, устранить вліянія остальныхъ содѣйствующихъ факторовъ. Онъ не можетъ, напр., устранить послѣдствія имѣвшей мѣсто войны, превратить неурожай въ средній урожай, устранить какія-нибудь эпидеміи и т. д., и т. д. Общественная жизнь является настолько сложнымъ явленіемъ, что здѣсь никогда нельзя предсказать заранѣе, идетъ ли дѣло объ одномъ, двухъ или многихъ воздѣйствующихъ факторахъ. Мы видимъ здѣсь, наоборотъ, часто цѣлыя дюжины перекрещивающихся вліяній, изъ которыхъ многія отличаются кромѣ того непостоянствомъ, не будучи въ состояніи даже оцѣнить вліянія большинства изъ нихъ.

Мыслимо ли было бы, напр., изслѣдовать исключительно статистическимъ путемъ вліяніе образованія, воспитанія, умственныхъ способностей, моральныхъ воззрѣній и т. п. на производительность труда у различныхъ народовъ? Мы, вѣдь, не въ состояніи задавать при народныхъ переписяхъ населенію вопросы вродѣ слѣдующихъ: прилежны ли вы, воздержны ли, умны ли, и, если да, въ какой степени? Столь же малый успѣхъ имѣли бы наши освѣдомленія, если бъ мы пожелали опросить населеніе какой нибудь страны о томъ, порядоченъ ли образъ его жизни, много ли совершено имъ наказанныхъ и оставшихся безна-

*) Сравни «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», VI томъ, стр. 296.

казанными преступленій и проступковъ, нравственно ли оно и т. д. Нельзя, конечно, оспаривать того, что отдѣльныя личности и еще болѣе различныя національности чрезвычайно отличаются другъ отъ друга своими наклонностями и нравами, степенью прилежанія и воздержанности, своими нравственными возрѣніями, образомъ жизни и т. д., и т. д. Намъ не хватаетъ однако простыхъ, легко познаваемыхъ примѣтъ, при помощи которыхъ было бы возможно точное установленіе этихъ качествъ исключительно статистическимъ путемъ *). Статистикъ не въ состояніи, въ виду всего этого, въ противоположность естествоиспытателю, ни выключить побочно воздѣйствующіе моменты, ни оцѣнить ихъ вліяніе иногда даже приблизительно; потому что при безконечности и многосторонности общественной жизни, при постоянно мѣняющемся отношеніи отдѣльной личности къ цѣлому, какъ справедливо говоритъ Engel, мы не имѣемъ почти никакихъ средствъ для произвольнаго измѣненія обстоятельствъ, для искусственнаго воспроизведенія извѣстныхъ явленій, для наблюденія ихъ при взаимномъ вліяніи или въ изолированномъ видѣ отъ другихъ, хорошо намъ знакомыхъ явленій, и, наконецъ, для того, чтобы заставить эти явленія повториться. Въ жизни общества каждое новое явленіе не есть повтореніе чего бы то ни было стараго. Находясь подъ вліяніемъ дюжинъ извѣстныхъ и не извѣстныхъ вліяній, оно является сегодня въ одномъ, завтра въ иномъ освѣщеніи **).

Законовъ въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ въ естественныхъ наукахъ, т. е. законовъ, являющихся выраженіемъ постоянныхъ, во всѣхъ единичныхъ случаяхъ проявляющихся воздѣйствій извѣстныхъ силъ, въ статистикѣ не имѣется, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда соціальныя явленія скрываютъ въ себѣ сильные, чисто природные элементы (какъ, напр., при перевѣсѣ мальчиковъ среди новорожденныхъ!!). То же, что обыкновенно называется статистическимъ закономъ, есть не что иное, какъ законъ вѣроятности (Wahrscheinlichkeitsgesetz), какъ высшая форма закономѣрности явленій.

Весьма характеристичнымъ слѣдуетъ въ виду этого считать то обстоятельство, что желаніе примѣнить статистическій методъ въ случаяхъ, гдѣ онъ совершенно непримѣнимъ, вмѣстѣ съ стремленіемъ выразить результатъ наблюденій при помощи чиселъ и, при случаѣ провозгласить эти результаты закономѣрностью, а то и закономъ, повредило статистикѣ, быть можетъ, больше, чѣмъ какое-нибудь другое обстоятельство. Какъ далеко многіе заходили въ злоупотребленіи статистикой, можно косвеннымъ образомъ заключить изъ того, что долгое время сочинители комедій, желая представить публикѣ смѣшную и

---

*) Ср. Georg Mayr. «Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben», стр. 19.

**) Ср. D-r E. Engel, «Die Volkszählungen ihre Stellung zur Wissenschats» etc· «Zeitschrift der preussischen Statistischen Bureaus 1862, стр. 26.

жалкую личность, не находили для таковой болѣе подходящаго занятія, какъ занятіе статистикой. Многочисленныя доказательства вышесказаннаго приводитъ, между прочимъ, Alfred de Foville въ своемъ небольшомъ трудѣ: «Statistique et ses ennemis». Онъ разсказываетъ здѣсь, напр., что Labiche въ своемъ водевилѣ «Les vivacités du capitaine Tie» противопоставилъ своему герою-офицеру комическую фигуру нѣкоего Célestin Magis, секретаря статистическаго общества въ Vierzon'ѣ, который похваляется тѣмъ, что между прочими великими подвигами ему удалось подсчитать число вдовъ, проходившихъ въ 1860 г., по одному изъ парижскихъ мостовъ—по Pont-Neuf. Число этихъ вдовъ равнялось по его вычисленіемъ 13.498. Сверхъ того имѣлась еще одна персона, о семейномъ положеніи которой знаменитый статистикъ остался въ сомнѣніи. Въ другой комедіи мы встрѣчаемъ достойнаго коллегу Celestin Magis'а, знаменитаго Ponthérisson'а, который долгое время работалъ надъ разрѣшеніемъ вопроса, сколько женатыхъ личностей приходится въ его департаментѣ на квадратную милю? Его вычисленія показали, что на кв. милю приходилось $16^1/_2$ женатыхъ мужчинъ и $17^3/_4$ замужнихъ женщинъ. Пользуясь этими данными, Ponthérisson позволяетъ себѣ сдѣлать въ высшей степени важный выводъ, что для установленія равновѣсія на каждой кв. милѣ $1^1/_2$ мужчины должны пожениться на $2^3/_4$ женщинъ.

Въ еще болѣе забавномъ видѣ рисуетъ статистика Louis Reybaud въ своей комедіи «Jérome Paturot». Его статистикъ, членъ «Institut de France» хочетъ посвятить въ тайны своей профессіи простодушнаго филистера.

«Во всей Франціи,—объясняетъ онъ ему,—нѣтъ человѣка, который могъ бы привести въ движеніе мизинецъ своей руки, безъ того, чтобы это стало намъ извѣстнымъ. Намъ извѣстно число свѣжихъ яицъ, поѣдаемыхъ каждое утро. Мало того, мы можемъ даже подсчитать сколько находится птицъ въ воздухѣ и рыбъ въ водѣ. Въ мірѣ нѣтъ вообще ничего, что могло бы укрыться отъ нашего взгляда». Простякъ-собесѣдникъ, котораго нашъ ученый желалъ привлечь на лоно статистики, пугается понятно и объявляетъ себя неспособнымъ къ такому напряженію своихъ умственныхъ силъ. Статистикъ не унываетъ, однако, и старается успокоить трусливаго филистера слѣдующими разсужденіями: «Это сущіе пустяки, любезный коллега! Вы привыкнете къ этому со временемъ. Необходимо, собственно говоря, только немного самоувѣренности! Вы говорите, напр., въ Испаніи собираются 3.500.300.000 съ половиной сноповъ... Обратите вниманіе на эту *половину*: она необходима, такъ какъ служитъ пробнымъ камнемъ всякаго точнаго вычисленія. Эта половина снопа завоюетъ тотчасъ же сердца публики. Обратите вниманіе, скажутъ, на эту точность! Эти люди высчитываютъ вѣдь все до мельчайшихъ дробей. Вашу цифру станутъ съ этого момента считать равной изреченію изъ евангелія. Этой половиной снопа вы пріобрѣтете больше довѣрія, чѣмъ 3 милліардами».

Несмотря на всѣ преувеличенія, во всѣхъ этихъ разсказахъ кроется много правды, такъ какъ, за исключеніемъ исторіи, наврядъ ли найдется еще другая отрасль науки, въ области которой можно было бы встрѣтить столько грубаго шарлатанства, какъ это было, да и теперь еще случается, въ статистикѣ. Можно поэтому искренне посмѣяться надъ остроумной шуткой Тьера, сказанной имъ статистику, надъ которымъ онъ хотѣлъ подтрунить: «Statistique,—сказалъ онъ ему,—est l'art de prèciser ce qu'on ignore».

Здѣсь не мѣсто характеризовать, хотя бы и самымъ поверхностнымъ образомъ, чрезвычайно многочисленные случаи злоупотребленія статистическими цифрами. Не менѣе невозможнымъ является, изъ-за недостатка мѣста, подробное изложеніе методовъ статистическихъ изслѣдованій. Все, что мы можемъ здѣсь дать, это краткая характеристика главныхъ и наиболѣе часто встрѣчающихся методологическихъ ошибокъ. Ошибки эти являются, во-первыхъ, результатомъ того, что большинство работающихъ въ области статистики лицъ, забываютъ, что общественная жизнь въ высшей степени сложна, такъ что только въ очень рѣдкихъ случаяхъ отдѣльныя явленія могутъ быть вполнѣ точно охарактеризованы.

Для статистики вытекаетъ отсюда обязанность при установленіи выводовъ обращать меньше вниманія на самыя числа, нежели на ихъ достовѣрность и пригодность. Если достаточная достовѣрность чиселъ доказана, тогда статистику предстоитъ выполненіе второй не менѣе сложной обязанности, а именно изслѣдовать, достаточно ли велика область наблюденій, потому что въ противоположность остальнымъ наукамъ, занимающимся большей частью изслѣдованіемъ индивидуумовъ и единичныхъ явленій, статистика занимается наблюденіями надъ массами и массовыми явленіями.

Мы достигли такимъ образомъ такъ называемаго закона большихъ чиселъ, о которомъ говорилъ уже съ рѣдкимъ пониманіемъ дѣла Iohann Peter Süssmilch. «Особое свойство этой закономѣрности,—писалъ Süssmilch больше 150 лѣтъ т. н.,—заключается въ томъ, что она остается скрытой при маломъ числѣ наблюденій и проявляется не иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда собрано много свѣдѣній изъ многихъ мѣстъ и за многіе годы. Это и есть причина, изъ-за которой закономѣрность эта оставалась неизвѣстной ученымъ древности».

Воздѣйствіе, оказанное постепеннымъ укорененіемъ этого воззрѣнія, было въ высшей степени благотворно для дальнѣйшаго развитія статистики, такъ какъ вычисленіе среднихъ, имѣющее, впрочемъ, какъ и все въ мірѣ, и свои темныя стороны, и произведенныя при ихъ помощи обширныя сравнительныя изслѣдованія дали возможность совершенно или отчасти устранить безчисленныя пространственныя и временныя различія и такимъ образомъ ярче выдѣлить главныя явленія.

Третья крупная ошибка, совершаемая большинствомъ лицъ, работающихъ въ области статистики, объясняется, наконецъ, тѣмъ, что ими обращается, къ сожалѣнію, слишкомъ мало вниманія на то обстоятельство, что въ статистикѣ, въ большинствѣ случаевъ, слѣдуетъ придавать гораздо меньше значенія абсолютной величинѣ чиселъ, чѣмъ ихъ колебаніямъ, т. е. направленію развитія, характеризуемому числами. Незнакомство большинства лицъ, пользующихся въ своихъ трудахъ статистическимъ методомъ, съ этими тремя моментами является, главнымъ образомъ, причиной плохой репутаціи, которой статистика пользуется среди публики, потому что только благодаря этому статистикѣ осмѣливаются приписывать качество, будто съ ея помощью можетъ быть доказано все, что угодно.

Утверждая это, противники статистики опираются главнымъ образомъ на невозможность точнаго контроля надъ собранными данными. Многое,—говорятъ они.—совершенно скрывается отъ взоровъ органовъ, которымъ порученъ сборъ статистическаго матеріала. Собранныя такимъ образомъ статистическія данныя зависятъ въ слишкомъ большой степени отъ доброй воли, добросовѣстности и статистическаго смысла населенія, все свойства, встрѣчающіяся очень рѣдко. Никакой статистикъ не станетъ, понятно, отрицать, что возраженія эти, до извѣстной степени, вполнѣ справедливы. Но и только! Потому что въ большинствѣ случаевъ статистика даетъ много болѣе или менѣе точныхъ способовъ для провѣрки собранныхъ данныхъ.

Мы знаемъ, напр., что при нормальныхъ условіяхъ, вслѣдствіе постепеннаго вымиранія, каждая высшая возрастная группа должна быть замѣщена въ населеніи слабѣе, чѣмъ ей предшествующая. Большинство переписей, предпринятыхъ въ различныя времена у различныхъ народовъ, показало въ дѣйствительности, что—поскольку войны, значительная эмиграція или иммиграція, эпидеміи и другія подобныя событія не причиняли какихъ нибудь пертурбацій—явленіе это проявлялось среди мужского пола почти повсюду болѣе или менѣе ясно. Иначе обстояло дѣло у женскаго пола. Хотя войны, эмиграція и т. д. вліяютъ въ общемъ гораздо слабѣе на женскій полъ, чѣмъ на мужской, здѣсь все-таки нерѣдко наблюдалось, что извѣстные округленные годы напр., 25 — 30 и 35-лѣтній возрастъ и т. д., показываютъ гораздо большія числа, чѣмъ предшествующія возрастныя группы. Такъ какъ въ этихъ группахъ лишь немногія женщины испытываютъ желаніе повысить свой возрастъ, то явленіе это, при печальныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ въ настоящее время заключаются многіе браки, можно объяснить только весьма обоснованнымъ желаніемъ многихъ женщинъ и дѣвицъ по возможности скрыть свой возрастъ. Какъ бы обосновано ни было, однако, это желаніе съ точки зрѣнія отдѣльныхъ личностей, предшествующія разсужденія показываютъ намъ съ достаточной ясностью, что статистика даже въ такихъ деликатныхъ вопро-

сахъ, какъ возрастъ прекраснаго пола, ни въ коемъ случаѣ не остается безоружной противъ злоупотребленій.

Еще интереснѣе примѣръ, приводимый выше цитированнымъ уже французскимъ статистикомъ Alfred de Fovill'емъ. Французское правительство,—разсказываетъ онъ,—предприняло въ 1878 г. спеціальное изслѣдованіе о монетномъ обращеніи во Франціи. Задача, преслѣдовавшаяся при этомъ правительствомъ, заключалась въ классификаціи 20-ти, 10-ти и 5-ти франковыхъ монетъ, сообразно съ временемъ ихъ чеканки и ихъ національностью. Для каждой изъ 20.000 общественныхъ кассъ Франціи, которыхъ въ данномъ случаѣ дѣло касалось, работа, предписанная министерствомъ финансовъ, ни въ коемъ случаѣ небыла обременительной. И дѣйствительно, громадное большинство счетчиковъ выполнило свою работу очень добросовѣстно. Нѣкоторые чиновники позволили себѣ однако подшутить надъ министерствомъ и заполнили графы переданныхъ имъ листовъ, не потрудившись прежде подсчитать находившіяся въ ихъ кассахъ монеты. Они радовались, что имъ удалось одурачить администрацію, и исподтишка посмѣивались по поводу удавшагося обмана. Шутники позабыли, къ несчастью, что чеканка извѣстныхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ пріостанавливалась часто во Франціи на цѣлые годы. Такъ напр., тамъ не существуетъ 20-ти франковыхъ монетъ чеканки 1872 г., ни 10-ти франк. 1853 г., ни 5-ти франк. 1861 года. Шутники внесли однако въ свои листы то тотъ, то другой изъ несуществующихъ для данной монеты годовъ. Благодаря этому обстоятельству виновники были, конечно, легко обнаружены и понесли заслуженное наказаніе.

Эти примѣры служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, какъ несправедливъ упрекъ о безконтрольности добытыхъ при помощи статистическихъ изслѣдованій данныхъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что при употребленіи правильныхъ методовъ статистика даетъ заслуживающія полнѣйшаго довѣрія и даже незамѣнимыя вспомогательныя средства для изслѣдованія закономѣрностей въ общественной жизни. Прежде чѣмъ перейти къ этому, здѣсь необходимо дать однако краткій историческій обзоръ развитія статистики, чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ статистика достигла нынѣшняго, нерѣдко первоклассного значенія въ области экономической и соціальной жизни.

Пока люди жили небольшими, другъ отъ друга независимыми ордами или, какъ это утверждаютъ многіе экономисты и историки, большими семейными союзами, до тѣхъ поръ не представлялось особенныхъ трудностей при запоминаніи числа людей, лошадей, коровъ, овецъ, рабовъ и т. д., принадлежавшихъ ордѣ или семейному союзу.

Инымъ оказалось положеніе дѣлъ съ развитіемъ болѣе крупныхъ государственныхъ организмовъ. Уже вслѣдствіе плохихъ средствъ сообщенія того времени, для лицъ, стоявшихъ во главѣ такого государства не представлялось никакой возможности знать лично всѣхъ граж-

данъ. Еще менѣе были они въ состояніи ознакомиться, при помощи личныхъ наблюденій, съ имущественнымъ и инымъ положеніемъ всѣхъ гражданъ и установить, сколько способныхъ къ военной службѣ мужчинъ, сколько лошадей, денегъ, продовольственныхъ средствъ и т. д. можетъ любая провинція въ военное и въ мирное время доставить для удовлетворенія потребностей государственнаго бюджета.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что развитіе крупныхъ государственныхъ организмовъ необходимо должно было повлечь за собой предпринятіе народныхъ переписей, имущественныхъ цензовъ и т. д. Мы видимъ, дѣйствительно, что въ большинствѣ болѣе крупныхъ государствъ древняго міра уже много тысячъ лѣтъ тому назадъ предпринимались то единовременно, то періодически переписи и другія изысканія подобнаго рода. Такъ напр., Ликургу, по сохранившимся преданіямъ, служили основаніемъ для его законодательства статистическія изысканія о числѣ гражданъ въ Спартѣ. То же самое можно констатировать относительно преданій о законодательствѣ Солона, Сервія Туллія и др. болѣе или менѣе мифическихъ законодателяхъ древности.

О періодическихъ статистическихъ наблюденіяхъ въ древнія времена повѣтствуютъ намъ далѣе сохранившіяся преданія объ организаціи римскихъ цензовъ, т. е. народныхъ переписей соединявшихся съ изысканіями объ имущественномъ положеніи населенія. Не менѣе оригинально было и другое римское учрежденіе, соотвѣтствующее западноевпропейскимъ цивильнымъ регистратурамъ. Сохранившіяся преданія приписываютъ основаніе этого учрежденія Сервію Туллію, который, какъ говоритъ преданіе, издалъ законъ, въ силу котораго каждое рожденіе и каждый смертный случай должны были быть заявлены. Первое происходило при помощи вложенія монеты въ особую урну въ храмѣ богини Iuno Lucina, къ которой обращались съ молитвой объ облегченіи женщины во время родовъ. Въ случаѣ чьей-либо смерти закономъ предписывалось вложеніе монеты въ предназначенную для этого урну въ храмѣ Либирины, супруги Оркуса, богини, къ которой взывали о мирной смерти и медленномъ изсяканіи жизни. Наконецъ, при вступленіи каждаго юноши въ возрастъ возмужалости, требовался вкладъ монеты въ урну, стоявшую въ святилищѣ храма Iuventus—богини юности. Такимъ остроумнымъ образомъ римляне уже 25 столѣтій тому назадъ умудрились замѣнить церковныя книги и цивильные регистры *).

Мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибы пожелали дать здѣсь характеристику развитія статистики со времени паденія Римской имперіи до новѣйшаго времени. Это, впрочемъ, тѣмъ менѣе необходимо,

*) Vgl. «Die Volkszählungen etc». «Zeitschrift des Preuss. Stat. Bureaus» 1862 стр. 28,

что статистика, вслѣдствіе особенныхъ условій экономической и соціальной жизни среднихъ вѣковъ, играла тогда гораздо менѣе значительную роль, чѣмъ во время процвѣтанія Римской имперіи. Объясненіе этого явленія не представляетъ никакихъ трудностей.

Мѣсто сильно централизованнаго Римскаго государства, заняли въ средніе вѣка, какъ извѣстно, основанныя на феодальномъ правѣ, и потому децентрализованныя государства. Каждый крупный феодалъ былъ сравнительно независимъ даже относительно болѣе важныхъ государственныхъ дѣлъ. Еще болѣе это сказывалось въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось его внутреннихъ, особенно хозяйственныхъ обстоятельствъ. Такъ какъ при этомъ область, находившаяся подъ властью большинства феодаловъ, была сравнительно не велика, то имъ не приходилось преодолѣвать большихъ трудностей при опредѣленіи источниковъ своихъ доходовъ и распредѣленіи расходовъ, въ виду чего они и не испытывали особенно настоятельной потребности въ статистическихъ изысканіяхъ.

Предпринятію крупныхъ статистическихъ изслѣдованій столь же мало благопріятствовало затѣмъ господствовавшее въ средніе вѣка кулачное право и находящееся въ связи съ нимъ сильно распространенное взаимное недовѣріе, слабое развитіе мѣстныхъ и международныхъ торговыхъ сношеній и т. д., и т. д. Словомъ, преобладаніе децентрализаціи въ управленіи въ связи съ удовлетвореніемъ почти всѣхъ потребностей въ предѣлахъ собственнаго хозяйства, эти оба наиболѣе характерные признаки средневѣковой жизни, со всѣми ихъ послѣдствіями, лишь изрѣдка вызывали потребность въ крупныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ *).

Вышеупомянутые факты дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ, почему потребность въ болѣе или менѣе регулярныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ народилась прежде всего въ Италіи и въ особенности въ Венеціи. Достигнувъ при помощи торговли крупнаго богатства и высокой степени культуры Венеціанская республика ввела довольно рано порядокъ въ свою систему управленія. Тамъ, поэтому, испытывалась уже тогда настоятельная потребность въ пріобрѣтеніи свѣдѣній какъ о положеніи и силахъ собственной страны, такъ и о соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ въ другихъ государствахъ. Уже въ XII столѣтіи тамъ было, поэтому, предпринято составленіе особыхъ отчетовъ, такъ называемыхъ Atti della Republica. Нѣсколько позже (въ XIII столѣтіи), дипломатическимъ агентамъ республики было предписано составленіе особыхъ отчетовъ о политическихъ и экономическихъ силахъ государствъ, въ которыхъ они были аккредитированы; еще позднѣе, выпускъ такихъ отчетовъ былъ предписанъ губернаторамъ от-

*) Важнѣйшимъ статистическимъ документомъ среднихъ вѣковъ слѣдуетъ считать Doomesday-Book, т. е. государственный катастръ Англіи, предпринятый Вильгельмомъ Завоевателемъ въ 1083—1086 гг.

дѣльныхъ венеціанскихъ провинцій. Интересно отмѣтить фактъ, что вышеназванные оффиціальные доклады долгое время предоставлялись во всеобщее пользованіе. Публичность была долгое время основнымъ государственнымъ принципомъ венеціанскаго правительства, пока послѣднее не погрязло въ тинѣ жалкаго укрывательства, которое многими изслѣдователями не безъ основанія считается одной изъ важнѣйшихъ причинъ быстраго упадка республики.

Что касается возникновенія потребности въ статистическихъ изслѣдованіяхъ въ другихъ государствахъ, то дѣло обстояло тамъ такъ же, какъ и въ Венеціи. Открытіе Америки и восточной Индіи, развитіе торговли, съ одной стороны, и приниженіе феодализма королевской властью, т. е. побѣда централизаціи надъ децентрализаціей съ другой—стали вызывать среди органовъ управленія все болѣе живой интересъ къ точному установленію числа подлежащихъ ихъ управленію лицъ и различнаго рода объектовъ. Почти во всѣхъ культурныхъ странахъ начинаютъ, подъ вліяніемъ этихъ моментовъ, предприниматься извѣстныя мѣры для поощренія сбора и систематизаціи подобныхъ свѣдѣній. Благодаря особенно сильной централизаціи управленія, это стремленіе проявилось очень рано во Франціи. Извѣстный министръ Генриха IV, Сюлли, сообщаетъ намъ, напримѣръ, въ своихъ мемуарахъ, что король приказалъ ему основать особое учрежденіе для сбора свѣдѣній, относящихся къ націи и силамъ и особенностямъ страны. Учрежденіе это должно было служить королю вспомогательнымъ средствомъ для изученія положенія и образа жизни народа. Данныя, собиравшіяся этимъ учрежденіемъ, касались всѣхъ областей управленія и охватывали, между прочимъ, свѣдѣнія о положеніи сельскаго и домашняго хозяйства, о положеніи промышленности, торговли, судоходства, финансовъ, полиціи, сухопутныхъ и морскихъ силъ націи и т. д., и т. д. Это учрежденіе можетъ быть безспорно названо однимъ изъ значительнѣйшихъ статистическихъ бюро того времени.

Со смертью Сюлли этотъ институтъ пришелъ, однако, въ упадокъ. Изъ позднѣйшихъ попытокъ возстановить его мы упомянемъ только о попыткѣ сдѣланной знаменитымъ маршаломъ Людовика XIV Louvois. Louvois, стоявшій во главѣ военнаго министерства въ періодъ, когда почти безпрерывно свирѣпствовала война, убѣдился вскорѣ въ необходимости учрежденія, съ помощью котораго можно было бы постоянно имѣть подъ рукой свѣдѣнія о силахъ, передвиженіяхъ и т. п. своихъ и чужихъ армій. Онъ основалъ съ этой цѣлью въ своемъ собственномъ домѣ учрежденіе, ставшее впослѣдствіи знаменитымъ подъ именемъ Dépot de la guerre.

Само собой разумѣется, что приблизительно тѣ-же потребности, какъ во Франціи и Венеціи, появились и въ другихъ болѣе или менѣе

*) Сравни J. Würl, «Erläuterungen zur Theorie der Statictik», стр. 34.

централизованныхъ государствахъ, и вызвали тамъ подобныя же учрежденія. Впослѣдствіи эти институты были цѣликомъ или отчасти превращены въ статистическія бюро. Учрежденія эти обязаны, такимъ образомъ, своимъ происхожденіемъ не стремленію отдѣльныхъ правительствъ произвести какія-либо *научныя* изслѣдованія, а почти исключительно настоятельной потребности, испытываемой всякимъ большимъ и централизованнымъ государствомъ, къ возможно болѣе точному познанію числа лицъ и объектовъ, находящихся въ сферѣ власти его.

Наиболѣе точнымъ способомъ познанія является въ такихъ случаяхъ числовое выраженіе, которое можетъ быть, понятно, достигнуто только съ помощью статистическихъ наблюденій. Для поясненія сказаннаго достаточно будетъ упомянуть о часто осмѣиваемомъ и часто модифицированномъ выраженіи Schlözer'а: Исторія есть не что иное, какъ находящаяся въ движеніи статистика, статистика—остановившаяся исторія (Geschichte ist eine fortlaufende Statistik, Statistik eine stillstehende Geschichte). Какъ всякое bonmot изрѣченіе это звучитъ довольно парадоксально. Несмотря на это, содержаніе его, если не вдаваться въ крайность, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно мѣтко, потому-что никакимъ описаніемъ, какъ бы блестяще оно ни было, ни ссылкой на многочисленные дипломатическіе и всякіе другіе акты нельзя охарактеризовать положеніе націи лучше, какъ съ помощью точныхъ числовыхъ данныхъ о величинѣ народонаселенія, о пространствѣ страны, о числѣ безграмотныхъ, о военныхъ силахъ націи, о величинѣ внутренней и внѣшней торговли и т. д., и т. д.

Еще незамѣнимѣе становятся всѣ эти собранныя при помощи массовыхъ статистическихъ наблюденій данныя при изученіи исторіи развитія какого-нибудь государства. Сравненіе статистическихъ наблюденій, предпринятыхъ въ разныя времена, даетъ намъ гораздо болѣе объективное представленіе объ этомъ, чѣмъ основанныя на личныхъ наблюденіяхъ описанія даже самыхъ объективныхъ историковъ.

Полезность и необходимость добросовѣстно собранныхъ статистическихъ данныхъ лежитъ, въ виду вышесказаннаго, внѣ всякаго сомнѣнія! Если, несмотря на все это, статистикѣ придавали до сихъ поръ относительно такъ мало значенія, то это слѣдуетъ приписать преимущественно тому обстоятельству, что государственная власть предпринимала такія массовыя наблюденія почти исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось какихъ-либо фискальныхъ потребностей. Такъ, напримѣръ, для упрощенія и облегченія процедуры набора рекрутовъ, государство нерѣдко старалось опредѣлить во время народныхъ переписей не только число живущихъ лицъ вообще, но и ихъ полъ и возрастъ; нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, вербовать въ солдаты женщинъ, дѣтей и стариковъ.

Подобнымъ же образомъ различные военные и правовые интересы побудили государство взять въ свои руки веденіе списковъ рождаю-

щихся и умирающихъ, находившіеся до того времени, въ большинствѣ случаевъ, въ рукахъ духовенства. Въ томъ же направленіи дѣйствовали потребности нарождающейся крупной промышленности и торговли. Для соотвѣтственнаго урегулированія торговой и таможенной политики правительство стало нуждаться въ возможно болѣе точныхъ свѣдѣніяхъ о количествѣ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Еще болѣе государство было, понятно, заинтересовано въ этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось финансовыхъ пошлинъ, являющихся однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ государственнаго дохода.

Характернымъ примѣромъ того, какое громадное значеніе имѣли финансовые и торгово-политическіе интересы государства на развитіе разныхъ областей статистики, является исторія нѣмецкаго таможеннаго союза. За немногими исключеніями таможенные доходы распредѣлялись тамъ, какъ извѣстно, сообразно съ величиной населенія, участвовавшихъ въ договорахъ государствъ. Результатомъ этого явилась потребность имѣть точныя свѣдѣнія о величинѣ населенія отдѣльныхъ частей союза. Этимъ и подобнымъ фискальнымъ интересамъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать значительныя улучшенія, предпринятыя въ Германіи въ первой половинѣ нашего столѣтія въ области народныхъ переписей.

Недовѣряющія другъ другу правительства отдѣльныхъ государствъ таможеннаго союза не могли, однако, ограничиться лишь свѣдѣніями о населеніи. Для пріобрѣтенія надежнаго средства для контроля, съ одной стороны, и нахожденія достаточныхъ основаній для реформированія таможеннаго тарифа, съ другой—правительства должны были согласиться на проведеніе существенныхъ улучшеній въ области статистики торговыхъ сношеній.

Такимъ же точно путемъ тамъ пришли къ пониманію необходимости сбора свѣдѣній о числѣ фабрикъ и иныхъ предпріятій, какъ и необходимости опредѣленія того, къ какой отрасли промышленности принадлежатъ эти предпріятія въ каждой изъ частей таможеннаго союза, такъ какъ только такимъ путемъ таможенные тарифы могли быть кое-какъ приведены въ согласіе съ интересами всѣхъ государствъ, принимавшихъ участіе въ таможенномъ союзѣ.

Постепенно и незамѣтно статистика проникла, такимъ образомъ, во всѣхъ государствахъ въ одну область административнаго управленія за другой, такъ что въ настоящее время нѣтъ ни одного государства, имѣющаго притязаніе на названіе культурной страны, которое могло бы, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, обойтись безъ статистики. Для доказательства справедливости вышесказаннаго достаточно указать на главныя отрасли дѣятельности современнаго государства.

Какъ могло бы, напримѣръ, какое-либо изъ современныхъ конституціонныхъ государствъ существовать безъ финансовой статистики?

Какимъ образомъ могъ бы въ такомъ случаѣ парламентъ контролировать, выполнены ли утвержденныя имъ смѣты доходовъ и расходовъ въ дѣйствительности такимъ образомъ, какъ это должно было быть сообразно съ его распоряженіями.

Какъ могли бы теперь торговля и промышленность обойтись хоть нѣсколько мѣсяцевъ безъ статистики ввоза и вывоза, безъ статистическихъ данныхъ о внутренней торговлѣ, безъ статистики цѣнъ и т. д. Почти полное отсутствіе всякаго заранѣе намѣченнаго плана и безъ того свойственное нашему способу производства—каждый производитъ, вѣдь, въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ за свой собственный рискъ — приняло бы, безъ сомнѣнія, еще большіе размѣры. Результатомъ всего этого былъ бы тяжелый, тормозящій на долгое время экономическое развитіе народовъ, кризисъ, который сдѣлалъ бы несчастными, а пожалуй, и привелъ бы къ гибели десятки тысячъ семействъ, какъ мы это видѣли, напримѣръ, во 2-й половинѣ 70-хъ годовъ.

Какъ тяжелы должны были-бы быть, затѣмъ, послѣдствія отсутствія статистики желѣзнодорожныхъ сообщеній для всей нашей экономической жизни? Желѣзнодорожныя правленія не знали бы, что начать съ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, очень недостаточнымъ числомъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ, локомотивовъ и т. д. Только благодаря статистикѣ они имѣютъ, вѣдь, возможность установить среднюю цыфру передвиженій на отдѣльныхъ линіяхъ и станціяхъ въ разные мѣсяцы и времена года и этимъ самымъ устранить, съ сравнительной легкостью, столь опасный для всей экономической жизни страны застой въ сообщеніяхъ.

Какъ справились бы въ данномъ случаѣ, напримѣръ, наши министерства просвѣщенія безъ статистики учебныхъ заведеній, т. е. безъ свѣдѣній о числѣ учениковъ и учителей въ народныхъ школахъ, гимназіяхъ и т. п.? Какъ могли бы они знать безъ статистики о числѣ необходимыхъ для этихъ цѣлей зданій, классныхъ комнатъ и т. д.?

Не иначе дѣло обстоитъ въ современныхъ государствахъ въ области законодательства. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣніе, будто абстрактнымъ путемъ, не взирая на конкретныя условія времени и мѣста, можно создать въ видѣ образца для всѣхъ народовъ одинъ общій кодексъ законовъ, стало все болѣе и болѣе оспариваться, съ тѣхъ поръ, какъ все болѣе и болѣе стало распространяться убѣжденіе, что право не есть понятіе абсолютное и повсюду равное, а что оно, наоборотъ, подвергается измѣненіямъ въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій и отношеній, что, поэтому, при созданіи законодательства, которое можно было бы назвать разумнымъ, должно считаться съ фактами жизни и сообразоваться съ ними: съ тѣхъ поръ повсюду начали все болѣе и болѣе признавать огромное значеніе статистики, какъ одного изъ важ-

нѣйшихъ основаній для научной обработки права и удачнаго развитія законодательства [1])

Я обхожу молчаніемъ медицинскую статистику и множество другихъ столь же важныхъ отдѣловъ нашей науки, такъ какъ приведенные примѣры съ достаточной ясностью указываютъ на то, что статистика уже въ настоящее время проникла почти во всѣ отрасли административной дѣятельности, и что безъ ея помощи современное государство не могло бы быть управляемымъ: устраненіе статистики повело-бы, какъ мы видѣли, къ тяжелымъ политическимъ и экономическимъ катастрофамъ.

Вполнѣ правъ былъ, въ виду всего этого, Bruno Hildebrand, высказавшій въ своей, произнесенной 6-го августа 1865 г., проректорской рѣчи слѣдующія достопримѣчательныя слова: «Статистика ведетъ счетныя книги о мѣропріятіяхъ и о положеніи государства, служитъ вѣрнымъ зеркаломъ его собственной жизни и источникомъ его самосознанія. Мало того, она является какъ бы совѣстью государства и пробнымъ камнемъ для каждаго законодательнаго и административнаго акта» [2]).

Какъ-бы велики не были, однако, заслуги статистики на поприщѣ государственнаго управленія и законодательства, этимъ ея задачи еще ни въ коемъ случаѣ не исчерпываются. Статистика сопровождаетъ, какъ это въ блестящей формѣ высказано Энгелемъ, каждаго человѣка, чтобы получить точное представленіе объ его жизни, по всему пути его земного существованія. Она отмѣчаетъ его рожденіе, крещеніе, сдѣланную ему прививку оспы, поступленіе его въ школу и его школьные успѣхи, его прилежаніе, выпускъ изъ школы, ходъ его дальнѣйшаго развитія и образованія и, если это мужчина, характеръ его тѣлосложенія и способность къ военной службѣ. Она сопровождаетъ его и на дальнѣйшемъ пути въ его жизни, отмѣчая избранное имъ занятіе, мѣсто, гдѣ онъ поселился, характеръ веденія имъ своихъ дѣлъ, сберегаетъ ли онъ въ молодости кое-что на старость, женится ли онъ и въ какомъ возрастѣ и затѣмъ возрастъ и т. п. качества его супруги. Статистика заботится о немъ, когда ему хорошо, также какъ и тогда, когда ему скверно живется. Терпитъ ли онъ крушеніе въ жизни, гибнетъ ли въ матеріальномъ, нравственномъ или умственномъ отношеніи, она отмѣчаетъ равнымъ образомъ и это; она покидаетъ человѣка только съ его смертью, постаравшись установить предварительно, въ какомъ возрастѣ онъ умеръ и что было причиной его смерти. Только съ преданіемъ его праха землѣ, статистика подводитъ свои итоги, если, по-

---

[1]) Ср. «Zeitschrift des Preuss Stat. Bureaus». 1866, стр. 155 и статью «Die Organisation der Statistik der Rechtspflege», Jahrbücher für Nat. Oekon. Stat., IV т. стр. 32.

[2]) Ср. «Iahrb. für Nat. Oekon und Statistik.» 1866, I т., стр. 5.

нятно, его поступки не возлагаютъ на государство или общину какихъ-либо дальнѣйшихъ обязательствъ [1]).

Изложивъ, такимъ образомъ, значеніе статистики для всей нашей государственной и общественной жизни, намъ остается еще отвѣтить на вопросы, насколько правительство съ одной и публика съ другой стороны проникнулись сознаніемъ ея огромной важности и отведено ли ей подобающее ея значенію мѣсто.

Каждый статистикъ долженъ съ горечью признаться, что хотя администрація и пользуется имъ и плодами его дѣятельности, она все-таки относится къ большинству изъ провозглашенныхъ имъ во имя его науки требованій очень неблагосклонно. Стоящія во главѣ правительства лица часто и слышать не хотятъ о томъ, чтобы статистическія изслѣдованія совершались не только для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей администраціи, но и для удовлетворенія потребностей науки, занимающейся изслѣдованіями о закономѣрностяхъ въ общественной жизни. Въ видѣ обоснованія такого отрицательнаго отношенія обыкновенно приводятся якобы слишкомъ большія издержки, причиняемыя подобными научными изслѣдованіями. Какъ мало заслуживаетъ быть принятой въ соображеніе, при огромныхъ расходахъ, совершаемыхъ современными государствами, часто на совершенно безполезныя вещи, именно эта точка зрѣнія, явствуетъ въ достаточной степени изъ того факта, что издержки при большинствѣ народныхъ переписей едва достигаютъ суммы въ 10 копѣекъ на человѣка.

Подобное отношеніе къ требованіямъ науки-статистики слѣдуетъ поэтому приписать другимъ причинамъ, въ которыхъ хотя и неохотно сознаются, но которыя тѣмъ не менѣе, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, имѣютъ и здѣсь рѣшающее значеніе. Эти причины были, между прочимъ, блестяще изложены знаменитымъ нѣмецкимъ статистикомъ Эрнстомъ Энгелемъ въ его появившейся въ 1862 г. статьѣ о значеніи народныхъ переписей: [2]) «Если не все населеніе, а только лишь извѣстные классы его выдвигаются на первый планъ, если государственная власть находится въ рукахъ одного или нѣсколькихъ классовъ, то и служащая государству статистика не можетъ давать, какъ зеркало, никакихъ другихъ отраженій»... Въ началѣ среднихъ вѣковъ статистика служитъ королевской власти средствомъ для приведенія въ извѣстность ихъ доходовъ. Въ качествѣ геральдики, она представляла собой позже перепись перваго и второго сословія... Съ постепеннымъ развитіемъ третьяго сословія это послѣднее начало мало-по-малу завладѣвать статистикой.

---

[1]) Ср. Dr. E. Engel, «Die Volkszählungen etc». «Zeitschrift d. Preus. Stat. Bureaus», 1862, стр. 31.

[2]) Сравн. «Die Volkszählungen etc». «Zeitschrift d. Preuss Stat. Bureaus. 1862, стр. 29.

Въ новѣйшее же время статистикой стали пользоваться особенно ревностно демократическія партіи вообще и въ особенности рабочій классъ, прибѣгающія къ ней для обоснованія своихъ реформаторскихъ стремленій. Чтобы лишить ихъ этого оружія, большинство правительствъ старается, къ сожалѣнію, ограничить, насколько это возможно, число научно обработанныхъ статистическихъ изслѣдованій даже по важнѣйшимъ вопросамъ экономической и соціальной жизни. Какъ будто подобная скрытность гдѣ и когда-либо способствовала мирному разрѣшенію противорѣчій, возникающихъ въ нѣдрахъ общества.

Мы пришли теперь къ одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ разсматриваемаго нами предмета, а именно къ изложенію задачъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ статистикѣ ближайшаго будущаго. Какъ таковыя должны быть поставлены на первый планъ слѣдующія проблемы:

1) Созданіе точной статистики производства. Первые шаги на этомъ поприщѣ сдѣланы уже для нѣкоторыхъ отраслей промышленности государствомъ, для нѣкоторыхъ другихъ—картелями.

2) Созданіе статистики сбыта, т. е. по возможности точное опредѣленіе количества потребляемыхъ продуктовъ. Обѣ эти области статистики окажутъ намъ неоцѣнимыя услуги, какъ противовѣсъ анархіи, являющейся однимъ изъ отличительныхъ признаковъ современнаго способа производства.

3) Выработка надежныхъ методовъ для статистики доходовъ, главнымъ образомъ, какъ средство для реформированія системы нашихъ государственныхъ и общиннаго сборовъ сообразно платежной способностью населенія.

4) Систематически проведенныя статистическія изслѣдованія и регулярныя записи о болѣзняхъ, старости и увѣчьяхъ рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, какъ средство для разрѣшенія вопроса о страхованіи больныхъ, старыхъ и инвалидовъ.

5) Систематически проводимыя статистическія изслѣдованія о лицахъ, страдающихъ отъ безработицы, какъ средство для удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса, столь интересующаго уже въ настоящее время общественное мнѣніе культурныхъ странъ.

И, наконецъ, систематически проведенная реформа статистики народонаселенія, промышленной и торговой статистики и т. д. дастъ намъ возможность точно установить въ настоящее время еще такъ мало выясненные законы, вліяющіе на ростъ и уменьшеніе народонаселенія.

Для благополучнаго разрѣшенія всѣхъ этихъ и всякихъ другихъ экономическихъ и соціальныхъ задачъ, необходимо соблюденіе двухъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ условій. Во-первыхъ, необходимо разъ навсегда покончить съ формализмомъ, господствующимъ нерѣдко и въ настоящее время еще въ офиціальной статистикѣ. Во-вторыхъ, для достиженія этой цѣли необходима основательная реформа теоре-

*

тическаго и практическаго образованія, получаемаго работающими въ статистическихъ бюро лицами, такъ какъ доброкачественность результатовъ въ значительной степени зависитъ отъ характера плана и характера обработки изслѣдованій.

Съ полнѣйшимъ правомъ замѣчаетъ по этому поводу уже часто цитированный нами Энгель, что никто еще не сталъ статистикомъ въ силу полученнаго назначенія работать въ статистическомъ бюро и, что еще меньше можетъ быть названъ статистикомъ тотъ, кому присуща извѣстная любовь къ числамъ; напротивъ, каждое дѣло должно быть изучено! Статистики не должны, какъ это нерѣдко случается еще въ настоящее время, рекрутироваться изъ круга людей, потерпѣвшихъ крушеніе въ своемъ прежнемъ занятіи: ихъ слѣдуетъ выбирать, наоборотъ, только изъ числа лицъ, получившихъ систематическое статистическое образованіе, «потому что лишь при полномъ духовномъ проникновеніи относящагося къ тому или иному предмету числового матеріала и при отличномъ знаніи самого предмета можно вдохнуть въ числа духъ и жизнь и освободить ихъ отъ іероглифическаго характера, который имъ присущъ въ столь многочисленныхъ официальныхъ статистическихъ публикаціяхъ стараго и новаго времени» *).

Будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда оба эти условія будутъ выполнены.

Прив.-доц. І. Гольдштейнъ.

Цюрихъ.

---

*) Срвн. Dr. E. Engel, «Ueber die neuesten Fortschritte der Organisation der ämtlichen Statistik in Preussen», Zeitschr. des Preuss. Stat. Bur. 1862, стр. 174.

ВЪ СФЕРѢ НЕРѢШЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ БІОЛОГІИ.

(Жизнедѣятельность клѣтки).

(*Окончаніе* *).

IV.

Кто интересуется основными проблемами біологіи, тотъ навѣрное знаетъ, какъ много споровъ возбуждалъ, и сейчасъ еще возбуждаетъ вопросъ о *прямомъ вліяніи* различныхъ внѣшнихъ условій на строеніе и жизнедѣятельность растеній и животныхъ. Вопросъ этотъ ставится вполнѣ ясно и опредѣленно: возможно ли, чтобы животное или растеніе измѣнилось хоть сколько-нибудь подъ вліяніемъ прямого, непосредственнаго дѣйствія свѣта, тепла, электричества, химическаго состава среды и т. п.? Пока рѣчь шла о сложныхъ организмахъ, о животныхъ и растеніяхъ высшаго порядка, рѣшеніе этого вопроса представлялось довольно-таки труднымъ и не разъ уже приводило ученыхъ къ разногласію. Нѣсколько иначе обстоитъ это дѣло въ послѣднее время, когда наука о жизни окончательно приходитъ къ тому убѣжденію, что очагомъ всѣхъ жизненныхъ явленій служитъ клѣтка. Что же говорятъ на это клѣтки и одноклѣтные организмы? Они въ громадномъ большинствѣ случаевъ показываютъ очень наглядно, что различныя формы энергіи—химическая, свѣтовая, тепловая, электрическая, механическая энергія—оказываютъ сильное вліяніе на ихъ жизнедѣятельность. Ростъ, размноженіе, обмѣнъ веществъ, способность двигаться и измѣнять форму, всѣ эти жизненныя отправленія клѣтки, подчиняются вліянію различныхъ энергій, все это такъ или иначе откликается на дѣйствіе внѣшнихъ раздражителей, *приспособляется* къ условіямъ окружающей среды. Измѣненная подъ вліяніемъ раздражителей жизненная работа влечетъ за собою и нѣкоторыя измѣненія въ строеніи клѣтки, а это именно и нужно для того, чтобы отвѣтить на поставленный выше вопросъ о прямомъ вліяніи внѣшнихъ условій. Если клѣтка «элементарный организмъ», приспособляется и формою и жизненной работой къ

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, Іюль.

окружающей ея средѣ, если она подвержена прямому вліянію внѣшнихъ условій, то не будетъ особеннымъ рискомъ допустить, что и любой сложный организмъ, который, какъ извѣстно, есть прежде всего собраніе клѣтокъ, цѣлая колонія «элементарныхъ организмовъ»,—что и онъ также не въ силахъ уклониться отъ вліянія внѣшнихъ условій, не можетъ избѣжать трансформирующаго дѣйствія различныхъ въ природѣ силъ.

Правда, работа біологовъ въ этомъ направленіи только-что (говоримъ относительно, конечно), началась и въ наукѣ нѣтъ еще по этому вопросу какихъ-нибудь широкихъ, смѣлыхъ и въ то же время безупречно-справедливыхъ обобщеній; однако, фактовъ, очень интересныхъ, демонстративныхъ, и теперь уже накопилось достаточное количество.

Измѣненіе формы и жизненной работы при измѣненіи дѣйствующихъ извнѣ силъ составляетъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей живого вещества и основано на способности *раздраженія*. Начнемъ съ вопроса о вліяніи *химическихъ* раздражителей на клѣтку.

Если взять растительную клѣтку, въ которой протоплазма двигается, и помѣстить ее на нѣкоторое время въ каплю масла или въ струю чистой углекислоты, то движеніе протоплазмы сначала замедлится, а затѣмъ и вовсе прекратится. Амёба, корненожка—actinosphaerium инфузоріи, попавшія, благодаря экспериментамъ ученыхъ, въ несвойственную имъ среду (напр., въ каплю воды, къ которой прибавлено немного соляной кислоты, ѣдкаго кали или поваренной соли), приходятъ сначала въ большую ажитацію: неповоротливая амёба начинаетъ энергично выпускать свои отростки и съ доступною ей скоростью переползаетъ съ одного мѣста на другое; у граціозной Actinosphaerium замѣчается усиленное движеніе зернышекъ протоплазмы въ лучистыхъ отросткахъ ея тѣла, а инфузоріи, какъ шальныя, мечутся въ различныя стороны микроскопическаго поля зрѣнія, увлекаемыя необыкновенно быстрымъ движеніемъ своихъ жгутовъ и рѣсничекъ; но черезъ нѣсколько мгновеній наступаетъ реакція, кончающаяся полнымъ покоемъ: амёба и Actinosphaerium втягиваютъ свои псевдоподіи—такъ называются протоплазматическіе отростки ихъ тѣла—и съеживаются въ комочекъ, а инфузоріи на время останавливаютъ движеніе своихъ рѣсничекъ и точно отдыхаютъ послѣ чрезмѣрно оживленной бѣготни. Ничего, однако, не стоитъ нарушить этотъ видимый покой, если только микроскопическія созданія не успѣли уже погибнуть подъ вліяніемъ непривычнаго для нихъ раздраженія: нужно только къ каплѣ жидкости, въ которой размѣстились угомонившіеся на время организмы, прибавить нѣсколько капель чистой, дистиллированной воды, и тогда все придетъ въ движеніе по прежнему, и парализованное было живое вещество снова проявитъ свою жизнедѣятельность.

Одни химическія вещества дѣйствуютъ на клѣтку возбуждающимъ образомъ, другія, наоборотъ, разслабляютъ ее, понижаютъ ея жизне-

способность, дѣлають ее нечувствительною къ различнаго рода раздраженіямъ, и эта способность подвергаться *наркозу* одинаково присуща какъ растительнымъ, такъ и животнымъ клѣткамъ. Въ фактахъ, подтверждающихъ это, недостатка нѣтъ. Извѣстно, напр., что нѣкоторыя *зеленыя* водоросли, помѣщенныя въ среду, которая содержитъ эфиръ или хлороформъ, перестаютъ разлагать угольную кислоту и приготовлять крахмалъ; извѣстно точно также, что въ атмосферѣ эфира или хлороформа клѣтки теряютъ способность измѣнять форму, двигаться, расти, размножаться, отвѣчать какъ-нибудь на внѣшнія раздраженія. Все это можно наблюдать на всевозможныхъ амебахъ и инфузоріяхъ. Есть, конечно, и другіе примѣры, болѣе эффектные. Свѣченіе моря, какъ извѣстно, происходитъ отъ того, что иногда на поверхности волнъ скопляются цѣлыя миріады свѣтящихся микроспическихъ созданій, называемыхъ ноктилюками и морскими свѣчками. Ноктилюки могутъ свѣтиться и въ томъ случаѣ, если ихъ вмѣстѣ съ морскою водою помѣстить въ какой-нибудь сосудъ. Вечеромъ, когда стемнѣетъ, на поверхности воды въ сосудѣ будутъ мерцать и искриться слабые огоньки ночесвѣтокъ (и такъ ихъ называютъ). Но если вы вздумаете помѣстить надъ сосудомъ съ ноктилюками нѣсколько листовъ пропускной бумаги, пропитанной спиртомъ, то свѣченіе медленно прекращается: алкоголь какимъ-то образомъ уничтожаетъ на время способность ноктилюкъ испускать свѣтъ (Массаръ). Другой примѣръ не менѣе демонстративенъ. Оск. и Рих. Гертвиги произвели цѣлую серію опытовъ надъ живчиками (сѣм. тѣльцами) морскихъ ежей. Оказывается, что, будучи помѣщены въ морскую воду, къ которой прибавлено самое ничтожное количество хлоралъ-гидрата, живчики, дотолѣ необыкновенно подвижные, черезъ нѣсколько минутъ перестаютъ двигаться; но стоитъ перенести ихъ въ чистую морскую воду, какъ движеніе возобновляется. Чѣмъ дольше держать живчиковъ въ ненормальной для нихъ средѣ съ хлораломъ, тѣмъ сильнѣе поддаются они наркозу и тѣмъ дольше не приходятъ въ себя послѣ того, какъ ихъ снова помѣстятъ въ совершенно чистую воду.

Не менѣе чувствительно живое вещество и къ тепловымъ раздраженіямъ: и здѣсь оно такъ или иначе реагируетъ на болѣе или менѣе рѣзкія колебанія температуры. Частные факты говорятъ намъ въ данномъ случаѣ очень немного; ихъ, правда, масса, однако, говоря по совѣсти, всѣ они вмѣстѣ взятые не стоятъ одного, грандіознаго, совершающагося ежегодно на глазахъ всѣхъ людей: я имѣю въ виду смѣну временъ года, съ которою тѣсно связанъ пульсъ жизни на нашей планетѣ. Все, окоченѣвшее и замерзшее въ теченіе зимнихъ холодовъ, пробуждается къ дѣятельности вмѣстѣ съ дѣйствіемъ первыхъ теплыхъ лучей солнца и живетъ во всю ширь, когда температура подымается до того optimum'а *), при которомъ наилучшимъ образомъ, такъ ска-

*) Наилучшая температура.

зать, на всѣхъ парахъ идутъ всѣ жизненные процессы среди разнообразнѣйшихъ представителей животнаго и растительнаго царствъ. Лучшаго доказательства вліянія температуры на жизненныя отправленія клѣтки не нужны. Но чтобы показать, какъ колебанія температуры отражаются въ томъ или иномъ случаѣ на различныхъ клѣткахъ и на одноклѣтныхъ организмахъ, я приведу нѣсколько фактовъ.

Въ растительныхъ клѣткахъ разложеніе углекислоты, образованіе крахмала и бѣлковъ, формирующая дѣятельность идетъ все энергичнѣе и энергичнѣе по мѣрѣ повышенія температуры отъ 0° до извѣстнаго optimum'а; дальше повышеніе температуры дѣйствуетъ на живое вещество растительной клѣтки разслабляющимъ образомъ и приводитъ его сперва въ состояніе окоченѣнія, а дальше и къ смерти. Такое же окоченѣніе, а затѣмъ и смерть растительныхъ клѣтокъ можно вызвать и охлажденіемъ. Словомъ, для каждой растительной клѣтки есть извѣстный optimum температуры, при которой она наилучшимъ образомъ ведетъ всѣ свои жизненные процессы: движеніе температуры вверхъ и внизъ отъ этого optimum'а понижаетъ жизненную энергію растительной клѣтки, приводя ее сперва къ окочененію, а затѣмъ уже къ полному распаду, къ смерти. Тоже, собственно говоря, наблюдается и на одноклѣтныхъ животныхъ: вмѣстѣ съ повышеніемъ температуры до опредѣленнаго optimum'а энергичнѣе движутся амебы, все быстрѣе и быстрѣе катятся зернышки протоплазмы въ длинныхъ нитевидныхъ придаткахъ actinosphaerium'а, бойчѣе и ловче работаютъ жгутики и рѣснички на тѣлѣ инфузорій; но вотъ температура переходитъ за optimum, и жизненная энергія всѣхъ этихъ созданій падаетъ. Наконецъ, температура достигла maximum'а; тутъ прекращаются уже всѣ видимые признаки жизни: амебы и actinosphaerium свернулись въ клубочекъ, притихли и инфузоріи. Жизнь замерла... Попробуйте слегка понизить температуру, и жизнь снова забьетъ ключомъ. Въ чемъ сказывается воздѣйствіе тепла на живую матерію? Какъ организмъ, коченѣющій отъ холода и жары, и теряющій всѣ видимые признаки жизни, не теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнеспособности, а, наоборотъ, довольно легко возвращается къ жизни? Въ чемъ тутъ тайна и какова *существенная* разница между мнимою и дѣйствительною смертью? Отвѣта нѣтъ, или, вѣрнѣе, есть два, взаимно исключающихъ другъ друга отвѣта: одинъ изъ нихъ покоится на представленіи о жизненной силѣ, другой всецѣло зиждется на «механикѣ атомовъ»...

Въ ряду раздражителей свѣтовая энергія, а попросту свѣтъ, играетъ не меньшее значеніе, чѣмъ тепло. Два-три факта представятъ намъ это вліяніе вполнѣ ясно.

Среди амебъ есть одинъ видъ, проживающій въ болотахъ (Pelomyxa palustris). Эта амеба страдаетъ свѣтобоязнью и ползаетъ только въ темнотѣ: стоитъ направить на нее нѣсколько яркихъ лучей, и движеніе ея прекращается: амеба съеживается въ шаровидный комокъ и

не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ жизни, точно ежъ, свернувшійся въ клубокъ, и начинаетъ двигаться только тогда, когда вокругъ нея снова воцарится темнота. Въ противоположность этой, страдающей мракобѣсіемъ амебѣ, одна изъ рѣсничтатыхъ инфузорій, обыкновенно довольно спокойная и малоподвижная, производитъ впечатлѣніе въ высшей степени экзальтированнаго созданія въ тѣхъ случаяхъ, когда на нее нарочно направятъ пучекъ солнечныхъ лучей: тутъ она начинаетъ прыгать, кувыркаться, скакать черезъ другихъ такихъ же, какъ сама, инфузорій и нѣсколько успокаивается только тогда, когда снова попадетъ въ затѣненную часть поля зрѣнія (дѣло происходитъ, само собою разумѣется, подъ микроскопомъ). Что заставляетъ ее такъ вести себя—удовольствіе ли, испытываемое отъ купанія въ яркихъ лучахъ солнца или, наоборотъ, искреннѣйшее желаніе скрыться куда-нибудь поскорѣе отъ свѣта—трудно сказать. Въ другихъ случаяхъ можно съ точностью установить, ищетъ ли клѣтка свѣта или убѣгаетъ отъ него. Особенно характерный въ этомъ отношеніи опытъ приводитъ извѣстный нѣмецкій ботаникъ Негели. Онъ беретъ стеклянную трубку аршина полтора длиною, наполняетъ ее водою и помѣщаетъ въ нее небольшую кучку зеленыхъ зооспоръ *) одной водоросли. Затѣмъ трубка ставится вертикально и вся сплошь, за исключеніемъ нижняго конца, обвертывается черною бумагою. Проходятъ часа два, и всѣ зооспоры скопляются въ нижней, освѣщенной части трубки. Когда же черною бумагою затемняется и нижняя часть трубки, тогда всѣ зооспоры всплываютъ на поверхность и тѣснятся у открытаго отверстія трубки, какъ бы желая получить возможно больше свѣта. Можно, конечно, затемнить и нижній и верхній концы трубки, оставивши свѣтлое кольцо по серединѣ ея: тогда зооспоры съ неизмѣнною вѣрностью своему непосредственному влеченію соберутся у освѣщеннаго кольца. Тутъ, какъ видно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что свѣтъ играетъ весьма важное значеніе въ жизни зооспоръ: оттого-то онѣ къ нему и тяготѣютъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ качествѣ раздражителя очень сильно дѣйствуетъ электрическая энергія (электричество). Отвѣчая на отдѣльные разряды электрическаго тока, амебы втягиваютъ свои псевдоподіи и принимаютъ круглую форму; протоплазма въ клѣткахъ нѣкоторыхъ растеній распадается на отдѣльныя шарообразныя массы, рѣснички мерцательнаго эпителія ускоряютъ свои движенія, а жгуты инфузорій выходятъ за нормальные предѣлы своей дѣятельности и производятъ нѣсколько сильныхъ, какъ бы судорожныхъ ударовъ.

Особенно обстоятельно прослѣжено вліяніе электрическаго тока на клѣтки Максомъ Ферворномъ. Для своихъ наблюденій онъ бралъ уже извѣстную намъ корненожку actinosphaerium. «Если,—говоритъ онъ,—

*) Подвижныя споры, перемѣщающіяся съ помощью жгутиковъ или бичей.

раздражать постояннымъ токомъ actinosphaerium, когда онъ вытянетъ свои псевдоподіи изъ шарообразнаго тѣла по прямому направленію, подобно солнечнымъ лучамъ, то оказывается, что въ моментъ замыканія тока на псевдоподіяхъ, вытянутыхъ по направленію къ аноду и катоду, становятся замѣтны явленія сокращенія, при чемъ протоплазма псевдоподій собирается въ маленькіе шарики и веретенца и течетъ по направленію къ тѣлу... Затѣмъ становится замѣтнымъ сокращеніе самого тѣла: протоплазма на анодѣ стягивается и распадается отчасти на свои зернышки... Если токъ не размыкать, то тѣло actinosphaerium распадается со стороны анода все далѣе и далѣе... Если же токъ достаточно силенъ, процессъ распаденія быстро идетъ впередъ, пока все тѣло не распадется на безжизненную кучку зернышекъ».

Было бы, конечно, странно, если бы въ ряду другихъ энергій, дѣйствующихъ въ качествѣ раздражителей на живое вещество, обыкновенная *механическая энергія* не оказывала никакого вліянія на протекающіе въ клѣткѣ жизненные процессы. Если подъ микроскопомъ на предметномъ стеклѣ будетъ цѣлое общество разнообразныхъ инфузорій, сравнительно спокойно плавающихъ въ водѣ, и если потревожить ихъ легкимъ постукиваніемъ карандаша по предметному стеклу, то можно воочію убѣдиться насколько чутки инфузоріи къ механическому раздраженію: одна изъ инфузорій, плавно шедшая по прямому направленію, дѣлаетъ нѣсколько сильныхъ взмаховъ своимъ жгутомъ и мѣняетъ свой путь: другая инфузорія—та самая, что танцовала въ лучахъ солнца — производитъ нѣсколько энергичныхъ ударовъ своими рѣсничками и прыгаетъ въ водѣ, какъ угорѣлая; инфузорія-трубачъ останавливаетъ колебаніе своихъ рѣсничекъ и, какъ бы въ испугѣ собирается въ комокъ, а группа граціозныхъ сувоекъ, сидѣвшихъ только что совершенно покойно на своихъ стебелькахъ, внезапно скручиваютъ спиралью стебельки и спускаются глубже. И весь этотъ переполохъ среди населенія капли воды произошелъ отъ легкаго сотрясенія предметнаго стекла.

V.

Во всѣхъ приведенныхъ выше случаяхъ внѣшній раздражитель дѣйствовалъ на клѣтку равномѣрно со всѣхъ сторонъ (исключеніемъ можетъ служить развѣ опытъ Негели съ зооспорами водорослей). Можетъ, однако, статься,—и на самомъ дѣлѣ это встрѣчается гораздо чаще,—что внѣшній раздражитель дѣйствуетъ на живое вещество односторонне, въ одномъ какомъ-нибудь направленіи. Такъ можетъ дѣйствовать любой изъ раздражителей: и свѣтъ, и тепло, и электричество, и химическая энергія; а клѣтка, если только она ничѣмъ не связана въ своихъ движеніяхъ, обыкновенно или приближается къ такимъ односторонне дѣйствующимъ раздражителямъ, или, наоборотъ, убѣгаетъ

отъ нихъ, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ своей организаціи и жизнедѣятельности.

Передъ нами, собственно говоря, очень интересная область знанія, отличающаяся богатствомъ фактическихъ данныхъ. Выберемъ изъ нихъ нѣсколько наиболѣе рельефныхъ и характерныхъ.

Прежде всего не мѣшаетъ помнить, что иногда даже такія обыкновенныя физическія вещества, какъ вода и кислородъ, могутъ дѣйствовать притягательнымъ или отталкивающимъ образомъ на нѣкоторыя свободно двигающіяся клѣтки.

Есть одинъ слизистый грибокъ по имени Aethalium: живетъ онъ на корѣ гніющихъ пней; въ извѣстную пору своего развитія грибокъ этотъ представляетъ довольно большую протоплазматическую массу грубо-сѣтчатаго строенія; называютъ ее *плазмодіемъ*. Плазмодій Aetaiium'а любитъ влажность и потому, при высыханіи той подстилки, на которой онъ держится, перемѣщается въ мѣста болѣе влажныя.

Предположимъ, что у васъ есть сѣть Aethalium'а, расположившаяся на влажной пропускной бумагѣ. Бумага высыхаетъ; для Aethalium'а влаги уже мало: онъ выпускаетъ отростки и какъ бы ищетъ куда перебраться: вы держите надъ нимъ стеклянную пластинку, покрытую желатиномъ; плазмодій начинаетъ энергично тянуться къ желатиновой пластинкѣ, образуя вертикальныя вѣточки, которыя, наконецъ, достигаютъ желатины. Черезъ нѣкоторое время весь плазмодій оказывается уже не на высохшей пропускной бумагѣ, а на влажной желатиновой пластинкѣ. Еще больше влеченія обнаруживаетъ сѣть Aethalium'а къ настою изъ коры, которымъ она питается. Если къ пластинкѣ, на которой растянутъ плазмодій, поднести комочекъ пропускной бумаги, насквозь пропитанный настоемъ коры, то уже черезъ нѣсколько минутъ отъ протоплазмы Aethalium'а вытягиваются нити и направляются въ сторону этого комка, а черезъ нѣсколько часовъ весь плазмодій сползаетъ съ пластинки и пронизываетъ нитями своей сѣти всѣ промежутки въ комочкѣ изъ пропускной бумаги.

Такова сила влеченія къ излюбленной пищи! Здѣсь живое вещество не только выбираетъ себѣ пищу, но энергично и вполнѣ цѣлесообразно направляетъ свои движенія къ источнику избранной пищи— явленіе въ высшей степени загадочное для такого ничтожнаго по строенію существа, какъ слизистый грибокъ.

Пойдемъ дальше: быть можетъ, другіе факты въ такомъ же духѣ хоть немного приблизятъ насъ къ рѣшенію этой загадки. Вотъ, напримѣръ, въ полѣ зрѣнія микроскопа расположилась довольно крупная одноклѣтная водоросль, *діатомеа*. Она, подобно всѣмъ зеленымъ растеніямъ, поглощаетъ изъ окружающей среды углекислоту и разлагаетъ ее съ помощью хлорофилловыхъ зеренъ, выдѣляя наружу кислородъ. Тутъ же, подъ микроскопомъ, плаваетъ цѣлая стая бактерій-*спирохетъ*, которыя обступили со всѣхъ сторонъ водоросль и держатся

тѣсно возлѣ нея, хотя кругомъ свободнаго мѣста достаточно. Но вотъ діатомеа, которая только что лежала въ водѣ неподвижно, медленно поплыла впередъ, оставивши далеко за собою окружавшихъ ее спирохетъ; сейчасъ она свободна отъ нихъ. Проходитъ, однако, нѣсколько мгновеній, и вся толпа спирохетъ, точно сообразивши въ чемъ дѣло, стремглавъ несется за діатомеей, толкаясь и обгоняя другъ друга, догоняетъ ее и снова окружаетъ со всѣхъ сторонъ (Ферворнъ). Откуда такая привязанность лиллипутовъ микроскопическаго міра къ колоссу-діатомеѣ? Дѣло объясняется очень просто: спирохетъ привлекаетъ тотъ кислородъ, который выдѣляетъ водоросль — за нимъ погоня, а не за діатомеей, кислородъ манитъ бактерій, а не сама водоросль.

Эти бактеріи, такъ страстно любящія кислородъ, оказали ботаникамъ весьма важную услугу: съ помощью ихъ удалось доказать окончательно, что разложеніе углекислоты происходитъ не въ протоплазмѣ листовыхъ клѣтокъ, а въ хлорофилловыхъ зернахъ. Если мы выберемъ для микроскопическаго изслѣдованія такой листъ, «клѣточки котораго содержатъ крупные и далеко другъ отъ друга удаленныя хлорофилловыя зерна, то увидимъ, что бактеріи собираются *лишь вокругъ этихъ зеренъ, а не въ протоплазмѣ между ними*» (Ванъ-Тигемъ). Почему это такъ—не трудно догадаться, ибо изъ хлорофилловыхъ зеренъ выдѣляется кислородъ, образующійся при разложеніи угольной кислоты.

Наконецъ, тѣ же бактеріи показываютъ очень наглядно, что различно окрашенные лучи солнечнаго спектра далеко не одинаково дѣйствуютъ на угольную кислоту. Впрочемъ, опытъ, доказывающій это, настолько любопытенъ, что я опишу его подробно: онъ еще разъ убѣдитъ насъ въ существованіи *избирательной способности* у такихъ ничтожныхъ созданій, какъ бактеріи.

Возьмемъ тонкій разрѣзъ листа мха, помѣстимъ его на предметномъ стеклѣ въ каплѣ воды и затѣмъ освѣтимъ поле зрѣнія микроскопа солнечными лучами, которые предварительно прошли сквозь призму. Нашъ препаратъ будетъ, такимъ образомъ, погруженъ въ микроскопическій спектръ, и различныя клѣтки листа будутъ находиться подъ вліяніемъ различно-окрашенныхъ лучей: однѣ подъ вліяніемъ только красныхъ (въ красной части спектра), другія—только зеленыхъ, третьи—только фіолетовыхъ и т. д. Если теперь туда же, въ каплю съ тонкимъ разрѣзомъ листа, пустить бактерій, то онѣ, проплававши нѣкоторое время, соберутся у поверхности клѣтокъ. Но больше всего ихъ соберется у тѣхъ клѣтокъ, которыя находятся въ полосѣ красныхъ лучей, и совсѣмъ не будетъ ихъ тамъ, гдѣ проходитъ зеленая полоса спектра. Ихъ притягиваетъ кислородъ, а кислородъ образуется больше всего въ тѣхъ клѣткахъ, которыя попали въ полосу красныхъ лучей, такъ какъ красные лучи сильнѣе всего разлагаютъ угольную кислоту; оттого-то бактеріи и скопляются въ громадномъ числѣ у поверхности клѣтокъ, освѣщенныхъ красными лучами солнечнаго спектра. Зеленые лучи со-

всѣмъ не дѣйствуютъ на углекислоту: значитъ, клѣтки, расположенныя въ зеленой полосѣ свѣта, совсѣмъ не выдѣляютъ кислорода: поэтому-то онѣ и не удостаиваются посѣщенія бактерій (Страсбургеръ, Ванъ-Тигемъ).

Также подвержены одностороннему дѣйствію химическихъ раздражителей и лейкоциты (бѣлые кровяные шарики) позвоночныхъ животныхъ, тѣ самые лейкоциты, которые такъ энергично защищаютъ организмъ отъ зловредныхъ бактерій. Многіе изъ ученыхъ (Мечниковъ, Массаръ, Гертвигъ, Ферворнъ) думаютъ, что лейкоциты имѣютъ какое-то непреодолимое влеченіе къ жидкимъ продуктамъ выдѣленій бактерій. Поселившись въ тѣлѣ какого-нибудь животнаго, бактеріи вырабатываютъ особенныя вещества, и вотъ эти-то вещества привлекаютъ лейкоцитовъ къ бактеріямъ, указывая мѣстопребываніе послѣднихъ въ тѣлѣ зараженнаго животнаго. Такимъ образомъ, бактеріи сами подаютъ сигналъ къ борьбѣ съ лейкоцитами, привлекая съ себѣ опаснаго и злостнаго врага выдѣленіями собственнаго тѣла. Чтобы доказать это, Массаръ, а за нимъ и другіе продѣлали такого рода опытъ: въ короткую капиллярную трубку, запаянную съ одного конца и открытую съ другого, помѣщается культура съ микроорганизмами, вызывающими гнойное воспаленіе; затѣмъ эта трубочка вставляется подъ кожу кролика и лежитъ тамъ часовъ 12—15. Если послѣ этого вынуть трубочку и размотрѣть подъ микроскопомъ бѣловатый сгустокъ, заполнившій подобно пробкѣ открытый конецъ трубки, то окажется, что сгустокъ этотъ весь сплошь состоитъ изъ лейкоцитовъ, собравшихся, очевидно, на борьбу съ микроорганизмами.

Остроумный опытъ Массара не доказываетъ, однако, того, что онъ пытается доказать. Изъ того, что лейкоциты направляются цѣлыми толпами туда, гдѣ скопляется бактеріальная зараза, еще не слѣдуетъ, что они приманиваются не самими бактеріями, а выдѣляемыми ими продуктами обмѣна веществъ. Вѣдь лейкоциты устремляются не только къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ скопляются бактеріи, но также и въ тѣ мѣста, гдѣ собираются остатки и обломки мертвыхъ тканей и красныхъ кровяныхъ шариковъ, гдѣ очутилось по чему-либо постороннее тѣло въ родѣ занозы и т. п. Что же привлекаетъ лейкоцитовъ въ подобныхъ случаяхъ? Опять «выдѣленія»? Но какія, чьи? Во всякомъ случаѣ, опытамъ Массара нельзя приписывать рѣшающаго значенія. Они только наглядно, и, правда, очень наглядно, показываютъ, что лейкоциты склонны стекаться къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ гнѣздятся болѣзнетворныя бактеріи—вотъ и все.

Особенно интересные опыты съ одностороннимъ дѣйствіемъ различныхъ химическихъ веществъ на клѣтку производилъ извѣстный ботаникъ Пфефферъ.

Онъ бралъ капиллярныя трубки, запаянныя съ одного конца и открытыя съ другого, наполнялъ ихъ различными химическими веще-

ствами и помѣщалъ въ среду, гдѣ плавали подвижныя споры грибовъ, водорослей и папортниковъ, сперматозоиды различныхъ животныхъ, рѣснитчатыя и жгутиковыя инфузоріи. Опытовъ было произведено много, и всѣ они показали, что различныя подвижныя клѣтки не одинаково относятся къ различнымъ химическимъ веществамъ: кто сторонится отъ однихъ изъ нихъ и тянется къ другимъ, кто остается вовсе индифферентнымъ къ нѣкоторымъ изъ раздражителей. Опыты Пфеффера, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ, объясняютъ слѣдующее чрезвычайно важное явленіе въ области біологіи.

Безбрежныя воды океана населены тысячами видовъ животныхъ и растеній. Всѣ они размножаются, и очень многіе — путемъ предварительнаго оплодотворенія женскихъ элементовъ размноженія (яйца) мужскими (сперматозоиды, андроспоры и т. под.); оплодотвореніе же очень часто совершается не внутри органовъ размноженія, а въ самой водѣ. Тысячи разнообразныхъ яицъ плаваютъ въ водѣ, цѣлые легіоны разнообразнѣйшихъ живчиковъ отъ самыхъ различныхъ животныхъ и растеній шныряютъ тутъ же; и, не смотря на этотъ видимый хаосъ, сперматозоиды каждаго отдѣльнаго вида животныхъ и зооспоры каждаго отдѣльнаго вида растеній отыскиваютъ и оплодотворяютъ яйца своего же собственнаго вида. Почему не происходитъ ошибокъ? Что руководитъ сперматозоидами въ ихъ движеніяхъ? Какая невидимая сила приводитъ и наталкиваетъ ихъ на родныя яйца? Полагаютъ, что направляющую роль во всѣхъ подобныхъ случаяхъ играютъ продукты выдѣленія различныхъ яицъ: какъ спирохета устремляется къ тѣмъ мѣстамъ микроскопическаго поля зрѣнія, гдѣ есть кислородъ, такъ и каждый видъ сперматозоидовъ и зооспоръ притягивается продуктами выдѣленія яицъ своего же вида.

Объясненіе это производитъ впечатлѣніе какой-то натяжки. Думать, что едва замѣтныя количества выдѣленій каждаго отдѣльнаго яйца (микроскопической клѣтки!), растворяющіяся, *исчезающія въ колоссальныхъ массахъ воды* морей и океановъ, могутъ притягивать къ себѣ сперматозоидовъ направлять въ ту или, иную сторону ихъ движенія,—чтобы думать такъ, нужно быть больше чѣмъ гомеопатомъ. А между тѣмъ, блестящія изслѣдованія Пфеффера какъ будто и склоняютъ къ тому, чтобы принять это больше чѣмъ гомеопатическое объясненіе. Представьте себѣ только слѣдующее: если капиллярную трубочку, въ которой находится всего лишь *одна тридцати пяти милліонная часть миллиграмма яблочной кислоты*, помѣстить въ каплю жидкости, гдѣ плаваютъ живчики папортниковъ, то они испытываютъ уже нѣкоторое раздраженіе, оставляютъ поле зрѣнія и устремляются въ трубочку. Чувствительность просто поразительная! Не слѣдуетъ, однако, забывать, что если ничтожное количество, положимъ, яблочной кислоты оказываетъ притягательное дѣйствіе на живчиковъ, расположившихся въ *каплѣ воды*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и минимальныя количества выдѣленій яицъ и яйцевыхъ

клѣтокъ способны оказывать такое же дѣйствіе на живчиковъ, плавающихъ въ *водѣ рѣкъ, морей и океановъ.*

Что же, однако, представляютъ всѣ эти «притяженія» къ однимъ химическимъ веществамъ и «отталкиваніе» отъ другихъ? Неужели одинъ только простой физико-химическій процессъ? Замѣчательно, однако, что свободныя клѣтки всегда почти притягиваются къ веществамъ полезнымъ и отталкиваются отъ веществъ, вредно дѣйствующихъ. Это какъ будто уже цѣлесообразность, и что-то плохо вяжется съ чисто механическимъ пониманіемъ явленій притяженія и отталкиванія. Не нужно также думать, что во всѣхъ вышеизложенныхъ наблюденіяхъ мы непремѣнно имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то таинственнымъ, чудеснымъ — нисколько. Не къ чему только увлекаться и думать, что наука знаетъ то, чего она вовсе не знаетъ, не нужно впадать въ другую крайность, стараясь сдѣлать простымъ то, что на самомъ дѣлѣ далеко не просто...

Приведу еще нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ видно, какъ относятся одноклѣтные организмы къ одностороннимъ раздраженіямъ при помощи свѣта, электричества и тепла. Въ общемъ и здѣсь наблюдается то же, что и въ предыдущихъ случаяхъ: однѣ изъ зооспоръ, инфузорій, бактерій и т. п. избѣгаютъ свѣта, другія ищутъ его, однѣ не любятъ тепло, другія, наоборотъ, стремятся къ нему, однѣ сосредоточиваются у положительнаго электрода (анодъ), другія, напротивъ, предпочитаютъ группироваться у отрицательнаго электрода (катодъ). Такъ, напримѣръ, зооспоры одной водоросли (Ulotrix), помѣщенныя въ каплѣ воды, устремляются большею частью къ той сторонѣ капли, которая лучше освѣщена; однако, не всѣ онѣ поступаютъ такъ: одна часть, напротивъ, убѣгаетъ отъ свѣта и прячется въ неосвѣщенномъ краѣ капли. Движеніе зооспоръ въ противоположномъ направленіи представляетъ въ высшей степени любопытное и оригинальное зрѣлище. Если повернуть препаратъ съ зооспорами такъ, чтобы неосвѣщенная сторона капли обратилась къ источнику свѣта, а освѣщенная, наоборотъ, очутилась въ тѣни, то собравшіяся на противоположныхъ краяхъ зооспоры, точно по данному сигналу, побѣгутъ другъ другу на встрѣчу, стараясь занять излюбленныя позиціи: «свѣтолюбивыя» занимаютъ освѣщенный край капли, а «свѣтобоязливыя» располагаются на затѣненной сторонѣ ея. При этомъ не обходится дѣло и безъ курьезовъ, конечно: нѣкоторыя изъ зооспоръ, точно испуганныя неожиданной перемѣной въ окружающей ихъ обстановкѣ, летятъ въ сторону, сами не зная, куда и зачѣмъ, затѣмъ внезапно останавливаются на полпути и снова возвращаются къ тому мѣсту, откуда вышли (Страсбургеръ).

Нѣчто подобное продѣлываютъ и инфузоріи-парамеціи подъ вліяніемъ односторонне-дѣйствующаго теплового раздраженія. Если при помощи особенныхъ приспособленій къ микроскопу нагрѣть неравномѣрно жидкость, въ которой находятся парамеціи, больше, чѣмъ на 25° С., то инфузоріи живо удаляются въ болѣе холодныя части жид-

кости; если же температура той части жидкости, гдѣ скопились парамеціи, быстро падаетъ, то онѣ перебѣгаютъ въ другія, болѣе нагрѣтыя части ея. Особенно хорошо видно одностороннее вліяніе температуры на жизнедѣятельность клѣтки изъ слѣдующаго наблюденія.

Плазмодій Aethalium'а, — тотъ самый, что такъ жадно поглощалъ настой изъ коры,—особенно хорошо чувствуетъ себя при температурѣ около 30° тепла; поэтому, если взять два стакана—одинъ съ холодною водой, а другой съ нагрѣтою до 30—32°—поставить ихъ рядомъ бокъ-о-бокъ и перекинуть изъ одного стакана въ другой длинную полоску пропускной бумаги, на которой расползся плазмодій, то по прошествіи нѣкотораго времени весь плазмодій переберется въ стаканъ съ теплою водой. Интересно знать, теплота ли тянула на корѣ плазмодій изъ холодной среды въ теплую, или онъ самъ, путемъ цѣлаго ряда *цѣлесообразныхъ* движеній переползъ въ болѣе подходящую для его жизни среду?..

Еще одно наблюденіе и мы покончимъ съ вопросомъ о вліяніи различныхъ силъ на жизнедѣятельность клѣтки.

Въ каплѣ жидкости, черезъ которую проходитъ гальваническій токъ, *рѣсничатыя* инфузоріи группируются у *отрицательнаго полюса* (катодъ), а *жгутиковыя*, напротивъ, размѣщаются у *положительнаго полюса* (анодъ). Теперь не трудно представить себѣ, какая страшная суматоха должна произойти въ каплѣ жидкости *съ рѣсничатыми и жгутиковыми инфузоріями*, если только пропустить черезъ нее электрическій токъ.

Сначала, пока электричество еще не дѣйствуетъ, и рѣсничатые, и жгутиковыя инфузоріи снуютъ безпорядочно во всѣ концы своего ограниченнаго мѣстообиталища. Но вдругъ по всей ихъ территоріи стрѣлой проносится какое-то возбужденіе: электричество пущено, и всѣ рѣсничатыя спѣшатъ къ катоду, а жгутиковыя—къ аноду. Еще нѣсколько мгновеній, и каждая партія, совершенно угомонившись, твердо держится у своей позиціи. Тутъ экспериментатору приходитъ въ голову фантазія измѣнить направленіе тока: тамъ, гдѣ былъ положительный полюсъ, теперь — отрицательный, а гдѣ былъ отрицательный — тамъ положительный. Что же инфузоріи? Какъ только направленіе тока было измѣнено, обѣ партіи инфузорій, рѣсничатыя и жгутиковыя, ринулись навстрѣчу другъ другу, пронеслись мимо и снова заняли мѣста на противоположныхъ полюсахъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что способность раздражаться и такъ или иначе отвѣчать на дѣйствія различныхъ раздражителей составляетъ характерную особенность живого вещества. *Каждая клѣтка, каждый одноклѣтный организмъ по своему реагируетъ на внѣшнія импульсы, по своему измѣняется, по своему и приспособляется.*

VI.

Еще очень недавно думали, что протоплазма—единственная вершительница жизненныхъ судебъ клѣтки, что все, встрѣчающееся въ клѣткѣ—оболочка, ядро, ядрышко, зерна крахмала и хлорофилла—продуктъ ея жизнедѣятельности, твореніе ея рукъ. Теперь протоплазма отошла на второй планъ и мѣсто ея заняло клѣточное ядро. Ядро теперь для нѣкоторыхъ біологовъ все: въ немъ, какъ въ носителѣ наслѣдственныхъ качествъ, и минувшая слава нашихъ предковъ, и грядущій позоръ нашихъ потомковъ.

Въ оправданіе сошлюсь на слова нѣкоторыхъ ученыхъ.

«Многіе изъ современныхъ ученыхъ,—говоритъ проф. Бородинъ,—готовы искать всю жизненную суть въ ядрахъ, видѣть въ нихъ однихъ носителей всѣхъ наслѣдственныхъ свойствъ организма; протоплазму же они низводятъ на степень питающей массы, кормилицы ядра».

«Прежніе изслѣдователи протоплазмы,—говоритъ Максъ Ферворнъ,—были убѣждены, что главныя жизненныя явленія обнаруживаются протоплазмою, и что протоплазма есть единственный носитель всѣхъ жизненныхъ явленій... Рядъ изслѣдованій показалъ, что клѣточное ядро играетъ при различныхъ жизненныхъ явленіяхъ важную роль... Немедленно вслѣдъ за этимъ первоначальное мнѣніе о единовластіи протоплазмы измѣнилось въ противоположное, въ представленіе о единовластіи ядра. Подобно маятнику, мнѣнія переходятъ сначала точку покоя въ обѣ крайнія стороны и, лишь спустя нѣкоторое время, останавливаются прочно въ правильной срединѣ».

Самый фактъ всѣхъ этихъ увлеченій, преувеличеній и шатаній изъ одной крайности въ другую показываетъ, что современная біологія многаго еще не знаетъ о строеніи, свойствахъ и жизненныхъ отправленіяхъ какъ протоплазмы, такъ и ядра, и что ученые нашихъ дней еще далеки отъ той «правильной середины», о которой мечтаетъ почтенный профессоръ іенскаго университета. Не показываетъ ли это, между прочимъ, что ни витализмъ, ни антивитализмъ не сумѣютъ сдѣлать прочныхъ завоеваній на такой шаткой почвѣ? Не показываетъ ли это, что самый споръ между сторонниками той и другой доктрины въ значительной степени обязанъ тому разногласію, которое царитъ сейчасъ въ наукѣ по вопросу о структурѣ, функціяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ ядра и протоплазмы?

Намъ предстоитъ еще указать, разумѣется, совершенно объективно, на нѣкоторые факты, вдохновляющіе какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ витализма.

«Существуетъ ли одинъ только родъ ядернаго вещества, или много—это вопросъ спорный», говоритъ Рихардъ Гертвигъ; а между тѣмъ Оскаръ Гертвигъ категорически утверждаетъ, что «въ ядрѣ всегда можно доказать присутствіе двухъ, а часто даже трехъ или четырехъ

веществъ». Важнѣйшими и постоянными составными частями ядра, по мнѣнію уже обоихъ Гертвиговъ, слѣдуетъ считать ***нуклеинъ*** (отъ слова nycleus—ядро), вещество легко и хорошо окрашивающееся нѣкоторыми реактивами, и ***парануклеинъ***, вещество, которое окрашивается слабо или вовсе не принимаетъ краски и встрѣчается въ ядрѣ въ видѣ маленькихъ шариковъ и зеренъ (это такъ называемыя ядрышки). На вопросъ, что такое нуклеинъ и парануклеинъ, приходится, къ сожалѣнію, отвѣтить стереотипнымъ выраженіемъ: «пока еще не выяснено». Извѣстно, что и тотъ, и другой—бѣлки, но, какъ и всѣ вообще бѣлки, мало изслѣдованы и изучены; отъ другихъ бѣлковъ они отличаются тѣмъ, что кромѣ кислорода, водорода, углерода, азота и сѣры, содержатъ еще небольшое количество фосфора. Однако, каковы химическія свойства, молекулярная структура и функціональныя особенности ихъ—все это пока извѣстно очень мало.

Остановимся для иллюстраціи только-что сказаннаго на вопросѣ объ отношеніи ядра къ протоплазмѣ, или, точнѣе, на вопросѣ о томъ, могутъ ли существовать одноклѣтные *безъядерные* организмы, или нѣтъ.

Пренебрежительное отношеніе къ протоплазмѣ и увеличенное мнѣніе о роли ядра, отразилось въ высшей степени неблагопріятно на рѣшеніи этого любопытнаго вопроса: изъ того факта, что *тамъ, гдѣ ядро существуетъ*, оно играетъ очень важную и отвѣтственную роль, заключили, что безъ ядра немыслима и жизнь клѣтки. Словомъ, безъядерныя клѣтки упразднили, рѣшивши, что если въ какихъ-либо клѣткахъ ядра до сихъ поръ и не отысканы, то *должны быть отысканы*, ибо того требуютъ теоретическія представленія о протоплазмѣ и ядрѣ.

Правда, изъ дальнѣйшаго изложенія видно будетъ, что въ дѣлѣ размноженія организмовъ и въ явленіяхъ наслѣдственности ядро имѣетъ, по всей вѣроятности, первенствующее значеніе. Однако, отъ признанія за ядромъ такого именно значенія до признанія его «единовластія» въ жизни клѣтки еще очень далеко. Допустимъ даже, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, *когда клѣтка содержитъ ядро*, протоплазма ея находится подъ началомъ у ядра, и все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ лишь подъ его вліяніемъ и командой. Что же изъ этого слѣдуетъ? Почему не думать, что у *безъядерныхъ* клѣтокъ протоплазма беретъ на себя и ту работу, которую въ клѣткахъ съ ядрами исполняютъ послѣднія? Существуютъ, однако, факты, которые, повидимому, служатъ самымъ наглядным доказательствомъ въ пользу того мнѣнія, что безъядерныхъ клѣтокъ нѣтъ и не можетъ быть.

Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ такого рода картину.

Подъ микроскопомъ копошится нѣсколько десятковъ простѣйшихъ одноклѣтныхъ организмовъ съ *ядрами*; жизнь ихъ въ полномъ разгарѣ: они суетятся, ловятъ добычу, переваривають пищу, растутъ и размножаются на глазахъ наблюдателя. Но вотъ послѣднему вздумалось отнять у нѣкоторыхъ изъ нихъ ядра. Что же оказывается? Несчастные уродцы

попритихли, очень ослабли, еле волочатъ свое тѣло, почти не принимаютъ никакой пищи и черезъ нѣкоторое время погибаютъ. Однако, этимъ дѣло не ограничивается, и экспериментаторъ затѣваетъ цѣлый рядъ новыхъ опытовъ и наблюденій. Онъ беретъ простѣйшій организмъ и дѣлитъ протоплазму его на нѣсколько кусочковъ, оставляя при одномъ изъ нихъ ядро; другой одноклѣтный организмъ разсѣкается такъ же на нѣсколько отдѣльныхъ участковъ, но при этомъ въ каждомъ изъ отрѣзковъ протоплазмы оставляется небольшой обломокъ ядра. По прошествіи нѣкотораго времени наблюдатель замѣчаетъ, что всѣ кусочки протоплазмы *безъ ядра* погибли, тогда какъ тотъ отрѣзокъ, при которомъ было оставлено цѣлое ядро, а также всѣ кусочки *съ обломками ядеръ* продолжаютъ жизнь какъ ни въ чемъ не бывало (Нуссбаумъ, Груберъ).

Доктринерски-настроенный изслѣдователь послѣ всѣхъ этихъ опытовъ уже безповоротно рѣшаетъ, что безъядерныхъ клѣтокъ нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ ядро —хранилище жизненныхъ свойствъ, тамъ, гдѣ нѣтъ ядра, нѣтъ и жизни.

Всѣ вышеприведенные опыты, очень интересные и цѣнные сами по себѣ, показываютъ лишь, что одноклѣтные организмы, *содержащіе ядра*, не могутъ жить безъ послѣднихъ. Но могутъ ли они жить безъ протоплазмы, могутъ ли они двигаться, питаться, обмѣнивать вещества, расти, испытывать раздраженія безъ протоплазмы? Безусловно нѣтъ; по крайней мѣрѣ, никто еще этого не доказалъ *). Ядрасодержащія клѣтки по сравненію съ безъядерными болѣе совершенны; значитъ, въ такихъ клѣткахъ жизненная (физіологическая) работа распредѣлена между двумя элементами, протоплазмой и ядромъ: они могутъ жить лишь при совмѣстной и солидарной работѣ протоплазмы и ядра. У безъядерныхъ менѣе совершенныхъ клѣтокъ нѣтъ еще такого физіологическаго раздѣленія труда: у нихъ протоплазма самоотверженно несетъ на себѣ всѣ жизненныя тягости, работаетъ и за себя и за несуществующее еще ядро. По мѣрѣ того, какъ безъядерныя клѣтки, благодаря постепенному совершенствованію, превращались въ клѣтки съ ядрами, протоплазма ихъ теряла нѣкоторыя изъ своихъ жизненныхъ свойствъ, теряла по тому, что часть жизненной работы брало на себя новоявленное ядро. Нѣтъ, значитъ, ничего удивительнаго въ томъ, что теперь клѣтки съ ядрами, будучи лишены ядеръ, «функціонируютъ слабо и черезъ нѣсколько времени умираютъ» и было бы въ высшей степени не научно утверждать на основаніи приведенныхъ выше наблюденій, что «всѣ «жизненныя проявленія протоплазмы совершаются, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ ядра» **).

---

*) Вопросъ о существованіи организмовъ (простѣйшихъ, конечно), у которыхъ все тѣло состоитъ цѣликомъ изъ *ядернаго вещества* находится подъ большимъ сомнѣніемъ и не имѣетъ пока за себя безспорныхъ фактическихъ данныхъ.

**) Рихардъ Гертвигъ.

*

Итакъ, a priori нѣтъ основанія отрицать существованіе безъядерныхъ формъ. Что говорятъ на этотъ счетъ прямые факты?

Многимъ, по всей вѣроятности, извѣстно, что Геккель выдѣлилъ изъ разнообразной среды простѣйшихъ одноклѣтныхъ организмовъ особенную группу, представителей которой онъ окрестилъ общимъ именемъ *монерг*. Всѣ монеры, по утвержденію Геккеля, лишены ядеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ Геккель высказалъ эту мысль прошло лѣтъ 25—30. Микроскопъ значительно улучшился, и у многихъ изъ монеръ Геккеля были найдены ядра. Поклонники ядра рѣшили, что *всѣ* монеры снабжены ядрами, и что безъядерныхъ организмовъ не существуетъ. Рѣшили, но пока еще не доказали, такъ что и теперь еще стоитъ открытымъ вопросъ,—возможны ли безъядерныя клѣтки, или нѣтъ? Для однихъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ геккелевскихъ монеръ и большинство бактереній безъядерны; для другихъ онѣ ничто иное, какъ сплошныя, чистыя ядра. Однимъ кажется, что нельзя говорить о присутствіи ядра тамъ, гдѣ оно еще не найдено; другіе, напротивъ, находятъ, что можно и даже очень можно, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, микроскопъ современемъ будетъ еще больше усовершенствованъ и обнаружитъ ядра въ такихъ клѣткахъ, гдѣ мы ихъ еще не видимъ **).

Во всякомъ случаѣ въ настоящее время можно доказывать существованіе безъядерныхъ организмовъ съ такимъ же правомъ, какъ и отрицать таковое. Оскаръ Гертвигъ, напр., говоритъ, что «допущеніе, согласно которому микроорганизмы состоятъ только или преимущественно изъ ядра», имѣетъ за себя, по крайней мѣрѣ, столько же, если не больше, какъ и допущеніе, по которому эти организмы представляютъ собою простые комочки протоплазмы. А Рихардъ Гертвигъ не только утверждаетъ, что «нѣкоторыя теоретическія соображенія заставляютъ его принимать существованіе безъядерныхъ организмовъ», но и въ своемъ учебникѣ зоологіи, новѣйшемъ изъ учебниковъ, при разсмотрѣніи корненожекъ, выдѣляетъ изъ нихъ особенную группу, которую называетъ именемъ Monerae въ геккелевскомъ смыслѣ.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ, очень важный при сужденіи о взаимныхъ отношеніяхъ ядра и протоплазмы, остается пока открытымъ.

Пойдемъ, однако, дальше въ этомъ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между ядромъ и протоплазмой. Цѣлый рядъ опытовъ надъ различными одноклѣтными организмами, предпринятыхъ Эймеромъ и Гоферомъ, склонялъ ученыхъ къ тому выводу, что въ явленіяхъ движенія клѣтки доминирующую роль играетъ ядро. Но вслѣдъ за этимъ появились наблюденія и опыты Бальбіани и Ферворна; и тотъ, и другой въ свою очередь, манипулировали надъ одноклѣтными организмами. Ока-

---

**) Бючли удалось доказать существованіе въ бактеріяхъ двухъ различныхъ веществъ, изъ которыхъ одно, хорошо окрашивающееся, представляетъ собою, повидимому, *ядерное* вещество; во всякомъ случаѣ это пока дѣло нерѣшенное.

зывается, что протоплазма этихъ организмовъ продолжаетъ присущія ей движенія даже тогда, когда ядро изъ нея удалено. Это обстоятельство даетъ Ферворну полное право придти къ слѣдующему выводу: «Если нормальное движеніе протоплазмы продолжается еще цѣлыми днями по удаленіи ядра, то ядро никоимъ образомъ не можетъ быть регуляторнымъ центромъ движенія; вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и теорія, приписывающая ему такое значеніе».

Если далѣе мы перейдемъ къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ ядра и протоплазмы при обмѣнѣ веществъ въ клѣткѣ, то и здѣсь натолкнемся прежде всего на разногласія.

Въ то время, какъ одни изъ ученыхъ находятъ возможнымъ указывать на первенствующую роль ядра при обмѣнѣ, другіе, напротивъ, продполагаютъ лишь солидарную работу обоихъ жизнедѣятельныхъ элементовъ клѣтки, т. е. протоплазмы и ядра. Максъ Ферворнъ, который во всѣхъ почти вопросахъ, касающихся жизнедѣятельности клѣтокъ, старается быть возможно объективнымъ, и здѣсь находитъ нужнымъ заявить, что «между протоплазмой и ядромъ происходитъ взаимный обмѣнъ веществъ, безъ котораго не можетъ существовать ни одна изъ этихъ частей клѣтки», и что «ядро и протоплазма одинаково участвуютъ въ вещественномъ обмѣнѣ всей клѣтки и одинаково необходимы для ея существованія».

Теперь намъ остается ознакомиться съ однимъ изъ интереснѣйшихъ явленій въ жизни клѣтки, съ ея размноженіемъ. Размноженіе клѣтокъ и одноклѣтныхъ организмовъ должно служить ключомъ къ пониманію этого важнаго физіологическаго процесса во всемъ организованномъ мірѣ; съ размноженіемъ тѣсно связанъ спорный еще въ наукѣ вопросъ о развитіи организмовъ; размноженіе идетъ рука объ руку съ передачею изъ поколѣнія въ поколѣніе структурныхъ и функціональныхъ особенностей. Какъ же наука рѣшаетъ этотъ вопросъ? Какую роль отводитъ она ядру и протоплазмѣ клѣтки въ этомъ именно процессѣ?

Не останавливаясь на подробностяхъ размноженія, чрезвычайно сложныхъ и трудно уяснимыхъ безъ непосредственнаго наблюденія, приводимъ общее заключеніе, что измѣненія ядеръ, имѣющія мѣсто при дѣленіи клѣтокъ и при коньюгаціи и одноклѣтныхъ организмовъ, невольно наводятъ на мысль о «единовластіи ядра, о первенствующемъ значеніи его въ дѣлѣ размноженія». Но съ размноженіемъ тѣсно связана и наслѣдственная передача признаковъ. Не слѣдуетъ ли отсюда, что ядро, а не протоплазма, является носителемъ наслѣдственныхъ качествъ? Такъ склонны думать многіе изъ выдающихся ученыхъ нашихъ дней—братья Гертвиги, Вейсманъ, Де-Фризъ, Негели, Визнеръ и др. Однако, всегда осторожный въ своихъ выводахъ, всегда вѣрный научному безпристрастію, Ферворнъ и тутъ считаетъ нужнымъ остановиться на «правильной серединѣ». «То, что опредѣляетъ характеръ каждой клѣтки,—говоритъ

онъ,— есть ея своеобразный вещественный обмѣнъ. Если, слѣдовательно, особенности клѣтки должны передаваться по наслѣдству, то долженъ передаваться по наслѣдству и характерный для нея вещественный обмѣнъ, а это мыслимо лишь въ томъ случаѣ, если дочернимъ клѣткамъ будетъ передаваться *вещество ядра и протоплазма* со всѣми особенностями ихъ вещественнаго обмѣна. Послѣднее касается какъ полового размноженія высшихъ организмовъ, такъ и безполаго размноженія одноклѣтныхъ организмовъ... Можно ли сводить жизнедѣятельность клѣтокъ къ одному лишь вещественному обмѣну ихъ, или нѣтъ—это еще вопросъ, подлежащій строгому, всестороннему научному обсужденію. Одно лишь несомнѣнно: протоплазма, играющая, какъ мы видѣли, важную роль въ самыхъ разнообразныхъ функціяхъ клѣтки, не можетъ быть чужда, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго вліянія на процессы размноженія и наслѣдственной передачи признаковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе».

Итакъ, мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ всѣ важнѣйшія явленія въ жизни клѣтокъ. Теперь читатель имѣетъ право поставить цѣлый рядъ слѣдующихъ вопросовъ:

Чѣмъ вызывается «избирательная» способность и «формирующая» дѣятельность клѣтки? Какъ клѣтки избираютъ, активно или пассивно? Каковы тѣ силы, которыя ставятъ протоплазму и ядро въ положеніе геніальнѣйшихъ изъ зодчихъ, строющихъ «организованную» матерію? Чѣмъ вызывается движеніе протоплазмы внутри клѣтокъ и движеніе всевозможныхъ инфузорій, сперматозоидовъ, зооспоръ? Что сказать про способность клѣтокъ измѣнять свои жизненные процессы подъ вліяніемъ различныхъ раздражителей, про эту дивную способность искать благопріятныхъ вліяній и избѣгать вредныхъ, про эту своеобразную «избирательную» дѣятельность? Какъ, наконецъ, понимать проблемы размноженія и наслѣдственной передачи признаковъ? Что такое все это—*механизмъ или нѣчто болѣе сложное?*

Виталистамъ и сторонникамъ механическаго міровоззрѣнія предстоитъ дать отвѣтъ на всѣ эти вопросы, если только они желаютъ прочнаго, а не эфемернаго успѣха своимъ доктринамъ.

В. Лункевичъ.

ТИШИНА.

(Изъ Марiи Конопницкой).

Какъ тихо!..
Но чьи же то вздохи, чей ропотъ
Такъ смутно несутся въ ночной тишинѣ?
Какой же невнятный загадочный шопотъ
Отъ дремлющихъ розъ долетаетъ ко мнѣ?
И сердце земное забилось во снѣ...
Какъ тихо!..
Чей зовъ то, чей слышится голосъ?
Чья дивная пѣсня трепещетъ какъ духъ?
И чье дуновенье подъемлетъ мнѣ волосъ.
Чье слово беззвучно закралось въ мой слухъ
Безумнаго полное горя?..
Какъ тихо!..
Шумъ слышенъ, далекiй шумъ моря...
О нѣтъ! То отъ вѣтра трясутся лѣса,
То звонъ погребальный плыветъ надъ лугами,
То слезы плывутъ надъ землей какъ роса,
То падаютъ въ бездну вѣка за вѣками,
И снова мгновенье изъ бездны встаетъ...
Какъ тихо!..
Какой же то шорохъ неясный?
Не червь ли древесное сердце грызетъ.
Не трубъ ли то отзвукъ пророчески властный,
Чреватый торжественнымъ гимномъ утра,
Не свистъ ли пожара, не трескъ ли костра,
Иль первые громы невѣдомой бури,
Готовой промчаться путями лазури
Со свитой растрепанныхъ тучъ?
Какъ тихо!..
Но тяжко тому, кто не дремлетъ,
И голосъ молчанья понятливо внемлетъ,

И знаетъ загадки таинственной ключъ,
Тому, кто во мракѣ внимательно слышитъ,
Какъ стонетъ хаосъ, и мятется, и дышитъ
Творя и рождая во тьмѣ пустоты,
И снова безформеннымъ пальцемъ стираетъ
Своихъ прихотливыхъ твореній черты.
Какъ тихо!..
И шелестъ березъ замираетъ,
Безсонныя очи звѣзда открываетъ,
Колеблются слабо нѣмые листы.

Танъ.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ.

(Очерки и наблюденія).

(*Продолженіе* *).

Большаго труда стоило Вѣрѣ Павловнѣ наладить занятія, а главное присмотрѣться къ пятидесяти дѣвочкамъ, которыя казались ей удивительно похожими другъ на друга.

У нея составилось три отдѣленія.

Новенькія, которыхъ было большинство, отличались необыкновенною молчаливостью. Вѣра Павловна съ трудомъ добивалась отъ нихъ отвѣта на самые простые вопросы. Въ первые дни стоило только Вѣрѣ Павловнѣ подойти къ нимъ поближе, какъ они становились похожими на маленькихъ истукановъ съ безсмысленными глазами. Въ то время, какъ Вѣра Павловна занималась съ другими отдѣленіями, они невыносимо гремѣли досками, скрипѣли башмаками и перешептывались другъ съ другомъ; въ рекреаціонной онѣ жались по стѣнкамъ, а уходя изъ школы каждый разъ перепутывали платки и калоши. Пришлось поручить двумъ дѣвочкамъ изъ старшаго отдѣленія помогать одѣваться маленькимъ, но и съ ихъ помощью рѣдкій день обходился безъ какихъ-нибудь недоразумѣній, почти всегда какая-нибудь изъ новенькихъ заливалась слезами, отыскивая недостающую калошу или исчезнувшій платокъ, а иногда и шляпу, надѣтую разсѣянной сосѣдкой.

Двѣнадцать старшихъ дѣвочекъ очень гордились своимъ положеніемъ выпускныхъ и старались держаться отдѣльно отъ другихъ.

Въ перемѣны, пользуясь темнотой рекреаціонной, онѣ пристраивались въ кухнѣ. Въ началѣ это обстоятельство немного смущало Вѣру Павловну, но потомъ, когда она убѣдилась, что рекреаціонная такъ мала, что въ ней съ трудомъ помѣщается половина ученицъ, она даже радовалась, что старшія даютъ возможность хоть сколько-нибудь двигаться маленькимъ.

Выпускныя пристраивались обыкновенно на ларькѣ подъ вѣшалкой. Тамъ у каждой изъ нихъ было свое опредѣленное мѣсто. Брусенцева,

*). См. «Міръ Божій», № 7, Іюль.

высокая стройная дѣвочка лѣтъ тринадцати, съ толстой рыжей косой и добрыми карими глазами на усыпанномъ веснушками лицѣ, обыкновенно садилась по серединѣ. Волкова и Николаева пристраивались на краю поближе къ окошку, такъ какъ онѣ обѣ въ перемѣны имѣли обыкновеніе работать.

Маня Николаева, бѣлокурая дѣвочка, съ отпечаткомъ страданія на тонкомъ и нѣжномъ лицѣ сильно хромала. У нея уже три года болѣла нога и она до такой степени свыклась съ постоянной сверлящей болью въ колѣнѣ, что почти не обращала на нее вниманія; но временами боль эта обострялась, становилась невыносимой и дѣвочка на это время лишалась способности двигаться.

— Ты почему, Маня, въ школу не ходила?—спросила дружившая съ нею Брусенцева.

— Нога болѣла,—отвѣтила та и еще ниже опустила голову къ шитью.

О больной ногѣ она не любила говорить. Брусенцева знала это и больше не распрашивала.

— Что шьешь-то?—поинтересовалась Бронзова, маленькая тщедушная дѣвочка съ круглыми глазами и гладко зачесанными въ китайскую прическу волосами. По платью, по прическѣ и по манерамъ она походила скорѣе на гимназистку, чѣмъ на ученицу городской школы.

Ея мать занималась стиркой, отецъ когда-то служилъ лакеемъ, но страдалъ запоемъ и потому былъ почти постоянно безъ мѣста, дѣвочка же воспитывалась у купчихи крестной, которая взяла ее «для компаніи» къ шестилѣтнему сыну. Одѣвали ее хорошо, но въ школу она являлась голодная, даже безъ чаю, потому что вставала раньше всѣхъ и отдѣльно для нея самовара не ставили, а въ кухнѣ ей пить чай запретили. Шестилѣтній Вася былъ капризенъ до невозможности и дѣвочкѣ нелегко было угождать ему, но крестная обѣщала отдать ее въ гимназію и благодаря этому обѣщанію дѣвочка была готова на все. Подруги по школѣ косились на коричневое платье и косичку съ бантомъ на маковкѣ, звали ее «барышней», но въ общемъ любили за кроткій и тихій характеръ. Николаева охотно развернула передъ Бронзовой кусокъ желтой бумазеи, изъ которой она мастерила юбку младшей сестренкѣ, пятилѣтней Танѣ.

Всѣ выпускныя прекрасно знали Таню. Каждый день аккуратно въ два часа, когда въ школѣ кончались занятія, чумазая вихрастая дѣвочка поджидала старшую сестру у воротъ школы, чтобы донести до дому ея узелокъ съ книгами. Къ этой добровольно принятой на себя обязанности Таня относилась съ рѣдкой добросовѣстностью; ни погода, ни рваные башмаки не задерживали дѣвочку. Ровно въ два часа ея головенка въ неизмѣнномъ ситцевомъ платкѣ уже выглядывала изъ темнаго прохода подъ воротами, и дѣвочки, сидѣвшія у окна, считали появленіе Тани за несомнѣнный признакъ того, что урокъ приходитъ къ концу.

Получивъ узелокъ съ книгами, Таня стремительно летѣла впередъ, выжидая на углахъ ковылявшую Маню. У воротъ дома, гдѣ онѣ жили, она терпѣливо поджидала сестру, чтобы помочь ей взобраться на лѣстницу. Дома она помогала Манѣ приготовлять картофельный супъ и бѣгала въ лавочку.

Въ это время изъ школы возвращались два мальчика и дѣти садились обѣдать. Послѣ обѣда Таня исчезала и возвращалась домой только вечеромъ, когда приходила съ работы мать.

Гдѣ пропадала Таня, никто этого съ точностью не зналъ, но по разнымъ внѣшнимъ признакамъ можно было догадываться, что путешествія ея были полны приключеній, синяки и царапины не сходили съ ея смуглаго, подвижнаго лица.

Мать возвращалась домой поздно вечеромъ. Иногда она приносила съ собой въ ситцевомъ платкѣ какіе-нибудь объѣдки, количество и качество которыхъ зависѣло отъ доброты кухарокъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ она работала. Иногда принесеннаго хватало одной Танѣ, но случалось, что кусочками ужинала и вся семья.

Вопросъ о томъ, что принесла мать, былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ въ жизни Тани. Сладкое она любила больше всего на свѣтѣ и ея зоркіе глаза высматривали лакомыя крошки среди всевозможныхъ объѣдковъ. Маня была старшей въ семьѣ и дома на ней лежали всѣ хозяйственныя хлопоты. Она стряпала, стирала и прибирала, урывая съ трудомъ удобную минуту, чтобы выучить заданные уроки. Дома времени на шитье не хватало и потому-то въ перемѣны дѣвочка работала (такъ усердно, что даже румянецъ выступалъ на ея обыкновенно блѣдныхъ, почти прозрачныхъ щекахъ. Танина юбка вызвала самый живой интересъ среди дѣвочекъ.

— Юбка хорошая выйдетъ, плотная,—щупая бумазею, тономъ глубокаго пониманія заявила Крылова, дочь сторожа на мосту. Отъ сильнаго малокровія лицо дѣвочки имѣло желтоватый оттѣнокъ, а взглядъ карихъ глазъ казался необыкновенно глубокимъ отъ окружавшей ихъ синевы. Руки у нея постоянно зябли и она имѣла привычку держать ихъ подъ фартукомъ.

— Не коротка ли только будетъ?—озабоченно проговорила Брусенцева.—Ты смотри, Маня, рубецъ поменьше загибай, какъ подшивать станешь,—тономъ предостереженія прибавила она.

Хорошенькая курчавая Михеева предложила помочь шить, но вдвоемъ съ крохотной юбкой было нечего дѣлать.

— Никакъ три аршина навязала,—вдругъ заявила громогласно Волкова и, выдернувъ крючекъ изъ вязанья, она стала прикидывать прошивку къ вытянутой рукѣ.

Дѣвочки молча посмотрѣли на нее.

Хвастливую дочку лавочника никто не любилъ и ея работа не вызвала ничего, кромѣ насмѣшливыхъ замѣчаній.

— Отъ прошивокъ у тебя никакъ давно сундукъ ломится?—проговорила золотушная Ильина съ больными подслѣповатыми глазами.

Волкова вспыхнула.

— Не ѣвши видно въ школу пришла,—буркнула она, злобно глядя на дѣвочку своими оловянными глазами. Она намекала на хроническое голоданіе Ильиной, проживавшей въ углу съ бабушкой. Мать дѣвочки жила въ горничныхъ и содержать старуху съ ребенкомъ ей было трудно.

Волкова припѣлилась мѣтко, но и Ильина не любила давать спуска.

— Вяжи не вяжи, а ужъ сидѣть тебѣ въ дѣвкахъ. Ныньче на пучеглазыхъ моды нѣтъ,—огрызнулась она.

Всѣ дѣвочки знали, что Волкова работаетъ надъ своимъ будущимъ приданымъ и веселый хохотъ раздался въ кухнѣ. Смѣялись такъ громко, что Шурка, трусившая всякаго шума, испугалась и изъ предосторожности, по своему обыкновенію, даже нырнула на дно корзинки.

На лицѣ Волковой загорѣлись красныя пятна. Она отбросила злополучное вязанье и, широко открывъ большой ротъ, готовилась уже достойнымъ образомъ отплатить обидчицѣ...

— Ну, полно вамъ! Ужъ и сцѣпились!—укоризненно проговорила поднимая голову отъ шитья, Маня Николаева.

— Брусенцева, милая, доскажи вчерашнее,—попросила Крылова.

— Доскажи, Брусенцева, пожалуйста доскажи!—подхватили дѣвочки.

— Не помню, на чемъ и остановилась,—говоритъ Брусенцева. Она поднимаетъ вверхъ глаза и старается добросовѣстно вспомнить, на какомъ именно мѣстѣ разсказа она вчера остановилась.

— Пытать повели... Отъ вѣры она отказаться не хотѣла...—нетерпѣливо напоминаютъ дѣвочки.

— Вспомнила!—произноситъ, наконецъ, Брусенцева и пѣвучимъ красивымъ голосомъ принимается разсказывать.

Весело потрескиваютъ подъ плитой дрова.

Татьяна чиститъ картофель въ супъ «казеннымъ дѣвочкамъ» (такъ называетъ она всѣхъ, получающихъ въ школѣ даровой завтракъ). Маленькая серьезная Шурка что-то мастеритъ изъ лучинокъ, предусмотрительно положенныхъ ей матерью въ корзинку. Изъ рекреаціонной доносится пѣніе, разставленныхъ въ кружокъ дѣвочекъ. Каждое слово пѣсни о любопытной мышкѣ, бѣгающей по чужимъ теремкамъ, ясно и отчетливо раздается въ кухнѣ, но это нисколько не мѣшаетъ Брусенцевой разсказывать, а дѣвочкамъ внимательно слушать ее.

Полузакрывъ глаза и, приложивъ рыжую голову къ стѣнкѣ, дѣвочка пѣвучимъ мечтательнымъ голосомъ говоритъ про мученицу, о которой ей съ матерью надняхъ разсказывала монашенка изъ дальняго монастыря.

— И прижгли тѣло ея желѣзомъ каленымъ,—ощущая нервную дрожь во всемъ тѣлѣ, разсказываетъ она,—и смрадъ пошелъ по комнатѣ, но мученица боли не слышала, передъ ея очами раскрывались двери селенія райскаго...

Дѣвочки замерли. Разсказъ подхватилъ и унесъ ихъ куда-то далеко отъ всего, что составляетъ ихъ дѣйствительную жизнь и какъ разъ въ эту самую минуту изъ рекреаціонной доносился звонокъ, извѣщающій, что перемѣна кончилась и нужно отправляться въ классъ.

— Дальше разсказывай, успѣешь еще. Теперь маленькія только пошли,—уговариваютъ дѣвочки замолчавшую разсказчицу.

— Въ классъ, въ классъ!—кричитъ дежурная, потряхивая звонкомъ и очень довольная тѣмъ, что можетъ покомандовать старшими.

— Ну, раззвонилась! Оглушила! Рада, что дежурный фартукъ надѣли,—ворчатъ недовольныя дѣвочки, неохотно поднимаясь съ ларька.

— Въ большую перемѣну доскажу,—утѣшаетъ ихъ Брусенцева.

Въ только-что провѣтренномъ классѣ холодно, въ какія-нибудь десять минутъ сравнять воздухъ немыслимо и дѣтей приходится пускать въ нахолодѣвшую комнату.

Пробовала Вѣра Павловна совѣтоваться насчетъ провѣтриванія съ другими учительницами. Въ день полученія жалованья онѣ всѣ собирались у рѣшетки въ казначействѣ думы, но по справкамъ оказалось, что многія школы совсѣмъ не имѣютъ рекреаціонныхъ и провѣтривать приходится прямо при дѣтяхъ.

Вѣра Павловна стоитъ въ дверяхъ, пропуская проходящихъ въ классъ дѣвочекъ.

Вотъ тѣсня и обгоняя другъ друга со всѣхъ ногъ бросаются къ своимъ столамъ маленькія. Вѣра Павловна боится спугнуть ихъ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ и дѣлаетъ имъ замѣчанія только въ крайнихъ случаяхъ.

— Подтянуть всегда успѣю,—такъ разсуждаетъ она, замѣчая, что нѣкоторыя дѣвочки съ трудомъ привыкаютъ къ школѣ.

Худая, смуглая Зина съ большими глазами и лохматой головой на длинной шеѣ все еще напоминаетъ дикую птицу, попавшую въ клѣтку. Тоска по улицамъ и знакомымъ закоулкамъ гложетъ дѣвочку, привыкшую къ бродяжничеству, она съ трудомъ выдерживаетъ обязательное сидѣнье въ классѣ и даже новые башмаки, подаренные учительницей, мало утѣшаютъ дѣвочку. До этихъ башмаковъ она часто прогуливала уроки, пользуясь тѣмъ, что матери некогда слѣдить за ней, но теперь продолжать обманывать учительницу, которая не только вѣрила каждому ея слову, но еще и подарила ей башмаки, становилось ей какъ-то неловко. Минутами въ Зинѣ пробуждалось необъяснимое раздраженіе къ Вѣрѣ Павловнѣ. Она привыкла къ брани и побоямъ, привыкла извѣстнымъ образомъ отвѣчать на привычное поведеніе окружающихъ лицъ, но какъ поступать относительно Вѣры Павловны, она положительно не знала и это незнаніе тревожило и порой даже мучило дѣвочку. Актриса изъ Зоологическаго сада тоже чувствовала себя довольно неуютно. Несмотря на высокій ростъ и знаніе жизни, она не умѣла ни читать, ни писать, и ей приходилось сидѣть съ ма-

леньками, которыя сторонились большой дѣвочки, старшія ее тоже къ себѣ не принимали.

— Вотъ только бы этихъ еще приручить, — думаетъ Вѣра Павловна, провожая глазами Бортгаузенъ и Богданову. Маню Николаеву нужно непремѣнно докторшѣ показать,—рѣшаетъ она, присматриваясь къ дѣвочкѣ, которая, припадая на одну ногу, осторожно пробирается между скамейками, стараясь не зашибать больного колѣна.

Дѣвочки размѣстились по скамейкамъ и Вѣра Павловна, назначивъ самостоятельную работу двумъ младшимъ отдѣленіямъ, задаетъ устныя задачи старшимъ дѣвочкамъ.

Сегодня почэму-то урокъ идетъ особенно удачно. Дѣвочки считаютъ быстрѣе обыкновеннаго и то здѣсь, то тамъ безпрестанно поднимаются руки, показывающія, что задача сосчитана.

Бронзова считаетъ быстрѣе всѣхъ. Крылова считаетъ, по обыкновенію, очень медленно и эти, постоянно мелькающія предъ нею руки, лишаютъ ее всякой энергіи.

— Вѣра Павловна, у меня грифель сломался! — жалобно пищитъ кто-то изъ маленькихъ.

И Вѣра Павловна, не прекращая урока со старшими, проходитъ между скамейками, стараясь по возможности безъ словъ уладить возникшія недоразумѣнія. Сломанный грифель она замѣняетъ новымъ, жестомъ показываетъ Разсоловой, что рисунки нужно стереть и продолжать дальше, на ходу выпрямляетъ слишкомъ низко нагнувшуюся дѣвочку и бѣгло просматриваетъ оконченную письменную работу одной изъ среднихъ.

Въ передней раздается звонокъ.

— Докторша, докторша пришла,—шепчутъ дѣвочки, приподнимаясь на скамейкахъ и вытягивая шеи, чтобы посмотрѣть на раздѣвающуюся въ передней Дарью Ивановну Борцову.

— Мнѣ необходимо вамъ одну больную показать,—говоритъ Вѣра Павловна входящей въ классъ полной женщинѣ въ черномъ платьѣ съ кожанымъ саквояжемъ въ рукахъ.

— Страшно тороплюсь, — задыхаясь отъ подъема въ четвертый этажъ, прерывающимся голосомъ говоритъ докторша и грузно опускается на стулъ, подставленный дежурной. — Пять школъ обѣгала. Съ этими лѣстницами чистое мученье, жаловалась она, вытирая платкомъ вспотѣвшее лицо.

— Вотъ больная, съ ногой у нея что-то неладно,—сказала Вѣра Павловна, указывая на подошедшую къ столу Николаеву.

— Ну, больныхъ послѣ. Теперь я перемѣрю и перевѣшаю новенькихъ. Вотъ вамъ листы, голубушка. Вносите по графамъ то, что я диктовать буду, обратилась она къ Вѣрѣ Павловнѣ.—Двумъ дѣвочкамъ изъ тѣхъ, что попіустрѣе, прикажите помочь раздѣться маленькимъ, чтобы задержекъ не было. Тороплюсь страшно...

И говоря это, Борцова поспѣшно устраивала все необходимое для предстоящей работы. Она отодвинула кожаную сумочку на край стола и разложила разграфленные листы. Съ вѣсами ей пришлось провозиться довольно долго, но въ концѣ концовъ и онѣ были прилажены и запыхавшаяся Дарья Ивановна, усѣвшись на стулѣ съ сантиметромъ въ рукахъ, велѣла полураздѣтымъ дѣвочкамъ по очереди подходить къ ней.

Дѣти ежились. Подходить никто не рѣшался. Глаза у всѣхъ были испуганные и растерянные. Голыя тѣла, поражавшія худобой вздрагивали отъ холода и отъ страха.

Это вымѣриванiе и взвѣшиванiе дѣтей было неожиданностью и для самой Вѣры Павловны и она жалѣла, что не знала объ этомъ раньше, чтобы подготовить дѣвочекъ.

— Подходите, подходите!—повторяла дѣтямъ Дарья Ивановна и, замѣтивъ, что они трусятъ прибавила въ видѣ успокоенiя, что она не кусается.

Дѣвочки подходили очень нерѣшительно.

Дарья Ивановна проворно опоясывала ихъ сантиметромъ, заставляла раскрывать ротъ, щупала гланды.

— Сложенiе среднее... питанiе плохое... гланды есть... зубы испорченные...—раздавалось по классу.

Дарья Ивановна диктовала, Вѣра Павловна записывала.

— Зачѣмъ все это?—спросила Вѣра Павловна, поднимая голову отъ разграфленнаго листа и выпрямляя затекшiя пальцы.

— О, это очень важно... По этимъ записямъ можно прослѣдить, какъ отзывается школа на физическомъ развитiи дѣтей,—торопливо отвѣтила докторша.

— Вотъ у меня въ рекреацiонной вентиляцiи никакой нѣтъ...—начала было Вѣра Павловна.

— Ну объ этомъ въ концѣ года заявите, теперь ремонтовъ не полагается.—И опять по классу раздался голосъ, сообщавшiй Вѣрѣ Павловнѣ о томъ, что у ея ученицъ питанiе плохое, а зубы у всѣхъ испорченные.

Полуголыя дрожащiя дѣвочки производили довольно жалкое впечатлѣнiе.

Тѣло у большинства было дряблое съ выдавшимися костями, а кожа грязновато-желтаго цвѣта.

На всѣхъ этихъ дѣтяхъ-бѣднякахъ большаго города лежалъ отпечатокъ хилости. Всѣмъ дѣвочкамъ было страшно стыдно и онѣ стыдились не столько своей наготы, сколько жалкихъ лохмотьевъ такъ неожиданно извлеченныхъ на Божiй свѣтъ.

Почти у всѣхъ платье было сносное, но бѣлье у всѣхъ безъ исключенiя было гораздо хуже платья. У нѣкоторыхъ вмѣсто рубашки висѣли какiя-то жалкiя грязныя тряпки и страшiя, добросовѣстно вы-

полняя свою обязанность, выворачивали наружу всю эту грязь и убожество нищеты, боявшейся дневнаго свѣта.

Зина долго упиралась, не желая раздѣваться. Она сдѣлала даже попытку укусить услужливые пальцы Бронзовой, но взглянувъ на двухъ женщинъ у стола, потеряла желаніе сопротивляться.

Отстранивъ Бронзову плечемъ, она быстрымъ рѣшительнымъ движеніемъ растегнула старую розовую кофту и, швырнувъ ее на полъ, очутилась совсѣмъ готовой къ осмотру.

— Рубашки нѣтъ! Зинка-то безъ рубашки!—шопотомъ пробѣжало по классу и сотня дѣтскихъ глазъ уставилась на дѣвочку.

О, какъ въ эту минуту ненавидѣла ихъ Зинка.

— Безъ рубашки, ну да и безъ рубашки и всѣхъ-то я васъ терпѣть не могу,—казалось, говорило ея озлобленное лицо.

На всѣ вопросы докторши она упорно молчала.

Потомъ, когда ее отпустили она, усѣвшись на свое мѣсто, отвернулась къ окну и, не отрываясь смотрѣла на синій дымъ, бѣжавшій изъ трубы. Тоскливое невыносимое настроеніе охватывало дѣвочку все сильнѣе и сильнѣе. Она почти не слышала того, что дѣлалось въ классѣ, ее неудержимо тянуло изъ школы на улицу на свободу.

Подаренные башмаки нестерпимо жали ноги...

А докторскій осмотръ все еще продолжался.

Маня Рулева охотно показала свои гланды и даже постаралась обратить вниманіе докторши на свои точно подернутые пленкой глаза.

— Глазки часто застилаетъ,—съ заискивающей улыбкой заявила она и, такъ какъ озабоченная Дарья Ивановна никакого вниманія на ея слова не обратила, то дѣвочка, инстинктивно прибѣгая къ способу, давно практикуемому матерью начала разсказъ о томъ, какъ она ослѣпла:

— Пьянаго испугалась, кровью въ глазки мнѣ брызнуло...

Но Дарьѣ Ивановнѣ не до жалостныхъ разсказовъ.

— Къ глазному доктору сходи съ матерью,—обрываетъ она дѣвочку.—Такъ на ходу этого не вылѣчить.—И она обращается къ слѣдующей дѣвочкѣ.

Настюшка Савина въ грязныхъ лохмотьяхъ на грязномъ тѣлѣ не стыдится ровно ничего.

Вся процедура взвѣшиванія, вымѣриванія и выстукиванья вызываетъ въ ней самый живой интересъ какъ и все, что происходитъ въ школѣ.

Она широко раскрываетъ ротъ, показывая зеленые испорченные зубы и съ ловкостью обезъяны выгибаетъ передъ докторшей худое желтое тѣло съ торчащими ребрами.

Въ концѣ осмотра она заявляетъ, что у нея болитъ грудь.

Дарья Ивановна выслушиваетъ и выстукиваетъ грудь.

— Нѣтъ ничего,—увѣренно заявляетъ она.

— А все-таки болитъ,—настаиваетъ Настюшка и для большей наглядности тычетъ себя пальцемъ прямо въ животъ.

— На животъ показываешь, а на грудь жалуешься,—укоризненно покачивая головой говоритъ Борцова и ощупываетъ вздутый животъ Савиной.

— По утрамъ тошнитъ сильно,—предупредительно сообщаетъ Настюшка, придерживая обѣими руками юбку и спущенную рубашку.

— Пищу полегче тебѣ давать нужно. Каши не ѣшь много... щи не годятся...—говоритъ наставительно докторша.

— Щи?—почесывая рукой лохматую голову, раздумчиво повторяетъ Настюшка.

— Щи мы только по воскресеньямъ варимъ, по буднямъ у насъ завсегда картошка и щей никакихъ не бываетъ, а онъ все болитъ да болитъ.

— Скажи матери, чтобы супъ варила... или кашу манную, что ли...— видимо затрудняется докторша.

— Не послушаетъ,—съ увѣренностью заявляетъ Настюшка.

— Ея мать совсѣмъ бѣдная. Она всего тридцать копеекъ въ день на фабрикѣ зарабатываетъ,—скороговоркой и полушопотомъ сообщаетъ Борцовой Вѣра Павловна.

— Я ей казенный завтракъ выхлопотала, — разсказываетъ Вѣра Павловна.—Теперь у меня восемь дѣвочекъ завтраки получаютъ и я имъ горячій супъ стала варить. На каждую выдаютъ рубль въ мѣсяцъ и восьми рублей въ общемъ почти хватаетъ...

— Ну вотъ и прекрасно, похвалила ее Дарья Ивановна. А у этой Савиной катарръ желудка: въ этой болѣзни самое главное это питаніе...

Вѣра Павловна подводитъ къ Борцовой и Маню Николаеву.

— У ней нога болитъ,—объясняетъ она Дарьѣ Ивановнѣ.

— Покажи!—Дарья Ивановна встаетъ и, взявъ со стола мѣшочекъ, прищуривается на стѣнные часы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія,—осмотръ затянулся и теперь она опоздаетъ повсюду, будетъ вездѣ попадать во время уроковъ и все-таки въ концѣ концовъ къ завтрашнему обходу прибавится еще двѣ школы, въ которыя она не успѣетъ попасть сегодня.

Дѣвочка между тѣмъ сняла тряпки съ больного колѣна.

— Вотъ какъ завяжу потуже все какъ будто легче, а такъ просто силъ нѣтъ,—морщась отъ боли и смущенная тѣмъ, что заставила дожидаться, говоритъ дѣвочка.

— Тебѣ въ больницу нужно. Такъ этого не вылѣчишь.

Борцова осматриваетъ колѣно.

— Съ матерью въ клинику съѣзди!—говоритъ она.

Дѣвочка молчитъ.

— Такъ больно? — Борцова осторожно прикасается къ больному мѣсту.

Дѣвочка только морщится.

— Давно болитъ?—разспрашиваетъ Дарья Ивановна.

— Года три. Ушибла, отъ ушиба и заболѣло. Въ началѣ болѣло сильнѣе въ больницу свезли. Доктора было рѣзать собрались, да мать не дала, домой силой увезла... Одно время лучше было, ну а теперь вотъ опять хуже...

— Какъ же ты въ школу добираешься?—спросила Борцова.

— А въ припрыжку. Устану—такъ гдѣ нибудь у воротъ посижу, дѣвочекъ встрѣчу,—онѣ помогаютъ: подъ руки подведутъ. Какъ завяжу потуже, оно ничего, терпѣть можно, — точно желая успокоить докторшу прибавила дѣвочка.

— Въ клинику, въ клинику! — повторила уже направляясь къ выходу Борцова.—Еще три школы обѣжать нужно,—обратилась она къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Мнѣ бы мази какой,—умоляюще проговорила дѣвочка.

— Не поможетъ. Съ матерью въ клинику поѣзжай!

Поспѣшно накинувъ драповую порыжевшую тальму и шляпу лодочкой съ черными слѣдами отъ дождя на запылившемся фетрѣ Борцова, захвативъ мѣшочекъ съ медикаментами, вышла на лѣстницу. На душѣ у нея было довольно скверно. Дѣвочка въ припрыжку добирающаяся до школы подѣйствовала и на ея притупившіеся нервы.

Когда она открывала дверь подъѣзда, ей стало досадно, что она не догадалась сообщить дѣвочкѣ о пріемныхъ часахъ въ клиникѣ. Сдѣлать это было такъ просто: у нея въ мѣшочкѣ какъ разъ лежала газета съ росписаніемъ пріемныхъ часовъ.

Результатомъ докторскаго осмотра было совершенно неожиданное происшествіе въ школѣ Вѣры Павловны.

Когда послѣ большой перемѣны дѣвочки собрались въ классъ, то мѣсто на послѣдней скамейкѣ у окошка осталось пустымъ. Дежурная бросилась отыскивать запоздавшую дѣвочку, обѣжала рекреаціонную, кухню и вернулась въ классъ съ недоумѣвающимъ лицомъ и парой ботинокъ въ рукахъ.

— Богдановой нигдѣ нѣтъ, а между дверями на чорной лѣстницѣ сапоги стояли! — объявила она, протягивая два башмака изумленной Вѣрѣ Павловнѣ.

Вся школа переполошилась.

Вѣра Павловна поспѣшила въ кухню, за ней бросились выпускныя. Среднія и маленькія метнулись за ними, но ихъ не пустили дежурныя.

Зины Богдановой не нашли нигдѣ. Она убѣжала въ старыхъ рваныхъ калошахъ, оставивъ новые башмаки въ школѣ. Вѣра Павловна поручила одной изъ дѣвочекъ, жившей по сосѣдству съ Богдановой, зайти послѣ уроковъ узнать, что случилось съ дѣвочкой.

На другой день Зину привела въ школу сама мать.

— Ну, смотри, удерешь—и не такъ еще отдеру,—напутствовала она дочь, впуская ее въ двери, но сама дальше лѣстницы не пошла: ей было некогда, она торопилась на фабрику.

Маленькія попробовали было дразнить бѣглянку. Люша Александрова обозвала ее бродягой, но старшія взяли ее подъ свое покровительство.

— Можно Богдановой въ кухнѣ посидѣть? — спросила Вѣру Павловну Крылова.—Она пѣсни пѣть не любитъ и играть не хочетъ.

Вѣра Павловна позволила Зинѣ сидѣть въ кухнѣ и каждый разъ, заходя туда, видѣла худенькую сгорбленную фигурку, прислоненную къ печкѣ вѣчно зябнувшей спиной и каждый разъ мучительный вопросъ о томъ, чего не хватаетъ дѣвочкѣ, поднимался въ душѣ Вѣры Павловны. Послѣ своего побѣга Зина стала еще болѣе молчаливой и угрюмой и дѣвочки перестали замѣчать ея присутствіе. На дворѣ съ каждымъ днемъ становилось все непригляднѣе, наступали холода и улица постепенно теряла вся обаяніе.

Манѣ Николаевой становилось все хуже и хуже.

Утренніе заморозки затягивали лужи и по скользкимъ тротуарамъ путешествіе въ припрыжку было довольно затруднительнымъ и мучительнымъ. Лицо дѣвочки похудѣло и пожелтѣло еще больше и въ перемѣны она просила Вѣру Павловну позволить ей оставаться въ классѣ, чтобы не тревожить лишній разъ больную ногу.

— Что же тебя мать въ клинику не везетъ?—спрашивала дѣвочку Вѣра Павловна.

— Некогда ей: стираетъ,—слышался ей постоянно неизмѣнный, уклончивый отвѣтъ.

Матери Николаевой пришлось какъ-то стирать въ томъ домѣ, гдѣ помѣщалась школа.

Таня, прибѣгавшая навѣстить мать, забѣжала и къ сестрѣ во время большой перемѣны.

Вѣра Павловна отправила Татьяну за прачкой.

— Что тамъ еще случилось? услышала она въ классѣ грубый нетерпѣливый голосъ, доносившійся изъ кухни.

Она только что собиралась почитать съ маленькими, но теперь велѣла имъ вынуть доски и списывать съ книги.

— Позовите учительницу! Мнѣ тоже дожидаться некогда! такъ все бѣлье изъ прачешной выкрадутъ...—продолжалъ все тотъ же нетерпѣливый голосъ.

Вѣра Павловна поспѣшила въ кухню.

— Звали, вотъ и пришла,—сказала ей растрепанная женщина въ рваномъ платкѣ, накинутомъ на плечи.

Изъ подъ платка виднѣлась мокрая юбка, а изъ подъ юбки калоши, надѣтыя на босую ногу.

Лицо у женщины было довольно пріятное съ мелкими чертами и

*

сѣткой морщинъ вокругъ глазъ, на лбу и около рта. Пахло отъ нея водкой и какою то прѣлью.

— Ежели вы насчетъ того, что Манька учится плохо, то это совсѣмъ напрасно. Мнѣ уроковъ у нея спрашивать некогда,—заявила она, недружелюбно посматривая на Вѣру Павловну.

— Какіе уроки! Зачѣмъ спрашивать?—изумилась Вѣра Павловна.— Ваша дочь и такъ хорошо учится, и я съ вами не объ ученьѣ говорить хотѣла, заговорила она.—Дѣвочка ваша больна, нужно непремѣнно ее свезти въ больницу...

Вѣра Павловна замолчала, поразившись внезапно исказившимся отъ прилива необъяснимой злобы лицомъ женщины.

— Въ больницу!—какъ то взвизгнула она.—Ну ужъ на больницу я ни въ какомъ случаѣ не согласна!—И запахнувшись плотнѣе въ платокъ она рѣшительно повернула къ дверямъ, волоча съѣзжавшія съ ногъ калоши.

— Послушайте, обождите немного,—растерянно загововорила Вѣра Павловна, стараясь удержать женщину.—Вѣдь вашей дочери съ такой ногой ходить трудно...

— Трудно! перебила ее женщина. Она почти кричала и лицо у нея стало совсѣмъ красное.—А мнѣ каково на нее хромую смотрѣть-то?.. Думаете вы, что мнѣ-то не трудно!

Послѣднія слова она произнесла значительно тише.

— Дѣвочкѣ очень больно. Вы, какъ мать, ее пожалѣть должны,— убѣдительно заговорила Вѣра Павловна.

Женщина стояла передъ ней молча, опустивъ голову и нервно перебирая пальцами бахрому платка. Вѣрѣ Павловнѣ вдругъ показалось, что она нашла вѣрный путь и ей удастся убѣдить ее.

— Вѣдь оставлять больную ногу безъ лѣченія это значитъ не чувствовать никакой жалости къ собственному ребенку...—продолжала она.

— Ишь вы какія скорыя!—покачивая головой и улыбаясь насмѣшливой улыбкой перебила ее женщина. Голосъ ея на этотъ разъ былъ тихій, точно сдавленный и звукъ его непріятно отдался въ ушахъ Вѣры Павловны.

— Жалости не имѣть! Вотъ какъ. А я, можетъ быть не изъ-за чего другого какъ изъ-за этой самой проклятой жалости и къ терпѣнью ее пріучаю.—Она посмотрѣла на Вѣру Павловну какимъ-то пронизывающимъ вопросительнымъ взглядомъ и затѣмъ, съ явнымъ намѣреніемъ подчеркнуть грубость словъ, неестественно громко и развязно прибавила:—Меня вотъ не пріучали, такъ я водку пью.

Она замолчала, видимо ожидая, что скажетъ Вѣра Павловна; но та не говорила ни слова и она продолжала съ тѣмъ же непріятнымъ выкрикиваньемъ:

— А на то, чтобы моего ребенка по больницамъ рѣзали, на это я не согласна. Докторамъ этимъ самымъ, понятное дѣло, все равно.

Нога болитъ—ногу прочь, тогда и болѣть нечему... Имъ горя мало. А вы только подумайте, госпожа учительница, куда же это моя дочка на одной ногѣ дѣнется?

Задавъ этотъ вопросъ женщина нѣкоторое время какъ будто наслаждалась смущеніемъ Вѣры Павловны. Хитро прищуренные воспаленные глаза Николаевой не открываясь смотрѣли на доброе, грустное лицо дѣвушки и что-то въ этомъ лицѣ подѣйствовало успокоительно на ея бѣдную озлобленную душу. Раздраженіе затихло и ей стало даже неловко за свои недавнія грубыя слова:

— А вотъ если вы точно, госпожа учительница, моей Манькѣ помочь захотѣли, то попрошу я васъ...

Она остановилась и ея глаза приняли выраженіе самой трогательной мольбы.

— Попрошу я васъ... Выхлопочите вы ей, Христа ради, желѣзную ногу!

Вѣра Павловна даже вздрогнула.

— Желѣзную ногу? Какую желѣзную ногу?—точно подъ впечатлѣніемъ кошмара переспросила она.

— Ногу желѣзную выхлопочите,—повторила еще разъ женщина.— Ежели къ больной ногѣ да желѣзный сапогъ придѣлать, то этотъ сапогъ будетъ ногу вытягивать и станетъ она, какъ здоровая,—въ видѣ поясненія прибавила она.

Вѣра Павловна, обрадовавшись благопріятному обороту разговора, упомянула опять про больницу.

— Доктора ногу осмотрятъ и рѣшатъ, что нужно дѣлать. Можетъ быть и желѣзный сапогъ дадутъ,—поспѣшила она прибавить,—или хотя бы костыли...

— Костыли!—опять вспыхнула женщина.—Ну ужъ покорно благодарю я васъ за эти костыли самые. Давали намъ изъ больницы и костыли, да я ихъ въ печкѣ сожгла.

— Почему же сожгли?—все еще не теряя надежды успокоить и разговорить собесѣдницу, мягко спросила Вѣра Павловна.

— А потому самому, госпожа учительница, что у меня на плечахъ голова съ мозгами, а не котелъ съ кашей, слава Тебѣ Господи, сидитъ. Съ костылями-то развѣ нога расти будетъ?

И женщина торжествующе посмотрѣла на растерявшуюся дѣвушку.

Будетъ или не будетъ расти нога—этого Вѣра Павловна дѣйствительно не знала.

— Ну, понятное дѣло, съ костылями нога расти броситъ. Каждый человѣкъ отъ труднаго сторонится и Манька на костыляхъ больную ногу трудитъ не станетъ и нога безъ ходьбы все короче и короче дѣлаться будетъ,—съ оттѣнкомъ снисхожденія объяснила женщина.— Имъ, докторамъ, конечно, дѣла нѣтъ, какая у Маньки нога, ну а я мать—я понимать должна.

Она замолчала. На ея лицѣ не было прежняго злобнаго возбужденія: его смѣнило грустное раздумье. Раздраженіе на учительницу тоже прошло. Она разобрала, что барышня оторвавшая ее отъ работы, не со зла хотѣла поговорить съ ней. На Маньку не жаловалась, даже хвалила дѣвочку и за уроками, какъ другія учительницы, ее слѣдить не заставляла.

Барышня должно быть добрая, тихая такая. Пустяковъ много болтаетъ, правда. Ну да что и взять съ человѣка, когда онъ ничего совсѣмъ не понимаетъ...

— А ужъ насчетъ ноги желѣзной, если только милость ваша будетъ, похлопочите!—повторила она уже въ дверяхъ свою просьбу.

Маня Николаева продолжала ходить въ школу. Домой ее провожали обыкновенно подруги.

Вся школа относилась къ больной дѣвочкѣ съ необыкновеннымъ сочувствіемъ. Когда она случайно попадала въ шумную толпу, всѣ, даже самыя маленькія, давали ей дорогу, стараясь чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ не повредить больной ногѣ. Въ перемѣны вопросъ о томъ, кому провожать Николаеву, обсуждался долго и обстоятельно. Провожали обыкновенно старшія, среднія допускались въ провожатыя только въ видѣ исключенія и съ большимъ выборомъ. Между тѣмъ наступила зима. Выпалъ снѣгъ и сейчасъ же растаялъ, потомъ опять подморозило и Маня въ этотъ день пробираясь въ школу, поскользнулась и упала прямо на больное колѣно.

Отъ боли она лишилась сознанія. Ее подняли и отправили въ больницу.

Дали знать матери.

Когда она прибѣжала въ больницу, дѣвочка уже лежала въ свѣтлой палатѣ на чистой постели.

Мать долго, но безуспѣшно уговаривала дѣвочку вернуться домой.

Съ непревычнымъ для нея упорствомъ дѣвочка только покачивала головой въ отвѣтъ на всѣ доводы матери.

— Видишь, я больше не могу... Устала очень...—съ виноватой улыбкой на блѣдномъ лицѣ шептала разомъ ослабѣвшая дѣвочка.—Рѣзать не дамся, а отдохну здѣсь хоть немного.

И она осталась въ больницѣ.

Вѣра Павловна часто навѣщала больную дѣвочку, но самыя свѣжія новости о состояніи Манькина здоровья доставлялись ея сестренкой Таней.

Обыкновенно по утрамъ Таня, закутанная поверхъ легкаго пальто байковымъ платкомъ, завязаннымъ на спинѣ, являлась въ кухню съ поклонами отъ больной.

Передавать эти поклоны было довольно затруднительно, потому что Маня кланялась не всѣмъ вообще, а каждой изъ выпускныхъ въ

отдѣльности и Таня измѣненіями голоса добросовѣстно старалась передать оттѣнки поклоновъ.

Въ больницу Таня направлялась не съ пустыми руками. Дѣвочки одна за другой совали ей всевозможныя вещи для передачи сестрѣ. Посылались яблоки, леденцы, булки, а иногда, когда дать было нечего, Танѣ вручались предметы въ данное время для больной совершенно ненужные въ видѣ новаго перышка или грифеля.

Таня брала все.

Съ каждымъ днемъ больница захватывала все сильнѣе и сильнѣе ея любознательную натуру. Улицы и дворы были забыты, знакомство съ тетеньками, среди которыхъ она слыла спеціалисткой по части укачиванья безпокойныхъ грудныхъ младенцевъ, было запущено.

Таня перезнакомилась со всѣмъ низшимъ служебнымъ персоналомъ и пробиралась въ больницу помимо пріемныхъ дней.

Къ Рождеству занятія въ школѣ совсѣмъ наладились. Маленькія уже бойко читали по складамъ, старшія подходили къ концу программы, необходимой для выпускного экзамена.

У Вѣры Павловны почти не было свободнаго времени. Школа съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе захватывала дѣвушку. Среди занятій, дѣтскаго говора и шумной бѣготни она положительно не замѣчала какъ проходило время до 2-хъ часовъ, и только отпустивъ дѣвочекъ, она по утомленію и хрипотѣ въ горлѣ чувствовала, что дала восемь получасовыхъ уроковъ.

Утомленіе послѣ небольшого отдыха проходило, но справиться съ горломъ было гораздо труднѣе. Кунина, съ которой она часто совѣтовалась по поводу различныхъ затрудненій въ новомъ дѣлѣ, утѣшала ее, что это съ непривычки: «Голоса разсчитывать не умѣете: говорите, какъ можно тише», совѣтовала она. «Учительница въ гимназіи поговоритъ часъ и отдохнетъ въ перемѣну, а у насъ классныхъ дамъ не полагается. Горла на все и не хватаетъ».

Вѣра Павловна близко сошлась съ Куниной. Старыхъ знакомыхъ она почти забросила: ходить въ гости было положительно некогда, а когда и выдавалась свободная минута, то ее невольно тянуло къ людямъ, съ которыми у нея было одно съ нею общее дѣло. Ольга Ивановна была постоянно занята, разговаривать ей было некогда, а Марья Михайловна любила поговорить и въ ея уютной крохотной пріемной съ цвѣтами и широкимъ диваномъ, на которомъ ночью спала сама хозяйка, говорилось какъ-то особенно хорошо. Въ маленькой школьной квартирѣ вмѣстѣ съ Куниной помѣщалась ея семья: мать и три сестры.

— Ни одну въ городскія учительницы не пущу, — заявила Марья Михайловна, знакомя Вѣру Павловну съ двумя подростками гимназистками и тонкой стройной курсисткой съ озабоченнымъ лицомъ.

— Это почему?—удивилась Вѣра Павловна.—Мнѣ всегда казалось, что вы любите ваше дѣло.

— Конечно люблю. А только ихъ не пущу—жалко. Если это дѣло какъ слѣдуетъ дѣлать—силъ не хватитъ. Мнѣ вотъ одинъ докторъ дрова колоть отъ здоровья совѣтовалъ. Такъ такихъ, какъ я, много ли? Какъ-то на дняхъ собрались мы въ библіотекѣ и кто-то изъ учительницъ заговорилъ о пенсіи. Поговорили, погорячились, нашли, что пенсія ужъ очень ничтожная, а потомъ, какъ посмотрѣли хорошенько другъ на друга, разомъ успокоились: всѣ худыя, блѣдныя истощенныя, ну и порѣшили, что горячиться не изъ-за чего: все равно до пенсіи почти никому не дотянуть! Вечера Вѣра Павловна проводила обыкновенно за работой.

До полученія школы она давала уроки безъ всякой подготовки. Вначалѣ готовиться не приходилось по той простой причинѣ, что все было слишкомъ ясно и опредѣленно въ ея головѣ и приходилось только примѣнять на практикѣ то, что она знала пока въ теоріи, а потомъ у нея выработался извѣстный методъ преподаванія, который она примѣняла изъ года въ годъ. Раздумывать о томъ, насколько хороши ея пріемы, было положительно некогда, педагогическихъ журналовъ она не читала и ея преподаваніе обращалось постепенно и незамѣтно для нея самой въ какое то машинное производство, которое практиковалось обыкновенно учительницами, бѣгающими съ урока на урокъ.

Теперь, отдыхая отъ суетливаго метанья своей прошлой жизни и вѣчной заботы о завтрашнемъ днѣ, Вѣра Павловна чувствовала, какъ въ ней постепенно пробуждается потребность какого-то внутренняго обновленія. Въ маленькой комнатѣ, гдѣ было такъ уютно и тихо послѣ меблированныхъ комнатъ, Вѣра Павловна отдыхала душой и тѣломъ.

Заглянувъ въ педагогическіе журналы, она пришла въ ужасъ отъ сознанія, до какой степени она отстала отъ всего, чѣмъ живутъ лучшіе изъ ея товарищей. Въ то время, когда она занималась механическимъ вколачиваньемъ въ головы учениковъ того матерьяла, которымъ ее самое начинили въ гимназіи и на курсахъ, они добивались чего-то новаго, искали лучшихъ путей. Вѣра Павловна принялась работать, стараясь наверстать упущенное ею въ безпрестанной погонѣ за кускомъ хлѣба, и вечера за работой проходили совсѣмъ незамѣтно.

Въ ея комнатѣ стояла тишина; тихо было и въ пустомъ темномъ классѣ и въ рекреаціонной; изъ кухни тоже не доносилось ни звука. Вѣра Павловна почти забывала о присутствіи Татьяны съ дочкой и чувствовала себя совсѣмъ одной въ большой квартирѣ, вечерняя тишина который особенно рѣзко оттѣнялась дневнымъ шумомъ и оживленіемъ.

— Какая она у тебя тихая! — замѣтила какъ-то Вѣра Павловна Татьянѣ, смотря на дѣвочку.

Вѣра Павловна зашла передъ сномъ въ кухню, чтобы, по обыкно-

венію, обсудить важный вопросъ о томъ, что готовить на завтра «казеннымъ дѣвочкамъ».

Татьяна, что то работавшая при свѣтѣ стѣнной лампочки, встала и, отложивъ шитье, посмотрѣла на дѣвочку, сидѣвшую въ одной рубашенкѣ.

— А потому и тихая, что понимаетъ. Знаетъ, что веревкой отстегаютъ, если шумѣть станетъ,—отвѣтила она на вопросъ Вѣры Павловны и голосъ ея звучалъ какъ-то неестественно грубо.

Шурка серьезными внимательными глазами смотрѣла то на мать, то на Вѣру Павловну и та, вглядѣвшись въ большіе глаза дѣвочки, выражавшіе не дѣтскую заботу и суровую сосредоточенность, какъ-то разомъ повѣрила, что ребенокъ понимаетъ рѣшительно все.

— Блѣдная она у тебя,—поглаживая лежавшую на краю корзинки ручку дѣвочки, проговорила Вѣра Павловна.

Безкровное лицо Шурки казалось застывшимъ, но въ глазахъ вдругъ появилось тревожное растерянное выраженіе и она вопросительно посмотрѣла на мать. Та стояла суровая, но совершенно спокойная и дѣвочка, увѣрившись по ея виду, что никакой опасности нѣтъ, успокоилась и оставила рученку на прежнемъ мѣстѣ.

— Съ чего же ей и розовой быть,—отозвалась Татьяна на замѣчаніе Вѣры Павловны. — Жизнь-то ея тоже не Богъ вѣсть какая сладкая была. Лѣтомъ чуть съ голоду не подохла...

И опять Вѣру Павловну непріятно поразила грубость Татьяны. «И зачѣмъ это она такъ говоритъ? — подумала дѣвушка.—«Дѣвочка блѣдненькая, жалкая такая»... И она нагнулась, чтобы поцѣловать ребенка, но поцѣлуй вмѣсто щеки пришелся въ мягкій пушокъ на затылкѣ, потому что Шурка изъ предосторожности бросилась головой въ подушку. Вѣра Павловна невольно улыбнулась.

Съ дѣвочки она перевела глаза на мать. Та стояла угрюмая, съ отпечаткомъ невеселой думы на еще молодомъ и красивомъ лицѣ.

Татьяна жила у Вѣры Павловны уже три мѣсяца. За это время никто рѣшительно не приходилъ къ ней.

Растерянное испуганное выраженіе, съ которымъ она появилась въ школѣ, постепенно исчезало съ ея лица.

Окончательно увѣрившись, что ее не прогонятъ, Татьяна начала здоровѣть и даже похорошѣла. Ея спокойныя, немного лѣнивыя движенія не имѣли ничего общаго съ суетливостью первыхъ дней. Даже грубость относительно дочери, такъ непріятно поразившая Вѣру Павловну, постепенно сглаживалась и дѣвушка убѣждалась съ каждымъ днемъ въ томъ, что въ окрикахъ и угрозахъ отстегать веревкой было много напускного. На самомъ дѣлѣ между матерью и дочерью существовало полное взаимное пониманіе. Перемѣна въ настроеніи Татьяны тотчасъ же отразилось и на дѣвочкѣ.

Молчалива Шурка была попрежнему, но въ ея глазахъ появилось

выраженіе любопытства. Изъ своей корзинки, поставленной на сундукѣ, она стала присматриваться къ сновавшимъ вокругъ нея дѣвочкамъ и блѣдная улыбка порой пробѣгала по ея лицу, еще болѣе оттѣняя его не дѣтскую серьезность. Боязлива она была попрежнему. При малѣйшей попыткѣ которой-нибудь изъ дѣвочекъ завязать съ нею болѣе близкія сношенія она вся какъ-то съеживалась и безъ единаго звука валилась лицомъ внизъ на дно корзинки, терпѣливо сохраняя это неудобное положеніе до перваго окрика матери. Случалось, что Татьяна, занявшись какимъ-нибудь дѣломъ, забывала о дочкѣ и только сопѣніе дѣвочки, задыхавшейся отъ продолжительнаго пребыванія въ подушкѣ, привлекало, наконецъ, ея вниманіе.

— У-у, глупая! — полусердито, полуласково говорила она тогда. Шурка, принимая эти слова за увѣреніе въ безопасности, поднимала лохматую головенку, отыскивая глазами привлекавшихъ и пугавшихъ ее въ то же время дѣвочекъ.

Вѣра Павловна знала, что Шурка дичится дѣвочекъ и была очень удивлена, когда разъ, зайдя въ кухню въ одну изъ большихъ перемѣнъ, сдѣлалась свидѣтельницей слѣдующей неожиданной сцены:

Корзинка была пуста, а у окна, придерживаясь за подоконникъ, на широко раставленныхъ ноженкахъ стояла Шурка съ раскрытымъ, какъ у птицы ртомъ и жадными глазами слѣдила за ложкой со щами, которую ей услужливо подносила сидѣвшая здѣсь же на корточкахъ Настюшка Савина.

— Ахъ, ахъ!—вскрикивала Шурка послѣ каждаго глотка и на лицѣ ея отражалась вся полнота испытываемаго наслажденія.

Щи текли по подбородку, стекали на платье, но на это никто не обращалъ никакого вниманія. Шурка была довольна; Савина тоже чему-то радовалась, дѣвочки улыбались, глядя на нихъ обѣихъ.

— Съ Настюшкой сдружилась!—объявила Татьяна, поймавъ изумленный взглядъ дѣвушки.

Какъ подружилась Шурка съ Настюшкой—осталось для всѣхъ тайной.

— Щи это я по мисочкамъ разлила, а сама побѣжала въ лавку: хлѣба забыла утромъ купить. Прихожу, а Шурка съ Настюшкой ужъ у окошка!—разсказывала Татьяна.—Ума не приложу, чѣмъ это она ее изъ корзинки выманила...—удивлялась мать.

Настюшка въ отвѣтъ только ухмылялась.

Съ этого дня дружба Шурки съ Настей Савиной стала для всей школы признаннымъ и неопровержимымъ фактомъ.

Съ ранняго утра, едва только мутный разсвѣтъ проникалъ въ окошко, Татьяна принималась растапливать плиту, чтобы обогрѣть кухню къ приходу дѣвочекъ.

Вмѣстѣ съ ней поднималась и Шурка. Татьяна наскоро одѣвала дочку, умывала ее съ руки ледяною водой изъ подъ крана и, пригла-

дивъ пушистый хохолъ на затылкѣ, усаживала дѣвочку на дровяной ящикъ, крышка котораго, за недостаткомъ мѣста, исполняла должность кухоннаго стола. Затѣмъ Татьяна принималась убирать кухню, а предоставленная самой себѣ Шурка, сложивъ на колѣняхъ худыя руки, не спускала глазъ съ входныхъ дверей, нетерпѣливо поджидая своего новаго друга.

Случалось, что Настюшка запаздывала и тогда на лицѣ ребенка появлялось тревожное тоскующее выраженіе. Но Настя запаздывала довольно рѣдко; обыкновенно она являлась раньше всѣхъ, стараясь попасть прямо къ чаю.

— Нася!—пронзительно вскрикивала Шурка, завидѣвъ въ дверяхъ закутанную знакомую фигурку.

Это было первое слово, которое она рѣшилась произнести громко.

Пока Настя раздѣвалась, Шурка ерзала по ящику и тянулась къ ней рученками.

Татьяна въ это время здѣсь же на ящикѣ собирала все необходимое для чаепитія.

— Садись, чай будемъ пить,—обращалась она къ Настюшкѣ.

И каждый день Вѣра Павловна, въ спальню которой доносился малѣйшій звукъ изъ кухни, слышала одинъ у тотъ же неизмѣнный отвѣтъ:

— Спасибо, тетенька! Я не хочу.

При этихъ словахъ голосъ Настюшки не выражалъ большой увѣренности. Ей, конечно, очень хотѣлось чаю и отказывалась она только изъ приличія.

— Ну чего тамъ не хочу,—обрывала ее Татьяна.—Пей!

И голосомъ значительно болѣе мягкимъ прибавляла:

— Одежа у тебя то же не Богъ знаетъ какая.

Убѣжденная Настюшка придвигала къ ящику табуретку.

— Тошнитъ все меня по утрамъ, тетенька, и въ животъ колетъ,— сообщаетъ она.

Въ плитѣ весело потрескиваютъ разгорѣвшіеся дрова. На дворѣ еще темно. Маленькая стѣнная лампочка тусклымъ свѣтомъ озаряетъ лохматую оборванную Настюшку и блѣдную, безъ кровинки въ лицѣ, Шурку, не спускающую глазъ съ матери, которая усердно дуетъ на блюдечко съ чаемъ, чтобы напоить дочку.

— А меня, тетенька, вчера мальчишки отодрать хотѣли!—болтая ногами, продолжаетъ Настюшка.

— Ишь ты, озорники какіе!—качаетъ головой Татьяна и подноситъ блюдечко къ выжидательно протянутымъ губамъ Шурки.

— Ну да и ты тоже хороша, спуску не дашь, даромъ что дѣвочка. Не ты ли первая и драку-то затѣяла?—подозрительно косится на дѣвочку Татьяна.

— Ну вотъ еще драться! Драться я совсѣмъ бросила,—аппетитно посасывая кусокъ сахара, съ достоинствомъ возражаетъ Настюшка.—

Да и узелокъ съ книгами къ тому же въ рукахъ: его на землю вѣдь не кинешь, доску того и гляди разобьешь,—объясняетъ она.—Убѣгла я отъ нихъ вчера. Какъ припущусь,—только меня и видѣли.

— А вчера ночью мнѣ долго не пришлось спать,—продолжаетъ дѣвочка, усвоившая себѣ привычку дѣлиться съ Татьяной всѣми впечатлѣніями своей богатой приключеніями жизни.

— Въ нашей комнатѣ жилецъ имянины справлялъ. Народищу къ нему набралось! Мнѣ тоже леденцовъ дали, пѣсни велѣли пѣть. Ужъ я имъ пѣла, пѣла: и про «Зайку сѣраго», и про «Лебедь бѣлую», всѣ пѣсни, которыя въ школѣ въ перемѣны поемъ, перепѣла, даже осипла совсѣмъ, а имъ все мало. Ругать меня подъ конецъ принялись. Ну, пьяные, извѣстно! — съ тонкимъ пониманіемъ дѣла вставила дѣвочка.

— Уйти хотѣла, да не тутъ-то было, не пускаютъ. Ну, думаю, плохо, того и гляди отдуютъ... Да не на таковскую тоже напали!

Она остановилась, чтобы перевести духъ. Глаза у нея заблестѣли и лукавое выраженіе проступило на ея некрасивомъ изрытомъ оспою сѣроватомъ лицѣ.

— Изловчилась это я тетенька и къ нашему сундуку пробралась, легла на него и притворилась, точно заснула, а какъ увидала, что никто на меня не смотритъ, за сундукъ и сползла. У насъ между сундукомъ и стѣною щель такая,—пояснила дѣвочка и показала руками величину щели. — Скатилась я туда, да тамъ на полу всю ночь и проспала.

— А мнѣ дяденька сапоги починилъ!—вдругъ налетаетъ она на входящую въ кухню Вѣру Павловну.

— Кто же тебѣ сапоги починилъ?—распрашиваетъ Вѣра Павловна, проводя рукой по мокрымъ отъ усерднаго умыванья волосамъ дѣвочки.

— Дяденька, который съ нами въ комнатѣ живетъ,—объясняетъ Настюшка.—Трезвый онъ съ мамки за починку 30 копѣекъ просилъ, а потомъ, какъ напился, задаромъ заплатки поставилъ.

— Ну и спасибо ему,—улыбается Вѣра Павловна.

Она привыкла просыпаться подъ утреннюю болтовню Настюшки и, благодаря наивнымъ разсказамъ дѣвочки, жизнь, которой живетъ большинство ея учеництъ, обрисовывалась передъ нею во всѣхъ ея неприглядныхъ подробностяхъ.

И Маня Леонтьева, и Зина Богданова, и Чернышова, и Еремѣева, и многія другія изъ ея учеництъ живутъ по угламъ въ духотѣ, сырости и полутьмѣ грязныхъ подваловъ.

Маня Леонтьева тоже помѣщается въ углу, но ея мать сама квартирная хозяйка, и уголъ у нихъ свѣтлый.

Вѣра Павловна слышала, какъ Маня уговаривала Ильину приходить къ ней учить уроки.

— Столъ у меня у самаго окошка. Приходи,—говорила она Ильиной, лицо которой было постоянно покрыто золотушными болячками.

— Хорошо, приду,—вяло согласилась апатичная ко всему дѣвочка.— А чернила-то у тебя есть?

Мать Ильиной, служившая въ горничныхъ, временно находилась безъ мѣста и ей съ бабушкой на пропитаніе ничего не давала. Вздумала было бабушка ходить по стиркамъ, но ея по старости никто не бралъ.

Одна за другой собираются дѣвочки.

Ночью мало кто изъ нихъ имѣлъ возможность вытянуться во всю длину подъ теплымъ одѣяломъ на сносномъ матрацѣ. Такъ спали развѣ только Брусенцева, Бронзова, да Волкова.

У Брусенцевой отецъ типографскій наборщикъ и они нанимаютъ квартиру въ двѣ комнаты съ кухней. Отецъ получаетъ порядочно, но денегъ едва хватаетъ, потому что семья у нихъ большая: дѣтей восемь человѣкъ. Мать работаетъ съ утра до ночи и ея работа отличается отъ работы поденьщицы только тѣмъ, что она не ходитъ по чужимъ людямъ. Живутъ они скромно, выгадываютъ каждую копѣйку, но ѣдятъ хорошо и у каждаго члена семьи, кромѣ самаго маленькаго, грудного, который спитъ съ матерью, своя отдѣльная кровать.

И по лицу, и по платью Брусенцевой видно сразу, что она изъ достаточной семьи. Платье у нея шерстяное, пальто на ватѣ, шапочка барашковая и калошки съ мерлушкой. Лицо у нея не такое блѣдное, какъ у другихъ, кожа чистая, бѣлая и на щекахъ легкій румянецъ.

Большинство дѣвочекъ провело ночь въ душномъ спертомъ воздухѣ, скорчившись въ уголкѣ большой кровати, на которой, кромѣ нихъ, спала цѣлая семья. Во время сна ихъ томили кошмары, вызванные спертымъ, отравленнымъ воздухомъ, кашей и картошкой, вздувавшей имъ животы. Запоздавшіе и часто пьяные жильцы, возвращаясь домой, будили ихъ ругательствами и шумомъ.

Утромъ, чуть брезжилъ разсвѣтъ, онѣ уже проснулись отъ возни, поднятой взрослыми, которые торопились на работу.

Невыспавшіяся, съ тяжелой головой, съ затекшими членами и пустыми желудками, захвативъ кусокъ хлѣба, оставленный имъ на завтракъ, спѣшили онѣ въ школу въ рваныхъ башмакахъ, промерзая до костей подъ худенькими подбитыми вѣтромъ пальтишками.

Полянская, крохотная дѣвочка, бѣгающая всю зиму въ драповой кофтѣ и въ ситцевомъ платкѣ на головѣ, раздѣвшись, долго грѣется передъ плитой. Она выбѣгаетъ на морозъ съ рѣшимостью человѣка бросающагося въ холодную воду и, отогрѣвшись, принимается горько плакать при одномъ воспоминаніи о томъ, какъ ей было холодно.

Вѣра Павловна зоветъ ее къ себѣ въ комнату, куда Татьяна уже подала самоваръ.

Она смотритъ, съ какимъ наслажденіемъ дѣвочка тянетъ горячій чай и мечтаетъ о томъ, какъ хорошо было бы имѣть возможность поить по утрамъ чаемъ всѣхъ ученицъ.

Такой расходъ не по силамъ самой Вѣрѣ Павловнѣ. Жалованья въ 45 рублей, которое въ началѣ казалось ей почти богатствомъ, едва хватаетъ для нея самой. Даже «благотворительные расходы», какъ сама она шутя называетъ покупку башмаковъ дѣвочкамъ, пришлось сократить.

А дѣвочки все приходятъ и приходятъ. Дверь въ кухнѣ отворяется поминутно, пропуская все новыя и новыя закутанныя фигуры.

На дворѣ морозно и отъ навѣшаннаго въ кухнѣ платья тянетъ холодомъ.

Въ классѣ раздается звонокъ, которымъ Вѣра Павловна собираетъ дѣвочекъ на молитву.

Кухня разомъ пустѣетъ.

Въ классѣ стоитъ полутьма. Лица и фигуры старшихъ, сидящихъ вдоль глухой стѣны, сливаются въ одну безформенную сѣрую массу, а лица маленькихъ, сидящихъ у окошекъ, кажутся Вѣрѣ Павловнѣ еще болѣе блѣдными и болѣзненными въ мутномъ освѣщеніи безсолнечнаго утра. Ни писать ни читать нѣтъ никакой возможности и Вѣра Павловна начинаетъ спрашивать у дѣвочекъ молитвы, заданныя батюшкой къ сегодняшнему уроку.

Сама она уроковъ не задаетъ, зная, какъ дорого обходится дѣвочкамъ ихъ приготовленіе.

Дома каждую изъ ея ученицъ ждетъ какое нибудь хозяйственное дѣло: кто матери помогаетъ, а кто и самъ управляться долженъ, потому что мать съ утра до ночи на работѣ. Дѣла не оберешься, а вечеромъ у многихъ даже и керосина не жгутъ... Стемнѣетъ и спать ложатся.

— Ты почему же молитвы не выучила?—спрашиваетъ Вѣра Павловна Бронзову.

— Мнѣ мамаша крестная не приказываетъ дома учиться. Какъ я за книжку--Васенька въ слезы,—отвѣчаетъ блѣдная малокровная дѣвочка.

Бронзова, не смотря на шелковый передникъ съ бантиками и высокіе башмаки на пуговкахъ, которымъ завидуетъ вся школа, производитъ жалкое впечатлѣніе.

Ей двѣнадцать лѣтъ, но по фигурѣ ей можно дать только десять, а по лицу дѣвочка производитъ впечатлѣніе совсѣмъ взрослой женщины. Способности у Бронзовой выдающіяся, ко всему, что говорится въ классѣ, она относится съ какимъ-то нервнымъ возбужденіемъ и выраженіе лица у нея постоянно сосредоточенное и напряженное. Невыученные уроки тяготятъ дѣвочку, она старается изо всѣхъ силъ и относится къ ученію съ не дѣтской серьезностью.

Крестная еще недавно повторила свое обѣщаніе отдать ее въ гимназію, если она будетъ угождать Васенькѣ и это обѣщаніе крѣпко засѣло въ головѣ дѣвочки, которая инстинктивно чувствуетъ, что между

ея прошлой жизнью съ родителями и настоящей у крестной легла цѣлая пропасть и вернуться назадъ у ней нѣтъ ни силъ, ни охоты. Тѣсная сырая комната приводитъ ее въ отчаяніе даже во время ея рѣдкихъ посѣщеній, она задыхается въ воздухѣ, пропитанномъ специфическимъ запахомъ бѣдности, нечистоплотность тѣсно связанная съ тѣснотой, вызываетъ въ ней брезгливость. Жить снова такъ, какъ жила она раньше, дѣвочка положительно не можетъ. Быть портнихой она не хочетъ. Ей слишкомъ знакома согнутая надъ работой фигура матери съ утомленнымъ лицомъ и красными вѣками. Работала она много, а жить лучше того, какъ жили, они все-таки не могли.

Бронзова хочетъ быть учительницей. Для того, чтобы сдѣлаться учительницей, необходимо попасть въ гимназію, поступленіе же въ гимназію всецѣло зависитъ отъ Васеньки и дѣвочка стараетя изъ всѣхъ силъ угодить капризному единственному ребенку заплывшей жиромъ купчихи, отъ которой зависитъ вся ея дальнѣйшая судьба.

Не знаетъ урока и Маня Леонтьева.

— Мама въ Кронштадтъ уѣхала,—смущенно говоритъ старательная и въ высшей степени исправная дѣвочка. Способностей большихъ у Мани нѣтъ, но учится она изо всѣхъ силъ, точно стараясь наверстать пропущенное за то время, когда она была слѣпою.

— Я за хозяйку оставалась,—съ достоинствомъ объясняетъ она, будучи не въ силахъ удержаться, чтобы не похвалиться своими сложными обязанностями передъ учительницей и подругами.

— Минуточки свободной не вижу, — съ важностью разсказываетъ она въ перемѣну окружавшимъ ее дѣвочкамъ.—Тамъ подмыть, тамъ прибрать нужно. Ночью, пока лампу послѣднюю не загашу, спать ни за что не лягу. Спаси Господи, пожаръ случится.

— А ты куда это вчера вечеромъ бѣгала?—перебиваетъ ее Ильина.—Я за хлѣбомъ въ лавочку ходила, а ты мимо меня точно кошка прыснула.

— А это я въ церковь бѣгала. У одной нашей жилицы ребеночекъ родился. Хорошенькій такой, глазки черненькіе, такъ я къ нему въ крестныя попросилась.

— Ну и взяли?—спрашиваетъ Волкова.

— Отчего же не взять, взяли, конечно, съ радостью. Теперь у меня этихъ самыхъ крестниковъ да крестницъ больше десяти наберется. Бабъ на квартирѣ мало ли, родится у кого младенчикъ, ну и просятъ, окрести, пожалуйста.

— Слушай, Маня, нельзя ли и мнѣ кого окрестить у васъ?—просительно говоритъ Демьянова, единственная дочь приказчика большого писчебумажнаго магазина.

— Можно. Почему нельзя. Къ бѣднымъ въ крестные совсѣмъ мало идутъ,—отвѣчаетъ Леонтьева.

— А распашенку-то я въ классѣ забыла! — спохватившись заявляетъ она и бросается изъ рекреаціонной.

Въ дверяхъ класса ее останавливаютъ дежурныя, но Маня такъ убѣдительно объясняетъ имъ, что ей необходимо дошить распашенку здѣсь же въ школѣ, потому что дома времени совсѣмъ нѣтъ, что ее въ концѣ концовъ пропускаютъ взять работу.

Роспашенку она шьетъ изъ своей старой рубашки.

— Младенчика совсѣмъ одѣть не во что,—разсказываетъ она.— Мужъ этой самой бабы маляръ, жену изъ деревни выписалъ, а самъ въ больницѣ помирать собрался.

— А скоро мать твоя отъ батюшки назадъ будетъ?—спрашиваетъ дѣвочку Татьяна.

— Пожалуй, что сегодня вернется,—говоритъ дѣвочка.

И дѣйствительно Манина мать возвратилась въ этотъ же день и прямо съ парохода явилась въ школу. У дѣвочекъ только что началась большая перемѣна.

Онѣ вынули изъ ящиковъ и разложили передъ собой пестрые ситцевые мѣшочки съ завтраками, бутылочки съ чаемъ и съ чернымъ кофе. И кофе и чай тепловатые, потому что дѣвочки стараются пристроить свои бутылочки гдѣ нибудь на краю плиты. У большинства завтракъ самый неприхотливый: кусокъ ситника или вчерашняя булка, которую отдаютъ вмѣсто трехъ за двѣ копѣйки. Нѣкоторыя приносятъ одинъ черный хлѣбъ, а есть такія, которыя не приносятъ ничего. Эти получаютъ въ кухнѣ мисочку супа и ломоть хлѣба.

— А у тебя леденцы никакъ и булка съ вареньемъ! — подскакиваетъ къ Волковой подвижная черноволосая Яковлева.

— А ты сегодня никакъ и совсѣмъ безъ завтрака,—косится та на подсѣвшую къ ней Яковлеву, и запускаетъ зубы въ булку, сочно пропитанную брусничнымъ вареньемъ.

— Мама давала, да я не взяла, неохота возиться съ нимъ,—отвѣчаетъ съ небрежностью Яковлева.

Она строитъ самое равнодушное лицо и для большей убѣдительности даже снимаетъ съ головы гребенку и нѣсколько разъ старательно зачесываетъ свои прямые жесткіе волосы.

— Ну ужъ не повѣрю,—вмѣшивается въ разговоръ сосѣдка Волковой, уплетая кусокъ вчерашняго пирога.

— Напроказила вѣрно, ну и наказали,—замѣчаетъ одна это изъ среднихъ. Яковлева не возражаетъ. Близость пирога дѣйствуетъ на нее самымъ угнетающимъ образомъ. Еще минута и она начнетъ малодушно выпрашивать хоть кусочекъ.

— Все равно не дадутъ!—вдругъ рѣшаетъ она, всмотрѣвшись въ лица наслаждающихся вкуснымъ завтракомъ дѣвочекъ и, собравъ послѣднія силы, отправляется съ видомъ полнѣйшаго равнодушія бродить по классу.

Черезъ минуту она уже сидитъ рядомъ съ одной изъ маленькихъ.

— Дай кусочекъ, я тебѣ ариѳметику покажу,—шепчетъ она хорошенькой дѣвочкѣ съ большими блестящими глазами и гладко остриженой подъ гребенку круглой головой.

— Да у тебя у самой всегда невѣрно, — нерѣшительно возражаетъ та.

Поджаристая обсахаренная плюшка смотритъ необыкновенно вкусно, но и перспектива получить вѣрныя задачи тоже довольно заманчива и толстенькая Люба съ румяными щеками старается сообразить всю выгоду предложенія.

Съ ариѳметикой у нея совсѣмъ плохо. До десяти еще она кое-какъ сосчитаетъ по пальцамъ, но дальше у нея ни за что не выходитъ. Учительница правда добрая, но передъ дѣвочками какъ-то неловко да и передъ матерью стыдно.

Любина мать часто поджидаетъ дочку изъ окна рамочнаго заведенія на углу улицы. Сама въ школу она не заходитъ, потому что ей некогда, но старается справляться объ успѣхахъ дочери у проходящихъ дѣвочекъ.

— Ничего, вотъ только ариѳметика... — обыкновенно отвѣчаютъ спрашиваемыя.—Люба терпѣть не можетъ ариѳметики...

Внутренняя борьба разрѣшается, наконецъ, тѣмъ, что Яковлева уходитъ къ себѣ на мѣсто съ половиной плюшки, съ которой, однако, предусмотрительно сколупнуты всѣ изюминки.

Завтракъ почти конченъ, но Вѣры Павловны нѣтъ въ классѣ и дѣвочки въ ожиданіи молитвы, послѣ которой можно идти въ рекреаціонную, тихо разговариваютъ между собою.

— А у «казенныхъ» супъ съ рисомъ и къ Манѣ Леонтьевой мать пришла!—объявляетъ влетая въ классъ Разсолова.

Маня съ кускомъ недоѣденнаго хлѣба бросается въ кухню, за ней бѣгутъ дѣвочки.

— Вы куда? вы куда?—останавливаютъ старшія и сами бросаются въ кухню.

— Точно табунъ, прости Господи, — ворчитъ Татьяна. — Ребенка соннаго испугали!

Шумъ и топотъ ногъ разбудили спящую Шурку, она приподнялась ухватившись за край корзины и недоумѣвающими испуганными глазами смотрѣла на дѣвочекъ.

А тѣ уже забыли, зачѣмъ это понадобилось имъ сорваться такъ стремительно со своихъ мѣстъ.

Прибѣжала Разсолова, что-то крикнула. Что именно крикнула разобрали очень немногія, но когда нѣсколько дѣвочекъ бросились бѣжать, за ними пустились и другія, отдаваясь потребности подвигаться и пошумѣть послѣ цѣлаго часа занятій.

Нѣкоторыя, видимо сконфуженныя окрикомъ Татьяны, поспѣшно убѣжали назадъ, оставшіяся обступили корзинку.

— Шурка! Шурка! дай я тебѣ ножку обую, чулочки надѣну, — наперерывъ предлагаютъ они.

Но Шурка хмурится. Она не выспалась и только капризно поджимаетъ голенькіе нагрѣтыя во время сна ноженки.

— Гуленьки прилетѣли! — вдругъ вскрикиваетъ взобравшаяся на окно Полянская и всѣ дѣвочки отъ корзинки бросаются къ ней.

Полянская открыла форточку и выбрасываетъ за окно оставшіяся отъ завтрака крошки, стараясь попасть на деревянную доску, приколоченную съ наружной стороны подоконника.

— Гуль, гуль, гуль!—зовутъ дѣвочки и тянутся къ окошку взглянуть на слетѣвшихъ голубей.

На дворѣ ясно и тихо. Въ причудливыхъ сосулькахъ, спускающихся съ крыши, сверкаетъ солнце. Въ окно кухни смотритъ клочекъ голубого неба.

— Смотрите, смотрите: дымъ совсѣмъ какъ у Авеля! — кричитъ одна изъ маленькихъ, заглядѣвшись на дымъ, прямымъ столбомъ поднимающійся кверху.

— Что придумали-то? — раздается вдругъ негодующій возгласъ Татьяны.—Форточку закройте. Сами простудитесь, да и Шурку уморите. Озорницы!

А озорницы, возбужденныя солнцемъ и пахнувшимъ на нихъ морознымъ свѣжимъ воздухомъ, шумной толпой бросаются въ классъ.

Тише вы,—останавливаетъ дѣтей, чуть не сбитая ими съ ногъ Вѣра Павловна.—Идите въ классъ, прочтемъ молитву, а потомъ я васъ во дворъ погулять пущу.

Черезъ нѣсколько минутъ школа пустѣетъ. Остаются дома только тѣ, у кого башмаки ужъ очень плохи.

Н. Манасеина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. **Р. Виппера.**

(*Продолженіе* *).

X. Соціальная и историческая философія позитивизма.

Въ концѣ XVIII вѣка во всей Западной Европѣ растетъ религіозная волна: новыя секты, мистическія общества, религіозно-братскіе союзы возникаютъ всюду и охватываютъ широкіе круги, аристократическіе и придворные, мѣщанство и сельскіе классы. Въ Англіи методизмъ, или веслеянство съ его массовыми митингами-проповѣдями подъ открытымъ небомъ, въ Баваріи—иллюминаты съ ихъ іезуитской организаціей, въ Пруссіи—розенкрейцеры, въ Швеціи—сведенборгіанцы, во Франціи мартинисты съ ихъ ожиданіемъ близкаго земного рая и теофилантропы во время террора, наконецъ, почти повсюду масоны. О томъ, какъ велика была во французскомъ революціонномъ обществѣ жажда культа, свидѣтельствуетъ попытка установить во время диктатуры Робеспьера поклоненіе Высшему Существу, попытка, въ которой заключены уже всѣ данныя перехода отъ вольной религіозной мысли къ церковнымъ, почти католическимъ, рамкамъ.

Въ XIX вѣкѣ эти исканія и блужданія, эти секты и идейныя направленія большею частью сходятся въ одно русло, въ русло старой и словно вѣчно-юной католической церкви. Происходитъ поразительное возрожденіе ея. Важны не отдѣльныя обращенія въ католичество представителей умственной аристократіи, вродѣ Фридриха Шлегеля, хотя эти обращенія крайне характерны. Важно ея общее укрѣпленіе въ умахъ, ея пробудившаяся энергія, сознаніе ея вождей, что у нихъ въ рукахъ массы и что они опять ими повелѣваютъ; важна организація и дисциплина, подъ которыми массы чувствуютъ себя, какъ въ ковчегѣ, избраннымъ народомъ, береженымъ исполнителемъ великой миссіи.

Въ свое время близкая къ Кондорсэ мадамъ Роланъ, собиралась объяснить для потомства, что такое катехизисъ, такъ какъ черезъ 100 лѣтъ, по ея мнѣнію, не будутъ уже понимать, что это такое Сравните же съ ея вольнодумной мечтой настроеніе, которое ле-

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

житъ въ основѣ рѣчи одного изъ вождей новокатолицизма лѣтъ 50 спустя. Монталамберъ говорилъ въ 1844 г. въ палатѣ пэровъ: «Среди свободнаго народа мы—т. е. активные католики—не хотимъ быть илотами; мы—потомки мучениковъ и не трепещемъ передъ потомками Юліана Отступника; мы—дѣти крестоносцевъ и не уступимъ передъ сѣменемъ Вольтера. Среди васъ поднялось новое поколѣніе, котораго вы не знаете».

Лѣтъ черезъ 5, когда обсуждался во Франціи, во время второй республики, законъ о народномъ образованіи, тотъ же Монталамберъ говорилъ, напоминая о двухъ недавнихъ революціяхъ, одной, которая унесла Людовика-Филиппа, другой, которая въ іюньскіе дни 1848 года подняла рабочія массы противъ правящей буржуазіи: «Что стало съ обществомъ, создавшимся въ 1789 г., столь гордымъ и самоувѣреннымъ? Его подкапываютъ, потрясаютъ, одолѣваютъ въ одинъ день люди, которыхъ оно не удостоивало боязни». Ораторъ указывалъ на единственное спасеніе: смириться и искать покрова церкви. «Церковь никогда не говоритъ: «слишкомъ поздно!» Это—слово преступное и безжалостное, потому что никогда не слишкомъ поздно спасать душу, а тѣмъ паче никогда не слишкомъ поздно спасать общество, которое готово принять спасеніе!»

Такъ говорятъ только истинные повелители общества, такъ могъ говорить въ свое время какой-нибудь средневѣковый папа. Но отъ какой опасности собирался спасать общество возрождающійся католицизмъ? Если можно искать отвѣта въ короткихъ формулахъ, то отвѣтъ лежитъ въ восклицаніи, которое другой дѣятель, Ламеннэ, примѣнялъ, какъ эпиграфъ, къ завоевательной и строительной работѣ католицизма: «Vae soli! Горе одинокому!», т. е. горе изолированной морально личности, которая ищетъ опоры лишь въ себѣ, въ своемъ интересѣ, въ своемъ разумѣ, горе личности, которая въ буряхъ борьбы за существованіе, среди еще болѣе страшной ночи душевнаго одиночества, отчаянія и противорѣчій ума, лишена защиты всеспасающаго авторитета.

Это была другая форма для выраженія мысли, столь сильно выдвинутой сенсимонистами: найти снова верховный связующій догматъ, собрать снова нивеллированное теперь революціей, индивидуалистически разбитое общество въ цѣльную организацію, гдѣ оно не только работало бы вмѣстѣ, согласно, но и утѣшалось бы одной сплочивающей, всеобъясняющей вѣрой.

Любопытно, что новокатолики готовы были подать руку сенсимонистамъ. Въ моментъ, когда секта вызывала кругомъ смѣхъ или суровое осужденіе, впадая въ религіозно-мистическій коммунизмъ, когда ее отдавали на позорище суда, Монталамберъ рѣшился писать въ газетѣ «Avenir»: «Развѣ не вѣра, неполная, неясная, блуждающая, но все же развѣ не вѣра возрождается въ этой группѣ новыхъ людей, среди

этихъ сенсимонистовъ? Какъ ни оплеваны они, какое ни внушаютъ они намъ отвращеніе, но они заслуживаютъ нашего удивленія, потому что являются передъ обществомъ, чтобы говорить о вѣрѣ, и готовы претерпѣть мученіе, да, мученіе, принять нестерпимо жгучее и безпощадное мученіе нашего вѣка, показаться смѣшными?»

Но для того, чтобы спасать общество XIX вѣка, католицизмъ долженъ былъ надѣть новую одежду. Умный епископъ Имолы въ 1797 г., будущій папа Пій VII, намѣчая сближеніе съ новой демократіей, говорилъ въ своей проповѣди, въ то время, какъ въ Европѣ вездѣ съ ужасомъ отворачивались отъ сатанинской французской республики: «Республика, основанная на благочестіи, не противорѣчитъ вѣрѣ; Христосъ былъ демократическимъ другомъ народа. Будьте хорошими христіанами и вы будете хорошими демократами». Словно пророческими оказались слова одного французскаго консерватора эпохи первой революціи (Монлозье), который предупреждалъ, когда у духовенства отнимали привилегіи и владѣнія: «Если вы у нихъ отнимете золотой крестъ, они возьмутъ деревянный; вѣдь міръ спасенъ деревяннымъ крестомъ».

Крестъ католической церкви въ XIX в. дѣйствительно сталъ деревянный: она потеряла пышныхъ прелатовъ и великолѣпныя бенефиціи, но схватила всѣ средства демократіи; она пошла на политическіе выборы, завладѣла всѣми пріемами агитаціи, прессой, возбуждающимъ языкомъ, плебисцитами, афишами, общественными подписками, народной школой, рѣзкими эффектами народныхъ ораторовъ, вездѣсущими репортерами, рекламой, шумными благотворительными базарами и т. д. Она пишетъ на своемъ знамени: свобода школьнаго преподаванія, свобода ассоціацій; она требуетъ свободы печати или, какъ намѣренно рѣзко выражался Ламеннэ—«своеволія, распущенности печати». Языкъ газеты Ламеннэ, «l'Avenir», въ началѣ 30-хъ годовъ—точно продолженіе фразеологіи страшнаго конвента: въ немъ чувствуется вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность, что передъ католицизмомъ великое будущее.

Мы невольно всякій разъ спрашиваемъ себя, какой же общественный идеалъ выставляло католичество, соединяя столь различные классы и группы въ своей организаціи? Невольно поражаетъ именно это разнообразіе дѣятельныхъ началъ, чувствъ и общественныхъ характеровъ, которые собираетъ въ себѣ церковь: въ то время, какъ высшіе классы находятъ въ ней принципъ охраны существующаго владѣнія, низшіе ждутъ отъ нея широкой помощи; энергическія натуры удовлетворяютъ своей потребности подвига, слабыя счастливы простирающимся надъ ними покровительствомъ. Вотъ это объединеніе противорѣчивыхъ, повидимому, интересовъ въ одной общей цѣли, вотъ это соединеніе частныхъ и матеріальныхъ интересовъ и общей вдохновляющей вѣры, эта гармонизація ежедневныхъ жизненныхъ потребностей и возвышенныхъ чувствъ, это и есть свойство, которое такъ отвѣчало умственному и моральному запросу массы людей первой по-

ловины XIX вѣка. Оно привлекало удивленіе, часто восторженную оцѣнку со стороны многихъ, кто не могъ одобрять самого содержанія католичества, но кто въ свою очередь искалъ того, что сенсимонисты называли органическимъ принципомъ.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Огюстъ Контъ, и въ объясненіи его соціальной философіи надо постоянно имѣть въ виду это обстоятельство. Изученіе Конта заставляетъ однако вернуться къ С.-Симону, къ которому онъ тѣсно примыкаетъ.

Трудно придумать болѣе рѣзкую противоположность жизни и натуры Конта и С.-Симона. Въ начальной исторіи религіозныхъ системъ можно встрѣтить безпорядочно разбрасывающагося иниціатора-мечтателя, чуткаго къ людямъ и вещамъ, богатаго опытомъ, житейскими примѣрами и притчами, за которымъ позднѣе идетъ неумолимо строгій послѣдовательный сухой систематикъ, заковывающій, запирающій геніально брошенныя, конкретныя, обрывочныя мысли инициатора въ тюрьму неподвижно-отвлеченныхъ понятій и правилъ. Типы такихъ двухъ породъ людей представляютъ С.-Симонъ и Контъ.

У Конта—ничего похожаго на «экспериментальную» жизнь пророка-авантюриста. Напротивъ величайшее однообразіе, удаленность отъ реальныхъ впечатлѣній, незнаніе и игнорированіе людей. Жизнь Конта, это—практика ученаго репетитора Политехнической школы и профессіональнаго экзаменатора кандидатовъ въ нее, передъ которымъ проходили не люди, а градусы технической выучки; все остальное время, это—работа надъ своимъ философскимъ завѣщаніемъ, надъ кодексомъ своихъ научныхъ принциповъ. Прибавьте къ этому еще воздержаніе Конта, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работы надъ курсомъ, отъ чтенія газетъ и журналовъ, воздержаніе, которое онъ называлъ своей мозговой гигіеной.

Контъ — настоящій отшельникъ XIX вѣка, отшельникъ большого города; стѣны его кабинета-кельи создаются изъ своеобразной умственной обстановки, изъ отраженія отраженій фактовъ, изъ отвлеченій литературы, десять разъ надстроенныхъ надъ дѣйствительностью и десять разъ преломившихъ ея лучи. Здѣсь родятся новыя слова, «соціологія», «альтруизмъ», сочиненныя Контомъ, такъ сказать новыя еще болѣе высокія надстройки, но здѣсь не дѣлается новыхъ разрѣзовъ жизненнаго матеріала. Контъ можетъ высокомѣрно ставить крестъ надъ всѣми современными ему партіями и реформами, онъ гордо летитъ надъ ними, потому что, дойдя до его кельи, представленія о нихъ лишаются всѣхъ конкретныхъ признаковъ и обращаются въ голый принципіальный заголовокъ. Оттого его три тома соціальной философіи (IV—VI томы «Курса положительной философіи», вышедшаго въ 1837—1842 г.), раздѣленные на фиктивныя лекціи, по 200—300 страницъ каждая, представляютъ какую-то пустыню изложенія; ни одной метафоры, ни одного эпизода, почти нѣтъ реальныхъ примѣровъ; ни одной харак-

теристики, только сухія, однообразныя, экзаменаторскія отмѣтки: «знаменитый Боссюэтъ», «великій Аристотель», «ретроградъ Бонапартъ» и т. д.

Природная наклонность подъ вліяніемъ постоянныхъ жизненныхъ условій, этого ежедневнаго ничѣмъ не стѣсненнаго самоуглубленія выработалась у Конта въ поразительное самомнѣніе, въ сознаніе своего умственнаго одиночества въ мірѣ. «Къ несчастію, я остаюсь еще единственнымъ до сихъ поръ, кто въ настоящее время находится въ полномъ обладаніи основного принципа и раціональной системы новаго ученія». Онъ увѣренъ, что всѣ компетентные судьи признаютъ вмѣстѣ съ нимъ, насколько его принципы политической философіи становятся въ предстоящемъ IV томѣ «прозрачно ясными и устойчивыми благодаря своей связи съ необходимыми научными предпосылками, которыя шагъ за шагомъ подготовлены въ предшествующихъ трехъ томахъ». Онъ говоритъ затѣмъ: «Предстоитъ создать новый порядокъ научныхъ понятій, котораго ни одинъ предшествующій философъ не только не намѣтилъ, но самой возможности котораго никто никогда ясно не предвидѣлъ». Въ послѣднемъ томѣ Контъ даетъ резюме историческаго процесса и замѣчаетъ, что оно будетъ «крайне полезно для руководства при второмъ чтеніи, безъ котораго столь новая и трудная концепція не могла бы быть въ настоящее время оцѣнена даже наилучше подготовленными читателями». Впрочемъ, по временамъ, когда приходится примкнуть къ явно общераспространеннымъ представленіямъ, Контъ выражаетъ увѣренность, что такое совпаденіе его взглядовъ съ существующимъ мнѣніемъ не ослабитъ заслуги его работъ.

Это сознаніе омрачается только своего рода маніей видѣть всюду враговъ, предвосхищающихъ и грабящихъ его мысли и его новыя слова, а потомъ легкомысленно, извращенно профанирующихъ ихъ передъ публикой. Слово «трактатъ», которымъ Контъ обозначаетъ свое изслѣдованіе и которое возвращается на каждой страницѣ, онъ пишетъ съ большой буквы. Въ виду этого онъ считаетъ необычайно важнымъ для сознанія человѣчества все, что привелось испытать человѣку—Конту, главнымъ образомъ, возникновеніе, порядокъ и сцѣпленіе его мыслей. Но такихъ признаній Конта не много въ сущности. Притомъ они большею частью способны вводить въ заблужденіе въ виду того, что Контъ, окружая себя оградой новыхъ формулъ, иногда всего только новыхъ словъ, склоненъ сознавать въ нихъ реальную границу, отдѣляющую его философію отъ предшественниковъ.

Контъ объяснялъ свой разрывъ съ С.-Симономъ тѣмъ, что старый наставникъ впалъ въ религіозныя мечтанія. Съ этой же точки зрѣнія осуждалъ онъ и примыкавшую къ имени великаго фантазёра секту. Самъ Контъ считалъ возможнымъ ставить лишь строго научныя задачи, отстраняя объясненіе явленій сверхестественными силами или внутренними скрытыми свойствами вещей.

И тѣмъ не менѣе направители Конта—тѣ же сложившіяся группы

идей и представленій, какъ у С.-Симона и его школы, а между ними на первомъ мѣстѣ символы и образы католической церкви и католической философіи. Въ одномъ изъ автобіографическихъ признаній, сдѣланныхъ съ цѣлью поученія читателя, Контъ говоритъ: «Будучи рано проникнутъ, какъ мнѣ и слѣдовало, революціоннымъ духомъ, я не боюсь теперь признаться, съ искренней благодарностью и безъ страха быть обвиненнымъ въ непослѣдовательности, сколь благотворное вліяніе оказала на меня католическая ретроградная философія, и особенно знаменитый трактатъ О папѣ (Ж. де-Местра)». Контъ считаетъ себя обязаннымъ ей не только за вѣрный взглядъ на средніе вѣка, но и за то, что она научила видѣть во всякомъ соціальномъ состояніи его основное условіе, именно порядокъ.

Здѣсь Контъ самъ преклоняется передъ своимъ учителемъ и называетъ его передъ всѣмъ свѣтомъ. Но въ этомъ нѣтъ нужды. Каждая страница его «Курса положительной философіи» о томъ свидѣтельствуетъ. Почему такъ грандіозна въ его глазахъ культура Среднихъ вѣковъ? Потому что все, права и обязанности людей, государство и искусство, наука и мораль, уложены были въ цѣльную систему взаимныхъ связанныхъ потребностей и правилъ, и въ этой системѣ дано было и объясненіе сущаго, и безаппеляціонный приказъ, какъ жить. За то католицизму, «этому главному политическому творенію человѣческой мудрости», наша «вѣчная благодарность».

Контъ не устаетъ говорить о томъ, какъ важно регулировать «полетъ» ума и предпріимчивости человѣка, онъ точно хочетъ сказать, что, какъ былъ полезенъ въ свое время церковный папа, такъ необходимъ непогрѣшимый авторитетъ, своего рода идеальный папа въ научной и соціальной жизни.

Конечно, революція и связанная съ нею метафизика нужны были для перехода къ новому органическому періоду нашего времени, гдѣ будетъ царить положительная философія; конечно, философъ со своей высоты обязанъ спокойно взирать на правыхъ и виновныхъ, но Контъ не можетъ скрыть своей нелюбви къ этой критикующей, всеанализирующей породѣ и эпохѣ. Скептиковъ онъ не любитъ приблизительно, какъ церковникъ не терпитъ еретиковъ, слишкомъ много диспутирующихъ. Контъ — страшный врагъ умственной вольности и анархіи. Лучшая часть современнаго юношества, по его мнѣнію, испорчена эгоизмомъ и эмпиризмомъ. Нельзя позволять всякому и каждый день безконечно обсуждать основные принципы, на которыхъ держится общество; порядокъ общественный всегда будетъ несовмѣстимъ съ предоставленіемъ личности такой свободы. Въ будущемъ обществѣ этого безпорядка не будетъ. Не даромъ же Контъ считаетъ возможнымъ напередъ назвать гражданъ общества будущаго совершенно церковнымъ терминомъ «вѣрныхъ», вѣрной паствой.

Надо дисциплинировать, связать и запрячь критическій духъ: Контъ

не любитъ свойственной критицизму наклонности къ насмѣшкѣ и безпокойному перебору и пересмотру. Этотъ опасный духъ надо будетъ потомъ поставить на надлежащее мѣсто, на второстепенныя подчиненныя роли, обезвредить его, обратить его въ механическое орудіе; пусть онъ критикуетъ не то, что хочетъ, а лишь устарѣлыя отжившія системы, указывая ихъ недостатки и слушаясь наставленій, вдохновительныхъ повелѣній положительной философіи. Контъ еще и еще разъ напоминаетъ, что господство разума вообще есть утопія; настойчивыя требованія его вызываютъ анархію, а потому роль его въ дальнѣйшемъ должна быть лишь совѣщательная.

Съ этимъ страхомъ и съ этой антипатіей тѣсно связанъ культъ стараго католицизма, этого какъ бы прообраза позитивной философіи. Католицизмъ, думаетъ Контъ усвоилъ положительныя ученія и отвергъ все лишнее. Католицизмъ въ качествѣ «раціональной и миролюбивой системы общежитія», организовалъ соглашеніе между практиками и теоретиками. Контъ называетъ безбрачіе духовенства великимъ учрежденіемъ, онъ признаетъ крупную соціальную роль за церковной канонизаціей, возвышающей въ идеальномъ олицетвореніи благотворные акты общественнаго настроенія. Контъ оправдываетъ даже нетерпимость средневѣковаго католицизма, потому что она была могущественнымъ средствомъ къ воспитанію рода человѣческаго въ духѣ единенія его умственныхъ и нравственныхъ силъ, къ развитію въ немъ сознанія закономѣрности явленій. Контъ высказываетъ поэтому мнѣніе, что протестантскія націи въ соціальномъ и умственномъ отношеніи постепенно отстали отъ католическихъ.

Въ этомъ увлеченіи церковностью Контъ вполнѣ сходится съ С. Симономъ послѣдняго періода и съ сенсимонистами. Какъ строгій систематикъ-богословъ и неумолимый педагогъ-доктринеръ, онъ даже съуживаетъ религіозную идею; въ церкви прошлаго и въ религіи будущаго для него явно организація выше ученія, іерархія важнѣе догмы. У него уже нѣтъ рѣчи о вдохновляющей роли искусства въ соціально-религіозномъ творчествѣ будущаго, нѣтъ рѣчи объ энтузіазмѣ, захватывающемъ массу общества. Но Контъ тѣмъ болѣе чутокъ къ универсальной идеѣ, оставленной въ наслѣдіе католицизмомъ, къ сложившейся въ его средѣ мысли о человѣчествѣ, какъ единомъ организмѣ.

Съ универсально-католической точки зрѣнія, подобно реакціонерамъ и сенсимонистамъ, склоненъ смотрѣть Контъ и на французскую революцію. Ея образъ, ея, можно сказать, неопредѣленное и колоссальное видѣніе служитъ для него также гранью міровыхъ стадій и новымъ великимъ объединяющимъ факторомъ. Контъ хочетъ подъ формами отрицанія и разрушенія видѣть въ ней органическія, творческія силы, приступъ къ великому перерожденію общественнаго строя и научныхъ методовъ:»... громадный соціальный кризисъ, необходимый и неизбѣжный, опредѣлился у націи (французской), предназначенной въ высшей

степени, по совокупности своего прошлаго, къ опасной чести принять на себя спасительную иниціативу, естественно благотворную для всей остальной части великой западной республики, развитіе которой, по существу однородное, начиная со среднихъ вѣковъ, обнаруживало постоянную солидарность».

Если однимъ наставникомъ соціальной философіи Конта былъ католицизмъ, то другой крупный толчокъ для нея заключался въ великихъ успѣхахъ естественно-математическихъ наукъ. Въ этомъ отношеніи Контъ, вмѣстѣ съ С.-Симономъ и его школой, примыкаютъ къ теоріи прогресса Кондорсе. Въ философскихъ святцахъ «курса положительной философіи» немного именъ, но достойно вниманія, что у Конта рядомъ поставлены Боссюэтъ, ораторъ и художникъ католическаго міровоззрѣнія, и Кондорсе, какъ представитель точнаго знанія. Контъ обращаетъ вниманіе на то, что первый удовлетворительный взглядъ на прогрессъ принадлежитъ философу, руководившемуся духомъ геометріи: Контъ разумѣетъ Паскаля и его уподобленіе развитія человѣчества росту человѣка. Замѣчательной чертой переживаемаго момента Контъ считаетъ выдающіяся открытія въ астрономіи; такими именно открытіями всегда отмѣчались великіе умственные перевороты и смѣны религіозно-философскихъ системъ: и онъ думаетъ, что въ современности необычайный подъемъ въ сферѣ наукъ, изучающихъ неорганическую природу, и особенно въ математикѣ, показываетъ явно полную несовмѣстимость положительнаго духа съ устарѣлой философіей.

Контъ возвращается къ сенсимоновскому выраженію «соціальная физика» для обозначенія новаго ученія объ обществѣ; подраздѣленія этой науки названы у него терминами, взятыми изъ механики: «соціальная статика», ученіе о спокойномъ состояніи общества, «соціальная динамика», ученіе о его движеніи. Идеалъ науки, какъ онъ представляется Конту, опять внушенъ математическимъ мышленіемъ: подобно С.-Симону, онъ желалъ бы изображенія всѣхъ явленій въ мірѣ въ видѣ частныхъ примѣненій и случаевъ одного общаго факта, одной общей силы, какъ напримѣръ, всемірнаго тяготѣнія.

Контъ осматривается кругомъ, чтобы опредѣлить, въ какой мѣрѣ подготовлены умы къ воспріятію положительной философіи, основанной исключительно на данныхъ точныхъ наукъ. Нечего и разсчитывать на представителей общественныхъ наукъ; въ этой области царятъ еще дореформенные, богословскій и метафизическій, взгляды. Позитивное направленіе Контъ видитъ лишь у медиковъ, да въ своей Политехнической школѣ. Здѣсь онъ замѣчаетъ и разумный духъ синтеза, обобщенія, тогда какъ большинство современныхъ ученыхъ погружено въ безформенное, безцѣльное изученіе фактовъ, деталей, въ «дѣтскія изслѣдованія». Упорство, узость этихъ ученыхъ, пораженныхъ «порокомъ раздробляющей спеціализаціи», продолжающихъ высокомѣрно провозглашать «эмпиризмъ и индивидуальность», глубоко изумляетъ Конта.

Онъ не можетъ понять этой слѣпоты, когда именно синтезъ положительной философіи обѣщаетъ вознести ихъ на высоту міроправителей. Повторяя мысли, выраженныя въ Атлантидѣ Кондорсе и въ раннихъ сочиненіяхъ С.-Симона, Контъ предлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ образовать въ Парижѣ изъ передовыхъ ученыхъ предварительное духовное правительство, или западный позитивный комитетъ.

Въ приведенныхъ взглядахъ Конта нѣтъ ничего новаго. Это лишь болѣе сухія, рѣзкія, догматизированныя формулировки положеній сенсимонизма. Контъ становится своеобразнымъ тамъ, гдѣ его воззрѣнія дѣлаются уже. Таково его отношеніе къ вопросу о содержаніи человѣческаго прогресса и объ его двигателяхъ. С.-Симонъ ставилъ наравнѣ явленія и эпохи умственнаго и соціальнаго развитія человѣчества; обѣ группы могутъ взаимно вліять другъ на друга; въ религіи онъ склоненъ видѣть завершительный принципъ, абстракцію сложившихся соціальныхъ отношеній. Контъ думаетъ, что умственное движеніе идетъ всегда впереди соціальнаго; каждая новая система міровоззрѣнія создаетъ, безусловно опредѣляетъ особый соціальный строй; изучать соціальныя перемѣны ранѣе умственныхъ, искать въ нихъ перваго толчка развитія—значитъ «ставить плугъ впереди быковъ».

Дѣятельность общественнаго организма, вся совокупность жизненныхъ отношеній человѣческаго міра управляется мнѣніями, идеями. Эта увѣренность опирается у Конта на положеніе еще болѣе общее, на нѣкоторую основную черту «органическихъ теорій», какъ бы возникшихъ изъ жажды порядка. Имъ всѣмъ свойственна та мысль, что міровые процессы, хотя и совершаются самопроизвольно, но въ то же время отвѣчаютъ разумному сознанію человѣка. Человѣкъ какъ бы открываетъ свою собственную логическую систему въ явленіяхъ окружающаго міра, узнаетъ ходъ своего логическаго развитія въ движеніи, развитіи міра.

Отсюда дѣлались два вывода — одинъ для организаціи науки, другой для устроенія практической жизни. Если міровой порядокъ есть порядокъ логической системы, то пути къ постиженію этого порядка, т. е. науки, должны образовать полное единство: они всѣ работаютъ къ открытію единаго закона, они должны составить іерархію, скрѣпленную строгимъ взаимнымъ подчиненіемъ. Съ другой стороны. раскрытіе логическаго порядка въ мірѣ должно увеличить власть надъ нимъ человѣка. Новая положительная философія, которая соберетъ въ стройную систему всѣ знанія, крѣпче свяжетъ и самыя вещи, самыя фактическія отношенія. Особенно это касается высшихъ ступеней жизни, отношеній общественныхъ. Они могутъ и должны быть цѣлесообразно организованы, потому что для общества можно и должно найти единую цѣль существованія. Безграничнымъ-же повелителемъ этой общественной организаціи станетъ наука, раскрывающая тайну самого организаторскаго закона.

Контъ отворачивается съ презрѣніемъ отъ современной ему политики. Почему такъ жалки ея пріемы, почему такой разладъ въ обществѣ, такое паденіе нравовъ? Потому что въ немъ нѣтъ цѣльнаго міровоззрѣнія и господствуетъ анархія понятій. Единственный путь къ общественной реформѣ—реорганизація мнѣній, умственное и моральное преобразованіе, объединенное философскимъ принципомъ. Возрожденію общественному можетъ помочь только философская операція. Безъ общаго взгляда нѣтъ общеполезнаго дѣйствія, безъ généralité нѣтъ générosité, т. е. безъ великаго обобщенія нѣтъ великодушія.

Для каждаго даннаго фазиса въ жизни человѣчества существуетъ и можетъ быть открыто свойственное ему единство жизненныхъ отношеній и понятій, тѣсное согласіе, по терминологіи Конта, «солидарность» теоретическихъ объясненій и моральныхъ мотивовъ. Новой высшей наукѣ, соціологіи, и предстоитъ открыть для каждой эпохи это внутреннее сцѣпленіе (consensus, какъ нерѣдко латинскимъ терминомъ выражается Контъ), затѣмъ показать непрерывную связь смѣняющихся системъ жизни во всемъ ходѣ развитія человѣчества. Тогда историческій матеріалъ потеряетъ свою безформенность и случайность, все станетъ въ стройные ряды. Разумно расположить историческіе факты значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать высшее руководство соціальной жизни. Соціологія станетъ также основой будущаго управленія, теоретической политикой.

Но разъ общественный строй цѣликомъ опредѣляется системами мысли, разъ онѣ составляютъ и главный признакъ и главную двигательную силу каждой соціальной эпохи, то совершенно естественно всемірная исторія, преобразованная въ соціологію, сведется къ исторіи мысли, къ изученію смѣны великихъ общихъ религіозныхъ, философскихъ и научныхъ доктринъ.

Уже въ половинѣ XVIII в. Тюрго въ очеркѣ умственнаго развитія человѣчества отмѣтилъ три ступени: раннюю, когда все непонятное люди склонны объяснять чудеснымъ прямымъ воздѣйствіемъ божественной силы, слѣдующую, когда объясненія ищутъ во внутреннемъ существѣ или скрытыхъ свойствахъ самихъ вещей, и послѣднюю, когда люди стараются поставить на первое мѣсто точныя положительныя данныя, наблюденіе надъ реальными условіями явленій. У Тюрго это замѣчаніе высказано при случаѣ и относится лишь къ перемѣнамъ въ научныхъ пріемахъ. Контъ обращаетъ эти три фазиса науки, богословскій, метафизическій, положительный, въ три общихъ состоянія, три великія эпохи человѣчества.

Хронологическія рамки дѣленія всемірной исторіи по этимъ тремъ стадіямъ мысли совпадаютъ съ принятымъ у сенсимонистовъ различеніемъ двухъ эпохъ органическихъ, старой и нарождающейся, и одной критической, средней между ними эпохи. У Конта также второй фазисъ, метафизическій, начинается съ паденія феодально-католическаго міра,

торжества индустріи, развитія свободомыслія и революціоннаго духа, отъ XIV вѣка начиная, и достигаетъ вершины и конца въ революціи; третій, положительный, начинается послѣ революціи.

Но Контъ обстоятельно изучаетъ раннія ступени богословскихъ ученій и истолкованій міра, а въ средневѣковомъ католичествѣ видитъ уже переходъ къ высшему научному толкованію.

Богословскій вѣкъ, въ свою очередь, распадается на три эпохи, фетишизма, многобожія, единобожія. Въ теченіе каждой религіозная система создаетъ и закрѣпляетъ весь строй матеріальныхъ отношеній и понятій. Система фетишизма, когда боговъ представляли въ близкихъ вещахъ, въ деревѣ, животномъ, рѣкѣ и т. д., представляетъ собою первое обобщеніе: вызывая преклоненіе предъ окружающими предметами, между прочимъ полезными животными и землей, фетишизмъ ведетъ къ развитію домашней культуры и земледѣлія. Но индустрія еще не можетъ сложиться, потому что представленіе о божественности вещей не позволяетъ измѣнять ихъ видъ въ обработкѣ.

Позднѣе боговъ переносятъ на небо, ихъ начинаютъ почитать въ свѣтилахъ. Человѣчество переходитъ въ стадію многобожія. Число боговъ теперь сокращается; сравнительно съ предшествующимъ періодомъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ обобщенія, «наука» подвинулась. У каждаго племени теперь свой богъ. Неизбѣжно отсюда должны родиться войны, потому что племена ревнуютъ боговъ другъ у друга; такимъ образомъ многобожіе развиваетъ любовь къ отечеству. Измѣняется подъ вліяніемъ новыхъ представленій самое право войны. Военноплѣнныхъ уже не умерщвляютъ, какъ въ эпоху фетишизма: причина лежитъ въ томъ, что фетиши въ свое время были прямо враждебны другъ другу и требовали взаимнаго истребленія; между болѣе отвлеченными богами побѣдителей и побѣжденныхъ въ политеистическую эпоху предполагается родство, возможна іерархія; побѣжденные боги, будучи примирены съ богами-побѣдителями и подчинены имъ, заставляютъ и самихъ побѣжденныхъ людей служить людямъ-побѣдителямъ. Такъ многобожіе рождаетъ рабство.

Еще въ другомъ отношеніи религія эта является основой соціальнаго дѣленія. Недоступность небесныхъ боговъ вызвала необходимость посредниковъ между ними и массой вѣрующихъ: такъ явился властвующій классъ жрецовъ. Въ связи съ политеистическими вѣрованіями слагается и новый характеръ производства: трудовой классъ, рабы, не связанъ болѣе священной неприкосновенностью вещей; его работа начинаетъ создавать излишекъ, роскошь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, рабство повело къ развитію жадности и возрастанію неравенства. Въ общемъ результатѣ слѣдовательно многобожіе породило аристократическій строй древняго общества.

Такъ Контъ объясняетъ послѣдовательно возникновеніе учрежденій, нравовъ, классоваго дѣленія изъ основной религіозной идеи, и вмѣстѣ

съ тѣмъ онъ всякій разъ опредѣляетъ ее, какъ высшее научное и философское обобщеніе, до какого только могло подняться общество. Контъ настойчиво заявляетъ, что новыя способности, обнаруживаемыя людьми, не создаются новыми реальными потребностями жизни, не вытекаютъ изъ нихъ. Усовершенствованные способы культуры земли, развитіе индустріи, расширеніе торговли и т. д. не стоятъ, напримѣръ, въ прямой зависимости отъ возрастанія плотности населенія. Новая способность образуется не иначе, какъ если человѣчество предрасположено къ ней извѣстнымъ логическимъ складомъ.

Идя исключительно по линіи развитія и смѣны религіозныхъ системъ, Контъ какъ бы не замѣчаетъ вовсе паденія древняго міра: монотеистическая религія конца римской имперіи образуетъ для него прямой переходъ къ культурѣ Среднихъ вѣковъ.

Въ единобожіи Контъ открываетъ великій соціальный принципъ. Уже въ эпоху политеизма идея общей судьбы, тяготѣющей одинаково надо всѣми, заключала въ себѣ начальное понятіе о закономѣрности явленій въ мірѣ. Самый монотеизмъ по простотѣ, стройности и отвлеченности міропониманія почти наука. Онъ и вызываетъ къ жизни единое мощное духовенство въ средніе вѣка, которое выступаетъ властно противъ государей и является прототипомъ будущаго господства «умозрительной корпораціи» въ царствѣ положительной философіи. Соотвѣтственно великой абстрактной идеѣ слагается и общественная организація. Такъ какъ съ точки зрѣнія единобожія всѣ люди—дѣти одного Бога и братья между собою, она должна охватить весь христіанскій міръ. Война изъ взаимной и наступательной становится лишь оборонительной борьбой европейско-христіанскаго союза противъ внѣшняго врага, ислама. Европѣ понадобилась огромная организація защиты; такова задача и сущность феодализма.

Растущая сила идеи и идейнаго вліянія по необходимости приводитъ къ выдѣленію особаго класса, сфера котораго есть мысль и теоретическое истолкованіе. Поэтому важнѣйшимъ фактомъ цивилизаціи было раздѣленіе властей, духовной и свѣтской въ Средніе вѣка. Дальнѣйшее и окончательное раздвоеніе авторитета между людьми мысли и людьми практическаго руководительства, учеными и промышленными вождями должно установиться и въ современности.

Законъ о трехъ фазахъ въ развитіи человѣчества дополняется закономъ о смѣнѣ двухъ разныхъ состояній, въ которыхъ легко узнать органическія и критическія эпохи сенсимонистовъ. Но Контъ соединяетъ съ различеніемъ двухъ крупныхъ реальныхъ фактовъ различеніе двухъ соотвѣтствующихъ имъ методовъ изслѣдованія.

Общество находится въ покоѣ или въ движеніи, подчиняется порядку или прогрессу. Сообразно этому различію соціальная статика изучаетъ гармонію общественнаго порядка, согласіе всѣхъ одновременно существующихъ частей, а соціальная динамика—формы и мотивы

прогресса. Съ другой стороны, можно различать въ человѣческомъ обществѣ его строеніе и его отправленія, его анатомію и его физіологію. Контъ находитъ, что это новое дѣленіе явленій вполнѣ отвѣчаетъ первому. Поэтому соціальная статика изучаетъ также строеніе, соціальная динамика—отправленія общественнаго организма.

Собственно органическое состояніе, состояніе покоя, въ которомъ всѣ стороны быта, потребности и понятія, наука и искусства, право и религія гармонируютъ, есть состояніе нормальное. Спрашивается, что же однако выводитъ общество, сначала въ его отдѣльныхъ представителяхъ, потомъ во всей его массѣ, изъ состоянія покоя и взаимнаго согласія элементовъ? Отчего не застываетъ общественная форма, а начинаетъ переработываться въ другую, высшую?

Контъ не отрицаетъ значенія такихъ условій, какъ раса, климатъ. Но это-факты второстепенные: они могутъ ускорять, но не создавать прогрессъ. Не отрицаетъ онъ и роли естественнаго размноженія людей, которое вызываетъ усиленный спросъ на жизненные продукты, создаетъ соціальное соперничество. Но и это фактъ дополнительный. Главный двигатель и направитель соціальнаго прогресса—умъ человѣческій. Прогрессъ зависитъ отъ его самопроизвольнаго движенія. Когда онъ достигаетъ извѣстныхъ запросовъ, не удовлетворяемыхъ болѣе даннымъ міровоззрѣніемъ, данной системой, тогда начинается его разрушительная работа, которая служитъ переходомъ къ новому состоянію покоя и гармоніи.

Но въ этихъ измѣненіяхъ нѣтъ безконечной очереди. Контъ комбинируетъ свои два обобщенія, законъ смѣны эпохъ гармоніи и эпохъ кризиса и законъ трехъ умственныхъ состояній. Онъ получаетъ тогда въ качествѣ перваго статическаго періода богословскій вѣкъ, главнымъ образомъ католическое средневѣковье; затѣмъ идетъ, въ качествѣ періода динамическаго, метафизическій, революціонный вѣкъ и, наконецъ, третій наступающій періодъ, положительный, кажется ему разумнымъ соединеніемъ обоихъ началъ, порядка и прогресса. Но въ изображеніи этого строя черты порядка явно перевѣшиваютъ надъ чертами движенія, и мы какъ бы получаемъ второй статическій вѣкъ.

Контъ считалъ возможнымъ ставить лишь строго научныя задачи, отстраняя объясненія явленій сверхестественными силами или внутренними скрытыми свойствами вещей. Все дѣло ученаго, не выходя изъ предѣловъ фактическихъ отношеній, отмѣтить фазы совершающагося развитія, показать, какъ одна вышла изъ другой. Такова была и главная формула положительной философіи, повторявшаяся учениками Конта.

Но въ соціологіи Конта нашла себѣ мѣсто вся мистика, созданная революціоннымъ періодомъ, его оптимистическими утопіями и отвѣтнымъ на нихъ представленіемъ о Божьемъ судѣ на землѣ. Въ фазахъ прогрессивнаго движенія человѣчества Контъ открываетъ великій, какъ-бы пред-

установленный планъ. Все развитіе человѣчества есть постоянная смѣна цѣлей и ихъ осуществленія. Всякое учрежденіе имѣетъ свое «соціальное назначеніе». Все является кстати, чтобы произвести опредѣленный результатъ: рабство было необходимымъ воспитательнымъ средствомъ древняго общества, важнѣйшимъ условіемъ промышленнаго развитія. Игра воображенія у грековъ, огромные захваты земли и людей со стороны римлянъ, все это нужно было, чтобы воспитать въ человѣчествѣ такія или иныя качества, поднять его на ту или другую высшую ступень. Метафизика явилась и показала свое безсиліе, такъ сказать, ввела въ заблужденіе людей съ тою цѣлью, чтобы въ качествѣ единственнаго спасенья осталась положительная философія. Всякое событіе служило и служитъ лишь подготовкой къ великой эпохѣ полной зрѣлости человѣчества, къ позитивизму.

Надъ всѣми цѣлями господствуетъ послѣдняя и высшая, «общее предназначеніе». Для Конта вся исторія прошлаго, оба предшествующіе періода—лишь прелиминаріи, лишь «медленное и трудное вступленіе», сначала продолжительная школа, а затѣмъ переходный антагонизмъ къ положительному вѣку, и въ этой подготовительной роли вся цѣна двухъ первыхъ вѣковъ.

Послѣдняя цѣль составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы предѣлъ прогресса; въ дальнѣйшемъ передъ нимъ не открывается перспективъ. Обобщеніе науки въ послѣднемъ наступающемъ фазисѣ и основанный на немъ порядокъ жизни Контъ называетъ окончательнымъ «финальнымъ».

Въ концѣ концовъ, Контовъ законъ трехъ смѣнъ не есть законъ, потому что отмѣченныя имъ фазы разъ были и не повторятся; это только суммировка, схема того, что случилось. Мѣсто движенія должна заступить разъ навсегда организація. Главный принципъ высказанъ, планъ умственной работы будущаго, чертежъ соціальной іерархіи готовы. Сообразно имъ навѣки сложатся соціальные устои, отдѣльныя научныя отрасли возьмутъ на себя исполнительную роль сгруппировать по верховнымъ указаніямъ системы спеціальныя данныя. Науки должны обратиться въ пассивные бюро, а человѣческое общество—въ громадный административный округъ.

Наука въ положительный вѣкъ включена будетъ въ опредѣленныя границы. Она не должна болѣе заниматься тѣмъ, что не входитъ въ кругъ непосредственныхъ интересовъ человѣчества, что служитъ одной любознательности, слѣдовательно астрономія, напримѣръ, не должна изучать звѣздъ, а лишь солнечную систему. Тѣмъ и былъ великъ католицизмъ, что онъ устранялъ властно все лишнее изъ сферы изысканія и разсужденія, все, что не входитъ въ кругъ собственно человѣческихъ отношеній и человѣческаго зрѣнія. И теперь должна подняться подобная же великая система, которая упокоитъ людей, все свяжетъ и опредѣлитъ, всѣмъ укажетъ назначеніе, устранитъ соблазны

и уничтожить то, что могло бы отвлекать людей отъ общихъ цѣлей. Невольно вспоминаются при этомъ монументальныя средневѣковыя религіозно-философскія энциклопедіи, какія-нибудь «Суммы» Ѳомы Аквинскаго и другихъ великихъ схоластиковъ, которыя предназначались къ тому, чтобы во всѣхъ вопросахъ и навсегда умиротворить пытливый умъ, и внѣ которыхъ могъ быть лишь грѣхъ и смертное заблужденіе.

Еще другое великое условіе введетъ жизнь будущаго общества въ строгія рамки дисциплины. Чѣмъ дальше развивается человѣчество, тѣмъ больше на его судьбы должна вліять традиція, опытъ и сознаніе предшествующихъ поколѣній; ихъ идеальная, какъ бы загробная жизнь въ дѣлахъ, учрежденіяхъ и ученіяхъ, оставшихся потомству, не исчезаетъ, но все накопляется. Соціологія именно учитъ преклоняться передъ стариной, предками. Контъ мечтаетъ о томъ, какъ духовная власть будущаго общества организуетъ въ широкихъ размѣрахъ прославленіе, культъ прошлыхъ дѣятелей человѣчества. Впослѣдствіи въ своей «Системѣ положительной политики» онъ дастъ этому формулу: «мертвые управляютъ живыми». Живущее меньшинство должно подчиняться большинству отошедшихъ съ земли. Прогрессъ именно состоитъ въ томъ, что судьба живущихъ людей все болѣе будетъ опредѣляться высшей, совершеннѣйшей, отъ нихъ независящей волей идеальнаго цѣлаго, черты котораго открываются въ планѣ завершающагося движенія человѣчества. Эта идея, въ свою очередь, напоминаетъ великаго учителя ранняго католицизма, блаженнаго Августина съ его видѣніемъ «града Божія», общины, лишь однимъ краемъ прикасающейся къ землѣ, къ современности, направляемой невидимыми и отошедшими въ вѣчность праведниками.

Можно припомнить, что въ первой половинѣ XVIII вѣка, напримѣръ, у Монтескье, человѣчество существуетъ лишь какъ собирательное имя, что живыми единицами выступаютъ націи, государства, общества извѣстной эпохи, извѣстныхъ климатическихъ полосъ, извѣстнаго нравственно-политическаго склада. Начало XVIII вѣка сознавало живо только одну «всемірную» организацію, именно общечеловѣческую, т. е. въ сущности западно-европейскую, литературную республику. Позднѣе, во второй половинѣ вѣка стали говорить о всемірной мастерской и о всемірномъ рынкѣ. Перевороты конца XVIII и начала XIX в. создали въ европейскомъ обществѣ подъемъ религіознаго настроенія, и образъ человѣческаго міра сложился уже въ видѣ великой церкви на землѣ. Человѣчество стало представляться огромной моральной организаціей, и съ его судьбой въ будущемъ стали связывать возбужденныя мистическія ожиданія.

Контъ вполнѣ стоитъ на этой почвѣ. Реальное существованіе для него имѣетъ лишь человѣчество; человѣкъ—только зоологическая абстракція. Но между человѣчествомъ и человѣкомъ онъ не видитъ и промежуточныхъ организмовъ. Его соціологія занимается не историче-

скими и современными обществами, не обществомъ въ нарицательномъ смыслѣ этого слова, т. е. не обществомъ, какъ совокупностью типичныхъ явленій, повторяющихся въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. она занимается единственнымъ существовавшимъ и существующимъ обществомъ, человѣческимъ обществомъ, какъ именемъ собственнымъ, человѣчествомъ въ цѣломъ. Это общество есть какъ бы великая религіозная община, а соціологія—ея догматическая система и кодексъ.

Намъ не нужно обращаться къ послѣднему періоду жизни Конта, когда онъ, отдавшись мистикѣ, выработалъ философскую религію съ особымъ календаремъ, святыми, обрядами, догматической схоластикой и пр. Уже въ своемъ болѣе раннемъ научномъ сочиненіи онъ захваченъ религіозной системой. Можно бы даже сказать, что онъ пошелъ дальше спокойнаго католицизма и впалъ въ болѣе горячее, возбужденное религіозное направленіе, которое не разъ раньше поднималось въ Европѣ. Его мечта о предстоящемъ органическомъ періодѣ, когда наступитъ универсальная солидарность и закрѣпятся неподвижно разумныя и благотворныя нормы, освященныя великимъ, всеобъясняющимъ принципомъ, эта мечта близко подходитъ къ средневѣковому хиліазму, ожиданію тысячелѣтняго царства Христова на землѣ.

Въ сенсимонизмѣ и у Конта одинаково поражаетъ эта своеобразная черта сознанія, эта мысль объ окончаніи, завершеніи мірового развитія въ предстоящемъ вѣкѣ. Настойчивость и горячность этой идеи—удивительная иллюстрація силы воздѣйствія на умы революціонной катастрофы. Ея почти апокалиптическая форма носитъ на себѣ рѣзкую печать работы реакціоннаго воображенія. Въ этихъ-то очертаніяхъ и уложилась унаслѣдованная отъ просвѣщенія XVIII в. теорія прогресса. Она продолжала питаться тѣми же впечатлѣніями отъ роста промышленнаго и научнаго развитія, но въ новой формулировкѣ она утратила, вмѣстѣ съ неопредѣленностью ожиданій, понятіе о безконечномъ движеніи впередъ.

Теорія прогресса обогатилась, однако, въ своей исторической части, въ своей перспективѣ прошлаго, благодаря новымъ разрѣзамъ, новой группировкѣ періодовъ, въ которыхъ искали смѣны созидательныхъ и разрушительныхъ, гармоническихъ и критическихъ началъ. Этотъ запасъ историческихъ понятій и остался самымъ живучимъ элементомъ разбираемыхъ теорій, между тѣмъ какъ связанное съ ними сектантство быстро заглохло. Въ крупнѣйшихъ работахъ XIX в. по исторіи сословій, исторіи религіи и культуры отражается свойственная этимъ теоріямъ формула положительныхъ и отрицательныхъ эпохъ, различеніе соціальной формы и соціальнаго содержанія и зависящій отъ этого различенія законъ соціальнаго движенія и соціальныхъ катастрофъ, представленіе о религіи, какъ о верховномъ соціальномъ принципѣ каждой данной эпохи, періодизація всемірной исторіи по моментамъ развитія религіозно-философской мысли и противоположеніе двухъ типовъ общества, средневѣковаго и современнаго.

XI. Послѣдняя философія прогресса единаго человѣчества.

Въ то время какъ С. Симонъ искалъ и формировалъ своихъ людей будущаго, во второе и третье десятилѣтіе XIX вѣка, въ университетахъ Германіи тѣснилось горячо настроенное студенчество. Оно было подъ впечатлѣніемъ крупныхъ событій національной войны противъ Наполеона, событій, какъ бы равнявшихся революціи. Въ недавнемъ народномъ подъемѣ чудилась какая то стихійная сила. Освобожденіе отъ иноземнаго господства казалось осуществленіемъ высшаго приговора справедливости и развивало религіозное настроеніе. Наконецъ то благо, которое многіе считали естественнымъ продолженіемъ національнаго освобожденія, а именно установленіе политической свободы, также намѣчалось впереди въ видѣ какого-то необходимаго, свыше предписаннаго нравственнаго торжества.

Общество было преисполнено сознанія, что въ пережитыхъ событіяхъ завершается огромный по своей важности моментъ. Своего рода завершенія хотѣли и тѣ круги, тѣ представители власти и владѣнія, авторитета и традиціи, положеніе которыхъ поколебалось въ національно-политическомъ водоворотѣ освободительнаго движенія: сохранить непотерянныя еще позиціи, закрѣпить ихъ священными формулами, остановить элементы сущаго и возвести ихъ въ спасительную систему, словомъ религіозно-революціонной программѣ противопоставить религіозно-консервативную—вотъ въ чемъ заключалось завершеніе момента для этихъ соціальныхъ группъ. Такъ или иначе, поколѣнія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ жадно искали возведенія своихъ національныхъ и политическихъ симпатій къ общимъ философскимъ и религіознымъ принципамъ. Что же слышали они съ каѳедры?

Въ самый тяжелый моментъ Наполеоновскаго владычества, въ 1810 г., въ Берлинѣ, центрѣ чуть не уничтоженнаго Наполеономъ государства, былъ основанъ усиліями патріотовъ новый университетъ. Медлительному королю было подсказано удачное слово къ его основанію: «страна, говорилъ онъ, должна выиграть морально то, что она потеряла матеріальными жертвами». Въ этой обновленной умственной средѣ, гдѣ Фихте изъ философа превратился въ трибуна, въ горячаго національно-политическаго оратора, главнымъ изъ умственныхъ руководителей отъ конца десятыхъ до начала тридцатыхъ годовъ былъ другой философъ, скорѣе риторъ по своему паѳосу, поэтъ по игрѣ фантазіи, схоластикъ по пріемамъ и по формѣ, Гегель.

Истолкованіе гегелевской философіи въ ея логической связи, въ качествѣ естественнаго развитія ученій Канта, затѣмъ Фихте и Шеллинга, давно стало классическимъ общимъ мѣстомъ въ исторіи философіи. Намъ незачѣмъ касаться этой стороны. Въ нашу задачу входитъ лишь указать на тѣ основанія гегельянства, которыя заключались въ извѣстныхъ общихъ соціальныхъ впечатлѣніяхъ эпохи.

*

Правда, оцѣнку развитія мысли въ Германіи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка въ этомъ смыслѣ несравненно труднѣе сдѣлать, чѣмъ для странъ, имѣвшихъ реальную политическую жизнь. Мы вступаемъ тутъ въ сферу символическихъ знаковъ, стократныхъ преломленій, геометрическихъ фигуръ, гдѣ конкретные признаки и указанія обыкновенно отсутствуютъ, гдѣ пропорціи невозможно установить, потому что всѣ реальныя величины продолжены до безконечности. Но подъ безтѣлесными призраками «абсолютнаго я», «бытія въ себѣ», «абсолютнаго тождества» и т. д., подъ этими тѣнями, касающимися однимъ краемъ неба, можно прочитать знакомыя очертанія общеевропейскаго настроенія.

Историкъ нѣмецкаго романтизма (Гаймъ) замѣтилъ по поводу романа Тика «Вильямъ Ловель», что герой его переживаетъ всѣ ужасы, все безобразіе, всю низость своего моральнаго паденія, что онъ совершаетъ невѣроятнѣйшія преступленія... въ концѣ концовъ только въ своемъ воображеніи, только теоретически, какъ бы въ видѣ умственнаго эксперимента, словно рѣшая моралистическую теорему, разрисовывая какой то психо-фантастическій узоръ, а въ сущности оставаясь въ своей филистерской обстановкѣ, сложивши руки.

Можно продолжить сравненіе и сказать, что нѣмцы вообще въ эпоху революціи переживали отрицанія, злодѣянія и всѣ разрушительныя дѣла критицизма, индивидуализма и даже «террора»—въ облакахъ, въ абстрактныхъ молніяхъ и громахъ напр. такой философіи, какъ ученіе Фихте, переживали въ той невѣроятной гордынѣ и тѣхъ высокомѣрныхъ вызовахъ, которые бросало всему міру «абсолютное я». Страшно звучали слова, которыми обозначались высшія требованія критицизма: по выраженію Гегеля, въ своей «величественной и ужасной» вѣрѣ Фихте воздвигалъ «чистое я на развалинахъ матеріальнаго тѣла, свѣтилъ небесныхъ и тысячи тысячъ міровъ».

За великимъ дерзаніемъ слѣдовало и здѣсь также раскаяніе, за провозглашеніемъ безграничной власти личности—страхъ передъ неизвѣстнымъ таинственнымъ «цѣлымъ». Шлейермахеръ далъ лозунгъ поворота къ религіи: онъ объявилъ ее «основнымъ отношеніемъ въ человѣческомъ существованіи, благодаря которому» я «чувствуетъ себя въ единствѣ съ міромъ». Шеллингъ, возводя это тождество личнаго сознанія съ міровой жизнью въ основной философскій принципъ, искалъ въ сущности «спасенія» личности.

Авторитетной силѣ давали только разныя, такъ сказать, мѣстныя названія: если въ странахъ, испытавшихъ политическую жизнь, мистическое цѣлое опредѣляли конкретно, какъ государство, то въ Германіи оно преимущественно покрывалось именемъ искусства, и оттого законодателемъ, пророкомъ здѣсь предполагался поэтъ, художникъ. Искусству доставались всѣ атрибуты неограниченной, непогрѣшимой власти. Передъ его приговоромъ должна была молчать наука. Эсте-

тико-романтическая школа выставила формулу, что міръ познается не путемъ критики, анализа и рефлексіи, а путемъ художественнаго творчества, живого непосредственнаго ощущенія, путемъ вдохновенной интуиціи, обладающей силой высшаго синтеза. Маски эти однако не трудно разгадать. Подъ именемъ осужденія науки здѣсь произносилась опала надъ безпокойными запросами личности, объявлялся въ подозрѣніи свободолюбивый разумъ.

Когда душевная тревога, покаянное настроеніе реакціи въ ея бурномъ видѣ стали проходить, въ Германіи наступила болѣе спокойная пора подведенія итоговъ. Въ окружающей соціально-политической обстановкѣ старое уложилось рядомъ съ новымъ; сметены были многія обветшавшія привилегіи, учрежденія и власти, но за то шире и прочнѣе сѣли другія; разбиты были старыя сословныя рамки, но выступившимъ вновь общественнымъ элементамъ еще не было свободнаго выхода. Надо было признать многіе совершившіеся факты; являлся запросъ, являлся, до извѣстной степени, соблазнъ искать примиренія принциповъ, между которыми шла до тѣхъ поръ борьба.

Вотъ такое мѣсто теоретическаго завершителя разыгравшагося столкновенія, такую роль научнаго систематизатора накопившихся моментовъ и формъ настроенія занималъ въ сущности Гегель въ теченіе второго и третьяго десятилѣтія XIX вѣка. Для собственнаго его сознанія и для сознанія его поклонниковъ и послѣдователей, его ученіе представляло собой такую-же «финальную» систему и окончательную умственную организацію въ открывающемся послѣднемъ періодѣ человѣчества, какую мнилъ выставить Контъ и слѣдовавшій за нимъ чистый позитивизмъ.

Но судьбы философіи Конта и Гегеля весьма различны. Вліяніе Гегеля было несравненно шире и продолжительнѣе, и въ этомъ смыслѣ съ нимъ не сравняется ни одинъ философъ XIX вѣка. Между тѣмъ какъ формулы Конта отступили теперь въ качествѣ пережитыхъ точекъ зрѣнія, сохранили для насъ лишь историческій интересъ, съ Гегелемъ произошло то, что рѣдко бываетъ въ исторіи мысли: онъ не только прозвучалъ громко для близкихъ къ нему поколѣній, онъ возродился еще разъ, лѣтъ 50—60 спустя послѣ смерти († 1831 г.) Если въ первый моментъ его философія преимущественно отразилась на изученіи исторіи религіозныхъ вѣрованій, то во второй разъ принципы ея сплелись съ экономической теоріей. Два крупнѣйшихъ научныхъ произведенія XIX столѣтія, въ которыхъ выразились двѣ главныя черты настроенія вѣка, «Жизнь Іисуса» Давида Штрауса и «Капиталъ» Карла Маркса—продукты гегельянской философіи.

Различіе между Гегелемъ и Контомъ и причина большей живучести перваго прежде всего состоитъ въ томъ, что Гегель не только даетъ выстроенную систему, общее истолкованіе сущаго, не только собираетъ въ огромный музей закрѣпленные объясненіемъ и снабженные

знаками факты, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ общій методъ для рѣшенія научныхъ вопросовъ, предлагаетъ универсальный ключъ къ пониманію новыхъ отношеній, нахожденію новыхъ общихъ выводовъ, а отсюда, еще больше—средство, руководящее начало къ направленію, къ творенію послѣдующаго развитія. Его, можно бы сказать, магическое вліяніе зависитъ отъ степени совпаденія его метода съ нѣкоторыми характерными привычками и наклонностями нашего ума вообще. Вліяніе мысли Гегеля какъ будто опирается на его необычайной способности удовлетворить, хочется сказать, усладить одну слабость, одну почти періодически возвращающуюся болѣзнь нашего ума; всѣ, кто вмѣстѣ съ нимъ поддавались этой слабости, кто переживалъ этотъ умственный кризисъ, неизбѣжно подпадали и очарованію его системы, или, лучше сказать, его своеобразной эпопеи судебъ, приключеній и чудесныхъ подвиговъ человѣческаго духа.

Всѣ готовы будутъ согласиться, что ни одно созданіе человѣка, политическая-ли система, произведеніе-ли искусства или моральная теорія, не представляетъ собою логически безусловно стройнаго цѣлаго: мы всегда въ большей или меньшей степени непослѣдовательны, вносимъ посторонніе, случайныя, нарушающія черты въ наши построенія и оправдываемся несовершенствомъ нашей природы и требованіями жизни съ ея сложностью. Но въ тоже время наша мысль неотступно занята тѣмъ, чтобы навязать окружающему міру ту или другую логически законченную систему, открыть въ немъ разумность и послѣдовательность, т. е. найти въ немъ слѣдованіе началамъ нашего разума, найти отраженіе нашей логики.

Гегель довелъ эту черту, этотъ психическій недостатокъ нашего мышленія до величайшей крайности и одѣлъ его въ самыя ослѣпительныя формы.

Основой теоріи прогресса для Конта послужила исторія науки, успѣхи точныхъ знаній: Контъ пришелъ къ тому заключенію, что все движеніе человѣчества, всѣ его нравственныя, политическія, соціальныя пріобрѣтенія зависятъ отъ накопленія знаній или даже отъ измѣненія общаго направленія мысли. Онъ думалъ при этомъ, что въ каждый данный моментъ теоретическая мысль, наука организуетъ весь матеріалъ человѣческаго существованія. Отсюда было недалеко до культа научнаго принципа, до обоготворенія мысли и ея героевъ или святыхъ, что и получилось подъ конецъ у Конта.

Въ философіи Гегеля сдѣланъ еще шагъ дальше, обоготворено само мыслящее существо, обоготворенъ человѣческій духъ, потому что въ силу этой философіи все, что происходитъ въ мірѣ, не только организуется человѣческимъ умомъ, но и происходитъ только въ человѣческомъ умѣ. Міръ, «прекрасный космосъ», въ своемъ цѣломъ ничто иное, какъ мыслительный рефлективный процессъ нашего духа. Міръ есть только мысль о немъ.

Но это не все. Творческая работа духа, создающаго изъ себя весь живой міръ, не казалась Гегелю неподвижно закрѣпленной; онъ не возводилъ мысль на несдвигаемый, центральный престолъ. Великія историческія испытанія, пережитая борьба и драма принципіальныхъ столкновеній, катастрофъ и смѣны моментовъ — оставили свой слѣдъ на его философской формулировкѣ. Отражающій въ себѣ весь міръ, міротворящій духъ нашъ не есть только наше сознаніе, взятое въ извѣстный моментъ. Въ нашемъ духѣ собирается вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе всего рода человѣческаго, и духъ нашъ собираетъ въ себѣ все, что было пережито и продумано съ самаго начала человѣчества, съ начала міра. Нынѣшняя культура не только капиталъ, накопленный всею предшествующей работой человѣка; нѣтъ она — какъ будто послѣднее слово великой мысли, проходящей черезъ всю жизнь міра съ его возникновенія.

Слѣдовательно нашъ духъ, наша мысль есть вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный процессъ мысли, есть колоссальный пробѣгъ мысли отъ начала временъ. Въ его развитіи нѣтъ остановки, нѣтъ конца, это непрерывное движеніе, вращеніе, перерожденіе, переходъ отъ формы къ формѣ, отъ опредѣленія къ опредѣленію. Гегель придалъ такимъ образомъ работѣ вѣковъ олицетвореніе въ видѣ фигуры вѣчнаго Протея, вѣчно безпокойнаго и мѣняющаго оболочку бога. Люди—временныя и случайныя оболочки единаго вѣчно живого общечеловѣческаго духа, проходящаго черезъ всѣ періоды и перемѣны и на минуту останавливающагося въ нашемъ сознаніи. Это—одна душа, безграничная, которая носитъ въ себѣ самой законъ, въ самой себѣ черпаетъ силу, открываетъ въ себѣ новыя и новыя богатства, «приходитъ къ самосознанію».

Итакъ мнѣнія разныхъ временъ, учрежденія, нравы — моменты и повороты сознанія мірового духа. Что представляетъ собою, напримѣръ, стремленіе рѣшить научный запросъ? Что такое наша неудовлетворенность старымъ понятіемъ, закономъ, обычаемъ, наше исканіе реформы? Это въ насъ бьется міровой духъ, стремясь понять самого себя, стремясь подняться на высшую ступень. Что такое переходъ нашъ къ новому политическому порядку, измѣненіе у насъ художественныхъ вкусовъ? Это міровой духъ выработалъ новую форму самосознанія. Что такое свойственное наукѣ XIX вѣка стремленіе обозрѣть все прошлое, оцѣнить его значеніе для современной культуры? Это — ничто иное, какъ наступленіе момента, когда міровой духъ дошелъ до полнаго торжества своей мысли, до полнаго самосознанія. Передъ глазами нашими происходитъ слѣдовательно изумительное переплетеніе психической картины въ глубинѣ человѣческаго существа и картины исторической въ глубинѣ вѣковъ. Мы уже не знаемъ больше, гдѣ явленіе и гдѣ его отраженіе, гдѣ кончается одно и начинается другое. На явленіе перенесены законы, наблюденные въ отраженіи, на отраженіе перенесена послѣдовательность, замѣченная въ явленіи.

Міровой процессъ, міровой духъ, сложенный по образу и подобію нашего разума, говоря правду, конечно—ничто иное, какъ пріемы философствующей головы человѣка XIX столѣтія, который приспособляетъ къ своимъ нуждамъ, къ своимъ коллекціямъ и энциклопедіямъ весь видимый міръ а въ частности и ближе—историческую среду и историческій капиталъ, и египетскихъ боговъ, и греческое искусство, и насилія римлянъ, и добродѣтели германцевъ. Въ этомъ своемъ качествѣ міровой духъ разсуждаетъ логично; онъ—сама логика. Иначе говоря исторія міра, исторія земли, исторія человѣчества есть логическій процессъ. Все человѣчество проходило слѣдовательно въ теченіе тысячелѣтій, какъ выражается одинъ историкъ гегельянства, тотъ же самый учебный курсъ, что отдѣльная личность, экзаменовалась по тѣмъ же отдѣламъ, которые образуютъ періоды сознанія, моменты остановокъ въ психической жизни отдѣльнаго человѣка.

Изъ глубины вѣковъ и до нашихъ дней духъ шелъ и идетъ совершенно такъ, какъ работаетъ за своимъ столомъ ученый или читаетъ лекцію профессоръ. Вотъ на этомъ представленіи и опирается знаменитый гегелевскій законъ трехъ шаговъ, трехъ ступеней сознанія.

Простое наблюденіе надъ нашей психикой лежитъ въ основѣ его. При выработкѣ своего сужденія, при передачѣ другому извѣстнаго объясненія, человѣкъ обыкновенно начинаетъ съ простого положенія, утвержденія; чтобы подчеркнуть это положеніе, выдѣлить его существенныя черты или возвысить его силу, онъ указываетъ далѣе мнѣніе или положеніе, противорѣчащее первому, заключающее въ себѣ отрицаніе перваго. Намъ сначала приходится обыкновенно стоять передъ двумя крайними, взаимно исключающими другъ друга положеніями, колебаться между ними, переходить отъ одной крайности къ другой нашъ выводъ при объясненіи, наше заключеніе при выработкѣ взгляда нерѣдко представляетъ примиреніе двухъ крайнихъ положеній, двухъ односторонностей на нѣкоторой рединѣ.

Именно это самое, по Гегелю, духъ непрерывно совершаетъ въ процессѣ развитія природы и въ историческомъ процессѣ. Его повторяющіеся круги изъ трехъ шаговъ имѣютъ еще другой смыслъ. Простое утвержденіе (тезисъ) отвѣчаетъ общей задачѣ, которую себѣ ставитъ духъ, общей, еще неопредѣлившейся идеѣ. Ея проявленіе въ жизни, ея раздробленіе, разщепленіе въ частностяхъ, случайностяхъ, во влеченіяхъ и поступкахъ отдѣльныхъ людей соотвѣтствуетъ отрицанію, второму шагу духа, какъ бы утрачивающаго самого себя, свою силу, ставшаго въ противорѣчіе съ собою (антитезисъ). Полное проникновеніе идеи въ жизнь, когда охваченные ею люди, претворивъ ее въ дѣло, приходятъ къ сознанію цѣлостности результата, отвѣчаетъ третьей ступени духа, его возвращенію къ себѣ, его примиренію съ собой (синтезу); такъ получается новое утвержденіе, новое обобщеніе; будучи третьимъ въ завершенномъ кругѣ, оно открываетъ собой но-

вый кругъ, является въ немъ первымъ. Такимъ образомъ міровой духъ все рѣшаетъ логическія задачи и большею частью удивительно тонко и удачно, потому что міровой духъ, въ качествѣ продукта XIX вѣка, дисциплинированъ въ хорошей школѣ и способенъ на сложныя комбинаціи.

Разъ ставши на эту точку зрѣнія, можно привыкнуть говорить исключительно логическими фигурами. Напримѣръ, историческій фактъ давленія одного класса на другой, которое вызываетъ возстаніе, можно формулировать такъ: это—смѣна двухъ идей въ самосознаніи духа: идея власти, дойдя до крайняго напряженія, перекидывается въ свою противоположность, въ идею безначалія. Далѣе, въ историческомъ ходѣ слагается новое устройство, какъ результатъ борьбы, гдѣ примиренные классы создаютъ смѣшанное управленіе съ обоюднымъ участіемъ. Это—примиреніе противорѣчивыхъ идей, порядка и свободы, съ которымъ вмѣстѣ духъ поднялся на слѣдующую ступень сознанія.

То весьма простое наблюденіе, что жизнь—борьба и компромиссъ противоположныхъ интересовъ, превращается поэтому у Гегеля въ заключеніе: жизнь потому составляетъ борьбу и компромиссъ, что она есть смѣна и примиреніе противорѣчивыхъ мыслей. Такъ какъ безъ подобной смѣны нѣтъ движенія идей, то безъ борьбы противоположностей нѣтъ жизни, нѣтъ прогресса. Законъ человѣческаго прогресса слѣдовательно написанъ на одной всего страницѣ руководства къ логикѣ. Но Гегель придаетъ невѣроятное значеніе этому логическому пріему: способность нашего разума расчленять понятія создаетъ, какъ онъ говоритъ «изумительную, величайшую, правильнѣе сказать, неограниченную его (разума) силу».

Слѣдовательно, если мы располагаемъ умѣньемъ разбивать понятія на логическіе элементы, изъ которыхъ они составились, если мы умѣемъ развивать діалектически новыя понятія изъ данныхъ положеній, передъ нами раскрыта тайна всей исторіи и всего мірозданія. Исторія, это—воплощенная, развернутая діалектика. Среди міроправящихъ и міропреобразующихъ чудесъ діалектической техники одно изъ самыхъ изумительныхъ состоитъ въ томъ, что идея, положеніе, развиваясь до крайности, доходя до своего величайшаго напряженія, превращается сразу, «перекидывается» въ свою полную противоположность. Самъ Гегель называетъ это явленіе волшебствомъ. Духъ осуществляетъ, напримѣръ, подобную магическую перемѣну, превращая отрицательную силу въ положительную; отрицаніе разсыпало, разорвало общую истину въ тысячѣ частностей и уничтожило этимъ ее; духъ «глядитъ прямо и безтрепетно въ глаза отрицанію, въ безконечномъ множествѣ мелочей схватываетъ онъ снова и завоевываетъ истину, какъ объединяющій вещи принципъ и этимъ достигаетъ торжества надъ смертью, надъ отрицаніемъ».

Для историческаго истолкованія здѣсь заключалась сильная и воз-

буждающая формула: рожденіе свободы изъ деспотизма, и обратно деспотизма изъ свободы, терпимости изъ преслѣдованія и фанатизма изъ свободомыслія, равенства изъ господства немногихъ и іерархіи изъ нивеллировки—все это при діалектическомъ объясненіи гегелевской философіи становилось возможнымъ въ исторіи прошлаго и будущаго и получало научное оправданіе.

Но не только исторія есть сложенная изъ конкретныхъ фигуръ и моментовъ логика, не только исторія мысли представляетъ нормальный путь сознанія; и обратно также логика есть отложившаяся всѣми своими ступенями, сдвинутая въ одну плоскость исторія. Всякая мысль есть сжатая исторія, всякая мысль есть въ сущности образованіе мысли, ея переходъ и процессъ ея развитія, совершившій свой необходимый кругъ и соединившійся въ послѣднемъ результатѣ. Основное сочиненіе, отразившее главныя идеи Гегеля, его «Феноменологія духа» (1807 г.) формулируетъ это понятіе въ странныхъ патетическихъ словахъ заключенія: «Понятая (нами) исторія образуетъ воспоминаніе и Голгоѳу абсолютнаго духа, истину и прочную увѣренность его престола, безъ котораго онъ оставался бы безжизненнымъ одиночествомъ; лишь изъ чаши этого міра духовъ поднимается, пѣнясь, его (духа) безконечность».

Было бы слишкомъ мало сказать, что этотъ кругъ идей Гегеля есть отпаденіе въ старыя геоцентрическія представленія. Въ этой философіи передъ нами выступаетъ какой-то антропоцентрическій энтузіазмъ, заставляющій весь міръ передвигаться, вертѣться, превращаться согласно одному единственному правилу умственной игры человѣка. По удивительной настойчивости въ проведеніи этого принципа, по несокрушимости концепціи, которая всюду видитъ одну только діалектику, Гегеля можно бы назвать великимъ схоластикомъ XIX вѣка.

При всей отвлеченности терминологіи Гегеля его діалектическія опредѣленія и магическія трансформаціи въ концѣ концовъ коренятся въ реальныхъ впечатлѣніяхъ эпохи.

Гегель (род. 1770 г.) пережилъ на себѣ и увлеченія просвѣтительнаго вѣка, и реакцію. Онъ выросъ на раціоналистической литературѣ XVIII вѣка. Въ началѣ 90-хъ годовъ, во время революціи во Франціи, онъ студентомъ въ Тюбингенѣ сажалъ древо свободы, говорилъ якобинскія рѣчи, можетъ быть, даже дрался на улицахъ съ реакціонными французскими эмигрантами. Молодой Гегель выражалъ нетерпѣливый гнѣвъ по поводу того, что «слишкомъ поздно пришли къ признанію высшаго достоинства человѣка, его способности къ свободѣ, возносящей его въ равную для всѣхъ среду духовной жизни»! Въ глубокомъ вліяніи философіи на политику и исторію онъ видѣлъ «лучшій признакъ времени, указывающій, что человѣчество стало уважать себя. Это доказательство того, что исчезаетъ ореолъ, окружавшій головы притѣснителей и земныхъ боговъ. Философы доказываютъ это достоинство, народы же заставятъ его почувствовать и не требовать они будутъ

своихъ правъ, сброшенныхъ въ прахъ, а опять возьмутъ и присвоятъ ихъ».

Лѣтъ 12—14 спустя, во время нападенія Наполеона на Пруссію въ 1806 году, Гегель, уже въ качествѣ профессора въ Іенѣ, подъ стѣнами которой разбито было французами прусское войско, писалъ при громѣ пушекъ, увлеченный революціоннымъ геніемъ Наполеона и совершенно равнодушный къ нѣмецкому отечеству: «Я увидалъ императора, эту міровую душу. Поразительное ощущеніе видѣть подобную личность, видѣть эту силу сосредоточенной въ одномъ пунктѣ, сидящей на конѣ и правящей всѣмъ міромъ». Вскорѣ послѣ того онъ мѣняетъ профессуру на редакторство баварской оффиціозной газеты и выступаетъ здѣсь ревностнымъ наполеонистскимъ публицистомъ, врагомъ и традицій, и національзма, сторонникомъ раціональной нивеллировки общества и однообразной администраціи. Германія представлялась ему лишь «мысленнымъ государствомъ», и онъ настаивалъ на реалистическихъ ближнихъ задачахъ, рѣшаемыхъ фактической силой и разсудкомъ.

Еще лѣтъ десять спустя Гегель принадлежитъ политической реакціи. Снова онъ становится профессоромъ и съ 1818 года переходитъ изъ южной Германіи въ Берлинъ, гдѣ правительство постепенно порывало съ традиціями и обѣщаніями освободительныхъ войнъ.

Ученая и лекторская дѣятельность Гегеля въ послѣдній періодъ (1818—1831 гг.) вращается въ кругу принциповъ и настроеній реставраціи. Съ наибольшей силой оправданіе существующаго порядка во имя логики духа проведено въ лекціяхъ по «Философіи права». Въ предисловіи къ нимъ и заключалась знаменитая фраза, гипнотизировавшая въ свое время многіе умы: «все, что дѣйствительно, разумно». Гегель напрасно пытался потомъ ослабить ее утвержденіемъ, что «только разумное дѣйствительно». Ограниченіе это лишь создавало ничего не говорящую тавтологію, и мысль невольно возвращалась къ тяжелой, безжалостной и безнадежной первоначальной формулѣ.

Въ «Философіи права» Гегеля государственный союзъ обоготворенъ. Всѣ атрибуты абсолютной идеи перенесены на него. Государство объявлено подобіемъ міра, управляемаго духомъ. Государство — абсолютная неподвижная цѣль въ себѣ. Оно — какъ бы малое Провидѣніе. Оно—истинное божество. Ему надо поклоняться, какъ земному богу. Всю цѣну, все духовное существованіе свое личность получаетъ отъ государства.

Мы слышимъ знакомые звуки и формулы реакціонныхъ и органическихъ теорій. Символы и алгебраическіе знаки Гегеля, логическія операціи, магія діалектическаго театра, сверкающая игра, умственные подвиги и чудеса перерожденія абсолютнаго духа, все это составилось въ сущности изъ широкихъ обобщеній историческихъ недавно пережитыхъ фактовъ. Великая катастрофа революціи и здѣсь въ обстановкѣ, гдѣ слагалась философія Гегеля, представлялась всемірнымъ разрѣзомъ

эпохъ, концомъ стараго и началомъ новаго міра. И здѣсь вслѣдъ за ея разрушительнымъ дѣломъ ждали великой новой организаціи.

Сравнивая гегельянскую философію съ сенсимонизмомъ и контизмомъ, мы могли бы сказать, что Гегель въ своихъ трехъ моментахъ исторической діалектики, совпадающихъ съ логическими поворотами человѣческаго ума и сознанія, воспроизводитъ дѣленіе жизни человѣчества на эпохи органическія и критическія, и дѣленіе человѣческихъ состояній на статическія и динамическія. У сенсимонистовъ и у Конта можно было сначала предположить подъ этими терминами общія опредѣленія, указаніе какъ будто на вѣчную и постоянную смѣну одинаковыхъ моментовъ; при ближайшемъ разсмотрѣніи однако оказалось, что они разумѣли не законъ, не многократную и повторимую смѣну, а единственные въ своемъ родѣ, разъ случившіеся факты и разъ пройденные моменты. Такимъ образомъ Контъ, какъ мы видѣли, выстроилъ въ исторіи всего только два положительныхъ вѣка, старый— вѣкъ вѣры, и новый, современный, вѣкъ науки, а между ними поставилъ только одинъ отрицательный критическій, въ то же время и революціонный. Подобныя три рубрики, стараго гармоническаго порядка, односторонней и отрицательной, культуры, и наконецъ наступающей эпохи новой примиряющей систематизаціи, кроются и у Гегеля подъ его лишенными, на первый взглядъ, плоти и крови логическими фигурами.

Разница замѣтна только въ расположеніи исторической перспективы. Романскіе мыслители придаютъ въ прошломъ центральное значеніе романской вѣрѣ, католицизму; наслѣдникъ германско-протестантской культуры, Гегель, свободенъ отъ культа средневѣковой церкви. Возродившійся съ половины XVIII вѣка классицизмъ даетъ другое направленіе его исторической конструкціи; первую положительную эпоху для него представляетъ античное эллинство. За духовнымъ рабствомъ восточныхъ народовъ идетъ гармонія греческой жизни. Изъ распаденія прекраснаго греческаго міра возникаетъ міровоззрѣніе, хотя и высшее, но съуженное субъективизмомъ и самоуглубленіемъ; это—христіанство. Оно обостряется въ мірѣ протестантскомъ и въ культурѣ просвѣщенія XVIII вѣка до величайшей односторонности. Такимъ образомъ «критическій» періодъ у Гегеля гораздо продолжительнѣе и захватываетъ все средневѣковье.

Миссія современности, по его мнѣнію, исправить односторонность новой культуры и слить «въ абсолютномъ знаніи реализмъ моральнаго и эстетическаго духа грековъ съ идеализмомъ абсолютной религіи христіанства». Послѣдняя характеристика близко напоминаетъ тотъ синтезъ порядка и прогресса, организаціи и критики, гармоніи и движенія, въ которомъ Контъ видѣлъ основу наступающаго завершительнаго періода.

Революція и у Гегеля также стоитъ громаднымъ раздѣломъ, про-

пастью между временами. Мы чувствуемъ, что моментъ отрицанія въ его діалектическомъ кругѣ выростаетъ у него невольно въ какой-то психологическій типъ со зловѣщими, хочется сказать даже, съ сатанинскими чертами; онъ помѣщенъ притомъ между двумя состояніями какъ бы святого покоя и гармоніи, между двумя догматическими періодами. Какъ не узнать въ немъ революціи? Скрыть источникъ, скрыть главный реальный мотивъ къ отвлеченнымъ построеніямъ было невозможно и Гегелю. Въ путяхъ развитія духа, изображенныхъ въ «Феноменологіи духа», чѣмъ ближе къ современности, тѣмъ болѣе сквозь абстракціи начинаютъ мелькать неясныя очертанія дореволюціонныхъ порядковъ Франціи, пока наконецъ затаенная мысль вдругъ не выскользаетъ изъ рукъ автора въ рѣзкомъ заголовкѣ одной изъ главъ: «абсолютная свобода и терроръ».

Уже въ послѣдніе годы жизни Гегель читалъ лекціи по «Философіи исторіи». Въ нихъ много реальнаго фактическаго матеріала, и Гегель пытался показать въ этомъ курсѣ, какъ можно построить факты исторіи разныхъ народовъ въ видѣ непрерывнаго роста самосознанія міроваго духа.

Гегель требовалъ отъ слушателей вѣры въ разумный планъ судебъ человѣческихъ. «Кто смотритъ разумно на міръ, на того и міръ разумно глядитъ». Вмѣсто доказательства, онъ ссылается на то, что были бы непонятны кровопролитія, жестокости, всѣ страшныя потери человѣчества, если бы все это не были жертвы, приносимыя ради великой разумной цѣли.

Но, можно спросить, вѣдь мотивы отдѣльныхъ людей безконечно разнообразны; отдѣльные люди не знаютъ цѣлей міровото духа, не справляются съ его логическими рисунками. Какимъ же образомъ міровой духъ осуществляетъ свои планы съ этимъ неблагодарнымъ матеріаломъ человѣческихъ единицъ? Такъ же, говоритъ Гегель, какъ строитель дома пользуется деревомъ, глиной, желѣзомъ; онъ пользуется ихъ свойствами въ духѣ каждаго элемента для общей цѣли, ему одному лишь вѣдомой. Онъ пускаетъ въ ходъ, заставляетъ при стройкѣ служить себѣ огонь, вѣтеръ, воду, чтобы потомъ обуздать эти же элементы, создать противъ дождя, вѣтра и т. д. защиту. Кирпичи, черепицы, балки въ судьбѣ человѣчества, это—человѣческія страсти и чувства, это—отдѣльные люди. Сами по себѣ они необузданы, нелѣпы, жалки; сами по себѣ они не имѣютъ цѣны, и исторіи до нихъ нѣтъ дѣла. Важно только, что изъ нихъ возведетъ разумъ, міровой духъ. Пусть бьются и стонутъ, и извиваются они въ страданіяхъ, пусть гоняются за призраками, и пусть гибнутъ люди, эти раздробленные, грубые, сырые элементы. «Міровой духъ—хитеръ»—таково подлинное выраженіе Гегеля—онъ пускаетъ для себя въ ходъ страсти, т. е. людей, а самъ «держится вдалекѣ отъ битвы, спрятавшись». «Онъ платитъ налогъ жизни и смерти не изъ себя самого, а

изъ человѣческихъ страстей и существованій». Въ утѣшеніе Гегель говоритъ намъ, что только противорѣчія, связанныя со страданіями и вели къ прогрессу. Періоды безмятежнаго счастья были безплодны.

Мысль жестокая, но, повидимому, способная по временамъ ослѣплять человѣка. Словно отзвукъ гегельянства слышится въ заключительныхъ словахъ новѣйшаго соціальнаго романа, принадлежащаго перу выдающагося французскаго политика, когда мы читаемъ слѣдующее поразительное самоутѣшеніе героя, разбитаго въ лучшихъ стремленіяхъ: «Что такое человѣческія пораженія? Ими оплачивается для будущаго торжество добра; нужны трупы для того, чтобы наполнить оврагъ и штурмомъ захватить счастье. Изъ массы испорченныхъ жизней создается путемъ страданій геній живущаго человѣчества». Къ чему ведутъ нашу мысль эти безразсудныя предложенія массовыхъ жертвъ? Къ признанію личности однимъ изъ кирпичиковъ, которые, въ слѣпомъ отборѣ, набранные съ излишкомъ на случай потерь, оглушаемые молотомъ, должны служить огромному зданію отвлеченнаго величія, строющемуся по непонятному плану, гдѣ всѣ частицы истекаютъ кровью, въ то время, какъ невѣдомый гигантъ, ворочающій милліонами пылинокъ, созерцаетъ цѣлое.

Мысль эта во всякомъ случаѣ наслѣдіе реакціи и ея мрачной теоріи великихъ искупительныхъ жертвоприношеній на землѣ. Она далѣе повторяетъ въ себѣ ученіе о предопредѣленіи, какое мы встрѣчаемъ, напр., у блаженнаго Августина или у Кальвина. Люди—орудія Высшей кары: что бы у нихъ ни было на душѣ, погибаетъ ли справедливый, добиваясь правды, торжествуетъ ли злодѣй въ преступленіи, чрезъ нихъ лишь исполняется великій и неумолимый законъ.

Какъ религіозные фаталисты склонны думать, что по временамъ выступаютъ особенныя орудія Божіи, провиденціальные люди, совершающіе крупные разрубы исторіи, такъ разсуждаетъ и Гегель. Культъ великихъ людей доведенъ у него до закланія въ честь ихъ остального человѣчества. Великіе люди должны знаменовать и осуществлять непостижимые для остальныхъ повороты въ развитіи духа. Они въ настоящемъ смыслѣ «герои» всемірной исторіи; они «черпаютъ не изъ спокойной, освященной временемъ традиціи, а изъ источника, содержаніе котораго сокрыто, изъ внутренняго духа, который еще скрывается подъ землей». Они видятъ, какъ пророки, но имъ нѣтъ счастья; ихъ ждетъ трагическая участь. Александръ Македонскій умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, Цезарь былъ убитъ, Наполеона заточили на островъ св. Елены.

Такъ Гегель поддается наклонности драматизировать исторію. У всемірно-историческихъ персонажей личные мотивы совпадаютъ съ линіей всемірнаго духа; поэтому ихъ мораль и вообще мораль исторіи выше обыкновенной морали. Во имя этой высшей морали имъ, такъ сказать, все дозволено. Гегель обращается съ высокомѣрной ироніей къ

«мелочнымъ торговцамъ» исторіи, которые приступаютъ къ героямъ съ общечеловѣческой мѣркой, требуютъ отъ нихъ обыкновенныхъ добродѣтелей. Это, говоритъ онъ,—внушеніе обыкновенной зависти.

Не только личности составляютъ подмостки исторіи, но и цѣлые народы, Міровой духъ, растянутый во времени, составляется изъ умственныхъ вкладовъ отдѣльныхъ народовъ; духъ, культура каждаго народа образуютъ составные принципы всемірнаго духа, ступени, которыя онъ пробѣгаетъ, оболочки, которыя онъ одѣваетъ и сбрасываетъ. Такъ опредѣляется за каждымъ народомъ его миссія. Каждый долженъ съиграть свою роль въ міровой пьесѣ и сойти со сцены; по мановенію всемірнаго духа входитъ онъ, исполняетъ положенную партію и исчезаетъ.

Еще и еще болѣе впадаетъ Гегель въ драматизацію. Культурный блескъ народа и его смерть представляютъ моменты встрѣчи его съ роковымъ шествіемъ прогрессирующаго мірового духа. Народный геній горитъ желаніемъ выразиться во всей полнотѣ: достигнувъ высшаго выраженія своей силы, онъ даетъ плодъ для всемірной исторіи, но это и есть его смерть или его самоубійство. «Принявъ горькій напитокъ всемірной исторіи, къ которому онъ тянулся въ безконечной жаждѣ, онъ узнаетъ свое назначеніе и погибаетъ». Работа его сдѣлана, духъ поднялся на слѣдующую ступень.

Вѣнчаніе на царство человѣческаго разума, подобное тому, какое мы встрѣчаемъ у Гегеля, неизбѣжно связано съ однимъ результатомъ: оно запираетъ въ заколдованный кругъ всѣ факты, поддающіеся пригнетенію въ систему, и выбрасываетъ остальные, какъ ненужные. Гегеля не смущаетъ, если народъ, давшій уже, по его плану, свой культурный плодъ, не умеръ, продолжаетъ еще существовать на землѣ: пусть живетъ, сколько хочетъ, онъ—«политическій нуль и скука», и для исторіи не существуетъ. Также вовсе не существуютъ всѣ тѣ народы, которые не понадобились для пробѣга всемірнаго духа. Стоитъ замѣтить, что сфера этого духа территоріально очень узка: ему достаточно было передней Азіи, только одной десятой этого материка, и западной трети Европы. Все остальное—народы неисторическіе. Не касается историка-философа и ранній бытъ народовъ; безразлично, какъ произошло государство. Народъ имѣетъ историческое значеніе лишь съ того момента, когда онъ начинаетъ сознавать себя, т. е. писать свою исторію; это значитъ его коснулся міровой духъ.

Конкретная исторія туго дается въ подобную систему. По временамъ міровому духу нечего дѣлать: таковъ, напримѣръ, XVII вѣкъ въ исторіи Западной Европы, который не подошелъ къ принятой Гегелемъ схемѣ и не далъ драматическихъ моментовъ. Наоборотъ иному событію или дѣятелю приходится фигурировать въ неподходящей роли, напримѣръ, вольнодумцу Фридриху II прусскому—въ качествѣ героя протестантизма, потому что таково повелительное требованіе общей системы, плана шествія всемірнаго духа.

Гегель признаетъ самъ, что исторія никогда не повторяется и потому не даетъ поученія для дальнѣйшаго развитія. Она лишь—литургія, славословіе мірового духа. И такъ же, какъ у Конта, историческое развитіе не имѣетъ будущаго. Всемірный духъ достигъ въ современности послѣдней ступени, онъ осуществилъ свое призваніе, онъ выработалъ въ себѣ сознаніе свободы. Онъ прошелъ всѣ возрасты; въ древнемъ Востокѣ—дѣтство, въ Греціи—юность, въ Римѣ—зрѣлость; въ германскомъ мірѣ—а Гегель не вѣритъ ни въ славянъ, ни въ романскіе народы и не говоритъ ни слова объ Америкѣ—онъ достигъ старости. Можно, правда, не тревожиться въ страхѣ смерти, даже не бояться старческихъ недуговъ. Старость мірового духа—старость бодрая, утѣшаетъ насъ Гегель, и конца ей не видно. Но все же это старость и остановка. Прогрессъ былъ великъ, но въ своихъ основныхъ моментахъ онъ закончился.

Таково поразительное заключеніе обѣихъ крупныхъ теорій прогресса, выставленныхъ въ XIX вѣкѣ, заключеніе, какъ бы неожиданное для самихъ авторовъ. Въ этомъ ихъ отличіе отъ теоретиковъ прогресса, выступившихъ въ прошломъ вѣкѣ, отъ Гердера, Кондорсе. Этотъ недостатокъ, словно червь, гложущій ихъ въ корнѣ. Имъ нечего обѣщать впереди, а между тѣмъ онѣ были такъ краснорѣчивы, когда говорили о необходимости жертвъ, о фатальности хода, о разумности его. Почему же должно прекратиться движеніе? Зачѣмъ оно было нужно? Таковы вопросы, ставить которые насъ научили, принудили именно эти теоріи, но на которые онѣ не даютъ отвѣта.

Всемірно-историческія построенія Гегеля и Конта имѣли множество эпигоновъ, ихъ формулы прогресса примѣнялись и повторялись на тысячи ладовъ, но общее движеніе идеи, которой они служили, закончилось; новой оригинальной теоріи безконечнаго, необходимаго прогресса единаго человѣчества потомъ никто больше не выставлялъ. Творчество въ этой области замерло вмѣстѣ съ слабѣющими колебаніями волнъ, поднятыхъ огромнымъ переворотомъ въ концѣ XVIII вѣка. Настроеніе, созданное имъ, блѣднѣло и проходило; его не стало больше, чтобы вдохновлять на грандіозныя историческія перспективы и драматическія картины. Широкія линіи философскаго полета, поэтическія аллегоріи, связанныя съ нимъ, сдѣлались постепенно школьными рубриками, сухими разрѣзами, обыденными терминами. Школа можетъ еще долго держать ихъ, но они будутъ только давить живую мысль, ставить ей ненужныя путы, или механически повторяться; новыя поколѣнія не могутъ чувствовать въ нихъ того содержанія, какое влагалось воображеніемъ поколѣній предшествующихъ.

Нельзя, однако, покинуть эту замѣчательную эпоху въ развитіи соціальной и исторической мысли, не указавши на ея особенности, путемъ сравненія ея съ другими болѣе ранними моментами движенія идеи о необходимомъ прогрессѣ совокупнаго человѣчества. Такое сра-

вненіе прежде всего дастъ возможность установить тотъ фактъ, что идея прогресса человѣчества не нова вообще, но что ея появленіе представляетъ прерывающіеся моменты, что оно почти всегда носило особенный, чрезвычайный характеръ, отвѣчало моментамъ сильнаго возбужденія, хотя своеобразная формулировка идеи прогресса для каждой эпохи зависѣла отъ различныхъ представленій о мірѣ и о человѣческомъ обществѣ на землѣ.

Древняя греко-римская общественная среда представляла условія мало благопріятныя для мысли о непрерывномъ и необходимомъ прогрессѣ человѣческаго рода. Культурный горизонтъ античныхъ народовъ былъ не широкъ и малоподвиженъ; изъ-за вѣнца средиземноморскихъ странъ глядѣлъ мрачный лѣсъ варварства, казавшагося безчисленнымъ. Общественныя формы были сравнительно устойчивы; техника слабо подвигалась; просвѣщеніе захватывало небольшіе слои. Вотъ почему, по преимуществу господствовала мысль о неподвижности жизни, или же въ воображеніи общества возвращалась идея золотого вѣка, стоявшаго на зарѣ человѣчества.

Только одна матеріалистическая школа эпикурейцевъ, которая наиболѣе эмансипировалась отъ старыхъ религіозныхъ воззрѣній, отъ идеи первоначальнаго земного рая, опредѣленно заявила, что люди двигаются впередъ, что культура, знанія, гуманность возникли усиліями человѣка и постепенно замѣняли варварство. Эпикуръ и его послѣдователи, согласно основному принципу своему, придавали разуму и опыту значеніе культурныхъ двигателей. Въ этомъ отношеніи знаменитую атеистическую поэму современника Цезаря, Лукреція, «О природѣ вещей» сравнивали съ «Очеркомъ картины прогресса» Кондорсе. Лукрецій нарисовалъ первобытное состояніе людей удивительно реальными красками; съ нимъ встрѣтились въ этомъ отношеніи изображенія новой науки, начиная съ Вико. Грубыя, сильныя, полуживотныя существа, лишенныя почти языка, безъ семьи, въ лѣсахъ— вотъ первые люди. Ихъ сближаетъ нужда; общеніе ведетъ ихъ къ установленію договора: вотъ первое появленіе мысли, такъ занимавшей потомъ людей XVII и XVIII вѣковъ. Лукрецій тонко объясняетъ возникновеніе и развитіе языка изъ усложненія психической жизни въ растущемъ общеніи людей. Онъ рисуетъ затѣмъ техническіе успѣхи, ростъ эксплуатаціи природныхъ силъ, появленіе городской жизни и т. д. Впервые примѣненъ у него и терминъ: «прогрессировать шагъ за шагомъ».

Надо, однако, имѣть въ виду, что эпикурейцы были убѣждены въ предстоящей остановкѣ не только прогресса, но и самой жизни на землѣ, въ постепенномъ разрушеніи міра. Притомъ прогрессъ они не считали настоящимъ и прочнымъ улучшеніемъ. Возрастающая культура развиваетъ бо̀льшую чувствительность, и цивилизованный человѣкъ способенъ испытывать массу страданій, которыя неизвѣстны

первобытному. Лукрецій какъ будто имѣетъ слабость къ дикарю, подобно Руссо, и во всякомъ случаѣ онъ осуждаетъ развитіе индустріи и искусства.

Но и эти взгляды раціоналистовъ древности скоро были оттѣснены. Къ концу язычества, въ неоплатонизмѣ, въ восточныхъ откровеніяхъ выработалось даже представленіе, прямо обратное мысли о прогрессѣ, именно представленіе о непрерывномъ регрессѣ, ухудшеніи міра, о растущемъ торжествѣ злого начала, паденіи человѣческой природы. Эту мысль принимаетъ и раннее христіанство.

Первые христіанскіе энтузіасты находились подъ вліяніемъ ожиданія непосредственнаго конца міра, достигшаго въ ихъ глазахъ своего естественнаго предѣла. Послѣдующія поколѣнія конечно должны были устроиться прочнѣе въ виду того, что конецъ міра отодвигался; ежедневная жизнь вступала въ свои права; но земная обстановка тѣмъ не менѣе представлялась имъ формой мертвой, которая не приспособляется къ духовнымъ потребностямъ, а лишь способна имъ мѣшать или въ лучшемъ случаѣ служить имъ пассивнымъ мѣстопребываніемъ. У великаго систематика работы ранняго христіанства, Августина, къ которому потомъ постоянно возвращались въ Средніе Вѣка, получились два ряда явленій, два движенія съ тенденціями прямо противоположными другъ другу: въ то время какъ внѣшній міръ, матеріальная природа, политическая стройка человѣка, это царство діавола, разрушается, регрессируетъ,—духовное царство, государство Божіе въ лицѣ святыхъ и членовъ церкви наростаетъ, множится, идетъ къ торжеству.

Несомнѣнно, это—идея прогресса, но здѣсь весь прогрессъ въ небесахъ. Впередъ идетъ не реальный человѣкъ, не земныя отношенія; напротивъ, на ихъ разрушеніи строится совершенствованіе и расширеніе идеальнаго царства, которое только однимъ концомъ касается земли.

Въ воинственной средѣ средневѣковаго феодальнаго Запада эта мысль получаетъ форму болѣе реальную—торжества на землѣ христіанскаго оружія, расширенія христіанской пропаганды.

Въ XIII вѣкѣ въ средѣ францисканскаго ордена появилось своеобразное мистическое ученіе о прогрессивномъ развитіи и послѣдовательномъ откровеніи христіанства въ связи съ такъ называемымъ «Вѣчнымъ Евангеліемъ». Энтузіасты ссылались на обѣщаніе Христа о пришествіи параклета, св. Духа, и въ родоначальникѣ своемъ, св. Францискѣ, какъ бы новомъ Христѣ, видѣли апостола и провозвѣстника новой міровой религіозной эпохи. Фазы раскрывающейся религіи должны отвѣчать тремъ лицамъ Троицы: царство Бога Отца—Ветхому Завѣту, преобладанію плоти, господству свѣтской власти; царство Бога-Сына—времени Новаго Завѣта, буквальнаго пониманія Евангелія, времени преобладанія свѣтскаго бѣлаго духовенства. Наконецъ будущее

царство Бога-Духа св. станетъ временемъ Евангелія, которое откроется въ своемъ внутреннемъ духовномъ смыслѣ; это будетъ торжество монашества, дошедшаго до своего высшаго выраженія во францисканствѣ; требованія плоти въ этомъ царствѣ должны будутъ совершенно исчезнуть и наступитъ торжество созерцательной ангельской жизни.

Эта мысль о прогрессивномъ просвѣтлѣніи человѣчества, о приближеніи его къ небесному безплотному существованію, о возвышеніи человѣка до степени божества потомъ не разъ вспыхивала въ моменты горячаго религіознаго увлеченія въ XV, XVI, XVII вѣкахъ. Она доводила восторженныя натуры до отождествленія себя съ Христомъ. Изъ настроенія такого характера вытекали поразительные, но совершенно искренніе поступки и вдохновенія, въ родѣ, напримѣръ, воспроизведенія англійскимъ сектантомъ Нэйлеромъ въѣзда Христа въ Іерусалимъ среди своихъ учениковъ (1651 г.).

Индепенденты первой революціи и ранней эмиграціи въ Америку вообще склонялись къ вѣрѣ въ постепенное раскрытіе религіозной истины. Они ставили этотъ прогрессъ богопознанія, прогрессъ нравственной чистоты и возвышенности въ зависимость отъ новыхъ и новыхъ озареній отдѣльныхъ лицъ, отъ глубины и силы внутренняго откровенія, дающагося лишь избраннымъ людямъ.

Во всѣхъ этихъ воззрѣніяхъ надо обратить вниманіе на тѣсную связь между вѣрой въ прогрессъ человѣчества и религіознымъ экстазомъ, религіозной мистикой. Одновременно съ ними въ болѣе спокойной научной средѣ господствовали другія представленія. Если мы возьмемъ сферу философской мысли, изученія права, литературу, догматику церковную съ XIV по XVI вѣкъ, если мы возьмемъ романистовъ, схоластиковъ, гуманистовъ, реформаторовъ, мы увидимъ у нихъ то общее, что они всѣ ищутъ авторитетной опоры въ какомъ-либо зарытомъ и откапываемомъ сокровищѣ,—въ Аристотелѣ, въ кодексѣ Юстиніана, въ Цицеронѣ, въ первоначальномъ текстѣ Библіи. Они всѣ исходятъ отъ понятія о возвращеніи къ истинѣ послѣ вѣковой тьмы, заблужденій и искаженій. Въ ихъ взглядахъ нѣтъ благопріятной среды для мысли о постепенномъ совершенствованіи. Истина, моральная чистота, счастье даются или не даются сразу, какъ кладъ, ихъ надо умѣть присвоить, но они существуютъ сами по себѣ, существуютъ такъ сказать, раньше человѣка, внѣ его работы или, по крайней мѣрѣ, какъ вѣчная основа его природы, которая также должна быть открыта умѣлой рукой.

И въ XVIII вѣкѣ по большей части склонялись къ подобному представленію. Искомая причина стала теперь иначе называться—естественнымъ, разумнымъ порядкомъ или просвѣщеніемъ, просвѣщеніемъ въ особомъ смыслѣ какой-то высшей фиксированной ступени. Правда, путь, который необходимо пройти къ этому просвѣтлѣнію, чтобы достигнуть царства разума, стали представляться въ XVIII вѣкѣ прогрес-

сомъ, но самая цѣль не казалась подвижнымъ, возобновляющимся и перемѣннымъ идеаломъ. Цѣль готова заранѣе; она ждетъ пробуждающихся людей.

Въ концѣ XVIII вѣка, однако, въ теоріяхъ Гердера и Кондорсе сталъ выдвигаться на первый планъ именно тотъ путь, которымъ должно было раньше и дальше будетъ идти человѣчество, путь его совершенствованія; это движеніе къ великой цѣли начинаютъ цѣнить само по себѣ, какъ процессъ облагороженія человѣческой личности, развитія солидарности, торжества симпатическихъ влеченій въ человѣческомъ обществѣ, а, съ другой стороны, какъ процессъ возрастанія человѣческихъ средствъ въ эксплуатаціи природныхъ силъ. Можно было отмѣтить и главные толчки, которые дали соціально-исторической мысли это направленіе: это были успѣхи естественныхъ наукъ, подъ вліяніемъ которыхъ уже тогда слагалась идея непрерывной эволюціи земныхъ формъ, а, съ другой стороны, захватывающій ростъ индустріи и техники.

Самая важная черта вновь возникающей теоріи прогресса человѣчества заключалась въ томъ, что она возводила наблюдаемый фактъ, фактъ усовершенствованія личности и общества, въ необходимость, въ законъ природы. Почему прогрессъ неизбѣженъ? Потому что человѣческое общество—послѣдняя стадія земного развитія, въ которомъ простыя формы постоянно и непрерывно подымались и переходили въ болѣе тонкія, сложныя и организованныя. Въ человѣческомъ обществѣ признали, однако, появленіе новой силы, какъ бы ускоряющей прогрессъ и придающій ему особую прочность, именно—силы знаній, мощи человѣческой мысли. Кондорсе, С. Симонъ, Контъ выразили это убѣжденіе особенно настойчиво въ томъ смыслѣ, что весь соціальный строй зависитъ отъ направляющей и организующей силы идей, что философская система, совокупность знаній создаетъ весь бытъ, всѣ человѣческія отношенія. Въ философской поэзіи и риторикѣ Гегеля это убѣжденіе получило крайнюю форму и какъ бы обратилось въ драматическій эффектъ; прогрессирующая идея совершаетъ логическую игру, прикасается къ землѣ, зажигаетъ факты дѣйствительности, гдѣ ей нравится, и оставляетъ все прочее въ безформенной тьмѣ.

Наконецъ, къ условіямъ, въ которыхъ сложилась теорія прогресса, присоединилось вліяніе сильнаго политическаго движенія, пережитаго европейскимъ обществомъ, движенія, первымъ кризисомъ котораго была французская революція. Оно направляло историческую мысль и своими принципами, и характерными чертами самого переворота. Программа либеральныхъ политиковъ, открывавшая собой ожидаемый золотой вѣкъ, гласила: освобожденіе личности. На рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ это значило: свобода совѣсти, свобода слова, гарантія неприкосновенности личности въ государствѣ, свобода передвиженія и выбора профессіи, отчетливое право собственности и, наконецъ, предоставленіе всѣмъ и всякому голоса въ политической жизни. Будущее рисовалось въ видѣ

ряда ступеней освобожденія личности. Соотвѣтственно этому во взглядѣ назадъ, въ историческомъ обозрѣніи ясно выдѣлялась и прошлая судьба человѣческаго общества: она сводилась болѣе всего къ постепенному отпаденію стѣснявшихъ личность учрежденій, обычаевъ и формъ, она рисовалась въ видѣ эмансипаціи личности, т. е. выхода ея изъ безсознательнаго существованія въ первобытной семьѣ и общинѣ, изъ пригнетенія и несамостоятельности къ полному обладанію своими дарованіями и желаніями. Даже у Гегеля, очень далекаго отъ политическаго либерализма, главное содержаніе прогрессивнаго движенія духа—выработка сознанія свободы.

Общіе принципы эти развернулись среди единственнаго въ своемъ родѣ политическаго возбужденія, и это обстоятельство положило особую печать на представленія о прогрессѣ: поколѣнія, приходящіяся на эпоху отъ 1789 года до 1850 года, люди, пережившіе столько политическихъ революцій, невѣроятно много ломавшіе и строившіе, привыкшіе къ изобрѣтеніямъ, тонкостямъ и чудесамъ политической техники, выработали въ себѣ увѣренность, что никогда прогрессъ не двигался такъ быстро, какъ въ послѣднее время.

Религіозныя ожиданія и религіозный ужасъ, окружавшіе революцію, придали такимъ образомъ окончательную форму теоріи прогресса. Мысль о наступленіи царства Божія или о совершеніи великаго искупленія, великаго суда на землѣ подняла небольшую группу европейскихъ народовъ, захваченныхъ переворотомъ, ростомъ обмѣна науки и техники, на высоту всего человѣчества; это представленіе о человѣчествѣ, какъ великомъ связномъ цѣломъ, живущемъ общею жизнью, готовящемся къ великому возрожденію, было перенесено и на прошлое. Такимъ образомъ и на этотъ разъ идея прогресса сопровождала религіозный подъемъ и въ свою очередь была несома имъ. Время ея торжества, ея силы и процвѣтанія, ея оригинальнаго развитія можетъ быть весьма опредѣленно отграничено, и это -- небольшая по продолжительности эпоха, отмѣченная особаго рода энтузіазмомъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПОЭЗІЯ И ПРАВДА МІРОВОЙ ЛЮБВИ.

(*Окончаніе* *).

IX.

Вопросъ о народѣ, его духовной личности и историческомъ значеніи занялъ первое мѣсто въ публицистикѣ, въ политикѣ и отчасти даже въ философіи нашего времени. Уже этотъ фактъ доказываетъ сложность и и многосторонность вопроса и, слѣдовательно, неизбѣжность различныхъ даже противоположныхъ рѣшеній. Они съ теченіемъ времени становятся все болѣе непримиримыми и концу нашего столѣтія суждено видѣть безнадежное разочарованіе въ демократическомъ принципѣ — чувство, совершенно противоположное выспреннимъ народническимъ увлеченіямъ конца минувшаго вѣка.

Между этими полюсами движется и русская публицистика и поэзія. Неустойчивость основного взгляда на народъ объясняется очень просто. Народъ можно понимать, какъ массу совершенно обособленную, какъ цѣлую расу, не только отличную отъ другихъ сословій и классовъ, но нравственно и исторически имъ противоположную. Этотъ взглядъ и является обыкновенно основой народническаго идеализма. Такъ было при первомъ появленіи на европейской сценѣ демократической идеи, такъ и остается до послѣднихъ вспышекъ нашего отечественнаго лирическаго народолюбія.

Ошибочность и чисто поэтическое простодушіе этого возрѣнія не требуютъ доказательствъ. Еще Тургеневъ, одинъ изъ родоначальниковъ русскаго народничества, очень близко подошелъ къ обличенію его младенческихъ заблужденій. Въ одномъ изъ писемъ къ Герцену онъ писалъ: «Народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что даже оставитъ за собою всѣ мѣтко-вѣрныя

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить—посмотри на нашихъ купцовъ».

Эту мысль можно распространить вполнѣ логически, именно указать, что народъ не представляетъ изъ себя замкнутаго царства, что изъ него же получаются въ настоящее время всѣ другіе классы. На западѣ буржуазія пополняется богатѣющими рабочими, крестьянскія дѣти безпрестанно превращаются въ *Messieurs* и ихъ именно Прудонъ презрительно называлъ «господа демократы». Адвокаты, заполонившіе современные парламенты, тоже не аристократическаго происхожденія. Литература вся сплошь переполнена *толпой* и *массой*. То же самое и у насъ. На западѣ понятіе народъ, при всеобщей подачѣ голосовъ и при необыкновенно энергичной соціальной борьбѣ, постепенно становится чисто-идеальнымъ понятіемъ. Сегодняшній рабочій завтра можетъ стать патрономъ, публицистомъ, даже членомъ законодательнаго собранія.

Въ Россіи нѣтъ такого быстраго и естественнаго перемѣщенія классовъ, но Тургеневъ совершенно правильно указывалъ на купцовъ и на сельскую буржуазію, какъ дѣтищъ того же самого народа. И Герценъ не могъ отрицать весьма непригядныхъ нравственныхъ и особенно гражданскихъ чертъ у этихъ несомнѣнно демократическихъ фигуръ. Откуда же взялись эти черты? Надо признать, — онѣ не чужды народной психологіи и остаются втайнѣ только до стеченія удобныхъ обстоятельствъ.

Извѣстно, напримѣръ, что едва ли не тягчайшій гнетъ и жесточайшія обиды при крѣпостномъ правѣ создавались не самими помѣщиками, а бурмистрами, старостами, дворовыми и просто лакеями. Этотъ фактъ установленъ и русской художественной литературой, подтверждается онъ и въ одномъ изъ произведеній нашего автора—«Въ облачный день». Мужикъ у г-на Короленко разсказываетъ: «Господа ничего были, на господъ что грѣшить... на господъ грѣшить нечего... Бурмистры вотъ, свой же братъ, ну, тѣ шибко примучивали».

«Свой братъ», т. е. народъ, оказывается способнымъ производить изъ своей среды усерднѣйшихъ добровольцевъ деспотизма и совершенно безцѣльнаго чисто любительскаго издѣвательства именно надъ «своимъ братомъ».

Очевидно, надо внести значительную поправку въ идеальное представленіе о нравственномъ мірѣ народа, тѣмъ болѣе, что возникновеніе буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ не всегда можетъ быть приписано разстлѣвающему вліянію «города» и «цивилизаціи»: буржуазія весьма часто вполнѣ почвенное, самобытное растеніе, непримиримо враждебное «цивилизаціи» въ самыхъ ея скромныхъ формахъ—въ формѣ даже элементарнаго образованія и какихъ бы то ни было общихъ интересовъ.

При такихъ условіяхъ *идеализація* народа можетъ быть развѣ только боевымъ, полемическимъ средствомъ, отнюдь не положительной, неопро-

вержимой основой для какихъ бы то ни было идейныхъ сооруженій въ культурномъ и политическомъ смыслѣ. Народъ требуетъ чрезвычайно внимательнаго и безпристрастнаго изученія и изучающій не долженъ ни на одну минуту забывать, что въ законахъ самой природы лежитъ *необходимость* культурнаго развитія, вообще умственнаго и экономическаго движенія, что формы народной жизни, по самому своему существу—формы преходящія, несовершенныя, не исчерпывающія всего богатства нравственныхъ силъ человѣческой природы и что народная психологія производитъ впечатлѣніе свѣта и правды чаще всего только какъ яркій *контрастъ недугамъ* и *заблужденіямъ* интеллигентнаго быта, а вовсе не какъ идеальная конечная цѣль всѣхъ нравственныхъ и гражданскихъ стремленій. И у дѣтей имѣются свойства весьма похвальныя, даже у дикарей немало обычаевъ разумныхъ и подчасъ трогательныхъ, но это не значитъ, что мы, утративъ дѣтскую ясность души и навсегда лишившись первобытнаго склада жизни, должны стремиться вернуться къ дѣтству и уйти въ лѣса искать счастья и правды.

Именно эту программу готовы были предложить первоучители демократизма на западѣ и горькими слезами оплакивали невозможность ея осуществленія. Не спаслось и русское народничество отъ проповѣди опрощенія и одичанія, изрѣдка даже отъ открытой войны противъ «интеллигенціи», отъ страстнаго стремленія отдать её на выучку народу, разумному безъ просвѣщенія и мудрому безъ науки.

Г. Короленко несомнѣнно принадлежитъ къ писателямъ, съ особенной любовью изучающимъ народъ психологически. Подробности внѣшняго быта являются предъ нами лишь по поводу нравственныхъ вопросовъ. Все вниманіе автора сосредоточено на душѣ и міросозерцаніи народной массы и отдѣльныхъ личностей. Это самое поучительное изъ всѣхъ направленій народнической литературы. У автора нѣтъ въ распоряженіи дешевыхъ, но часто очень сильныхъ эффектовъ. Какъ художникъ онъ не пускается въ живописное изображеніе мужицкой бѣдности. У него нѣтъ патетическихъ жанровыхъ картинъ, столь свойственныхъ лирическому народничеству. Правда, у него имѣется *святочный разсказъ—Сонъ Макара*. Здѣсь описывается многострадальное житье-бытье объякутившагося русскаго мужика. Но прежде всего—Макаръ не представитель *русскаго* народа, и его бытъ, собственно не русская дѣйствительность, а потомъ, какъ увидимъ дальше, именно это произведеніе вопреки восторгамъ критиковъ слѣдуетъ считать самымъ слабымъ, въ художественномъ отношеніи,—изъ всѣхъ, признанныхъ авторомъ достойными отдѣльнаго изданія.

Сила г. Короленко тамъ, гдѣ вдумчивый анализъ внутренняго міра, поэтическое обобщеніе его разрозненныхъ мельчайшихъ чертъ, гдѣ встаетъ предъ нами цѣльный, яркій образъ, какъ извѣстный человѣческій типъ, независимо отъ статистическихъ и бытовыхъ условій. Рисуя дѣтскую психологію, авторъ не выбиралъ преднамѣренно дѣтей

интеллигентной, богатой или бѣдной и мужицкой семьи. Онъ желалъ показать глубину и богатство естественныхъ нравственныхъ силъ, независимо отъ внѣшней обстановки и болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Такъ и въ разсказахъ о народѣ.

Здѣсь можно указать только одну разграничительную черту—этнографическую, т. е. по существу тоже психологическую. Предъ нами два общихъ типа—хохолъ и великоруссъ и каждый изъ нихъ отмѣченъ родовымъ свойствомъ: одинъ—поэтъ, другой—съ природными наклонностями къ отвлеченной мысли, къ анализу, къ философскому и религіозному исканью истины.

Образъ поэта не представляетъ для автора ни малѣйшихъ затрудненій. Онъ усвоенъ авторомъ съ дѣтства, такъ же близко знакомъ ему, какъ южная природа, и авторъ знаетъ тѣснѣйшее сродство душъ этой природы и этого человѣка. На этомъ сродствѣ у него и построена характеристика малорусскаго народа.

Она всегда въ высшей степени увлекательна, проникнута живымъ авторскимъ сочувствіемъ, она *невольно* поэтична, такъ какъ является всецѣло отраженіемъ роскошной, богатой красками и звуками малорусской природы. Именно создавая образъ малорусскихъ крестьянъ, авторъ могъ во всей полнотѣ обнаружить чуткость своего слуха и зрѣнія къ мимолетнымъ явленіямъ родныхъ полей и лѣсовъ. Эта чуткость въ малорусской народной поэзіи творитъ чудеса *красоты* и *сердечности*, вдохновляясь обыденнѣйшими фактами и предметами. Музыка души восполняетъ звуки и краски внѣшняго міра и, напримѣръ, въ пѣсняхъ Шевченко умѣетъ одухотворить чарующей нѣжностью рѣчи и чувства—самый будничный пейзажъ, воспѣть иву будто живое олицетвореніе сиротливой грусти и безнадежной истомы, пышный цвѣтущій макъ уподобить сіяющему счастью, зеленый хмѣль сравнить съ беззаботной, неистощимо-живой молодостью... И эта поэма естественной, осердеченной жизни прелестью и разнообразіемъ психологіи не уступитъ художественнѣйшему анализу человѣческой души.

Такой же пріемъ и у нашего автора.

Герои его очень не краснорѣчивы. Они, повидимому, привычнѣе пѣть, чѣмъ говорить. Звуки пѣсни вызываютъ у нихъ первыя сознательныя впечатлѣнія дѣтства и они же дольше всѣхъ другихъ воспоминаній о родинѣ живутъ въ ихъ памяти. Старуха, выросшая въ Америкѣ, давно забыла свой родной языкъ, но слова пѣсни, убаюкивавшей ее въ дѣтствѣ, пережили всѣ утраты и забвенія, и она можетъ привѣтствовать земляка только этой пѣснью. Сколько здѣсь правды, тѣмъ болѣе глубокой, что она—истинно народное достояніе. И г. Короленко умѣетъ чрезвычайно просто раскрыть предъ читателемъ *поэтичность* и *сердечность* народнаго нравственнаго міра.

Беретъ онъ самаго сѣраго мужика, съ весьма ограниченной умственной жизнью, по количеству *идей* врядъ ли превышающей разумъ ребенка.

По крайней мѣрѣ, слѣпой мальчикъ даже превосходитъ Іохима прирожденнымъ безпокойствомъ мысли и богатствомъ общихъ запросовъ своей дѣтской души. Но у Іохима великое *народное* сердце и по натурѣ онъ богатырь сравнительно съ просвѣщеннѣйшимъ паномъ. Въ темномъ царствѣ его духа пока растетъ и развивается общее народное достояніе—простѣйшія чувства любви, горя, печали, радости, инстинктивной молодой жажды счастья. Для этихъ чувствъ не требуется вмѣшательства цивилизаціи и образованности: они благородны и сильны сами по себѣ, какъ органическое содержаніе народной психологіи. И они находятъ себѣ соотвѣтствующее выраженіе,—не разсудочную, складную рѣчь, а цѣлую вереницу поразительно *сознательныхъ* звуковъ. Все равно, какъ природа: вся исполненная чувствъ и настроеній, она умѣетъ выражать ихъ до безконечности разнообразнымъ шумомъ лѣса, журчаньемъ потока, сумракомъ вечера и живыми тѣнями ночи.

Іохимъ молчаливъ, робокъ и неуклюжъ. Онъ—хлопъ и словами не высказываетъ своего отношенія къ фактамъ панской жизни. Но онъ владѣетъ другой могущественной критикой—краснорѣчіемъ природы, поэзіей сердца и неотразимой красотой чувства. Это—сила неизмѣримо высшая, чѣмъ бездушное искусство, и дудка Іохима заглушитъ городскую музыку, взволнуетъ душу ребенка, будетъ грозить отнять ее даже у матери.

Оттуда такая власть?

Авторъ очень краснорѣчиво разсказываетъ исторію іохимовой дудки: можетъ быть, рѣчь могла бы быть проще и храднокровнѣе, но смыслъ ея нисколько не страдаетъ отъ тона. Въ іохимовой музыкѣ дѣйствительно звучитъ сама украинская природа, вѣтеръ, солнце и плескъ рѣчныхъ волнъ—все это оживаетъ въ переливахъ мужицкой пѣсни и все это чуется дѣтскимъ сердцемъ, какъ родное и отнынѣ незабвенное. И сама гордая, образованная музыкантша-пани невольно смиряется предъ этой безсмертной властью естественной поэзіи и всего, что́ пережила и переболѣла душа народа.

И какая это спокойная, величавая, художественно-царственная власть! Ни одного назойливаго вопля, ни одной хитрой фіоритуры,—все неподдѣльно и стихійно, какъ ночь послѣ захода солнца, какъ свѣжесть послѣ бури, какъ вздохъ въ минуту горя, какъ радостный крикъ въ порывѣ счастья. И именно народному творчеству свойственна эта простота безсознательная и власть не разсчитанная.

Природа страны будто впитываетъ въ себя ея прошлое, а сердце и воображеніе народа вбираютъ въ себя чудные мотивы поэзіи и вдохновенныхъ думъ окружающаго ихъ міра,—это будто единый нервный творческій организмъ. И Іохимъ по какому-то тайному внушенію отыскиваетъ иву, изъ которой онъ сдѣлаетъ свою удивительную дудку. Матвѣй, «безъ языка» и съ самымъ мужичьимъ умомъ, становится лицомъ трога тельнымъ и изящно-поэтическимъ, когда одинокій и безпріютный, угне-

тенный чуждой и враждебной ему цивилизаціей, онъ воскресаетъ душой при видѣ зеленыхъ полей, даже при звукѣ журчащей воды... Вѣдь это голосъ и черты безгранично любимой природы-матери: съ ней прожиты годы радостей и печалей и не однимъ Матвѣемъ, а необозримымъ рядомъ поколѣній такихъ же мужиковъ «съ дѣтскимъ сердцемъ» и наивными мыслями.

Онѣ оказываются особенно простодушны и даже смѣшны, когда приходится переводить ихъ на городской и образованный языкъ. Тогда и мистеръ *Берко* гораздо умнѣе и бойчѣе. Но у Матвѣя имѣется множество мыслей, какія никогда не приходятъ на умъ всѣмъ Берко на свѣтѣ: не хватаетъ только словъ. А иначе какія удивительныя вещи разсказалъ бы Матвѣй про океанъ, на который онъ часами смотритъ съ парохода! Какія дивныя волненія души онъ изобразилъ бы, вступая на берегъ чужой страны! И какими звуками всѣ эти мысли и волненія могъ бы передать поэтъ и музыкантъ Іохимъ!

Какъ блѣдна, пошла и тщедушна показалась бы тогда намъ эта неугомонная толпа мастеровъ, владѣющихъ многочисленными языками и какими угодно словами! Ни однимъ своимъ языкомъ она не могла бы выразить смысла любви Матвѣя къ случайно встрѣченной дѣвушкѣ-сироткѣ. И какое краснорѣчіе могло бы внушительнѣе подѣйствовать на ея испуганную душу, чѣмъ одна фраза Матвѣя: «Держись, малютка, меня»..

X.

Да, цивилизація со всѣми своими хитростями и завоеваніями— весьма часто—бездушна и даже глупа. Рояль подъ руками образованной музыкантши только оскорбляетъ слухъ чуткаго ребенка послѣ игры мужика на самодѣльной дудкѣ. А историческая пѣсня, имъ спѣтая, развертываетъ слушателю безграничную даль великихъ дѣлъ и еще болѣе великихъ страданій народа! Пусть попробуетъ самый краснорѣчивый и *письме́нный* панъ состязаться съ этой поэтической исторіей, съ этимъ *звучащимъ* прошлымъ!

Но цивилизація, кромѣ сердечнаго тщедушія, безпрестанно обнаруживаетъ удивительное тупоуміе и близорукость. Она способна отнять у людей самый простой здравый смыслъ, закрыть ихъ глаза на самыя естественныя явленія и пріучить исключительно къ искусственному, уродливому, притворному.

Разсказъ *Безъ языка* написанъ въ юмористическомъ тонѣ, но отъ него вѣетъ драмой на каждой страницѣ. Матвѣй, герой разсказа, слишкомъ живое и художественно-созданное лицо, чтобы своими приключеніями производить на насъ одно анекдотическое впечатлѣніе. А потомъ, и въ самомъ дѣлѣ издѣвательства цивилизаціи надъ человѣ-

комъ «съ дѣтскимъ сердцемъ» не только правдоподобны, но прямо неизбѣжны при современномъ ея уровнѣ и направленіи.

Что касается юмора,—у г-на Короленко онъ играетъ въ высшей степени своеобразную роль. Мы уже знаемъ, какъ тонко и изящно творчество автора: ему по природѣ претитъ все слишкомъ рѣзкое и крикливое. Но это творчество въ тоже время искренне и правдиво,—а въ человѣческой жизни—бездна горя, неправды и, слѣдовательно, отталкивающаго и безобразнаго. Какъ все это представить, не нарушая спокойнаго—гармоническаго развитія художественной идеи?

И вотъ здѣсь-то юморъ является на помощь. Это—настроеніе мудреца, исполненнаго жалости къ человѣческой слабости и бѣдѣ, улыбка, ободряющая несчастнаго на борьбу и сулящая ему лучшее будущее, и въ тоже время какая-то трогательная снисходительность къ человѣческому неразумію и часто безцѣльному жестокосердію. За этимъ юморомъ таится оптимистическая вѣра, все то же извѣстное намъ воззрѣніе на міръ, какъ на гармонію осердеченныхъ нравственныхъ силъ. Отъ этого юморъ и выходитъ такимъ свѣтлымъ, такимъ примирительнымъ и ободряющимъ.

Наконецъ, онъ—и именно этими своими чертами—достояніе народной психологіи. Только народъ, инстинктивно вѣрующій въ свою стихійную мощь, въ свое историческое безсмертіе, можетъ *юмористически* встрѣчать многочисленныя разочарованія и огорченія въ данный моментъ своего бытія. И г. Короленко именно здѣсь особенно близокъ къ народной почвѣ творчества и общихъ воззрѣній.

У него есть цѣлый разсказъ, вдохновенный этимъ юморомъ, разсказъ, блестящій по глубоко-художественной красотѣ и истинно философскому содержанію и тону,—разсказъ, къ великой потерѣ русской литературы, недоконченный. Прошка-жуликъ своего рода эпическая фигура, знаменующая цѣлый періодъ въ бытовой жизни деревни. Внезапно появившаяся высшая наука разрушила вѣковой укладъ, выбила изъ колеи мужика, и онъ на собственномъ родовомъ мѣстѣ оказался L'homme dépaysé,—изгоемъ и бродягой. Предъ нами одна изъ трудныхъ дилеммъ. Роза просвѣщенія должна цвѣсти, несомнѣнно, но и деревенскій репейникъ желаетъ жить, хотя онъ не можетъ соревновать розѣ красотой и ароматомъ. То и другое—явленія одинаково естественныя, и авторъ самъ не знаетъ въ чью пользу рѣшить вопросъ безусловно. Подобныя задачи представляются г-ну Короленко неоднократно, и онъ будто любитъ ставить ихъ, предоставляя невѣдомому Эдипу найти всепримиряющую и справедливую разгадку. Мы увидимъ истинный смыслъ этихъ дилеммъ и оцѣнимъ значеніе авторскаго безпристрастія; для насъ теперь одинъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію; репейникъ, въ лицѣ хотя бы даже Прошки-жулика, можетъ представить настоящую драму, вопіять о нашемъ состраданіи и даже о чувствѣ правды.

Прошка, выброшенный за бортъ новымъ потокомъ жизни, превра-

щается въ своего рода вольнаго казака, общепризнаннаго врага существующихъ новыхъ порядковъ и онъ ведетъ войну съ ними упорно, сознательно и при сочувствіи всѣхъ представителей тѣснимаго репейнаго міра. Надо же ему ѣсть и жить,—и онъ безъ всякихъ теорій, по мелочамъ, осуществляетъ принципъ борьбы за существованіе, какъ онъ можетъ и умѣетъ.

И эту практику отлично понимаютъ всѣ другіе пока еще честные Прошки и относятся къ Прошкѣ-жулику терпимо, даже любовно, породственному. Такая постановка вопроса достойна всего нашего вниманія.

Взглянуть на предметъ съ точки зрѣнія нравственности, законности, просвѣщенія — Прошка окажется самымъ послѣднимъ человѣкомъ на землѣ. Уже въ самомъ его прозвищѣ звучитъ презрѣніе и отверженіе, такъ именно и произносятся слова *Жуликъ-Прошка* молодымъ теоретическимъ народникомъ. Прошка—не «народъ»,—думаетъ идиллическій любитель народа.

Онъ жестоко ошибается!

Прошка именно «народъ», только въ «черненькомъ» видѣ, народъ—въ безвыходно-трагической борьбѣ съ невѣдомой, чуждой ему цивилизаціей, вообще и по существу гуманной,—но вотъ съ этимъ народомъ не съумѣвшей сойтись и сговориться. Для него она какъ была, такъ и осталась благородная госпожа, въ высшей степени брезгливая, непонятная, величественная—въ лицѣ важныхъ профессоровъ, въ невразумительныхъ звукахъ лекцій, въ эффектной внушительности ученаго дворца, господина «давальца» и нанимателя не болѣе... Роза благоухала, но репейникъ не имѣлъ основаній—смѣнить свое досадное равнодушіе къ ея аромату—на любовь и интересъ.

И рядомъ—два міра, будто два государства или двѣ колоніи, населенныя двумя различными расами. Прошка—самое живое воплощеніе этой розни, краснорѣчивѣйшее свидѣтельство ненормальнаго, болѣзненнаго процесса, возникшаго въ деревенскомъ организмѣ, но это не мѣшаетъ Прошкѣ быть болячкой, язвой, преступникомъ.

Попробуйте слить эти, повидимому, исключающія другъ друга нравственныя данныя! У зауряднаго народника или у правовѣрнаго адвоката культуры неизбѣжно оказался бы пересолъ въ краскахъ: Прошка вышелъ бы или мелодраматической жертвой разрушенныхъ «устоевъ» или отбросомъ и уродомъ народной среды.

Передъ нами ни то, ни другое. Авторъ отнесся къ Прошкѣ, какъ относится къ нему народный мудрый юморъ, и поступилъ съ нимъ, какъ поступаетъ «мать-природа». Какія высоко-юмористическіе моменты, когда Прошка жалуется на разныя новшества, вродѣ кастетовъ: «Право-ну, какой народъ пошелъ... неаккуратный: хоть совсѣмъ не работай!»... Потомъ, когда онъ въ полномъ разгарѣ «работы». Сцена по существу дикая: Прошка является богатыремъ и артистомъ драки,—

но посмотрите, какъ она описана! Наконецъ, этотъ несравненный духовный дворникъ! Всѣ его понятія о законномъ и объ общественномъ порядкѣ не идутъ дальше принципа: «не трогай своихъ». Какіе тупые люди и варварскіе нравы!—воскликнетъ иной слушатель, если ему пересказать частные факты и представить доблестныя черты героевъ! И слушатель съ негодованіемъ отвернется отъ этого разгула первобытныхъ инстинктовъ.

Но пусть онъ прочитаетъ самый разсказъ, и впечатлѣніе поразитъ его самого. Авторъ не говоритъ ни единаго слова въ пользу Прошки; онъ только непосредственно послѣ дикаго разгула Прошки рисуетъ слѣдующую картину.

Утро, Прошка ушелъ въ лѣсъ освѣжить свою одурманенную голову. Онъ лежитъ на травѣ и чувствуетъ себя необыкновенно блаженно.

«Онъ былъ похожъ на кота, котораго гладятъ по спинѣ. Но его никто не гладилъ по спинѣ или, вѣрнѣе, его гладила общая мать-природа. Она коснулась его души своимъ нѣжащимъ и любящимъ прикосновеніемъ, и онъ почувствовалъ, какъ эта душа разглаживалась, «выпрямлялась», добрѣла. Что-то изъ нея улетучивалось, что-то утопало, стиралось въ сознаніи и взамѣнъ изъ глубины поднималось нѣчто другое, невѣдомое, неопредѣленное, смутное... Все это совершалось такъ ощутительно, что порой у Прошки являлся даже вопросъ: что это такое? что это наростаетъ въ немъ, пробивается къ сознанію, напоминаетъ о чемъ-то, «подмываетъ» на что-то? О чемъ напоминаетъ, на что подмываетъ?.. Порой Прошка ощущалъ въ себѣ неясное желаніе. И когда, по привычкѣ, онъ задавалъ себѣ вопросъ: ужъ не выпить ли ему хочется? то поднимавшаяся въ душѣ безвкусица не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло не въ выпивкѣ. Такъ въ чемъ же?»

Прошкѣ неизвѣстно въ чемъ, не отвѣчаетъ и авторъ. Но сущность не въ опредѣленности прошкиныхъ желаній, и въ самомъ ихъ существованіи — смутныхъ, неуловимыхъ, далекихъ отъ водки и обычной «работы».

Вы видите, какія чудеса творитъ мать-природа съ безнадежнымъ жуликомъ. И вы не сомнѣваетесь въ вѣроятности чудесъ. Нѣчто подобное творитъ и самъ авторъ со своимъ героемъ. Онъ и природа идутъ къ одной цѣли—отнять у васъ, читателя и моралиста, основаніе для патетическаго гнѣва на Прошку или для безпощаднаго презрѣнія къ его грубой душѣ.

Вѣдь паѳосъ въ какомъ бы то ни было направленіи возможенъ только при единственномъ условіи,—при существованіи одного рѣшительнаго взгляда на предметъ. Возможенъ ли такой взглядъ на Прошку?

Мы знаемъ парализующіе другъ друга *факты*, съ которыми связано появленіе Прошки на сцену утѣсненнаго рѣпейнаго царства. Мы знаемъ отношеніе къ Прошкѣ людей, не промышляющихъ его работой, даже студентовъ и именно симпатичнѣйшаго студенческаго поколѣнія. Очевидно,

это общественное мнѣніе не могло придти къ безповоротному осужденію Прошки, но не стало, разумѣется, и на его сторону. Эта встрѣча фактовъ и мыслей, противорѣчащихъ другъ другу, не результатъ усиленнаго логическаго анализа, не плодъ какой-нибудь *Grübelei*, это—творчество самой жизни. И оно въ эту минуту—*глубоко юмористично*. Оно будто забавляется исконнымъ стремленіемъ человѣка знать правду «чистую и подлинную какъ монета», по выраженію Натана, и безпрестанно ставитъ нашъ умъ предъ дилеммами великаго *нравственнаго* значенія.

Недаромъ, у величайшихъ мудрецовъ древняго міра создалось убѣжденіе, что смыслъ жизни по существу ироничень, мы окружены юморомъ какой-то невѣдомой силы, на каждомъ шагу добродушно поднимающей на смѣхъ наши одностороннія чувства энтузіазма и гнѣва, отчаяніе или восторгъ, ненависть или страсть. И глубочайшій жизненный умъ древности воплотился въ лицѣ Сократа—*эйрона*, Сократа—юмориста, взирающаго на человѣческія мнѣнія и истины съ особаго рода улыбкой. Она напоминаетъ настроеніе отца или матери, умудренныхъ тяжелымъ опытомъ жизни и съ грустнымъ невыразимо-любовнымъ участіемъ внимающихъ пылкимъ идеалистическимъ рѣчамъ сына-юноши, или необъятнымъ надеждамъ на счастье красавицы дочери.

Они знаютъ, какъ жизнь далека отъ идеала и какая жестокая сказка—счастье, но у нихъ не поднимется рука разбить иллюзію рѣзкимъ холоднымъ словомъ. Можетъ быть, и иллюзіи имѣютъ свое положительное значеніе въ міровой драмѣ...

Лучшій отвѣтъ—юморъ, исполненный добродушія, гуманности и пощады, и онъ играетъ именно такую роль въ произведеніяхъ нашего автора. Въ одномъ случаѣ г. Короленко вполнѣ опредѣленно подчеркиваетъ эту черту своего художественнаго міросозерцанія, онъ создаетъ одну изъ любопытнѣйшихъ фигуръ во всей русской народнической литературѣ Тюлина. О немъ авторъ говоритъ: «онъ весь проникнутъ какимъ-то особеннымъ безсознательнымъ юморомъ».

Совершенно вѣрное опредѣленіе; именно юморъ—основа тюлинской психологіи. Это значитъ отрицаніе всего патетическаго, односторонне-страстнаго, инстинктивное, «безсознательное» признаніе безчисленныхъ противорѣчій жизни, слѣдовательно, невозможности найти цѣль, достойную безраздѣльнаго увлеченія, неутомимаго труда, горячаго отклика.

И Тюлинъ величаво равнодушенъ къ окружающему міру, къ людскимъ дѣламъ и суетѣ, даже къ своимъ личнымъ дѣламъ. Онъ одаренъ исключительнымъ перевозническимъ талантомъ, но этотъ талантъ просыпается у него только въ ту минуту, когда грозитъ опасность тюлинской философской лѣни и «серьезному взгляду на вещи». Во всѣхъ другихъ случаяхъ, міръ не стóитъ того, чтобы изъ-за него сдѣлать лишнее усиліе или даже движеніе. Это юморъ, доведенный до степени идеала, ставшій единственнымъ содержаніемъ всей жизни человѣка!

И именно юморъ заставляетъ автора рисовать своего героя-пьяницу и тунеядца увлекательнѣйшими художественными красками. Тюлина можно полюбить, и ужъ во всякомъ случаѣ, у читателя не остается ни тѣни презрѣнія къ лѣнивому мужику, неутомимо лакающему винище.

Чѣмъ создано такое, повидимому, странное впечатлѣніе? Вотъ, напримѣръ, уреневцы, умственные мужики и начетчики смотрятъ на Тюлина съ явнымъ пренебреженіемъ и даютъ подобнымъ юмористамъ обычныя клички. Уреневцы энергичны, сильные волей; они внушаютъ къ себѣ уваженіе даже Тюлину, авторъ ихъ называетъ богатырями, но его сочувствіе не на ихъ сторонѣ. Оно всецѣло принадлежитъ Тюлину, и самъ авторъ недоумѣваетъ, почему его Тюлинъ для него такой *милый?*

Отвѣтъ теперь намъ ясенъ. Тюлинъ—подлинный, хотя и безсознательный представитель народной мудрости, можно сказать, мудрости высшей, чѣмъ приговоръ съ точки зрѣнія строгой личной нравственности и даже общественнаго долга. Уреневцы несомнѣнно превосходно выражаютъ эту точку, и она далека отъ мудрости. Она отвлеченна, формальна, безпощадна къ проявленіямъ свободной жизни, не входящимъ въ узко-очерченный логическій кругъ. Она исключительна и деспотична, и ежеминутно можетъ привести къ нетерпимости и угнетенію чужой личности и чужихъ воззрѣній.

У нея есть и достоинства: она по самой природѣ стремится къ практическому самоосуществленію, она ведетъ къ прозелитизму, къ дѣятельному воздѣйствію на окружающій міръ, она проповѣдь разрушительная или созидательная.

Ничего подобнаго въ психологіи Тюлина. Отбросимъ крайнія случайныя ея черты: мудрецъ юмористъ можетъ и не быть пьяницей и лежебокомъ,—сущность типа не измѣнится, и именно въ ней тайна его очарованія. Эта сущность—любовное отношеніе ко всякому жизненному процессу во имя его жизненности, терпимость ко всякой человѣческой душѣ, снисходительное и сострадательное воззрѣніе на всякій фактъ человѣческой жизни.

У этой мудрости есть и свои недостатки, и очень крупные. Гдѣ положить предѣлъ терпимости? Какой процессъ жизни признать жизненнымъ и всякую ли душу *человѣческою?* Если паѳосъ является часто, можетъ быть, логически-неосновательнымъ и нравственно-несправедливымъ настроеніемъ, то и неограниченная терпимость и невозмутимый юморъ также подлежатъ сомнѣнію, какъ силы косныя и парализующія дѣятельныя побужденія человѣческой природы. Онѣ, слѣдовательно, также не преставляютъ послѣдняго слова разума и нравственности, все равно какъ критика, анализъ и скептицизмъ не могутъ и даже не должны быть конечной цѣлью живой человѣческой природы.

Недаромъ самъ Тюлинъ попадаетъ подъ *обаяніе* «грозныхъ уреневскихъ богатырей». Его юморъ не можетъ устоять предъ окрикомъ людей

паѳоса и, если угодно, нетерпимости. Симпатичность склоняется предъ силой холодной и чуждой даже для самого автора.

Фактъ, можетъ быть, грустный, но неизбѣжный, и онъ совершается среди людей на самыхъ обширныхъ сценахъ и въ грандіознѣйшихъ размѣрахъ. Онъ въ сущности выражаетъ собой вѣчную борьбу органическихъ процессовъ жизни съ человѣческой волей, природы съ наукой, народной жизни съ цивилизаціей, естественности съ условными формами. И этотъ вѣковой нравственный и культурный вопросъ нашъ авторъ умѣетъ *поставить* ясно, въ высшей степени художественно, но не такъ *разрѣшить* его.

XI.

Рѣшеніе достается, между прочимъ, на долю лозищанина Матвѣя. Онъ попадаетъ непосредственно изъ захолустной русской деревни въ Нью-Іоркъ и воспринимаетъ всѣ блага цивилизаціи совершенно беззащитный, способный противоставить имъ только свою громадную физическую силу да свое дѣтское сердце. Борьба оказывается въ высшей степени жестокой.

Цивилизація вовсе не нападаетъ на Матвѣя, готова, пожалуй, оказать ему снисхожденіе и даже облагодѣтельствовать, и все-таки бѣдный мужикъ доходитъ до отчаянія, переживаетъ мучительнѣйшіе дни своей жизни и самую тюрьму готовъ считать спасеніемъ.

Правда, Матвѣй «безъ языка», но не въ этомъ главная причина его бѣдствій. Цивилизація неспособна понимать не только его словъ, но всей его личности, его лучшихъ чувствъ, его трогательнѣйшихъ порывовъ. Для нея онъ дикарь, смѣшной, странный, подлежащій только одному воздѣйствію—укрощенію, и въ короткое время она въ душѣ незлобивѣйшаго человѣка умѣетъ пробудить волка. Среди громаднаго культурнаго города онъ дичаетъ и свирѣпѣетъ до такой степени, какъ это не случилось бы съ нимъ во всю жизнь среди родныхъ пустынь и лѣсовъ. И здѣсь же, въ томъ же очагѣ цивилизаціи, Матвѣй впервые видитъ, какъ человѣкъ кончаетъ самоубійствомъ отъ голода и отчаянія...

Перевезите Матвѣя обратно домой послѣ всѣхъ этихъ впечатлѣній и опытовъ,—какая память останется у него объ этомъ мірѣ? Навѣрное онъ отдаленнѣйшему потомству завѣщаетъ не мѣнять бѣдныхъ и темныхъ Лозищей на богатую и блестящую столицу высокопросвѣщенной страны. И разскажетъ онъ въ назиданіе потомкамъ вовсе не какіе-нибудь исключительные ужасы, а самые обыденные факты. Никакого особенно несчастнаго стеченія обстоятельствъ съ Матвѣемъ не произошло: онъ просто совершилъ путешествіе по нью-іоркскимъ улицамъ и окрестностямъ въ одни изъ американскихъ будней.

Въ этой именно будничности, т. е. неизбѣжности страданій «дикаря» въ нѣдрахъ культуры и заключается весь ихъ ужасъ. Оказывается,

человѣчество создаетъ непроходимую пропасть между цивилизованными и не цивилизованными и виновникомъ пропасти является прогрессъ. Чѣмъ онъ выше и шире, тѣмъ безнадежнѣе положеніе не краснокожаго индѣйца,—тотъ просто вымираетъ,—а даже бѣлаго, только не стоящаго на уровнѣ современнаго просвѣщенія.

И взвѣсьте страданія множества этихъ людей съ дѣтскими сердцами, оцѣните по достоинству сцену, когда Матвѣй съ рыданіемъ бросается цѣловать руки земляка при звукѣ родного языка и дружескаго голоса... Вѣдь точно такъ же почувствовалъ бы себя человѣкъ, неожиданно спасенный отъ пытки, смертной казни, вообще отъ страшнаго непоправимаго несчастья!

И авторъ не жалѣетъ красокъ на живопись *глупости* культурныхъ людей, даже добрыхъ, но слишкомъ цивилизованныхъ, чтобы понимать просто человѣка независимо отъ той или другой культурной ливреи. Не владѣй авторъ поистинѣ волшебной силой юмора и мудраго взгляда на вещи, изъ мотивовъ его разсказа можно бы сдѣлать одну изъ самыхъ жестокихъ драмъ. Объ ея напряженности можно судить по дѣтской беззавѣтной радости злополучнаго героя при однихъ только звукахъ славянской рѣчи, при одномъ намекѣ, что онъ все-таки не одинокъ на землѣ...

Имѣется и соотвѣтствующій фонъ для этой драмы, также обвѣянный юморомъ, но и юморъ на этотъ разъ не спасаетъ цивилизаціи. Впрочемъ, и у автора тонъ становится патетичнѣе: не утрачивая спокойствія и сдержанной красоты,—онъ контрастомъ красокъ рисуетъ удручающую истинно-культурную трагедію.

Сколько злой ироніи заключается въ миттингѣ голодныхъ, собравшихся рядомъ съ висѣльникомъ, однимъ изъ ихъ же числа, и внимающихъ краснорѣчивому агитатору, во что бъ то ни стало стороннику достоинства, порядка и дисциплины! И это одобрительное настроеніе полиціи, и оркестръ музыки—все по поводу людей, не знающихъ что дѣлать съ собой, гдѣ искать спасенія и жизни!..

«А городъ, объятый тонкою мглою собственныхъ испареній, стоялъ спокойно, будто тихо дыша и продолжая жить своею ничѣмъ невозмутимою жизнью. По площади тянулись вагоны, грохотали экспрессы, пыхтѣлъ гдѣ то въ туннелѣ быстрый поѣздъ... Вѣтеръ несъ надъ площадью пыльное облако отъ парка»...

И городъ даже могъ съ гордостью покоиться въ своей невозмутимости. Онъ выполнилъ весь конституціонный порядокъ, дозволилъ голоднымъ собраться, составить петицію, агитатору говорить въ протестующемъ направленіи. Все какъ слѣдуетъ въ странѣ гражданской свободы, въ странѣ терпимой вплоть до протестовъ путемъ самоубійствъ.

У героя разсказа—своя звѣзда и она превращаетъ его въ джентльмэна. Бываетъ, конечно, и это и вся исторія окончательно становится пріятной и юмористической. Но это впечатлѣніе не выражаетъ взгляда

автора на вопросъ. Матвѣй—своего рода *Sonntagskind*,—предъ нами необозримая толпа людей, совершенно иначе кончившихъ тяжбу «дѣтскаго сердца» съ благодѣяніями цивилизаціи,—и не на чужбинѣ, а у себя на родинѣ.

Прежде всего отдѣльныя, будто случайныя вспышки борьбы. Они безпрестанно загораются при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Встрѣтится ли Прошка-жуликъ съ направленскимъ студентомъ интеллигентно-сатирическаго нрава, онъ уже терпитъ обиду и пренебреженіе. Случится ямщику везти господина, когда-то чуть не краснаго, но съ годами, какъ водится, поумнѣвшаго и прокисшаго—ему уже страшно какъ нибудь ненарокомъ оскорбить деликатное барское самолюбіе. Ямщикъ—поэтъ и эпическій хранитель мужицкаго многострадальнаго прошлаго; ему—среди родныхъ полей, въ виду близкой сердцу вѣковой сцены крѣпостнической оргіи—невозможно не подѣлиться съ сѣдокомъ наслѣдственно-накипѣвшими чувствами. Но этотъ сѣдокъ—просвѣщенный баринъ, и поэту-историку грозитъ соотвѣтственное возмездіе за то, что онъ взволновалъ птичье невинное сердце благородной дѣвицы. И по дѣломъ! Мужикъ долженъ понимать, до какой степени цивилизація утончаетъ чувства и изощряетъ нервы.

Все это—случайныя встрѣчи,—а вооружите цивилизацію еще начальственной властью, украсьте ее внѣшними признаками права и силы,—во что же тогда придется превратиться человѣку, чувствующему не по себѣ рядомъ даже съ мирной и гуманной культурой!

Власть, разумѣется, одинъ изъ спутниковъ цивилизаціи—все равно американской или россійской. Въ Америкѣ полиція весьма легко пускаетъ въ ходъ «клобы»,—не станетъ же стѣсняться менѣе культурная власть въ еще болѣе «дикой» средѣ! Естественно, вопросъ объ отношеніяхъ народа къ власти и наоборотъ—является центральнымъ вопросомъ отечественной гражданственности. А въ силу историческихъ преданій представленіе о власти до сихъ поръ въ умѣ мужика почти неотдѣлимо отъ идеи о баринѣ, т. е. спеціально-цивилизованномъ субъектѣ. Поэтому Матвѣй свято хранитъ отеческій завѣтъ—всюду уступать мѣсто даже подпанку и вести съ нимъ совсѣмъ другой разговоръ, чѣмъ съ своимъ братомъ.

Выходитъ,—для народа,—вообще вся цивилизація—нѣчто въ родѣ начальства. Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ страхомъ полотеры и плотники скрываются предъ профессоромъ. Почему? Авторъ даетъ по обыкновенію нѣсколько юмористическое, но по существу весьма грозное объясненіе. «Въ этой поспѣшности сказывалось обоюдное молчаливое признаніе того, что самое существованіе выселковца столь близко отъ науки есть уже нѣчто шокирующее и неприличное».

На самомъ дѣлѣ наука такъ не можетъ полагать, но выселковцу отъ этого не легче. Тоже самое впечатлѣніе «дикій» человѣкъ получаетъ даже отъ религіи и церкви. Ужъ, кажется, чему же и стоять

близко къ народной душѣ какъ не религіи и на чье сочувствіе больше всего должна полагаться Христова церковь, какъ не на сочувствіе малыхъ сихъ? Оказывается—все это также далеко и чуждо народному сознанію, какъ и всякая другая облеченная властью цивилизація.

Макаръ, напримѣръ, несомнѣнно религіозенъ отъ природы. Ему, въ его неизбѣжномъ житейскомъ горѣ, становится легче, когда онъ вспоминаетъ о Богѣ. Но что̀ онъ знаетъ о Богѣ? Въ чемъ состоитъ его вѣра и почему она утѣшаетъ его?

На всѣ эти вопросы Макаръ могъ бы дать не болѣе точные отвѣты, чѣмъ умная собака, по мнѣнію Дарвина, съ религіознымъ чувствомъ привязанная къ своему господину. Макаръ не знаетъ, что попъ читаетъ въ церкви и за что идетъ попу руга. Слѣдовательно, платить попу деньги для него то же самое, что возить исправника, т. е. подчиняться за страхъ, а не за совѣсть. И, если бы Макаръ могъ говорить такъ на яву, какъ его заставляетъ авторъ во снѣ, онъ не сдѣлалъ бы никакого различія между своими отношеніями къ церковному и полицейскому тойону.

Но, можетъ быть, Макаръ — нарѣдкость ограниченный и забитый «житель», одичавшій среди тайги и тундры, а русскій народъ вообще понимаетъ блага духовной и свѣтской цивилизаціи.

Врядъ ли. Онъ понимаетъ только одну ея сторону—грозную и карающую. Собственно *нравственнаго* содержанія въ ней народъ даже не подозрѣваетъ и не въ силахъ допустить. Она является ему въ блескѣ форменной фуражки, ясныхъ пуговицъ, болѣе или менѣе разукрашеннаго мундира. Этихъ признаковъ часто вполнѣ достаточно, чтобы въ глазахъ народа создать полный престижъ власти и права. Оба эти понятія въ представленіи народа тождественны, разъ рѣчь идетъ о цивилизованной власти, т. е. о чиновникѣ. Народъ вѣками привыкъ видѣть торжество на сторонѣ силы, и онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о законности или незаконности властныхъ дѣйствій: достаточно если они *властны*, исходятъ отъ лица съ кокардой и въ мундирѣ, изображены на бумагѣ за печатью, именуются предписаніемъ, отношеніемъ, циркуляромъ.

А такъ какъ мундирная власть для народа часто единственный посредникъ между нимъ и цивилизаціей, вообще культурнымъ общественнымъ строемъ, то у народа является еще одно незыблемое основаніе—пріурочить все интеллигентное къ начальственному, и съ этой точки зрѣнія встрѣчать всякое вмѣшательство людей просвѣщенныхъ въ народную жизнь.

Это—капитальнѣйшій фактъ русской національной гражданственности, и г. Короленко превосходно воспользовался имъ, какъ поэтъ и какъ публицистъ.

Онъ не сочиняетъ пространныхъ драматическихъ повѣстей на тему: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся», не изображаетъ

извергов въ лицѣ высшихъ и низшихъ полицейскихъ чиновъ, не живописуетъ мытарствъ мучениковъ за правду. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь художественная гармонія и всепримиряющій юморъ въ полномъ блескѣ. Но явленіе жизни само по себѣ до такой степени своеобразно, а искренность и сердечность автора такъ глубоко проникаютъ всякій его художественный штрихъ, что впечатлѣніе наше еще болѣе усиливается отъ сдержанности и миролюбія художника.

Между народомъ и властной цивилизаціей ежедневно происходитъ діалогъ вродѣ слѣдующаго, какой ведетъ «убивецъ» съ засѣдателемъ.

Власть. Ну, дѣло твое у меня. Много ли дашь я—тебя вовсе оправлю?

Народъ. Ничего не дамъ. По закону судите, чему я теперича подверженъ...

Власть (смѣется). Дуракъ ты, я вижу. По закону твое дѣло въ двухъ смыслахъ выходитъ. Законъ на полкѣ лежитъ, а я, между прочимъ—власть. Куда захочу, туда тебя и суну.

Совершенно вѣрно, и этой истины не знаетъ только такой юродивый искатель правды, какимъ является убивецъ. Всѣ другіе превосходно понимаютъ эту науку и безъ толкованій. На этотъ счетъ имѣется также діалогъ между уже добродѣтельнымъ начальствомъ, праведнымъ судьей и народомъ. Дѣло идетъ о поимкѣ преступника, лица значительнаго и сильнаго: «міръ» весь вооруженъ противъ него и, повидимому, добродѣтельному начальнику здѣсь-то и осуществить правду. Но выходитъ нѣчто совершенно несообразное.

Благонамѣренная власть (съ важностью): Что жъ, помогите вы правосудію и правосудіе вамъ поможетъ.

Народъ (задумчиво). Извѣстно... Ну только опять такъ мы, значитъ, промежду себя мекаемъ: ежели молъ, теперича вамъ, ваше благородіе, супротивъ начальниковъ не выстоять будетъ, тутъ мы должны вовсе пропасть и съ ребятами. Потому—ихняя сила...

Добродѣтельный начальникъ выходитъ изъ себя отъ подобнаго торга, но люди, понимающіе дѣло, становятся на сторону народа. По ихъ мнѣнію, иначе народъ и не можетъ разсуждать съ какимъ угодно праведнымъ судьей. Такова ужъ политика и порядокъ вещей! И тѣ же понимающіе люди смѣются даже надъ начальнической добродѣтелью *безъ политики*: такую добродѣтель «бука съѣстъ». И даже автору кажется, что именно въ минуту самого горячаго добродѣтельнаго негодованія герой похожъ на... теленка!

Вотъ къ какимъ результатамъ привела цивилизація! Не только умный но даже и добродѣтельный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ, т. е. по дипломатическому выраженію умнаго практика—не прать впередъ безъ всякой политики.

Вдумайтесь въ этотъ прочно установившійся урокъ русской жизни, и предъ вами раскроется тайна множества тягостныхъ и, повидимому,

безсмысленныхъ и даже преступныхъ явленій народнаго быта и вообще народной психологіи.

XII.

Въ деревню являются люди безъ всякихъ аттрибутовъ власти, являются добровольно съ единственнымъ желаніемъ помочь мужику. Какъ же онъ встрѣчаетъ ихъ?

Ему понятно, если человѣкъ въ мундирѣ принимаетъ разныя тяготы: за это онъ получаетъ жалованье. Но какое дѣло до благосостоянія деревни просто чужому человѣку? Въ *голодный годъ* такихъ добровольцевъ въ иныхъ мѣстахъ непрочь были счесть за антихристовъ и заподозрѣть самыя дикія козни со стороны интиллегентныхъ людей скорѣе, чѣмъ повѣрить въ ихъ безкорыстное служеніе народу.

Въ той же книгѣ о голодномъ годѣ авторъ даетъ даже слишкомъ достаточно объясненій этому факту. Мужикъ привыкъ видѣть, что его самого или его старосту садятъ въ кутузку *за правду*. Такъ онъ и выражается: «скажешь правду, теряешь дружбу». Усвоилъ и другое правило: всякое распоряженіе власти безапелляціонно; жалоба хотя бы даже на самого мелкаго представителя власти—бунтъ, и во всякомъ случаѣ преступленіе. И мужикъ скорѣе предпочтетъ «помирать», чѣмъ оскорбить фактическую неприкосновенность и непогрѣшимость своего начальства. Наконецъ, деревня унаслѣдовала одно лишь представленіе о вмѣшательствѣ «господъ» въ ея жизнь; низшіе господа стараются угодить высшимъ и на мужикѣ строятъ свои благополучія, пріобрѣтаютъ чины и награды. Только съ этой точки зрѣнія мужикъ и интересенъ для «власти»: иначе заботливость о деревнѣ обнаруживалась бы непрерывно,—вѣдь деревня не перестаетъ болѣть заразными болѣзнями и голодать. Это ея обычное положеніе, гдѣ же ея радѣтели и кормильцы? Естественно, если они вдругъ появляются на свѣтъ Божій, значитъ чтò-то неладно: наступили послѣдніе дни...

Вотъ до такой степени для народа невразумительна дѣятельная и цѣлесообразная ѓуманность цивилизаціи! Только развѣ какъ знаменіе предъ свѣтопредставленіемъ можно допустить ее!

И народъ правъ. Посмотрите, какихъ земскихъ дѣятелей и начальниковъ *съ натуры* рисуетъ авторъ! *Практики* въ интересахъ народнаго благоденствія закрывающіе школы, философы, въ цѣляхъ общественнаго порядка усвоивающіе политику некормленія, психологи, полагающіе народъ благополучнымъ, пока нѣкоторые мужики ѣдятъ чистый хлѣбъ, граждане, способные подписываться подъ оффиціальными донесеніями совершенно противоположнаго смысла... Какъ же иначе если только не чудомъ всѣ эти рѣдкостные продукты русской фауны могутъ стать дѣйствительно просвѣтителями народа, его попечителями и мужественными защитниками! Народъ воображаетъ самое отчаянное чудо—

прямо свѣтопредставленіе. Эта крайность показываетъ, до какой степени неожиданна и *по опыту* невѣроятна для него честная, сердечная заботливость о немъ, идущая изъ цивилизованнаго «Назарета». Но по существу его догадка именно о нѣкоемъ чудѣ—вполнѣ логична. Для него чистая интелигентная рука, приносящая дары,—рука данайцевъ и онъ невольно настораживается и старается оберечь себя отъ нѣкоего подвоха и ловкаго посягательства на его мужицкую *душу*,—такъ какъ мошна безнадежно пуста.

И одинъ ли мужикъ проникнутъ такими средневѣковыми чувствами къ власти и въ его глазахъ неразрывно связанной съ ней «образованности!» Простой курьеръ Арабинъ, совершенно ничтожный—лично и по своему положенію, въ Иркутскѣ, выростаетъ до недостигаемой высоты среди не только якутъ и мужиковъ, но даже станціонныхъ смотрителей и, казалось бы, совсѣмъ неподверженныхъ ему вольныхъ сибиряковъ. Купецъ Копыленковъ весьма неглупый русскій человѣкъ, въ своихъ дѣлахъ боевой и несомнѣнно властный, мгновенно впадаетъ въ робкое состояніе духа только потому, что курьеръ необыкновенно внушительно укротилъ «бунтъ» смотрителя, сваливъ его съ ногъ кулакомъ за напоминаніе о прогонахъ.

И этого оказалось достаточно, чтобы повергнуть въ трепетъ русскаго гражданина, даже хорошо знакомаго съ героемъ, видѣвшаго его — безъ всякаго героическаго блеска, простымъ курьеромъ и гостемъ исправника!... «Такъ смотрятъ только у насъ на Руси»,—говоритъ авторъ о побитомъ смотрителѣ. И чувствуютъ такъ только на Руси,—можно прибавить о сибирскомъ торговомъ человѣкѣ—въ эту минуту представляющемъ своей особой обыкновеннаго россійскаго обывателя.

Что можно представить безотраднѣе этой картины! И самъ авторъ, повидимому, не желаетъ скрывать тѣней, падающихъ даже на самыя трогательныя сцены. Чисто-пластическая художественность не мѣшаетъ ему, въ силу все того-же юмористическаго взгляда на вещи— обнимать *всѣ* стороны поэтическаго и нравственно-увлекательнаго явленія. Наклонность смотрѣть какъ-то особенно *по-русски* — эта своеобразная и печальная черта присуща именно самымъ яркимъ представителямъ русскаго типа.

Мы знаемъ, какъ Тюлинъ струсилъ ореневскихъ богатырей... Читателю хотѣлось бы видѣть нѣсколько больше достоинства и храбрости въ столь почтенной національной личности,—но почвенность, надо думать, нисколько не обезпечиваетъ отъ малодушной растерянности предъ силой, хотя бы «холодной» и несимпатичной. Еще больше поражаетъ читателя мимоходомъ брошенная фраза въ концѣ эпизода *Въ облачный день*: «какая-то темная небольшая фигура противно суетилась около тарантаса». Фраза относится къ ямщику, эпическому повѣствователю, только что произведшему уничтожающее впечатлѣніе своими разсказами, даже своимъ выразительнымъ и сильнымъ голосомъ на

благородную дѣвицу. А тарантасъ — это начальство, исправникъ. И вотъ онъ-то грозный обличитель, презрительно выражавшійся о лукавыхъ «господишкахъ»,—теперь малъ, ничтоженъ и раболѣпенъ...

И не онъ только.

Тотъ же станціонный смотритель, побитый курьеромъ... Нѣсколько часовъ назадъ онъ пересказалъ драму своей жизни. Оказалось,—онъ любилъ страстно и искренно, даже выстрѣлилъ изъ-за любви въ своего начальника. Повидимому,—сильный человѣкъ. Въ дѣйствительности,—вся эта сила—одно сценическое представленіе: выстрѣлъ былъ направленъ сзади: не могъ герой перенести лицезрѣнія начальства! Теперь онъ вспомнилъ обо всемъ томъ, вспомнилъ, что и онъ былъ когда-то человѣкомъ и его даже любила хорошая дѣвушка. Такія воспоминанія приподнимаютъ душу, пробуждаютъ въ ней заглохшее чувство человѣческаго достоинства, вызываютъ въ человѣкѣ совѣсть за свое паденіе и малодушіе...

Такъ произошло и съ нашимъ героемъ. Правда, авторъ спѣшитъ напомнить намъ также о «парахъ» водки, выпитой героемъ,—но все-таки его попытка вести себя независимо съ грубымъ курьеромъ *психологически* возникла изъ воспоминаній о трагическомъ прошломъ. Онъ любилъ и жестоко поплатился за любовь: самое смутное чувство самоуваженія должно подсказать ему извѣстное достоинство въ словахъ и поступкахъ. И оно проявляется это—достоинство, но на нѣсколько мгновеній. Одинъ взмахъ курьерскаго кулака,—и вся отвага, весь *человѣкъ* исчезаетъ безслѣдно, — и несчастный становится еще жалче и, можетъ быть, уже до конца дней своихъ ни разу не дерзнетъ вспомнить о своемъ личномъ бытіи.

А между тѣмъ, все это какіе хорошіе русскіе люди! нѣкоторые даже талантливыя натуры. И всѣ ихъ силы пропадаютъ втунѣ, задыхаются наравнѣ со всей сѣрой народной массой подъ окриками и насиліемъ ими же презираемыхъ «господишекъ» или явно и возмутительно преступнаго начальства. И это безсиліе, самоотреченіе—столь же народная психологическая черта, какъ поэтичность, глубокая житейская мудрость и вообще всякая даровитость. Рядомъ со всѣмъ этимъ нѣтъ чего-то самаго необходимаго, нѣтъ той власти, какая звучитъ въ надменныхъ голосахъ уреневцевъ, нѣтъ той силы, какая удержала бы Копыленкова отъ чисто-любительскаго хамства, нѣтъ мужественной вѣры въ себя, способной заставить Ямщика-поэта взглянуть въ глаза сердитому барину во всемъ сознаніи своей правоты и нравственнаго достоинства. Нѣтъ, — а есть всегда на готовѣ смиреніе именно въ томъ смыслѣ, о какомъ дерзнулъ вести позорную рѣчь литераторъ-рабъ.

И предъ нами неотступно стоитъ все та же дилемма, какая недавно возникала у насъ среди идеально-художественныхъ картинъ и образовъ нашего автора. Природа—міръ не только цѣлесообразный,

но и осердеченный. Все, на что простирается ея вдохновляющая сила,— исполнено поэзіи, духовной красоты и художественной гармоніи. Таковъ именно народъ. Онъ, разумѣется, не чуждъ отрицательныхъ свойствъ, умъ часто обнаруживаетъ ограниченность, черты быта—не всегда могутъ восхитить эстетика и моралиста. Но вѣдь и цивилизація нерѣдко блещетъ самой неподдѣльной глупостью, и еще вопросъ, гдѣ больше жестокости—утонченной, разсчитанной,—въ Лозищахъ, или въ Нью-Іоркѣ.

Да, народъ—прекраснѣйшее воплощеніе естественной красоты и силы,—и какъ бы было на свѣтѣ тепло и свѣтло, если бы только эта красота и сила царствовала невозбранно и безраздѣльно!

Этого нѣтъ и на это нельзя разсчитывать. Раса Матвѣевъ и Тюлиныхъ осуждена на вымираніе или перерожденіе. Патріархальный, хоровой порядокъ жизни и эпическій строй психологіи безсильны отвоевать свои права на существованіе предъ безчисленными и повелительными усложненіями цивилизаціи. Всякое соприкосновеніе съ ней людей «съ дѣтскими сердцами» обнаруживаетъ страдальческую растерянность самыхъ симпатичныхъ нравственныхъ народныхъ силъ,— и даже самъ народъ давно дошелъ до пониманія, что ему необходима политика, что съ однѣми непосредственными добродѣтелями его «бука съѣстъ».

И народъ усиливается приспособиться къ новымъ условіямъ жизненной борьбы, прибѣгаетъ къ разнымъ военнымъ хитростямъ, или вступаетъ со врагомъ—въ открытую битву. Цѣльность внѣшней жизни и нравственнаго міра разрушены безвозвратно. Какъ всякая борьба, такъ и столкновеніе народа съ культурой, вызываетъ на сцену *личность*, разлагаетъ массу, міръ на единицы, обладающія политикой или силой и массу—безпрекословно смиренную и пассивную.

При господствѣ хорового начала жизни, личности изъ народа являются точными представителями все той-же народной коллективной души. Они только ярче и настойчивѣе выражаютъ общую духовную физіономію, подробнѣе развиваютъ массовое міросозерцаніе и мужественнѣе осуществляютъ его въ дѣйствительности. Это въ полномъ смыслѣ—эпическіе герои, т. е. личности не индивидуальныя, а собирательныя, племенныя, расовыя,—и чѣмъ глубже ихъ психологія и энергичнѣе ихъ дѣятельность—тѣмъ они болѣе благодарный показатель основныхъ нравственныхъ чертъ своей среды.

Совершенно другаго склада появляются личности подъ вліяніемъ цивилизаціи. Въ патріархальномъ быту личность — результатъ *синтеза*, воплощеніе вѣками накопленныхъ народныхъ вѣрованій, это міръ цѣльный, положительный и потому часто — неотразимо вдохновенный. При разложеніи вѣкового уклада жизни — личность—созданіе *анализа*, критики, сомнѣній, непримиренныхъ противорѣчій стараго съ новымъ, и потому часто нестерпимо-мучительной душевной борьбы и холоднаго

отчаяннаго отрицанія. Во время естественной цѣльности народныхъ воззрѣній и чувствъ личность — пророкъ, если угодно святой и юродивый, во время колебаній народныхъ устоевъ—личность—мыслитель, лишенный твердой неопровержимой опоры, т. е. общепризнанной вѣры весьма часто — теоретически, нигилистъ въ самомъ крайнемъ смыслѣ слова, и практически, преступникъ.

И вотъ появленіе именно такой личности неизбѣжно при первомъ столкновеніи народной жизни съ культурой, особенно культурой внѣшней, первобытной, лишенной нравственнаго содержанія и одухотворяющаго начала. А именно съ такой культурой народу и приходится сталкиваться чаще всего. Посредниками между народомъ и благороднѣйшими формами цивилизаціи—являются прежде всего удачливые борцы за существованіе изъ его же среды, усвоившіе искусство владѣть только военными средствами цивилизаціи, своего рода дикари, научившіеся стрѣлять и во всемъ другомъ оставшіеся дикарями. Разрушительная и эксплуаторская *политика* и *техника* являются первыми піонерами цивилизаціи въ народѣ — и естественно вызываютъ настоящія нравственныя, а часто и практическія катастрофы въ средѣ, подлежащей завоеванію и порабощенію.

Произведенія нашего автора полны отраженіями той борьбы. Художественный изобразитель синтетическихъ явленій народной жизни, г. Короленко—не менѣе чуткій психологъ ея аналитическаго періода. Это свидѣтельствуетъ о разносторонности и глубинѣ авторскихъ наблюденій. Въ нѣсколькихъ весьма непространныхъ очеркахъ, онъ сумѣлъ исчерпать основные факты народной психологіи съ полнотой и художественностью, недосягаемыми для другихъ гораздо болѣе плодовитыхъ народническихъ беллетристовъ.

Да, *факты* у г-на Короленко значительны и многообразны, *исторія*, слѣдовательно,—исчерпывающая предметъ съ ея героями и событіями. Но всякая исторія пишется не ради этихъ героевъ и событій не ради жанровъ и пейзажей,—а ради своего философскаго смысла, въ высшей степени разносторонняго, нравственнаго и гражданскаго. Исторія безъ вытекающей изъ нея идеи, разсказъ о происшествіяхъ безъ одухотворяющаго его практическаго принципа, не можетъ быть исторіей ни о нашемъ времени ни для нашего времени.

Это не значитъ, будто историкъ непремѣнно долженъ навязывать излюбленный смыслъ своему повѣствованію и втискивать жизнь въ ярмо теоріи. Ничего подобнаго. Напротивъ,—онъ долженъ, во чтобы то ни стало, на сколько хватитъ его умственныхъ силъ и опыта, проникнуть въ *жизненный* смыслъ описываемыхъ явленій. Этотъ смыслъ и будетъ его идеей, логическій выводъ—принципомъ, а осуществленіе принципа—политикой.

Жизнь неустанно растетъ и развивается затѣмъ чтобы и людямъ внушить законъ роста и развитія, т. е. сознательной и, слѣдова-

тельно, мужественной дѣятельности *въ пользу* наиболѣе жизненныхъ и совершенныхъ цѣлей. Въ самой сущности жизни заключается принципъ дѣятельности, т. е. въ самихъ процессахъ, прошлаго или настоящаго таится основа для человѣческихъ *убѣжденій* и *вѣры*. Открыть ихъ— значитъ опредѣлить *положительныя* силы въ этихъ процессахъ и во всеоружіи ума и воли встать на ихъ сторону. Предъ нами, очевидно, вопросъ не въ тенденціи, не въ партіи, не въ направленіи, а въ болѣе или менѣе широкой освѣдомленности, въ глубинѣ пониманія, и въ добросовѣстности—заключеній. Всѣ эти способности, разумѣется, относительны и принципы дѣятельности *не могутъ* быть общеобязательными догматами, — но они *должны* быть таковыми для самого историка.

Въ нашемъ случаѣ этотъ вопросъ принимаетъ такую форму: можно ли художественную исторію въ произведеніяхъ г. Короленка свести къ какимъ-либо опредѣленнымъ принципамъ и имѣлъ ли самъ авторъ право усвоить себѣ тотъ или другой *догматъ* по важнѣйшимъ вопросомъ русской жизни?

XIII.

Авторъ съ обычной ясностью и искренностью рисуетъ источники разложенія народнаго эпическаго міросозерцанія. Объясненія въ высшей степени кратки, почти всегда представляются въ формѣ намековъ, но цѣль все-таки достигается художественной полнотой личныхъ характеристикъ.

Прежде всего въ народной средѣ, какъ и вообще вездѣ, подъ напывомъ новыхъ идей и формъ жизни, рѣзко опредѣляются два направленія: реакціонное и революціонное. То и другое, по отношенію къ *настоящему*, одинаково революціонны, и реакція, что тоже является общимъ правиломъ,—революціоннѣе самой передовой революціи.

Она—общеизвѣстна; это—старовѣріе и старообрядчество. Явленіе по существу трагическое, похожее на то, какъ если бы жителя земли мгновенно перенесли въ атмосферу совершенно другого состава и плотности. Онъ немедленно смертной тоской затосковалъ бы о своей жалкой преисполненной бѣдствіями планетѣ, и она показалась бы ему неописанно прекрасной сравнительно съ самымъ яснымъ и глубокимъ небомъ, подъ которымъ у него нѣтъ силъ дышать и жить.

И старообрядцы также тоскуютъ о своемъ утраченномъ Іерусалимѣ, о старой темной и жестокой московской Руси. Но она для нихъ «взыскуемый» — идеальный градъ и они, будто древніе іудеи, плачутъ на его развалинахъ, тщетно взывая къ призракамъ невозвратно минувшаго и стараясь жаромъ своего обездоленнаго сердца вдохнуть жизнь въ трупы и развалины.

И посмотрите, сколько воли, иногда какой-то страдальчески—надор-

ванной порывистой энергіи въ этихъ поискахъ! Искатели града — неукротимые идеологи, ихъ все прибѣжище—книги въ старыхъ переплетахъ да еще иконы древняго письма, и они эти предметы давно уже возвели въ культъ. поставили едва ли не выше всякаго религіознаго чувства и, пожалуй, самого Божества. Они трепетно хватаются за буквы, знаки и слова, потому что безжалостная жизнь развѣяла прахомъ все *духовное* и *идейное*, когда-то одушевлявшее далекихъ предковъ этихъ реакціонеровъ. И въ ихъ взыскуемомъ градѣ нѣтъ ни духа, ни истины: есть только *благолѣпіе*. Но на поиски этого града идутъ часто великія нравственныя силы народа, лишеннаго свѣта и властнаго нравственно-руководителя по пути къ просвѣщенію.

Для такихъ искателей задача рѣшается легко. Книга въ кожаномъ переплетѣ дастъ отвѣтъ на всѣ вопросы совѣсти и вѣры,—и фанатизмъ вѣры тѣмъ безпощаднѣе и мрачнѣе, чѣмъ опредѣленнѣе и доступнѣе эти отвѣты. А чтó же можетъ быть опредѣленнѣе—церковныхъ формъ, религіозныхъ обрядовъ, вообще *чина* и *обычая*! Сложно и трудно постижимо только внутреннее содержаніе вѣры...

И поэтому такъ самоувѣренны «уреневскіе богатыри», такъ убѣжденны и непоколебимы въ убѣжденіяхъ начетчики старообрядства Ихъ вѣра давно сложилась въ *формулу*, окристаллизовалась и вѣрующему остается только усвоить всѣ знаки и цифры этой формулы и твердо хранить въ памяти.

Совершенно другое положеніе революціонеровъ, искателей примирительнаго принципа, не способныхъ закоченѣть на преданіи и покориться безропотно цивилизаціи въ лицѣ своего ближайшаго начальства и повседневныхъ благодѣтелей. Эти люди стоятъ на распутьи, со всѣхъ сторонъ окружены противорѣчіями и неразрѣшимыми загадками. Старое, взыскуемый градъ, отжило свой вѣкъ и постепенно заносится прахомъ и плѣсенью, новое на каждомъ шагу оскорбляетъ совѣсть и даже здравый смыслъ. Гдѣ же правда? Гдѣ истинный путь, на которомъ мирно сходится стремленіе жизни обновляться и жажда человѣческой совѣсти, во всякомъ обновленіи видѣть торжество добра и справедливости?

Это—въ полномъ смыслѣ гамлетовскій вопросъ, и онъ всей тяжестью падаетъ на души людей, со особенной страстью жаждущихъ какого-либо единаго вдохновляющаго нравственнаго принципа, разрѣшается безъисходными сомнѣніями и они переходятъ часто въ холодное отрицаніе всякой вѣры и всякаго принципа, въ безпріютное духовное бродяжество.

Одинъ изъ такихъ бродягъ находитъ въ книгѣ слова: «Нашъ вѣкъ страстно ищетъ вѣры», и немедленно заявляетъ: «это вѣрно». Онъ самъ изъ такихъ искателей, бродяга по ремеслу и вѣчно чего-то жаждущій, о чемъ-то тоскующій по своей натурѣ. Эта жажда родилась вмѣстѣ съ нимъ. Жизнь не дала на нее никакого отвѣта, помимо на-

чальственныхъ вразумленій и она такъ и осталась неутоленной. По временамъ чувство неудовлетворенности просыпается въ страстномъ жгучемъ порывѣ, будто застарѣлая, на время замолкшая боль, но именно въ покоѣ и молчаніи накопляющая свою силу... Тогда обыкновенно мирный и любвеобильный Пановъ становится страшнымъ. Его превращаетъ въ звѣря одинъ видъ людей, облагодѣтельствованныхъ внѣшнимъ и нравственнымъ пристанищемъ, и онъ готовъ вымѣстить на нихъ неотвязную тоску своего безцѣльнаго и ничѣмъ не искупленнаго одиночества.

Пановъ—фигура сравнительно блѣдная, отчасти реторическая, она даетъ только смутное представленіе о томъ, какъ умѣетъ авторъ рисовать мучениковъ взыскуемаго града. Исторія Панова заурядна, даже банальна, какъ біографія невольнаго вора. Преступленіе на экономической почвѣ, фактъ, разумѣется, неопровержимый, но психологически онъ безсодержателенъ. И нравственный интересъ личности Панова понижается равно на столько, на сколько его положеніе арестанта является вынужденнымъ благодаря стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ.

Иначе очерченъ *убивецъ*. Это—одна изъ фигуръ, составляющихъ въ русской литературѣ непреодолимый камень преткновенія для западной критики и психологіи. Трудно представить, сколько пошлостей написано парижскими Леметрами о Катеринѣ Островскаго, Сонѣ Достоевскаго, даже о Раскольниковѣ! Чисто-народный, органическій гамлетизмъ не понятенъ западному человѣку, всегда имѣющему подъ рукой свободное рѣшеніе вопросовъ, угнетающихъ русскаго искателя правды. Другое дѣло, гамлетизмъ на почвѣ міровыхъ проблеммъ! Онъ понятенъ, хотя въ настоящее время для достаточно просвѣщеннаго мыслителя сталъ уже забавнымъ.

Но что же можно сказать о субъектѣ, въ родѣ *убивца*!

Біографія его очень проста, въ ней каждая черта въ высшей степени краснорѣчива. Убивецъ расказываетъ:

«Крѣпко меня люди обидѣли,—начальники. А тутъ и Богъ, вдобавокъ, убилъ; жена молодая да сынишко въ одинъ день померли. Родителей не было, остался одинъ-одинёшенокъ на свѣтѣ: ни у меня родныхъ, ни у меня друга. Попъ и тотъ послѣднее имѣніе за похороны прибралъ».

И все. Кажется, такъ буднично, стоитъ ли изъ-за этого создавать цѣлую философію безпріютной мытарствующей души! Но именно въ будничности и заключается весь ужасъ драмы. Начальники и попы, ближайшіе хранители порядка и вѣры въ народной жизни, и они-то оскорбили совѣсть одинокаго мужика, они явно доказали, что среди нихъ не можетъ быть настоящей вѣры, слѣдовательно, ихъ вѣра, т. е. «старая», вѣра потерянная,—и разсказчикъ «попатился» въ ней, и началъ искать новой.

Конечно, *такихъ* искателей народная жизнь производитъ не каждый день, но во всякомъ случаѣ вполнѣ достаточно, чтобы «убивца» считать типомъ. Въ немъ типично прежде всего *невольное* вынужденное шатанье. Онъ, не будь ужъ очень внушительныхъ уроковъ жизни, такъ и прожилъ бы до смерти въ старой вѣрѣ. Онъ самъ по себѣ не шелъ на неё ни съ критикой, ни съ анализомъ, напротивъ, навѣрное, онъ любовнѣе и искреннѣе другихъ относился къ ней. Онъ только желалъ, чтобы она не противорѣчила его нравственному чувству,—отнюдь не разуму. Разуму онъ и пошатнувшись въ вѣрѣ «не вовсе довѣряетъ» и готовъ всей душой воспринять чужой авторитетъ, лишь бы только онъ не противорѣчилъ его совѣсти.

Легко понять, какой смыслъ имѣетъ шатаніе именно такого скептика! Будь онъ вооруженъ силой отвлеченнаго или научнаго ума, противъ его отрицаній возможны были бы безконечные споры, и діалектикѣ пришлось бы рѣшать, на чьей сторонѣ правда, другими словами привести къ весьма спорнымъ и двусмысленнымъ выводамъ. Но что же можно возразить противъ непосредственнаго протеста самой скромной и смиренной совѣсти? До какой степени должны быть невыносимы нравственныя противорѣчія дѣйствительности, чтобы создать отрицателя на почвѣ одного лишь благороднаго инстинкта, вызвать негодованіе сердца независимо отъ умственнаго развитія и чисто-критическихъ наклонностей?

Но именно такимъ путемъ и возникаютъ самые глубокіе *народные* протесты. Такъ, напримѣръ, Лютеръ дошелъ до отрицанія старой вѣры и увлекъ за собой массу. Такъ вообще протестовали всѣ религіозные нравственные преобразователи и производили неотразимое дѣйствіе не на критическіе и ученые умы, а на чистыя и честныя сердца.

И протестъ одного «убивца» по своему общественному смыслу выше и для «старой» вѣры опаснѣе, чѣмъ самая основательная книжная критика. Въ этомъ протестѣ—съ самого начала и по самому его существу—захвачена вся *натура* человѣка, заранѣе устранена всякая возможность недостойныхъ компромиссовъ и отступленій въ пользу покинутой вѣры,—и великая жизненность народа доказывается съ неопровержимой силой именно появленіемъ въ его средѣ подобныхъ искателей правды,—доказывается гораздо внушительнѣе, чѣмъ какими угодно научными подвигами и художественными успѣхами.

И какъ народенъ и націоналенъ этотъ «убивецъ». Недаромъ авторъ такой знатокъ—умомъ и сердцемъ—русскаго народа. Онъ не упустилъ ни одной характернѣйшей черты русскаго протестанта Какой столь рѣшительный революціонеръ, т. е. человѣкъ, порвавшій со старой вѣрой,—сталъ бы сѣтовать на гордость своего ума! Да вѣдь совѣсть столкнула его съ общаго торнаго пути и въ поискахъ правды онъ менѣе всего давалъ воли именно уму, критическому анализу людей и фак-

товъ! Иначе не поддался бы онъ власти чудовищнаго преступника, выторговывающаго у Бога свое будущее покаяніе непрерывными злодѣйствами.

Но убивецъ, ставшій имъ невольно, готовъ изобличить себя съ гордости: «отъ міру отбился, людей не слушался, все своимъ совѣтомъ поступалъ»...

Какой же надо питать прирожденный страхъ своей личности, чтобы послѣ исторіи съ Безрукимъ—укорять себя въ излишней самостоятельности. Казалось-бы,—выводъ слѣдовало сдѣлать какъ разъ обратный. Самъ же убивецъ говоритъ о власти надъ нимъ старика: «Совсѣмъ онъ завладѣлъ мною!» На что же больше смиренія, способности вѣровать не только въ вѣру, но во всякаго, кто *похожъ* на проповѣдника вѣры.

И все таки убивецъ негодуетъ на свой разумъ,—и здѣсь онъ болѣе націоналенъ, чѣмъ во всемъ остальномъ.

Г. Короленко, желая объяснить психологическую и общественную причину русскаго самозванства, употребляетъ очень мѣткое выраженіе: «стыдъ собственнаго существованія». Да, русскому человѣку, свойственъ такой стыдъ. И какъ не стыдиться *существованія*, разъ нѣтъ *личности!* Вѣдь у насъ имѣется казенный терминъ: «удостовѣреніе личности»,—это значитъ признаніе человѣка—существующимъ, имѣющимъ законное право существовать. А если нѣтъ личности,—само собой отпадаетъ и право на существованіе. Какъ ни странны эти соображенія, а между тѣмъ—они вполнѣ точно соотвѣтствуютъ многимъ реальнымъ условіямъ русской жизни.

Бываютъ случаи, когда мужикъ перестаетъ считать себя *жителемъ*. Г. Короленко въ голодный годъ открылъ не одну деревню такихъ *не-жителей*, т. е. мужиковъ оплошавшихъ до утраты даже мужицкаго хозяйскаго достоинства,—до впаденія въ нищенство. Для мужика это также потеря личности и начало стыда за собственное существованіе. Нежители именно съ такимъ чувствомъ и относятся къ своей жизни и къ самимъ себѣ.

Но это *не-жители* въ экономическомъ смыслѣ, гораздо больше на Руси не-жителей—нравственно, обезличенныхъ не какъ хозяйственныя единицы, а какъ члены общества и государства. И вотъ у насъ то особенно мучителенъ и глубокъ стыдъ уже не существованія, а личности, своей независимой духовной индивидуальности. И этотъ стыдъ—въ народѣ—черта историческая, наслѣдственная, она часто уживается рядомъ съ великой талантливостью и великимъ благородствомъ натуры,—сохраняется она и у искателей правды, даже рѣшившихъ отвергнуться стадной вѣры.

Этотъ стыдъ—не только чувство или настроеніе,—онъ жизненная стихія громаднаго значенія. Онъ парализируетъ и даже совсѣмъ убиваетъ энергію человѣка, вѣру въ себя, необходимую для осуществле-

нія идей въ дѣйствительности, онъ мѣшаетъ развитію принципіально-убѣжденныхъ и практически-мужественныхъ дѣятелей.

Доказательство—тотъ же герой нашего автора.

XIV.

Какія результаты получились изъ поисковъ убивца? Нашелъ ли онъ правду, удовлетворяющую его совѣсть. Нѣтъ, если не считать такой правдой—его раскаянія въ своей временной нравственной свободѣ. Отразились ли его поиски положительно и благотворно на окружающей жизни? Нѣтъ, если не придавать общаго значенія—подвигу убивца съ Безрукимъ, т. е. спасеніе матери и дѣтей отъ насильственной смерти. Этотъ подвигъ производитъ гипнотическое дѣйствіе на разбойниковъ, личность убивца получаетъ сказочный ореолъ,—умѣетъ ли убивецъ воспользоваться своимъ исключительнымъ и вполнѣ заслуженнымъ положеніемъ? Нѣтъ,—потому что самъ гибнетъ отъ разбойничьей руки—гибнетъ героически но неразумно, потому что самъ себя лишаетъ средствъ къ защитѣ.

Можетъ быть одно изъ нихъ—убійство или, по крайней мѣрѣ, нанесеніе увѣчья разбойнику. Убивецъ воздерживается отъ подобной самозащиты и гибнетъ подъ ножомъ уже побѣжденнаго врага. Поступокъ этотъ можно представить въ чрезвычайно умилительной формѣ: человѣкъ скорѣе рискнулъ собственной жизнью, чѣмъ рѣшился поднять руку на человѣка. Но вѣдь мы уже слышали отъ автора наименованіе *теленка* по адресу безразсудно-добродушнаго начальства. Не уподобляется ли убивецъ *барану*, попадающему подъ ножъ?

И сообразите—послѣдствія его добродѣтели. Прежде всего онъ, умирая, лишаетъ множество людей своей защиты, наводившей трепетъ на мѣстныхъ разбойниковъ. И по смыслу всѣхъ «очерковъ сибирскаго туриста» надо полагать, что злодѣи широко воспользуются вольнымъ воздухомъ и блистательно отпразднуютъ поминки по страшномъ убивцѣ. Это одно. Потомъ,—его смиренная смерть не произвела прочнаго просвѣтляющаго впечатлѣнія даже на его убійцу,—а жизнь такъ и прошла тяжелымъ мимолетнымъ сномъ для рыцарей большой дороги, вызвала только у наиболѣе отважныхъ—своего рода спортъ, можно ли «желѣзомъ взять»—его, убившаго даже Безрукаго?

И безплодно погибла столь чуткая, столь возвышенная совѣсть убивца! И не только его. Возьмите человѣка съ такой психологіей изъ другой общественной среды, гдѣ борьба за правду ведется не ножами и пистолетами, но гдѣ она не менѣе ожесточенна и въ гражданскомъ отношеніи еще болѣе отвѣтственна... Результаты получатся тѣже. Представители совѣсти своимъ умомъ и своей волей воспользуются съ особенной энергіей именно противъ *своего* ума и *своей* воли

и пустятъ въ ходъ рефлексію какъ разъ тамъ, гдѣ станетъ вопросъ ребромъ—о торжествѣ права надъ силой и правды надъ ложью.

Убивецъ—самый благородный и яркій образъ искателя правды,—но онъ не единственный онъ—натура созерцательная, глубокая, въ сильной степени художественная—изъ тѣхъ людей, какіе подъ вліяніемъ высшей культуры становятся творцами новаго логически-стройнаго и вдохновенно-прекраснаго миросозерцанія. Другаго типа—камышинскій мѣщанинъ.

Онъ является будто случайный незнакомецъ, авторъ не останавливается на этой фигурѣ,—что безусловно жаль. Если въ народной средѣ живутъ стремленія къ духовному созиданію на непреложныхъ основахъ совѣсти,—тамъ же возникаютъ и совершенно противоположныя теченія,—пожалуй даже болѣе любопытныя, чѣмъ *вѣрующія* искавія вѣры.

Стремленіе къ вѣрѣ—одно изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы, желаніе *утверждать* что-либо—необходимое условіе человѣскаго счастья и нравственнаго свѣта и мира. И человѣкъ одну вѣру отрицаетъ непремѣнно во имя другой,—и только въ исключительныхъ случаяхъ во имя *ничего*.

Паскаль не могъ себѣ представить чистаго отрицателя, одареннаго разумомъ и чувствомъ. Это своего рода нравственное чудовище—противоестественное и презрѣнное... И противоестественность, повидимому, вполнѣ доказывается непрерывными усиліями человѣчества—думать убѣжденно и жить принципіально.

И вотъ изъ темной массы русскаго народа является «подвижникъ чистаго отрицанія», безстрашно и страстно исповѣдующій *ничто* и взирающій на всѣхъ другихъ какъ существо высшаго порядка. Онъ даже страдаетъ за своё *ничто*,—совершенно какъ мученикъ, попадаетъ подъ судъ, въ тюрьму, въ ссылку. Вѣдь такъ можно поступать только во имя убѣжденія и вѣры. Камышинскій мѣщанинъ открыто говоритъ всѣмъ начальствамъ, что нѣтъ *ничего*.—Но вѣдь уже въ этомъ *открытомъ* провозглашеніи, караемомъ жестоко, безпощадно,—есть *нѣчто*,—и вполнѣ положительное, есть какая то сила, превозмогшая страхъ, физическія лишенія, поставившая человѣка выше начальственной грозы и всякихъ другихъ внѣшнихъ воздѣйствій на его убѣжденіе.

Какъ оно могло возникнуть и до такой степени закалить всего человѣка! Онъ не убійца и не идіотъ,—совершенно напротивъ; начальству онъ задаетъ по существу тотъ же самый вопросъ, какой только въ болѣе литературной и философской формѣ—искони вѣковъ ставятъ всѣ матерьялисты: «Гдѣ онъ, какой Богъ?.. Ты что ли Его видѣлъ»?..

Вѣдь это тоже самое, что отвѣтъ знаменитаго астронома вѣрующему другу: «Я тщательно изслѣдовалъ все звѣздное небо и нигдѣ не нашелъ ни малѣйшихъ признаковъ пребыванія Бога».

Но въ устахъ ученаго эта фраза не удивитъ насъ: мы сейчасъ

сообразимъ насчетъ философскаго направленія и все прочее, что касается пирронизма, нигилизма, матерьялизма, сенсуализма.

Но камышинскій мѣщанинъ не имѣетъ понятія ни объ одномъ изъ этихъ измовъ, и между тѣмъ онъ матерьялистъ, столь убѣжденный, последовательный и вѣрующій, что предъ нимъ могли бы преклониться всѣ древніе и новые враги идеализма. Очевидно и онъ прошелъ нѣкоторую науку—только практическую и она испепелила въ немъ не только *старую* вѣру, но и всякую вообще.

И для этого не требовалось быть непремѣнно чудовищемъ, какъ это кажется критикѣ урядническаго направленія,—надо было не обладать только безграничной гуманностью и совѣстливостью убивца. «Начальники обидѣли», говоритъ убивецъ и продолжаютъ обижать, какъ видно изъ его разсказа: онъ дѣлаетъ заключеніе, что виноваты только вотъ эти данные люди, а на свѣтѣ есть и правда и законъ. Попъ обездолилъ,—убивецъ опять разсуждаетъ: попъ плохъ,—но ни религія, ни Христово ученіе здѣсь ни причемъ,—найдутся люди, которые непремѣнно оправдаютъ свою принадлежность къ христіанской церкви. И убивецъ—не рѣшается дѣлать рѣшительныхъ обобщеній, потому что онъ вообще не очень полагается на свой умъ.

Другіе выводы но изъ такихъ же фактовъ дѣлаетъ камышинскій мѣщанинъ. Отъ природы онъ болѣе самоувѣренъ, менѣе глубокъ, несравненно болѣе самолюбивъ,—и что убивца повергаетъ въ мучительное раздумье, проводитъ по его лбу страдальческую складку,—то поднимаетъ страсть у мѣщанина, вызываетъ бурю оскорбленнаго самолюбія и вдохновляетъ его на уничтожающія обобщенія. Представьте,—что опытовъ житейскихъ у мѣщанина было сколько угодно для оцѣнки человѣческой правды и вообще всего земнаго порядка,—и отрицаніе постепенно слилось съ его умомъ и чувствомъ.

Вотъ, напримѣръ,—другой совсѣмъ готовый отрицатель. Онъ гораздо ниже мѣщанина по своему отношенію къ своему отрицанію,—но сущность въ обоихъ случаяхъ одна. Этотъ отрицатель-убійца, но не совсѣмъ закоренѣлый. Ему даже будто жаль своей жертвы, и проблескъ этого чувства вдохновляетъ автора спросить у преступника,—боится ли ли онъ Бога?

Отвѣтъ слѣдуетъ такой:

— Бога то? усмѣхнулся бродяга и тряхнулъ головой.—Давненько что-то я съ нимъ, съ Богомъ то, не считался... А надо бы! Можетъ, еще за нимъ сколько нибудь моего замоленаго осталось.

И у этого бродяги есть также вѣра: «такая ужъ моя линія»,—т. е. быть убійцей и каторжникомъ. И потому, что «мы съ измалѣтства на тюремномъ положеніи».

А на этомъ положеніи, оказывается, трудно сохранить вѣру въ Бога, если только не считать его виновникомъ зла.

Такъ просто зарождается нигилизмъ у «малыхъ» и неученыхъ. И онъ

несомнѣнно—плодъ неудовлетвореннаго чувства правды, на какомъ бы уровнѣ ни стояло это чувство. Бродяга Пановъ, понимающій современное исканіе вѣры, говоритъ о себѣ: «человѣка я хорошаго настоящаго не видалъ и слова хорошаго не слыхивалъ». И онъ не сталъ отрицателемъ только потому, что природа снабдила его отходчивымъ и даже нѣжнымъ сердцемъ, способнымъ любить чужихъ дѣтей будто своихъ. Только это и помѣшало ему уподобиться камышинскому мѣщанину,—а жизнь все сдѣлала, чтобы и изъ него выработать нигилиста,—изъ него, повиннаго только въ томъ, что онъ сынъ бродяги.

Между этими двумя предѣлами томительной жажды новой вѣры и отрицаніемъ самой основы вѣры—мыслятъ и страдаютъ *личности* изъ народа. Сравнительно съ ними счастливы тѣ, кто обрѣлъ вѣру въ невозвратной старинѣ, кто живетъ съ ней до самой могилы. Для «убивца» такая вѣра слишкомъ мелка, для камышинскаго мѣщанина прямо презрѣнна,—но среди своихъ послѣдователей она также создаетъ подвижниковъ. И предъ нами одинъ изъ нихъ—искренній представитель изувѣрства, жаждущій подвига до самозабвенія.

Яшка—психологически личность гораздо менѣе сложная, чѣмъ убивецъ, но какъ общественное явленіе, онъ одинъ изъ поучительныхъ фактовъ.

Собственно поучительность не въ томъ, чтò особенно занимаетъ автора, не въ подвижничествѣ Яшки: оно вполнѣ безсмысленно и вызываетъ только чувство состраданія къ больному мученику. И напрасно авторъ пускается въ общую оцѣнку Яшкиной отваги: она во всѣхъ отношеніяхъ для насъ безразлична, и по своему идейному смыслу, и по своему временному значенію для среды Яшки. Подвижничество само по себѣ вовсе не добродѣтель, таковой оно становится только отъ степени своей осмысленности, по своимъ побудительнымъ причинамъ и цѣлямъ. Индусы, кидающіеся подъ колесницу Джагернаута, также подвижники,—но въ интересахъ человѣческаго разума и достоинства было бы желательно совершенное упраздненіе этого подвижничества.

Яшка изъ той же породы невропатическихъ фанатиковъ, съ больной душой и непроглядно темнымъ разсудкомъ. Рѣчи его едва ли вразумительны даже для него самаго, идеалы—бредъ помѣшаннаго, однимъ словомъ это скорѣе буйный больной, чѣмъ протестантъ.

Но въ Яшкѣ есть одна черта достойная вниманія. Онъ помѣшался на непостижимыхъ для него противорѣчіяхъ новаго времени съ тѣми истинами, какія онъ вычиталъ въ *Сборникѣ*. Въ результатѣ изувѣрство XVII-го вѣка съ примѣсью новѣйшаго нервнаго разстройства. Но непостижимость явленій фактъ несомнѣнный не только для юродиваго Яшки. Варварская московская Русь во всей своей неприкосновенности пережила всевозможныя реформы, и быстрыя и постепенныя, пережила даже въ центрахъ русской гражданственности, и особенно «въ глухихъ мѣстахъ». Вплоть до конца XIX-го вѣка она

*

донесла только два идейныхъ образа: протопопа Аввакума и врага протопопа, т. е. всего рода христіанскаго—антихриста. Къ этимъ идеальнымъ понятіямъ она и прикидываетъ все, что̀ совершается на ея глазахъ. Яшка, разумѣется, желаетъ быть одесную съ Аввакумомъ и онъ протестуетъ, «стучитъ» въ своемъ узилищѣ, сообщая любопытному и добродушному сосѣду полу-безумный, полу-страдальческій вопль темной души, смущенной и подавленной ясными предвѣстіями антихристова пришествія.

Таково воздѣйствіе на наиболѣе нервныхъ и слабыхъ разсудкомъ непонятной цивилизаціи. Она низводитъ несчастныхъ почти до полной потери человѣческаго пониманія и превращаетъ въ паціентовъ сумасшедшаго дома. Авторъ незаслуженно высоко представляетъ себѣ значеніе Яшкинаго «стучу вотъ», изображаетъ полупомѣшаннаго раскольника подвижникомъ идеи. Слишкомъ дешево употребляется здѣсь слово *идея*! Именно полное отсутствіе не только идей, а просто мыслей лежитъ въ основѣ подвиговъ Яшки. И самъ же авторъ въ другихъ случаяхъ очень строго относится къ идеалистамъ Яшкинаго типа и произноситъ смертный приговоръ ихъ идеализму.

Онъ у раскольничьяго озера наслушался даже болѣе осмысленныхъ рѣчей, чѣмъ Яшкины вопли,—и вотъ съ какимъ чувствомъ возвращался онъ съ береговъ святого озера:

«Тяжелыя, нерадостныя впечатлѣнія уносилъ я отъ невидимаго, но страстно взыскуемаго народомъ града... Точно въ душномъ склепѣ, при тускломъ свѣтѣ угасающей лампадки провелъ я всю эту безсонную ночь, прислушиваясь, какъ гдѣ-то за стѣной кто то читаетъ мѣрнымъ голосомъ заупокойныя молитвы надъ заснувшей навѣки народною мыслью».

Въ другой разъ авторъ выражается не менѣе опредѣленно и опять не въ прославленіе Яшекъ. Онъ говоритъ о *странныхъ спорахъ* и о *странныхъ формахъ* мысли: онъ видѣлъ много живого наивнаго чувства, и *ни одной живой мысли*... А у Яшки мы не видимъ даже и живого чувства: все оно ушло у него въ мрачныя ясновидѣнія и апокалипсическія аллегоріи.

Очевидно, не здѣсь, будущее русскаго народа. Правда, изъ всѣхъ протестантовъ Яшка самый энергичный и дѣятельный, можетъ быть это единственный идеалистъ съ практическими талантами, по крайней мѣрѣ, досаждать начальству. Но все, совершающееся не во имя жизненной и свободной идеи, обречено безслѣдной и безплодной смерти. И Яшку переводятъ изъ тюрьмы въ сумасшедшій домъ, оставляя единственный отголосокъ его смутнаго подвижничества: смѣхотворный подражательный возгласъ сумасшедшаго остяка.

И опять самъ же авторъ произноситъ правдивый судъ надъ участью Яшки, и его соратниковъ.

Ему пришлось посѣтить раскольничій скитъ и увидѣть запустѣніе

на мѣстѣ древляго благочестія. И авторъ читаетъ такую «отходную»:

«Дай Богъ тебѣ, старая Русь, во блаженномъ успеніи вѣчный покой, и пусть на мѣстѣ мертвой воцарится живая народная мысль, рожденная свободнымъ исканіемъ истины, вскормленная не старымъ буквоѣдствомъ въ глуши пустынныхъ лѣсовъ, не узкой исключительностью, а широкимъ общеніемъ съ общечеловѣческими живыми родниками».

Праведный приговоръ, а для Яшки даже слишкомъ лестный и развѣ только *по человѣчеству*—подобающій.

Предъ нами прошли искатели всѣхъ типовъ, и теперь мы въ правѣ спросить: отъ кого же изъ нихъ явится намъ «живая народная мысль»? Живая, т. е. дѣйствующая и преобразующая. Самъ авторъ, мы видимъ, увлеченъ надеждой на такую мысль, видитъ ли онъ ея зарю и гдѣ именно?

XV.

Мы не разъ могли убѣдиться, до какой степени глубоко вѣритъ нашъ авторъ въ народъ и какія сокровища души умѣетъ открывать въ его первобытной природѣ. Несомнѣнно, онъ долженъ бы открыть здѣсь и искры живой мысли и задатки ея общенія съ общечеловѣческими родниками.

И авторъ полонъ усердія—совершить это открытіе. Онъ показалъ намъ рядъ избранныхъ личностей среди народа, онъ постарался даже при всей законной строгости къ древнему буквоѣдству—указать на самоотреченіе его безкорыстныхъ служителей и пожелалъ, чтобы и будущая живая мысль научилась вѣрности и настойчивости у защитниковъ старины. Желаніе—благородное, но мы уже видѣли, почему такъ настойчивы люди древляго благочестія и насколько ихъ вѣрность естественнѣе и доступнѣе, чѣмъ самоотреченіе искателей свѣта не въ старыхъ переплетахъ, а духовной и живой истины. Во всякомъ случаѣ внѣ сомнѣнія всеобъемлющая духовная сила народа, по представленію автора, точнѣе по его вѣрѣ. Какъ всякая вѣра, и въ вѣрѣ г-на Короленко есть своя тайна и даже свои чудеса. Къ сожалѣнію, при всей поэтичности и замысловатости чудеса даже не всегда служатъ достоинству вѣры.

Г. Короленко показываетъ ихъ въ формѣ сновидѣній. Эти сны—единственное крупное нарушеніе высокой художественности и искренней правдивости произведеній нашего автора, и можно подивиться, какъ столь чуткій и вдумчивый художникъ могъ излюбить такое наивное средство, преподать своимъ читателямъ тотъ или другой нравственный урокъ.

На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ *Сонъ Макара*. Весь разсказъ состоитъ изъ изложенія сна, посѣтившаго будто пьянаго якутскаго мужика, и съ этихъ поръ авторъ неоднократно будетъ заставлять

своихъ героевъ видѣть вѣщіе сны. Цѣль его вездѣ останется одна и та же. На яву его герои мыслятъ крайне туго, говорятъ еще хуже, и чтобы показать смыслъ ихъ бытія или необнаруженныя ими сокровища души, авторъ погружаетъ ихъ въ сонъ и являетъ предъ ними, но нарочно для читателя, рядъ чудесныхъ происшествій и картинъ.

Бѣда только въ томъ, что всѣмъ этимъ сновидцамъ снятся вещи совершенно невѣроятныя, явно навязанныя ихъ воображенію хитрымъ умысломъ автора. Никоимъ образомъ нельзя представить, чтобы житель нашей планеты, хотя бы даже напившись до безсознанія, мгновенно поумнѣлъ до уровня просвѣщеннѣйшаго русскаго публициста. Очевидно, этими моментами транса авторъ пользуется исключительно для своихъ личныхъ цѣлей и моменты стоятъ внѣ всякой психологической связи съ основной темой и содержаніемъ разсказа.

Несомнѣнно, смыслъ жизни Макара именно такой, какой ему чудится во снѣ: сонъ Макара—превосходная философія сибирской бѣдности и темноты. Но только ни единому изъ Макаровъ эта философія и во снѣ не снилась. Это авторъ на нѣкоторое время принялъ личину Макара и отъ его лица произнесъ превосходную оправдательную рѣчь въ пользу пьянаго якута.

Но, положимъ, *Сонъ Макара* святочный разсказъ, т. е. сказка, гдѣ и Сандрильона превращается въ царевну и Иванушка-дурачекъ—въ царевича. Пусть и Макаръ, въ будни едва владѣющій членораздѣльной рѣчью, въ святки обрететъ въ себѣ даръ слова и силу разума. Авторъ согласенъ признать это происшествіе «чѣмъ-то страннымъ», хотя въ искусствѣ желательно было бы *видѣть* философію жизни, а не *слышать* ее, какъ проповѣдь или публицистическую статью.

Проповѣдь составлена очень трогательно и приспособлена, если не къ уровню Макарова пониманія, то, по крайней мѣрѣ, къ общему смыслу и тону его многострадальнаго существованія. Она совершенно неумѣстна въ художественномъ произведеніи, остается чуждымъ ему привѣскомъ, но какъ монологъ автора, близко освѣдомленнаго въ предметѣ, она свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ публицистическомъ талантѣ.

Такого же качества и *Судный день*—«малорусская сказка». Это опять нравственное иносказаніе, поучительная притча. Художникъ почти замѣненъ совершенно откровеннымъ моралистомъ и обнаруживается только въ частностяхъ, въ превосходномъ народномъ языкѣ, въ чисто-гоголевской бытовой атмосферѣ. Здѣсь проблески художественности въ высшей степени ярки, фигура солдата, очерченная силуэтно и введенная эпизодически, вполнѣ достойна творца Убивца и Тюлина. И по всему фону разлита, если такъ можно выразиться, тончайшая музыка гуманнаго чувства, столь ярко характеризующая нашего автора. Напримѣръ, сколько сердца, и поэзіи, и идеи вложено въ мимолетное замѣчаніе о жидовской молитвѣ! «Жиденята плакали, надрывались, и опять мельнику показалось, что кто-то другой внутри ихъ плачетъ и молитъ о

чемъ-то невѣдомомъ, давно-давно утраченномъ и на половину уже позабытомъ».

Великолѣпно, только врядъ ли мельнику могли приходить на умъ подобныя мысли. Опять «что-то странное», и оно только предисловіе къ *сну* мельника, необыкловенно философски-продуманному и поразительно-поучительному. И въ теченіи этого сна искры художественности все больше и больше блѣднѣютъ, пока, наконецъ, совершенно не гаснутъ подъ моралью и публицистикой. И читателю невольно приходитъ мысль: почему бы автору не дѣлать двухъ разныхъ дѣлъ отдѣльно: въ разсказѣ ограничиться творчествомъ, а вмѣсто аллегорическаго сна просто написать этнографическій очеркъ или рядъ статей, какъ онъ впослѣдствіи поступитъ по поводу Мультанскаго дѣла?

Но публицистика не даетъ покою вдохновенію нашего автора и сонныя видѣнія даже не въ сказкахъ нарушаютъ реальное развитіе творческихъ мотивовъ. Матвѣй лозищанинъ также видитъ сонъ, вѣщающій ему самыя мудрыя и полезныя истины, точно внезапно воскресшій Стародумъ съ неисчерпаемымъ запасомъ глубокихъ житейскихъ и даже философскихъ истинъ.

Невольно хочешь воскликнуть: о, если бы только сны такіе видѣлись Макарамъ и Матвѣямъ, всетаки на Руси было больше умственнаго свѣта, а, можетъ быть, и нравственной силы!

А то теперь приходится сдѣлать печальное заключеніе. Русскій народъ только въ сновидѣніяхъ постигаетъ тяжелый и часто унизительный смыслъ своего существованія, только во снѣ онъ умѣетъ говорить сильныя исполненныя достоинства рѣчи, только въ забвеніи чувствъ сознаетъ себя *личностью!* Стóитъ проснуться, и не только въ сказкѣ, а даже въ самой подлинной были, какой-нибудь Матвѣй чувствуетъ себя растеряннымъ и существомъ низшей породы даже передъ совсѣмъ чужимъ паномъ, и нѣтъ у него умѣнья и смѣлости выразить словомъ даже самую законную свою мысль.

Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда и наяву мужикъ начинаетъ разсуждать не хуже сокнаго Макара. Одинъ, напримѣръ, какой-то простой мужикъ съ проселочной дороги—такъ между разговоромъ, даетъ такое объясненіе деревенской вѣрѣ въ чудеса, что въ пору даже умнѣйшему этнографу. Рѣчь мужика, разумѣется, простонародна и неизящна, но она производитъ впечатлѣніе *перевода* чрезвычайно дѣльнаго научнаго разсужденія на мужицкій языкъ.

Мужикъ указываетъ на зависимость деревни отъ явленій природы и, слѣдовательно, ежеминутную наклонность «прибѣгать» къ милосердію небесъ. Въ городахъ нѣтъ такой связи людского благополучія и несчастія съ природой, для сапожника, напримѣръ, «давалецъ» важнѣе всякой погоды и сапожникъ за нимъ и ухаживаетъ.

Весь этотъ разговоръ деревенскаго религіознаго философа съ мѣщаниномъ-скептикомъ изъ города — настоящій философскій диспутъ. Мѣ-

щанинъ еще, пожалуй, правоспособенъ на скептицизмъ,—его *раціоналистическое* объясненіе мужицкой религіозности—со стороны *вѣрующаго* мужика стоитъ любого сна, потому что, вѣдь мужикъ дѣйствительно *объясняетъ* и *отъ разума*, не утверждаетъ свой вѣры, а анализируетъ ее, обнажаетъ ея чувственныя, физическія основы и вполнѣ практическій первоисточникъ. И съ этой чисто разсудочной идеологіей плохо мирится дальнѣйшее простодушное повѣствованіе удивительнаго скептика—о «заступленіи иконы».

Это два момента исключающіе другъ друга, и надо полагать, діалектика вся—изъ области сна, а явь—только повѣсть о чудесахъ.

Но это совмѣщеніе показываетъ, какъ авторъ усиленно ищетъ глубоко идейнаго содержанія въ народной душѣ. Что касается «красоты чувства»—это его выраженіе—здѣсь полный просторъ его вдохновенію и оно подчасъ впадаетъ даже въ лирическую чувствительность, не свойственную классически-строгому искусству автора.

Напримѣръ, у г-на Короленко есть разсказъ о случайной встрѣчѣ въ «пустынныхъ мѣстахъ», потомъ разсказъ передѣланъ въ «быль» для народнаго чтенія подъ заглавіемъ *Пріемышъ*. Вообще всѣ очерки подъ общимъ заглавіемъ *Въ пустынныхъ мѣстахъ*, печатавшіеся въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*,—должны быть признаны едва ли не художественнѣйшими образцами во всей русской туристической литературѣ. Простота разсказа, неотразимая прелесть пейзажа, изящная эскизность жанра и въ то же время до такой степени богатая идейность содержанія, что кажется, нѣтъ ни одного штриха лишняго, чисто орнаментальнаго: все это заставляетъ жалѣть, почему эти чудныя миньятюры до сихъ поръ похоронены на газетныхъ столбцахъ и не изданы отдѣльно. Изданіе было бы поучительно не только для читателей, но для писателей: они увидѣли бы, что могутъ дать истинно-художественному таланту даже русскія «пустынныя мѣста», если только этотъ талантъ обладаетъ благородной чуткостью къ народной душѣ и къ многострадальнымъ судьбамъ русской народной мысли и дѣйствительности. Иные мотивы, брошенныя авторомъ мимоходомъ, могли бы дать содержаніе для краснорѣчивѣйшаго разсужденія о нѣкоторыхъ «странностяхъ», въ народной средѣ и для любопытнаго бытового очерка. Напримѣръ, ночной разсказъ захолустнаго и мужика на тему, что мужику часто приходится плакаться и съ хорошими людьми, а пользу получать отъ проходящаго незнакомца... И самая сцена разсказа—цѣлая картина національнѣйшаго русскаго жанра, какой только можетъ представить самый сильный реалистъ.

И вотъ среди этихъ встрѣчъ и разговоровъ, большей частью мало утѣшительныхъ и нерѣдко прямо драматическихъ, авторъ наталкивается на настоящую идиллію.

Въ семьѣ рыбака живетъ пріемышъ; въ семьѣ родныхъ дѣтей нѣтъ, и пріемышъ окруженъ нѣжнѣйшей любовью и лаской. Здѣсь

еще нѣтъ ничего особеннаго, — особенное начинается съ подробнаго описанія хозяйки семьи, съ передачи ея разсказа, какъ ей достался пріемышъ. Какъ эта женщина легко краснѣетъ даже отъ намека на ея молодость сравнительно съ возрастомъ мужа, какъ она горестно оплакиваетъ сына, умершаго двадцать лѣтъ назадъ, и не только она, но и мужъ ея было извелся въ тоскѣ по этой утратѣ,—какъ она гуманно и психологически-проницательно оправдываетъ «дѣвкины грѣхи», какъ она счастлива тѣмъ, что самоотверженнымъ уходомъ за пріемышемъ завоевала себѣ новое материнство!.. Все это происходитъ на берегахъ Ветлуги,—и такъ складно и красиво говорится. Самая солнечная идиллія! И чтобы разогнать малѣйшія тѣни, именно на слѣдующій день послѣ разсказа хозяину семьи попадаетъ необыкновенно удачный уловъ, а раньше ужъ сколько времени онъ не могъ поймать «ни одной рыбешки». И авторъ восторженно заканчиваетъ свой разсказъ: «Я забылъ о засухѣ, даже о выжженныхъ поляхъ, забылъ о пожарахъ, о плохихъ промыслахъ. И что ни черта, то новой красотой вѣяло на меня отъ воспоминаній объ этой неожиданно посланной мнѣ судьбою идилліи».

Это—безусловно искренне,—но только идиллія, къ сожалѣнію, нисколько не мѣшаетъ ни засухамъ, ни пожарамъ, ни весьма печальнымъ и нравственнымъ фактамъ все въ тѣхъ же пустынныхъ мѣстахъ, идиллія, только что описанная, также своего рода сонъ,—и ода изъ самыхъ мимолетныхъ. Красота чувства, несомнѣнно, болѣе достовѣрное явленіе народной жизни, чѣмъ «живая мысль» — но оно *личное* достояніе исключительныхъ личностей. До какой степени исключительныхъ — доказываетъ необыкновенное восхищеніе автора. Оно *превышаетъ* цѣнность факта и совершенно напрасно, хотя бы даже на нѣсколько минутъ заслоняетъ въ его памяти другія не идиллическія, но и не личныя и не исключительныя явленія народной дѣйствительности.

Но авторское чувство имѣетъ гораздо болѣе глубокій смыслъ чѣмъ мгновенное забвеніе.—Оно—это чувство—свидѣтельствуетъ объ общемъ отношеніи автора, какъ художника, къ народной психологіи. Это отношеніе коренится во всемъ міросозерцаніи писателя, въ самомъ складѣ его художественной натуры. Это отношеніе можно бы назвать *эпическимъ благоволеніемъ*, т. е. спокойнымъ, чисто умиленнымъ чувствомъ любви, не во имя отвлеченныхъ народническихъ убѣжденій, вообще теоретическихъ принциповъ, а въ силу прирожденной всеобъемлющей сердечности предъ всякимъ естественнымъ жизненнымъ процессомъ. Это, снова повторяемъ, не *идеологія* автора, а *императивъ* его природы.

Мы видѣли,—на этой почвѣ выросъ и развился своеобразный пріемъ автора рисовать даже, повидимому, вполнѣ отрицательныя явленія жизни: *юморъ*. Онъ не что иное, какъ длящаяся борьба контрастовъ,

результатъ отсутствія одного рѣзко опредѣленнаго смысла извѣстнаго факта или характера.

Наконецъ, на той же почвѣ возникли и содержательнѣйшіе художественные образы, извлеченные авторомъ изъ народной среды,—личности протестантовъ и отрицателей. Мы видѣли,—общую черту, роднящую самыхъ разнородныхъ представителей типа,—жизненную безплодность и добросовѣстнѣйшаго исканія истины и рѣшительнаго отрицанія ея. Искатель запутывается въ дилеммѣ примирить свой личный протестъ съ хоровымъ инстинктомъ и въ самую рѣшительную минуту чувствуетъ стыдъ своего независимаго, критикующаго и созидающаго *я*. Отрицатель просто отряхаетъ прахъ отъ всего, что не касается его ближайшихъ личныхъ интересовъ, — и вполнѣ послѣдовательно: нельзя безъ вѣры — во что-либо положительное — работать на общую пользу.

Такая работа оказывается только на сторонѣ темныхъ фанатическихъ послѣдователей древляго благочестія. Здѣсь достаточно и вѣры, и самоотреченія во имя вѣры, — но обо всемъ этомъ можно повторить восклицаніе автора предъ извѣстной картиной Сурикова—*Боярыня Морозова*: «Какая убогая бѣдная мысль для такого пламеннаго чувства, для такого подвига.

Итакъ, на одной сторонѣ — и это сторона *живой мысли* — мучительное исканіе истины, страстная жажда вѣры, совпадающей съ благороднѣйшею совѣстью, и стыдъ своей личности, — на другой— и это сторона умственной смерти—слѣпая преданность буквѣ, ужасъ передъ жизнью человѣческаго духа, и подвижническая сила воли, мужественное провозглашеніе своего права вѣровать и умирать за вѣру. Чтобы показать намъ соединеніе нравственнаго благородства и личной рѣшительности, автору приходится рисовать русскихъ людей въ состояніи сна...

Какая злая насмѣшка и какое поучительное противорѣчіе—эта стихійная вражда идеализма и воли!

И тотъ же авторъ, все по поводу той же *Боярыни Морозовой* выразилъ наше настроеніе краснорѣчиво и мѣтко:

«И возбужденное чувство зрителя, не находящее логическаго выраженія, мятется въ душѣ, въ которой господствующее ощущеніе теперь—ощущеніе разлада, дисгармоніи».

Авторъ испыталъ это ощущеніе предъ сліяніемъ убогой мысли съ пламеннымъ чувствомъ и подвигомъ, но то же самое ощущеніе и неизмѣримо болѣе могучее овладѣваетъ нами предъ великой мыслью въ соединеніи съ убогимъ чувствомъ и подвигомъ. И именно въ этомъ ощущеніи заключается дѣйствительно плодотворное преобразовательное движеніе свободной мысли.

Но о немъ-то и не говоритъ нашъ авторъ, и живетъ ли оно вообще въ глубинѣ, его творческихъ созданій?

XVI.

Нашъ вѣкъ ищетъ вѣры—мы это уже слышали,—можемъ услышать и какой именно вѣры? «Вѣры, — отвѣтитъ авторъ, — которая осуществила бы любовь и не противорѣчила истинѣ, знанію».

Вдумайтесь въ это опредѣленіе и не забывайте, что только *вѣра* творитъ *дѣла*, отнюдь не знаніе и не истина,

Опредѣленіе — не новое. Съ самаго начала нашего вѣка возникло философское направленіе, поставившее себѣ задачей создать *позитивную религію*, Это именно и есть вѣра, не противорѣчащая знанію. Направленіе увлекло первостепенные умы вѣка, создало рядъ блестящихъ философскихъ и философско-научныхъ построеній, и все-таки не пришло къ вожделѣнной пристани. Правда, позитивная религія создалась, но она не была вѣрой, основанной на наукѣ, она скорѣе выродилась въ соревновательницу католической церкви — съ догматами, культомъ и таинствами.

И вотъ мы отъ русскаго писателя-художника вновь слышимъ о вѣрѣ, не противорѣчащей истинѣ, даже больше, — о вѣрѣ, при всей своей научности, осуществляющей еще любовь.

Въ столь немногихъ словахъ и столько неразрѣшимыхъ задачъ и сокровенныхъ отъ вѣка изреченій!

Прежде всего—что есть истина? И притомъ истина, основанная на знаніи? Наука признаетъ одну истину въ предѣлахъ своего вѣдѣнія, именно: *истины* нѣтъ, а есть множество *истинъ*, за непреложность которыхъ не въ силахъ поручиться та же наука. Истина, неразрывная съ реальнымъ знаніемъ, значитъ: общій выводъ, несомнѣнный при *наличномъ* количествѣ данныхъ и при современномъ искусствѣ анализировать эти данныя. Одинъ вновь открытый фактъ можетъ погубить самую почтенную истину и превратить ее въ суевѣріе, предразсудокъ, невѣжественную ложь.

Представьте же, что съ такого рода истинами связана наша вѣра и наша любовь! Что можно вообразить печальнѣе положенія тѣхъ, кто становится предметомъ такой вѣры и любви? Имъ ежедневно грозитъ опасность быть развѣнчанными и подвергнуться тѣмъ болѣе стремительной ненависти, чѣмъ болѣе страстной была любовь, или, въ лучшемъ случаѣ, холодъ души и отчаяніе должны поразить вчерашняго рыцаря и пророка.

Намъ думается—нашему автору должна быть извѣстна эта психологія. У него есть очень обширный разсказъ, напечатанный въ журналѣ *Русская Мысль* и не включенный имъ въ отдѣльное изданіе *Очерковъ и разсказовъ*. Произведеніе носитъ любопытное и иносказательное названіе *Съ двухъ сторонъ* и имѣетъ въ виду представить преобразованія именно вѣры, основанной на знаніи, разумѣется научномъ.

Герой разсказа—юный студентъ, романтически-позитивнаго направленія, т. е. положительнаго въ національномъ русскомъ смыслѣ слова. У насъ вѣдь и нигилисты сумѣли явиться самыми мечтательными послѣдователями матеріалистической метафизики со всѣми признаками чисто-религіознаго фанатическаго прозелитизма. Герой, точнѣе жертва, «двухъ построеній», одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ представителей секты. Онъ говоритъ о себѣ: «Я взялъ у Бокля истину о мясѣ и картофелѣ и принялъ ее со всѣмъ жаромъ прозелита». Истину, чарующую своей простотой, видимой осязательностью, истину научную, но по существу самую романтическую, какую только можно представить въ мнимо-научномъ ореолѣ. Дальше герой признается: «Мысль есть выдѣленіе мозга, какъ жёлчь печени», Это казалось мнѣ и новымъ и геніальнымъ. Я видѣлъ въ этомъ безстрашно провозглашенную истину и съ ревностью прозелита готовъ былъ довести ее до логическихъ предѣловъ». И до такихъ предѣловъ истина дѣйствительно доводилась болѣе счастливыми прозелитами.

Нашего героя постигло несчастье. Истины онъ усвоилъ все чрезвычайно прозаическія и жестокія, а натура у него все время оставалась самая художественная и эстетическая. И очень кстати для наиболѣе яркаго освѣщенія религіи на почвѣ знанія. Именно идеалистическій строй нравственнаго мира превратилъ юношу изъ студента въ послѣдователя, изъ ученаго въ пророка,—и ближайшіе, дѣйствительно положительные, опыты показали, чего стоитъ подобный прозелитизмъ.

Юноша, одновременно съ простыми истинами изъ Бокля и Бюхнера, не замедлилъ создать себѣ культъ героизма, нарисовать въ своихъ мечтахъ образъ осуществителя этихъ истинъ и даже воплотить мечту въ лицѣ товарища студента. Но этотъ провиденціальный герой гибнетъ весьма жалко отъ несчастной любви, и нашему мечтателю приходится видѣть не самую катастрофу, а ея слѣды—именно мозгъ раздавленнаго поѣздомъ.

Казалось бы, что̀ здѣсь особенно потрясающаго, тѣмъ болѣе для такого положительнаго мыслителя! Для него и самая мысль нѣчто вродѣ желчи,—что̀ же смущаться видомъ мозга! Сцѣпленіе матеріальныхъ частицъ—больше ничего. Но оказывается, истины, столь простыя теоретически и неотразимо увлекательныя на страницахъ книги, не выдерживаютъ перваго болѣе или менѣе серьезнаго столкновенія съ жизнью. И тогда кажется, ужъ лучше бы совсѣмъ прозелитъ не исповѣдывалъ никакихъ истинъ и не питалъ никакой любви. Такъ глубоко его отчаяніе и такъ мучительно и медлительно его возрожденіе. А часто и вовсѣ не бываетъ его: разбитый идеалистъ такъ и остается на всю жизнь орломъ съ перебитыми крыльями и жалко и немощно угнетаемый горькими чувствами и злобными мыслями доползаетъ до могилы заживо умершимъ человѣкомъ.

Героя «двухъ настроеній» къ жизни возвращаетъ любовь къ дѣвицѣ:

очень завидная участь, но отнюдь не героическая! Что же это за мыслитель и дѣятель, кому надо набираться разумнаго идеализма и практической энергіи на груди женщины? Весь разсказъ проникнутъ духомъ мелодрамы, очень растянутъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страдаетъ слишкомъ ухищреннымъ анализомъ, просто сочинительствомъ. И происходитъ это, повидимому, отъ нецѣлесообразныхъ усилій автора представить своего героя въ болѣе значительномъ свѣтѣ, чѣмъ онъ этого заслуживаетъ и, помимо состраданія, вызвать у читателя нѣчто похожее на уваженіе.

Напрасная трата добрыхъ чувствъ! Всякій идеализмъ самъ по себѣ вовсе не почтенное явленіе, такъ же какъ и подвигъ. Идеализмъ можетъ быть глупымъ, а подвигъ шальнымъ. Спасти человѣка отъ той и другой участи можетъ только осмысленная воля, жизненно-сильное содержаніе идеализма и жизненно-плодотворный смыслъ подвига. Иначе идеалистъ и подвижникъ могутъ попасть въ положеніе Герострата или мокрой курицы.

У нашего автора и на этотъ мотивъ имѣется произведеніе, вышедшее таковымъ опять противъ его воли. Это самый ранній его разсказъ, напечатанный въ іюльской книгѣ *Слова* въ 1879 году—*Эпизоды изъ жизни искателя.* Разсказъ даже не подписанъ полнымъ именемъ автора и не заслуживаетъ этого, но въ немъ есть нѣкоторыя *короленковскія* черты, прежде всего выборъ героя—«искателя».

Чего собственно ищетъ искатель — остается неизвѣстнымъ. Онъ— студентъ съ большими способностями, съ обширными книжными опытами и «съ массой впечатлѣній», по его словамъ. Онъ даже нарочно уѣзжаетъ въ деревню, чтобы разобраться на свободѣ съ своими идеями и чувствами.

Но на самомъ дѣлѣ—это громкая увертюра къ очень тихой оперѣ. Никакого выясненія идей не происходитъ: герой совершаетъ только весьма донъ-кихотское доброе дѣло, благородное, но ровно настолько же, по безпощадной ироніи «духа земли»,—идейно-ничтожное. Юноша спасаетъ отъ смерти нѣкоего пошлаго господина, намѣревавшагося покончить свое существованіе изъ-за сердечнаго вопроса. Такая ужъ судьба даровитыхъ русскихъ идеалистовъ! Или горячія слезы оскорбленной идеальной души или самоотверженіе во славу какого-нибудь мирнаго мѣщанина, ради процвѣтанія отечественной болотной тины! И въ то время, когда спасенные коптители неба благоденствуютъ съ соотвѣтственными дѣвицами и женами, искателю, говоритъ авторъ, «ужъ на роду написано обрѣтать слишкомъ часто то, чего совсѣмъ не искалъ».

Истинно трагическій приговоръ—*на роду написано!* Неужели авторъ желаетъ убѣдить насъ въ *фатальныхъ* несчастіяхъ своихъ искателей? Врядъ ли. Авторъ не фаталистъ и, повидимому, не былъ имъ и въ самомъ началѣ своего писательства. У него есть «восточная сказка»—

Необходимость—очень утѣшительнаго смысла. Необходимость опредѣляется такъ: «это божество признаетъ своими законами все то, что рѣшитъ намъ выборъ. Необходимость—не хозяинъ, а только будущій счетчикъ нашихъ движеній».

Это чрезвычайно рѣшительно сказано, и вопросъ о необходимости и нравственной свободѣ, разумѣется, по прежнему остается нерѣшеннымъ, и врядъ ли когда дождется удовлетворительнаго рѣшенія. И вполнѣ ясно, почему. Чтобы рѣшить въ пользу необходимости или свободы или точно распредѣлить ихъ значеніе въ человѣческой дѣятельности, надо владѣть основнымъ принципомъ естественной и психической жизни, умѣть примирить міровой законъ причинности съ нравственнымъ чувствомъ свободы, а это именно одна изъ задачъ, лежащихъ за предѣлами разума и знанія.

Но невозможность философскаго отвѣта на вопросъ не устраняетъ цѣлесообразности *практическихъ* рѣшеній, и такія рѣшенія даются въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, начиная съ религіознаго ученія о предопредѣленіи и благодати. Рѣшаетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, и нашъ авторъ, давая перевѣсъ свободѣ надъ необходимостью.

Мы присоединяемся къ этому рѣшенію, и приговоръ судьбы надъ «искателями» понимаемъ иносказательно, т. е. желаемъ искать основаній этого приговора въ природѣ и жизни самихъ приговоренныхъ.

Если русскій искатель обрѣтаетъ вовсе не то, чего онъ искалъ, возможны только два объясненія съ точки зрѣнія свободной человѣческой личности: или искатель намѣтилъ себѣ недостижимую цѣль, или не сумѣлъ отыскать ее, слѣдовательно, смыслъ судьбы заключается въ ограниченности разума или въ немощахъ воли, т. е. въ личныхъ несовершенствахъ искателя.

И мы это видимъ во-очію. Религія юныхъ матеріалистовъ, основанная на наукѣ,—чистѣйшая миѳологія и грубѣйшее суевѣріе. Уже въ сущности этой религіи заключаются непреодолимыя затрудненія—осуществить ея истины. Мало того. При полной послѣдовательности безполезна даже и самая мысль объ осуществленіи, такъ какъ матеріализмъ является самой естественной основой для фаталистическаго ученія, для догмата о необходимости.

Но оставимъ религію искателей: ея банкротство до такой степени безнадежно, что врядъ ли еще разъ человѣческій умъ попадетъ на старую дорогу. Можетъ быть, обанкрутилась только извѣстная отвлеченная система, а принципъ вѣры, не противорѣчащей знанію, самъ по себѣ неопровержимъ и, главное, нравственно и практически пріемлемъ.

Мы опять предъ вопросомъ громадной важности и такой же сложности. Ничего не можетъ быть увлекательнѣе идеи вѣровать въ то, что *провѣрено* анализомъ, любить то, что удостовѣрено знаніемъ. И на самомъ дѣлѣ нѣтъ, кажется, ни одной иллюзіи столь на видъ законной и даже правдоподобной и столь же въ дѣйствительности обманчивой.

Вѣровать—вѣдь это значитъ не только не сомнѣваться, но даже не предполагать возможности усомниться, если только вѣра зависитъ отъ знанія. Вѣровать—это значитъ дѣйствовать неуклонно, не знать нравственныхъ препятствій на пути дѣятельности, не испытывать раздумья въ моментъ дѣла если, опять повторяемъ, вѣра—результатъ анализа.

Но кто же и когда такъ вѣровалъ и дѣйствовалъ?

Въ художественной литературѣ существуетъ произведеніе, создавшее громадную философскую литературу, именно потому, что смыслъ его въ разрѣшеніи вопроса о зависимости вѣры отъ знанія. Среди безчисленныхъ объясненій гамлетовской драмы, существуетъ одно, по нашему мнѣнію, единственно вѣрное. Гамлетъ мучается въ бездѣйствіи именно потому, что не вѣритъ, а не вѣритъ потому, что достовѣрно не знаетъ,—не фактически, а нравственно, именно не знаетъ, справедлива ли будетъ его месть, обезпечена ли она отъ всякихъ возраженій съ точки зрѣнія высшаго человѣческаго разума?

Можно ли рѣшить подобный вопросъ *абсолютно?* Свойство человѣческаго анализа—его неограниченность, діалектическая безпредѣльность, и преимущественно въ вопросахъ нравственныхъ. Установите самое, повидимому, неопровержимое положеніе, мгновеніе спустя, уже возникаетъ его антитезисъ и такъ безъ конца. И это совершенно понятно. Мы не владѣемъ безусловной истиной ни въ какомъ отношеніи и Паскаль чрезвычайно мѣтко изобразилъ шаткость человѣческихъ нравственныхъ принциповъ: часто достаточно рѣки, чтобы жителей-сосѣдей непримиримо разъединить по вопросамъ нравственности: чтò на одномъ берегу считается подвигомъ, на другомъ покараютъ какъ преступленіе. Чтобы открыть предметы вѣры при помощи ума, надо *остановить* анализъ на какой-либо точкѣ, намѣренно или подъ вліяніемъ увлеченія, паѳоса, иначе умъ безъ конца будетъ анализировать и упразднитъ совершенно волю.

Но есть другой источникъ познанія истины—непосредственное чувство или совѣсть, когда сердце заступаетъ мѣсто разсудка. Это будетъ вѣра, основанная на любви, вѣра, какъ видимъ, несовершенная, такъ какъ уровень совѣсти всецѣло зависитъ отъ общаго духовнаго развитія человѣческой природы, и совѣсть рѣзко мѣняется въ прямой зависимости отъ культуры. Древнему іудею совѣсть не дала бы покоя, если бы онъ не истребилъ своего побѣжденнаго врага съ его дѣтьми и даже скотомъ, античному эллину та же совѣсть повелѣвала всѣхъ не эллиновъ считать *прирожденными* рабами, въ новое время и то и другое по крайней мѣрѣ теоретически, считается преступленіемъ и безуміемъ, слѣдовательно, совѣсть также не абсолютна, и чувство въ сущности тотъ же анализъ. Въ самомъ дѣлѣ, если умъ безъ конца можетъ *объяснять*, то чувство столь же неограниченно можетъ *сострадать* и, слѣдовательно, также парализировать энергію борьбы, т. е.

волю. Если анализъ можетъ довести до фатализма, къ чему и приходитъ Гамлетъ, то чувство способно внушить истину непротивленія злу; и въ томъ и въ другомъ случаѣ не будетъ вѣры, не будетъ жизненно-дѣятельнаго принципа, не будетъ самой личности, какъ явленія творческаго.

Таковы результаты, если послѣдовательно примѣнять исканіе вѣры, не противорѣчащей знанію, и любви, основанной на такой вѣрѣ.

И мы видѣли эти результаты на художественныхъ созданіяхъ нашего автора. Но неужели не существуетъ выхода изъ этой дилеммы? Неужели такъ и суждено идеалистамъ, взыскующимъ града, жалко гибнуть на пути и предоставить вѣру и самоотреченіе людямъ, завѣдомо враждебнымъ идеѣ и духовной истинѣ?

Если бы нашъ авторъ отвѣчалъ утвердительно, онъ поступилъ бы послѣдовательно какъ *художникъ*, авторъ разобранныхъ нами произведеній. Но какъ мыслитель, онъ *прервалъ* анализъ своего творческаго таланта и отвѣтилъ непослѣдовательно, но въ высшей степени краснорѣчиво. И эта непослѣдовательность—замѣчательнѣйшій фактъ не только въ писательской дѣятельности нашего автора, но и вообще въ исторіи русской общественной мысли.

Г. Короленко явился искреннѣйшимъ и наиболѣе глубокимъ выразителемъ одного изъ національныхъ моментовъ нашего самосознанія.

XVII.

Непослѣдовательный отвѣтъ нашего автора, всѣмъ извѣстенъ. Г. Короленко публицистъ вполнѣ опредѣленнаго направленія. Его статьи отличаются тремя рѣдкими въ публистикѣ достоинствами и особенно въ русской. Онѣ никогда не являются упражненіемъ полемическаго чистаго искусства, не блещутъ, можетъ быть и забавнымъ, но совершенно безплоднымъ уловленіемъ непріятельскихъ микроскопическихъ промаховъ, не изощряются въ словесномъ вольтижёрствѣ, не доказываютъ преимущественно фехтовальной ловкости полемиста и уже потомъ его освѣдомленности и добросовѣстности въ вопросѣ. Потомъ, полемика г-на Короленко всегда литературна въ самомъ высокомъ смыслѣ слова, она самый рѣдкій образчикъ джентльменства въ русской журналистикѣ. Эти качества далеко не всегда выгодны для полемиста. Читатель безпрестанно подвергается искушенію подпасть гипнозу громкаго голоса, самоувѣреннаго тона, нравственно-невмѣняемаго зубоскальства и совершенно безпредразсудочнаго обращенія съ фактами и личностями. Надо обладать большимъ личнымъ авторитетомъ и писательскимъ кредитомъ, чтобы остаться побѣдителемъ при помощи безукоризненно культурныхъ средствъ. Г. Короленко, очевидно, обладаетъ всѣмъ этимъ. Но у него имѣется и еще одно преимущество надъ разнузданной улицей,—его художественный талантъ.

Кто, напримѣръ, кромѣ г-на Короленко, могъ написать такую спокойную и въ то же время такую яркую статью о *русской дуэли въ послѣдніе годы?* Одна характеристика бреттёра способна, пожалуй, вызвать краску конфуза даже на лицѣ самаго наглаго представителя типа. И этой характеристикой мы обязаны автору-художнику. Дѣйствительнѣе всякихъ полемическихъ громовъ такое же художественное изображеніе удивительныхъ операцій, какія производила русская «патріотическая» печать съ болгарскими дѣятелями, въ зависимости отъ ихъ отношеній къ русскому оффиціальному міру. Наконецъ, какая скромная, но какая многогорящая картина одинокой дѣятельности провинціальнаго публициста! Ее авторъ набросалъ въ память поволжскаго литературнаго работника—Гацисскаго, но она опять-таки благодаря художественной силѣ автора вышла типичнымъ изображеніемъ замѣчательнаго явленія русской интеллигентной жизни.

Но особенно большую услугу оказалъ автору художественный талантъ въ его очеркахъ: *Въ голодный годъ* и *Самозванцы.*

Въ *Голодномъ годѣ* нѣкоторыя беллетристическія страницы, по идеѣ Бѣлинскаго, дѣйствительно могутъ быть поставлены рядомъ съ экономическимъ трактатомъ по богатству и ясности реальнаго содержанія. Картинность изображенія вполнѣ замѣняетъ краснорѣчіе цифръ. Таковъ разсказъ о чисто-русскомъ бунтѣ василевцевъ, о бунтѣ на колѣняхъ, поразительно жизненная встрѣча съ «лѣснымъ человѣкомъ», донесшимъ все патріархальное простодушіе и первобытную безпомощность отъ миѳическихъ временъ славянскаго племени до конца XIX-го вѣка, наконецъ, характернѣйшая сцена съ женщинами, усердно скрывающими свои голодныя страданія. Вообще, ни одинъ краснорѣчивѣйшій идиллическій народникъ не умѣетъ такъ просто и убѣдительно показать въ мужикѣ сознаніе человѣческаго и даже гражданскаго достоинства, доказательство, какъ глубоко и непоколебимо авторъ вѣритъ въ эту черту народной психологіи. Мужикъ, еще не потерявшій надежды быть «жителемъ», стыдится даже казаться нищимъ. Онъ и дѣтей своихъ не пуститъ попрошайничать, вообще обнаружитъ гораздо больше достоинства, чѣмъ можно подозрѣвать по его сѣрой приниженной внѣшности и по неизбывно страдальческой жизни.

Все это ложится подъ перо нашего автора съ удивительной непосредственностью и рельефностью, будто естественные контуры ярко освѣщенныхъ предметовъ. Иллюзія усиливается еще живымъ реализмомъ народной рѣчи, и вся книга является незамѣнимой лѣтописью не только тяжелой годины въ деревенской жизни, но и вообще, современныхъ культурныхъ и экономическихъ условій народнаго быта.

И все-таки самое любопытное для характеристики самого автора — заключеніе книги. Ему приходитъ на мысль вопросъ: какова же «мораль голоднаго года?» Вопросъ этотъ, разумѣется, возникаетъ рѣшительно у всякаго читателя, и всякій читатель несомнѣнно выводитъ

ту или другую мораль. Это неизбѣжное послѣдствіе всякаго правдиваго жизненнаго произведенія. Витай оно на какихъ угодно вершинахъ безстрастнаго художественнаго созерцанія, оно непремѣнно таитъ въ въ себѣ *смыслъ* созерцанія, не тенденцію, не преднамѣренное внушеніе, а просто преобладающее настроеніе, слѣдовательно и идею и мораль.

У автора «десятки и сотни моралей тѣснятся въ голову», и мы вѣримъ ему: матерьялъ книги дѣйствительно изобилуетъ смысломъ и что̀ ни страница, то готовый тезисъ для публицистическаго разсужденія.

Такъ и должно быть, и не этотъ фактъ замѣчателенъ. Для насъ поучительно, что наблюденія и впечатлѣнія подсказали автору «сотни моралей». На этотъ разъ онъ ихъ не развиваетъ, но, напримѣръ, въ очеркахъ *Современная самозванщина*, еще болѣе художественной хотя и фактической лѣтописи—мораль подчеркивается чрезвычайно настойчиво.

Художественность здѣсь не въ пейзажахъ и жанрахъ, а въ психологическомъ анализѣ, всецѣло направленномъ къ извѣстному моральному выводу. Объясненіе самозванщины нестерпимыми страданіями личности русскаго человѣка давно уже художественно раскрыто Гоголемъ въ судьбѣ Поприщина — Фердинанда VIII. Но только нашъ авторъ послѣ Гоголя умѣлъ такъ убѣдительно и просто опредѣлить громадное значеніе *обиды* въ жизни беззащитныхъ русскихъ людей. Достоевскаго называютъ поэтомъ униженныхъ и оскорбленныхъ, такъ кстати называется и одинъ изъ романовъ автора. Но убѣдительность, жизненная значительность писательства Достоевскаго въ сильнѣйшей степени понижается исключительностью мотивовъ его вдохновенія. Достоевскій психологъ *единицъ* и историкъ *событій*, поэтъ униковъ и любитель происшествій. Всякое его произведеніе—катастрофа и революція, очень глубоко обслѣдованныя, но не представляющія и не могущія представить болѣе или менѣе вѣрнаго освѣщенія нормальнаго хода жизни внѣшней и духовной. А между тѣмъ познаніе жизни и души отдѣльной личности и цѣлаго народа менѣе всего можетъ основываться на изученіи революціонныхъ моментовъ, когда у отдѣльнаго человѣка господствуютъ преимущественно атавистическіе инстинкты, а среди націи руководящая роль попадаетъ въ руки меньшинства, часто самаго тѣснаго, съ крайне узкимъ нравственнымъ міромъ.

Г. Короленко гораздо скромнѣе и цѣлесообразнѣе рисуетъ громадную власть униженій и оскорбленій, царящихъ надъ русской жизнью. Въ очеркѣ *По пути* мимоходомъ разсказано, какъ мальчикъ слуга, побитый мальчикомъ-барчукомъ, не могъ простить обиды и въ горѣ и въ тоскѣ одиночества ушелъ изъ дому. Герою этого факта кажется, что предъ нимъ въ лицѣ бродягъ такіе-же оскорбленные, грубымъ ударомъ вытолкнутые изъ среды людей и они теперь не въ состояніи избыть личной обиды, не въ силахъ сойтись съ другими не униженными и не обезличенными.

Эта мораль лежитъ и въ основѣ *Самозванщины*. Личность человѣка вопіетъ о возмездіи, о свѣтѣ и волѣ; «страшная горечь, жгучая боль попранной личности» доводитъ отверженцевъ общества до безумнаго опьяненія небывалымъ личнымъ величіемъ. Это крикъ отчаянія, роковая игра на счастье, увлекающая именно тѣхъ, кто все потерялъ— даже честь.

Мораль очевидна. Неустанное издѣвательство надъ человѣкомъ даже самаго кроткаго духа и самаго безправнаго положенія можетъ вызвать грозный протестъ. Смиреніе, очевидно, не входитъ въ число безусловно надежныхъ добродѣтелей русскаго народа, и авторъ даже прямо возстаетъ противъ «доктринерскихъ теорій о миссіи смиренія», присущей будто бы народу. И автору извѣстно, какъ единодушно поднимался русскій народъ въ рѣшительные моменты своего національнаго бытія, и извѣстно опять въ интересахъ морали — ясной, настойчивой превосходно доказываемой фактами. Наконецъ, авторъ отрицательно настроенъ и насчетъ «романтическихъ мечтаній о какомъ-то вѣщемъ словѣ, которое кроется гдѣ-то въ глубинѣ народной мудрости».

Повидимому, воззрѣнія ясныя, какъ дневной свѣтъ: защита личности и рѣшающей власти цивилизаціи. Хоровое народное начало, поглощающее личность, создающее «стремленіе къ равненію», естественныя достоинства народнаго сердца и ума вовсе не представляются идеальными самодовлѣющими силами. Они должны уступить мѣсто чему-то болѣе совершенному, и авторъ въ *Голодномъ годѣ* съ особенной рѣзкостью отмѣчаетъ рознь и разложеніе, глубоко проникающія современный крестьянскій міръ. Особенно краснорѣчивъ фактъ полной неудачи именно тѣхъ расчетовъ, какіе власть возлагаетъ на будто бы цѣльный патріархально-сплоченный строй крестьянской общины, напримѣръ, пользованіе круговой порукой, какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ, заставить деревню выполнять повинности. Очевидно, сама жизнь, стихійно, непреодолимо выдвигаетъ на сцену личностей, т. е. силу критическую, для вѣковыхъ стадныхъ основъ духовной и внѣшней жизни и оригинально-созидатетельную.

Создаетъ ли народъ такихъ личностей въ наше время?

Этотъ вопросъ, обращенный къ нашему автору, получаетъ смутные и какіе-то двусмысленные отвѣты. Если оставить въ сторонѣ оппозиціонныя сновидѣнія, въ родѣ сна Макара, самымъ сильнымъ представителемъ личнаго начала явится герой разсказа *За иконой* — Андрей Ивановичъ. Но его *личность* еще болѣе юмористическая, чѣмъ фигура Тюлина, даже забавная и вовсе не располагающая читателя къ серьезному взгляду на его «оппозицію».

Андрей Ивановичъ обыкновенно трудится съ утра до вечера, въ качествѣ сапожника, съ давальцами обращается очень почтительно. Но по временамъ имъ овладѣваетъ духъ возмущенія. Тогда онъ «снимаетъ хомутъ» и становится другимъ человѣкомъ. «Въ немъ,—поясняетъ

авторъ,—проявлялся строптивый демократизмъ и наклоность къ отрицанію. «Давальцевъ» онъ начиналъ разсматривать, какъ своихъ личныхъ враговъ, духовенство обвинялъ въ чревоугодіи, полицію въ томъ, что она слишкомъ величается предъ народомъ и, кромѣ того, у пьяныхъ, ночующихъ въ части, шаритъ по карманамъ (онъ это испыталъ горестнымъ опытомъ во время своего запивойства). Но больше всего доставалось купцамъ».

Легко представить, какой ничтожный авторитетъ моглю имѣть «отрицаніе» подобнаго демократа и моралиста! И притомъ отрицаніе еще ниже по своему качеству, чѣмъ вѣщіе сны Макара, потому что оно, повидимому, чаще всего совпадаетъ съ «запивойствомъ».

По общему смыслу—это весьма краснорѣчивый портретъ русскаго отрицателя, необыкновенно либеральнаго подъ вліяніемъ внѣшняго и менѣе всего *идеальнаго* вдохновенія и, конечно, отрицателя, крайне *неправоспособнаго* на истинно-гражданскій протестъ въ силу многочисленныхъ «хвостовъ» своей по человѣчеству слабой и даже мало благородной натуры. Все это вполнѣ въ порядкѣ вещей, когда вопросъ идетъ о весьма распространенномъ типѣ отечественнаго «либерала». Но вѣдь Андрей Ивановичъ не либералъ, не сочинитель застольныхъ гражданскихъ спичей, онъ просто сапожникъ и мѣщанинъ, даже, повидимому, вовсе не растленный городской цивилизаціей. Слѣдовательно, его слѣдуетъ считать *личностью* изъ народа, тѣмъ болѣе что онъ и споры ведетъ въ духѣ ереневскихъ богатырей, въ родѣ того, напримѣръ, какъ правильнѣе сказать—*во̀-плоти* или *во-плотѝ* Іисусъ Христосъ сошелъ на землю?..

Итакъ, русскій народъ не создаетъ независимыхъ жизнедѣятельныхъ міросозерцаній. Самое положительное критическое явленіе въ его средѣ искренняя богобоязненная борьба просыпающейся личной мысли съ завѣтами отцовъ, борьба, далекая отъ практическаго разрѣшенія и осуждающая личность скорѣе на созерцательную оторопь, чѣмъ на прямое вмѣшательство въ теченіе окружающей жизни. Нельзя, повидимому, ожидать, чтобы *городъ* просвѣтилъ на этотъ счетъ *деревню*. Мы знаемъ, какъ мѣтко, по свѣдѣніямъ автора, деревня умѣетъ отразить городской скептицизмъ насчетъ чудесъ. Это лучшіе деревенскіе люди, и городское невѣріе распространяетъ свою власть только на самыхъ легкомысленныхъ, вродѣ, напримѣръ, молодого парня въ разсказѣ *Щось буде*.

Заразился онъ скептицизмомъ весьма легко, будто пріобрѣлъ въ городской лавкѣ пиджакъ вмѣсто армяка. Всего одна поѣздка въ Одессу, и скептикъ готовъ, но скептицизмъ этотъ не выдерживаетъ перваго же испытанія и отрицатель «глупо» и «растерянно» становится на сторону суевѣрной деревни по поводу самыхъ темныхъ мужицкихъ суевѣрій.

Соедините всѣ эти данныя вмѣстѣ и попытайтесь сдѣлать общій выводъ. Онъ окажется *чисто-художественнымъ*, т. е. въ смыслѣ самаго чистаго искусства, свободнаго отъ всякихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ

на вопросы, даже непосредственно вытекающіе изъ литературныхъ произведеній. Авторъ стоитъ предъ многообразно волнующейся жизнью, онъ весь проникнутъ любовнымъ чувствомъ къ ея процессамъ, онъ откликается на тончайшіе переливы ея волнъ. Но видитъ ли онъ цѣль ихъ стремленія и готовъ ли онъ выразить сочувственное напутствіе какой-нибудь одной волнѣ? Мы, разумѣется, говоримъ не объ убѣжденіяхъ нашего писателя, какъ представителя общественной мысли; мы могли убѣдиться въ ихъ опредѣленности и практической энергіи. Роль г-на Короленка въ мултанскомъ дѣлѣ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ русской публицистики и онъ по достоинству будетъ оцѣненъ впослѣдствіи, когда историку ясно и открыто предстанутъ всѣ условія идейной неоффиціальной дѣятельности русскаго современнаго человѣка. Не можетъ быть сомнѣнія, что горячая защита вотяковъ, мнимыхъ виновниковъ въ человѣческомъ жертвоприношеніи, была подсказана г-ну Короленко его общимъ отношеніемъ къ народу, явилась частнымъ проявленіемъ его философско-общественнаго міросозерцанія. То же міросозерцаніе внушило автору и публицистическія рѣчи яркой, если угодно, направленской окраски. Противорѣчій нѣтъ между художникомъ и публицистомъ,—это личность одна, безъ всякихъ временныхъ преображеній и самоизмѣнъ. Но существуетъ разница въ настроеніяхъ, въ высотѣ тона—художественнаго разсказа г-на Короленко и его публицистической статьи. Разница до такой степени велика, что ее и въ самомъ дѣлѣ можно перетолковать какъ, съ одной стороны, смиреніе, съ другой—насильственная покорность внѣшнему теченію. Вдохновеніе художника, по своему паѳосу, не достигаетъ уровня идей публициста. Только одинъ разъ г. Короленко измѣнилъ мѣрному строю своего искусства,—въ *Слѣпомъ музыкантѣ*, измѣнилъ съ ясно-преднамѣренной цѣлью. Онъ создалъ цѣлый рядъ опытовъ для героя и героини своего разсказа, опытовъ отрывочныхъ, придуманныхъ, направленныхъ на желательный закалъ и просвѣщеніе юныхъ думъ. Исторія начинаетъ производить впечатлѣніе нравоучительнаго педагогическаго романа въ духѣ прошлаго вѣка. Эвелина должна выдержать соблазнъ шумнаго, юношескаго увлекательнаго будущаго на необозримой сценѣ общаго дѣла, слѣпой, долженъ перестать быть «тепличнымъ цвѣткомъ», дойти до мысли, что его слѣпота еще не послѣдній предѣлъ человѣческихъ бѣдствій, что на свѣтѣ есть и слѣпые и въ то же время нищіе и одинокіе люди, однимъ словомъ слѣпой долженъ утратить слишкомъ острое и эгоистическое сознаніе личнаго горя.

Это сознаніе осуждало его на бездѣйствіе, угнетало врожденную энергію. Благодаря встрѣчамъ съ слѣпыми нищими, оно исчезаетъ и слѣпой будетъ своимъ талантомъ напоминать счастливымъ о несчастныхъ...

Такова исторія, единственная въ разсказахъ нашего автора напоминающая наивный гражданскій мелодраматизмъ мелкихъ черезъ силу идейныхъ беллетристовъ. Она рѣшительно не удалась, не смотря на самыя благородныя намѣренія и авторъ къ счастью ни разу больше

не прибѣгалъ къ подобной горько-усладительной защитѣ «меньшаго брата».

И эта попытка осталась мимолетной. Въ самый горячій періодъ публицистической дѣятельности г. Короленко, какъ художникъ, не покидалъ своего обычнаго художественнаго жанра. И ничто не могло краснорѣчивѣе подтвердить постоянство автора, чѣмъ «картинка съ натуры» *Смиренные*.

XVIII.

Предъ читателемъ неограниченное царство *смиренія*, даже отъ пейзажа вѣетъ «смиреніемъ и покорностью», обитатели деревни смиренны до послѣдней степени, и иными они и быть не могутъ. Куда бы не обернулась ихъ тоскующая страдальческая дума, всюду ее встрѣчаетъ какая-то жестокая, противозаконная сила. И мученія тѣмъ невыносимѣе, что не знаешь, гдѣ первоисточникъ жестокостей и противозаконій. Виситъ надъ міромъ какая-то роковая тайна, будто *необходимость* зла и охватываетъ смиренныхъ людей нескончаемая цѣпь неправдъ и притѣсненій. Нестерпимо тяжело на сердцѣ униженнаго человѣка! Если бы онъ зналъ виновника своихъ золъ, онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы отвести душу если не въ борьбѣ, то въ надеждѣ на нее въ будущемъ, могъ бы найти и немалое удовлетвореніе всякаго немощнаго страдальца въ глухомъ но опредѣленномъ сознательномъ ропотѣ.

А здѣсь ничего!

Изъ поколѣнія въ поколѣніе прозябаетъ деревня среди мрака и лишеній и то и другое она привыкла считать столь же неотразимыми, какъ градобитіе, засуха, неурожай, моровое повѣтріе. Деревня не только безпомощна, но не имѣетъ даже и представленія о возможности получить откуда либо дѣйствительную помощь. У нея имѣются только *частныя* объясненія частныхъ явленій, общаго смысла своего бытія она даже не подозрѣваетъ: тяжко и безвыходно, вотъ и вся философія «смиренныхъ». Развѣ только, какъ ужъ самое послѣднее высшее нравственное объясненіе, мысль о «грѣхахъ тяжкихъ». Но она ровно ничего не объясняетъ и своей способностью успокоивать цѣлые милліоны людей свидѣтельствуетъ только о полномъ исчезновеніи энергическаго и сознательнаго отношенія къ фатальности деревенскихъ невзгодъ.

И авторъ понимаетъ значеніе покорныхъ мужицкихъ вздоховъ. Но онъ не останавливается на мужицкой растерянности. Онъ считаетъ это состояніе духа единственно возможнымъ при извѣстномъ порядкѣ вещей. Предъ нами мужики выведены только, какъ дѣйствующія лица для интеллигентной нравственной драмы. Жизнь ихъ наблюдаетъ литераторъ, повидимому,—человѣкъ бывалый и не изъ послѣднихъ осмысливателей фактовъ: онъ переутомившійся корреспондентъ нѣсколькихъ столичныхъ газетъ и на лонѣ природы его не покидаютъ безпокойныя общія мысли о частныхъ явленіяхъ.

Естественно,—онъ видитъ и негодуетъ. На его глазахъ—сумасшед-

шаго держать на цѣпи и ужъ, конечно, дѣло не обходится безъ мужицкаго средства лечить психическую болѣзнь. Литераторъ внѣ себя и въ страстномъ гражданскомъ гнѣвѣ устремляется на поиски за виноватымъ. Въ самое короткое время—литератору приходится укротить свое расходившееся сердце: виноватаго не оказывается! И сердобольный герой приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«Не виновата деревня, «міромъ» приковывавшая на цѣпь живого человѣка... Нельзя же допустить чтобы сумашедшій рубилъ людей топоромъ. Не виноваты бабы,—теперь онѣ представлялись Бухвостову мученицами, предъ подвигомъ которыхъ дрожь проходила у него по всему тѣлу,—вѣдь онѣ могли бы оставить Гараську въ старомъ корпусѣ (въ первобытной больницѣ гдѣ его истязали)... Не виноваты врачи: они все время толкуютъ земству о необходимости новыхъ затратъ. Не виновато земство—оно не можетъ взыскать своихъ недоимокъ, а нуждъ такъ много... Не виноваты ни эти поля, ни перелѣски, ни хлѣба, ни темный лѣсъ, съ одной стороны все ближе подступавшій къ его думѣ»...

Эти размышленія литератора — краснорѣчивѣйшая рѣчь, какая только была написана нашимъ авторомъ за самое послѣднее время. Болѣе точной и полной характеристики художественнаго міросозерцанія г-на Короленко нельзя и придумать. Какая неограниченная терпимость, какое универсальное состраданіе, настоящій пантеизмъ сердца! И мы теперь видимъ—неразрывную связь между народными личностями извѣстнаго нравственнаго склада и идеями самого автора. Эти личности, въ родѣ самой глубокой среди нихъ,—также *панкардисты*, философы, осердечивающіе всякое проявленіе жизни и чувствующіе смущеніе и страхъ—предъ необходимостью—поднять руку и прервать какой бы то ни было живой процессъ. Развѣ онъ самъ по себѣ виноватъ? Развѣ виновато чудовищное растеніе, истребляющее бабочекъ? Развѣ преступно одно изъ прекраснѣйшихъ морскихъ животныхъ, при малѣйшемъ прикосновеніи поражающее человѣческое тѣло нестерпимо жгучими ядовитыми ожогами? Все это жизнь и тайна жизни,— и во всякомъ явленіи для человѣческаго ума и чувства есть *двѣ стороны*.

Это прекрасно объяснено авторомъ уже давно, еще въ разсказѣ «*Съ двухъ сторонъ*». Тамъ описывается романтическое настроеніе затосковавшаго юноши, разбитаго въ своей научной вѣрѣ. Въ тоскѣ онъ пересталъ признавать даже красоту природы и при видѣ великолѣпнаго зимняго вечера, золотаго блеска и багрянца, началъ восклицать:

«Ложь, ложь и пустая блестящая иллюзія! Въ дѣйствительности нѣтъ ни этой красоты, ни этого золота, ни этого «багрянца»,—пустое и звонкое слово! Стоитъ подняться къ этой красивой мишурѣ, войти въ нее, и васъ окружитъ только холодный пронизывающій туманъ».

Отсюда романтикъ дѣлаетъ уничтожающее заключеніе и насчетъ жизни: если посмотрѣть на нее по настоящему,—она просто безсмысленная слякоть и мгла, безъ красоты, безъ свѣта, безъ тьмы, безъ цѣли и смысла...

Таково воззрѣніе разобиженнаго юноши. Авторъ несогласенъ и вноситъ слѣдующую поправку, вполнѣ совпадающую съ философей *смиренныхъ*. На вопросъ, гдѣ же полная истина?—онъ отвѣчаетъ: «Къ ней мы нѣсколько приблизимся, когда, мирно любуясь золотомъ, будемъ помнить, что то же золото для иныхъ является только туманомъ и холодомъ... И съ другой стороны—среди тумана сохранимъ въ душѣ свѣтъ и багрянецъ»...

Перенесите это настроеніе, этотъ взглядъ въ міръ нравственныхъ явленій, поставьте подобнаго художника въ необходимость произнести ясный и рѣшительный судъ надъ личностью или фактомъ,—вы создадите для него безвыходное положеніе. Мы не хотимъ сказать, чтобы вы заставили художника прибѣгнуть къ шаржу въ общей картинѣ и къ разсчитанной комбинаціи частностей. Судъ художника—не приговоръ публициста. Въ то время когда публицистическое сочувствіе или негодованіе является повелительнымъ разсудочнымъ выводомъ, чисто-логическимъ обобщеніемъ данныхъ фактовъ или умозаключеніемъ поставленнаго силлогизма,—судъ художника—непосредственное, патетическое воздѣйствіе его созданій на сердце и волю читателя. Чтобы вызвать у насъ вполнѣ опредѣленное отношеніе къ извѣстной дѣйствительности, художнику нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ морали или выводить какого-нибудь особаго героя въ роли выразителя авторскихъ воззрѣній. Художнику достаточно быть лично *патетически* настроеннымъ,—и этотъ паѳосъ неизбѣжно сообщится читателю на какой бы высотѣ объективнаго творчества ни стоялъ художникъ. У него будетъ *невидимый*, но неотразимо *ощущаемый* и воздѣйствующій добродѣтельный герой.

Для примѣра можно привести гоголевскую сатиру. Геніальный художникъ, какъ извѣстно, былъ въ высшей степени далекъ отъ точнаго *разсудочнаго* представленія о дѣйствительномъ идейномъ значеніи своей сатиры. Какъ *публицистъ*, Гоголь, сравнительно съ общественнымъ смысломъ своего *творчества*,—человѣкъ первобытный и старозавѣтный. *Мертвыя души* и *Ревизоръ*, какъ *всеобъемлющіе* преобразовательные факты русскаго общественнаго сознанія, для Гоголя - моралиста не существовали. И эта всеобъемлемость была вложена въ великія произведенія не разсудкомъ автора, а паѳосомъ. Просвѣтительный, безусловно ясный смыслъ былъ сообщенъ не при помощи лирическихъ отступленій: они скорѣе противорѣчили и во всякомъ случаѣ ограничивали этотъ смыслъ, чѣмъ выясняли его,—отвергъ также авторъ и «добродѣтельнаго человѣка»,—Стародума добраго стараго времени,—и все-таки у него оказался самый краснорѣчивый и настойчивый моралистъ,—*смѣхъ* автора. Гоголь именуетъ его восторженнымъ смѣхомъ: онъ излетаетъ изъ глубины *потрясенной* души, онъ, вызывая сочувственный себѣ откликъ, столь же непосредственный, лирическій, этимъ самымъ совершаетъ дѣло просвѣщенія и очищенія также потрясенной души человѣческой. Зачѣмъ тогда еще нравоучительныя поясненія и про-

повѣди! Вся природа человѣка взволнована въ пользу добра и противъ зла,—не умъ только, но именно *природа*, какъ чувство и воля. Она находится въ *патетическомъ* состояніи, въ томъ самомъ, какое внушилъ автору художественный но карающій смѣхъ.

Мы видимъ, до какой степени безцѣльны и прямо неосмысленны допросы съ пристрастіемъ, обращенные къ художникамъ на счетъ ихъ направленія, т. е. публицистическаго содержанія ихъ произведеній. Дѣло не въ направленіи, не въ тенденціи, а въ самой психологіи творчества. Оно, какъ сила художнику прирожденная, какъ власть стихійная и вдохновенная, само по себѣ есть уже направленіе. Оно полно внутренняго содержанія, непремѣнно жизненнаго, слѣдовательно, нравственнаго и общественнаго смысла, все равно—желаетъ ли *разсудочно* самъ авторъ вложить тотъ или другой смыслъ въ свое творчество. И если «направленія» нѣтъ или оно сбивчиво и не достаточно энергично, это порокъ не идейный, а творческій; это значитъ—самый талантъ художника страдаетъ какимъ-то недугомъ. Разъ этотъ талантъ дѣйствительно силенъ и глубокъ, онъ и изъ Гоголя-неуча и россійскаго обывателя создастъ громадную просвѣтительную умственную силу. А если самъ по себѣ талантъ нѣчто призрачное, взвинченное только благонамѣренной идеологіей, его хватитъ развѣ на чувствительныя нравоучительныя картинки, можетъ быть и очень тонко и разнообразно раскрашенныя, но по существу мертвыя и безароматныя, какъ даже самые художественные искусственные цвѣты. Онѣ, эти картинки, могутъ вызвать мимолетное впечатлѣніе, но для общественной мысли и литературнаго богатства онѣ такъ и останутся хламнымъ памятникомъ творческаго заблужденія и почтенныхъ, но безплодныхъ усилій добродѣтельнаго моралиста, по недоразумѣнію избравшаго оружіе художника.

Очевидно, дѣйствительно художественный талантъ не можетъ служить тьмѣ и злу опять не въ силу преднамѣреннаго направленія, а по своей естественной сущности. Зло и тьма лишены не только нравственнаго достоинства, но и вдохновляющей силы. Нормальный человѣкъ не можетъ искренне увлечься тѣмъ, что грозитъ страданіемъ человѣку, что насилуетъ и уродуетъ здоровую человѣческую природу, что становится препятствіемъ свободному развитію его духовныхъ прирожденныхъ силъ. Зло можно защищать только корыстно и тенденціозно, и поэтомъ зла можно быть только преднамѣренно или патологически. Ясно, художественный талантъ, не насилуемый извнѣ и не пораженный недугомъ, сила—органически жизненная, т. е. инстинктивно стремящаяся къ сохраненію, развитію и совершенствованію жизни. Въ переводѣ на публицистическій языкъ это значитъ: такой талантъ и при такихъ условіяхъ, всегда гуманенъ и прогрессивенъ.

Но этимъ не ограничивается необходимое содержаніе художественнаго дарованія. Прогрессивность и гуманность—сердце, чувствительная сторона таланта; должна быть еще другая—импульсивная, волевая, патетическая. Все равно какъ отвлеченная мысль, помимо логичности,

должна быть жизненно-содержательной, т. е. заключать въ себѣ побужденія къ самоосуществленію идеи, такъ и вдохновеніе художника, помимо свободнаго творческаго, слѣдовательно нравственно-положительнаго процесса, должно быть одушевлено *паѳосомъ*, невольнымъ восторгомъ, яркимъ чувствомъ, должно жить въ *потрясенной* и *взволнованной* душѣ. Этотъ паѳосъ будетъ вызванъ не разсудкомъ, не нарочито поставленной темой: онъ такой же органическій фактъ, какъ и само вдохновеніе. И онъ дѣйствительно является волей и личностью художника, а для общества онъ превращается въ исходную точку и идеальную цѣль *дѣятельности*. Такой именно смыслъ и имѣлъ художественный, но *восторженный* смѣхъ Гоголя.

Теперь припомните выводы, сдѣланные нами изъ произведеній г-на Короленко и примѣните только что высказанныя соображенія къ его личности не какъ публициста, а какъ художника,—должно получиться заключеніе въ высшей степени своеобразное, похожее на контрастъ нашимъ представленіямъ о Гоголѣ-художникѣ и о Гоголѣ-публицистѣ.

XIX.

Намъ нѣтъ необходимости настаивать на несомнѣнной истинѣ, до какой степени богаты содержаніемъ, самымъ жизненнымъ и глубокимъ, произведенія нашего автора. Среди современныхъ беллетристовъ г. Короленко—самый поучительный и благодарный авторъ, т. е. никто не въ состояніи вызвать у читателя такой сложный и разносторонній идейный процессъ, никто не является до такой степени suggestif *умственно-возбудительнымъ*, и немногочисленность и краткость разсказовъ и очерковъ автора выкупается ихъ идейно-вдохновляющей содержательностью. Мы могли убѣдиться въ этомъ даже на отдѣльныхъ частностяхъ, не только на цѣлыхъ произведеніяхъ, и въ этомъ фактѣ залогъ прочнаго и почетнаго мѣста г-на Короленка въ русской литературѣ.

Но мы видѣли также, все богатство содержанія неизмѣнно подчиняется особому настроенію автора, основанному на его непосредственномъ художественномъ міросозерцаніи. Мы назвали это міросозерцаніе *панкардизмомъ*, желая выразить представленіе о мірѣ какъ явленіи *осердеченномъ*. Мы могли убѣдиться,—этотъ процессъ *осердечиванія* совершается неуклонно во всѣхъ произведеніяхъ нашего автора, вплоть до новѣйшаго—*Смиренные* и приводитъ его неуклонно къ одному и тому же *двустороннему настроенію*. Мы теперь можемъ опредѣлить смыслъ этой *двусторонности*. Она вовсе не лже-христіанское смиреніе, не смута идейныхъ взглядовъ и убѣжденій, она—отсутствіе художественнаго паѳоса, особой творческой вдохновенной воли. Это *гамлетизмъ таланта*, *рефлексія творчества*, все равно какъ извѣстенъ гамлетизмъ мысли, рефлексія ума. И то и другое—великій недостатокъ человѣческой природы, но одинаково органическій и, если угодно, одинаково благородный.

Умственный гамлетизмъ—колебанія необыкновенно развитаго и въ

высшей степени освѣдомленнаго ума—рѣшать, что—истинно безусловно и что только кажется таковымъ. Творческій гамлетизмъ—растерянность поразительно чуткаго сердца и музыкальной натуры предъ вопросомъ, чему, какому жизненному явленію произнести уничтожающій приговоръ, гдѣ открыть первопричину зла и несовершенства? Мы видѣли—и мысль и чувство одинаково естественно могутъ привести человѣка къ двустороннему, т. е. въ сущности безвыходному сужденію объ истинѣ. И г. Короленко въ нашей литературѣ единственный представитель оригинальнѣйшаго гамлетизма и дисгармоніи. Безусловно направленскій публицистъ, т. е. поневолѣ «односторонній», не въ порицательномъ смыслѣ слова, онъ—«двусторонній» художникъ. Обыкновенно и у насъ и вообще во всякой другой литературѣ двусторонностью страдала публицистика даровитыхъ и даже геніальныхъ художниковъ, здѣсь же въ общественныхъ *убѣжденіяхъ* не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, но художественный паѳосъ представляется неограниченной *міровой* жалостью и разрѣшается въ безысходный вопль сострадающаго сердца: «Чей же именно грѣхъ? И что такое грѣхъ?»

Авторъ-публицистъ *знаетъ* отвѣты на эти вопросы. Онъ въ концѣ разсказа о *Смиренныхъ* прибавляетъ по поводу статьи литератора о невзгодахъ деревни: «Хотя никто въ частности не обвинялся, но обидѣлись очень многіе»... Это значитъ—грѣшники нашлись и въ нихъ заговорило невольное раздраженное сознаніе вины. Они несомнѣнно отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое грѣхъ и чей онъ конечно, хотя могли какъ угодно объяснять свои *личныя* прегрѣшенія и противоставлять свои добродѣтели.

Г. Короленко, какъ публицистъ, сумѣлъ бы рѣшить эту тяжбу, но какъ художникъ, онъ все дѣло оставилъ подъ сомнѣніемъ, а самихъ грѣшниковъ развѣ только «въ подозрѣніи».

Такова, по нашему мнѣнію, сущность художественнаго дарованія нашего автора. Общество широко пользуется достоинствами таланта и не страдаетъ отъ его недостатковъ: они вполнѣ возмѣщаются публицистической дѣятельностью писателя. Но самъ писатель, несомнѣнно, является жертвой своеобразности своихъ творческихъ силъ. Отсутствіе паѳоса въ сильнѣйшей степени должно *обезпложивать* вдохновеніе, все равно какъ рефлексія мысли парализуетъ жизненный нервъ всей идейной работы. Патетическая душа художника то же что систематизирующій умъ и въ системѣ идей и въ паѳосѣ чувствъ заключаются одинаково могучія побужденія—*дѣйствовать*. И сравнительно малая производительность таланта г-на Короленко должна корениться, помимо всѣхъ другихъ внѣшнихъ причинъ, въ основномъ психологическомъ недостаткѣ художественной натуры.

Но мы видѣли, врядъ ли человѣку свойственъ болѣе почтенный и благородный недостатокъ, чѣмъ этотъ *панкардистическій гамлетизмъ*. Онъ только ярче освѣщаетъ *прочувствованность* личности и искренность художника. И онъ, мы знаемъ, роднитъ художника съ народ-

ной душой. Въ благороднѣйшихъ *личностяхъ* изъ народа мы встрѣтили ту же *двусторонность,* то же чувство невольной оторопи предъ рѣшительнымъ дѣятельнымъ чувствомъ ради одного какого либо теченія въ многообразномъ нескончаемо противорѣчивомъ процессѣ жизни. Эта оторопь — свидѣтельство истинно-философской глубины мысли и возвышенной совѣстливости всей человѣческой натуры, — но практически—она—*безсиліе,* лично-подвижническое но общественно-безразличное страданіе и фатальное подоощреніе злу и эгоизму издѣваться надъ глубиной, насиловать совѣстливость и устранять ихъ со своего *односторонняго* пути--во имя своихъ цѣлей. Очевидно,—панкардизмъ—только переходная ступень къ высшему строю нравственнаго міра, критическая полоса между «старой вѣрой» и болѣе совершеннымъ *творческимъ* идеализмомъ. И никто глубже нашего автора не проникъ въ психологію нашей національной *двусторонности*, никто *какъ художникъ*— не сумѣлъ освѣтить такъ ярко и воспроизвести такъ *исчерпывающе*— сложнѣйшаго явленія народной и культурной психологіи. У г. Короленко творчество—истинный актъ общественнаго самосознанія, тѣмъ болѣе убѣдительный и даже трогательный, что онъ въ тоже время личная исповѣдь художника. Она не говоритъ намъ послѣдняго вдохновляющаго слова, она тоже не нашла своихъ паролей и лозунговъ, но это потому что ихъ нѣтъ еще въ самой жизни русскаго народа, а она -- правдивѣйшій отголосокъ этой жизни и раздѣляетъ вмѣстѣ съ ней—всю муку сомнѣній, невольной нерѣшительности, повременамъ непреодолимаго бездѣйствія, будто истощенія творческихъ силъ и идеальныхъ задачъ. Но это—истома и броженіе могучаго организма, пока еще не обрѣвшаго всей *воли*, равносильной богатству его *идей* не успѣвшаго подчинить весь убытокъ своихъ чувствъ единому стройному патетическому побужденію...

Мы не исчерпали всѣхъ достоинствъ произведеній г-на Короленко. Мы желали ограничиться только общимъ смысломъ ихъ содержанія, попутно отмѣчая ихъ высокую художественность. Но и эта цѣль привела насъ къ убѣжденію, какъ высоко стоитъ нашъ авторъ въ ряду *идейныхъ* художниковъ нашей литературы—онъ такой спокойный творческій талантъ, такой терпимый осмысливатель жизни! Какая краснорѣчивая защита искусства, какъ нравственной силы и какое завидное право не на современную беллетристическую популярность, а на историческое литературное имя!

Ив. Ивановъ.

ОСВОБОДИЛАСЬ.

Повѣсть.

I.

У присяжнаго повѣреннаго Быховцева собирались по воскресеньямъ. Это были очень скучные журъ-фиксы, безъ картъ, но всѣ считали нужнымъ хоть разъ въ мѣсяцъ побывать у радушнаго хозяина, который такъ дорожилъ своей популярностью.

Хозяйка сидѣла уже за третьимъ самоваромъ и всѣмъ улыбалась усталой улыбкой.

Знакомые, разбившись парами, заняли углы и вяло вели разговоры въ одиночку. Хозяинъ въ кабинетѣ занималъ двухъ почетныхъ гостей,—профессора и богатаго помѣщика изъ Смоленской губерніи. Слышались фразы о хлѣбныхъ цѣнахъ, о трудности вести хозяйство въ наши дни, объ экономической статьѣ, надѣлавшей немало шума. Помѣщикъ громко и сердясь доказывалъ профессору, что урожай въ Россіи прямо нежелателенъ, что помѣщику остается только зубы класть на полку при паденіи хлѣбныхъ цѣнъ.

— Вы можете не горевать,—возразилъ профессоръ съ саркастической усмѣшкой.—Слухи отовсюду тревожные. Ждутъ недорода...

За столомъ, возлѣ хозяйки, гости, чтобъ убить время, усердно пили чай и жевали печенье.

Какая-то полная барыня громко негодовала на поборы попечительствъ. Дня не проходитъ, чтобъ вамъ не всучили билета въ чью-нибудь пользу. Просто хоть на люди не показывайся.

Многіе подавляли зѣвки. Было скучно и жарко.

— Ахъ!.. И чего они копаются?..—про себя досадовала хозяйка.—„Ужъ пора ужинать“...

Послѣ одиннадцати звонки стали раздаваться чаще. Это возвращались изъ театра Парадизъ, гдѣ гастролировала знаменитая парижская артистка Режанъ.

Общество слегка встрепенулось.

— Ну что?—спрашивала хозяйка.

— Удивительно!—отвѣчалъ гость и дословно повторялъ мнѣніе рецензента той газеты, которую выписывалъ.

Новой темѣ обрадовались и напали на нее съ яростью. Сравнивали Режанъ съ Дузе, съ Ермоловой и т. д. Дамы заволновались. Каждая отстаивала свою любимицу и свою точку зрѣнія на искусство. Съ свойственной дамамъ несдержанностью черезъ десять минутъ онѣ уже сумѣли обострить споръ.

Хозяйка улыбалась за самоваромъ и облегченно вздыхала. „Наконецъ-то!.. разговорились... И что это Прокофьевъ такъ запоздалъ?..“

По правую руку отъ хозяйки, на почетномъ мѣстѣ, сидѣла женщина лѣтъ тридцати пяти. Она была маленькая, худенькая, съ лицомъ гувернантки, блѣднымъ и увядшимъ. Она два часа сидѣла у стола и очевидно утомилась. Темные глаза глядѣли печально, но иногда въ нихъ вспыхивалъ огонекъ насмѣшки, тонкія ноздри вздрагивали и лицо это молодѣло.

На ней было черное шерстяное платье, дорогое и тяжелое, съ модной отдѣлкой изъ стекляруса. Все это на ней казалось надѣтымъ съ чужого плеча. Бываютъ такія фигуры и лица, къ которымъ совсѣмъ не идетъ богатство.

Звали ее Лизаветой Николаевной Мельгуновой.

Она лѣниво допила вторую чашку.

— Хотите еще?—предложила хозяйка.

— Нѣтъ... благодарю васъ!

Быховцева оживленно поднялась и крикнула прислугѣ, чтобъ убирали самоваръ.

„И зачѣмъ я здѣсь сижу и скучаю весь вечеръ“? - думала Лизавета Николаевна.—„По желанью мужа, которому надо поддерживать связи... Какая глупость!.. А онъ, конечно, у своей Анны Васильевны“...

Вошелъ студентъ, красивый, бѣлокурый, съ розовыми отъ мороза щеками, и отправился прямо къ столу, гдѣ хозяйничала Быховцева.

— Вы изъ попечительства? — спросила она. — Ну что новенькаго?

Онъ досадливо сдвинулъ темныя брови и сдѣлалъ рукой жестъ нетерпѣнья.

— Все та же пѣсня... Нѣтъ денегъ... а потому студенты должны ходить по домамъ и собирать подачки... Знаете? Я ужасно волновался... Эдакое нахальство у нашего предсѣдателя... „Въ виду —говоритъ—того, что многіе студенты находятъ это для себя обременительнымъ, я предложилъ бы возложить эти обязанности на бѣдныхъ студентовъ за извѣстное вознагражденье“? Я тутъ всталъ и говорю ему...

— Позвольте васъ познакомить,—перебила хозяйка.—Нашъ репетиторъ Алексѣй Иванычъ Клименко... Лизавета Николаевна Мельгунова...

Дочки Быховцевыхъ, румяныя хохотушки, усѣвшіяся съ молодежью въ другой комнатѣ, встрѣтили студента веселымъ смѣхомъ.

— Здравствуйте „непримиримый!..“ кричали гостю барышни и курсистки.

— „Какая у него славная кличка“!.. подумала Мельгунова.

Сѣли, наконецъ, за ужинъ. Хозяйка улыбалась, предвкушая давно желанное объединенье и обмѣнъ мыслей.

Въ передней оглушительно задребезжалъ звонокъ. Многіе вздрогнули.

— Это Прокофьевъ, — радостно сообщила хозяйка въ пространство.

— „Гвоздь вечера, — сказалъ на̀-ухо одинъ господинъ другому.

Всѣ съ ожиданьемъ оглянулись на дверь.

Вошелъ Прокофьевъ, плѣшивый толстякъ, съ сѣдѣющей бородой, съ лицомъ скорѣе коммерсанта, чѣмъ извѣстнаго адвоката. Его усадили рядомъ съ хозяйкой, по другую сторону стола.

— Позвольте васъ представить... г. Прокофьевъ... Лизавета Николаевна Мельгунова... жена нашего извѣстнаго хирурга...

Иронія сверкнула на мгновенье въ темныхъ глазахъ Мельгуновой.

„Ага!.. Вотъ она!..—про себя отмѣтилъ Прокофьевъ. — Совсѣмъ незамѣтна и ужъ не молода...—Неудивительно, что нашъ милѣйшій Павелъ Васильичъ жуируетъ на сторонѣ„.

Прокофьевъ тотчасъ овладѣлъ разговоромъ.

Аппетитно жуя осетрину и блистая глазами на розовыя личики притихшихъ курсистокъ, онъ говорилъ не спѣша, взвѣшивая каждое слово, какъ человѣкъ, привыкшій, чтобъ его слушали.

Его спросили о Режанъ.

— „Не скажетъ-ли онъ чего-нибудь оригинальнаго“?.. заинтересовалась Лизавета Николаевна...

Но съ первыхъ словъ ей пришлось разочароваться.—„Опять изъ своей газеты“,—со скукой подумала она. На-дняхъ, интересуясь узнать, что скажетъ о заѣзжей знаменитости наша убогая критика, Мельгунова проглядѣла всѣ отзывы. Характернѣе всего было мнѣніе одной консервативной газеты по поводу Ибсеновской „Норы“, гдѣ расточались похвалы ея „честному, любящему мужу“...

Прокофьевъ, дословно цитируя этотъ фельетонъ, доказывалъ что Режанъ „удивительно своеобразно освѣщаетъ типъ героини“. Нора въ ея игрѣ—это дегенеративный субъектъ, легкомысленный до мозга костей. Легкомысліе именно заставляетъ ее совершать

подлогъ. Оно же толкаетъ ее бросить мужа, когда подлогъ открытъ и мужъ кидаетъ ей въ лицо заслуженный упрекъ.

Прокофьеву налили вторую рюмку настойки; онъ чокнулся съ хозяиномъ и продолжалъ, возбужденно улыбаясь.

— Вы понимаете ли? Вѣдь это совсѣмъ—совсѣмъ новое толкованье. Только теперь мнѣ становится яснымъ этотъ ничѣмъ не мотивированный уходъ Норы отъ любящаго, честнаго мужа.

Онъ залпомъ выпилъ водку и крякнулъ.

Пока Прокофьевъ занялся пикулями и сморщился, прожевывая какой-то ядовитый стручокъ, настала маленькая пауза.

И среди тишины вдругъ раздался глубокій грудной голосъ Мельгуновой.

— Выходитъ такъ, что ни вы, ни тотъ фельетонистъ, статью котораго вы цитируете, не поняли совсѣмъ ни типа Норы, ни авторскаго замысла. Что Режанъ не поняла, позвольте вамъ не повѣрить...

За столомъ произошло движенье.

— Что такое?

Прокофьевъ всѣмъ корпусомъ повернулся къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Стулъ затрещалъ подъ тяжестью его тѣла при этомъ рѣзкомъ поворотѣ.

— „Ай да барынька!..“—подумалъ Клименко и съ интересомъ прищурился на блѣдное, худенькое лицо Мельгуновой.

Прокофьевъ былъ видимо озадаченъ такимъ неожиданнымъ, а главное, дерзкимъ нападеніемъ.

— Но позвольте... Самъ Ибсенъ одобрилъ эту игру... Согласитесь, разъ авторъ...

— Pardon! Позвольте вамъ напомнить письмо самой Режанъ къ нѣмецкому критику Теодору Вольфу...

— Письмо ея?..

— Да... Оно было напечатано и, между прочимъ, она такъ говоритъ о Норѣ: „Десять лѣтъ она любила нѣжно и преданно мужа, и вдругъ — катастрофа. Вмѣсто прекрасной, безсмертной души у него оказалась буржуазная душонка, умѣющая думать только о собственной дрянненькой личности. Какое страданіе! Вотъ чѣмъ Нора безсмертна“... Таковъ, насколько помнится, смыслъ ея отзыва... Наврядъ ли, понимая такъ проникновенно героиню, артистка могла сыграть ее плохо...

Прококофьевъ пересталъ жевать, бросилъ салфетку и яро, какъ левъ, кинулся въ споръ. Онъ отстаивалъ „новую“ точку зрѣнія, называлъ Нору истеричкой, не понимающей своихъ обязанностей передъ семьей...

— А передъ собой обязанности вы признаете? — спросила Мельгунова и глаза ея сверкнули.

Что-то дрогнуло вдругъ въ ея лицѣ и голосѣ и выдало ее. Въ страстности этой защиты, въ тонѣ, въ глазахъ Мельгуновой было слишкомъ много личнаго, затаеннаго страданья. „Она несчастна“...—понялъ Клименко и на секунду словно замеръ передъ этой яркой душевной драмой, неожиданно раскрывшейся передъ нимъ.

— Ахъ, эта пресловутая теорія индивидуализма!..—какъ-то жалобно весь сморщился Прокофьевъ.—Но дѣти?.. позвольте, барынька милая...—вы забываете о дѣтяхъ...

— Да! Какъ она смѣла ихъ бросить?.. крикнула пожилая дама, свирѣпо глядя на Мельгунову.—И куда она помчалась, позвольте васъ спросить? Это ночью-то? На улицу... безъ гроша денегъ?.. Есть ли тутъ здравый смыслъ, я васъ спрашиваю.

— Право, я тутъ ни причемъ,—улыбнулась Мельгунова и искорки юмора зажглись въ ея зрачкахъ.—Спросите объ этомъ автора.

Молодежь переглянулась съ улыбками. Дама обидѣлась.

— Такъ нельзя говорить! Вы смѣшками отвѣчаете...

— Pardon... Какъ же вы хотите, чтобъ я серьезно отвѣчала на такіе... наивные вопросы?

— „А вѣдь она злая“,—подумалъ Клименко. И ему это понравилось.

Онъ поднялся и протянулъ къ Елизаветѣ Николаевнѣ свой стаканъ съ виномъ.

— Позвольте чокнуться за вашу Нору.

Она вспыхнула и улыбнулась.

„Да она прямо интересна,—подумалъ Прокофьевъ.—И ой-ой какой бабецъ!.. Съ душкомъ и темпераментомъ... Какъ это я ее сразу не оцѣнилъ?..“

Въ глазахъ его загорѣлся огонекъ.

— Онъ тоже поднялся, чтобъ чокнуться съ Мельгуновой; за нимъ потянулись и другіе мужчины.

— „Странно, — думалъ студентъ, щурясь на ея нервное лицо,—вѣдь совсѣмъ—совсѣмъ другая женщина... не та, съ которой меня знакомили“...

Прокофьевъ тономъ ниже, но очень любезно продолжалъ развивать свои теоріи насчетъ кухни и дѣтской. Всѣ замѣтили, что онъ заинтересованъ, хозяйка ликовала. Но Лизавета Николаевна словно выдохлась. Лицо ея угасло сразу. Она или устала, или ей вдругъ стало безразлично, за кѣмъ останется послѣднее слово.

— Кто это? подъ шумокъ спросилъ Клименко свою сосѣдку-курсистку.

— Жена знаменитости,—усмѣхнулась она.

— Ахъ, она замѣчательная женщина!—вмѣшалась другая кур-

систка. Въ нашемъ попечительствѣ она первая работница. Надѣнетъ старую шубку и пойдетъ въ обходъ. Ни заразъ не боится, ничего. Въ прошломъ году денегъ не было столовую открыть,—она устроила концертъ! Двѣ тысячи сбору далъ. А воскресная школа у нея какъ идетъ!

— Да это что?—подхватила ея сосѣдка. Она сама уроки пѣнія и музыки даетъ въ частной гимназіи Панафидиной.

Клименко отодвинулся.

— Какъ уроки? За деньги?

— Ну, да... Сына сама въ гимназію подготовила... Латынь изучила. И шьетъ, говорятъ, на себя... Словомъ, на всѣ руки,—засмѣялась курсистка, ласково взглянула на Мельгунову и встрѣтила ея пытливый вспыхнувшій взглядъ.

Красивое лицо Клименки стало сразу холоднымъ, почти суровымъ. Онъ жестко посмотрѣлъ на Мельгунову, быстро опустившую рѣсницы, и отвернулся.

— Вотъ это самостоятельность, настоящая!—сказала другая курсистка подъ звонъ посуды, подъ шумъ разомъ возникшихъ повсюду разговоровъ.

— Самостоятельность!—Глаза Клименки злобно сверкнули.—Я называю это подлостью,—заявилъ онъ сдержанно, спокойно, съ виду. Но странно было слышать его мягкій, нѣжный голосъ южанина, произносившій такія жесткія слова.

Всѣ барышни всплеснули руками.

— Собственно говоря... какъ понимаете вы женскій вопросъ?—спросилъ онъ, пощипывая русый пухъ, вившійся на его подбородкѣ.—Развѣ, по вашему, онъ не вопросъ голодныхъ и одинокихъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ кормильцевъ, и которыя требуютъ себѣ труда?..

Курсистка сердито сощурилась на Клименко.

— Неужто, по вашему, только нужда и голодъ двигаютъ этотъ вопросъ?

— Да... Какъ и весь прогрессъ...

— А по моему всего важнѣе идеи: идеологи, и десятокъ такихъ, какъ Мельгунова, стоятъ дороже тысячи вашихъ голодныхъ, которымъ чужды всякія „идеи“, а нуженъ только хлѣбъ...

— Позвольте,—сдержанно перебилъ Клименко, не повышая голоса.—Вы забываете главное: идеѣ предшествуютъ матеріальные факты... Она сама родится изъ фактовъ, а не рождаетъ ихъ...

— По вашему выходитъ, что какъ вышла замужъ, такъ и отходи въ сторону,—вмѣшалась сосѣдка,—какъ отверженныя!..

Клименко сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ своей небольшой, почти женской, изящной рукой.

— Повѣрьте, что выходя на трудовой рынокъ изъ прихоти

или моды, замужнія женщины только сбиваютъ заработную плату, и безъ того низкую и только отодвигаютъ рѣшеніе женскаго вопроса въ желательномъ смыслѣ... И если всѣ сытыя начнутъ у голодныхъ отнимать послѣднее, какъ ваша Мельгунова...

Въ комнатѣ случайно стихли разомъ. Внесли сладкій пирогъ, который, какъ волшебствомъ, прекратилъ разговоры. И среди этой неожиданной тишины нервный голосъ Клименко, его жесткія слова раздались громко, какъ ударъ бича.

Курсистка тихо ахнула. Студентъ смолкъ, покраснѣвъ, какъ дѣвушка, и растерянно оглянулся:

Неужто она слышала?

Да. Это было видно по ея разомъ поблѣднѣвшему лицу.

Послѣ ужина многіе тотчасъ же стали разъѣзжаться. Нѣкоторые уходили потихоньку, не прощаясь съ хозяевами, чтобъ не пожимать десятка чужихъ, ненужныхъ рукъ.

Молодежь, столпившись у піанино, стала пѣть хоромъ.

Клименко, пользуясь суматохой, вышелъ въ переднюю и искалъ свое жиденькое пальто на загроможденной вѣшалкѣ.

— „Славу Богу!.. Тутъ!.. Вотъ еслибъ теперь разыскать калоши!.. А!.. вотъ и онѣ... Хуже моихъ здѣсь навѣрно ни у кого не найдется“...

Онъ влѣзъ въ калоши, поднялъ голову и замеръ. Передъ нимъ стояла Лизавета Николаевна, запахиваясь въ ротонду. Она въ упоръ глядѣла на студента и въ чертахъ ея нервнаго лица ясно читалось выраженіе затаенной боли. Губы ея легко вздрагивали.

— Не можете ли вы проводить меня до извозчика?

Въ ея красивомъ звенящемъ голосѣ была сила. Она не заискивала, а приказывала. Клименко весь съежился и почтительно наклонилъ голову. Хозяйка у дверей расцѣловала гостью.

— Прощайте, моя душечка!.. Спасибо вамъ!.. Вы таки оживили вечеръ... Прокофьевъ совсѣмъ заинтересованъ...

Ночь была синяя, лунная. Легкій морозъ пріятно покалывалъ кожу.

Нѣсколько шаговъ Мельгунова прошла молча. Потомъ остановилась и прямо взглянула въ смущенное лицо спутника.

— Я слышала вашъ разговоръ... Весь... отъ слова до слова.

Изъ голубыхъ глазъ Клименко вдругъ выглянулъ фанатикъ безпощадный и упорный. Онъ хотѣлъ заговорить, но она, рѣзко перебила его:

— Почему подлость? Я ничего не понимаю... И потомъ эта странная манера осуждать съ плеча, не взвѣсивъ, не понявъ, не узнавъ причины. Безпощадная логика... дѣтей.

Она чуть не сказала—мальчишекъ.

Голосъ ея вздрагивалъ. Какъ въ ту минуту, когда она гово-

рила о Норѣ, отъ нея вѣяло какой-то сдержанной страстностью, какой-то скрытой силой. Что-то задѣло ее заживо и словно разбудило.

Бываютъ такія лица. Взгляните на нихъ въ минуты сна или инертнаго состоянія — вы пройдете мимо и забудете... Въ нихъ нѣтъ оригинальности, нѣтъ жизни и красоты... Но вотъ на такомъ лицѣ блеснула улыбка, дрогнула страсть... вотъ оно озарилось внутренней работой мысли, и вы съ удивленьемъ спрашиваете себя: неужели это тотъ самый человѣкъ? Да какъ же я не замѣчалъ его раньше?

У Лизаветы Николаевны было именно такое лицо.

Она не шла, а почти бѣжала. Гулко звучали ихъ шаги по тротуару. На углу чернѣлъ силуэтъ извощичьей лошади.

— Мнѣ надо съ вами говорить. Вы меня такъ сразили. Завтра мы должны встрѣтиться, и вы объясните мнѣ... Но гдѣ?..

Она задумалась на мгновенье. Когда она подняла глаза вверхъ, въ зрачкахъ ея блеснулъ синій свѣтъ луны.

„Какъ она молода еще и интересна!..—съ удивленіемъ замѣтилъ Клименко.—Или это лунное освѣщеніе придаетъ ей такую странную прелесть?.. Мнѣ положительно нравится такое лицо"...

— Наймете, сударыня?.. — спросилъ извозчикъ, похлопывая рукавицами.

Она бѣгло взглянула на его обвѣтренное старое лицо и назвала улицу.

— Я завтра свободна все утро. Но у меня это невозможно...

— Пожалуйте,—сказалъ извозчикъ, слѣзъ, кряхтя откинулъ полость и похлопалъ по сидѣнью, стряхивая съ него сухую снѣжную пыль.

Мельгунова сѣла.

— Я живу (онъ назвалъ адресъ)... Если вы ничего не имѣете противъ... я бы попросилъ васъ ко мнѣ... Я познакомлю васъ съ моей хозяйкой... у которой я живу. Это порядочная особа... вполнѣ...

Она сосредоточенно соображала что-то. Брови ея сдвинулись. За минуту нѣжное и, казалось, юное лицо было теперь рѣшительнымъ, почти суровымъ.

— Хорошо... Я приду... Въ которомъ?

— Я могу и не идти на лекціи... Въ десять... Вамъ это рано?

— Нѣтъ. Я встаю въ семь... Хорошо... Въ десять. До свиданья...

Она холодно кивнула ему головой, не только при этомъ не подала руки, но еще какъ-то плотнѣе прижала ихъ къ груди, кутаясь въ ротонду.

Сани тихо завизжали и тронулись. Клименко шелъ, глядя

вслѣдъ, замедленнымъ шагомъ. Онъ все ждалъ, не обернется ли она на поворотѣ въ другую улицу?

Но она не оглянулась.

Сани скрылись. Длинная улица была пуста.

„Зачѣмъ я оскорбилъ ее?—подумалъ Клименко съ болью въ душѣ. Она такая... особенная и навѣрно хорошій человѣкъ... Но я не могъ поступить иначе... не могъ..."

Онъ шелъ домой,—и прекрасная ночь казалась теперь такой холодной...

II.

Въ большой столовой, освѣщенной яркимъ зимнимъ солнцемъ, было холодно. Печи затопили только недавно. Вся обстановка была солидная, въ строго выдержанномъ стилѣ. Дубовый буфетъ, дубовый огромный столъ, такіе же стулья, тяжелые, съ высокими рѣзными спинками.

За столомъ, облокотившись и подперевъ рукою голову, сидѣла Лизавета Николаевна. Передъ ней на спиртовкѣ кипѣлъ кофе въ оригинальномъ новомъ кофейникѣ. На англійскихъ тяжелыхъ тарелкахъ, съ замысловатымъ узоромъ, была холодная закуска. Синяго стекла съ золотомъ графинчикъ баккара съ коньякомъ fine champagne, весело сверкалъ подъ брызгами солнечныхъ лучей, заливавшихъ весь столъ.

На хозяйкѣ былъ темный бумазейный капотъ, съ кушакомъ и чернымъ узкимъ кружевомъ у шеи. Въ этомъ скромномъ туалетѣ Мельгунова опять-таки была похожа скорѣй на гувернантку, чѣмъ на хозяйку богатаго дома. И вся ея фигурка удивительно не подходила къ этимъ дорогимъ рѣзнымъ буфетамъ, къ заграничному фаянсу и высокому лѣпному потолку. Она казалась еще меньше, еще незамѣтнѣе, чѣмъ въ салонѣ Быховцевыхъ. Точно вошла сюда съ улицы и заняла чужое мѣсто.

Лицо ея было совсѣмъ сѣрое въ этомъ безпощадномъ солнечномъ освѣщеніи. Темныя кольца вокругъ глазъ говорили о безсонной ночи, о серьезномъ нравственномъ страданьѣ. Она заснула въ четыре, а въ семь, какъ всегда, была на ногахъ. Она вышла съ кухаркой на рынокъ, накинувъ старую шубку, съ барашковымъ воротникомъ. Этой шубкѣ шесть лѣтъ. Въ ней она ходитъ на уроки и на обходъ бѣдныхъ въ своемъ участкѣ во всякую погоду. Если шить новую, или даже перекрывать ее заново и подбавлять мѣху, который обтерся у всѣхъ швовъ, то придется затратить всѣ пятьдесятъ рублей, ея мѣсячный заработокъ. А мать пишетъ, что ей къ Рождеству нужно рублей сто. Она тоже обносилась и брату надо помочь. Невѣстка родила неблагополучно, хвораетъ третій мѣсяцъ.

Андрей въ отчаяніи, весь кругомъ въ долгу. Отъ нея,—богатой дочери и сестры,—всѣ ждутъ денегъ, всѣ привыкли къ ея помощи и принимаютъ ее, какъ должное.

Когда Мельгунова возвращалась домой, горничная вносила самоваръ. Лизавета Николаевна поила Шуру чаемъ передъ его уходомъ въ гимназію. Гувернантокъ у нея никогда не было, она была противъ этого; да и Павелъ Васильевичъ не допустилъ бы. Шура—крѣпкій, краснощекій, красивый мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати,—портретъ отца—ѣлъ всегда много, съ аппетитомъ жевалъ ветчину своими крѣпкими зубами и односложно отвѣчалъ на разспросы матери.

Иногда, когда снаряжая его, она оглядывала его ранецъ,—не забыто ли что на нынче,—онъ обиженно говорилъ:

— Ну что ты, мама, право?.. Маленькій я, что ли? Развѣ забываю я что-нибудь?

На лѣстницѣ она глядѣла ему вслѣдъ, потомъ подходила къ окну и прильнувъ къ нему, слѣдила напряженнымъ взглядомъ за маленькой фигуркой, твердо, самоувѣренно шагавшей черезъ улицу.

„Здѣсь такой разъѣздъ, конка... Слава Богу!.. перешелъ на троттуаръ... Вонъ скрылся...“

Она отходила отъ окна съ опущенной головой, съ опущенными руками.

Она безумно любила сына. Онъ былъ ея первенецъ и единственный, который пережилъ остальныхъ трехъ ребятъ, въ раннемъ дѣтствѣ погибшихъ отъ дифтерита.

Она любила въ немъ свою юность, свое счастье въ прошломъ, которое давно изчезло, какъ исчезаютъ яркіе сны на зарѣ. Невольно, когда она глядѣла на этого черноброваго мальчика,—она вспоминала, что была любима, что сама была безумно-счастлива, вѣрила слѣпо, смѣло шла на трудъ и лишенья за великую радость быть вмѣстѣ.

Среди крушенья, безвозвратно поглотившаго всѣ ея сокровища и разрушившаго иллюзіи,—остался только этотъ мальчикъ, страстно любимый обоими.

Въ чувствѣ этомъ было что-то органическое, стихійное, почти болѣзненное. Лизавета Николаевна хорошо видѣла недостатки сына, съ огорченьемъ подмѣчала, какъ опредѣляются въ его натурѣ глубоко-антипатичныя для нея черты Павла Васильича: его практичность, скупость, какая-то разсудочная сухость души.

Отецъ былъ его идеаломъ. Уже въ дѣтствѣ, въ маленькомъ сердечкѣ Шуры проснулось какое-то безсознательное, органическое презрѣнье къ женщинѣ... Мать, нянька, сестры — всѣ были ниже его... Выростая, онъ тяготился страстной любовью матери и ея заботой. Съ каждымъ годомъ онъ какъ бы ускользалъ изъ ея рукъ все дальше.

Въ это утро Лизавета Николаевна уже вернулась съ рынка, снарядила и отпустила сына въ гимназію и теперь варила кофе для мужа. Это тоже входило въ кругъ ея обязанностей.

Былъ десятый часъ.

Она такъ задумалась, что не слыхала шаговъ Павла Васильича.

Онъ вошелъ изящный, свѣжій послѣ ванны, которую бралъ каждое утро, красивый, моложе своихъ сорока лѣтъ.

— Здравствуй, Лиза,—сказалъ онъ ласково и сѣлъ за столъ. Онъ очевидно былъ въ духѣ.

Она вздрогнула и слабо покраснѣла. Пока она суетилась, наливая кофе и намазывая тартинки масломъ, по его вкусу, она чувствовала, что онъ глядитъ на ея увядшее, измученное безсонной ночью лицо, на ея тоненькую фигурку, на ея старую блузу и дѣлаетъ въ умѣ невыгодныя для нея сравненья съ Анной Васильевной. Та такая пышная, эффектная женщина. Ей всего двадцать восемь лѣтъ.

Рука ея чуть-чуть дрожала, пока она рѣзала сыръ. Онъ крошился на длинной тарелочкѣ.

— Оставь, ты не умѣешь,—сказалъ мужъ спокойно.

Она положила новый, вчера купленный мужемъ ножикъ-серпъ, красивый и блестящій.

— Да, этимъ ножомъ совсѣмъ не умѣю.

Онъ взялъ въ руки этотъ ножикъ и озабоченно сталъ осматривать сталь.

„Слава Богу... Занялся...“—облегченно подумала Лизавета Николаевна.

За послѣдніе пять лѣтъ она совершенно отвыкла отъ мужа. Жизнь каждаго шла сама по себѣ. Отъ Анны Васильевны у Мельгунова было уже двое дѣтей. Лизавета Никоваевна это знала давно и была благодарна этой женщинѣ, что она избавила ее отъ всякой интимности съ этимъ чужимъ ей сейчасъ человѣкомъ.

Теперь все вошло въ колею. Мельгуновъ практикуетъ въ пріютѣ Анны Васильевны. Какъ помощница ея мужа, она принята въ домѣ Лизаветы Николаевны и всюду, гдѣ дорожатъ талантливымъ хирургомъ. Дѣти ихъ выдаются за чужихъ, отданныхъ будто бы „секретными“ въ пріютъ, на воспитанье. Приличія всѣ соблюдены. Буквально придраться не къ чему!.. Лизавета Николаевна раза два въ годъ, въ большіе праздники, отдаетъ визитъ акушеркѣ и цѣлуетъ щечки прелестныхъ ребятъ, безъ тѣни враждебности... За что? Развѣ такъ не въ сто разъ лучше для всѣхъ?

Павелъ Васильичъ безспорно умный человѣкъ, но у него есть слабости глупаго страуса, который, спрятавъ голову подъ крыло, воображаетъ, что его не видно, что онъ одурачилъ охотника. Счастливая своей свободой, она ни разу не намекнула ему

на акушерку за эти пять лѣтъ, и онъ, кажется, вообразилъ, что она ничего не знаетъ... Ну что же?.. Пусть! Хотя иногда такъ хорошо испугать намекомъ!.. Какъ онъ блѣднѣетъ и теряется!.. Вѣдь у него слабость—слыть за образцоваго семьянина... Но эти „боевыя“ минуты, какъ называла Лизавета Николаевича вспыхивающую въ ней иногда потребность къ задору и насмѣшкѣ, приходили все рѣже за послѣдній годъ... Она чувствовала себя здѣсь чужой ненужной и эта удручающая мысль отражалась въ ея манерахъ. Ей хотѣлось какъ-будто стать незамѣтной. Клименко здѣсь не узналъ бы ее. Это была совсѣмъ не та женщина, которая страстно говорила о Норѣ и покорила его своей душевной силой и оригинальностью.

Павелъ Васильичъ кончилъ осмотръ ножа и искусно нарѣзалъ тонкими ломтями ноздреватый сыръ, изъ котораго сочилась слеза.

— Видишь, Лиза?.. Вотъ какъ надо рѣзать!.. И пожалуйста обтирай его всякій разъ сама... не довѣряй прислугѣ... сталь быстро портится...

Исворки юмора сверкнули въ глазахъ Лизаветы Николаевны.

„Онъ говорилъ вчера за ужиномъ у Анны Васильевны точь-въ-точь тоже самое, только вмѣсто Лизы онъ произнесъ Анюта... Онъ ей привезъ такой же ножикъ и училъ ее рѣзать сыръ... Охъ ужъ и хозяйственный же этотъ Павелъ Васильичъ!..“ думала Лизавета Николаевна подвигая мужу графинчикъ съ коньякомъ.— „И конечно, Анна Васильевна оказалась понятливѣе меня... какъ во всемъ...“

Мельгуновъ аппетитно пилъ кофе и, какъ Шура, крѣпкими зубами жевалъ ветчину.

— Ну что? вчера у Быховцевыхъ было много народу?

Лизавета Николаевна разсказала свои впечатлѣнія. Она умѣла разсказывать и неподражаемо копировала людей незамѣтнымъ движеньемъ мускуловъ лица, внезапной интонаціей. У ней былъ юморъ, наблюдательность, умѣнье нѣсколькими штрихами набросать картину.

— Фу, батюшки!.. Какая тощища!—разсмѣялся Мельгуновъ и протянулъ женѣ стаканъ.—Налей еще! Хорошо, что я непоѣхалъ.

Вспомнивъ, что этимъ онъ обязанъ женѣ, онъ любезно поцѣловалъ у ней руку.

— Спасибо, Лиза... Я знаю, что съ твоей стороны, это нѣкимъ образомъ „жертва“ и тѣмъ болѣе цѣню твою доброту.— Въ его тонѣ зазвучала легкая иронія.—Ну теперь мы смѣло мѣсяца два можемъ туда не показываться. А кто жъ тамъ былъ изъ „великихъ“ людей?

Лизатета Николаевна назвала двухъ профессоровъ и Прокофьева.

Мельгуновъ опустилъ руку съ тартинкой, которую несъ-было въ ротъ, и все лицо его выразило тревогу.

— Тебѣ его представили? Вѣдь эта Быховцева—такая простота!.. Растеряется вѣчно, всѣхъ спутаетъ, имена перезабудетъ... Я помню, меня какъ-то съ двумя только студентами и познакомила...

Искорки опять вспыхнули въ глазахъ Лизаветы Николаевны.

— Мы съ нимъ говорили весь ужинъ...

— Да?.. О чемъ же?

Лицо его просіяло. Онъ началъ вкусно жевать холодный ростбифъ.

— О театрѣ, о Режанъ... такъ... о многомъ, — протянула Лизавета Николаевна и, вдругъ затуманившись, задумчиво стала слѣдить за игрой солнечныхъ лучей въ графинчикѣ.

— Ты сказала, что была?.. что видѣла ее?..

— Кажется, сказала.

— То-то... А не правда ли, уменъ и оригиналенъ этотъ Прокофьевъ?

— Развѣ? Я не нахожу.

Мельгуновъ опять пересталъ ѣсть.

— На тебя не угодишь. Гдѣ ты умнѣе видала?.. Сама ты все оригинальничаешь. И онъ тобой занимался весь вечеръ?

Она усмѣхнулась мужу прямо въ лицо.

— Насъ всѣ слушали.

Онъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

„Умна! Этого у нея нельзя отнять... Въ грязь лицомъ не ударитъ“.

Онъ тщательно вытеръ усы и красныя губы, которыя отъ ѣды, казалось, стали еще краснѣе. Потомъ аккуратно стряхнулъ съ бороды крошки и сложилъ твердую бѣлоснѣжную салфетку.

— Еще разъ спасибо! Ты у меня—умница.

Онъ крѣпко поцѣловалъ опять маленькую руку жены.

Лизавета Николаева усмѣхнулась.—„Чѣмъ это Анна Васильевна ему угодила такъ, что онъ нынче сіяетъ, какъ именинникъ“?

Онъ всталъ и посмотрѣлъ на часы.

„Сейчасъ поѣдетъ въ ея пріютъ... Тамъ у нихъ „секретныя“ больныя, которыхъ они оба обдираютъ какъ липку“...

Вдругъ на лицѣ его показалась прежняя тревога.

— А въ чемъ ты была?.. Надѣюсь, въ новомъ платьѣ?

— Да...

— То-то!.. Отъ тебя станется, что вырядишься, какъ курсистка... Но отчего ты не носишь серегъ, которыя я подарилъ тебѣ?

Лицо ея сразу стало холоднымъ.

— Я тебѣ, кажется, ихъ вернула?..

— Ну да! Но отчего не носишь? Какая странная щепетильность!

— Ничего страннаго... Это просто... не въ моихъ правилахъ носить на себѣ тысячу рублей. Дико какъ-то... Ты напрасно только раззорился.

Она вдругъ разсмѣялась, покраснѣла и стала похожа на дѣвчонку.

— Чему ты рада?..—недовольно замѣтилъ Мельгуновъ, вынимая зубочистку и начиная ковырять ею въ зубахъ...

— Н-нѣтъ... Такъ... ничего...

Она вспомнила объ акушеркѣ, у которой такихъ серегъ не будетъ. О, еслибъ она ихъ видѣла!..

Мельгуновъ укоризненно покачалъ головой.

— Ахъ, Лиза, Лиза! Отчего ты такой—„студентъ?" Вѣдь вотъ сколько лѣтъ я стараюсь развить въ тебѣ эту... женственность! И все зря... Кажется, мы оба уже въ люди вышли, на виду у всѣхъ! Можно бы отстать отъ старыхъ привычекъ!.. Вѣдь оригинальностью, милая, никого не удивишь... Да вотъ еще,—вдругъ вспомнилъ онъ,—ты бы себѣ на ротонду пелерину сдѣлала... знаешь?.. такую модную?..

„Какъ у Анны Васильевны?.."—мелькнула въ ея головѣ.

— Я обойдусь и безъ пелерины,—коротко отвѣтила Лизавета Николаевна и стала мыть посуду.—Довольно того, что я потратилась на это глупое платье...

Онъ нахмурился. Не любилъ онъ у нея этого тона.

— Зачѣмъ же обходиться, когда всѣ такъ носятъ?

— Я не люблю того, что всѣ носятъ... Это дико какъ-то... точно одно стадо.

— Вотъ-вотъ! Я зналъ твои возраженія. Глупое упрямство и больше ничего...

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ по столовой, нервно крутя бороду.

Она добавила холодно:

— Наконецъ у меня есть свои нужды поважнѣе пелеринъ и ротондъ.

— Еще бы!.. maman, милый братецъ-бездѣльникъ, орава родственниковъ и нищихъ.

Лизавета Николаевна поблѣднѣла.

— Ну къ чему? Къ чему эти попреки? Чѣмъ тебѣ мѣшаютъ мои родные?..

— Очень мѣшаютъ... очень!..—желчно возвысилъ голосъ Мельгуновъ и красивые глаза его засверкали гнѣвомъ.—Ради нихъ моя супруга, какъ гувернантка—какая-то несчастная, треплется по урокамъ, во всякую погоду на конкахъ... Ты думаешь, я мирюсь съ этимъ, если молчу?

— Что же въ этомъ позорнаго?

— А то что ты деньги получаешь вотъ что! Это жена профессора... который зарабатываетъ тысячъ двадцать въ годъ... И сколько разъ я просилъ тебя не срамить меня передъ людьми?.. Ну, давала бы уроки даромъ?.. Мало ли блажи у бабъ?.. Вотъ, напримѣръ, я ничего не имѣю противъ воскресной школы твоей или попечительства въ городской? Еслибъ ты пожелала быть попечительницей, какъ Быховцева и Сивушина?.. Я бы тебѣ это устроилъ черезъ Алферова... А то трепаться за какіе-то несчастные шестьсотъ рублей въ годъ?.. Подумаютъ, я отказываю тебѣ въ необходимомъ...

— Мнѣ все равно, что думаютъ другіе...

— Да мнѣ-то не все равно,—крикнулъ Мельгуновъ и ударилъ себя въ грудь по крахмальной рубашкѣ. — На-дняхъ, только, Алферовъ меня спрашиваетъ: „Неужели эта ваша жена уроки даетъ въ гимназіи Панафидиной?“ Я со стыда сгорѣлъ. Что онъ долженъ обо мнѣ, о насъ думать?.. А вѣдь ты знаешь, какъ мнѣ нуженъ Алферовъ, какъ я дорожу мнѣніемъ такого вліятельнаго человѣка!..

— Для меня это мнѣніе безразлично,—тихо возразила Лизавета Николаевна. Она была очень блѣдна. Ей вспомнились слова Клименко.

Но Мельгуновъ ея не слыхалъ. Онъ продолжалъ, смягчивъ невольно голосъ.

— Я понимаю, когда мы были бѣдны и начинали жизнь. Ты меня, всю семью кормила трудомъ пока у меня не было практики. Ты думаешь, я это забылъ, Лиза? Я всегда гордился тобой... Съ другой женой, конечно, я не выбился бы изъ нужды... Я такъ страшно тебѣ обязанъ, но теперь... теперь? Какой смыслъ, Боже мой? Ты значитъ хочешь, чтобъ я остался твоимъ вѣчнымъ должникомъ? Ты никогда—никогда копѣйки не попросила у меня. И какъ-будто гордшься этимъ. Это фанатизмъ какой-то! Больная и извращенная гордость... Какъ будто это не такъ просто, не такъ естественно, чтобъ мужъ содержалъ семью. Вотъ!.. Тебя и сейчасъ всю передернуло. Ты даже словъ боишься. Содержать... фи! Какое униженье.

Онъ горько засмѣялся.

Она сидѣла не двигаясь, облокотясь на столъ и закрывъ лицо

Онъ прошелся по комнатѣ, поглядѣлъ на ея склоненныя плечи, на старенькую блузу, на опущенную голову. Что-то кольнуло его въ сердце, что-то похожее на жалость къ ней... Вѣдь, въ сущности, теперь ему нечѣмъ упрекнуть ее; она отвергла его тогда, давно... Но развѣ онъ не сумѣлъ утѣшиться? Не сумѣлъ вычеркнуть изъ своей жизни эту женщину, когда-то любимую безумно, которая заставила его такъ настрадаться?..

Онъ подошелъ и положилъ ей руку на плечо. Она не шевельнулась.

— Лиза! Ты, пожалуйста, не сердись... Этотъ разговоръ назрѣлъ, видишь ли?.. и былъ неизбѣженъ... Твои уроки мнѣ вотъ гдѣ сидятъ!..—Онъ хлопнулъ себя рукой по затылку.—Въ послѣдній разъ прошу, не можешь ли ты ихъ бросить?

Она открыла лицо, подбородкомъ оперлась на скрещенные пальцы рукъ и напряженно стала глядѣть передъ собой. Въ лицѣ ея отразилась мучительная борьба. Между бровей залегла морщинка. Она ее старила.

Мельгуновъ внимательно глядѣлъ въ это лицо. Этой морщинки онъ всегда боялся. Вся безпощадная критика его личности, которой жена стала донимать его, когда онъ круто сошелъ съ прежней дороги и заговорилъ въ тонъ новымъ пѣснямъ, зазвучавшимъ кругомъ, — вся эта критика, которую онъ не прощалъ женѣ, всѣ гнѣвныя размолвки ихъ, всѣ горькія минуты семейнаго разлада, постепеннаго отчужденія и, наконецъ, разрыва,— все это въ памяти Мельгунова соединялось съ этими сжатыми губами Лизаветы Николаевны, съ этой грозной морщинкой между бровей, съ этимъ загадочнымъ выраженіемъ ея глазъ...

Она молчала. Только вѣки ея тяжело сомкнулись и голова опять опустилась на руки.

Онъ заходилъ по комнатѣ, забирая въ ладонь кончикъ бороды, тихонько покусывая ее и опять расправляя своими холеными тонкими пальцами.

— И если стать на твою точку зрѣнья,—ты развѣ мало вносишь въ домъ? Ты замѣняла Шурѣ гувернантку, теперь — репетитора. Ты была первой нянькой у своихъ дѣтей, ихъ и себя обшивала... Ты — превосходная хозяйка,—вѣдь это деньги, душа моя, тѣ же деньги?..

Она вдругъ открыла лицо и встала.

— Ты кончилъ?

Онъ осѣкся словно и круто повернулся на каблукахъ на другомъ концѣ комнаты.

— А что?

— Тебѣ пора въ пріютъ...

Она взяла посуду, уставила ее на подносъ и подошла къ буфету. Тамъ она выдвинула доску, отворила рѣзную дверцу и не спѣша, аккуратно стала разставлять посуду на полкахъ.

Мужъ исподлобья слѣдилъ за ея движеніями.

Никогда ему не взять ее въ руки, никогда!.. Не сумѣлъ покорить, когда любила безумно... глупо и поздно пробовать теперь!.. Его охватило чувство досаднаго безсилія. Психика этой женщины всегда была чужда ему. Одно онъ чувствовалъ, что съ Лизой

нельзя натягивать струны: отъ нея всегда можно ждать всякихъ выходокъ, несмотря на весь ея умъ и тактъ. Она изъ семьи психопатовъ... Съ этимъ тоже надо считаться.

— Павелъ Васильевичъ,—вдругъ зазвенѣлъ ея голосъ.

Мельгуновъ встрепенулся.

— Ты бы заглянулъ въ мои записныя книги... Отчего ты цѣлый мѣсяцъ ихъ не провѣрялъ? Я такъ привыкла къ твоей аккуратности. Почему, ты вдругъ измѣнилъ этой почтенной привычкѣ?

Онъ сморщился и взялся рукой за ослѣпительный воротъ крахмальной рубашки, словно она давила ему горло.

Она говорила это, уже обернувшись лицомъ къ мужу и прислонясь спиной къ буфету. Въ лицѣ ея застыла холодная, неподвижная, дѣланная усмѣшка.

— Лиза!.. Ну къ чему это?.. Развѣ я затѣмъ началъ этотъ разговоръ?.. Ахъ, Боже мой!..

— Да и вообще мнѣ такъ удобнѣе настаивала она... Ты самъ увидишь, на что ушли твои деньги?.. Тогда не повторятся, быть можетъ, эти разговоры... о вымогательствѣ моихъ... нищихъ родныхъ... эти подозрѣнія... упреки...

Ея голосъ сорвался.

Уголъ рта ея вдругъ нервически задергало. Она быстро отдѣлилась отъ буфета и, не глядя на мужа, вышла изъ комнаты.

Хорошее настроеніе Мельгунова, которымъ онъ такъ дорожилъ, было нарушено.

III.

Лизавета Николаевна пришла въ свою комнату и машинально сѣла за письменный столъ.

У нея была „своя“ обстановка. Послѣ роскошной столовой и богатой гостинной, не говоря уже о красивомъ кабинетѣ мужа, стоившемъ ему немалыхъ денегъ, комната Лизаветы Николаевны поражала своей простотой и почти строгостью.

Въ ней, какъ и въ сосѣдней комнатѣ Шуры, было много солнца и воздуха. На окнахъ не было сторъ. Коврикъ—одинъ—только у постели. Обѣ комнаты были убраны одинаково. Только въ спальной Лизаветы Николаевны кровать стояла за ширмами и на окнахъ красовалась зелень. Каждый листочекъ на растеньяхъ сверкалъ, словно радовался. Прислуга такъ за цвѣтами не ходитъ.

Ни картинъ на стѣнахъ, ни этажерокъ, ни хрупкихъ бездѣлушекъ, которыя такъ любятъ женщины. Даже не было туалетнаго стола въ спальной Мельгуновой. У окна пріютилась швейная машина,

а у Шуры стоялъ токарный станокъ, на которомъ въ праздники онъ работалъ съ увлеченьемъ.

На письменномъ столѣ Лизаветы Николаевны, въ черныхъ простыхъ рамкахъ, стояли три портрета. Первый изображалъ ея мать, второй брата ея съ десятилѣтней Олей, крестницей Лизаветы Николаевны. Какое прелестное, доброе личико! Еслибъ у нея была такая же ласковая, любящая дочка!.. Какъ измѣнилась бы, какъ согрѣлась бы вся жизнь!..

Третій портретъ былъ—семейная группа: Павелъ Васильевичъ на третій годъ ихъ свадьбы,—красивый, влюбленный... Она все такая же маленькая, худенькая, съ задумчивымъ взглядомъ. А на рукахъ у мужа двухлѣтній бутузъ—Шурка...

Какіе они были тогда счастливые!.. Сказка это была, или сонъ?..

Она такъ задумалась, держа въ рукахъ портретъ, что не разслышала легкаго стука въ дверь и шаговъ мужа.

Онъ вошелъ въ пальто, съ бобровой шапкой въ рукахъ и остановился невольно. Что-то дрогнуло въ его лицѣ...

Половица скрипнула.

Лизавета Николаевна оглянулась и покраснѣла.

„Зачѣмъ онъ пришелъ?.. Какъ это безтактно"!..

— Ты меня испугалъ, — сухо сказала она и отвернулась, чтобъ скрыть свое смущенье.

Онъ тоже былъ замѣтно сконфуженъ.

— Извини, Лиза! Я по дѣлу, на минутку. Видишь ли?.. У насъ завтра обѣдъ... человѣкъ на десять... Будутъ нужные, для меня люди. въ общемъ, даже интересные... Я забылъ тебя предупредить. Можно сѣсть?

Онъ сѣлъ на кушетку и посмотрѣлъ на книгу, брошенную на маленькій столикъ. Алая лента закладки, выглядывавшая изъ листовъ, показывала, что книга прочтена уже до половины.

Онъ прочелъ заглавіе. *Бенжаменъ Киддъ. Соціальная эволюція.*

Ему стало пріятно. Какъ, она много читаетъ, за всѣмъ слѣдитъ! „А вотъ я отсталъ, — сознался онъ себѣ съ искреннимъ сожалѣньемъ. — Совсѣмъ отсталъ... Загребаемъ мы тамъ въ пріютѣ и по Москвѣ съ Анютой денежки, а сами мохомъ обросли".

— Интересно? спросилъ онъ, перелиставъ книгу.

— Я еще не кончила,—тихо отвѣтила она и сѣла у стола, лицомъ къ мужу.

— Мнѣ бы хотѣлось, Лиза, чтобы ты нынче проѣхала въ Охотный. Ты вѣдь нынче свободна?

Она украдкой взглянула на часы. Половина десятаго. Въ десять она должна быть у Клименки. Остается нѣсколько минутъ, чтобъ переодѣться.

— Дамы будутъ?—спросила, не глядя, Лизавета Николаевна

и стала осматривать свои ногти съ какимъ-то сосредоточеннымъ вниманьемъ.

Онъ усмѣхнулся въ бороду.

— Ты одна. Больше и не нужно никого.

— Что такъ?—съ легкимъ задоромъ вырвалось у нея. Очевидно выдалась „боевая“ минутка...

Онъ насторожился и всталъ, захвативъ со стола шапку.

— Ты, Лиза, умница... Пожалуйста займи гостей, особенно Сафронова... Я знаю, когда ты захочешь кого-нибудь обворожить... Ну словомъ, будь съ нимъ любезна... развернись. Онъ тоже — человѣкъ начитанный, видавшій виды. Такого человѣка оцѣнка мнѣ будетъ вдвойнѣ дорога.

Онъ пошелъ къ двери.

— Отчего ты не попробуешь перенести твои журъ-фиксы и обѣды... въ другое мѣсто?

На лицѣ его показался испугъ.

— Лиза! Бога ради...

Она весело разсмѣялась, какъ тогда въ столовой.

— О Господи! До чего ты боишься словъ! Ну, прекрасно... я понимаю этотъ твой страхъ передъ тѣмъ, что скажутъ? Ты всегда, какъ заяцъ, трепеталъ передъ людьми и ихъ мнѣньемъ, всегда стремился соблюдать приличія, слыть образцовымъ семьяниномъ. Но между нами-то? Ха!.. Ха!.. И чего ты испугался? Даже поблѣднѣлъ!

Отъ волненья у него было сухо во рту и въ горлѣ.

— Лиза,—началъ онъ,—если до тебя дошли слухи...

Она встала и выпрямилась.

— Павелъ Васильевичъ... Оставь!.. Мнѣ за тебя стыдно!.. Это не слухи, а факты... Ахъ, да развѣ я вмѣшиваюсь въ твою жизнь?.. живи съ кѣмъ хочешь, дѣлай, что хочешь, мнѣ безразлично... Но не дурачь меня, если ты меня хоть, капельку уважаешь?.. Что мы—другъ другу?.. Чужіе—и оба свободные...

Онъ былъ блѣденъ.

— Анна Васильевна... Моя правая рука... Увѣряю тебя, Лиза... Вѣдь этотъ пріютъ—ея только оффиціально... Онъ на ея имя, хозяинъ—я...

— Ахъ... сорвалось у нея и она разомъ поблѣднѣла такъ сильно, что онъ испугался еще больше.

— Она пайщица—только... Но она мнѣ крайне нужна, лепеталъ онъ, совершенно растерявшись. Ты, Лиза... Я не знаю, право, почему именно нынче... такая нервозность? Я тебѣ былъ такъ обязанъ за твою тактичность и доброту къ Аннѣ Васильевнѣ... Она женщина безъ образованія: если что у нея и сорвется—ты должна ее извинить. Она дальше акушерскихъ курсовъ нигдѣ не была—

людей не видала. Она, конечно, энергична, работы не боится..: акушерка прекрасная... Я за нее не боюсь даже въ трудныхъ случаяхъ. Мы всюду принимаемъ вмѣстѣ...

— Парочка—на подборъ!..

Онъ опять дрогнулъ. Что это? Иронія? Вызовъ? Она задумчиво глядѣла на улицу, сидя у окна. Неужели она все поняла?.. И быть можетъ давно? Ему стало жутко.

— Нѣтъ, Лиза, мнѣ нужна жена только такая какъ ты,—заговорилъ онъ искренно и сдѣлалъ шагъ къ окну.—Ты женщина чуткая, развитая, съ широкимъ кругозоромъ. Ты и принять можешь, и поговорить... Когда за столомъ, при гостяхъ... другія (онъ запнулся; онъ чуть не назвалъ Анну Васильевну)... другія разѣваютъ ротъ, мнѣ всегда страшно: вотъ—вотъ сейчасъ осрамятся. За тебя я никогда не боюсь...

Она съ нетерпѣньемъ на этотъ разъ оглянулась на часы. Уголъ рта ея нервически дергался.

— Ты спѣшишь куда-нибудь?

— Да! да и тебѣ пора въ *вашъ* пріютъ...

Онъ протянулъ ей руку, но она не подала ему своей.

— До свиданья, Лиза! Къ обѣду вернусь.—Онъ на минуту смолкъ и медлилъ уйти, совсѣмъ сбитый съ толку ея рѣзкостью.

— Да!—ты удивительная женщина... я всегда всѣмъ говорю, что ты—идеальная семьянинка... вотъ еслибы только не была такой... Такой прямолинейной... Въ твоей натурѣ совсѣмъ нѣтъ гибкости. А женщина намъ дорога именно этой способностью все понять... Tout comprendre, c'est tout pardonner... Все понять, все простить.

— Даже пріютъ для „секретныхъ"?—сощурилась она и нервно засмѣялась, глядя въ его сконфуженное лицо. Помните? Лѣтъ пять назадъ я вамъ предсказала что вы кончите этимъ... А теперь извините... Мнѣ надо переодѣться...

Онъ вышелъ блѣдный, растерянный, съ видомъ побитой собаки. Медленно пройдя гостиную и столовую, онъ услышалъ какіе-то звуки изъ спальни жены. Что это? не то хохотъ, не то слезы?.. Неужели истерика?

Онъ замеръ на мгновенье. Вдругъ лицо его приняло жесткое выраженье. Онъ нахлобучилъ шапку и вышелъ на подъѣздъ.

IV.

Погода стояла чудесная. Морозило. Снѣгъ твердый, бѣлый, какъ сахаръ, искрился на солнцѣ.

Лизавета Николаевна и не замѣтила, какъ подошла къ той улицѣ, гдѣ жилъ Клименко.

Не безъ труда разыскала она домъ. Дворъ былъ грязный, вонючій, съ горой мерзлаго мусора посрединѣ. Дворника нигдѣ не оказывалось. Она бродила отъ крыльца къ крыльцу и наткнулась на оборваннаго мальчишку:

— Голубчикъ, не знаете гдѣ живетъ госпожа Шмидтъ?

— Шмитиха? Это никакъ учительша?

— Не знаю, милый! У нея студентъ живетъ.

— Эге!.. Она самая... Вотъ сюды пожалуйте.

Мальчикъ любезно указалъ въ уголъ, гдѣ чернѣла дверь подвальнаго этажа. При этомъ онъ такъ выразительно поглядѣлъ на барашковую муфту барыни, что та догадалась сейчасъ же вручить ему гривенникъ.

— Вы осторожнѣй... тамъ склизко...—предупредилъ мальчикъ ее очень кстати.

Лизавета Николаевна потеряла-было равновѣсіе, ахнула и уперлась всѣми пятью растопыренными пальцами въ стѣну. Рука ея была безъ перчатки и она ощутила на кожѣ холодъ липкой, склизлой каменной стѣны.

„Какая гадость!“—подумала она, брезгливо вытирая руку о платокъ.

Мальчикъ любезно предупредилъ ее, дернувъ звонокъ.

Клименко тотчасъ же самъ отперъ дверь. Видно было, что онъ поджидалъ гостью.

— Я ужъ думалъ, вы не придете.

— Извините, запоздала.

— Ужъ одиннадцать скоро,—сказалъ онъ робко.

Онъ все время волновался, увѣренный, что Мельгунова махнула на него вчера рукой и рѣшила, что мнѣніе его гроша сломаннаго не стоитъ...

Ее пріятно поразилъ его задушевный тонъ. Она тоже какъ-то сразу подбодрилась.

Въ передней было темно и угарно. За стѣной плакалъ грудной ребенокъ.

— Пожалуйте... вотъ сюда,—говорилъ Клименко и взялъ гостью подъ локоть.—Не споткнитесь... Здѣсь порогъ.

Мельгунова оглянулась. Комнатка въ одно окно, скудная мебель, запахъ сырости и угара. Гдѣ-то чадилъ самоваръ. Чистенькая постель, столъ въ порядкѣ, на немъ книги, лекціи. Въ углу на гвоздяхъ одежа, подъ чистой простыней. Цвѣты на окнахъ. На стѣнѣ фотографическій снимокъ съ знаменитой Венеры Милосской, въ рамкѣ.

„Вотъ какъ! Онъ—эстетикъ!“—съ удовольствіемъ отмѣтила Лизавета Николаевна.

Безъ тѣни вчерашней враждебности она сѣла у окна.—Здѣсь

дуетъ,—предупредилъ онъ,—лучше сядьте тутъ. Матрена,—зазвенѣлъ его голосъ,—давайте самоваръ!..

Никто не отозвался. Ребенокъ все также жалобно плакалъ..

Клименко покраснѣлъ.

— Вы меня извините... я сейчасъ...

— Зачѣмъ вы хлопочете?—ласково спросила Мельгунова.

Но онъ уже вышелъ. Когда онъ вернулся, онъ казался еще болѣе сконфуженнымъ.

— Извините... кухарки нѣтъ. Она сейчасъ вернется.

Онъ сѣлъ у стола и первый разъ взглянулъ гостьѣ въ лицо.

— Вы пришли какъ... врагъ?—невольно вырвалось у него.

Она смотрѣла серьезно, но мягко.

— Нѣтъ! Зачѣмъ вражда? Я пришла поговорить по душѣ.

— Спасибо! Вотъ именно это я хотѣлъ... чтобъ по душѣ. Мою вчерашнюю рѣзкость забудьте... Да? Забудете?

Она улыбнулась.

— Я не злопамятна. Но вы все-таки объяснитесь и точнѣе.. Мнѣ надо знать кто изъ насъ правъ?

Кто-то отворилъ дверь ногой. Они оглянулись. Какая-то женщина внесла самоваръ въ комнату. Клименко вскочилъ.

— Марья Васильевна. Зачѣмъ же сами? Вы бы мнѣ сказали...

— Матрены нѣтъ. Не все ли равно? — отвѣтила молодая женщина.

Что она была молода, можно было только догадаться по звуку ея красиваго, вибрирующаго голоса. Все лицо ея распухло отъ флюса, голова была завязана теплымъ платкомъ.

— Позвольте васъ познакомить... Моя хозяйка—Марья Васильевна Шмидтъ... г-жа Мельгунова.

Лизавета Николаевна встала и протянула руку.

Хозяйка разсмѣялась, быстро поправила платокъ на щекѣ и спрятала свои руки за спину.

— Извините! я вся въ сажѣ... Очень пріятно познакомиться.

Она скрылась и за стѣной тотчасъ послышался ея грудной голосъ, убаюкивающій ребенка.

— Кто она?—спросила Мельгунова. По грязной ситцевой блузѣ она приняла бы ее за прислугу.

— Учительница пѣнія... Артистка бывшая. Консерваторію кончила...

— Неужели?.. Замужемъ?

— Нѣтъ... Двое дѣтей, это ея незаконныя... Отецъ ихъ—актеръ—бросилъ ее.

— Чѣмъ же она живетъ? Вотъ бѣдняжка!..

— Урокъ имѣетъ въ городской школѣ на 16 рублей въ мѣсяцъ... Черезъ городского голову получила... Онъ ее еще пом-

нитъ, какъ она, лѣтъ десять назадъ, въ консерваторіи восходящей звѣздой была. И вотъ видите?.. Какъ жизнь-то складывается!.. Послѣ родовъ у нея голосъ пропалъ. Все потеряла сразу—и любимаго человѣка, и положеніе. И удивительная женщина, знаете?.. Другая бы на ея мѣстѣ кляла бы жизнь и духомъ пала бы, а она хоть бы что! Поплачетъ втихомолку, выплачется, встряхнется и опять ничего. Ни одной жалобы... А ужъ такъ бьется,—глядѣть больно...

— Отчего ея малютка плачетъ? Боленъ?

— Да, катарръ кишокъ. Приводилъ я тутъ одного медикуса знакомаго... конечно, безплатно. „Ничего,—говоритъ,—не подѣлаешь... Должно быть помретъ. Молоко въ Москвѣ скверное, да и всѣ условія... А и выживетъ, такъ не на радость матери и себѣ: будетъ хилымъ. Лучше бъ ужъ помиралъ!“ А она души просто въ немъ не чаетъ...

Въ дверь стукнули.

Клименко живо вскочилъ.

— Баринъ, возьмите-ка: я съ холоду.

Онъ взялъ у кухарки сахаръ, лимонъ, хлѣбъ и заварилъ чай.

— Пейте, пожалуйста,—просилъ онъ, подвигая къ ней чашку.

— Но вѣдь нельзя же жить на шестнадцать рублей,—заговорила Мельгунова, оборачивая къ Клименко свое сразу угасшее лицо.—Вы ей что платите?

— Десять рублей.—Онъ замялся на мгновенье, вспыхнулъ, потомъ рѣшительно поднялъ на гостью глаза.—Видите ли? Я прежде въ той жилъ... въ другой... тамъ два окна, свѣтлѣе и больше. А она сама съ дѣтьми вотъ тутъ ютилась... Ну, я ее упросилъ перебраться, потому что мнѣ, собственно говоря, много ли нужно? Я одинъ. Жалко мнѣ ее очень!..

Она слушала, какъ будто разсѣянно и машинально мѣшала ложкой въ чаю. Между бровей ея опять залегла глубокая морщинка.

Студентъ вспомнилъ что-то, вскочилъ и досталъ изъ ящика комода полуфунтовую коробку, обвязанную пестрой тесемкой.

— Лизавета Николаевна... Не хотите ли мармеладу? Вы ужь извините, плохой... Въ нашей мѣстности ничего порядочнаго не найдешь...

„Какой онъ милый,—даже совѣстно какъ-то“,—подумала она и взяла конфекту. Мармеладъ былъ пыльный, старый, засиженный еще съ осени мухами.

— Сколько же она за квартиру платитъ?

— Тринадцать рублей.

Мельгунова нервно повела плечами.

— Вамъ холодно? Здѣсь, извините, еще нетоплено нынче.

— Нѣтъ, это такъ! Скажите, какъ же она умудряется жить? Вѣдь это — нищета?

— Нищета,—подтвердилъ Клименко и энергично сталъ болтать ложкой въ стаканѣ.

Настала тишина. Они пили чай, не глядя другъ на друга.

Клименко всталъ и тихонько постучалъ въ стѣну.

— Ну?.. Весело раздалось оттуда.

— Чашечку чаю на дорогу не хотите ли?

— Съ удовольствіемъ,— отозвалась хозяйка.

Черезъ минуту она сидѣла съ ними и пила чай.

На Марьѣ Васильевнѣ было теперь темное платье, довольно приличное, кое гдѣ аккуратно подштопанное на локтяхъ. Ея густая русая коса виднѣлась изъ-подъ платка, закрывавшаго щеку. Она была стройна и должно быть недурна.

— Вы на урокъ сейчасъ?—спросила Мельгунова.

— Да, въ школу. Отсюда недалеко.

— А какже зубы-то?

— Ну—вотъ!—Марья Васильевна махнула рукой.—Мнѣ теперь легче, какъ разнесло щеку. Нельзя у насъ въ школахъ манкировать: тамъ строго, живо вышибутъ... Тамъ учителями вотъ какъ пошвыриваютъ!.. Потому что много насъ очень: на каждую вакансію сотня...

— Вы легко мѣсто достали?

— Да, я-то легко: протекція была. А вотъ подруга моя по консерваторіи пять лѣтъ череда дожидается, а мѣстъ нѣтъ. Мы, піанистки и пѣвицы, изъ горла другъ у друга готовы кусокъ вырвать. Ужъ очень насъ много развелось... дѣвать некуда...

— Неужели вы потеряли голосъ?

— Для оперы—да. Что дѣлать!.. А вѣдь порядочное жалованье получала въ провинціи... подарки какіе... Теперь все спустила и выкупить не придется.

Она пила чай, дуя на блюдечко, и не смолкая болтала, откровенная, вульгарная, вся нараспашку.

— Школъ у насъ мало, а учителей много,—говорила она.— Теперь каждая консерваторка кончившая рада и за такое мѣсто схватиться. Намедни пришла я въ одинъ домъ, гдѣ искали учительницу музыки, да и заломи семьдесятъ пять копеекъ въ часъ. Думала, уже за мной урокъ-то... Прихожу, а мнѣ отказываютъ. „Нашли говорятъ другую, полтинникъ въ часъ"... Такъ я за волосы и схватилась!.. Не будетъ ли у васъ урока какого? Можетъ у знакомыхъ или такъ услышите?.. Ужъ такое-то спасибо сказала бы вамъ... Пока, знаете ли, дѣти не захворали, туда-сюда, а сохрани Богъ—что приключится... ложись тогда да и помирай!

Клименко быстро опустилъ глаза и опять заболталъ ложкой въ чаю.

Лизавета Николаевна выпрямилась и плотно прижалась къ спинкѣ стула. Вѣки ея прищуренныхъ глазъ незамѣтно вздрагивали.

Марья Васильевна встала.

— Ну, спасибо, — сказала она, пожимая руку Клименко. Я пойду, голубчикъ! Пока вы дома, приглядите за моими-то... Боюсь Матрена не ушла бы... До свиданья!

Она привѣтливо кивнула Мельгуновой и вышла.

Мельгунова сидѣла неподвижно, молча, все такъ же плотно прижавшись къ спинкѣ стула.

Клименко поднялъ на нее глаза и рѣшительно придвинулся къ столу.

— Ну-съ, — сорвавшимся звукомъ началъ онъ, — давайте теперь поговоримъ.

Она подняла руку какъ бы защищаясь отъ занесеннаго удара.

— Постойте... постойте!.. Я васъ поняла: я знаю теперь, что вы хотѣли сказать.

Не глядя на нее, Клименко зналъ, что она блѣдна, что у нея дрожатъ губы, что въ ней идетъ сейчасъ тяжелый душевный процессъ. Онъ долженъ былъ бы торжествовать, какъ побѣдитель, и не могъ. Ему было жаль ее.

— Сколько лѣтъ, — заговорила она тихо, глухо, съ трудомъ выговаривая слова, — сколько лѣтъ я считала себя правой. Даже вчера, даже нынче утромъ, вплоть до этой минуты .. И вдругъ... почва уходитъ у меня изъ подъ ногъ. Я не молоденькая: все это знала я, конечно, и слышала, и читала, — но натолкнуться такъ, какъ сейчасъ, лицомъ къ лицу...

— Я знаю теперь, — снова заговорила она, — почему вы пригласили меня сюда: факты говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Да... я отымаю хлѣбъ у нея и такихъ, какъ она... Да, я дѣлаю подлость! Но послушайте... — она передохнула и голосъ ея опять зазвенѣлъ, — есть и другая точка зрѣнія, — та, которая руководила мною всю жизнь... и я не могу ее признать фальшивой... все-таки не могу.

— Какая? — тихо сказалъ Клименко.

— Вѣдь не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ, поймите...

Онъ поднялъ голову. Лицо его было холодно.

— Я вижу факты, Лизавета Николаевна! У васъ есть мужъ, заработывающій тысячи. Марья Васильевна одинока и притомъ нищая... Этого никакими софизмами не оправдаешь...

— Не будемъ затрогивать личностей.

— Извольте! И мнѣ это удобнѣе.

Онъ придвинулся и положилъ локти на столъ.

— На единичномъ примѣрѣ доказывать что-нибуть труднѣе... Мы возьмемъ большія цифры. Вообразите, что на сто вакансій является тысяча голодныхъ женщинъ. Конкурренція жестокая: Девятьсотъ изъ нихъ остаются за флагомъ. Все это печально и и возмутительно, не такъ ли?

Она молча кивнула головой.

— Теперь представьте себѣ, что тысяча сытыхъ и обезпеченныхъ замужнихъ женщинъ, не желая обязываться мужьямъ, или чтобъ заработать на булавки, или же, изъ моды, или отъ скуки—вздумаютъ явиться также съ предложеньемъ своихъ услугъ туда, куда явились голодныя. Что получается? Сытая, сбивъ заработную плату донельзя, заработала на булавки, на перчатки, на прихоти, голодная осталась безъ хлѣба. Лизавета Николаевна, вѣдь это уже не только печальное, это безнравственное явленье! Наконецъ, все это азбучныя истины. Вы навѣрно и раньше все это обдумали?

— Нѣтъ, говорю вамъ. Я не хотѣла на этомъ останавливаться... Повторяю вамъ, есть другая сторона вопроса. Многія сытыя женщины охотнѣе согласились бы голодать, чѣмъ быть содержанками своихъ мужей. Почему вы думаете, что несчастливъ только тотъ, кто голоденъ? Жизнь сложнѣе, чѣмъ вы полагаете.

Она смолкла разомъ и стала кусать губы.

— Какъ васъ зовутъ?—спросила тихо Мельгунова.

— Меня?—Клименко встрепенулся.—Алексѣемъ Иванычемъ.

Она блѣдно усмѣхнулась.

— Какъ это странно! Я шла сюда и даже имени вашего не знала. И вотъ вы—чужой, еще вчера мнѣ незнакомый человѣкъ, чините мнѣ допросъ, какъ судья.

Губы его дрогнули.

— Лизавета Николаевна!..

— Нѣтъ, нѣтъ... Безъ обидъ и рѣзкостей!.. пожалуйста... Но я сама хочу, чтобъ вы меня поняли. Я никогда не боялась того, что другіе думаютъ обо мнѣ... Но теперь не передъ вами, я передъ собой хочу оправдаться. Вы подняли въ моей душѣ такой хаосъ... Помогите же мнѣ въ немъ разобраться!

Съ глубокой мукой вырвалась эта фраза у Лизаветы Николаевны.

— Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я кончила курсъ... я была наивна и легкомысленна, мнѣ такъ хотѣлось веселиться... Мать была добрая женщина... но горячая, несдержанная... нужда и горе ее измучили. Она разъ какъ-то назвала меня дармоѣдкой...

Лизавета Николаевна тоскливо стиснула руки.

— Боже мой! Вѣдь есть же слова, которыя не забываются!

Это—было изъ такихъ... Оно мнѣ... душу перевернуло. Я думала, что я помѣшалась... Потомъ я поняла мать и простила ее. Но мысль, разъ заработавшая, уже не могла остановиться. Моя гордость проснулась. Я упорно искала заработка. И вотъ скоро двадцать лѣтъ, какъ я никому не стòю ни копейки. Я привыкла каждымъ кускомъ быть обязанной себѣ, одной себѣ, ни роднымъ въ прошломъ, ни мужу, ни сыну — въ будущемъ... Вы скажете, это узкая, односторонняя идея? Можетъ быть. Но я ее выстрадала, выносила, она — моя. Не быть содержанкой— ничьей, никогда. Это вошло въ плоть и кровь мою, это моя привычка, моя потребность. Гордость моя, поймите... гордость! Я не могу сдѣлаться другой.

Не сводя глазъ, Клименко вдумчиво слѣдилъ за ней, какъ она нервно двигалась по тѣсной комнаткѣ и говорила торопливо, какъ бы сама съ собой, не глядя на него, словно забывъ о немъ.

— Я вышла замужъ. У меня были только мои уроки, у него—ничего, кромѣ плановъ и надеждъ. Долго, долго онъ не имѣлъ практики,—всѣ кормились мною. Я заработывала до ста рублей въ мѣсяцъ. Я себѣ не ставлю этого въ заслугу. Пошли дѣти, началась безработица. Всякій разъ послѣ родовъ и болѣзней надо было начинать сызнова. Откуда силы брались? Вспомнить жутко... Я, наконецъ, догадалась открыть школу. Дѣло пошло... По немногу мы стали на ноги. Мужъ выдвинулся также. Дома я опять-таки по принципу дѣлала все сама. Я была кормилицей моихъ дѣтей, учительницей, портнихой, все не бросая школы. Потомъ мы— для мужа—переѣхали въ другую мѣстность. Школа не пошла, дѣти умерли,—одинъ Шура остался. Я была ему репетиторомъ... И вотъ эти уроки, за которые вы меня осуждаете, я даю уже семь лѣтъ...

— Въ прошломъ вы были правы, — тихо заговорилъ Клименко, — но теперь, когда г. Мельгуновъ, назначивъ таксу, сталъ доступенъ только богатымъ людямъ и зарабатываетъ десятки тысячъ?

Она прижмурила вѣки. Казалось, каждое слово его причиняетъ ей боль.

— Вы не дали мнѣ досказать. Мы давно... мы съ мужемъ давно—чужіе.

Она сѣла и закрыла глаза рукой.

— Вы... его уже не любите?..—тихо, чуть слышно спросилъ Клименко. Но она разслыхала и молча наклонила голову.

— Почему же вы отъ него не уйдете?.. — вырвался у него горячій возгласъ.

— Я не могу бросить сына... А онъ его не отдастъ...

Даже голосъ ея угасъ, утратилъ звучность. Она сидѣла, съежившись, такая маленькая, худенькая, такая жалкая...

И лицо ея угасло. Теперь каждый смѣло далъ бы ей ея возрастъ. Сердце Клименки дрогнуло. Настала тяжелая пауза.

— Чего мнѣ ждать впереди? — начала она тихо, все съ тѣмъ же больнымъ выраженіемъ померкшихъ глазъ. Каждый протекшій день разводитъ насъ съ мужемъ все дальше, въ разныя стороны. Семьи нѣтъ... Сынъ?.. И онъ тоже уходитъ отъ меня все дальше. Я это чувствую. Когда онъ выростетъ и женится, я буду ему... уже совсѣмъ въ тягость. Мнѣ не на кого-надѣяться, да и не надо!.. Я хочу сохранить мой кусокъ хлѣба, мною заработанный, не потому, что у меня нѣтъ кормильцевъ, а потому, что я хочу сохранить уваженіе къ самой себѣ. Мнѣ подачекъ не надо ни изъ состраданья, ни на законномъ основаніи...

Она встала и взяла съ кровати свою шубку. Клименко встрепенулся.

— Вы уже уходите?

— Да, мнѣ надо идти.

Онъ молча подавалъ ей одѣться. Онъ чувствовалъ, что еще не все сказано, что оба они неудовлетворены.

Она все старалась застегнуть воротникъ у шубки, но крючокъ не попадалъ въ петлю. Руки ея дрожали;

— Здѣсь у меня, сейчасъ... въ карманѣ... письмо отъ матери. Просятъ къ празднику денегъ... Если я отвѣчу: „у меня ничего нѣтъ“, — мнѣ не повѣрятъ. Мы богаты... Не могу я имъ сказать, что мы съ мужемъ—чужіе. Они не поймутъ меня. Наконецъ, у меня бываютъ затраты... и крупныя... У меня есть крестница... На мой счетъ она учится въ гимназіи. Отымите у меня заработокъ гдѣ я возьму на все это?

Крючокъ попалъ, наконецъ, въ петлю. Лизавета Николаевна застегнула всѣ пуговицы и выпрямилась.

Лицо Клименки было угрюмо. Она поняла, что не убѣдила его, и сердце ея упало.

— Вы... вы все-таки... не оправдали меня?—спросила она глухо.

Онъ молча опустилъ рѣсницы.

— Вотъ вы сейчасъ спросили меня: „почему я не уйду отъ мужа“?. Вы, значитъ, допускаете такой исходъ? Представьте, и я тоже... я мечтаю объ этомъ... Иногда мнѣ кажется, что у меня хватитъ силы отнять Шуру, выдержать всю эту ужасную борьбу изъ-за него и начать жизнь сызнова... Поступить на курсы, мало ли что? Ну вотъ мнѣ дорого, вдвойнѣ дорого, что я имѣю заработокъ. Съ нимъ я всегда, во всякую минуту... когда переполнится чаша...

могу уйти. У меня, есть почва подъ ногами. Я съ голода не умру и унижаться изъ-за хлѣба не стану...

Ея голосъ окрѣпъ, глаза сверкнули. Это была та Лизавета Николаевна, которая говорила о Норѣ, которая задѣла воображеніе Клименко.

Онъ молча поднялъ на нее глаза.

— Да, Алексѣй Ивановичъ, только та женщина сильна, только та горда, которая всегда можетъ уйти отъ мужа и не пропасть съ голода... Она должна быть единицей, личностью, общественнымъ дѣятелемъ, а не только женой своего мужа... И только такихъ уважаютъ всѣ, начиная съ мужей.

Она поискала глазами свои ботики, увидала ихъ подъ стуломъ и сѣла, чтобы надѣть ихъ.

Клименко невольно замѣтилъ, что ботики ея стары, что мерлушка на нихъ отрепалась.

— Вы все-таки не убѣдились?—тихо спросила она.

Онъ усмѣхнулся.

— Въ чемъ? Если всѣ обезпеченныя женщины, даже въ такихъ же условіяхъ, какъ вы, начнутъ по вашему отстаивать свою независимость, гдѣ же найдется заработокъ для одинокихъ и необезпеченныхъ? Имъ остается помереть съ голоду. Не слишкомъ ли дорогой цѣной купите вы себѣ нравственное удовлетвореніе?

Она встала. Щеки ея загорѣлись. Нервно, торопясь, она начала натягивать свои обрыжѣлыя, подштопанныя перчатки.

— Пока вы будете оберегать вашу гордость отъ оскорбленій, ряды погибшихъ будутъ пополняться вотъ такими, какъ Марья Васильевна, которыя дойдутъ до крайности и нигдѣ не встрѣтятъ поддержки. Пока вы отстаивали, сидя въ теплѣ и сытая, ваши идеи, ее жизнь выбросила за бортъ...

Она всплеснула руками.

— И это все, что вы можете мнѣ сказать въ отвѣтъ? Кромѣ долга къ ближнимъ, Алексѣй Ивановичъ, есть долгъ къ себѣ. Есть права личности, которыя нельзя попирать ногами. Неужели я, мы всѣ, обезпеченныя, обречены на безысходное униженіе только потому, что на каждое мѣсто тысячи конкуррентовъ? А если деньги мужа... краденыя... или нажиты позорнымъ ремесломъ... Тогда какъ же?.. Все-таки ѣсть его хлѣбъ?.. Нѣтъ, это жестоко!.. Вотъ эту свою личность я оберегала отъ оскорбленій и грязи. И развѣ я не права? Вѣдь это основа, поймите, смыслъ всей моей жизни, идея моя, это радость, свѣтъ. Ничего вѣдь у меня нѣтъ больше. Отымите у меня уваженіе къ себѣ, разрушьте эту основу, и что останется тогда?

Слезы зазвенѣли въ ея голосѣ. Она вынула платокъ и отошла къ окну.

— Лизавета Николаевна,—тихо началъ Клименко, и голосъ его дрогнулъ.—Я согласенъ съ вами, что жизнь сложна; въ затруднительныхъ случаяхъ я всегда ищу отвѣта въ наукѣ. Да, конечно, жизнь руководствуется многими нравственными законами. Ваша идея — маленькій нравственный законъ, — альтруизмъ — большой нравственный законъ... Какъ я ни стараюсь оправдать васъ,— повѣрьте, мнѣ васъ глубоко жаль,—но я вспоминаю Канта. Вы помните, что онъ совѣтуетъ для провѣрки своихъ нравственныхъ принциповъ?

Онъ подождалъ съ секунду отвѣта и продолжалъ, глядя на неподвижный силуэтъ Мельгуновой на яркомъ фонѣ окна.

— Чтобы рѣшить, правиленъ ли извѣстный нравственный принципъ, надо предположить, что всѣ станутъ поступать согласно съ нимъ... Вы меня слушаете, Лизавета Николаевна?

Не оборачиваясь, она кивнула головой.

— Если при этомъ станетъ очевиднымъ, что сумма счастья увеличилась, то онъ правиленъ, если же нѣтъ, то принципъ этотъ безнравственепъ... Лизавета Николаевна... Статистика показала, что въ Европѣ три съ половиной милліона лишнихъ женщинъ. У нихъ нѣтъ мужей—и зачастую нѣтъ хлѣба... Ваша теорія тонетъ въ морѣ этой нищеты... Не увеличивая суммы счастья, она напротивъ, обрекаетъ милліоны женщинъ на голодную смерть или проституцію... Больше мнѣ, пожалуй, нечего сказать....

Она почувствовала съ тоской и болью, что между ними словно встала стѣна, что говорить и спорить безполезно.

Она подошла къ двери, тоскливо озираясь, словно забыла здѣсь что-то. Онъ по своему истолковалъ это движенье, оглянулся и увидалъ на столѣ ея муфту.

Она все не рѣшалась уйти. Блѣдная, вымученная улыбка появилась на ея лицѣ. Губы беззвучно зашевелились. Зачѣмъ она пришла сюда? Зачѣмъ? Развѣ ей стало легче?

Онъ подалъ ей муфту молча, не подымая глазъ, но лицо его было сурово.

— Прощайте,—прошептала она и вышла.

Онъ замеръ на мгновенье. Вдругъ онъ услыхалъ, что она споткнулась въ темнотѣ о порогъ.

Быстро растворилъ онъ дверь. Она въ передней безпомощно шарила рукой, ища въ темнотѣ выхода.

— Сюда. Позвольте я отопру вамъ.

Она даже не поблагодарила.

Онъ остался подавленный, несчастный. Они разстались болѣе чужими, чѣмъ когда встрѣтились. И онъ зналъ, что она не вернется.

V.

— Ты больна?—спросилъ Мельгуновъ жену какъ-то за обѣдомъ.

Это было двѣ недѣли спустя послѣ визита Лизаветы Николаевны къ Клименко.

Она дѣйствительно такъ осунулась, смотрѣла такой растерянной и подавленной, что перемѣна бросалась въ глаза.

— Я совсѣмъ здорова... Съ чего ты взялъ?—протестовала Лизавета Николаевна.—Хочешь еще супу?

— Н—нѣтъ... Мельгуновъ отодвинулъ тарелку. Вода у нея нынче вмѣсто бульона. Балуется она, вотъ что... Придется искать другую кухарку.

— Только не передъ праздникомъ, ради Бога, Павелъ Васильевичъ!

— Вотъ именно передъ праздникомъ... Она будетъ небрежничать, а мы ее дари?..

— Aprés,—шепнула Лизавета Николаевна, замѣтивъ входившаго лакея съ жаркимъ.

Конецъ обѣда прошелъ въ молчаньи. Одинъ Шура былъ невозмутимъ и попросилъ, какъ всегда, третью порцію сладкаго.

Вечеромъ она сѣла репетировать съ сыномъ. Раза два на вопросы Шуры Лизавета Николаевна отвѣтила невпопадъ.

— Что это? Какая ты нынче чудна̀я?—спросилъ онъ, покосившись на ея похудѣвшее лицо.—Вотъ спроси меня французскія слова, вотъ отсюда.—Онъ указалъ на страницу.—Ну?

Лизавета Николаевна машинально читала, Шура отвѣчалъ. Одинъ разъ онъ спутался, поймалъ себя на этомъ и остановился, сдвинувъ брови.

А мама не замѣтила и дальше продолжала читать, точно во снѣ. Онъ молчалъ. Она удивленно подняла голову.

— Ну что же ты, Шура? какъ „объяснять?..“

— Я вру, а ты и не замѣчаешь.

— Развѣ?

— Ахъ, не люблю я, когда ты такая!

Шура надулся и сѣлъ молча рѣшать задачи.

Лизавета Николаевна прошла къ себѣ, принялась было читать, но книга не могла ни на мгновенье отвлечь ея мысли отъ назрѣвавшаго въ ней рѣшенья. Ее била лихорадка.

Черезъ темную столовую она прошла въ гостинную и позвонила.

— Дома баринъ?—спросила она лакея.

— Никакъ нѣтъ-съ. Въ десять будутъ назадъ, сказывали... Самоваръ ставимъ.

Она ходила по анфиладѣ комнатъ и ждала звонка. Въ поло-

винѣ десятаго подали самоваръ. Лизавета Николаевна въ освѣщенной столовой заварила чай и кликнула Шуру.

У него были совсѣмъ сонные глаза. Онъ равнодушно посмотрѣлъ на мать, отрѣзалъ себѣ большой кусокъ хлѣба и методически сталъ его намазывать масломъ.

— У меня ремень оторвался у ранца,—коротко сказалъ онъ и сталъ громко чавкать.

— Хорошо. Я зашью.

Она съ грустью глядѣла на его стриженную голову съ правильнымъ профилемъ. Какъ растетъ!.. Давно ли былъ крошкой, съ тупымъ носикомъ, съ пухлыми ручками, какъ бы перевязанными ниточкой у кисти!.. Какой онъ былъ милый тогда!.. Черезъ пять лѣтъ онъ будетъ уже большимъ.

Въ передней послышался звонокъ. Она встала порывисто и налила чаю въ граненый стаканъ съ серебрянымъ подстаканникомъ. Руки ея вздрагивали, пока она ставила на маленькій подносъ чай, лимонъ и ромъ.

— Подайте въ кабинетъ,—сказала она лакею въ передней, гдѣ тотъ стряхивалъ снѣгъ съ боброваго воротника бариновой шинели.

— Къ тебѣ можно?—постучалась она у двери.

— Пожалуйста,—глухо раздался изъ-за портьеры голосъ Мельгунова.

„О деньгахъ опять",—подумалъ онъ съ досадой, предчувствуя необходимость выдать сейчасъ порядочный кушъ.

Она вошла въ кабинетъ. Мельгуновъ переодѣвался за перегородкой.

— Метель нынче, всего занесло,—объяснилъ онъ и началъ мыть руки.

Она присѣла на широкій турецкій диванъ.

— Тебѣ сейчасъ сюда подадутъ чаю.

Онъ на минуту пересталъ мыться и насторожился. Всякое нарушеніе его вседневныхъ привычекъ будило въ немъ тревогу и досаду.

— Это зачѣмъ же?

— Мнѣ поговорить съ тобой надо и серьезно...

Лакей внесъ чай и ушелъ, притворивъ двери.

Мельгуновъ наскоро вытиралъ руки. Изъ-за ширмъ онъ вышелъ въ нарядной тужуркѣ, на ходу расчесывая бороду черепаховой гребенкой.

— Что такое?—спросилъ онъ и глаза его округлились.

Онъ по тону Лизаветы Николаевны угадалъ, что рѣчь здѣсь не о деньгахъ. Но это именно и испугало его. Они не о чемъ, кромѣ денегъ, обыкновенно не разговаривали.

— Сядь, пожалуйста, и пей,—мягко сказала Лизавета Николаевна.—Разговоръ будетъ долгій.

— Да что такое?—повторилъ онъ еще тревожнѣе, сѣлъ въ кресло къ столику и слегка поднялъ абажуръ, чтобъ разглядѣть лицо жены.

Она угадала это, инстинктивно сѣла глубже на тахту, такъ что голова ея опять была въ тѣни.

— Да ты не очень пугайся,—усмѣхнулась она. Страшнаго ничего не будетъ. По крайней мѣрѣ, я съ этой мыслью свыклась. Видишь ли?..

Она захватила въ руку полную горсть бахромы отъ диванной подушки и внимательно стала ее разглядывать.

— Мнѣ хотѣлось бы... безъ сценъ и непріятностей разойтись...

— Что?

Онъ такъ и дрогнулъ. Рука, въ которой онъ держалъ стаканъ, замерла у его губъ.

— Павелъ Васильевичъ,—пожалуйста не волнуйся! Въ сущности, это будетъ естественно. Жизнь сама рѣшила это за насъ. Я здѣсь лишняя.

Онъ поставилъ стаканъ на столикъ и поднялся.

— Ты лишняя?.. ты?.. Послушай, Лиза... У меня даже словъ нѣтъ на эту выходку.

Онъ забѣгалъ по ковру, мягко ступая своими тонкими подошвами. Походка его была всегда легкая, осторожная, почти беззвучная.

— Какъ можетъ жена быть лишней въ домѣ своего мужа?

— Мы—чужіе,—тихо обронила Лизавета Николаевна и судорожно сжала синелевую кисть вышитой подушки.

Она сидѣла наклонившись, такъ что свѣтъ лампы ярко озарялъ только нижнюю часть ея лица, нѣжную линію подбородка и губы. Вся она съ ея худенькой фигуркой въ этомъ полусвѣтѣ, въ своемъ коричневомъ платьѣ напоминала гимназистку. Съ секунду онъ пристально глядѣлъ на жену, потомъ какъ-то безсознательно опустился на тахту, рядомъ съ ней.

— Лиза! Да кто же въ этомъ виноватъ?

Ихъ раздѣляла только подушка. Она испуганно вскинула на него глаза, показавшіеся ему большими. Она хотѣла снять свой локоть съ подушки, но онъ удержалъ ее. Въ его пальцахъ была не обыкновенная сила и цѣпкость.

— Я развѣ виню?..—прошептала она, пробуя отодвинуться.

— Не ты ли оттолкнула меня—враждебно, съ какой-то непонятной ненавистью? Вспомни! Этому уже шесть лѣтъ скоро... Ты думаешь, я простилъ? Ты думаешь, такія оскорбленія забы-

ваются? Вѣдь я любилъ тебя, Лиза... ничьимъ мнѣніемъ, ничьимъ чувствомъ я не дорожилъ такъ, какъ твоимъ. У меня были всѣ задатки, чтобъ остаться образцовымъ семьяниномъ. Вспомни! Сколько разъ, прежде чѣмъ... дойти до полнаго отчужденія, я дѣлалъ попытки помириться.

Она морщилась отъ боли въ локтѣ и отъ тоскливаго чувства возникшаго недоразумѣнія.

— Павелъ Васильевичъ, ради Бога!..

Но онъ продолжалъ взволнованно, задѣтый за-живо, готовый на все, чтобъ удержать эту женщину, способную ускользнуть.

Онъ выпустилъ ея локоть и всплеснулъ руками.

— Знаю, знаю, что ты мнѣ ставишь въ вину... Легкія увлеченья, минутныя измѣны... Но, Лиза... Я повторю то же что пять лѣтъ назадъ! мы, врачи, поставлены въ такія условія. Искушеній и случаевъ у насъ вдесятеро больше, чѣмъ у всякаго другого. Но я никогда серьезно не думалъ ни о комъ. Нельзя терять вѣру въ человѣка за такіе... ничтожные проступки.

Въ лицѣ ея было страданье.

— Павелъ Васильевичъ, это все давно умерло. Къ чему тревожить прошлое?

— Вотъ и тогда ты не хотѣла слушать никакихъ оправданій. Ты не хочешь понять мужскую натуру... А въ тебѣ самой никакой нѣтъ гибкости, никогда и не было. А теперь ты подозрѣваешь...

Она откинулась и зажала уши.

— Молчи, молчи!.. Не надо оправданій... Не надо! Я все знаю и мнѣ все равно Такъ лучше... въ двадцать разъ лучше!.. Мнѣ ничего отъ тебя не надо.

— Вотъ видишь, Лиза?... видишь?.. Опять? Ты даже отвращенія своего не хочешь скрыть... А я—человѣкъ самолюбивый... Довольно одной такой сцены, чтобъ убить страсть.

— У тебя страсть? Ко мнѣ?..

Она залилась принужденнымъ смѣхомъ.

Онъ вскочилъ и пробѣжалъ по кабинету.

— Мы, кажется, еще не старики... Что же тутъ смѣшного? Изъ подъ ея платья виднѣлся крошечный носокъ ея ноги. Мельгуновъ невольно вспомнилъ большія и неуклюжія ноги Анны Васильевны... Вспомнилъ тоже, съ какою страстью цѣловалъ когда-то эти маленькія ножки жены... Его словно толкнуло что-то къ тахтѣ.

Онъ сѣлъ опять. Самолюбіе мужчины громко протестовало противъ этого упорнаго равнодушія женщины. Вѣдь онъ зналъ, навѣрно зналъ, что она живетъ, какъ монахиня. Вѣдь она любила его, ревновала и страдала когда-то. И черезъ пять лѣтъ онъ не могъ успокоиться на мысли, что онъ для нея безразличенъ.

Онъ взялъ ея руку. Потемнѣвшіе глаза его жадно разглядывали ея лицо. Какъ она становится интересна, неузнаваема, когда у нея такъ разгорятся щеки и заблестятъ глаза! Это бывало всегда, когда она спорила съ нимъ, защищая свои „идеи“. Онъ переставалъ слушать, улыбаясь, любовался ею и потомъ грубо схватывалъ ее въ объятія, безъ возраженій, безъ всякаго желанья понять ея требованья. Она сердилась и была еще пикантнѣе.

„Не повторить ли и сейчасъ этотъ маневръ“?—подползало искушенье.

Она взглянула въ его склонившееся лицо и разомъ отодвинулась. Она почувствовала на своей щекѣ его дыханіе, ее обдало запахомъ его любимыхъ духовъ, запахомъ его кожи и бороды...

Какъ живуча память чувствъ!.. Никакія рѣчи, никакія воспоминанія не были въ силахъ воскресить въ ея душѣ прошлое, а этотъ знакомый, опьянявшій ее прежде запахъ ударилъ сразу по нервамъ. Цѣлыя картины пронеслись ярко въ ея мозгу.

— Лиза, знаешь?—глухо говорилъ онъ, сжимая ея пальцы,—я... я кажется... опять готовъ въ тебя влюбиться...

Она молчала, съ любопытствомъ приглядываясь къ тому, что поднялось и заговорило въ ея душѣ. Тоскливая неудовлетворенность, жажда полноты ощущеній, что-то мечтательное и сладкое, желанье плакать радостными, свѣтлыми слезами на преданной груди, желанье открыть душу, почувствовать ласку... Передъ ней пронеслась картина—комнатка въ одно окно, на столѣ нечищенный самоваръ, коробка съ пыльнымъ мармеладомъ...

Она вздрогнула и выпрямилась... Что это? Къ какому странному выводу привела ее ассоціація идей!.. Такъ неожиданно! Какое безсознательное душевное движеніе вызвало передъ ней лицо Клименки?

Ей стало грустно и горько, какъ-будто жаль себя.

А онъ все глядѣлъ на нее и странное волненіе захватывало его душу. Сердце билось глухо, болѣзненно. Почти безсознательно онъ прошепталъ:

— Послушай!.. А чтобы ты сказала бы, еслибъ я...

Она пристально вглянула въ лицо мужу.

Какъ бѣдна была дѣйствительность!

Она перебила его, отодвигаясь.

— Поздно, Павелъ Васильичъ! Мы слишкомъ стары для иллюзій. А ты самъ понимаешь, что безъ нихъ чувство жалко и безсильно.

По ея тону онъ понялъ, что партія его проиграна. Онъ всталъ, досадуя на свою вспышку, подсказанную самонадѣянностью. Быть смѣшнымъ въ ея глазахъ всегда казалось ему страшнымъ.

— И знаешь что?—заговорила она опять, облокачиваясь на

диванную подушку и теребя мягкую синелевую бахрому, которая упруго и слабо шурша, ласкала ея кожу.—Между нами сейчасъ могло возникнуть печальное недоразумѣніе. Я не на близость къ тебѣ навязываюсь... Съ этимъ покончено...

— Лиза!..

Онъ нервно двинулся къ ней, но передумалъ, подошелъ къ столику и залпомъ выпилъ свой стаканъ.

— Если я тебя оттолкнула тогда, то не изъ ревности, повѣрь... не изъ самолюбія... Такія увлеченія и слабости я нашла бы въ себѣ силы простить... Это—мелочи. Но были другія измѣны... и ихъ забыть я не могу...

— Послушай...

Онъ двинулся къ ней опять порывисто, но не сѣлъ, а остановился вблизи, стараясь разглядѣть выраженіе ея лица въ тѣни отъ абажура. Онъ какъ будто боялся себя самого.

— Ты невозможнаго отъ меня требовала. Идеалъ—одно, жизнь — другое. Ты ригористка, Лиза, и не отъ міра сего, а я—практикъ по натурѣ. Еслибъ я слѣдовалъ твоей программѣ, мы не выбились бы изъ нужды, а у насъ были дѣти...

— Аминь!.. О прошломъ довольно, Павелъ Васильичъ!.. Утраченнаго не вернешь.

Она говорила безъ раздраженія и горечи, какъ то задумчиво опустивъ голову. Настала короткая пауза.

— Скажи, пожалуйста, на какомъ основаніи ты опять подымаешь этотъ разговоръ о разводѣ? — заговорилъ наконецъ Мельгуновъ, раздраженно шагая по ковру.—Зачѣмъ тебѣ нуженъ разрывъ, скандалъ? Развѣ я тебѣ мѣшаю чѣмъ-нибудь? Стѣсняю? Я готовъ на всѣ уступки... Ты—въ домѣ хозяйка... Насъ считаютъ образцовымъ супружествомъ... И вдругъ—разойтись!.. Это послѣ столькихъ лѣтъ? Именно теперь, когда я такъ дорожу связями, репутаціей. И за что такой срамъ мнѣ на голову? За что?..

Онъ взялся руками за волосы.

— Мнѣ слишкомъ тяжело такъ жить,—тихо отвѣтила она.— Большаго я не скажу: ты, все равно, не захочешь меня понять.

Онъ горько засмѣялся.

— Ну да еще бы!.. Гдѣ мнѣ васъ понять?

Вдругъ онъ круто повернулъ къ тахтѣ, остановился передъ женой и близко заглянулъ ей въ лицо.

— Ты другого полюбила? Да?

Она отшатнулась и крѣпко прижалась въ уголъ.

— Я?..

По ея тону, по звуку ея голоса онъ понялъ, что ошибся и вздохнулъ съ облегченіемъ. Остальное не страшно!

— Такъ зачѣмъ же тебѣ эта свобода, скажи пожалуйста?

Объясни, какими преднями ты заразилась теперь, что приходишь мучить меня и портить мнѣ жизнь?.. Да... да... Мучить... Ты знаешь, какъ я дорожу покоемъ, своими привычками? Ты отлично понимаешь, что ты мнѣ нужна... Ну—мало денегъ даю тебѣ, что ли? Въ хозяйствѣ стѣсняю?

Она молча закрыла глаза.

— Изволь!.. Не буду стѣснять. Хочешь, чтобъ роднымъ твоимъ помогалъ? И на это согласенъ. Если тебѣ скучно, Олю выпиши на Рождество опять. Пусть гоститъ, слова больше не скажу. Я, повторяю, на все готовъ... Неужто я плохой мужъ? Кромѣ уваженія къ тебѣ никогда ничего... Сама знаешь, какого высокаго мнѣнія... Что, наконецъ, тебѣ нужно?

Она устало взглянула на него.

— Я знала, что ты меня не поймешь...

— И понимать не хочу,—вдругъ гаркнулъ онъ и швырнулъ кресло, стоявшее по дорогѣ.

Она широко открыла глаза и отдѣлилась отъ дивана.

Онъ взглянулъ на жену округлившимися, злыми глазами, пробѣжалъ раза два по кабинету, поднялъ по дорогѣ кресло и съ такой силой поставилъ его на мѣсто, надавивъ на спинку, словно хотѣлъ пригвоздить его къ полу. Это его успокоило, разрядило его гнѣвъ.

Жена, приподнявъ брови, слѣдила за всѣми его движеніями.

— Интересно, до чего мы теперь договоримся,—какъ бы вскользь бросила она.

Онъ поправилъ воротъ рубашки, словно вдругъ ставшій тѣснымъ.

— Если ты будешь настаивать на разводѣ, то я и говорить не стану. Слышишь? Я не изъ тѣхъ мужей, которые позволяютъ надъ собой смѣяться, Лизавета Николаевна! Пока ваши протесты не идутъ дальше трепанья по урокамъ, сдѣлайте одолженіе, я молчу... Но дальше ни-ни!..

— Развѣ ты можешь удержать меня?—спокойно, даже съ оттѣнкомъ любопытства спросила Лизавета Николаевна.

Глаза Мельгунова сверкнули.

— А вотъ ты попробуй уйти... Увидишь.

Она усмѣхнулась недовѣрчиво.

— Что же ты мнѣ вида не дашь развѣ? Такъ тебя заставятъ дать...

Онъ стоялъ, раскачиваясь на каблукахъ, крутя бороду.

— Бредни-съ... Однѣ бредни... и ничего больше... Сейчасъ видно, что ты жизни не знаешь. Да я тебя въ такую грязь затяну, что ты жизни рада не будешь! Не забывай, что на моей сторонѣ и законъ, и право, и общественное мнѣніе... Это чего-нибудь да

стóитъ... А у тебя — что?.. Я правъ своихъ на тебя даромъ не уступлю... Дудки-съ!..

Она поблѣднѣла такъ сильно, что на минуту ему показалось, что ей сейчасъ будетъ дурно... Но она, не сморгнувъ, смотрѣла ему въ лицо большими глазами, словно видѣла въ первый разъ.

— Твои права?.. прошептала она.— Какія?

— Законныя, Лизавета Николаевна. Вотъ какія... У насъ сынъ... ты имя мое носишь... Дай тебѣ волю, ты съ своими „идеями" черезъ годъ очутишься... чортъ знаетъ гдѣ... А я теряй все изъ-за тебя, всю карьеру?.. Меня вѣдь тоже за это по головкѣ не погладятъ... Да и чего ради я буду свою жизнь коверкать изъ-за бабьяго каприза? Коли мы чужіе, — живи со мной... Я тебя прошу объ этомъ...

Она медленно встала съ дивана и пошла къ портьерѣ.

— Не хочешь?.. Твое дѣло... но и жертву изъ себя не разыгрывай... Тебѣ не въ чемъ упрекнуть меня... Люди не расходятся изъ-за какихъ-то тамъ... дурацкихъ убѣжденій... У всякаго—свои...

Она быстро обернулась.

— А твой пріютъ?

Онъ понялъ по-своему.

— И этого ты ничѣмъ не докажешь. Она — моя помощница—и только.

Лизавета Николаевна была уже у двери.

— Лиза... Ты что?.. Ты куда?.. Что ты хочешь дѣлать?

— Налить тебѣ еще чаю.

— Послушай... ты... я человѣкъ терпѣливый... Но не доводи меня до крайности!..

Она вышла, не оборачиваясь.

Въ передней она столкнулась съ лакеемъ, испуганно бѣжавшимъ на раздраженный звонокъ барина.

VI.

Лизавета Николаевна заперлась въ своей комнатѣ.

Она была потрясена. Къ такому отпору со стороны мужа она не приготовилась. Почему она вообразила, что онъ согласится?..

Она легла на кушетку и закрыла глаза. Душевная и физическая усталость словно разбили ее.

Будетъ долгая борьба... мелочная, грязная, упорная... Хватитъ ли у нея энергіи? Павелъ Васильичъ будетъ безпощаденъ въ своей враждѣ... Вѣдь онъ оберегаетъ свои права, свое самолюбіе и покой.

Въ столовой часы пробили одиннадцать.

Она лежала, вперивъ неподвижный взоръ въ темноту.

Страхъ передъ жизнью, — отвращеніе къ ней... Съ мощной силой эти чувства вдругъ поднялись въ ея душѣ... Онѣ приходили и раньше, но робко, тайкомъ, какъ незваные гости. Теперь эти голоса зазвучали властно, какъ голоса хозяевъ въ ея измученномъ сердцѣ... Исчезнуть...

Давно, когда она была маленькой, тетка ея по матери, гостившая у нихъ съ мужемъ,—отравилась въ ихъ домѣ. Какъ сейчасъ помнитъ она лицо покойницы въ гробу, уже черезъ нѣсколько часовъ покрывшееся зеленовато-темными пятнами; помнитъ слезы матери, ужасъ всей семьи.

Она была такая красивая, молодая, замужемъ... Жить бы ей, да жить,—говорили кругомъ... Положимъ, она не любила мужа, онъ былъ такого тяжелаго характера, ревновалъ... Но вѣдь онъ по-своему любилъ ее, не измѣнялъ ей... Гдѣ-жъ тутъ достаточныя причины, чтобъ умирать?.. Развѣ жизнь—наконецъ, сама по себѣ не благо?

Маленькая дѣвочка жадно слушала эти рѣчи... Неизгладимыми чертами врѣзалось ей въ душу воспоминаніе о вечерѣ наканунѣ роковаго дня.

Маленькая Лиза бѣгала по темной залѣ, ища закатившійся мячикъ и наткнулась на неподвижную фигуру, молчаливо и одиноко сидѣвшую въ углу. Въ это время всѣ въ столовой пили чай.

— Это ты, тетя? удивилась Лиза, узнавшая ее по какому-то инстинкту.—Что ты тутъ дѣлаешь?

— Думаю, Лизочка, думаю, съ грустью отвѣтила тетя.

Вдругъ она обняла ребенка и прижала къ груди.

— Поцѣлуй меня, дѣточка... Спасибо, милая, спасибо... И завтра поцѣлуй меня... Не побоишься, Лизочка?.. Помни... я только несчастная... Обѣщай мнѣ это...

Въ ея голосѣ зазвенѣли слезы.

Но Лиза не могла побѣдить своего ужаса и не исполнила обѣщанія. Она не рѣшилась поцѣловать это зеленоватое чужое лицо въ гробу, такое нѣмое, такое страшное...

Она никому не передала этого послѣдняго разговора, этого завѣта покойницы. Совѣсть мучила ее, она не спала по ночамъ. Какъ силился ея дѣтскій мозгъ проникнуть въ тайну смерти, понять, куда ушла эта живая, ласковая тетя, такъ горько плакавшая въ темномъ уголку!..

Но годы прошли, воспоминанія поблѣднѣли... Много позднѣе, уже будучи взрослой, она по просьбѣ матери, рылась въ ея шкатулкѣ, ища рецептъ отъ ревматизма. Ей попался конвертъ съ пожелтѣвшими чернилами: „сестрѣ Анютѣ"...

*

Она вздрогнула. Кто это могъ писать, кромѣ тети-Нади? У матери не было другихъ сестеръ.

Мать позволила прочесть ей предсмертныя строки:

„Не сердитесь на меня, мои дорогіе Оля и Николай Николаичъ... И не жалѣйте меня... Устала жить, поэтому умираю... Какъ хочется успокоиться и исчезнуть!"..

Лиза ничего не поняла. Ей было семнадцать лѣтъ. Какъ манила ее жизнь! Какой грезилась она ей прекрасной, яркой... грандіозной!..

„Тетя... милая тетя... теперь я тебя поняла"...

Она лежала недвижно. Глубокая тишина стояла въ домѣ. Въ комнатѣ было совсѣмъ темно. Только дрожащая полоска свѣта проникала изъ подъ двери дѣтской. У Шуры всегда горѣла лампадка. Не смотря на свои красныя щеки и презрѣнье къ женщинамъ, Шура боялся спать впотьмахъ.

За окномъ тихо пѣла начинавшаяся вьюга. Она забиралась въ трубы и тамъ выла жалобно, точно кого-то хороня. Слышно было, какъ Шура посапывалъ носомь во снѣ.

Отецъ не отдастъ его никогда... Шесть лѣтъ назадъ, когда она тоже рвалась на свободу, мечтала о новой жизни,—только этимъ именемъ ее удержали... Да и рѣшится-ли она сама тянуть за собой мальчика изъ этого комфорта на лишенья? Голодать и зябнуть самой,—о этого она не боится!.. Но Шура? Не проклянетъ-ли онъ ее первый?

Уйти одной, безъ Шуры? Какой смыслъ?.. Она—не героиня... Она прежде всего—мать... И онъ—ея единственная радость.

Волной нахлынула въ душу тоска. Слезы зажглись въ глазахъ.

Новая жизнь въ тридцать пять лѣтъ, не поздно-ли? Шесть лѣтъ, назадъ—сколько, еще въ ней было энергіи! Сколько плановъ!.. Силы ушли въ мелочной, ежедневной борьбѣ за свое *я*, за личность, которую оскорбляли и топтали въ грязь. Гдѣ-же взять мужества, чтобъ снова гнаться за иллюзіями?

Дыханье Шуры мѣрно доносилось къ ней.

— „Мальчикъ, милый, счастье мое! Дай мнѣ силу дотянуть до конца"!

Она не замѣтила, какъ забылась...

Что-то ее разбудило. Можетъ бой часовъ, который уже замеръ, когда она открыла глаза?.. А можетъ звалъ ее кто-нибудь?.. Кто звалъ?.. Шура?.. Или это приснилось?..

Какъ-будто кто-то вошелъ? Вздоръ! Вѣдь она заперлась на ключъ.

Она озиралась въ темнотѣ. Она сѣла на кушеткѣ, свѣсивъ ноги. Сердце билось болѣзненно, неровно.

Есть здѣсь кто нибудь?.. Но почему-же такая тишина и неподвижность?

Вздоръ! Чего она испугалась? Это нервы...

Она напряженно глядѣла въ тьму. И въ этой глубокой, казалось, звенящей тишинѣ росла ея тоска, холодная, давящая, необъяснимая.

Вдругъ ужасъ охватилъ ее.

— Кто здѣсь? беззвучно спросила она. Сердце стукнуло и замерло.

Она не въ силахъ была шевельнуться.

Кто-то вошелъ, какъ-будто, черезъ запертую дверь—незримый, безлицый, — и стоялъ тамъ, въ тишинѣ и тьмѣ надвигавшейся ночи...

Что-то случилось, чего ни вернуть, ни отвратить нельзя.

Шура! вырвался у нея тихій вопль ужаса.

Она кинулась въ дѣтскую, упала на колѣни передъ кроватью.

Шура крѣпко спалъ, на лѣвомъ боку, подложивъ руку подъ голову. Всѣ его вещи, аккуратно сложенныя, лежали на стулѣ, въ ногахъ. Сапоги чинно стояли на коврикѣ.

Лизавета Николаевна съ трепетомъ приникла губами къ его щекѣ, къ волосамъ, къ чуть влажному лбу.

Живъ... Живъ... Боже, какой ужасъ!.. Все лишь бы не это!..

Она вернулась въ спальню съ зажженной свѣчой—и оглядѣла комнату съ порога.

Слабый свѣтъ колыхался, борясь съ темнотой.

Тѣни безшумно уходили въ углы.

Она попробовала дверь. Заперта на замокъ. Что ей померещилось?.. Какія шутки играютъ нервы!..

Она все-таки зажгла лампу и въ первый разъ легла спать съ огнемъ. Дверь въ комнатку Шуры осталась открытой.

VII.

Это было дней за пять до Рождества.

Лизавета Николаевна подошла къ квартирѣ госпожи Шмидтъ и дернула съ силой звонокъ.

— Барыня дома? спросила она отворившую дверь кухарку.

— Дома, пожалуйте.

Лизавета Николаевна кинула бѣглый взглядъ на дверь жильца.

„Заперта.—Кажется, его нѣтъ дома? Какъ это удачно“!

Она быстро, не раздѣваясь, черезъ переднюю и кухню, прошла къ комнатѣ Марьи Васильевны. Она искренно не хотѣла встрѣчи съ Клименко, даже боялась ея. То, съ чѣмъ она шла сюда, она дѣлала не для Клименко, а для своей совѣсти.

Она постучалась.

— Кто тамъ?.. удивилась Марья Васильевна и высунула голову.

Съ секунду она всматривалась въ лицо Мельгуновой подъ вуалькой, не узнавая гостью.

— Я къ вамъ по дѣлу,—тихо сказала Лизавета Николаевна.— Не узнаете?.. Помните, у Клименко?

— Ахъ, это вы?

Марья Васильевна радостно и сконфуженно протянула гостьѣ холодную, какъ-будто мокрую руку.—Вы къ Клименко? Его нѣтъ сейчасъ...

— Я къ вамъ...

— Пожалуйста войдите... Только извините ради Бога!.. У меня безпорядокъ.

Въ плетеной корзинѣ на постели Марьи Васильевны спалъ ея младенецъ. Трехлѣтняя худенькая и блѣдная до синевы дѣвочка сидѣла на полу, среди вороха какихъ-то обломковъ, бывшихъ когда-то игрушками. Дѣвочка грызла баранку и сопѣла носикомъ. Она кашляла сухо и звонко.

Воздухъ былъ тяжелый, спертый.

Марья Васильевна засуетилась.

— Не хотите-ли чайку?.. Нынче такой морозъ... Вы, ради Бога извините... Вотъ я тутъ наплескала... стирать начала...

— Вы сами стираете?

— А то кому-же? Кухаркѣ я плачу три рубля. За эту цѣну ни одна на стирку не пойдетъ, особенно теперь, передъ праздникомъ... Ихъ ни о чемъ теперь не допросишься... А мнѣ трудно развѣ?.. Я здоровая... Это все, право, пустяки!.. Давайте, въ самомъ дѣлѣ, чай пить?

Мельгунова отказалась.

— Помните, Марья Васильевна, вы меня объ урокѣ просили?..

— Ну-съ?.. Помню...

— Вотъ я вамъ нашла!..

Марья Васильевна всплеснула руками.

— Нашли урокъ?.. Мнѣ?.. Да голубушка вы моя... Ужъ какъ я вамъ благодарна... и разсказать не могу... Я, знаете, какъ разъ тутъ, передъ праздникомъ совсѣмъ обнищала... совсѣмъ... Спасибо Алексѣю Иванычу... Далъ мнѣ деньги впередъ... а то просто хоть вой... Ахъ, что за золото этотъ Алексѣй Ивановичъ! Дровъ мнѣ купилъ, представьте!.. А самъ-то бѣденъ!.. Бѣлье у него худое... Родныхъ тутъ ни души... Я ему рубашку къ лѣту хочу вышить. Тихій онъ такой, точно монахъ... И все читаетъ... Вмѣстѣ читать предлагалъ... Только я, знаете ли, не охотница... У меня сейчасъ голова тяжелѣть начнетъ. То ли дѣло въ театръ сходить!..

Она вдругъ спохватилась и, отыскавъ табуретку, сѣла.

— А гдѣ же этотъ урокъ?—спросила она тише.

Мельгунова объяснила. Въ одной частной гимназіи. Два раза въ недѣлю по два часа. Двадцать пять въ мѣсяцъ... Тамъ уже ждутъ ее, переговоровъ не надо.

— Придите только представиться начальницѣ, вотъ вамъ моя карточка... Уроки начнете съ 8-го января...

Марья Васильевна улыбалась растерянной, счастливой улыбкой.

Лизавета Николаевна поднялась. Ее мутило въ этомъ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ пеленокъ и скисшагося молока.

— Вы тамъ съ пятнадцатаго числитесь,—сдержанно заговорила она, глядя съ страннымъ смутнымъ чувствомъ недоброжелательства на эту рослую, стройную женщину. Безъ флюса и платка бывшая артистка была очень недурна и пикантна, несмотря на красные отъ стирки пальцы и грязную блузу.

„Читаютъ вмѣстѣ... Гдѣ же это они читаютъ?.. Неужели въ такомъ воздухѣ?.. Онъ видно не брезгливъ“—враждебно думала Лизавета Николаевна.

— Какъ съ пятнадцатаго? Я тамъ не была,—удивилась Марья Васильевна.—Что это, голубушка Лизавета Николаевна, я васъ не пойму никакъ?..

— И не стоитъ понимать,—сухо усмѣхнулась Мельгунова и вынула кошелекъ.—Тамъ учительница отказалась пятнадцатаго... Начальница предложила вамъ, въ виду праздниковъ, впередъ тринадцать рублей... Вотъ они...

Марья Васильевна осторожно взяла деньги и засіяла улыбкой. На щекахъ ея выступили ямочки.

„Теперь читаютъ,—думала Мельгунова, а потомъ онъ ее въ эти ямки будетъ цѣловать... О какъ пошло... какъ старо!“

— Ну что за ангелъ ваша начальница!.. Вѣдь вотъ бываютъ же добрые люди на свѣтѣ!.. Я всегда говорила Алексѣю Ивановичу, что вѣрю въ свою звѣзду... Не падала духомъ и не упаду... Я счастливая...

Она вдругъ запѣла и нѣсколько разъ перевернулась передъ отодвинувшейся гостьей.

— Вотъ нынче же Алексѣю Ивановичу верну долгъ... Онъ, знаете ли, изъ-за меня кажется, домой на праздники не ѣдетъ... Ему на дорогу деньги выслали, а онъ мнѣ дровъ купилъ... да Настѣ пять рублей за меня далъ...

— Кто эта Настя?.. быстро спросила Мельгунова и рука ея замерла на пуговицѣ шубки, которую она разстегнула, доставая деньги.

— А это подруга моя... піанистка тутъ одна... Бѣдствовала страшно... Тоже изъ консерваторіи... Уроки у нея были и поря-

дочные... Да заработалась что ли? Вдругъ заговариваться начала... Хочетъ сказать: „сыграйте гамму...“, а сама говоритъ—„сыграйте палку...“ Это ученику-то. Разъ такъ, другой... а потомъ и совсѣмъ замолола что-то несуразное. Пролежала въ клиникѣ годъ... Вышла,—уроки всѣ потеряла, піанино за долги продано... Хоть въ прислуги нанимайся... Уголъ снимаетъ гдѣ-то... Плакала я тутъ, плакала надъ ней какъ-то... А что я могу? Лизавета Николаевна, голубушка... Вотъ вы такая добрая... Мою нужду пожалѣли, запомнили... Вѣдь я всего разъ васъ видѣла... а вы запомнили, да схлопотали... Не услышите ли урочка музыки гдѣ? Или просто такъ работу? Она шить тоже мастерица... она и въ бонны теперь идти рада... Вѣдь ей только съ голоду остается помереть, коли мѣсто не выйдетъ... Да и въ бонны-то не скоро возьмутъ. Первымъ дѣломъ,—въ нервной клиникѣ была, кто и побоится ребенка ей довѣрить... а потомъ неохотно барышню возьмутъ, будутъ стѣсняться... Она такая несчастная...

Голосъ ея дрогнулъ и оборвался. Слезы быстро наполнили ея круглые глаза.

— Дайте мнѣ адресъ вашей подруги,—сказала Мельгунова.

— Адресъ... Зачѣмъ?.. Неужто у васъ урокъ есть?

— Д-да... кажется, что есть.

— Ахъ, Господи!.. Вотъ бѣда-то!.. засуетилась хозяйка.—Ни карандаша, ни бумаги... Постойте, у жильца возьму... Его дома нѣтъ.

Она выбѣжала, напѣвая.

Лизавета Николаевна сѣла на стулъ. Волненья, съ которымъ она шла сюда, давно уже не было. Оно угасло, какъ пламя, на которое подулъ холодный вѣтеръ. И у нея въ душѣ стало такъ холодно, такъ мертво...

— Послѣднее отдаю... теперь сама безъ копейки... Ничего не подѣлаешь... Отдавать надо... Ахъ, и не все ли равно?..

Апатія сковала ледяной корой ея душу, и эта вялость передавалась тѣлу. Не хотѣлось встать, уходить на морозъ, тащиться домой въ такую даль... А дома что ждетъ?.. Одиночество... тоска, тоска...

Отчего раньше не было этой удручающей тоски? Откуда оно это невыносимое сознаніе одиночества и своей ненужности?

Марья Васильевна торопливо вбѣжала и протянула клочекъ бумаги гостьѣ.

— Вотъ... разберете ли только?..

Мельгунова поднялась и протянула руку.

— До свиданья.

Она была уже у двери въ кухнѣ, когда въ передней дрогнулъ звонокъ.

Мельгунова такъ и захолодѣла вся.

— Господи!.. Чего вы испугались? Это Алексѣй Ивановичъ навѣрно изъ кухмистерской своей вернулся.

— Молчите,—зашептала Мельгунова,—молчите. Я не хочу, чтобъ онъ меня встрѣтилъ...

Ея расширенные глаза блестѣли. Дыханіе было короткое. Она сама не понимала, отчего такъ забилось ея сердце?

„Все нервы глупые... Ну что мнѣ—увижу я его или нѣтъ?"

Марья Васильевна, удивленная, сконфуженная, проводила ее въ переднюю и откинула крючокъ.

Мельгунова, выходя, слышала шаги и кашель Клименко... Какой глухой звукъ!.. Отчего? Кажется, онъ раньше не кашлялъ.

Она бѣжала по обледенѣлой панели, словно боясь погони. Только за угломъ она перевела духъ и оглянулась...

Никого... И что за блажь—вообразить, что онъ побѣжитъ за ней!.. И зачѣмъ?.. Чтобъ сказать, что онъ теперь вернулъ ей свое уваженье?.. Какъ будто она все это сдѣлала для него?..

Она шла медленно, вялая, разбитая. Домой не тянуло. И никуда не тянуло. Чувство одиночества, безсилія и тоски, сковывало постепенно ея мысли, которыя за минуту передъ тѣмъ лихорадочно бились, какъ вспугнутыя ночью въ лѣсу птицы. Она знала, что кончена борьба этихъ двухъ недѣль, мучительная борьба совѣсти ея, не будетъ волненій и тревоги, наполнявшихъ ея жизнь. Теперь и жизни не будетъ. Она сожгла за собой корабли, отреклась отъ независимости, добровольно отреклась отъ всего чѣмъ жила эти двадцать лѣтъ...

А дальше что? Дальше какъ?

Она ничего не видѣла во мглѣ грядущаго, не озареннаго никакими радостями и ей было жутко...

А. Вербицкая.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ.

(*Продолженіе* *).

IV.

Крупная фабрика и ремесленная мастерская, крупное и мелкое земледѣліе.—Различныя техническія единицы въ земледѣліи и ихъ зависимость отъ орудій труда.—Техническая централизація и концентрація, право собственности.—Большая производительность мелкой собственности и значеніе этого факта.

Многіе полагали и еще теперь полагають, что законы развитія, замѣчаемые въ сферѣ обрабатывающей промышленности, могутъ быть цѣликомъ примѣнены и къ развитію земельныхъ отношеній. Какъ централизація и вообще крупное производство постоянно возрастаютъ, такъ точно и въ земледѣліи, по обще-ходячему мнѣнію, крупная собственность должна со временемъ поглотить крестьянскую усадьбу. И если даже не всѣ понимали вопросъ о взаимномъ соотношеніи между различными формами земледѣлія такимъ шаблоннымъ образомъ, то все-таки тяготѣли безсознательно къ такому рѣшенію. Но жизнь въ своемъ развитіи выдвинула болѣе сложныя стремленія, не укладывающіяся въ такую черезъ чуръ незамысловатую формулу. Она пошла еще дальше, такъ какъ въ каждой провинціи международной территоріи создала другую постановку поземельныхъ отношеній и иначе противопоставила мелкое и большое землевладѣніе. Въ одномъ лишь нечего сомнѣваться, именно въ томъ, что вездѣ, гдѣ мелкое производство преобладаетъ, агрономическій прогрессъ подвигается медленно, скажемъ даже: неуклюже. На этотъ счетъ мы могли бы повторить сказанное нѣкогда Я. Г. Эккаріусомъ: «Мы можемъ назвать неисправимымъ глупцомъ каждаго, кто готовъ защищать ручное веретено и ручной ткацкій станокъ противъ автоматическаго веретена и автоматическаго станка, или возъ, тащимый лошадьми и волами, противъ транспорта, совершаемаго при помощи пара. Мелкое земледѣліе находится въ такомъ же самомъ положеніи по отношенію къ крупному, въ какомъ ручное веретено и ручной станокъ въ сравненіи съ механическими приборами. Въ былыя времена

*) См. «Міръ Божій» № 7, іюль.

тысячи веретенъ и тысячи паръ рукъ и ногъ пряли тысячу нитей, все равно составляла ли эта тысяча веретенъ собственность одного лица, или каждое веретено принадлежало кому нибудь другому. Равнымъ образомъ для обработки имѣнія, занимающаго 10.000 акровъ требовалось столько труда, сколько для обработки тысячи крестьянскихъ усадьбъ, каждая пространствомъ въ десять акровъ. Мелкое крестьянское хозяйство—земледѣліе прошедшаго. Оно принадлежитъ къ той общественной формаціи и находится въ соотвѣтствіи съ тѣми общественными отношеніями, когда потребности членовъ каждой провинціи, каждаго села, даже каждой семьи удовлетворялись продуктами собственнаго поля. Оно—пережитокъ той эпохи, когда громадныя массы людей были до нѣкоторой степени прикрѣплены къ почвѣ. Крупное земледѣліе создаетъ средства пропитанія и сырье для промышленнаго населенія, мелкая крестьянская усадьба лишь для самого крестьянина».

Централизація въ обрабатывающей промышленности опирается на томъ, что вмѣсто технической единицы, свойственной ремеслу и состоящей изъ одного ремесленника съ необходимыми снарядами, возникла техническая единица высшаго разряда, въ составъ которой входитъ ассоціація дополняющихъ другъ друга машинъ съ надлежащей силы механическимъ моторомъ, а иногда многочисленнымъ отрядомъ рабочихъ. Фабрика никакъ не преставляетъ собой простой суммы ремесленныхъ единицъ, но вводитъ новое мѣрило, въ основаніи котораго покоится такая высшая единица. И въ земледѣліи появляется такая высшая техническая единица, вызывающая за собой тотъ фактъ, что 1.000 акровая ферма не представляетъ простой арифметической суммы ста крестьянскихъ усадебъ, каждая по десяти акровъ. Возникновеніе такой высшей единицы въ земледѣліи возможно лишь при соотвѣтственномъ увеличеніи размѣровъ самой фермы. Каждый фазисъ техническаго развитія въ земледѣліи создаетъ другой минимумъ пространства, ниже котораго не стóитъ или невозможно употреблять данныхъ орудій. По мнѣнію Г. Краффта молотилка вполнѣ оплачивается на фермѣ, заключающей по крайней мѣрѣ 70 гектаровъ пространства, паровая же молотилка требуетъ 250 гектаровъ, наконецъ паровой плугъ—1.000.

«Величина крестьянской усадьбы—пишетъ Р. Мейеръ—т. е. хозяйства, рабочая сила котораго состоитъ изъ семьи, заключающей 4—5 лицъ, способныхъ работать, зависитъ отъ качества орудій, употребляемыхъ земледѣльцемъ. Въ древнемъ Римѣ равнялась она 1—5 югерамъ, позднѣе 7 югерамъ. Мужчина при помощи двухъ-трехъ домашнихъ невольниковъ употреблялъ плугъ, но сѣяніе и обкапываніе совершались при посредствѣ рукъ. Послѣ изобрѣтенія бороны появляется манза, около тридцати морговъ: бросали зерно въ землю широкимъ размахомъ, проводили борону по полю передъ и послѣ посѣва. Славян-

скій крестьянинъ надъ Эльбой, лѣтъ тому 500, употреблялъ мотыку, съ помощью которой онъ могъ воздѣлывать лишь легкую почву, славянская усадьба заключала въ себѣ только 30 морговъ: когда голландскіе колонисты поселились туда, принося съ собой плугъ на колесахъ, усадьба возросла до 60 морговъ. Теперь мы находимся наканунѣ перехода отъ «вьючной» къ «машинной» усадьбѣ, пространствомъ около 250 морговъ» *).

Столько о крестьянской усадьбѣ. Но дѣло ею не исчерпывается.

«Вѣроятно и въ земледѣліи произойдетъ тоже самое измѣненіе, которое совершилось въ промышленности. Оно все еще пользуется животной силой, именно лошадьми и волами. Но съ тѣхъ поръ, какъ появились электрическіе акумуляторы и малыя паровыя машины, замѣняющія силу двухъ лошадей, ближайшій прогрессъ машинной техники будетъ заключаться въ изобрѣтеніи малыхъ моторовъ для земледѣльца. Такая реформа еще увеличитъ размѣры имѣнія. Пока пользовались вьючной силой воловъ, именно въ каролингскую эпоху, земледѣльческія хозяйства должны были быть очень малы. Онѣ возрасли съ примѣненіемъ лошадиной силы. Въ наше время величина 2.000—3.000 морговъ самая подходящая; при примѣненіи болѣе скораго мотора, чѣмъ лошадь, помѣстье можетъ заключать 5.000—18.000 морговъ».

Мы вовсе не убѣждены въ достовѣрности цифръ, приведенныхъ германскимъ экономистомъ, но основная мысль его выводовъ, именно, что въ земледѣліи существуетъ минимальная граница пространства, ниже котораго не оплачивается употребленіе данныхъ орудій, и что каждому фазису орудій соотвѣтствуетъ опредѣленная площадь воздѣлываемой земли, несомнѣнно вѣрна. Но и тутъ нѣтъ той простоты, которая свойственна сферѣ обрабатывающей промышленности. Во первыхъ земледѣліе состоитъ изъ большаго количества различныхъ работъ и задачъ, обособляющихся другъ отъ друга въ колоніяхъ и въ болѣе развитыхъ пунктахъ старой культурной территоріи, но въ большинствѣ случаевъ еще крѣпко держащихся вмѣстѣ. Каждая изъ этихъ работъ обладаетъ другой технической единицей, которыя не находятся въ одномъ и томъ же фазисѣ развитія, между тѣмъ, какъ техника мелкой и крупной промышленности мало взаимно разнятся. Во-вторыхъ, если возьмемъ даже хлѣбопашество, то и тамъ отдѣльныя дѣятельности не составляютъ органическаго цѣлаго, и высшая техническая единица не такъ выразительна, какъ въ обрабатывающей промышленности.

Все-таки, такая высшая единица, довольно неопредѣленная и хаотическая, существуетъ. Но нечего доказывать, что она, составляя основу централизаціи, никакъ не можетъ служить исходной точкой для концентраціи правъ собственности. Если мы желаемъ изслѣдовать ростъ

*) R. Meyer. *Das Sinken der Grundrente und dessen mögliche sociale und politische Folgen*. Вѣна, 1894, str. 145 и 101.

централизаціи въ земледѣліи, мы должны были бы познакомиться съ распространеніемъ ея, т. е. технической единицы. Можетъ случиться, что имѣніе распадается. По виду происходитъ децентрализація. Но въ окончательномъ результатѣ, такое распаденіе, быть можетъ, создаетъ, вмѣсто бывшей простой суммы техническихъ силъ болѣе низкаго разряда, техническія единицы, опирающіяся на орудіяхъ высшаго разряда. Но, къ несчастію, нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ, позволяющихъ рѣшить этотъ вопросъ. По необходимости мы должны ограничиться статистическими данными, дающими величину концентраціи правъ собственности, какъ единственнымъ указаніемъ хода развитія поземельныхъ отношеній.

Высшая техническая единица, возникающая вслѣдствіе примѣненія молотилки вмѣсто прадѣдовскихъ обыкновенныхъ цѣповъ, и паровой машины вмѣсто улучшенной молотилки, составляетъ исходную точку дальнѣйшаго развитія централизаціи. Фабрика производитъ дешевле, если въ своихъ стѣнахъ совмѣщаетъ нѣсколько производительныхъ единицъ, т. е. однообразныхъ ассоціацій машинъ, она тогда экономитъ на освѣщеніи, администраціи и т. д. И земледѣльческое предпріятіе можетъ съ пользой возрастать дальше предѣловъ, обусловленныхъ технической единицей. Зоотехническій прогрессъ возможенъ лишь тогда, когда скотоводство ведется въ болѣе широкихъ размѣрахъ. И раціональная эксплоатація другихъ промысловъ, особенно если она должна пользоваться систематическими совѣтами спеціалистовъ, неразрывно связана съ опредѣленной, довольно значительной величиной имѣнія. Но съ другой стороны, по мѣрѣ увеличенія размѣровъ помѣстья, начинаютъ возрастать издержки и противодѣйствовать положительнымъ сторонамъ. Какъ существуеть минимальная граница для производительнаго примѣненія данныхъ орудій въ земледѣліи, такъ точно техническія условія накладываютъ предѣлы и для максимальной величины фермы, выше которыхъ производство перестаетъ оплачиваться. Мы это поймемъ лучше, останавливаясь на вычисленіяхъ фанъ-Тюнена, какъ рента на фермѣ уменьшается по мѣрѣ увеличенія издержекъ, транспорта навоза, хлѣба и т. д. По счетамъ германскаго экономиста рента, приносимая гектаромъ пашни, равняется:

Разстояніе отъ фермы.	Производительность въ гектометрахъ.		
	25	20	15
100 метровъ	23 мар.	15 мар.	7 мар.
1,000 »	17 »	11 »	4 »
2,000 »	14 »	7 »	4 »
3,000 »	10 »	3 »	— »
4,000 »	5 »	0 »	— »
5,000 »	0 »	— »	— »

Латифундіи по этому поводу должны всегда распадаться на меньшія единицы, въ земледѣльческомъ отношеніи иногда вполнѣ незави-

симыя. Концентрація правъ собственности, при существующихъ правовыхъ порядкахъ, теоретически не знаетъ предѣловъ, но техническое сосредоточеніе производства находится не въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Мы этимъ никакъ не желаемъ сказать, чтобы такая концентрація правъ собственности не вызывала положительныхъ результатовъ, но эти послѣднія не всегда бываютъ эксплоатированы и даже въ случаѣ эксплоатаціи не такъ значительны, чтобы рѣшить дѣло въ исключительную пользу латифундіи. Г. Краффтъ въ своемъ трудѣ объ управленіи имѣніемъ представляетъ положительныя стороны организаціи крупныхъ помѣстій въ Австріи: «имѣніемъ завѣдуетъ т. н. центральная канцелярія съ экономическимъ совѣтникомъ во главѣ. Дѣятельность этого послѣдняго состоитъ въ изслѣдованіи плановъ, выработанныхъ канцеляріей. Онъ руководитъ годичными собраніями управляющихъ отдѣльными помѣстьями, производимыми для объедененія экономическихъ задачъ. Благодаря такому цѣльному управленію, нѣкоторые промыслы выиграли отъ такого сосредоточенія. Скотоводство находится подъ контролемъ одного спеціалиста, который руководитъ общимъ направленіемъ этой отрасли сельскаго хозяйства. Коневодство ведется на болѣе отдаленныхъ фермахъ, производство воловъ для собственнаго употребленія на другихъ, выкармливанію скота отведены помѣстья, находящіяся вблизи желѣзной дороги, куда еще невыкормленный или полувыкормленный скотъ прибываетъ изъ дальнѣйшихъ фермъ. Молочное хозяйство подобнымъ образомъ сосредоточено и ведется по фабричнымъ образцамъ. Если въ имѣніи находится свеклосахарный или винокуренный заводъ, все хозяйство пріурочено къ доставкѣ для нихъ сырья. Лѣсное хозяйство, кузнечныя работы, питомники, все это принимаетъ другой видъ, сообразный съ указаніями науки и техники».

Положительныя стороны, проистекающія изъ объединенія производства, концентраціи управленія на большихъ пространствахъ и соединенія земледѣльческаго труда съ обработывающей промышленностью, возможность захвата въ свои руки мѣстнаго рынка и вообще болѣе ловкая купеческая сноровка,—таковы положительныя стороны латифундій, завѣдываемыхъ умѣлой рукой. Но какъ мы уже замѣтили, онѣ недостаточны, чтобы противодѣйствовать другимъ факторамъ, благопріятствующимъ сохраненію мелкаго земледѣлія. Даже въ такомъ усовершенствованномъ промыслѣ, какъ текстильный, существуютъ въ Силезіи и Богеміи, вблизи современныхъ фабрикъ, ручные станки. Нечего и говорить, что въ земледѣліи, въ которомъ техническія преимущества крупнаго производства не разнятся такъ глубоко отъ условій мелкаго производства, и въ которомъ существуютъ причины, мѣшающія росту централизаціи, болѣе почвы для того, чтобы мелкія формы борьбы человѣка съ природой, не смотря на свою рутину и консерватизмъ, сохранялись упорнѣе.

Есть обстоятельства, и техническія, и соціальныя, благопріятствующія сохраненію крестьянскаго землевладѣнія, особенно въ странахъ старой Европы.

Многіе старались доказать, что мелкая крестьянская собственность отличается бо̀льшей производительностью, чѣмъ крупная. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны, относительно нѣкоторыхъ частей Фландріи, Нормандіи и другихъ мѣстностей, признать, что крестьянская усадьба можетъ тамъ похвастать необычной производительностью и что десятина такой земли доставляетъ больше продукта, чѣмъ на крупной фермѣ. О Китаѣ съ его мелкой собственностью мы не говоримъ, не желая вводить въ анализъ слишкомъ обособленныхъ общественныхъ условій. Но, приводя такіе примѣры крестьянской усидчивости, не слѣдуетъ забывать о громадномъ количествѣ труда, затраченномъ на такую усадьбу. Вся семья проводитъ цѣлый день въ работѣ, всегда находя тамъ что-нибудь для дополненія. Если бы, при сравненіи взаимной производительности мелкаго и крупнаго земледѣлія, мы обратили вниманіе не на площадь, изъ котораго получается продуктъ, но на количество затраченнаго человѣческаго труда, можетъ быть,—и даже навѣрное,—наше восхищеніе исчезло бы, какъ вполнѣ неумѣстное. При современномъ правовомъ режимѣ, когда на фермѣ приходится платить за всякую работу, между тѣмъ какъ крестьянская усадьба расходуетъ трудъ своихъ членовъ, не считаясь съ копѣйкой, такая усадьба можетъ обладать бо̀льшей производительностью. Въ ея продуктѣ воплощенъ трудъ, быть можетъ, два раза и болѣе интенсивный. Мы можемъ присмотрѣться къ этой разницѣ въ пшеничной степи Дакоты, гдѣ рабочій на крупныхъ фермахъ трудится опредѣленное количество часовъ и гдѣ крестьянинъ не ведетъ такихъ счетовъ самъ съ собой и работаетъ ежедневно три и четыре часа дольше. Благодаря такому излишнему труду, и культура земли на малой фермѣ можетъ находиться на болѣе высокомъ уровнѣ. «Бѣдный крестьянинъ,—пишетъ Лавеле о фландрскомъ землепашцѣ,—обращается къ деревенской лавкѣ за покупкой одного или двухъ мѣшковъ гуано. Лишь мелкій собственникъ съ мотыкой въ рукѣ можетъ воздѣлывать плохія земли и произвести тамъ чудеса подъ вліяніемъ своей любви къ матери-землѣ... Крестьянинъ не обращаетъ вниманія на то, что ему приходится трудиться весь день, не считается съ своимъ утомленіемъ и, работая два раза больше, собираетъ два раза столько продукта, чѣмъ тогда, когда бы работалъ въ качествѣ наемнаго рабочаго». Въ такихъ условіяхъ неудивительно, что какой-нибудь кусокъ крестьянской земли въ Фландріи воздѣланъ образцовымъ образомъ, хотя собственникъ его пользуется примитивными орудіями и мало знакомъ съ прогрессомъ агрономіи.

Да, крестьянская усадьба бываетъ пристанищемъ очень интенсивнаго труда. Но еще разъ повторяемъ, что результаты не соотвѣтство-

вали бы затратѣ, если бы мы сравнили количество вложенныхъ усилій съ полученными послѣдствіями, особенно если бы мы взяли въ счетъ вознагражденіе, которое мелкій земледѣлецъ получаетъ за свой трудъ. Я полагаю, что получилась бы очень любопытная монографія, если бы кто-нибудь задался цѣлью проанализировать, какъ крестьянинъ, нѣкогда вполнѣ независимый отъ всѣхъ рыночныхъ условій, становится теперь общественнымъ батракомъ, трудящимся для безличнаго господина и оплачиваемымъ отчасти продуктами, отчасти деньгами, и окончательное его вознагражденіе ниже въ большинствѣ случаевъ чѣмъ получаемое фабричнымъ рабочимъ. Съ нимъ происходитъ тоже самое, что съ ручнытъ ткачемъ: усиленный трудъ всей семьи долженъ ей доставить лишь столько, сколько нужно, чтобы прожить самымъ скромнымъ образомъ.

Крестьянинъ работаетъ, сколько можетъ, не считаясь съ потраченными усиліями, лишь бы добыть то количество продукта и денегъ, которое необходимо для поддержанія его плачевнаго существованія. Хлѣбъ его на мѣстномъ рынкѣ продается по самой низкой цѣнѣ, онъ самъ удовлетворяется такимъ доходомъ съ усадьбы, который далъ бы ему возможность кое-какъ просуществовать, не мечтая о прибыли, безъ которой большое имѣніе немыслимо. Безпомощный, онъ готовъ уплачивать высокія цѣны, покупая или беря въ аренду землю. Мейценъ замѣчаетъ, что большія имѣнія въ Германіи продаются за цѣну, представляющую 52 кратную величину поземельной подати, крупныя крестьянскія усадьбы 65, мелкія же 78 кратную названной подати. Тутъ мы можемъ привести тотъ фактъ, что никакой капиталистъ не далъ бы ирландскому лорду такой высокой аренды, какую уплачиваетъ мелкій фермеръ, питающійся исключительно картошкой. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, большія помѣстья во многихъ мѣстахъ распадаются на мелкіе куски земли,—землевладѣльцу выгоднѣе отдавать ихъ въ аренду или продавать въ такой формѣ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ условій въ обществѣ происходитъ раздробленіе поземельной собственности всякій разъ, когда цѣны продуктовъ на рынкѣ начинаютъ предъявлять постоянное стремленіе къ своему пониженію и уровень поземельной ренты падаетъ—вѣдь крестьянинъ стремится не къ прибыли, но желаетъ пріобрѣсти «мастерскую», которая, позволяя вкладывать чрезмѣрный трудъ, доставляла бы взамѣнъ скромныя средства существованія. Онъ выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы съ крупной собственностью точно также, какъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Германіи табачныя фабрики распались на мастерскія деревенскихъ кустарей, собственными руками выдѣлывающихъ издѣлія; а вмѣсто фабрики возникла контора, выдающая сырье. Но такая побѣда—несчастье для общественнаго прогресса. Она—закабаленіе человѣка въ рабство нищеты, неспособной отыскать исходъ.

Съ теоретической точки зрѣнія мы представили преимущества каж-

дой формы землевладѣнія. Какъ онѣ взаимно укладываются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это зависитъ отъ множества частныхъ обстоятельствъ, причемъ каждая мѣстность развивается иначе, сообразно съ взаимнымъ характеромъ производительности разныхъ формъ землевладѣнія, огуломъ экономическихъ условій и наконецъ историческимъ прошлымъ, не говоря уже о существующихъ правовыхъ учрежденіяхъ. Но, кончая нашъ теоретическій обзоръ взаимнаго соотношенія крупной и мелкой поземельной собственности, мы должны еще обратить вниманіе читателя на одинъ факторъ, мѣшающій сосредоточенію земли. «Банкротство,—пишетъ К. Каутскій,—множества мелкихъ хозяйствъ—вотъ необходимое условіе для возникновенія крупнаго поземельнаго предпріятія. Но этого недостаточно. Лишаемые надѣловъ, мелкіе землевладѣльцы должны составлять сплошное пространство въ томъ случаѣ, если на мѣсто ихъ должна появиться крупная собственность. Ипотечный банкъ въ теченіе года можетъ объявить продажу нѣсколькихъ сотенъ крестьянскихъ надѣловъ, но изъ нихъ не образуется еще большое имѣніе, такъ какъ они не соединены другъ съ другомъ, но лежатъ въ различныхъ мѣстахъ. Банкъ можетъ съ ними продѣлать лишь одно, именно продать отдѣльно, такимъ же образомъ, какъ ихъ получилъ, или раздѣлить еще больше, если скорѣе найдетъ покупателей для такихъ еще болѣе раздробленныхъ кусковъ».

V.

Концентрація помѣстій въ Германіи до появленія заморскаго соперничества.—Рентовыя усадьбы.—Неодинаковое вліяніе рыночныхъ условій на крупное и мелкое землевладѣніе.—Динамика развитія обѣихъ формъ собственности—особенная въ каждой мѣстности.—Крупная собственность не побѣждаетъ.—Централизирующее вліяніе общественной обстановки.

Мы уже обратили вниманіе на тотъ фактъ, что до появленія колоніальнаго соперничества, цѣны земли все росли. Каждый вкладъ капиталовъ въ землю, кромѣ почетнаго положенія въ обществѣ, обезпечивалъ покупателю не только надлежащей величины доходы, но еще нѣкоторую премію на будущее. Соціальный прогрессъ трудился въ пользу помѣщика. А потому во всѣхъ странахъ, на сколько этому не противодѣйствовали правовыя учрежденія, проявлялось стремленіе «округлять» имѣнія. Въ этомъ отношеніи Германія представляетъ образцовые примѣры. Р. Мейеръ въ одной изъ своихъ книгъ даетъ списокъ крупныхъ имѣній штетинскаго округа. Данныя его обнимаютъ лишь ростъ латифундій, но они на столько систематичны и связаны совокупностью аграрныхъ отношеній, что служатъ иллюстраціей вообще стремленій, свойственныхъ поземельному развитію.

«Сто лѣтъ тому назадъ крестьяне владѣли большею площадью земли чѣмъ теперь. Въ нынѣшней Помераніи существовало тогда 1769 помѣстій и 1276 крестьянскихъ деревень. Теперь находится 2.263, т. е.

ровно на 500 помѣстій больше въ индивидуальномъ владѣніи. Значительное ихъ количество образовалось путемъ децентрализаціи. Такимъ образомъ слѣдуетъ объяснить возникновеніе громаднаго числа имѣній семьи Путбусъ; другія произошли отъ захвата крестьянскихъ земель въ частныя руки во время и послѣ войнъ Наполеона I. При регулировкѣ крестьянскихъ отношеній въ 1816 г. количество луговъ и пашень въ 353 рыцарскихъ имѣніяхъ, заключающее въ 15 помѣстьяхъ 102.000 гектаровъ, увеличилось на 40.000. Кромѣ того слѣдуетъ прибавить и то пространство, на которое возрасли пастбища и лѣса. Въ теченіе 1822—1836 въ одномъ изъ трехъ округовъ провинцій, кеслинскомъ, 312 крестьянскихъ имѣній включено въ составъ рыцарскихъ имѣній, 16 же соединено въ крупныя помѣстья. И въ позднѣйшія времена, концентрація происходила часто. Въ штетинскомъ округѣ рыцарскія имѣнія въ среднемъ заключали 612 гектаровъ въ 1837 г.; 629 въ 1851 г.; наконецъ 840 гектаровъ въ 1891 г. или, въ общей своей площади: 385.000 гектаровъ въ 1837 г.; 390.000 въ 1851 г. и 512.000 гектаровъ въ 1891 г.

«Слѣдуетъ удивляться развитію латифундій въ продолженіи послѣднихъ сорока лѣтъ. 62 землевладѣльца въ теченіе этого промежутка времени увеличили количество своихъ имѣній съ 229 на 485, ихъ родственники и однофамильцы съ 229 на 609» *).

Какъ пополненіе данныхъ Р. Мейера, мы приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ одного труда, написаннаго въ 1885 г. и тоже относящагося къ Германіи:

«Еще недавно тутъ существовала деревня съ волостнымъ правленіемъ, училищемъ и т. д. Сегодня ея нѣтъ.

«Здѣсь была расположена деревня, но жители ея эмигрировали и дома проданы на сломъ. Плугъ запахалъ прежнее мѣстопребываніе человѣка. Лишь кладбище служитъ свидѣтельствомъ, что нѣкогда здѣсь жили люди.

«Такъ разсказываютъ о монгольскомъ погромѣ и послѣдствіяхъ тридцатилѣтней войны... Германія находится наканунѣ ландлордизма. Латифундіи растутъ».

Все это лишь отдѣльные факты, не представляющіе еще концентрацій, ни того, на сколько разбираемыя стремленія были повсемѣстны въ Германіи. Но все-таки они показываютъ существованіе извѣстной тенденціи. О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и отношеніе юнкеровъ къ народническимъ планамъ раздробленія земли. Ягеповъ-Родбертусъ, этотъ удивительный теоретикъ, стремящійся согласовать соціализмъ съ гогенцоллернской идеологіей, проектировалъ создать зажиточное многочисленное крестьянское сословіе при помощи рентовыхъ усадебъ. Онъ стремился доставить матеріальное благосостояніе крестьянамъ,— группѣ, которая по своей природѣ будетъ всегда лелѣять консервативныя идеалы. Простой счетъ показалъ бы величину годичной ренты,

*) R. Meyer Das Sinken der Grundrente. Вѣна 1894, стр. 90—92.

получаемой отъ даннаго куска земли, колонистъ покупалъ бы его, уплачивая только эту годичную сумму и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, внося ее барщиной, но пользуясь правомъ совсѣмъ выкупить землю, если бы пожелалъ. Родбертусъ разработалъ свой проектъ еще въ то время, когда поземельная рента постоянно поднималась, съ нею и стоимость имѣнія—обстоятельства, позволяющія крестьянину дѣлать сбереженія и окончательно выкупить участокъ. Но его стремленія оказались мечтой, помѣщики не желали пожертвовать своей привиллегіей получать все возрастающій доходъ для цѣлей созданія зажиточнаго крестьянства. Но о нихъ вспомнили въ Германіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда положеніе измѣнилось и рента начала падать. Въ парламентѣ были проведены такъ называемыя рентовыя права. Первое изъ нихъ, принятое въ іюнѣ 1890, позволяетъ каждому землевладѣльцу раздѣлить свое имѣніе на малые участки; покупающій такой надѣлъ не уплачиваетъ стоимости земли, но обязывается къ уплатѣ опредѣленной ренты, причемъ безъ позволенія «барина» не имѣетъ—права ни дѣлить его, ни продавать его, ни закладывать. Рента можетъ быть замѣнена капиталомъ и разъ на всегда въ такой формѣ уплачена съ согласія обѣихъ сторонъ. Такой договоръ позволяетъ землевладѣльцу предупредить уменьшеніе дохода. Мы не останавливаемся надъ дальнѣйшими рентовыми правами, относящимися, напр., къ рентовымъ банкамъ, замѣтимъ только, что всѣ эти правовыя усилія создать крестьянское сословіе,—лишь политическое и общественное мошенничество со стороны юнкеровъ, произведенное съ тою цѣлью, чтобы поймать мелкихъ собственниковъ на невыгодныхъ условіяхъ.

Такая перемѣна настроенія среди юнкеровъ, нѣкогда не обращавшихъ никакого вниманія на проекты Родбертуса, теперь же проводящихъ ихъ въ жизнь, свидѣтельствуетъ о томъ, что перспектива получать въ будущемъ все возрастающую поземельную ренту уменьшилась, между тѣмъ какъ увеличились шансы ея упадка. Поведеніе землевладѣльцевъ доказываетъ еще, что вмѣсто прежнихъ стремленій по направленію къ концентраціи земли появились другія, благопріятствующія раздробленію.

Разумѣется, хорошо управляемыя имѣнія будутъ бороться, понижая, быть можетъ свою интенсивность, но оскудѣлыя и опустошенныя помѣстья могутъ распасться на участки. Тутъ во всей своей полнотѣ выступаетъ неодинаковая общественная природа крупнаго и мелкаго землевладѣнія: крестьянинъ всегда готовъ покупать землю даже при невыгодныхъ рыночныхъ условіяхъ, капиталистъ лишь тогда, когда существуютъ виды на увеличеніе ренты. Раздробленіе всегда возможно, такъ какъ всегда найдется соотвѣтственный общественный элементъ мелкихъ покупателей, но концентрація дѣйствуетъ только при существованіи опредѣленныхъ условій.

Наши выводы показываютъ, что если мы желаемъ понять статис-

тическія цифры, относящіяся къ движенію поземельной собственности, мы должны помнить, что рыночныя условія составляютъ исходную точку для всѣхъ явленій этой сферы. Мы должны тоже не забывать и о томъ, что дѣйствіе рынка иначе вліяетъ на окрестности, въ которыхъ развилось интенсивное земледѣліе, и на тѣ, гдѣ царствуютъ рутинныя методы. Мы должны къ этому прибавить и то обстоятельство, что, по мѣрѣ развитія фабричныхъ и вообще промышленныхъ центровъ вокругъ каждаго изъ нихъ, въ сосѣдствѣ возникаетъ провинція очень интенсивнаго хлѣбопашества и скотоводства, и что вмѣсто крупныхъ имѣній, опирающихся на низшей технической единицѣ, возникаютъ меньшія предпріятія, но воплощающія въ жизнь высшую техническую единицу, или мелкія усадьбы очень интенсивнаго ручнаго труда. Мы должны принять во вниманіе еще и то, что существуютъ бѣдныя и непромышленныя территоріи, не дающія заработка «излишку» своего народонаселенія и что крестьяне, какъ собственники и какъ арендаторы, переплачиваютъ за землю, задерживая всякій земледѣльческій прогрессъ. Въ концѣ концовъ слѣдуетъ помнить, что въ нѣкоторыхъ странахъ правовыя учрежденія защищаютъ мелкую крестьянскую собственность противъ уменьшенія ея площади, между тѣмъ какъ нѣтъ соотвѣтственныхъ предписаній, благопріятствующихъ концентраціи; что, напротивъ, въ другихъ странахъ, институтъ майоратовъ сохраняетъ существованіе латифундій. Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ тому, что взаимная динамика развитія крупной и мелкой поземельной собственности неодинакова въ различныхъ пунктахъ и что всѣ старанія сопоставить въ одной формулѣ всѣ теченія свойственныя различнымъ мѣстностямъ, лишь пустая затѣя. Каждая, такъ или иначе обособленная окрестность развивается другимъ образомъ. Если, напр., мы остановимся надъ Германіей, то условія развитія землевладѣнія въ Баваріи и Вестфаліи, въ Мекленбургѣ и на пространствѣ свеклосахарнаго пояса Саксоніи и Брауншвейга или винокуренной территоріи восточной Пруссіи, совсѣмъ другія. Только принявъ во вниманіе такія обособленныя провинціи, мы можемъ съ пользой анализировать статистическій матеріалъ и извлечь изъ него точныя и соотвѣтствующія дѣйствительности заключенія. Но если мы будемъ разбирать матеріалъ, обнимающій всю Германію или всю Францію, то мы создадимъ фикціи, ничего не доказывающія, такъ какъ полученныя цифры—результатъ очень различныхъ стремленій. Невыгоды такого анализа еще увеличатся, если мы, вмѣсто провинцій одного и того же государства, будемъ сопоставлять отдаленныя мѣста, напр., пшеничную степь Красной рѣки съ Англіей, Нормандіей или Мекленбургомъ. На сколько ходъ развитія относительно простъ и прозраченъ въ сферѣ обрабатывающей промышленности, на столько онъ сложенъ въ земледѣліи. Тутъ мы не находимъ типической страны, указывающей другимъ направленіе ихъ развитія, но имѣемъ много самостоятельныхъ территорій, каждая съ его свойственными законами. Несомнѣнно,

существуютъ нѣкоторыя повсемѣстныя стремленія, но опредѣлить ихъ возможно лишь при болѣе подробномъ разборѣ. Кромѣ того, мы должны еще прибавить, что статистическія данныя, относящіяся къ развитію землевладѣнія, очень неполны. Одна лишь Бельгія ведетъ ихъ съ 1846 г., причемъ, собирая матеріалъ, позволяющій опредѣлить количество различныхъ формъ землевладѣнія, она не даетъ количества площади, принадлежащей каждой категоріи.

Въ Англіи напечатали первый разъ полную картину поземельныхъ отношеній въ 1886; въ Германіи перепись 1882—1883 доставила надлежащій матеріалъ, во Франціи освѣтили эту сторону общественнаго быта едва въ 1881—1882. Австрія до сихъ поръ не обладаетъ такими данными. Приведенныя промежутки времени слишкомъ незначительны, чтобы мы могли на основаніи такихъ статистическихъ данныхъ начертить полную динамику развитія поземельныхъ отношеній.

Но все таки и отсюда мы выведемъ нѣкоторыя заключенія.

Прежде всего мы замѣтимъ, что данныя аграрной статистики въ предѣлахъ наиболѣе развитыхъ странъ Европы никакъ не свидѣтельствуютъ о побѣдоносномъ ходѣ концентраціи правъ собственности на землю (въ ниже приведенныхъ данныхъ мы не беремъ въ счетъ подраздѣленій мелкой собственности).

I. Англія 1885—1895. Прибыло или убыло:

	Количество имѣній.	Площадь въ акрахъ.
Ниже 20 гектаровъ	15,242	28,444
20—40 гектаровъ	1,910	138,683
40—120 гектаровъ	1,672	217,429
Выше 120 гектаровъ	577	354,130

II. Франція 1882—1892. Прибыло или убыло:

	Количество имѣній.	Площадь въ гектарахъ.
Ниже 10 гектаровъ	50,266	121,846
10—40 гектаровъ	16,104	532.243
Выше 40 гектаровъ	3,417	197,288

III. Германія 1882—1895. Прибыло или убыло:

	Количество имѣній.	Площадь въ гектарахъ.
Ниже 20 гектаровъ	281,646	651,764
20—100 гектаровъ	257	38,333
Выше 100 гектаровъ	70	45,538

Мы поймемъ еще лучше перемѣну въ количествѣ площади, входящей въ составъ каждой изъ приведенныхъ категорій, принимая въ расчетъ все количество воздѣлываемыхъ и наименованныхъ въ переписи земель.—Именно было:

Въ Англіи	1895	32.577,813	акровъ.
» Франціи	1892	49.278,763	гектаровъ.
» Германіи	1895	32.517,941	»

Сравнивая съ послѣдними цифрами измѣненія, которыя произошли въ теченіе разсмотрѣннаго промежутка времени въ размѣщеніи почвы между различными категоріями землевладѣльцевъ, мы убѣдимся, что,

крупная собственность не можетъ похвастать своимъ побѣдоносьымъ развитіемъ. За то, если бы мы изслѣдовали данныя, относящіяся къ категоріямъ мелкой собственности, мы замѣтили бы сильное увеличеніе раздробленія почвы. Вообще, нечего говорить о концентраціи правъ собственности, насколько дѣло касается общей картины выше названныхъ странъ.

Но современное развитіе все таки дѣйствуетъ, не создавая непосредственно концентраціи,—оно вліяетъ косвеннымъ образомъ, воплощая въ обществѣ образцы централизаціи, которыя извнѣ, какъ будто обручами, окружаютъ земледѣліе и тащатъ его въ соотвѣтственномъ направленіи.

На первомъ мѣстѣ мы поставимъ прогрессъ агрономическихъ станцій и исходящихъ отсюда совѣтовъ вмѣстѣ съ учрежденіемъ ученыхъ агрономовъ-инспекторовъ, въ дальнѣйшемъ же будущемъ агрономически-геологическихъ территорій, по направленію которыхъ идетъ и развитіе спеціализированныхъ округовъ. Какъ примѣръ такой государственной дѣятельности, организирующей земледѣліе, мы можемъ привести намѣренія и задачи, исполняемыя венгерскимъ правительствомъ, первымъ въ Европѣ, которое принялось за такую широкую дѣятельность.

Въ Венгріи существуетъ нѣсколько химическихъ агрономическихъ станцій, анализирующихъ присылаемые земледѣльческіе продукты и получающихъ установленную государствомъ плату. Основаны станціи для изслѣдованій надъ качествомъ сѣмянъ. Есть земледѣльческія учрежденія, исполняющія роль совѣтниковъ: члены ихъ, профессора агрономическихъ заведеній, даютъ указанія, какъ слѣдуетъ вести хозяйство, какія заводить породы и какъ кормить скотъ. Эти учрежденія дѣйствуютъ безплатно устно или письменно, и лишь въ томъ случаѣ, когда земледѣлецъ вызоветъ къ себѣ на домъ такого совѣтника, онъ долженъ покрыть расходы пріѣзда. Въ Будапештѣ находится энтомологическая станція, которая занимается изслѣдованіями вредныхъ насѣкомыхъ, ищетъ средствъ противъ нихъ и увѣдомляетъ земледѣльцевъ о возможномъ несчастіи и способахъ противодѣйствія. Въ случаѣ необходимости, заведеніе высылаетъ спеціалистовъ, руководящихъ борьбой. Есть департаментъ инженеровъ-агрономовъ, приготовляющихъ планы, какъ вести хозяйство. Венгерское правительство, слѣдуя принципу, что улучшеніе скотоводства не можетъ быть достигнуто частными крестьянскими усиліями, взяло и тутъ починъ въ свои руки: раздѣлило страну на округи, для каждаго изъ этихъ послѣднихъ отыскало наиболѣе подходящую породу, смотря по тому, выкармливается ли въ немъ скотъ, или преимущественно ведется молочное хозяйство,—и уставомъ 1890 г. возложило на каждую волость обязанность держать расоваго быка, причемъ само государство покупаетъ быковъ за границей и по цѣнѣ издержекъ уступаетъ волостямъ (2.376 штукъ въ г. 1893). Основанъ пчелиный департаментъ, раздающій лѣсничимъ, приходскимъ священникамъ и сельскимъ учителямъ даромъ образцовыя ульи, чтобы такимъ образомъ познакомить крестьянъ съ улучшенными методами пчеловодства; названныя должностныя лица часто употребляются

правительствомъ, какъ разсадники земледѣльческаго прогресса, получая напр., расовыхъ пѣтуховъ съ обязанностью снабжать ими крестьянъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ свеклосахарные заводы, маслобойни, овощныя сушильни, требуя отъ земледѣльцевъ, чтобы они разводили опредѣленнаго сорта растенія и животныхъ, давая имъ опредѣленный кормъ. Такъ точно поступаютъ и земледѣльческіе синдикаты, покупающіе даже машины для поочереднаго употребленія ихъ своими членами. Еще далѣе забѣгаютъ потребительныя сельскія коопераціи, дѣйствующія при покупкѣ сѣмянъ и орудій.

И ростъ централизаціи механизма, отвозящаго земледѣльческіе продукты на рынокъ, производитъ свое дѣйствіе. Онъ поощряетъ однообразіе земледѣльческой культуры, вводитъ спеціализацію и т. д. особенно въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ, среди землевладѣльцевъ, возникли общества, задающіяся цѣлью войти въ непосредственное сношеніе съ потребителями.

Въ количествѣ разбираемыхъ вліяній мы не можемъ забыть и о централизаціи ипотечнаго долга при посредствѣ различныхъ земскихъ банковъ. Пока еще мы имѣемъ тутъ дѣло лишь съ концентраціей кредита, но мы должны не забывать, что при случаѣ такая централизація можетъ сдѣлаться исходной точкой для сосредоточія указаній и распоряженій, даже экспропріаціи техническаго контроля, вообще для централизированной дѣятельности. При какихъ обстоятельствахъ такая дѣятельность можетъ возникнуть, мы не будемъ останавливаться надъ этимъ, удовлетворяясь лишь намекомъ на то, что централизація создаетъ условія такой возможности.

Всѣ эти вліянія окружаютъ земледѣліе со всѣхъ сторонъ. Земледѣльческія усадьбы, крупныя и мелкія, по виду сохраняютъ свою самостоятельность, но въ дѣйствительности какъ будто очутились подъ особымъ надзоромъ. Это общественная централизація, посредственный и непосредственный результатъ производительныхъ силъ, которыя возникли внѣ сферы земледѣлія и дѣйствуютъ, медленно измѣняя условія существованія земледѣльческаго промысла. При появленіи организованной въ экономическомъ отношеніи общественной воли, все равно какого характера будетъ послѣдняя, выше названныя позиціи станутъ рычагами, измѣняющими природу земледѣлія и землевладѣнія. Но эти прогрессивныя стремленія встрѣчаютъ на своей дорогѣ рутинный и регрессивный элементъ—крестьянъ. Возникаетъ борьба между прогрессивными силами и консервативнымъ, неуклюжимъ человѣческимъ матеріаломъ, неспособнымъ приспособиться къ новымъ требованіямъ жизни. Къ этому вопросу мы и перейдемъ въ слѣдующей статьѣ.

Л. Кржнвицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

CONTRA SPEM SPERO.

(Изъ Маріи Конопницкой).

На зло надеждѣ, чей взоръ сквозь слезы
Напрасно ищетъ небесъ лазури,
Чей челнъ разбили бичомъ угрозы
Ночныя бури,
Я вѣрю въ солнце во тьмѣ, какъ прежде
На зло надеждѣ.

Такъ яснымъ утромъ пѣвецъ незрячій,
Восторга полный и полный муки,
Подъемлетъ очи къ зарѣ горячей,
Подъемлетъ руки,
Сквозь мракъ стремится къ ея привѣту,
И вѣритъ свѣту.

Увы! Я знаю! Пѣвцы безмолвны,
Забыты пѣсни подъ игомъ горя,
И рѣкъ родимыхъ живыя волны
Не ищутъ моря,
И холодъ смерти, не трепетъ жизни,
Разлитъ въ отчизнѣ.

Самъ Богъ разрушилъ ея святыни,
Нагіе камни засыпалъ прахомъ,
А мы—мы бродимъ въ нѣмой пустынѣ
Съ тоской и страхомъ,
И буйный вѣтеръ окуталъ тайной
Нашъ слѣдъ случайный.

Увы, я знаю! Зачѣмъ упрямо
Несетъ мнѣ эхо свой стонъ кровавый?
И я вѣдь родомъ съ развалинъ храма,
Съ кладбища славы,
И я скитаюсь надъ ихъ границей
Бездомной птицей.

Но въ дверь гробницы стуча крылами,
Во мглѣ ненастья холодной, сѣрой,
Дневного блеска ищу очами
Съ ревнивой вѣрой,
Ищу въ могилахъ движенья знаки
И жду во мракѣ.

На зло надеждъ, подъ властью злобы
Давно угасшей во мглѣ туманной,
Я жду, чтобъ къ жизни воскресли гробы
Съ зарей румяной,
Я вѣрю въ солнце средь бурь, какъ прежде,
На зло надеждѣ.

В. Б.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Окончаніе* *).

Глава XLVI.

Экзаменъ.

Снова въ Берлингтонъ гоузѣ собралась пестрая толпа нервной, взволнованной молодежи; мужчины тѣснились на крыльцѣ и въ швейцарской, что-то отмѣчали въ своихъ записныхъ книжкахъ, обмѣнивались рукопожатіями или же критиковали наружность студентокъ.

— Пожалуйте, барышни!—сказалъ внушительнаго вида, ливрейный лакей, и группа студентокъ двинулась черезъ швейцарскую въ экзаменаціонную залу.

— Зачѣмъ это миссъ Маклинъ перемѣнила прическу?—сказала одна студентка другой. — Прежняя гораздо больше къ ней шла.

Это было справедливо. Мона перемѣнила прическу для того чтобы, по возможности, измѣнить очертанія своей головы; она страшно боялась, какъ бы докторъ Дудлей не узналъ ея въ этой обстановкѣ, гдѣ объясненіе было невозможно. Черезъ минуту имъ роздали темы и въ слѣдующіе три часа для нея не существовало ни доктора Дудлея и никого на свѣтѣ. Она писала до тѣхъ поръ, пока не подошелъ къ ней экзаменаторъ, тотъ самый, котораго Дудлей называлъ «Столпомъ эрудиціи»—и не взялъ ея сочиненія.

— Я какъ-будто уже видѣлъ васъ раньше,—сказалъ онъ ласково.

— Дважды,—улыбнулась Мона;—и боюсь, что вы рискуете увидѣть меня и въ третій разъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкой, видимо заинтересованный.

— Вы, кажется, не очень этого боитесь,—замѣтилъ онъ, отходя.

Мона проводила его глазами и черезъ минуту увидала его на другомъ концѣ комнаты сердечно пожимающимъ руку доктору Дудлею. Она

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

отвернулась и, наскоро собравъ свои тетрадки и цвѣтные карандаши, вышла изъ комнаты. Сердце ея часто билось, когда она шла по Риджентъ Стритъ: ей каждую минуту чудились его шаги позади.

Но бояться было нечего. Во всѣ три дня письменныхъ экзаменовъ, Дудлей видѣлъ только цвѣтное пятно на противоположномъ концѣ залы, гдѣ сидѣли женщины; онъ былъ слишкомъ занятъ и слишкомъ равнодушенъ, чтобы разсматривать ихъ. Единственнымъ его желаніемъ было сдать поскорѣй экзаменъ и развязаться.

Теперь, когда Мона знала, гдѣ онъ сидитъ, ей не трудно было избѣгать его, тѣмъ болѣе, что онъ былъ близорукъ. Мало-по-малу она стала смѣлѣе и подолгу любовалась имъ издали. Дудлей всегда былъ окруженъ студентами: съ нимъ совѣтывались, его осыпали вопросами.

Наконецъ, наступила пятница. Вечеромъ, спускаясь съ лѣстницы, Мона чувствовала волненіе и усталость, граничившую съ физическою болью.

На улицѣ ее ждала Люси. Онѣ зашли въ первый попавшійся ресторанчикъ напиться чаю.

— Ну что? Какъ вы думаете? Выдержали?

Мона вздохнула.—Анатомія сошла очень порядочно, въ особенности, утренній письменный; физіологія между нами говоря, это лучшее мое сочиненіе; химія—кажется, сносно,—во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ въ прошлый разъ.

— Браво!

— Погодите радоваться. И напрасно я все это говорю вамъ. Это значитъ испытывать судьбу.

— Пустяки! Послѣ такихъ экзаменовъ не страшно испытывать судьбу. Ахъ, Мона, я увѣрена, что вы получите медаль за физіологію!— Она подняла чашку.—Пью за Мону Маклинъ, по случаю полученія золотой медали за физіологію.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Мое сочиненіе вовсе ужъ не такъ хорошо, и не забывайте, что впереди еще устный.

Въ тотъ же вечеръ Мона написала Рэчели, назначая день и часъ своего прибытія въ Борроунессъ, а на другой день поѣхала въ гости, въ Борнмаузъ. Только случай, и притомъ очень неправдоподобный, могъ бы привести въ Борнмаузъ Дудлея, но каждый разъ, завидѣвъ на утесахъ высокую худощавую мужскую фигуру, Мона вздрагивала отъ волненія. Это волненіе было радостное, но въ общемъ ей не хотѣлось встрѣтиться съ нимъ здѣсь. Нѣтъ, нѣтъ: пусть все идетъ своимъ чередомъ! Они встрѣтятся, какъ было условлено, въ миломъ старомъ замкѣ Маклинъ, въ десятыхъ числахъ августа.

Она вернулась въ городъ за нѣсколько дней до устнаго экзамена по физіологіи и нашла на столѣ письмо отъ Рэчели.

«Дорогая кузина! Я очень обрадовалась, получивши ваше письмо съ извѣщеніемъ, что вы собираетесь навѣстить меня; но съ тѣхъ поръ

какъ я вамъ въ послѣдній разъ писала, въ моей жизни произошла большая перемѣна. Послѣ вашего отъѣзда я все время была сама не своя. Ваша хваленая миссъ Дженкинсъ, дѣйствительно, хорошо управлялась въ лавкѣ, и считаетъ она хорошо, но вѣдь она мнѣ не родная. Она и другого прихода, и знакомыхъ у нея куча: каждый вечеръ она все въ гости, да въ гости, а я одна, такъ что, не будь Салли, я бы прямо, кажется, съ ума спятила. Взяла я, да и написала обо всемъ этомъ Мэри-Аннѣ, а она мнѣ и пишетъ: отчего бы молъ, тетенька, вамъ ко мнѣ не пріѣхать, въ Америку? Понятно, мнѣ это раньше и въ голову не приходило, ну а тутъ я давай совѣтоваться съ умными людьми,—всѣ говорятъ: «само собой поѣзжайте»? А черезъ нѣсколько дней нашелся и покупатель на лавку, цѣну даетъ хорошую. Такъ все одно къ одному, точно указаніе свыше, но я себѣ и не думаю—гдѣ же мнѣ ѣхать, такую даль! Только вдругъ опять получаю письмо отъ Мэри-Анны. Не дождавшись моего отвѣта пишетъ, проситъ опять, чтобы я пріѣхала,—говоритъ, что скоро у нея ребеночекъ долженъ родиться—ну, понятное дѣло, въ такое время каждому хочется имѣть возлѣ себя свою плоть и кровь. Она вѣдь не изъ нынѣшнихъ вашихъ, самостоятельныхъ! Что жъ, думаю, оно и впрямь не худо бы поѣхать, да вотъ бѣда: я до страсти боюсь моря и чужихъ людей, и что жъ бы вы думали? На дняхъ приходитъ ко мнѣ м-рсъ Андерсонъ и говоритъ, что ея братъ черезъ десять дней ѣдетъ въ Америку со всѣмъ своимъ семействомъ, изъ Гласго, и что онъ съ удовольствіемъ присмотритъ за мной, если я поѣду съ ними на одномъ пароходѣ. Такъ дѣло и уладилось.

«Такъ что, какъ видите, душенька, мнѣ придется выѣхать на пароходѣ изъ Гласго въ тотъ самый день, въ какой вы собирались прибыть сюда. Еслибъ вамъ жилось у меня хорошо и счастливо, мнѣ бы и въ голову не пришло затѣвать всю эту передрягу, но одной мнѣ такъ тошно было, что я просто не въ состояніи была выдержать дольше, хоть и тяжело отрываться отъ всего, съ чѣмъ сжился.

«Пишите мнѣ почаще, разскажите, что подѣлываете; нѣтъ ли и для васъ надежды пристроиться?

«Любящая васъ кузина
Рэчель Симпсонъ».

«P. S. Не знаете ли вы какого-нибудь средства отъ морской болѣзни?»

Мона не сразу оцѣнила все значеніе этого письма. Въ первую минуту она только подивилась, что Мэри-Анна такъ тревожится въ ожиданіи ребенка, что даже вызываетъ тетку изъ за моря. Но скоро эта мысль стушевалась передъ важностью послѣдствій, вытекавшихъ изъ рѣшенія Рэчели. Нѣтъ больше Рэчели и лавки,—нѣтъ ни скалистаго берега, ни замка Маклинъ, ни долгожданнаго объясненія,—нѣтъ доктора Дудлея! Истина предстала передъ ней во всей своей ужасающей наготѣ, и она была совершенно подавлена.

— Мнѣ слѣдовало предвидѣть это,—поблѣвшими устами шептала Мона, глядя въ окно и ничего не видя передъ собой,—я возлагала на это свиданіе слишкомъ много надеждъ. Вся жизнь моя вертѣлась на этомъ одномъ.

Вдругъ у нея блеснула мысль: у тети Белль въ домѣ много свободнаго мѣста, и милая старушка будетъ рада ей во всякое время.

Но на ея робкій намекъ, тетя Белль отвѣтила что она просто въ отчаяніи, но ее еще раньше упросили отдать внаймы верхнія комнаты одному художнику на весь августъ. Она была бы такъ счастлива и горда, еслибъ Мона согласилась пріѣхать въ сентябрѣ.

Но Мона уже обѣщала во второй половинѣ августа гостить у Мунро.

Оставалась надежда на случайную встрѣчу во время устныхъ экзаменовъ; но Мона по опыту знала, что буквы Д. и М. слишкомъ удалены другъ отъ друга, чтобы тѣхъ, чьи фамиліи начинаются на эти буквы, позвали экзаменоваться одновременно.

Такъ оно и было. Ни въ Бёрлингтонъ-гоузѣ ни въ канцеляріи Мона не встрѣтила своего друга.

Они кончились, наконецъ, эти экзамены, которые когда-то казались ей цѣлью и смысломъ существованія, но сознаніе, что все сошло хорошо не доставило Монѣ ни одной пріятной минуты. Вернувшись домой, она въ безумномъ отчаяніи повторяла:

— Господи, помоги мнѣ! Я не въ силахъ это вынести!

Глава XLVII.

Успѣхъ или неудача.

Снова списки выдержавшихъ были выставлены у дверей университета и снова молодежь толпилась вокругъ, пробѣгая ихъ жадными взглядами. Вотъ въ концѣ улицы показалась высокая мужская фигура. Дудлей быстро взбѣжалъ на крыльцо и, даже не взглянувъ на списокъ перешедшихъ, направился прямо къ списку удостоенныхъ награды.

Вышло, какъ онъ ожидалъ, даже лучше, чѣмъ онъ смѣлъ надѣяться.

Анатомія.

Первый разрядъ.

Дудлей, Ральфъ, изъ госпиталя св. Кунигунды, удостоенъ стипендіи и золотой медали.

Радостно забилось сердце Ральфа.

— Теперь выговорилъ онъ чуть не вслухъ,—я могу ѣхать въ Борроунессъ и просить миссъ Маклинъ быть моей женой.

Въ то же мгновеніе, словно въ отвѣтъ на его мысль, ему бросилось въ глаза имя *Маклинъ*, стоявшее подъ его собственнымъ. Онъ всмотрѣлся пристальнѣе. Да, это не ошибка.

Физіологія.

Первый разрядъ.

Маклинъ, Мона, Лондонская женская медицинская школа, удостоена стипендіи и золотой медали.

Мона Маклинъ—*её* зовутъ Маргаритой. Она сама сказала ему въ замкѣ Маклинъ; кромѣ того онъ прочелъ ея имя въ церкви на старомъ молитвенникѣ. А все таки странное совпаденіе. Онъ круто повернулся и тронулъ за плечо своего сосѣда.

— Кто такая миссъ Маклинъ?

— Миссъ Маклинъ,—о это одна изъ звѣздочекъ женской школы. Она получила первую награду за ботанику въ тотъ годъ, когда я поступалъ.

Очевидно, это только совпаденіе. Безъ сомнѣнія эта медальерка съ головы до ногъ синій чулокъ, и ничего больше, несмотря на свое хорошенькое имя.

Онъ зналъ, что старая тетка страшно обрадуется его успѣху, но не хотѣлъ телеграфировать, чтобы эта вѣсть какъ-либо стороной не дошла до Моны. Ему хотѣлось самому сказать ей объ этомъ. Нѣтъ, это слишкомъ большое счастье! Ему просто не вѣрилось, что завтра, въ это самое время, онъ будетъ сидѣть одинъ съ ней на скалѣ, что теперь онъ имѣетъ право говорить о своей любви, подстеречь ея тайну, вырвать у нея полуневольное признаніе, строить воздушные замки, набрасывать смѣлые контуры чуднаго будущаго.

Онъ поминутно смотрѣлъ на часы, не зная какъ дожить до 8, до отхода вечерняго поѣзда въ Эдинбургъ.

Дудлей, наконецъ, вышелъ на маленькой станціи Борроунессъ. Было чудное августовское утро. Никогда еще родина не казалась ему такой привлекательной.

Дудлей ни минуты не сомнѣвался, что найдетъ Мону въ замкѣ Маклинъ. Она такъ часто ходитъ туда, а теперь и подавно: вѣдь она знаетъ что онъ можетъ пріѣхать со дня на день и будетъ искать её тамъ. Онъ такъ часто представлялъ себѣ, какъ они встрѣтятся, и теперь еще разъ мысленно пережилъ этотъ моментъ.

Ральфъ ускорилъ шаги и поднялся на утесъ.

Но замокъ Маклинъ былъ пустъ.

— Незачѣмъ было такъ торопиться,—пробормоталъ онъ серьезно, взглянувъ на часы.—Миссъ Симпсонъ навѣрное еще обѣдаетъ.

Прошло два часа, но никто не явился.

Миссъ Симпсонъ навѣрное уже отбѣдала. Ральфъ испытывалъ жестокое разочарованіе. Миссъ Маклинъ такъ чутка,—она всегда угадывала его съ полуслова,—неужели она не догадается именно теперь, когда онъ такъ разсчитывалъ на нее? Неужели она не поняла его, не ждала этой встрѣчи съ такимъ же нетерпѣніемъ? Если такъ, отношенія ихъ утратятъ половину своей поэзіи.

Онъ рѣшилъ идти домой, но не выдержалъ и въ невѣроятно короткое время очутился у подъѣзда миссъ Симпсонъ.

Видъ магазина тоже разочаровалъ его. Сегодня ему кажется суждено во всемъ разочаровываться!

При звукѣ колокольчика въ лавку вошла молодая женщина.

Ральфъ былъ такъ ошеломленъ, что ему даже не пришло въ голову спросить черной резины.

— Дома миссъ Симпсонъ?—освѣдомился онъ наконецъ.

— Что вы, сэръ! Миссъ Симпсонъ уже съ недѣлю какъ уѣхала въ Америку. Мы купили у нея торговлю. Мы намѣрены повести дѣло совсѣмъ по другому. Что вамъ угодно, сэръ? чѣмъ могу служить? Онъ хотѣлъ спросить о миссъ Маклинъ, но не могъ рѣшиться произнести ея имя, приподнялъ шляпу и вышелъ.

За обѣдомъ онъ залпомъ выпилъ для храбрости стаканьчикъ вина и вдругъ обратился къ теткѣ:

— А вы и не сказали мнѣ, что миссъ Симпсонъ эмигрировала.

— Миссъ Симпсонъ! Какая миссъ Симпсонъ? Господи помилуй, какъ тебя однако интересуютъ всѣ здѣшнія новости! Я сама это узнала только на дняхъ. Кажется, племянница ея—та самая въ которой ты открылъ скрытый геній—раньше переселилась въ Америку, а потомъ вызвала тетку.

— Вздоръ!—Ральфъ нервно разсмѣялся,—я не могу себѣ представить, чтобы кому-нибудь понадобилось вызывать изъ за моря старую миссъ Симпсонъ. Притомъ же эта молодая леди вовсе не была ея племянницей, тетя милая. Она ея дальняя родственница.

— Ты должно быть ошибся, другъ мой. Эта молодая женщина сама мнѣ сказала, что она родная племянница миссъ Симпсонъ, кому же лучше знать, какъ не ей?

Ральфъ смутно сознавалъ, что они съ теткой говорятъ о двухъ разныхъ личностяхъ, но въ головѣ его былъ такой, хаосъ, что ничего толковаго сообразить онъ не могъ и сейчасъ же послѣ обѣда ушелъ въ свою комнату, подъ предлогомъ адской головной боли.

Что произошло? Что это — страшный ли кошмаръ, который онъ вотъ-вотъ стряхнетъ съ себя и проснется, или, дѣйствительно, злой духъ опрокинулъ всѣ его планы, разбилъ всѣ надежды? Господи, какой онъ идіотъ! Отчего было не высказаться прямо полгода тому назадъ? И чего онъ дожидался? Конца экзаменовъ?—Какая нелѣпость, какое ребячество! Можетъ быть *она* думала, что онъ напишетъ и, не дождавшись, съ отчаянія уѣхала въ Америку?.. Не все ли равно, что и какъ?.. Она исчезла изъ его жизни, какъ героиня волшебной сказки, и онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ искать ея.

Потомъ пришли болѣе трезвыя мысли. Вѣдь онъ живетъ въ концѣ девятнадцатаго столѣтія. Въ наше время люди не исчезаютъ безслѣдно. Вѣдь ее многіе знали въ Борроунессѣ; найдется же кто-нибудь, кто скажетъ ему, гдѣ она.

Да, но кто? У него было мало знакомыхъ въ мѣстечкѣ, да и нельзя же лазить отъ двери къ двери съ разспросами...

И вдругъ—о радость! онъ вспомнилъ о м-ръ Стюартѣ и Матильдѣ Куксонъ. Оба они навѣрное знаютъ, гдѣ миссъ Маклинъ. Ральфъ взглянулъ на часы: тетя навѣрное уже спитъ, но къ м-ру Стюарту зайти еще не поздно. Онъ велѣлъ лакею не ждать его, въ случаѣ если онъ запоздаетъ, и двинулся по дорогѣ въ Киркстоунъ такимъ шагомъ, что и профессіональному скороходу не легко было бы угнаться за нимъ.

Его ждало еще одно разочарованіе. М-ръ Стюартъ уѣхалъ на мѣсяцъ въ отпускъ, передавъ свои обязанности викарію. Дудлей былъ не настолько хорошо знакомъ съ Куксонами, чтобы нанести имъ визитъ въ такой поздній часъ: волей-неволей пришлось отложить разспросы на завтра.

— Навѣрное и Куксоны куда-нибудь уѣхали,—говорилъ онъ себѣ мечась по постели, но судьба на этотъ разъ благопріятствовала ему. Онъ нашелъ Матильду и отца ея на лужайкѣ передъ домомъ.

— Добро пожаловать, докторъ,—сердечно привѣтствовалъ его м-ръ Куксонъ.—Какія у меня сигарки—я вамъ скажу: пальчики оближите. Присаживайтесь-ка. Что у васъ новенькаго?

Прошло полчаса, прежде чѣмъ Дудлею удалось повести разговоръ на отъѣздъ Рэчели Симпсонъ.

— А миссъ Маклинъ тоже уѣхала въ Америку?—спросилъ онъ, будто вскользь, не отрывая глазъ отъ колецъ табачнаго дыма, расходившихся вокругъ его сигары.

— Помилуйте, какъ можно!—м-ръ Куксонъ хлопнулъ по колѣну своего гостя.—Вы развѣ не слышали! Это прелестно! Какъ вы думаете, гдѣ я послѣдній разъ видѣлъ миссъ Маклинъ? Въ Гайдъ-Паркѣ, въ элегантнѣйшей коляскѣ, какую только можно себѣ представить. Съ ней была еще другая дама, такая тонкая, вся въ кружевахъ, зонтикъ—умопомраченіе,—м-ръ Куксонъ довольно неуклюже изобразилъ позы обѣихъ дамъ,—а рядомъ ѣхалъ молодой человѣкъ верхомъ. Такой шикъ.

Лицо Дудлея омрачилось, но онъ не прерывалъ хозяина.

— Я кое-что пронюхалъ, еще когда она здѣсь была,—продолжалъ словоохотливый м-ръ Куксонъ,—полковникъ Лауренсъ проговорился; а потомъ она разъ обѣдала у насъ; красивая барышня что и говорить, очень красивая! Я въ дѣтствѣ слыхалъ объ ея дѣдѣ; говорятъ, онъ составилъ себѣ огромное состояніе, но они такъ давно уже выселились отсюда: мнѣ и въ голову не пришло, что она изъ этихъ Маклиновъ. Матильда—та должно быть все знала, но не выдала пріятельницы. Вѣдь она съ миссъ Маклинъ такіе друзья—водой не разольешь.

— Я узнала это случайно,—съ достоинствомъ сказала Матильда,—но и безъ того всякій, у кого есть хоть капля смысла въ головѣ, не могъ бы при видѣ миссъ Маклинъ усумниться въ томъ, что она—леди.

— Я совершенно согласенъ съ вами,—но, скажите пожалуйста, миссъ Маклинъ не говорила вамъ, ради чего она устроила весь этотъ маскарадъ?

Не успѣлъ онъ договорить, какъ пожалѣлъ о томъ, что сказалъ; но было уже поздно.

Матильда вся вспыхнула.

— Еслибъ вы хоть немного знали миссъ Маклинъ, вы постыдились бы говорить такъ. Она не справлялась, принимаютъ ли ее за чью-нибудь кузину или племянницу: она всегда и вездѣ была и будетъ самой собой. Что жъ изъ того, что у нея знатные родственники? Все-таки миссъ Симпсонъ остается ея кузиной. Для миссъ Маклинъ такъ же просто и легко объявить о своемъ родствѣ съ вульгарной лавочницей, какъ и о своемъ родствѣ съ знатной дамой.

Это было, несомнѣнно, маленькое преувеличеніе, но Дудлей слушалъ съ жадностью, дивясь, какое огромное вліяніе имѣла Мона на Матильду.

— Еще одинъ вопросъ: она не студентка медицинской школы?

— Господи помилуй, вотъ выдумали!—расхохотался м-ръ Куксонъ.— Съ какой стати ей этимъ заниматься? Вѣдь она, такъ сказать, наслѣдница.

Ральфъ обернулся къ Матильдѣ.

— Вы знаете, гдѣ теперь миссъ Маклинъ? Въ Лондонѣ?

— Я вчера получила отъ нея письмо,—съ гордостью отвѣчала Матильда, вытаскивая изъ кармана смятый листокъ.—Она уѣзжаетъ на дняхъ съ друзьями въ Швейцарію.

Дудлей началъ прощаться. Онъ все время шутилъ но сердце его было полно горечи. Онъ не думалъ о томъ, въ какое ложное положеніе онъ поставилъ любимую женщину; ему не пришло въ голову, что было бы гораздо хуже, еслибы она гонялась за нимъ вмѣсто того, чтобы какъ будто бѣжать отъ него. Онъ не могъ, не могъ считать ее лживой,— а между тѣмъ какъ жестоко она обманула его! Что за безуміе ввѣриться взгляду женщины!

— Ну-съ, милый другъ,—цинично хохоталъ онъ самъ надъ собой на обратномъ пути,—не собираемся ли мы написать вторично «Страданія молодого Вертера?»

Глава XLVIII.

Старые друзья.

— Какъ ты поздно?—сказала леди Мунро.—Развѣ ты забылъ, что мы сегодня ѣдемъ въ театръ?

Она сидѣла одна, у камина, положивъ на рѣшетку изящно обутую ножку.

Сэръ Дугласъ, не отвѣчая, обвелъ взглядомъ комнату.

— Мона здѣсь?

— Нѣтъ; она не могла придти къ обѣду: у нея не было времени. Мы должны заѣхать за ней.

Черезъ часъ коляска Мунро остановилась у подъѣзда Моны, въ Гоуэръ-Стритѣ. Мона появилась, лишь только дрогнулъ колокольчикъ.

Сэръ Дугласъ взглядомъ знатока окинулъ ея туалетъ и остался доволенъ.

Театръ былъ переполненъ; шла новая мелодрама—новая, по времени появленія, но по смыслу старая, какъ міръ. Благородный герой, прелестная и вѣрная героиня; преслѣдованія, разлука, взаимная преданность; счастливый конецъ и торжество любви.

Съ точки зрѣнія современнаго реалистическаго искусства это было шаблонно до смѣшнаго, но превосходное исполненіе заставляло прощать многое, такъ что даже сэръ Дугласъ и Мона заразились общимъ энтузіазмомъ, а Эвелина и мать ея были растроганы до слезъ. Одной рисовался въ мечтахъ туманный, но свѣтлый идеалъ будущаго, другая плакала о томъ, что этотъ идеалъ не осуществился въ ея жизни.

Во второмъ антрактѣ, не успѣлъ сэръ Дугласъ выйти, какъ въ ложу вошелъ высокій, дородный мужчина съ выставленнымъ на показъ огромнымъ жабо и массой брелоковъ на цѣпочкѣ.

— Я такъ и думалъ, что не ошибся,—началъ онъ съ замѣтнымъ шотландскимъ акцентомъ, протягивая руку Монѣ. Я уже давно запримѣтилъ васъ, миссъ Маклинъ, и вотъ пришелъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Леди Мунро была поражена ужасомъ; но Мона скрыла свое смущеніе и ласково отвѣтила на пожатіе его руки.

— Какъ это мило съ вашей стороны,—сказала она просто.—М-ръ Куксонъ—моя тетя, леди Мунро,—миссъ Мунро.

М-ръ Куксонъ раскрылъ ротъ и осѣкся. Наступила неловкая пауза. Къ счастью, въ эту минуту вошли два молодыхъ человѣка, и м-ръ Куксонъ былъ предоставленъ исключительно Монѣ.

— Надѣюсь у васъ все благополучно, въ Барроунессѣ?

— Благодарствуйте, ничего, живемъ по маленьку. Вотъ Матильда-то обрадуется, когда я ей скажу, что видѣлся съ вами.

— Пожалуйста, передайте ей мой сердечный привѣтъ.

Снова наступило молчаніе. Мона сгорала желаніемъ спросить, гдѣ м-рсъ Гамильтонъ и д-ръ Дудлей, но не смѣла.

— Матильда была такъ счастлива, что познакомилась съ вами. Мы часто жалѣемъ, что вы насъ покинули. Если вамъ когда-нибудь вздумается возобновить старое знакомство, у насъ въ домѣ всегда найдется свободная комнатка къ вашимъ услугамъ—милости просимъ!

Боже мой,—да она ничего лучшаго и не желала. На радостяхъ, Мона даже забыла о присутствіи тетки.

— Благодарю васъ. Вы очень добры. Мнѣ бы очень хотѣлось увидать милый старый Барроунессъ.

М-ръ Куксонъ весь просіялъ отъ радостной неожиданности.

— Сейчасъ онъ не казистъ; и такъ—когда бы вы ни пріѣхали, мы всегда будемъ вамъ рады.

— Благодарю васъ. Если это не очень стѣснитъ м-рсъ Куксонъ, я можетъ быть пріѣду денька на два въ началѣ января. Я не могу забыть, какой волшебной декораціей для новаго года подарила насъ, прошлая зима. Помните этотъ иней?

М-ръ Куксонъ засмѣялся.

— Ну такой декораціи въ другой разъ врядъ ли дождешься. Я самъ въ жизнь свою не видалъ ничего подобнаго.

Онъ повернулся къ леди Мунро, смутно чувствуя, что надо бы постараться произвести на нее пріятное впечатлѣніе.

— Мои дѣвочки готовы были оборвать всѣ вѣтки съ деревьевъ и унести къ себѣ—просто жаль было думать, что это все растаетъ.

Мона въ душѣ благословляла тетку за обворожительную улыбку, которой та наградила разсказчика; но леди Мунро, не въ состояніи была быть немилостивой съ кѣмъ бы то ни было.

Въ общемъ судьба все таки покровительствовала Монѣ. М-ръ Куксонъ ушелъ раньше, чѣмъ возвратился сэръ Дугласъ.

— Мона! *милая моя!*—вотъ все, что могла сказать леди Мунро, когда онѣ остались однѣ.

— Бѣдная милая тетя Модъ!—ласкалась къ ней Мона.—Это просто стыдно—навязывать вамъ мои знакомства. Но вы не бойтесь, дорогая. Онъ живетъ далеко отсюда, и вы навѣрное никогда больше не встрѣтитесь.

Леди Мунро только вздохнула. Къ счастью, она не слыхала приглашенія, и черезъ минуту была уже снова поглощена пьесой.

Домой они ѣхали молча. Въ Гоуэръ-Стритѣ сэръ Дугласъ соскочилъ первый и подалъ руку Монѣ.

— Благодарю, дядя милый. Спокойной ночи.

— Нѣтъ; я зайду на минутку. Мнѣ нужно поговорить съ вами. Пошелъ домой!

Мона отперла дверь и повела его по тускло-освѣщенной лѣстницѣ въ свою уютную гостиную.

— Ну-съ, Мона,—началъ сэръ Дугласъ, затворивъ за собой дверь,—я желаю знать всю правду о Борроунессѣ.

Мона вздрогнула.

— Неужели это правда, Мона, что вы стояли за конторкой,—торговали въ лавкѣ?

— Истинная правда.—Мона, не сморгнувъ, встрѣтила его взглядъ.—Сознаюсь, что у меня не было спеціальной подготовки, но въ общемъ, я вела дѣло не такъ ужъ плохо.

Углы рта сэръ Дугласа чуть-чуть дрогнули, словно отъ мимолетной улыбки, но онъ тотчасъ сдержалъ себя.

— Когда же прикажете ожидать новаго періода увлеченія торговлей?

— Моя кузина уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ переселилась въ Америку.

— Значитъ, съ Борроунессомъ все покончено, или у васъ еще есть тамъ родственники?

— Друзья есть, два-три человѣка; родныхъ больше нѣтъ.

— Значитъ, больше вамъ туда незачѣмъ возвращаться?

— Сегодня я встрѣтила въ театрѣ знакомаго изъ Борроунесса и обѣщала пріѣхать къ нимъ дня на два на Рождество. Дядя Дугласъ, вамъ слѣдовало бы взглянуть на мое генеалогическое дерево, прежде чѣмъ везти меня въ Норвегію. Я горжусь тѣмъ, что мой дѣдъ—выходецъ изъ народа, да еслибы и не такъ, я не стала бы выбирать себѣ знакомыхъ только изъ одного слоя общества. Въ цѣпи четыре звена: вашъ кругъ, вы, я и мой кругъ. Вашъ кругъ не пускаетъ васъ, а я не могу выйти изъ своего круга. Если вамъ необходимо разорвать цѣпь, вы можете сдѣлать это только въ одномъ мѣстѣ.

— Вамъ, кажется, было бы рѣшительно все равно еслибы я это сдѣлалъ.

— Мнѣ было бы далеко не все равно,—возразила Мона съ полными слезъ глазами,—я люблю васъ почти какъ отца. Но право же вы можете быть спокойны: я не заставлю васъ краснѣть за себя.

Она поднялась съ кресла. Сэръ Дугласъ подошелъ и крѣпко поцѣловалъ её.

— Скажите пожалуйста! Она же еще и условія диктуетъ! Слава Богу, что хоть эта старая вѣдьма убралась за море!

Онъ ушелъ, а Мона, оставшись одна, перебирала въ памяти событія дня.

Всѣ эти мѣсяцы Мона больше всего страдала отъ остраго чувства стыда. Приступы жгучей боли длились недолго, но возвращались каждый разъ, въ минуты усталости, или угнетеннаго состоянія духа. Она давно поняла, что на посторонній взглядъ ея маленькій романъ не представлялъ ничего исключительнаго,—что тысячи мужчинъ выражаютъ подобнымъ образомъ мгновенно налетѣвшую страсть. Но вѣдь докторъ Дудлей не таковъ; вѣдь каждый мужчина долженъ понять, что съ такой женщиной, какъ она, возможно только одно изъ двухъ: все или ничего! Если онъ взялъ ея душу и не далъ ей ничего взамѣнъ, зачѣмъ же тогда... онъ... Мона обыкновенно не доканчивала: ей вспоминались его слова, взгляды, жесты, разныя мелкія черточки ихъ отношеній, и горечь превращалась въ сладость. И всякій разъ изъ души ея вырывалось жалобнымъ стономъ:—зачѣмъ я не сказала ему всю правду! зачѣмъ дала поводъ думать, что я обманула его!

Но не вѣчно же она будетъ оставаться въ неизвѣстности. Только бы дождаться Рождества! Если она поѣдетъ въ Борроунессъ, она навѣрное услышитъ о своемъ другѣ,—можетъ быть даже увидитъ его...

Глава XLIX.

Ожиданіе.

Время до Рождества тянулось очень медленно, но въ общемъ жизнь стала для Моны болѣе сносной. Будущее представлялось по прежнему неопредѣленнымъ, но теперь въ немъ явилась хоть одна ясная точка, хоть одно событіе, котораго можно было ждать; впереди мерцалъ свѣтъ, хотя еще неизвѣстно было, не блуждающій-ли это огонекъ.

Такъ оно и оказалось на дѣлѣ. Мона пріѣхала въ Борроунессъ поздно вечеромъ, и на другой же день, сейчасъ-же послѣ завтрака, Матильда потащила ее въ замокъ Маклинъ. Надо было проходить мимо Карльтонъ-лоджа, и съ перваго-же взгляда она убѣдилась, что домъ опустѣлъ.

Это былъ первый ударъ; Мона даже не сразу измѣрила всю силу его

— Что сталось съ м-рсъ Гамильтонъ? — спросила она наконецъ отвернувшись, чтобы скрыть свое волненіе.

— Ахъ, вы не знаете? Она была осенью страшно больна. Д-ръ Дудлей привозилъ къ ней изъ Лондона какую-то медицинскую знаменитость—и ей велѣли ѣхать на зиму за границу. Д-ръ Дудлей повезъ ее въ Каиръ или Алжиръ, словомъ, куда то въ этомъ родѣ, — и съ тѣхъ поръ мы о ней не слыхали. Кстати, миссъ Маклинъ, въ послѣдній разъ, какъ я видѣла м-ра Дудлея, онъ спрашивалъ о васъ.

Допытываться, что о ней говорили, было совсѣмъ не въ характерѣ Моны; это противорѣчило всѣмъ ея инстинктамъ, но нельзя-же упустить такой случай. Она рѣшилась пожертвовать своимъ достоинствомъ.

— Что же говорилъ докторъ Дудлей?—спросила она будто, вскользь.

Матильда колебалась, хотя ей очень хотѣлось похвастаться своимъ отвѣтомъ.

— Не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ передавать... Видите-ли,—д-ръ Дудлей не знаетъ васъ такъ хорошо, какъ я. Онъ началъ подтрунивать—вѣдь онъ ужасный насмѣшникъ!—Съ чего же это она, говоритъ пріѣхала сюда разыгрывать комедіи?—Ну, я же его и отчитала!

И Матильда повторила свои слова, которыя часто вспоминала съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

— Какая вы милая! Вотъ настоящій другъ! — похвалила Мона, но лицо ея стало бѣлѣе бумаги.

— И еще онъ насъ ужасно удивилъ однимъ вопросомъ—вообразите, спрашиваетъ, не *студентка* ли вы *медицинской школы*.

Ага! такъ онъ замѣтилъ ея имя въ спискахъ. Почему же онъ не написалъ ей въ школу?

Обдумывая все расказанное ей Матильдой, Мона не знала, радоваться ей, или отчаиваться. Она не жалѣла что Дудлей разсердился—разсердился до того, что даже забылся передъ Матильдой Куксонъ,—но неужели же онъ осудитъ ее, не выслушавъ? Вѣдь могъ бы онъ

какъ нибудь передать ей письмо. Алжиръ и Каиръ далеко, но вѣдь не на другой же планетѣ.

Нѣтъ, Мона не отчаявалась и не вѣрила, что навсегда утратила своего друга, хотя, для нея лучше было-бы, еслибъ она повѣрила. Будь она убѣждена, что Дудлей забылъ ее, она бы разъ на всегда заперла на ключъ очарованныя комнаты, но неизвѣстность, тревоги ожиданія, мало по малу подтачивали ея силы.

Къ веснѣ она чувствовала себя совершенно больной.

Какъ то утромъ, въ концѣ апрѣля, пробѣгая *Таймсъ*, она наткнулась на слѣдующее объявленіе—«23 сего мѣсяца скончалась въ Карльтонъ-лоджѣ, Борроунессъ, *Эллиноръ Дженъ*, вдова покойнаго сэръ Джоржа *Гамильтона*, на 79 году отъ рожденія».

— Такъ она пріѣхала домой умирать подумала Мона.—Теперь онъ, вѣроятно, пріѣдетъ въ Лондонъ и вернется къ своему дѣлу. Интересно знать, явится-ли онъ въ маѣ въ Бермингтонъ-гоузъ за своею медалью въ день раздачи наградъ. Если явится, такъ я вѣдь увижу его.

Глава L.

Актъ.

Знаменательный день наступилъ, наконецъ. Вѣялъ свѣжій весенній вѣтерокъ, но небо было яркое, какъ лѣтомъ.

— Можно подумать, что я по меньшей мѣрѣ невѣста, — смѣялась Мона, пока Люси и Эвелина помогали ей одѣваться.

— Если вы думаете, что мы стали бы такъ хлопотать изъ-за «обыкновенной», невѣсты, вы глубоко ошибаетесь,—высокомѣрно возразила Люси.—Невѣста! скажите пожалуйста!

— Очаровательна!—объявила Мона, когда Эвелина и Люси, уставъ плясать вокругъ нея, позволили ей наконецъ взглянуть на себя въ зеркало. И дѣйствительно, никогда еще во всю свою жизнь Мона не была такъ интересна.

Въ это самое время Мельвиль спрашивалъ своего друга:

— А вы, Ральфъ, пойдете на актъ?

— Ну ужъ нѣтъ! Боже избави! Довольно я заполучилъ ученыхъ степеней въ Лондонѣ и Кэмбриджѣ, чтобъ еще продѣлывать ту же процедуру и въ Берлингтонъ-гоузѣ.

— Помнится, вы раньше говорили, что у Лондона есть свои преимущества, даже въ сравненіи съ Эдинбургомъ и Кэмбриджемъ?

— Я и теперь это говорю. Но церемонія раздачи наградъ сюда не относится. Вообще всякіе церемоніалы плохо прививаются на почвѣ девятнадцатаго вѣка. Не достаетъ традиціи, благоуханія вѣры... Назовите это нелѣпостью, чѣмъ хотите, но матеріализмъ чертовски не художественъ.

— Вы говорите, какъ книжка съ картинками. Но не будемъ входить въ разсмотрѣніе вопроса. Дѣло вотъ въ чемъ—мнѣ въ первый разъ въ жизни прислали билетъ на эту церемонію, и я хотѣлъ бы поздравить нѣкоторыхъ знакомыхъ. Студентки всѣ премиленькія, но я отказываюсь посвятить весь свой юношескій энтузіазмъ физіологу въ юбкѣ.

— Кстати, вѣдь медаль за физіологію досталась женщинѣ?

У Дудлея вдругъ явилось желаніе посмотрѣть на эту вторую миссъ-Маклинъ.

— Ну, если вы будете такъ тяжело вздыхать, я беру назадъ все, что сказалъ!—вскричалъ Мельвиль.—Я не желаю приносить васъ въ жертву на алтарь дружбы.

— Развѣ я вздохнулъ?—устало протянулъ Ральфъ. Во всякомъ случаѣ, причина не та. Такъ и быть, голубчикъ, пойдемте. Не въ первый разъ мнѣ валять дурака, ради вашего удовольствія.

Всходя на эстраду за хорошенькой золотой игрушкой, Ральфъ чувствовалъ себя положительно нелѣпымъ. Онъ вздохнулъ свободнѣе, только когда смѣшался опять съ толпой; затѣмъ надѣлъ очки и сталъ ждать появленія миссъ Моны Маклинъ.

Хорошо, что теперь общее вниманіе было обращено уже не на него. Ральфъ не часто краснѣлъ, но минуту спустя онъ сдѣлался красенъ, какъ подушка его кресла; когда же краска волненья отхлынула, щеки его покрылись смертельной блѣдностью. При первомъ же взглядѣ на милое знакомое лицо, прелестное въ своемъ возбужденіи, такое же, какимъ онъ видѣлъ его въ замкѣ Маклинъ, вся его горькая обида растаяла и онъ думалъ только объ одномъ: какъ хорошо было бы снова поговорить съ ней. Онъ гордился ея красотой, гордился оваціей, которую ей устроили, гордился своей любовью къ ней.

Но мало по малу факты одинъ за другимъ вставали передъ нимъ. Лицо его омрачилось, на лбу легла глубокая складка.

— Я пройдусь съ ней по Риджентъ-стритъ,—думалъ онъ—и спрошу ее, что все это значитъ.

Наконецъ скучная «процедура» кончилась.

Мону окружили друзья; Ральфа тоже осыпали поздравленіями; но, минуту спустя, онъ уже спѣшилъ вслѣдъ за ней, догонялъ ее. Она была очень блѣдна. Что это—реакція послѣ давешняго волненія? Или она знаетъ, что онъ идетъ позади?

Онъ готовъ былъ заговорить, но, въ это время, толстый пожилой профессоръ, все время съ интересомъ и недоумѣніемъ слѣдившій за Моной, неожиданно схватилъ ее за руку.

— Это Юмъ, Юмъ! Не диво, что она показалась намъ волшебнымъ видѣньемъ на пустынномъ берегу, когда ей даже здѣсь устраиваютъ такія оваціи!

Мона остановилась поговорить съ нимъ, и Дудлей прошелъ мимо.

Какъ же онъ былъ слѣпъ! Какого болвана онъ изъ себя строилъ

когда разсказывалъ ей о своемъ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ; а она сидѣла и смотрѣла на него своими невинными, будто бы искренними глазами.

Циническая усмѣшка кривила его губы. Ральфъ сталъ спускаться съ лѣстницы. Большая часть экипажей уже разъѣхалась, почти у самаго подъѣзда пара великолѣпныхъ гнѣдыхъ нетерпѣливо била о земь копытами. Ральфъ взглянулъ—и узналъ своего случайнаго англо-индійскаго знакомаго, сэра Дугласа Мунро; но сэръ Дугласъ очевидно ждалъ даму: онъ ни на кого не смотрѣлъ и не замѣтилъ молодого доктора. Ральфъ перевелъ взглядъ на другой экипажъ и, когда вернулся къ гнѣдымъ, увидалъ, что дама уже сидитъ на своемъ мѣстѣ—и очень краснорѣчиво смотритъ на него, Ральфа.

— Д-ръ Дудлей,—выговорила она, задыхаясь.

Одно мгновеніе Дудлей колебался, потомъ вѣжливо поклонился и прошелъ мимо. Онъ не могъ теперь говорить съ ней; ему нужно время подумать. Ему казалось, что душа его разрывается на двѣ части. Одна—любила Мону, рвалась къ ней, жадно простирала къ ней руки, готовая взять ее безъ всякихъ вопросовъ и условій; другая—не поддавалась чарамъ, отказывалась повиноваться слѣпому порыву, была оскорблена этимъ пошлымъ безцѣльнымъ обманомъ. Въ сущности, онъ такъ мало знаетъ ее. Они видѣлись разъ десять, не больше—не удивительно, что онъ могъ быть введенъ въ заблужденіе!

Пока онъ боролся съ собой, изящная коляска промчалась мимо. Дудлей угрюмо засмѣялся. А онъ-то воображалъ, что они пойдутъ «пѣшкомъ» по Риджентъ-стритъ, и она скажетъ ему, «что все это значитъ!» Какой же онъ непроходимый болванъ!

Могъ ли онъ знать, что Мона съ радостью отдала бы все на свѣтѣ, чтобы имѣть возможность идти съ нимъ въ эту минуту «пѣшкомъ» по Риджентъ-стритъ?

Глава LI.

Люси приходитъ на выручку.

— Мона, мнѣ пришла одна мысль.

— Неужели? Какъ бы я желала, чтобы со мной это случилось. У меня въ головѣ—ни одной.

Дѣвушки снова сидѣли въ саду, въ Гоуэръ-стритѣ, какъ два года назадъ, и Люси, какъ тогда, лѣниво покачивалась въ гамакѣ.

— Помните, я вамъ говорила, что Pater получилъ маленькое наслѣдство?

— Помню, и отъ души порадовалась за него.

— Ну-съ, такъ вотъ, чѣмъ больше я смотрю на то, что продѣлываютъ теперь врачи, тѣмъ больше мнѣ кажется, что не худо было бы выписать сюда мать.

Мона отвѣтила не сразу. Она мысленно старалась оживить свои воспоминанія, относительно нѣсколько таинственной болѣзни м-рсъ Рейнольдсъ.

— Очень возможно, что это принесло бы ей пользу.

— Я покажу ее доктору Алисѣ Бэтсонъ, пусть она хорошенько изучитъ маминъ организмъ и сама выберетъ спеціалиста,—все равно, мужчину или женщину. Какъ вы находите, не глупо придумано?

— Очень умно.

Наступило минутное молчаніе.

— Вчера Эдгаръ Давидсонъ водилъ меня въ госпиталь св. Кунигунды,—начала Люси.

— Кто это Эдгаръ Давидсонъ?

— Желала бы я, чтобы кто-нибудь занялся вашей памятью, Мона. Право, и для васъ не мѣшало бы пригласить спеціалиста. Неужели вы не помните юноши, котораго мы встрѣтили въ Монте-Карло?

— Конечно, помню.

— Ну-съ, онъ начинаетъ питать ко мнѣ похвальное восхищеніе.

— Я думаю, что юноши-поклонники составляютъ привилегію женщинъ среднихъ лѣтъ, вродѣ меня.

— Въ сущности, онъ и не такъ ужъ юнъ,—возразила Люси, слегка краснѣя.—А поклоняется онъ не мнѣ, а одному своему пріятелю съ которымъ вчера познакомилъ и меня—д-ру Дудлею.

Мона наклонилась поправить подушки.

— Мнѣ очень нравится д-ръ Дудлей. Онъ, повидимому, имѣетъ огромное вліяніе на студентовъ. Особенно мнѣ понравилось, что онъ не заводитъ этихъ отвратительныхъ «постороннихъ» разговоровъ съ больными.

Говоря это, она встала.

— Кстати, Мона, вы должно быть видѣли д-ра Дудлея. Онъ получилъ медаль за анатомію.

— Да,—сказала Мона и ничего не прибавила, въ надеждѣ, что широкополая садовая шляпа скроетъ ее внезапную блѣдность.

Чуть ли не въ первый разъ посторонній человѣкъ заговорилъ съ ней о д-рѣ Дудлеѣ, и она сама удивилась, замѣтивъ, какъ сильна была ея увѣренность въ немъ. Характерно для нея, что, когда прошелъ первый моментъ негодованія, она почти не порицала Дудлея за его ледяную холодность съ ней въ Берликстонъ-гоузѣ. Она живо представляла себѣ, что долженъ чувствовать онъ, какой видъ все это должно имѣть для *него*, съ *его* точки зрѣнія; она вообще отличалась чуткостью и способностью видѣть обѣ стороны вопроса, а потому видѣла и то, какая опасность грозитъ ей и молилась только объ одномъ: что бы ни случилось, не дай Господи, чтобы я утратила свою гордость!

— Приходите ко мнѣ пить чай въ субботу,—сказала Люси, когда пріятельницы встрѣтились въ госпиталѣ нѣсколько дней спустя.—Я

пригласила сестру Эдгара Давидсона. Она только-что вернулась изъ Санъ-Ремо; я еще не видывала такой хорошенькой дѣвушки.

— Я готова пойти за десять миль, чтобы увидать дѣйствительно красивую женщину,—смѣясь, сказала Мона;—но, къ сожалѣнію, у одной моей пріятельницы, всѣ лебеди обнаруживаютъ прискорбную наклонность оказываться безобразными утятами.

— Хорошо, хорошо! Посмотримъ, что вы скажете, когда увидите миссъ Давидсонъ.

Когда наступила суббота, Мона убѣдилась, что Люси была права. Анжела Давидсонъ несомнѣнно была красавица.

— Миссъ Рейнольдсъ сказала мнѣ, что леди Мунро ваша тетя,— обратилась она къ Монѣ.—Какъ вы думаете, она не обидится, если я приду поблагодарить ее за ея удивительную доброту къ Эдгару?

— Я увѣрена, что она будетъ въ восторгѣ, но только она должно быть давно ужъ забыла объ этомъ.

— Но я то этого не могу забыть.

— *A propos*,—вставила Люси,—миссъ Маклинъ соперница д-ра Дудлея; она тоже получила медаль.

Миссъ Давидсонъ подняла на Мону большіе удивленные глаза.

— Вы знаете доктора Дудлея? Она даже не покраснѣла, предлагая этотъ вопросъ, и сама пришла въ восторгъ отъ своего самообладанія.

Прелестное лицо дѣвушки все просіяло.

— Еще бы не знать! Подъ его вліяніемъ братъ мой началъ новую жизнь. Нѣтъ человѣка въ мірѣ, которому я была бы болѣе обязана, чѣмъ Ральфу Дудлей.

При этихъ словахъ Мону точно кольнуло въ сердце. Это была страшная боль; ничего подобнаго она не испытывала раньше и не успѣла спросить себя, что это значитъ, какъ боль уже прошла.

Немного погодя она уже стала прощаться.

— Боюсь, что съ моей стороны это большая дерзость, вы такъ заняты, я буду страшно счастлива и горда, если вы придете ко мнѣ въ четвергъ на той недѣлѣ,—по дѣтски мило просила ее миссъ Давидсонъ.—Миссъ Рейнольдсъ обѣщала быть, и еще нѣсколько человѣкъ— мои лучшіе друзья.

— Съ удовольствіемъ приду,—поспѣшила отвѣтить Мона, и на этотъ разъ даже на лбу у нея выступила легкая краска. Ей хотѣлось еще разъ увидать красавицу-дѣвушку и кромѣ того интересно посмотрѣть, принадлежитъ ли «Ральфъ Дудлей» къ числу ея «лучшихъ друзей».

Вечеромъ, когда она сидѣла у окна, вглядываясь въ смутныя очертанія деревьевъ въ саду, сердце ея снова заныло той же странной болью, но на этотъ разъ Мона подвергла его безжалостному анализу. Долго сидѣла она, не шевелясь, съ глубокой складкой на лбу.

— А я думала, что достигла цѣли!—вырвалось у нея вдругъ.—Неужели же все было напрасно, всѣ эти годы борьбы, тоски и слезъ о

немъ? Я думала, что я у цѣли, и что же въ концѣ-концовъ я не что иное, какъ самая обыкновенная, ревнивая женщина!

— Ну что?—спросила ее на другой день Люси.—Развѣ я преувеличила? Развѣ не правда, что она хороша и мила, какъ только можетъ быть дѣвушка въ наши дни?

— Да, да,—задумчиво протянула Мона.

— Какъ я рада, что вы обѣщали быть у нея въ четвергъ. Я боялась, что вы не захотите. Когда вы ушли, я взяла съ нея слово, что она пригласитъ и д-ра Дудлея.

— Люси!

— Почему же нѣтъ! Онъ мнѣ нравится, а онъ, послѣ всѣхъ ученыхъ женщинъ, съ которыми ему приходится встрѣчаться, навѣрное испытываетъ пріятное чувство, когда это прелестное простое созданіе смотритъ на него большими восторженными глазами.

— А если она скажетъ ему, что вы ищите встрѣчи съ нимъ, вамъ это все равно?

— О, этого она не сдѣлаетъ. Я сказала ей, чтобы она даже не заикалась о «студенткахъ». А то бы онъ, пожалуй, сбѣжалъ. Мужчины не очень то охотно ходятъ въ гости, зная, что на порогѣ гостиной ихъ встрѣтитъ передовая женщина просьбой «забыть о различіи половъ». Такая перспектива имъ не особенно улыбается.

Но Мона не слушала.

— Это такое ребячество, такъ недостойно васъ! Точно школьница! Я никогда не унизилась бы до того, чтобы просить простую знакомую не передавать другому того, что я сказала.

Теперь Люси вспылила въ свою очередь.

— А если и передастъ? Великая бѣда! Точно это преступленіе—искать встрѣчи съ добрымъ и умнымъ человѣкомъ, который вдобавокъ гораздо старше меня?

Глава VII.

Пропущенный случай.

— Докторъ Дудлей, позвольте васъ представить миссъ Маклинъ.

Мона поклонилась, будто совершенно незнакомому человѣку; Дудлей сѣлъ съ ней рядомъ и съ полнымъ самообладаніемъ заговорилъ о постороннихъ вещахъ. Мона не могла бы сказать, было ли его спокойствіе естественное или напускное. Она старалась только о томъ, чтобы оказаться на высотѣ положенія, и съ полчаса живая бесѣда ихъ лилась, не умолкая.

Потомъ нѣсколько человѣкъ стали прощаться. Возникло легкое замѣшательство и на минуту Мона и Ральфъ остались одни у круглаго окна, предоставленные самимъ себѣ.

Оба разомъ умолкли; глаза ихъ встрѣтились.

— Докторъ Дудлей, что я сдѣлала?—чуть слышно выговорила Мона
Тѣ же искренніе глаза смотрѣли на него,—тѣ самые глаза, которые обманывали его, улыбаясь.

— Сдѣлали?—холодно переспросилъ онъ тономъ удивленія.—Ничего особеннаго. Я былъ такъ глупъ, что не сразу понялъ, въ какихъ мы съ вами отношеніяхъ, но я давно уже сознали свою ошибку. Вотъ и все.

Онъ былъ недоволенъ, что она подняла этотъ вопросъ въ такую неподходящую минуту—какъ будто женщины всегда могутъ выбирать случай!—но и теперь, когда онъ говорилъ, губы его дрожали: подъ его наружнымъ спокойствіемъ скрывалась жестокая борьба. Еще, немного и ледъ быть можетъ растаялъ бы;—но она также была горда.

Какъ только миссъ Давидсонъ вернулась къ оставшимся гостямъ, она поднялась.

— Ну-съ, кажется, и мнѣ пора идти.—Я не тороплю васъ, Люси; оставайтесь, если хотите.

Она привѣтливо кивнула ему головкой съ видомъ дружелюбія, гораздо болѣе обиднаго, чѣмъ его холодность, пожала руку хозяйкѣ и ушла. Люси, само собой, пошла вслѣдъ за нею, а докторъ Дудлей остался пожинать то, что посѣялъ.

Но даже общество Люси было въ эти минуты тягостно для Моны; пройдя нѣсколько шаговъ, она подъ какимъ-то предлогомъ извинилась и свернула въ другую улицу.

Оставшись одна, она гордо выпрямилась, говоря себѣ:

— Два раза я давала ему возможность объясниться; довольно. третьяго случая пусть ищетъ самъ!

Нѣсколько дней спустя, вернувшись изъ госпиталя, Мона узнала, что къ ней заходилъ какой-то господинъ и сказалъ, что еще зайдетъ вечеромъ.

Мона удивилась, что онъ не оставилъ карточки.

— И фамиліи своей не сказалъ?

— Нѣтъ, м'мъ; говоритъ, не стоитъ, потомъ зайду.

Монѣ пришло въ голову, что это могъ быть м-ръ Рейнольдсъ.

— Какой онъ изъ себя, пожилой?

— О нѣтъ, м'мъ, молоденькій, высокій такой и худой.

У Моны шибче забилось сердце.

— Когда онъ придетъ, проводите его въ гостиную,—спокойно приказала она.

Она, какъ всегда, пошла на лекціи, но на этотъ разъ ей очень трудно было сосредоточить все свое вниманіе на причинахъ, разновидностяхъ и лѣченіи аневризма. Лишь только прозвенѣлъ звонокъ, возвѣщавшій объ окончаніи лекцій, она поспѣшила домой, одѣлась тщательнѣе обыкновеннаго, разставила по другому цвѣты, пообѣдала, не замѣчая, что ѣстъ, и съ книгой въ рукѣ усѣлась, въ кресло—качалку.

Но читать она не могла.

Какъ умно съ его стороны придти прямо сюда: у себя дома ей гораздо легче говорить,—наконецъ-то выяснятся всѣ недоразумѣнія.

Послышался робкій стукъ у входной двери.

— Не можетъ быть, чтобъ это былъ онъ, — сказала себѣ Мона, но тѣмъ не менѣе, заслышавъ шаги на лѣстницѣ, сердце ея сильно забилось.

Минуту спустя дверь отворилась и служанка доложила:

— М-ръ Броунъ изъ Кильвинни.

— Какъ это мило съ вашей стороны прійти навѣстить меня! — воскликнула она, идя на встрѣчу гостю.

Мона указала рукой на покойное кресло. М-ръ Броунъ сѣлъ и вытеръ лобъ широкимъ фуляромъ.

— Я пріѣхалъ въ городъ по дѣлу, — началъ онъ застѣнчиво. — М-рсъ Иссонъ дала мнѣ вашъ адресъ...

— Ахъ, вотъ что! Какъ же поживаетъ м-рсъ Иссонъ?

— Недѣли двѣ тому назадъ прихворнула было, но теперь, кажется, опять все по прежнему.

— Я пріѣхалъ только вчера вечеромъ.—Онъ посмотрѣлъ на Мону.— Я уже заходилъ къ вамъ, утромъ.

— Мнѣ сказали, что кто-то заходилъ, но я не знала, что это вы. Мнѣ очень жаль, что вамъ пришлось дважды подниматься на лѣстницу. Вы, вѣроятно, находите, что въ Лондонѣ гораздо жарче, чѣмъ въ Кильвинни?

— Теперь вездѣ жарко.—Это плохая погода для брюквы.

— Миссъ Маклинъ,—выпалилъ онъ вдругъ,—вы будете смѣяться, если я скажу вамъ, что пріѣхалъ сюда просить васъ быть моей женой. Вамъ незачѣмъ говорить мнѣ, что этого не можетъ быть, но если вамъ когда-нибудь понадобится дружба простого преданнаго вамъ человѣка, вы знаете, гдѣ искать ея.

Онъ протянулъ ей руку. Когда Мона взяла ее, глаза ея были полны слезъ.

— Вы правы, м-ръ Броунъ: этого не можетъ быть, потому что я не люблю васъ такъ, какъ васъ когда нибудь полюбитъ другая женщина. Но я очень признательна вамъ и до конца жизни буду гордиться мыслью, что такой хорошій человѣкъ пожелалъ имѣть меня своей женой.

Она проводила его до самой двери и, возвращаясь, въ первый разъ почувствовала нѣчто вродѣ презрѣнія къ доктору Дудлею.

— Какая я глупая!—убиваться изъ-за него, когда двое гораздо лучшихъ людей сдѣлали мнѣ честь просить моей руки.

Но, говоря это, она сознавала, что не вполнѣ искренна сама съ собой.

Глава LIII.

Все наружу.

Люси подыскала для матери скромную квартирку въ Блумсбёри; м-ръ Рейнольдсъ охотно согласился провести свой коротенькій лѣтній отпускъ съ женой и дочерью въ Лондонѣ. Д-ръ Алиса Бэтсонъ зашла на другой же день послѣ ихъ пріѣзда и внимательно изслѣдовала больную.

— Операція необходима, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,—какъ всегда напрямикъ объявила она Люси,—но убиваться вамъ не изъ-за чего. Насколько можно судить, всѣ шансы благопріятные, а послѣ операціи она станетъ другимъ человѣкомъ. Я бы посовѣтовала ей съ недѣльку отдохнуть, попринимать что нибудь укрѣпляющее, чтобы набраться силы, но надолго откладывать операцію не совѣтую.

Люси была на седьмомъ небѣ.

Операція прошла удачно и, какъ только м-рсъ Рейнольдсъ начала поправляться, Люси потащила отца посмотрѣть хоть «кусочекъ жизни», какъ она выражалась.

— А знаете, Мона, я таки потащила вчера отца на лекцію доктора Дудлея, — начала она разсказывать Монѣ, когда та зашла къ нимъ навѣстить больную.—Вотъ голосъ! стоитъ цѣлаго состоянія.

— Гдѣ же онъ читалъ и о чемъ?—спросила она.

— Въ Литературномъ обществѣ. Анжела Давидсонъ дала мнѣ знать запиской. Онъ читалъ о Теннисонѣ. Это было великолѣпно. Я думала, что знаю Теннисона, но д-ръ Дудлей показалъ мнѣ его совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Я не все поняла, но когда онъ остановился, я почувствовала, что у меня глаза полны слезъ, а отецъ былъ такъ пораженъ, что пошелъ и познакомился съ докторомъ Дудлеемъ.

Мона ничего не сказала. Много бы дала она, чтобы услыхать эту лекцію!

— А вотъ и папка. Па! разскажи Монѣ о вчерашней лекціи.

— Тебя мама зоветъ, душа моя,—сказалъ м-ръ Рейнольдсъ, ласково потрепавъ дочь по плечу, и сѣлъ у открытаго окна.

— Да, сознаюсь, я былъ пораженъ. Рѣдко встрѣтишь такую тонкую оцѣнку: я увѣренъ, что этотъ молодой человѣкъ составитъ себѣ имя. Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы онъ мнѣ помогъ въ моей статьѣ о Водсвортѣ, которую я пишу какъ разъ теперь, и я просилъ его зайти какъ нибудь вечеркомъ. Онъ обѣщалъ прійти, завтра, и мнѣ хотѣлось бы познакомить съ нимъ мою «старшую дочь». У васъ найдется время? Вамъ навѣрное понравится, какъ онъ говоритъ. Придете?

У Моны хватило присутствія духа ровно настолько, чтобы спросить себя, стоитъ ли скрывать свое волненіе и тотчасъ же она, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, повернулась къ м-ру Рейнольдсу.

— Я думаю, мнѣ лучше не приходить—прошептала она.—Я—я знаю доктора Дудлея.

Нѣтъ, нѣтъ! Можетъ быть они и встрѣтятся, но во всякомъ случаѣ не она будетъ искать этой встрѣчи.

— Какъ хотите, дорогая, какъ вамъ удобнѣе.

Мона немножко удивилась, что м-ръ Рейнольдсъ не предлагалъ никакихъ вопросовъ; она видѣла что ея исторія для него понятна вполнѣ.

Во все продолженіе лекціи Дудлей спрашивалъ себя, кому принадлежитъ красивая сѣдая голова, виднѣвшаяся въ среднихъ рядахъ; когда же въ концѣ вечера обладатель этой головы подошелъ поблагодарить его за испытанное наслажденіе, и пригласилъ къ себѣ, Дудлей былъ очень польщенъ этимъ приглашеніемъ.

Въ назначенный день онъ пришелъ рано и уже при входѣ былъ пріятно пораженъ. Рейнольдсы какъ-будто привезли съ собой въ Лондонъ атмосферу своей деревенской жизни. На окнахъ цвѣли старомодные цвѣты; на бѣлоснѣжной скатерти разставлены были чай, фрукты и домашнія печенья; окна выходили въ зеленѣющій садъ. Одинъ уже видъ благородной старческой фигуры м-ра Рейнольдса, казалось, отодвигалъ въ безконечную даль всѣ мірскія заботы и суету. Въ этой небольшой, просто убранной комнаткѣ мелкіе цѣли теряли половину своей привлекательности; идеалъ же казался доступенъ и близокъ.

— Неужели я въ Лондонѣ? — спросилъ Дудлей, здороваясь съ лежавшей на диванѣ хозяйкой.

— Къ счастію, да,—улыбнулась больная.—Я очень многимъ обязана Лондону.

— Вотъ это хорошо. На него слышишь столько нареканій, что пріятно иногда освѣтить вопросъ и съ другой стороны.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла Люси, веселая, улыбающаяся. Дудлей не замѣтилъ ея на лекціи и удивился узнавъ, что она приходится дочерью сѣдому патріарху.

— Какъ жаль, что я не пригласила сегодня Моны!—вскричала она, садясь заваривать чай.

Никто не отозвался, только м-ръ Рейнольдсъ посмотрѣлъ на своего гостя.

— Вы знаете, о комъ я говорю,—продолжала Люси, обращаясь къ Дудлею;—о моемъ другѣ миссъ Маклинъ. Вы у Давидсоновъ долго разговаривали съ ней. Не правда ли, она страшно умна?

— На рѣдкость.

Слова его не звучали насмѣшкой; но дружественная, почти дѣтская простота тона и обращенія исчезла и замѣнилась сдержанностью.

— «Цѣна ея дороже всѣхъ рубиновъ»,—спокойно продекламировалъ м-ръ Рейнольдсъ.

Теперь гость въ свою очередь съ живостью вскинулъ глаза на хозяина.

Люси пользовалась каждымъ предлогомъ, чтобъ разсказать что-нибудь о Монѣ. Для домашнихъ ея это было не ново, и отецъ не прерывалъ ея, радуясь, что она безсознательно играетъ ему въ руку. Онъ не могъ опредѣлить, былъ ли тягостенъ этотъ разговоръ для доктора Дудлея, но несомнѣнно, что молодой человѣкъ былъ глубоко заинтересованъ.

— Вы знакомы съ сэромъ Дугласомъ Мунро?—неожиданно спросилъ онъ у Люси.

— О да, очень хорошо. А вы?

— Мы встрѣтились случайно года два тому назадъ, а на дняхъ я зашелъ къ нему попросить его содѣйствія для помѣщенія одного субъекта въ больницу неизлечимыхъ. Онъ былъ очень любезенъ и пригласилъ меня на завтра, у нихъ, кажется, музыкальный вечеръ.

— Непремѣнно идите. Это будетъ чудесно! Вы вѣроятно услышите пѣніе миссъ Маклинъ. У нея такой симпатичный голосъ.

Оставшись вдвоемъ въ кабинѣ м-ра Рейнольдса новые друзья мало бесѣдовали о Водсворотѣ. Каждый изъ нихъ чувствовалъ свое духовное родство другъ съ другомъ, и они говорили по душѣ, какъ рѣдко говорятъ люди съ первой, или со второй встрѣчи.

— Однако, я безсовѣстно засидѣлся у васъ,—спохватился вдругъ Ральфъ.—Надѣюсь, вы мнѣ позволите прійти еще разъ. Неумѣю сказать вамъ, какъ много вы сдѣлали для меня. Вы заставили меня почувствовать, что «лучшее еще впереди».

М-ръ Рейнольдсъ отвѣтилъ не сразу.

— Д-ръ Дудлей,—выговорилъ онъ наконецъ.—Сегодняшній вечеръ выяснилъ, что мы съ вами можемъ довѣриться другъ другу. Прежде чѣмъ вы уйдете, я долженъ сказать вамъ одну вещь. Вы знаете, что миссъ Маклинъ другъ моей дочери. Не знаю, извѣстно-ли вамъ, что и мнѣ она дорога, какъ мое родное дитя. Я приглашалъ ее сегодня прійдти къ намъ, и она отказалась. Почему она отказалась? Еслибъ вы не заставили меня уважать васъ, я не предложилъ бы вамъ этого вопроса.

Лицо Дудлея выражало самыя противоположныя чувства.

— Что̀ она вамъ говорила обо мнѣ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Она даже не упоминала вашего имени.—Мистеръ Рейнольдсъ съ минуту колебался, потомъ рѣшилъ поставить все на карту и продолжалъ.

— Однажды, когда я похвалилъ ее за выдержку, за то что она не измѣняетъ своему рѣшенію остаться въ Борроунессѣ, въ такой не подходящей обстановкѣ, и среди чужихъ ей по духу людей, она отвѣтила мнѣ, съ искренностью на которую мы едва-ли бы съ вами были способны, что тамъ не всѣ люди чужды ей по духу. Она говорила, какъ дѣвушка, которая вовсе не думаетъ ни о любви, ни о бракѣ, но для меня ея слова имѣли больше значенія, чѣмъ она сама придавала имъ.

Мистеръ Рейнольдсъ говорилъ довольно туманно, но онъ не могъ бы найти лучшаго ключа къ сердцу Ральфа. Въ душѣ Дудлея живо встали воспоминанія прежнихъ дней, идиллія въ замкѣ Маклинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жгучее чувство сожалѣнія.

— Я все скажу вамъ, — вскричалъ онъ. Надо же мнѣ наконецъ отвести душу, и я надѣюсь, что вы поймете... Кромѣ того я долженъ дать объясненіе кому нибудь, кто любитъ ее. 99 человѣкъ изъ 100 не придали бы этому никакого значенія, но для меня это было *положительно все*. Разъ мы въ этомъ не сошлись, то и ни въ чемъ не сойдемся. Можно разсуждать о преступленіи, но о такихъ тонкостяхъ не разсуждаютъ. Одного это задѣваетъ, другого нѣтъ, для васъ это ничего не значитъ, для меня все,—что же тутъ разсуждать? Хуже всего что я оскорбилъ ее и теперь уже не могу этого поправить. Будь она обыкновенная женщина, я бы счелъ своимъ долгомъ не обратить на это вниманія и просить ея руки; но она миссъ Маклинъ. Теперь же единственное, что я могу сдѣлать, какъ порядочный человѣкъ, оставить ее въ покоѣ и не оскорблять ея дольше.

Старый священникъ на своемъ вѣку слышалъ не мало безпорядочныхъ исповѣдей, но никогда ему не доводилось слышать такихъ безсвязныхъ рѣчей; тѣмъ не менѣе лицо его оставалось спокойнымъ. Онъ только сказалъ:—Разскажите, какъ вы встрѣтились съ ней, и гдѣ.

Мало по малу истина вышла наружу. Горько издѣваясь самъ надъ собой, Дудлей разсказалъ ему о своихъ колебаніяхъ, о томъ, какъ его смущала мысль жениться на «лавочницѣ», какъ страсть его постепенно росла и побѣждала препятствія, и слегка намекнулъ на то, что произошло въ бурную ночь, когда онъ везъ ее домой изъ лѣсу,

— И тутъ вы сказали ей, что любите ее? — Это было сказано совершенно спокойно, какъ нѣчто такое, что разумѣется само собой?

Дудлей нервно засмѣялся и краска на щекахъ его выступила ярче.

— Въ ту ночь мы оба были выше словъ. Когда электрическая искра сближаетъ двѣ сферы... Видите-ли, тогда меня угнетало чувство что я даромъ растратилъ свою жизнь; Лондонъ представлялся мнѣ чѣмъ то вродѣ искупленія, и я не считалъ себя въ правѣ просить женщину быть моей женой, пока я еще сижу на школьной скамьѣ.

— А когда вы встрѣтились съ ней въ слѣдующій разъ?..

— На другой день я уѣхалъ изъ Борроунесса.—Дудлей горько усмѣхнулся.—Мы встрѣтились съ нею уже въ Бёрлингтонъ-Гоузѣ. Это была преинтересная драматическая сценка, нѣчто вродѣ внезапнаго превращенія Золушки въ принцессу.

— Но вы же писали ей?

Дудлей покачалъ головой.—Я сказалъ ей еще раньше,—что буду считать себя свободнымъ человѣкомъ только въ іюлѣ послѣ окончанія экзаменовъ. Она всегда была такая чуткая; мнѣ казалось, что она пойметъ. Но когда я пріѣхалъ въ Борроунессъ, сходя съ ума, отъ желанія

ее видѣть, мнѣ сказали, что ея кузина уѣхала въ Америку, а миссъ Маклинъ путешествуетъ съ друзьями по Швейцаріи!

— Но тогда наконецъ вы написали ей?

— Я не зналъ ея адреса. *Да и развѣ о такихъ вещахъ можно писать?* Потомъ заболѣла моя тетка, мой лучшій другъ. Она хворала долго и умерла.

М-ръ Рейнольдсъ подождалъ немного, и сказалъ:

— Когда я подумаю, сколько вы заставили выстрадать эту чуткую душу, я почти готовъ забыть, что обязанъ знаніемъ фактовъ исключительно вашей любезности.

Ральфъ посмотрѣлъ на него съ блѣдной улыбкой.

— Не щадите меня! Бейте сильнѣй!

— Я одного не могу объяснить: зачѣмъ она сказала вамъ, что ее зовутъ Маргаритой.

— Ѳ, это очень просто. Это было въ самомъ началѣ. Разговоръ былъ объ этомъ имени вообще, вотъ она и сказала, что это также и ея имя; потомъ я прочелъ его на молитвенникѣ, должно быть, молитвенникъ принадлежалъ ея матери. М-ръ Рейнольдсъ, я былъ слѣпъ и глупъ, но мнѣ все-таки кажется, что ей слѣдовало не скрывать отъ меня кто она.

— Разъ вы даете мнѣ, старику, позволеніе рубить сплеча, я позволю вамъ сказать, что вы сами не сознаете, насколько въ вашемъ негодованіи играетъ роль оскорбленная гордость, но я не желаю васъ убѣждать. Я предпочелъ бы видѣть мою «старшую дочь» женою болѣе благороднаго человѣка.

Ральфъ невольно улыбнулся.

— Это дѣйствительно называется «рубить сплеча»! Но увѣрены ли вы, что вы вполнѣ справедливы? У каждаго человѣка есть свои требованія; у меня были свои. Но я не варваръ. Ни одна женщина въ мірѣ не будетъ пользоваться бо́льшей свободой и бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ моя жена.

М-ръ Рейнольдсъ всталъ и протянулъ ему руку.

— Уже полночь; я все сказалъ. Идите домой и подумайте хорошенько.

Но, выйдя изъ дому пастора, Ральфъ пошелъ не домой; онъ долго еще бродилъ по улицамъ и площадямъ, съ такимъ волненіемъ и благодарностью въ душѣ, какое онъ никогда не испытывалъ раньше.

Глава LIV.

«Къ чорту любовь».

Вернувшись изъ-за границы, леди Мунро затѣяла у себя журъ-фиксы. Съ этими журъ-фиксами возни было дѣйствительно «по горло», какъ выразилась Люси. Сэръ Дугласъ называлъ «снобизмомъ» выходить

изъ рамокъ обычной жизни семьи ради пріема гостей; но—разъ дѣлать что-нибудь, такъ по крайней мѣрѣ такъ, чтобы не было хлопотъ хозяину и хозяйкѣ. Въ виду этого всѣ комнаты на Глочестеръ-Плэсѣ были на два дня предоставлены въ распоряженіе декораторовъ и обойщиковъ, взятыхъ изъ лучшаго магазина, и въ эти дни большинство домашнихъ считали за лучшее не попадаться на глаза сэръ Дугласу.

Мона не узнала квартиры тетки.

— Скорѣе, Мона!—нетерпѣливо крикнула ей Эвелина.—Люси здѣсь уже съ полчаса. Я такъ боялась, что ты опоздаешь и не увидишь комнатъ въ полномъ блескѣ. Столъ для ужина—одна мечта!

— Господи помилуй!—въ благоговѣйномъ ужасѣ зашептала Люси, когда Мона сбросила съ себя накидку.—Какая она импозантная! Почище Маріи Стюаръ, идущей на эшафотъ. Я кажется никогда еще не видала васъ въ черномъ. Еслибъ вы были немножно щедрѣе и показали бы, какъ слѣдуетъ, вашу лебединую шейку и ручки, это было-бы само совершенство.

— Дѣло въ томъ,—засмѣялась Мона,—что я уже не молода и могу казаться моложавой только когда возлѣ меня нѣтъ семнадцатилѣтнихъ; это мнѣ пришло въ голову только недавно и я рѣшила, какъ Вальтеръ Скоттъ, перейти «на другую линію».

Черезъ часъ залы были полны гостей.

На вечеръ приглашено было нѣсколько профессіональныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, но, когда большинство отправились ужинать, и гостиная, гдѣ стоялъ рояль, опустѣла, сэръ Дугласъ попросилъ Мону спѣть.

— Дайте немножко отдохнуть нашимъ нервамъ. Спойте эту маленькую вещицу Бетховена.

Мона сѣла за рояль.

«Но если твой обѣтъ сталъ тяготить тебя, хотя бы я и плакалъ о тебѣ, не приходи».

Дверь была открыта и, лишь только послѣдніе скорбные звуки замерли въ воздухѣ, Мона увидала въ зеркалѣ, мужскую фигуру на порогѣ...

Выраженіе лица ея мгновенно измѣнилось; она взяла нѣсколько вызывающихъ, звонкихъ аккордовъ и запѣла причудливую, пикантную пѣсенку Мура.

Она пѣла съ большимъ одушевленіемъ и, когда кончила, раздался градъ апплодисментовъ.

Ральфъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Неужели она думала о немъ? Неужели это *его* любовь принесла ей сердечную боль и тоску? Пока она пѣла, онъ вѣрилъ въ это, но теперь, когда онъ взглянулъ на нее, такое предположеніе показалось ему только смѣшнымъ.

Что за хамелеонъ эта дѣвушка! Послѣ вчерашняго разговора съ м-ромъ Рейнольдсомъ, онъ все время представлялъ ее себѣ съ этимъ смущеннымъ полудѣтскимъ выраженіемъ лица, съ этимъ робкимъ во-

просомъ на устахъ: «Докторъ Дудлей, что я сдѣлала?» И вотъ она передъ нимъ, холодная, блестящая, вполнѣ владѣющая собой, окружена толпою мужчинъ и повидимому чувствуетъ себя съ ними легко и свободно.

— Мона, что съ вами?—сказалъ сэръ Дугласъ, взявъ ее за руку.

Какъ мило измѣнилось вдругъ ея лицо!

— Не сердитесь, дядя милый!—шепнула она, ласкаясь.—Весь вечеръ мы слушали сантиментальные романсы. Въ концѣ концовъ это надоѣло всѣмъ до тошноты.

— Объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ. А теперь идите ужинать.

Дудлей поспѣшилъ скрыться въ сосѣднюю комнату. Онъ положительно ревновалъ къ сэръ Дугласу.

— Какого чорта я пришелъ сюда?—говорилъ онъ себѣ, окидывая взоромъ море незнакомыхъ лицъ. Онъ не хотѣлъ сознаться даже самому себѣ, что пришелъ сюда въ надеждѣ поговорить и объясниться съ Моной. Въ эту минуту онъ замѣтилъ въ толпѣ фигурку Люси Рейнольдсъ и подошелъ къ ней.

— Ахъ, докторъ Дудлей, какъ я рада васъ видѣть!

Это было очень утѣшительно, и Ральфъ опустился на свободный стулъ рядомъ съ нею.

— У васъ здѣсь много знакомыхъ?

— Не особенно. Это вѣдь не мой кругъ.

— И не мой тоже. Такъ отрадно встрѣтить знакомое лицо.

— Вы видѣли миссъ Маклинъ?

— Я слышалъ ея пѣніе. Она такъ окружена...

— Да, вѣдь она здѣсь все равно, что дочь.

— Могу я имѣть удовольствіе вести васъ къ ужину?

— Благодарю васъ; я уже обѣщала м-ру Лесли. Вотъ онъ идетъ.

И Ральфъ снова остался одинъ. Онъ не могъ заставить себя уйти отсюда, не увидавъ еще разъ Моны. Въ эту минуту онъ замѣтилъ въ толпѣ своего друга, Мельвиля и съ удивленіемъ окликнулъ его:

— Какъ вы попали сюда?

— Другъ мой, будь я менѣе хорошо воспитанъ, я отвѣтилъ бы вамъ тѣмъ же вопросомъ. Но я хочу остаться вѣренъ отличающей меня любезности. Я здѣсь во-первыхъ потому, что питаю безнадежную страсть къ леди Мунро, во-вторыхъ потому, что мои кузины были такъ добры и захватили меня съ собой.

— Я не зналъ, что вы знакомы съ Мунро.

— Наше знакомство шапочное. Впрочемъ, леди Мунро достаточно увидѣть разъ... Эта женщина—совершенство, по крайней мѣрѣ, я такъ думалъ, пока меня не представили ея племянницѣ. Поразительная дѣвушка!

Ральфъ молчалъ.

— Вы видѣли ее, когда она пѣла?

— Я слышалъ.

— Нѣтъ, надо было видѣть ее. Когда она пѣла ту первую вещь, лицо ея совершенно преобразилось.

Вошла Мона подъ руку съ дядей. Она была дѣйствительно очень окружена и найти случай заговорить съ ней было не легко. Ральфъ все блѣднѣлъ отъ волненія. Теперь, когда онъ убѣдился, что причинилъ не мало ненужныхъ страданій себѣ, а можетъ быть и ей, ему трудно было бы встрѣтиться даже съ помощницей миссъ Симпсонъ, и тѣмъ болѣе съ этой свѣтской женщиной, которая даже не замѣчала его присутствія.

Тѣмъ не менѣе онъ ждалъ случая и, какъ только Мона встала, собравшись съ духомъ подошелъ къ ней:

— Миссъ Маклинъ, вы позволите мнѣ проводить васъ до кареты?

— Очень вамъ благодарна, — сказала она просто; — я обѣщала остаться здѣсь ночевать.

Ральфъ прикусилъ губы. Нѣтъ, она очевидно не думала о немъ, когда пѣла.

Они обмѣнялись нѣсколькими ничего не значущими фразами, но въ такой толпѣ невозможно было вести разговоръ, и Ральфъ скоро оставилъ попытки. Теперь уже, слава Богу, не долго ждать. Завтра онъ увидитъ ее одну!

Завтра она будетъ одна, вдали отъ всей этой толпы и шума, завтра онъ пойдетъ къ ней и скажетъ все, что надо сказать.

Глава LV.

Наконецъ-то!

Ни Ральфъ, ни Мона не могли уснуть въ эту ночь.

М-ръ Рейнольдсъ ничего не сказалъ своей «старшей дочери» о своемъ разговорѣ съ Дудлеемъ, но лицо и обращеніе Ральфа на вечерѣ были сами по себѣ достаточно краснорѣчивы, и Мона поняла, что въ его чувствахъ къ ней произошла большая перемѣна—къ лучшему, или къ худшему, она еще не знала.

— Господи, не дай мнѣ потерять мою гордость! Ничто не можетъ оправдать его поведенія. Онъ обошелся со мной жестоко—жестоко!

На другой день, послѣ вечера она обѣщала пріѣхать погостить къ знакомымъ въ Сёрбитонъ и рѣшила сдержать обѣщаніе, хотя ей очень не хотѣлось покидать Лондонъ именно въ это время.

Такимъ образомъ, когда Ральфъ, около часу, постучалъ у ея дверей, ему сказали, что Мона уѣхала въ деревню до понедѣльника. Онъ опоздалъ всего на нѣсколько минутъ. Адреса она не оставила, но служанка слышала, какъ она велѣла извозчику ѣхать на станцію Ватерлоо.

Минуту спустя, Ральфъ мчался въ наемной коляскѣ туда же. Онъ

и такъ, въ своемъ безуміи, потерялъ уже слишкомъ много времени. Онъ не хочетъ ждать больше ни минуты.

На крыльцѣ вокзала онъ встрѣтилъ Люси.

— Мона уѣзжаетъ въ Сѳрбитонъ,—сообщила она.

— Одна?

— Одна.

— Благодарю васъ.

Не прибавивъ ни слова, онъ приподнялъ шляпу и повернулся. Онъ, какъ школьникъ, проталкивался сквозь толпу и нагналъ предметъ своихъ поисковъ у самой кассы.

— Два билета перваго класса до Сѳрбитона!—крикнулъ онъ, прежде чѣмъ Мона успѣла раскрыть ротъ.

— Одинъ билетъ третьяго до Сѳрбитона,—съ достоинствомъ сказала Мона, хотя сердце ея билось до боли.

— Не торопитесь, сэръ,—успокаивалъ кассиръ, кладя штемпель сначала на билетъ Моны.

Осталось еще три минуты.

Дудлей нагналъ дѣвушку на платформѣ.

— Я взялъ для васъ билетъ. Вы поѣдете со мной.

Это звучало скорѣе приказаніемъ, чѣмъ просьбой.

— Очень вамъ благодарна; я никогда не ѣзжу въ первомъ классѣ.

— А сегодня поѣдете.

Вмѣсто отвѣта она отворила дверь вагона третьяго класса.

Дудлей закусилъ губы,—потомъ улыбнулся.

— Вы предпочитаете вагоны для курящихъ?

Мона нервно разсмѣялась, перешла къ слѣдующему вагону и, не говоря ни слова, вошла.

Ральфъ рвался войти вслѣдъ за нею, но былъ такъ благоразуменъ, что удержался.

Съ изысканной любезностью онъ помогъ ей войти; заперъ дверь, приподнялъ шляпу и отошелъ.

Мона страшно поблѣднѣла.

— Я не могу иначе,—говорила она себѣ.—Онъ былъ жестокъ со мной, и пусть онъ не воображаетъ, что я могу забыть это въ одну минуту.

Но если бы Ральфъ могъ видѣть выраженіе ея лица, у него, вѣроятно, стало бы легче на сердцѣ.

Поѣздъ двигался страшно медленно, но, должно быть, счастливая звѣзда Ральфа была въ то время въ зенитѣ, такъ какъ передъ самымъ отходомъ, въ вагонъ, гдѣ Мона сидѣла одна, ворвалась цѣлая компанія рабочихъ. Не имѣя намѣренія обидѣть ее, они тѣмъ не менѣе громко разговаривали и хохотали, плевали на полъ и курили трубки, причемъ отъ всѣхъ несло водкой.

На первой же станціи Ральфъ отворилъ дверь.

— Здѣсь очень тѣсно,—сказалъ онъ, тономъ холодной любезности.—

Въ сосѣднемъ вагонѣ просторнѣе. Вы не находите, что лучше было бы перейти?

— Благодарю васъ.

Мона встала и взяла его подъ руку.

«Только бы моя гордость не измѣнила мнѣ!»—мысленно повторяла Мона, но въ то же время чувствовала, какъ тогда, въ лѣсу, подъ занесенными инеемъ соснами, что почва ускользаетъ изъ-подъ ея ногъ.

Ральфъ пропустилъ ее впередъ, вошелъ самъ и заперъ дверь. Стукъ этой затворяющейся двери для обоихъ былъ полонъ значенія.

Пока поѣздъ не тронулся, оба молчали.

— Вамъ нечего было такъ избѣгать разговора со мной, миссъ Маклинъ,—выговорилъ, наконецъ, Ральфъ.—Я хотѣлъ только попросить у васъ прощенія.

Кровь волной залила все ея лицо; она протянула руку.

— О, докторъ Дудлей, простите и вы меня!

— Я гораздо болѣе васъ достоинъ порицанія, но это ничего не значитъ. Скажите мнѣ, какъ это вышло? Развѣ наша дружба ничего для васъ не значила? Развѣ я не имѣлъ права на вашу откровенность? Не смотрите въ окно; смотрите мнѣ въ глаза.

— Докторъ Дудлей, вы такой чуткій, такой умный;—развѣ вы не понимаете? Кузина просила меня никому не говорить, что я изучаю медицину, и я обѣщала. Въ это время мнѣ даже въ голову не приходило, что мнѣ можетъ захотѣться сказать это кому-нибудь—тамъ, и... и—до той ночи въ лѣсу—я не знала... И еще—я одно только скажу въ свое оправданіе. Вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ трудно было высказаться; вы же сами не давали мнѣ возможности; вы сразу и безусловно повѣрили, что я именно то, чѣмъ кажусь.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, лицо его постепенно прояснялось, но при послѣднихъ словахъ онъ сдвинулъ брови и почти простоналъ:

— Перестаньте!—но тотчасъ же поправился:—Нѣтъ, говорите. Я беру назадъ свои слова; говорите, что хотите. Ваше отношеніе ко мнѣ гораздо мягче, чѣмъ того заслуживаетъ мой безграничный эгоизмъ.

— То не былъ эгоизмъ, — возразила Мона, мгновенно овладѣвая собой и кокетливо покачавъ головкой.—Это былъ комплиментъ моему умѣнью выдерживать принятую на себя роль, и я была бы страшно обижена, еслибъ вы сказали мнѣ, что я не соблюла законовъ перспективы.

Теперь пришла его очередь исповѣдываться, а онъ не любилъ ничего дѣлать вполовину.

— Въ теченіе нашего знакомства, миссъ Маклинъ, — началъ онъ нѣсколько приподнятымъ тономъ, — вы знали меня, такъ сказать, въ трехъ видахъ—снобомъ, безумцомъ и ребенкомъ.

— Въ теченіе нашего знакомства,—съ живостью перебила Мона,—я знала васъ въ трехъ видахъ: учителемъ, другомъ и...

— И?

Она засмѣялась.—Не могу вспомнить. Не знаю...

Въ глазахъ его загорѣлся огонь.

— Не знаете?—выговорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

Онъ всталъ, простирая къ ней руки.

Мона хотѣла было засмѣяться, но смѣхъ замеръ у нея на устахъ; она ничего не сознавала, кромѣ магнетизма его присутствія; онъ страстно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Голова ея запрокинулась назадъ; прелестныя гордыя губы, еще не знавшія поцѣлуевъ, покорно слились съ его губами.

О, любовь человѣческая!—что ты такое?—прекраснѣйшій ли ангелъ Божій, или блуждающій огонекъ, посланный лишь для того чтобъ освѣтить призрачнымъ свѣтомъ нашъ краткій путь земной? Не знаю. Знаю только, что поцѣлуй Ральфа разлился жгучимъ трепетомъ по всему существу Моны, пробудилъ въ немъ тысячу отголосковъ, спавшихъ дотолѣ, и что въ этотъ моментъ души ихъ были полны счастьемъ.

Глава LVI.

На рѣкѣ.

Монѣ такъ и не суждено было побывать въ этотъ день въ Сёрбитонѣ. Съ Клонгэмской соединительной станціи она послала телеграмму пріятельницѣ и оттуда вмѣстѣ съ Ральфомъ поѣхала въ Ричмондъ.

— Позвольте мнѣ покатать васъ по рѣкѣ,—просилъ онъ.—О Мона, Мона, Мона! Неужели вы та самая простая, сердечная дѣвушка, которую я зналъ въ замкѣ Маклинъ? Это слишкомъ хорошо чтобъ быть возможнымъ. Кстати, замокъ Маклинъ теперь ваша собственность, и навсегда. Права моей принцессы оспаривать некому, кромѣ чаекъ

Онъ усадилъ ее въ лодку, сѣлъ въ весла и выѣхалъ на середину рѣки.

Маленькая лодочка понеслась, какъ стрѣла.

Мона смѣялась, довольная; у нея духъ захватывало отъ быстраго движенія.

— Довольно, докторъ Дудлей,—сказала она, наконецъ.— Вы совсѣмъ измучитесь.

Онъ сильнѣе прежняго налегъ на весла.

— На это имя я не отзываюсь.

— Остановитесь, пожалуйста.

— Кто долженъ остановиться?

Наступила минутная пауза. Мона густо покраснѣла и чуть слышно выговорила:—Ральфъ.

Раздался всплескъ воды; весла застыли на полвзмахѣ, и Ральфъ съ тихимъ радостнымъ смѣхомъ наклонился впередъ. Вдругъ онъ вздохнулъ.

— Вчера вы даже не замѣтили меня, Мона.

— Будто?

— Замѣтили?

Но тамъ, гдѣ начинается языкъ взглядовъ и улыбокъ, историку лучше положить перо. Все, что онъ могъ бы сказать и безъ того запечатлѣно въ памяти тѣхъ, кто жилъ и любилъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы нашимъ влюбленнымъ не хватало словъ. Имъ столько нужно было наверстать, столько сказать другъ другу:—но для посторонняго рѣчи ихъ врядъ ли были бы понятны. Они то смѣялись надъ разными мелкими фактами изъ жизни въ Борроунессѣ, то обмѣнивались воспоминаніями дѣтства, то совѣтовались относительно труднаго случая въ госпиталѣ.

Лѣтній день былъ дологъ и безоблаченъ. Для Ральфа и Моны это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ дней, когда чаша счастья полна черезъ край и земное блаженство граничитъ съ блаженствомъ небеснымъ. Каждая мелочь жизни пріобрѣтала значеніе—теперь, когда они переживали ее вдвоемъ; каждое ласковое слово и взглядъ сулили въ будущемъ безконечную радость.

— Я зайду на минутку къ м-ру Рейнольдсу,—сказалъ Ральфъ, когда они, уже въ сумеркахъ, возвращались домой.—Когда я могу застать вашего дядю?

— Я думаю, лучше всего въ понедѣльникъ утромъ,—не слишкомъ рано. Надо предупредить васъ относительно сэръ Дугласа. Онъ не опекунъ мой; два года тому назадъ я даже совсѣмъ не знала его; но потомъ, все это время, онъ былъ несказанно добръ ко мнѣ. Чтобы онъ ни сказалъ вамъ—а я боюсь, что онъ наговоритъ вамъ много непріятнаго,—не ссорьтесь съ нимъ.

Дѣйствительно, въ понедѣльникъ, когда Ральфъ пришелъ просить руки Моны, сэръ Дугласъ забылся такъ, какъ непозволительно забываться джентльмену, если только онъ не англо-индійскаго происхожденія.

Лишь только гость скрылся за дверью, сэръ Дугласъ взялъ шляпу и отправился къ Монѣ.

— Неужели правда, что вы хотите выйти замужъ за этого господина?

Мона разсказала ему, какъ молодой и талантливый врачъ влюбился въ деревенскую лавочницу.

— Ну еще бы! Хорошъ молодчикъ! повѣришь, что вы на самомъ дѣлѣ лавочница!—Счастье его, что онъ не вздумалъ сказать это мнѣ—я бы столкнулъ его съ лѣстницы.—Кто онъ такой? Д-ръ Дудлей? Я никогда не слыхалъ этой фамиліи.

— Боюсь, что я далеко не авторитетна по части родословныхъ,—улыбаясь, сказала Мона.

Сэръ Дугласъ до конца твердилъ, что онъ не понимаетъ, что́ Мона нашла въ этомъ мальчишкѣ; но мало по малу онъ долженъ былъ сознаться, что могло выйти и хуже. По крайней мѣрѣ она будетъ жить въ Лондонѣ и на глазахъ у него, сэръ Дугласа.

— Очень рада, что у васъ обоихъ хватило здраваго смысла поторопиться съ развязкой,—флегматически заявила Люси, когда Мона сообщила ей новость.

— Вы хотите сказать, что вы подозрѣвали?

— Подозрѣвала! Очень мило! Я вамъ скажу, что для моего собственнаго душевнаго спокойствія хорошо, что я подозрѣвала. «Когда я была дитятей, я разсуждала, какъ дитя», но—я давно переросла всѣ эти глупости. Я, да-съ, я буду передовой женщиной, а не вы. Когда вы и Дорисъ съ головой уйдете въ пеленки, я буду позировать въ роли мученицы, или вести на приступъ отважныхъ бойцовъ!

Глава LVII.

Сватовство fin de siècle.

Свадьбу рѣшено было сыграть въ октябрѣ слѣдующаго года, послѣ того, какъ Мона и Ральфъ оба сдадутъ экзаменъ на доктора медицины; въ теченіе же остающихся пятнадцати мѣсяцевъ влюбленные рѣшили всецѣло посвятить себя занятіямъ и, если возможно, забыть, что они—женихъ и невѣста.

— Я ни за что на свѣтѣ не хочу провалиться на послѣднемъ экзаменѣ,—сказала Мона черезъ недѣлю послѣ обрученія,—а если такъ будетъ продолжаться, я непремѣнно провалюсь. Право, мнѣ, кажется, лучше уѣхать въ Эдинбургъ, къ Колькхунамъ, и заниматься тамъ.

Это оказалось, однако, излишнимъ, такъ какъ Дудлей былъ назначенъ врачемъ-интерномъ въ госпиталѣ св. Кунигунды,—что оставляло ему мало времени на занятія и еще меньше на развлеченія.

Женихъ съ невѣстой рѣдко видѣлись чаще одного раза въ недѣлю, и то Мона потребовала, чтобы при встрѣчахъ они держали себя просто, какъ друзья и товарищи.

— Твое желаніе — законъ. Зато и закутимъ же мы когда-нибудь послѣ всей этой экономіи!

Сомнѣваюсь, однако, чтобы періодъ «жениховства» доставилъ кому бы то ни было больше удовольствій, чѣмъ Ральфу. Въ пожатіи руки Моны, не болѣе чѣмъ дружескомъ пожатіи, была особая неуловимая прелесть, и чѣмъ меньше ему давали, тѣмъ больше онъ цѣнилъ это немногое.

Такъ прошла зима и наступило снова лѣто. Однажды, послѣ долгой дружеской бесѣды съ Дорисъ, пріѣхавшей въ Лондонъ готовиться къ свадьбѣ, которая должна была состояться въ августѣ, Мона сидѣла въ своей комнатѣ, погруженная въ глубокую задумчивость, какъ вдругъ ее вывелъ изъ забытья знакомый стукъ въ дверь.

— Войдите!—крикнула она.—О Ральфъ, какъ хорошо, что ты пришелъ! Я сейчасъ заварю тебѣ свѣжаго чаю.

— Благодарю, моя дорогая, не надо. Сегодня мой выходной день, и я не могъ приняться за работу, не повидавшись съ тобой.

— А я, къ стыду своему, ровно ничего не дѣлала. Дѣло въ томъ— что я «во грустяхъ».

— Экзаменаціонная лихорадка?

— Хуже, гораздо хуже. Видишь-ли, милый, сдѣлаться практикующимъ врачемъ — вѣдь это значитъ взять на себя громадную отвѣтственность, и выйти замужъ — тоже; и вотъ мысль объ этихъ двухъ отвѣтственностяхъ положительно угнетаетъ меня.

— Но, другъ мой, мы начнемъ съ того, что поѣдемъ заграницу и отдохнемъ хорошенько; а затѣмъ когда вернемся, при всѣхъ нашихъ блистательныхъ дарованіяхъ, не думаю, чтобъ у насъ сразу оказалась большая практика.

— Меня не страшитъ перспектива щупать пульсы, измѣрять температуру и даже грѣть твои туфли у камина. Не это меня пугаетъ. Пойми, до сихъ поръ я жила безъ всякой отвѣтственности, «по-цыгански», а теперь обо всемъ надо будетъ имѣть опредѣленное мнѣніе и высказывать его, въ каждомъ вопросѣ подавать свой голосъ *за* или *противъ*. Ральфъ, сядь пожалуйста! Не здѣсь, по ту сторону камина. Знаешь, я была какъ то на митингѣ по вопросу объ избирательныхъ правахъ женщинъ и—ушла, не подписавъ петиціи. Но на другой день мнѣ случилось подслушать разговоръ двухъ молоденькихъ борынь, обсуждавшихъ тотъ же вопросъ.

«Я не могу интересоваться движеніемъ, исключающимъ половину рода человѣческаго»,—говорила одна.

«А я, пока жива, всегда буду предпочитать, чтобы не я сама, а мужчина отворялъ мнѣ дверь, когда я выхожу изъ комнаты, или закрывалъ окно, когда сквозитъ».

— Я ничего не сказала, но надѣла шляпку и пошла подписывать петицію.

— И подписала?

— Коварный вопросъ! Нѣтъ, не подписала. Я вспомнила, что прирожденное право учащагося—не дѣлать окончательныхъ выводовъ; но теперь это ужъ не поможетъ. Серьезно, дорогой мой, мнѣ кажется иногда, можетъ быть по невѣдѣнію—что мы, женщины переходимъ теперь черезъ бездну по очень хрупкому мостику и прошли всего полдороги. Берегъ, лежащій впереди, представляется намъ вблизи не совсѣмъ такимъ, какимъ рисовало его наше воображеніе, но все же въ общемъ привлекательнѣй того, который остался позади. Что дѣлать? Мы знаемъ, что въ жизни нѣтъ возврата, да и на мосту нельзя стоять вѣчно. Что же дѣлать? Еслибъ меня спросили, я не съумѣла бы даже посовѣтовать. Мое собственное мнѣніе по этому вопросу представляетъ большой вопросительный знакъ. Только будущее покажетъ, чѣмъ разрѣшится женскій вопросъ, а пока—надо класть фундаментъ для будущаго.

Мона начала полушутя, но скоро увлеклась, и теперь лицо ея носило печать напряженной серьезной думы. Дудлей любилъ у нея это выраженіе, любилъ слѣдить за работой ея мысли, за формировкой ея сужденій. Это можетъ быть еще больше интересовало его, потому что другой интимности, кромѣ духовной, она не допускала.

— Не забывай,—возразилъ онъ,—что въ каждомъ движеніи есть переходныя стадіи. Даже голосъ человѣческій, въ извѣстный періодъ, пока еще не выработался его настоящій звукъ, звучитъ то хрипло, то рѣзко, но вѣдь не бываетъ же, чтобы взрослые люди говорили, какъ подростки.

— Правда,—сказала Мона и улыбнулась ему, потомъ вздохнула и закинула руки за голову.

— А знаешь, великое дѣло первому вскочить на валъ! И знаешь тѣмъ, которыя уже вскочили, тѣмъ легче. Не трудно сказать: «я здѣсь стою и останусь здѣсь», когда не изъ чего выбирать. Но страшно если піонерки утратятъ вѣру на серединѣ моста... Если нельзя прибавить имъ силы, надо по крайней мѣрѣ хоть не ослаблять ихъ. Ты скажешь, что это миссія отрицательная? Это правда, но зато это всякому доступно, это—дѣло «подъ рукой». И если мы, силою своего вліянія, сдѣлаемъ дѣвушекъ здоровѣй, добрѣй и разумнѣе, этимъ мы во всякомъ случаѣ не затормозимъ женскаго дѣла.

— Несомнѣнно. И кромѣ того избавимся отъ необходимости подавать свой голосъ. Какъ видишь, я возвращаюсь къ исходной точкѣ нашего разговора.

Мона засмѣялась.

LVIII.

Въ Аркадіи.

Былъ декабрьскій вечеръ. Солнце сіяло съ безоблачнаго неба надъ оливковыми лѣсами Бордигеры. Ральфъ лежалъ на террасѣ и смотрѣлъ вверхъ на вѣтви и листья, сплетавшіяся надъ его головой. Воздухъ дышалъ ароматомъ; моря не было видно, но близость его живо чувствовалась. Ральфъ отдыхалъ всѣмъ своимъ существомъ; ему казалось, что бурный потокъ его жизни слился съ океаномъ безконечнаго довольства и покоя. Честолюбіе и стремленія на время замерли въ немъ; онъ жилъ настоящимъ, не оглядываясь ни впередъ, ни назадъ!

Трескъ сухой вѣтки заставилъ его обернуться.

— Иди сюда, моя радость. Я уже съ полчаса прислушиваюсь къ звуку твоихъ шаговъ.

— Ты слишкомъ рано началъ,—засмѣялась Мона, садясь возлѣ него и гладя его руку.—Я опоздала всего на нѣсколько минутъ. Меня задержала почта.

— Надѣюсь, писемъ нѣтъ!

— Цѣлыхъ два—отъ Дорисъ и отъ тети Белль.

— Кстати, Ральфъ, сегодня вечеромъ у насъ въ отелѣ танцуютъ.

Лицо его омрачилось.

— Ты любишь танцовать?

— Даже очень. Отчего ты на приглашаешь меня на первый вальсъ?

— Оттого, что я совсѣмъ не умѣю танцовать. Ты потеряла бы ко мнѣ всякое уваженіе, если бы увидѣла, какъ меня «водятъ» въ кадрили...

— Ты думаешь? *Испытай меня!*

Что это было за чудное лицо, когда ему позволялось выражать все, что проносилось въ душѣ. Ральфъ нѣжно взялъ его въ обѣ руки, чтобы лучше любоваться имъ, но черезъ минуту вдругъ отвернулся. Мысль о предстоящей вечеринкѣ страшно тяготила его. Въ одномъ отелѣ съ ними жило нѣсколько англичанъ, съ которыми Мона часто встрѣчалась въ Лондонѣ, и думать, что она будетъ танцовать съ ними, было для него положительно пыткой.

Полно, не глупи! — говорилъ онъ самъ себѣ; — не вздумай разыгрывать ревниваго мужа. Но вечеромъ, войдя въ *salon* и съ болью въ сердцѣ замѣтивъ, какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ появленіе Моны, онъ готовъ былъ отдать два года жизни за то, чтобы умѣть вальсировать.

Въ то же время онъ старался дѣлать видъ, что ему весело, заговорилъ съ знакомыми и вдругъ обрывалъ фразу на полусловѣ. До него явственно донеслось:

— Могу я имѣть честь просить васъ на этотъ вальсъ, м-риссъ Дудлей?

И также явственно донесся отвѣтъ Моны.

— Благодарю васъ, но я вальсирую только съ мужемъ. Позвольте васъ представить миссъ Роджерсъ.

Нѣсколько минутъ спустя Дудлей направился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла его жена съ видомъ человѣка, абсолютно отданнаго во власть женщины. Шумъ и яркій свѣтъ бальной залы были для него нестерпимы... Не говоря ни слова, онъ предложилъ руку женѣ, Мона молча взяла его подъ руку. Онъ окуталъ ей плечи легкой бѣлой шалью, и они вышли въ прохладный, залитый луннымъ свѣтомъ, садъ.

— Правда, здѣсь лучше?—спросилъ онъ.

— Конечно. Я предпочла бы остаться съ тобою тамъ, чѣмъ гулять здѣсь одна.

— Мона, это правда?—то, что ты сказала этому господину?

— Что я вальсирую только съ мужемъ? Ахъ ты мой глупенькій! Да неужели же ты думаешь, что хоть одинъ мужчина обнималъ меня послѣ того, какъ ты обнялъ меня тамъ, въ лѣсу? Вѣдь это было первый разъ...

Онъ сжалъ ее въ объятіяхъ, горячо, страстно.

— Сердце мое, мнѣ такъ жаль, что я не умѣю танцовать. Я попробую выучиться, когда мы вернемся въ городъ.

Мона тихонько засмѣялась и поднесла его руку къ губамъ.

— Какъ хочешь, милый. Я лично думаю, что твоя жена уже слишкомъ стара для такихъ суетныхъ развлеченій. А впрочемъ, она рада всякому предлогу быть въ твоихъ объятіяхъ.

— Въ такомъ случаѣ наши вкусы совпадаютъ. Тебѣ не холодно? Не вернуться ли намъ домой?

— Да, вернемся; у насъ такъ уютно въ гостиной. И знаешь, Ральфъ,—ты, пожалуйста, не думай, чтобъ я была такая охотница танцовать. Когда-то, въ юности, я любила танцы и теперь подумала, что пріятно было бы провальсировать съ тобой, но ты правъ: *такъ* въ тысячу разъ лучше.

— Еще бы! Развѣ кто-нибудь можетъ замѣнить мнѣ тебя, даже какъ собесѣдницу. Я такъ люблю слушать, когда ты говоришь, высказываешь свои взгляды. Развѣ это не восхитительно, что мы такъ мало знаемъ другъ друга?

Мона опять тихонько засмѣялась и вдругъ стала серьезна.

— Я надѣюсь, что черезъ двадцать лѣтъ ты скажешь — какъ это восхитительно, что мы такъ хорошо знаемъ другъ друга!

— Я и теперь готовъ сказать это, отъ всего сердца! Но пойми, жизнь вдвое интереснѣе, когда живешь вдвойнѣ: каждая картина, книга, каждая мелочь жизни волнуетъ меня, какъ лотерея, пока я не услышу твоего мнѣнія.

Мона провела рукой по его волосамъ.

— Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что ты и черезъ двадцать лѣтъ будешь говорить:—Какъ восхитительно, что мы такъ мало знаемъ другъ друга!

— О Мона, ты настоящая женщина—«самое измѣнчивое изъ всѣхъ существъ».

— Это лучшая похвала вашему полу. Измѣнчива и подвижна,—какъ море! Когда я встрѣчаюсь съ тобой, я никогда не знаю заранѣе, кого я увижу,—философа ли съ возвышеннымъ и благороднымъ умомъ, серьезнаго ли ученаго,—блестящую свѣтскую женщину, или простую, нѣжную, матерински участливую, — безпечную ли, шаловливую дѣвушку, или кроткое дитя. И не знаю, которая изъ нихъ нравится мнѣ больше другихъ. Когда же мнѣ нужно нѣчто бо́льшее, прежде чѣмъ я успѣю кликнуть, она уже здѣсь, моя жена, «сильная, нѣжная и вѣрная, какъ сталь».

Мона не отвѣтила. Она знала, что когда-нибудь придетъ и ея чередъ. Они были слишкомъ близки духовно, чтобы обмѣниваться комплиментами.

Они, молча, вернулись домой.

— О Мона, любовь моя,—сказалъ Дудлей, подбрасывая въ огонь, связку оливковыхъ вѣтвей,—какъ хитро поступаютъ тѣ женщины, которыя *повинуются* своимъ мужьямъ!

Мона не сразу отвѣтила. Она сѣла на бѣлый коврикъ у его ногъ и взяла его руку въ свои.

— Повиноваться легко, когда любишь—я никогда не думала, что это такъ легко. Но это опасно. Страсть проходитъ; традиція повиновенія остается и тяготитъ;—и вотъ открытая дверь для всякихъ золъ и напастей. Никогда не заставляй меня повиноваться тебѣ, Ральфъ!

— Дорогая моя! Ужели ты думаешь, что я промѣняю всѣ тонкіе нюансы твоего такта и чуткости на пошлое вульгарное повиновеніе? Боже избави! Я не такъ слѣпъ и глупъ. И не говори, что страсть проходитъ, Мона. Я не знаю, что я чувствую къ тебѣ, но въ это чувство я вложилъ все лучшее, что есть въ моей душѣ. Оно не можетъ умереть.

— Ральфъ, мы съ тобой не мальчикъ и дѣвочка; намъ нельзя быть расточительными въ любви. Любовь — растеніе. Оно растетъ, гдѣ ему вздумается, не саженнымъ. Его топчутъ, ногами, — оно разростается еще пышнѣй; его косятъ, срѣзываютъ, вырываютъ съ корнемъ, но не могутъ уничтожить; оно кажется безсмертнымъ. Тогда наконецъ говорятъ: «Ты не простая трава; ты чудный цвѣтокъ. Расти свободно, на радость душѣ моей, но съ этой минуты его уже нельзя оставить расти на свободѣ, иначе оно по немногу завянетъ и сгинетъ. Его надо поливать, ходить за нимъ, беречь и лелѣять чудесный цвѣтокъ, и тогда...

— И тогда?

— Тогда онъ разростется въ роскошное дерево и будетъ жить вѣчно.

— Аминь! Мона, откуда ты знаешь все это? Кто научилъ тебя такъ судить о любви?

— Она улыбнулась.

— У меня было время подумать, послѣ той ночи, въ лѣсу, И потомъ—мои друзья часто выбирали меня своей повѣренной. Такъ легко подмѣчать ошибки другихъ.

Глава LIX.

Товарищи.

Опять декабрь, но какая перемѣна! Снаружи — жестокій холодъ и ливень. Внутри—яркій огонь, привѣтливыя лица, тепло, уютно.

Молодые всего нѣсколько часовъ, какъ вернулись изъ-за границы, попробовали «супъ и соусы» Магги, поболтали у камелька въ кабинетикѣ Моны; потомъ Ральфъ пошелъ въ свой кабинетъ, отдѣленный отъ женинаго только портьерой—читать письма.

— Если ты приглашаешь меня, я черезъ десять минутъ приду. Въ такую погоду врядъ-ли навернется больной—даже въ «богоспасаемомъ Блумебёри».

Сэръ Дугласъ просилъ ихъ поселится въ болѣе фешенебельномъ кварталѣ, но Ральфъ и Мона оба жаждали окунуться въ живое дѣло и выбрали мѣсто, гдѣ предвидѣлось много практики между бѣдняками.

Ральфъ не успѣлъ дочитать перваго письма, какъ доложили о больной, и черезъ минуту въ комнату невѣрной шаткой поступью вошла молодая дѣвушка. Волосы ея были мокры отъ дождя; на побѣлѣвшемъ лицѣ застыло выраженіе тупаго отчаянія.

— Вы хотите посовѣтоваться со мной? Присядьте. Чѣмъ могу быть полезнымъ?

Дѣвушка посмотрѣла на него, хотѣла заговорить, но полныя губы ея дрогнули, и она вдругъ истеричически зарыдала.

Ральфъ опытнымъ взглядомъ скользнулъ по ея фигурѣ.

— Я думаю,—сказалъ онъ ласково,—что вамъ луше бы обратиться къ другому врачу, моему товарищу.

Онъ всталъ и отдернулъ портьеру.

Мона, улыбаясь подняла на него глаза. Она сидѣла у камина, вся на свѣту, и сердце дрогнуло въ немъ, когда онъ сравнилъ это ясное, умное, женственное лицо—съ тѣмъ, другимъ.

— Мона, голубушка, вотъ и практика—для *тебя*!

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

Глава двадцать первая.

I.

Въ ожиданіи объясненія съ любимой женщиной, силу обаянія которой Никодимцевъ едва ли сознавалъ, онъ переживалъ томительно-жуткое состояніе, подобное тому, какое испытываетъ подсудимый въ ожиданіи приговора. И чѣмъ ближе подходилъ часъ встрѣчи, тѣмъ нетерпѣливѣе и мучительнѣе было это ожиданіе, и тѣмъ болѣе онъ сомнѣвался въ томъ, въ чемъ нѣсколько времени тому назадъ почти былъ увѣренъ.

Весь охваченный лишь одной мыслью,—мыслью о томъ, любитъ и можетъ ли его полюбить Инна или только питаетъ къ нему дружескія чувства, и выйдетъ ли за него замужъ или откажетъ, Никодимцевъ такъ запутался въ своихъ противорѣчивыхъ предположеніяхъ, что наконецъ не могъ больше объ этомъ думать и никакъ не могъ рѣшить, благопріятна ли для него записка Инны Николаевны или нѣтъ.

Теперь онъ думалъ лишь объ одномъ, желалъ только одного—чтобы какъ можно скорѣй рѣшилась его участь, какова бы она ни была. Только бы не оставаться въ неизвѣстности.

Тогда, по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ знать безумнаго безпокойства послѣдняго времени. Онъ уѣдетъ и въ новой, все таки имѣющей какой-нибудь смыслъ, дѣятельности, постарается побороть свое чувство и забыть эту женщину, ворвавшуюся въ его жизнь, выбившую его изъ прежней колеи и овладѣвшую имъ съ такой властностью, возможности которой надъ собой онъ и не подозрѣвалъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

Но какъ только Никодимцевъ начиналъ думать, что онъ не увидитъ этого милаго лица, краше котораго, ему казалось, и быть не можетъ,—этихъ большихъ, сѣрыхъ, ласковыхъ глазъ, чарующей улыбки, изящной гибкой фигуры, красивыхъ маленькихъ рукъ съ длинными и тонкими пальцами,—когда онъ думалъ, что не будетъ восхищаться чуткостью ея ума и сердца, найдя въ ней родственную себѣ душу,—онъ чувствовалъ себя безконечно, несчастнымъ, одинокимъ и жалкимъ.

Безъ Инны жизнь, казалось, теряла смыслъ. Вѣру въ свое дѣло онъ потерялъ. Что же онъ будетъ теперь дѣлать? Во имя чего жить?

Наконецъ Никодимцевъ не выдержалъ этой пытки ожиданія. Онъ торопливо одѣлся и въ три часа поѣхалъ къ Козельскимъ.

И дорогой, и когда Никодимцевъ поднимался по устланной ковромъ лѣстницѣ, онъ безсознательно шепталъ однѣ и тѣ же два слова: „надо покончить“, подразумѣвая, что надо объясниться.

И только, когда онъ позвонилъ и увидѣлъ передъ собою отворившаго ему двери слугу, онъ овладѣлъ собой и спросилъ:

— Принимаютъ?

Лакей доложилъ, что дома одна только молодая барыня.

Это извѣстіе вмѣсто того, чтобы обрадовать Никодимцева, напротивъ, на мгновеніе смутило его.

— А молодая барыня принимаетъ?—умышленно безразличнымъ тономъ спросилъ Никодимцевъ, точно боясь, что лакей отлично понимаетъ, что ему именно и нужна молодая барыня.

— Принимаютъ. Извольте пожаловать въ гостиную. Я сію минуту доложу.

Никодимцевъ вошелъ въ гостиную и уставился на двери, ведущія въ столовую.

Прошла минута, другая. Инна Николаевна не являлась.

„Все кончено!“—подумалъ внезапно Никодимцевъ.

И въ гостиной словно бы потемнѣло. И на сердцѣ у Никодимцева сдѣлалось мрачно, мрачно.

Наконецъ скрипнула дверь, и появилась Инна.

И Никодимцеву показалось, что гостиная вдругъ озарилась свѣтомъ, и что сама Инна сіяла въ блескѣ новой и еще лучшей красоты.

И у него замерло сердце отъ восторга и страха.

Стройная, изящная и нарядная въ своемъ новомъ, только что принесенномъ, свѣтло-зеленомъ платьѣ, свѣжая и сверкающая ослѣпительной бѣлизной красиваго и привлекательнаго лица, торопливо подошла она къ Никодимцеву и, радостно-смущенная, вся словно бы притихшая и просвѣтленная счастьемъ, протянула ему руку.

Никодимцевъ поблѣднѣлъ.

Онъ порывисто и крѣпко пожалъ ея руку и первое мгновеніе не находилъ словъ.

Молчала и молодая женщина.

Тронутая его волненіемъ, счастливая что Никодимцевъ такъ сильно ее любитъ, и понимавшая, что онъ въ ея власти, она глядѣла на него ласковымъ и властнымъ взглядомъ.

— Какъ я рада, что вы раньше пріѣхали, Григорій Александровичъ.

Но Никодимцевъ, казалось, не понималъ, что она сказала.

Онъ смотрѣлъ на нее съ проникновеннымъ восторгомъ и, казалось, еще не смѣлъ вѣрить своему счастью, хотя и чувствовалъ его въ выраженіи лица и глазъ молодой женщины...

— Я пріѣхалъ узнать свой приговоръ... Вы вѣдь знаете... я васъ люблю!—наконецъ проговорилъ онъ серьезно, почти строго.

— Знаю,—чуть слышно произнесла Инна.

— Вчера... ваша записка... Неужели это правда?..

— Что?

— Что вы позволили васъ любить?

— Правда. И давно ужъ позволила... И сама поняла вчера послѣ вашего письма, что... привязана къ вамъ...

— Какъ къ другу... да... не болѣе? Говорите!—почти крикнулъ Никодимцевъ.

— Развѣ тогда позволяютъ любить... Или вы не видите, что и я васъ люблю!

— О, Господи!—вырвалось изъ груди Никодимцева.

И полный невыразимаго счастья, умиленный, со слезами на глазахъ, онъ цѣловалъ руки Инны и снова глядѣлъ въ ея загорѣвшіеся глаза радостный и помолодѣвшій.

— О, еслибъ вы знали, какъ вы мнѣ дороги, какъ я васъ люблю!—шепталъ онъ. Я не смѣлъ и мечтать о такомъ счастьѣ... Вѣдь вы согласитесь быть моей женой? Вѣдь согласитесь, да?

— А вы развѣ не боитесь на мнѣ жениться?..

— Бояться?.. Чего бояться?

— Моего прошлаго!—проронила Инна, и страдальческое выраженіе омрачило ея лицо и залегло въ глазахъ.—О, еслибъ его не было!—Еслибъ его не было!—тоскливо повторила она.

— Вы въ немъ не виноваты... Забудьте его...

— Развѣ возможно забыть его, Григорій Александровичъ. И я не забуду и вы не забудете... Вы, какъ порядочный человѣкъ, никогда не напомните мнѣ о немъ, но оно всегда будетъ стоять между нами и отравлять намъ жизнь... Вы будете мучиться этимъ, а мнѣ будетъ больно—вѣдь я люблю васъ! И это меня пугаетъ...

— Инна Николаевна! Да вѣдь вы выстрадали прошлое... И

за то, что вы его выстрадали, за то, что вы такъ правдиво разсказали мнѣ о немъ, я васъ еще болѣе люблю и уважаю... Я не боюсь... Я вѣрю вамъ... О, не отказывайте мнѣ изъ за этихъ страховъ. Не отказывайте!.. Не бойтесь, что, выйдя за меня замужъ, вы лишитесь свободы чувства? Я палачемъ не буду. Слышите?

— Вотъ видите, Григорій Александровичъ. Ужъ и теперь у васъ сомнѣнія?

— Какія?

— Вы уже думаете, что я васъ должна разлюбить и полюбить другого.

— Я старъ. Мнѣ сорокъ два года.

— Развѣ это старость? И въ ваши сорокъ два вы влюбились какъ мальчикъ. Развѣ это не правда?—не безъ ласковаго лукавства спросила она.

Никодимцевъ радостно отвѣтилъ:

— И какъ это хорошо быть мальчишкой... Такъ вы согласны, Инна Николаевна?

— Да развѣ вы не видите этого?.. Согласна, согласна, согласна!

Никодимцевъ весь сіялъ счастьемъ. И въ то же время ему казалось, что онъ не достоинъ такого чрезмѣрнаго счастья—быть любимымъ этой женщиной и что онъ еще недостаточно любитъ ее. И ему хотѣлось сказать ей что-то особенно значительное и важное о своей любви и поскорѣй доказать ее. Жизнь ему представлялась теперь, свѣтлой, чудной, полной смысла, и смыслъ этотъ явился въ Иннѣ, въ этой прелестной, чарующей Иннѣ.

— Господи! Чего бы я не сдѣлалъ, чтобы дать вамъ счастье Инна Николаевна!—проговорилъ онъ съ какою-то особенной значительной и торжественной серьезностью и, взявши ея руку, крѣпко прижалъ къ своимъ губамъ.

И Инна, проникнутая тѣмъ же серьезнымъ приподнятымъ настроеніемъ, отвѣтила:

— И мы должны быть счастливы. Я постараюсь, чтобъ вы не разлюбили меня. Если бы вы знали, какъ одинока я была до васъ!..

Они присѣли на диванъ и строили планъ будущій. Никодимцевъ просилъ, чтобы свадьба была послѣ возвращенія его съ поѣздки. Къ тому времени разводъ навѣрно состоится. Адвокатъ, его пріятель, надѣется покончить дѣло скоро.

— А мужъ?.. Не откажется отъ развода?—испуганно спросила Инна Николаевна.

— Не откажется.

— О, вы его не знаете, Григорій Александровичъ! Онъ безхарактеренъ и поддается всякому вліянію...

— Но онъ ужъ условился съ адвокатомъ и выдалъ обязательство...

— Какое?

— Что онъ согласенъ на разводъ за пятнадцать тысячъ и въ видѣ задатка уже получилъ пять.

— О какая мерзость!—съ отвращеніемъ проговорила Инна.— И я жила съ такимъ человѣкомъ пять лѣтъ!

— Вы не знали людей, Инна Николаевна.

— Да, не знала и, признаюсь вамъ, такой наглости въ немъ не подозрѣвала... Но кто же заплатилъ пять тысячъ и кто заплатитъ остальные десять?.. Вы, разумѣется?

— Простите, я... Отъ имени вашего отца... Мы потомъ сосчитались бы съ нимъ... а у меня, по счастью, именно была эта сумма сбереженій...

— Вы и въ этомъ мой спаситель... Ну развѣ я не неоплатная ваша должница... Милый!

И Инна Николаевна протянула Никодимцеву руку.

Онъ задержалъ эту маленькую руку въ своей рукѣ и чувствовалъ, какъ какая-то горячая волна охватываетъ все его существо и въ то же время, стараясь скрыть свое возбужденіе, продолжалъ говорить съ Инной объ ея разводѣ и успокаивалъ ее относительно Леночки.

— Онъ и отъ правъ на свою дочь отказался съ тѣмъ, чтобы только отъ него не требовали платы на ея содержаніе...

— Подлецъ!—вырвалось у Инны.

— Ну вотъ я васъ и разстроилъ... Простите... Зачѣмъ я вамъ все это говорилъ?

— Отлично сдѣлали... По крайней мѣрѣ я не чувствую себя теперь передъ нимъ виноватой... а вѣдь это чувство виноватости и удерживало раньше отъ полнаго разрыва... Ну довольно. Не будемъ больше говорить объ этомъ... Не будемъ вспоминать... Вѣдь и вамъ тяжело думать, что я была женой Травинскаго. Не правда ли?

— Правда! — отвѣчалъ смущенно Никодимцевъ. — За васъ больно!—прибавилъ онъ и смутился еще болѣе, такъ какъ сказалъ не всю правду.

Инна Николаевна пытливо заглянула ему въ глаза.

— Только за меня?—протянула она.

Никодимцевъ молчалъ.

— А развѣ не ревнуете вы къ нему, какъ... какъ къ бывшему мужу. Не скрывайте отъ меня ничего... Говорите правду, я васъ прошу... Ревнуете?

— Да!—виновато и застѣнчиво проронилъ Никодимцевъ.

— Нашли къ кому ревновать!—брезгливо проговорила Инна.—

А, впрочемъ, я понимаю эту ревность. Такъ оно и должно быть у человѣка, который сильно любитъ... Вотъ видите, Григорій Александровичъ, прошлое трудно забыть!—прибавила она съ грустной усмѣшкой...

И увидѣвши, что Никодимцевъ омрачился, порывисто и нервно прибавила:

— Но мы оба постараемся забыть его. Вѣдь забудемъ... Не правда ли?

Голосъ Инны звучалъ смѣло и вызывающе, а между тѣмъ на глаза навертывались слезы.

— Инна Николаевна! Не мучьте себя... Не надо, не надо!—съ необыкновенной нѣжностью проговорилъ Никодимцевъ.

И, наклонившись, нѣсколько разъ тихо поцѣловалъ ея руку.

— Не надо,—повторилъ онъ.—Для меня ваше прошлое не имѣетъ значенія, а вы забудете его. Я васъ люблю такою, какъ вы есть... И эта ревность къ мужу — не хорошее чувство. Оно пройдетъ... непремѣнно пройдетъ... Не мучьте же себя напрасными страхами... Я люблю васъ, люблю... Я счастливъ, безконечно счастливъ.

Тронутая этими словами, этой лаской, Инна улыбалась сквозь слезы своей чарующей улыбкой, и Никодимцевъ опять просіялъ, чувствуя, что между ними ростетъ что то новое, манящее и захватывающее,—та желанная близость, которой онъ такъ хотѣлъ и такъ боялся.

Они снова заговорили объ устройствѣ новой ихъ жизни, о томъ, какъ они поѣдутъ послѣ свадьбы за границу, какъ потомъ будутъ жить въ Петербургѣ, тихо, безъ пріемовъ, имѣя ограниченный кругъ знакомыхъ, какъ будутъ вмѣстѣ читать, ходить въ театръ. Оба радостные, полные надеждъ и приподнято настроенные, они вѣрили этой семейной идилліи и хотѣли ея. Никодимцевъ потому, что иначе не понималъ брака. Инна потому, что прежняя жизнь ей представлялась ужасной и она цѣплялась за новую.

Эти разговоры прерывались воспоминаніями о первомъ знакомствѣ, о быстромъ сближеніи, о частыхъ визитахъ Никодимцева.

Онъ признался, что съ первой же встрѣчи Инна Николаевна произвела на него сильное впечатлѣніе.

— И съ того же вечера вы овладѣли моими мыслями, Инна Николаевна! Я почувствовалъ, что вы съиграете значительную роль въ моей жизни... Съ того вечера я ужъ не былъ такимъ чиновникомъ... Передо мной открылась другая жизнь...

Инна тоже призналась, что Никодимцевъ ей понравился въ тотъ же вечеръ, когда они встрѣтились.

— И когда я вернулась домой, я вспомнила нашъ первый разговоръ за ужиномъ... помните?

— Еще бы не помнить!—восторженно сказалъ Никодимцевъ.— Я всѣ ваши слова помню!

— А вашъ первый визитъ? И какъ мнѣ тогда было совѣстно передъ вами...

— За что?

— А за то, что вы у меня встрѣтили это общество, помните... И я думала, что вы послѣ этого визита не пріѣдете... А мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, слышать что вы говорите... И ваше отношеніе ко мнѣ было такъ ново, такъ хорошо...

Они продолжали говорить, не переставая, точно видѣлись въ первый разъ послѣ долгой разлуки. Точно они совсѣмъ еще не знали другъ друга, и оба они, прежде сдержанные, теперь словно бы торопились высказаться, обнаружить себя одинъ передъ другимъ, въ виду предстоящей ихъ близости.

Никодимцевъ слушалъ Инну и все чаще и дольше цѣловалъ ея руку и смущенно и виновато краснѣлъ, когда Инна перехватывала влюбленный загорѣвшійся взглядъ его черныхъ совсѣмъ молодыхъ глазъ, перехватывала и не сердилась, краснѣя и улыбаясь. И женихъ ей казался такимъ помолодѣвшимъ, такимъ интереснымъ и милымъ съ его цѣломудренной застѣнчивостью человѣка, видимо мало знавшаго женщинъ, такимъ не похожимъ на бывшихъ ея поклонниковъ...

— А я сегодня же скажу объ этомъ вашимъ. Вы позволите?

— Развѣ это нужно?

— Нужно. Я не хочу дѣлать изъ этого секрета... А вы развѣ не хотите?

— Что вы? что вы? Я только боюсь, какъ бы мужъ не надѣлалъ непріятностей... Не подождать ли развода?

— Вы будете подъ моей защитой... Повторяю, вашъ мужъ, ничего не сдѣлаетъ... Напротивъ, узнавши, что я женюсь на васъ, онъ не пикнетъ... Онъ трусъ.

— Я согласна... Вы правы, какъ всегда!—проговорила Инна и освободила свою руку изъ руки Никодимцева, заслышавъ въ прихожей шаги.

II.

Вошелъ Ковельскій, по обыкновенію элегантный, свѣжій и моложавый.

Онъ уже узналъ отъ швейцара, что Никодимцевъ сидитъ съ трехъ часовъ и теперь, взглянувши на нѣсколько возбужденныя лица гостя и дочери, сидѣвшихъ рядомъ на диванѣ, не могъ и представить себѣ, чтобы дѣло обошлось безъ флирта, и мысленно поздравилъ „умную Инночку“, что она быстро и рѣшительно „подковываетъ“ влюбленнаго Никодимцева.

И Николай Ивановичъ привѣтствовалъ его превосходительство съ особенно дружественною и нѣсколько даже фамильярною привѣтливостью, какой раньше не позволялъ себѣ съ будущимъ товарищемъ министра.

По тому, съ какою горячностью и какой-то особенной почтительностью Никодимцевъ пожалъ руку, повидимому даже обрадованный фамильярностью тона, Козельскій понялъ, что и на немъ отразились чувства, питаемыя Никодимцевымъ къ дочери.

И, принимая видъ „благороднаго отца", онъ проговорилъ тѣмъ мягкимъ, полнымъ добродушія, голосомъ, которымъ умѣлъ очаровывать мало знавшихъ его людей:

— А я еще, простите, не поблагодарилъ васъ, дорогой Григорій Александровичъ.

— За что, Николай Ивановичъ?

— А за Инночку... Вы такъ скоро устроили выдачу отдѣльнаго паспорта...

— Стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ...

— Доброе вниманіе не пустяки, Григорій Александровичъ... Оно цѣнится... И порекомендовали ей адвоката Безбородова... Это превосходный юристъ... Теперь дѣло ея въ надежныхъ рукахъ, и я думаю, что Инна скоро освободится отъ своего ига... Сердечное вамъ спасибо, Григорій Александровичъ, и за себя, и за Инночку.

И Козельскій еще разъ крѣпко пожалъ руку, отводя взглядъ, чтобы не замѣтить смущенія Никодимцева.

И, усаживая на диванъ гостя, спросилъ:

— Скоро ѣдете, ваше превосходительство?

И самъ подумалъ: „Неужели до его отъѣзда, Инна не доведетъ его до предложенія?"

— Черезъ пять дней.

— Высокая и трудная миссія предстоитъ вамъ, Григорій Александровичъ,—продолжалъ Козельскій въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ человѣка, цивическія добродѣтели котораго не внушаютъ сомнѣній.—Всѣ порядочные люди обрадовались вашему назначенію... По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ настоящую правду, а то вѣдь мы и до сихъ поръ не знаемъ, голодъ ли у насъ или выдумка неблагонамѣренныхъ людей... Мы играли въ недородъ и о немъ даже долго молчали... Да, нечего сказать, хорошее времячко, въ которое мы живемъ...

И, взглянувъ на часы, Козельскій прервалъ свое фрондированье, которымъ, по старой привычкѣ, онъ любилъ иногда щегольнуть, и, обращаясь къ дочери, спросилъ:

— А гдѣ наши, Инна?

— Ихъ не было дома.

— Онѣ вѣрно вернулись. И не знаютъ, что Григорій Александровичъ здѣсь...

— Я пойду узнаю.

— И кстати узнай, милая, вò время ли насъ станутъ сегодня кормить.

Инна застала мать въ ея комнатѣ за книгой.

— Мамочка!.. Обѣдать сейчасъ. Ты давно вернулась?

— Съ полчаса...

— Григорій Александровичъ здѣсь...

— Я знаю...

— Такъ отчего жъ ты не вышла?..

— Не хотѣла мѣшать вамъ говорить, моя родная... И какая ты оживленная сегодня... Какая радостная!..

— Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, мамочка! — вырвалось у Инны и она бросилась цѣловать мать.

— Ты дала слово?

— Дала.

— Значитъ, нравится?

— Больше, больше, мамочка... Я его люблю... А гдѣ же Тина?

Она заглянула въ комнату сестры. Та что-то писала у письменнаго стола.

— Обѣдать?—спросила она, поспѣшно закрывая тетрадь.— Иду, иду!.. Ну, что, договорились до чего-нибудь съ Никодимцевымъ?—насмѣшливо прибавила Тина.

— Что за выраженія, Тина...

— Ну, если не нравится, такъ спрошу: женишь его на себѣ?

— Я, просто, выйду замужъ.

— Еще мало научена?.. Еще не успѣла развестись и опять хочешь повторить прежнюю глупость?

— Тутъ нѣтъ повторенія... Тутъ все новое, Тина! — весело отвѣчала сестра.

— Нашла новое, нечего сказать! Не скажешь ли ты, что влюблена въ Никодимцева?..

И Тина засмѣялась гадкимъ смѣхомъ, показывая свои красивые, острые зубки.

— Я не шла бы замужъ, если бъ не любила...

— Какое громкое слово!.. И на долго полюбила?

— А ты все еще не вѣришь, что я стала другая?...

— Поговоримъ объ этомъ черезъ годъ. А сегодня, значитъ, шампанское и первый поцѣлуй?—иронически спросила Тина.— Я съ удовольствіемъ выпью. Я давно не пила. Скажи папѣ, чтобъ онъ послалъ за мумомъ!

Оставшись вдвоемъ съ Никодимцевымъ, Козельскій хотѣлъ было до закуски спросить мнѣнія Никодимцева объ одномъ новомъ дѣлѣ, которое наклевывалось, какъ увидалъ, что лицо Никодимцева вдругъ сдѣлалось необыкновенно серьезнымъ, напряженнымъ и взволнованнымъ.

Нѣсколько секундъ прошло въ томительномъ молчаніи.

— Николай Ивановичъ!—вдругъ обратился Никодимцевъ торжественно и значительно и на мгновеніе остановился, словно бы онъ вдругъ услыхалъ фальшивую ноту взятаго тона и понялъ ненужность и условность того, что сейчасъ скажетъ.

„Подкованъ!“ обрадованно рѣшилъ Козельскій, и лицо его тоже приняло нѣсколько торжественное и серьезное выраженіе, когда онъ поднялъ вопросительно-ласковый взглядъ на Никодимцева.

— Я только что предложилъ Иннѣ Николаевнѣ быть моей женой и имѣлъ счастье получить ея согласіе... Надѣюсь, что и вы въ немъ не откажете и повѣрьте, что я...

Николай Ивановичъ не далъ Никодимцеву докончить и вывелъ его изъ непріятнаго положенія тѣмъ, что сперва выразилъ на лицѣ своемъ пріятное изумленіе, затѣмъ проговорилъ, что онъ никогда не идетъ противъ желанія дѣтей и, съ достоинствомъ выразивъ удовольствіе имѣть Григорія Александровича своимъ зятемъ, безмолвно привлекъ его къ себѣ, троекратно съ нимъ поцѣловался и отеръ батистовымъ платкомъ слезу.

И когда вся эта процедура была окончена, онъ проговорилъ:

— Надоѣло не бойсь, Григорій Александровичъ, одиночество?..—То-то... Безъ семейнаго теплаго очага какъ-то непривѣтно... Что можетъ быть лучше его!—прибавилъ не безъ значительности Никодимцевъ.

Въ эту минуту вошла Антонина Сергѣевна. По ея, нѣсколько торжественному лицу безъ обычнаго на немъ выраженія сдержанной грусти, Козельскій догадался, что святая женщина уже знаетъ отъ Инны о счастливомъ событіи.

— Тоня! Григорій Александровичъ дѣлаетъ намъ честь просить нашего согласія на бракъ съ Инной!—торопливо и радостно проговорилъ Козельскій.

И, оставивъ ихъ вдвоемъ доканчивать чувствительную сцену, Николай Ивановичъ торопливо вышелъ, чтобы поскорѣй послать за шампанскимъ.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ Инну и возбужденно и нѣжно проговорилъ:

— Молодецъ ты, Инночка!.. И какъ тебя любитъ Григорій Александровичъ! Ты не знаешь, какое онъ любитъ шампанское?

Этотъ „молодецъ“ и этотъ вопросъ о шампанскомъ задѣли Инну..

„И онъ думаетъ, что я та же, что и была!“—пронеслось въ ея головѣ.

— Не знаю, папа. А Тина проситъ послать за мумомъ!—отвѣтила Инна.

Когда Козельскій вернулся въ гостиную, заглянувши прежде въ столовую, чтобъ убѣдиться, все ли тамъ въ порядкѣ, новый ли сервизъ и хороша ли свѣжая икра,—Антонина Сергѣевна, утирая слезы, просила Никодимцева беречь Инну и съ наивной откровенностью матери разсказывала Григорію Александровичу, какое золотое сердце и какая умная головка у Инночки.

Никодимцевъ съ восторгомъ слушалъ эти рѣчи и сочувственно взглядывалъ на будущую тещу.

Глава двадцать вторая.

— Кушать подано!—доложилъ лакей во фракѣ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ.

Всѣ перешли въ столовую.

Тамъ уже были обѣ сестры и бонна нѣмка съ Леночкой.

Никодимцевъ поздоровался и съ Тиной съ тою же ласковой сердечностью, съ какою отнесся и къ родителямъ, перенося частицу своей любви къ Иннѣ и на ея близкихъ.

Онъ пожалъ руку боннѣ и съ особенной лаской поцѣловалъ ручку Леночки, давно ужъ бывшею доброй пріятельницей „дяди Никодима“, какъ перекрестила его фамилію дѣвочка,—подкупленная игрушками, которыя онъ привозилъ ей, и сказками, которыя ей иногда разсказывалъ.

И Инна Николаевна съ радостью подумала теперь объ этой дружбѣ, увѣренная, что Никодимцевъ не будетъ дурнымъ вотчимомъ и не станетъ ревновать, въ лицѣ этой дѣвочки, къ прошлому.

Да и вдобавокъ она нисколько не напоминала отца.

Хорошенькая, съ такими же пепельными волосами и большими сѣрыми глазами, какъ у матери, она поразительно походила на Инну Николаевну. Даже въ улыбкѣ было что-то похожее.

— А вѣдь прелестная внучка у меня, Григорій Александровичъ... Милости просимъ закусить. Какой прикажете? Казенной, померанцевой, аллашу, зубровки?

— Померанцевой попрошу.

— И я изрѣдка себѣ ее разрѣшаю... Доктора запретили!—сочинилъ, по обыкновенію, Николай Ивановичъ, скрывая истинную причину своей тренировки, наливая двѣ рюмки.

Они чокнулись. Козельскій порекомендовавъ гостю свѣжую икру.

— Кажется, не дурна? — проговорилъ онъ съ тайнымъ удовольствіемъ человѣка, любившаго, чтобы у него все было изысканное и лучшее.

Не даромъ же онъ велѣлъ прислать ее изъ одной изъ милютиныхъ лавокъ, гдѣ часто ѣлъ устрицы и былъ постояннымъ покупателемъ — „его“ икры и заплатилъ десять рублей за два фунта.

— Превосходная! — отвѣтилъ Никодимцевъ, бывшій въ такомъ настроеніи, что могъ сегодня находить все превосходнымъ.

И онъ отошелъ отъ стола, чтобъ дать мѣсто Тинѣ.

У Тины загорѣлись глаза, ея бойкіе вызывающіе глаза, и раздувались ноздри при видѣ разнообразныхъ закусокъ, бывшихъ сегодня по случаю приглашенія къ обѣду Никодимцева.

Не спѣша, и видимо привычнымъ движеніемъ своей бѣлой красивой руки въ кольцахъ, взяла она тонкогорлую бутылку съ рябиновкой, налила рюмку до краевъ и, наложивши полную тарелочку свѣжей икры, выпила водку однимъ глоткомъ не хуже мужчины, привыкшаго пить, и, не поморщившись, принялась закусывать съ наслажденіемъ, напоминающимъ что-то плотоядное.

Никто не обратилъ на это вниманія кромѣ Никодимцева. Домашніе давно ужъ привыкли къ тому, что Тина передъ обѣдомъ пила маленькую рюмку рябиновки, и хоть это и оскорбляло главнымъ образомъ изящные вкусы отца, находившаго, что женщинамъ прилично только пить немного шампанскаго, тѣмъ не менѣе Тина въ концѣ концовъ пріучила своихъ, объясняя имъ, что пьетъ для здоровья. Ей это полезно, докторъ одинъ говорилъ.

„Неужели и Инна такъ же умѣло пьетъ водку!“ — съ ужасомъ подумалъ Никодимцевъ, когда Инна Николаевна подошла къ столику.

У него отлегло отъ сердца. Инна не послѣдовала примѣру сестры.

Но она замѣтила его удивленный взглядъ, брошенный на Тину и вспомнила, что еще недавно и она сама, случалось, пила за закусками на ресторанныхъ обѣдахъ и ужинахъ рюмку, другую рябиновки, пила, не чувствуя ни малѣйшаго удовольствія, а такъ, ради возбужденія и изъ-за того, что ее упрашивали мужчины и изъ затого, что другія дамы пили. Вспомнила Инна и о томъ, что въ числѣ многихъ клеветъ, распускаемыхъ про нее, была и клевета, на счетъ того, что она пьетъ по двѣнадцати рюмокъ коньяку и по бутылкѣ шампанскаго.

При этихъ, быстро пронесшихся въ ея головѣ воспоминаніяхъ, она съ ужасомъ подумала: „Неужели это все было?“

Но какъ далека она отъ этого теперь!

И Инна Николаевна взглянула на Никодимцева и, встрѣтивши его встревоженный взглядъ, почувствовала въ немъ и любовь, и

пониманіе, и защиту. Тѣнь сбѣжала съ ея лица, и она улыбнулась.

Тотчасъ же улыбнулся и Никодимцевъ, давно ужъ понимавшій, что Инна владѣетъ его настроеніямъ.

Обѣдъ, заказанный самимъ Николаемъ Ивановичемъ, былъ превосходный и вина тонкія.

Но Козельскій не безъ сожалѣнія видѣлъ, что Никодимцевъ ѣлъ мало, какъ-то небрежно, видимо не оцѣнивая по достоинству ни супа, ни пирожковъ, ни форели съ какой-то особенной подливкой, секретъ которой сообщилъ Николаю Ивановичу французъ поваръ одного моднаго ресторана, ни вымоченнаго въ мадерѣ филе. И не пилъ ничего.

„Совсѣмъ влюбленъ, какъ юнкеръ!" — подумалъ Козельскій, умѣвшій какъ-то отдавать равную дань и любви и кулинарнымъ прелестямъ.

— Инна! Хоть бы ты предложила Григорію Александровичу рейнвейну. Оно, кажется, ничего себѣ...

— Я предлагала—не хочетъ...

— Не хорошо угощаешь, Инна... Ты налей.

И Никодимцевъ подставилъ свою рюмку, чтобъ сдѣлать удовольствіе Козельскому.

— И себѣ налей, Инна, рейнвейну... А Тиночка сама о себѣ позаботится!—проговорилъ, смѣясь, Козельскій.

Дѣйствительно, молодая дѣвушка о себѣ заботилась. Она и ѣла, какъ настоящій гурманъ, и уже пила вторую рюмку іоганисберга, смакуя его съ видомъ знатока.

Никодимцевъ только про себя удивлялся, взглядывая порой на ея слегка закраснѣвшееся отъ ѣды и вина самоувѣренное и вызывающее личико.

„Какъ не похожи двѣ сестры!" думалъ онъ.

— Ты правъ, папа. Я о себѣ позабочусь! — спокойно отвѣтила Тина отцу и прибавила:—А рейнвейнъ хорошій!

И повела равнодушнымъ взлядомъ на Никодимцева, точно желая имъ сказать:

„Мнѣ рѣшительно все равно, что вы обо мнѣ подумаете, господинъ директоръ департамента. Вы герой не моего романа!"

И молодая дѣвушка вспомнила о юномъ красавцѣ Скурагинѣ, и ей было досадно, что онъ уѣзжаетъ и она остается пока безъ влюбленнаго поклонника, съ которымъ бы можно было заниматься флиртомъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какой придавала флирту эта странная дѣвушка.

А Скурагинымъ она съ удовольствіемъ бы занялась и обратила бы его въ „христіанскую вѣру", не смотря на то, что онъ глядитъ Іосифомъ прекраснымъ. Знаетъ она этихъ Іосифовъ!

И при мысли о такомъ обращеніи ея блестѣвшіе глаза заблестѣли еще болѣе.

— Скурагинъ у васъ не былъ, Григорій Александровичъ?— съ фамильярной небрежностью спросила она своимъ рѣзкимъ контральто.

— Нѣтъ, не былъ еще, Татьяна Николаевна! — почтительно отвѣчалъ Никодимцевъ, какъ бы подчеркивая не особенно деликатный тонъ молодой дѣвушки.

— Кто это такой Скурагинъ?—обратился Козельскій къ дочери.

— Мой знакомый студентъ. Онъ у насъ пилъ чай, и Григорій Александровичъ пригласилъ его ѣхать съ собой на голодъ.

„Странныя отношенія въ семьѣ" подумалъ Никодимцевъ.

Инна боялась какой-нибудь выходки Тины. Та вѣдь не очень церемонится.

Дѣйствительно, молодой дѣвушкѣ очень хотѣлось оборвать какъ нибудь этого корректнаго и влюбленнаго генерала. Не нравился онъ ей, и главнымъ образомъ оттого, что она чувствовала своимъ женскимъ инстинктомъ не только полное равнодушіе къ себѣ, какъ къ женщинѣ, но и тайное осужденіе.

А этого она, какъ большинство женщинъ, не прощала.

И, посматривая на него, она все болѣе и болѣе удивлялась Иннѣ, что та выбрала такого неинтереснаго и немолодого поклонника и—что самое важное: еще дѣлаетъ глупость—выходитъ за него замужъ. Увидитъ она, какъ онъ надоѣстъ ей своей поздней страстью. Увидитъ она, какой Отелло этотъ генералъ. Бѣдной Иннѣ даже и пококетничать будетъ нельзя, а не то, что искать впечатлѣній... Дорого ей достанется эта выгодная партія. Ужъ лучше бы женила на себѣ Гобзина. Она охотно бы уступила Иннѣ это животное, осмѣлившееся дѣлать ей предложеніе.

— Очень милый молодой человѣкъ!—похвалила Антонина Сергѣевна, обращаясь къ мужу.—Онъ, быть можетъ, вечеромъ зайдетъ... Ты его увидишь...

— Къ сожалѣнію, вечеромъ я долженъ уѣхать... Засѣданіе...

— Вечеромъ?

— Экстренное...

Тина едва замѣтно улыбнулась, не вѣря этимъ экстреннымъ засѣданіямъ. Она догадывалась, что „засѣданіе" будетъ съ Ордынцевой.

Эта „тайна", которую такъ заботливо охраняли оба соучастника, не была тайной для ихъ слишкомъ прозорливыхъ молодыхъ дочерей.

И Ольга Ордынцева, и Тина Козельская знали ее и, случалось, говорили между собой о ней. Обѣ дѣвушки, слишкомъ еще

молодыя, чтобъ думать и о своей второй молодости, подсмѣивались надъ второю молодостью родителей, и обѣ, конечно, мало ихъ уважали, оправдывая свою неразборчивую жажду впечатлѣній молодостью и послѣдними декадентскими откровеніями.

Онѣ смѣли дѣлать, что хотятъ, а родители не смѣли.

— Развѣ бываютъ ночныя засѣданія, папа?—съ самымъ серьезнымъ видомъ спросила Тина.

— Бываютъ, милая! — отвѣтилъ Козельскій, отправляя въ душѣ свою любознательную дочь къ чорту.

— И у васъ бываютъ, Григорій Александровичъ?

— Рѣдко, но бываютъ, Татьяна Николаевна.

— У Ники прежде часто были экстренныя засѣданія. Теперь — рѣже. И то онъ бѣдный такъ занятъ!—замѣтила Антонина Сергѣевна, хотя мало вѣрившая мужу, но не утратившая еще вѣры въ экстренныя засѣданія, къ покровительству которыхъ Николай Ивановичъ прибѣгалъ, впрочемъ, прежде, когда еще не сошелся съ осторожной Анной Павловной, предпочитавшей дневныя свиданія, какъ дающія меньшій поводъ къ подозрѣніямъ.

Только въ послѣднее время, когда Ордынцевъ оставилъ ее, она не отказывала Николаю Николаевичу и въ вечернихъ, не предвидя, что произойдетъ непріятная встрѣча.

Козельскій чувствовалъ скорѣй, чѣмъ видѣлъ, насмѣшливый взглядъ „дерзкой дѣвчонки“ и хотѣлъ-было замять непріятный для него разговоръ объ экстренныхъ засѣданіяхъ, какъ безжалостная Тина спросила:

— И поздно эти засѣданія кончаются, папа?

— Какъ случится... Сегодня, я думаю, часамъ къ одиннадцати.

По счастью, въ эту минуту лакей сталъ разливать шампанское, и общее вниманіе было обращено на Инну и Никодимцева.

Онъ чувствовалъ на себѣ чужіе взгляды, чувствовалъ, что уже началось что-то, оскорбляющее цѣломудріе и тайну его любви, что эта тайна словно является общимъ зрѣлищемъ, и ему было невыносимо стыдно, точно его внезапно обнажили передъ всѣми присутствующими въ столовой.

Никодимцевъ украдкой взглянулъ на Инну и по ея смущенному лицу рѣшилъ, что и она испытываетъ то же, что и онъ. И ему стало вдвойнѣ стыдно.

Но онъ зналъ, что все это принято и что надо пройти черезъ это испытаніе, и только желалъ, чтобъ оно кончилось поскорѣй.

Бокалъ ему налили, и онъ съ какимъ-то особенно напряженнымъ вниманіемъ ѣлъ рябчика, не поднимая глазъ отъ тарелки, и рѣшилъ, что будетъ просить Инну вѣнчаться втихомолку и не приглашать никого, исключая шаферовъ. Вѣрно она на это согласится.

Николай Николаевичъ уже обдумывалъ экспромтъ, который онъ сейчасъ скажетъ. Онъ любилъ и умѣлъ говорить и считался однимъ изъ блестящихъ ораторовъ на разныхъ чествованіяхъ и юбилейныхъ обѣдахъ.

Но, взглянувь на лицо Никодимцева, Николай Ивановичъ рѣшилъ его пощадить. Къ тому же и исключительно семейная аудиторія не особенно возбудительно дѣйствовала на его краснорѣчіе. Обѣщаніе быть къ восьми часамъ на свиданіи съ Анной Павловной тоже не располагало его къ длинному экспромту.

И Николай Ивановичъ поднялся съ мѣста и, поднявши бокалъ, проговорилъ, напрасно стараясь уловить глаза Никодимцева:

— Сегодня въ нашей семьѣ радостное событіе. Григорій Александровичъ просилъ руки Инны. Она согласна, а мы и подавно согласны... За здоровье жениха и невѣсты. Дай Богъ, чтобъ мы поскорѣй выпили за здоровье—молодыхъ!

Начались чоканья, поцѣлуи и пожеланія.

Козельскій былъ, видимо, очень доволенъ и, облабызавшись съ будущимъ зятемъ, сказалъ ему нѣсколько теплыхъ словъ въ самомъ задушевномъ и на этотъ разъ искреннемъ тонѣ, такъ какъ не сомнѣвался, что, ради Инны, Никодимцевъ устроитъ тестю какую-нибудь почетную синекуру тысячъ въ пять. Надо только будетъ поговорить объ этомъ тотчасъ послѣ свадьбы, во время медоваго мѣсяца. Навѣрное тогда и Никодимцевъ не откажетъ, даромъ что считается врагомъ непотизма.

Антонина Сергѣевна опять „пролила слезу“ и снова просила беречь Инночку.

— Они будутъ другъ друга беречь, Тоня!—замѣтилъ Николай Ивановичъ, начинавшій впадать послѣ рейнвейна въ нѣсколько идиллическое настроеніе...

Только съ Тиной дѣло обошлось не совсѣмъ по родственному.

Тина только чокнулась съ Никодимцевымъ и не поздравила его и не высказала никакихъ пожеланій. Она съ видимымъ удовольствіемъ пила шампанское и, казалось, мало обращала вниманія на всю эту комедію по случаю поимки хорошаго жениха.

Когда бокалы снова были налиты, Николай Ивановичъ ждалъ, что Никодимцевъ догадается поблагодарить родителей за такую красавицу-невѣсту и предложитъ тостъ за ихъ здоровье, но Григорій Александровичъ, сконфуженный и подавленный, казалось, объ этомъ и не думалъ и потому Козельскій еще разъ предложилъ тостъ за жениха и невѣсту.

На этотъ разъ Никодимцеву пришлось только чокаться. Ни лобзаній, ни пожеланій не было.

— Григорій Александровичъ! А вашъ бокалъ, родной мой, пустъ... Развѣ вы не хотите выпить за здоровье невѣсты и... и

поцѣловать ея руку?—шутливо проговорилъ Козельскій, нѣсколько размякшій послѣ вина.—Въ старину мы это себѣ позволяли... Ха-ха-ха!

„Они давно ужъ и не то себѣ позволяли!"—подумала Тина, насмѣшливо посматривая на совершенно смутившагося Никодимцева своими блестѣвшими глазами.

„То же Іосифъ Прекрасный въ 40 лѣтъ, скажите пожалуйста!"

— Что жъ вы не пьете здоровье Инны, Григорій Александровичъ?.. Или боитесь отступить отъ правилъ и выпить второй бокалъ?.. Мумъ хорошее вино!—прибавила Тина, отхлебывая вино маленькими глотками.

Никодимцевъ строго взглянулъ на Тину и, чокнувшись съ невѣстой, залпомъ осушилъ бокалъ.

„Ну, теперь пытка кончена!" подумалъ онъ.

Но, въ тотъ же моментъ, раздался веселый, ласковый и словно бы ободряющій голосъ Николая Ивановича:

— Горько, горько!

— Горько!—повторила за мужемъ и Антонина Сергѣевна.

Она имѣла склонность къ идиллическимъ положеніямъ. А что же могло быть трогательнѣе перваго поцѣлуя жениха и невѣсты?

Никодимцевъ понялъ, что испытаніе еще не кончено и что надо сдѣлать еще что-то, профанирующее его чувство.

И онъ торопливо, застѣнчиво и неловко поднесъ руку Инны Николаевны и покраснѣлъ какъ гимназистъ.

Но это зрѣлище видимо не удовлетворило присутствующихъ.

— Все-таки горько!—значительно повторилъ Козельскій, улыбаясь широкой, добродушной улыбкой сильно подвыпившаго человѣка.

Насмѣшливо-улыбающаяся и изумленная смотрѣла Тина возбужденными, блестящими отъ шампанскаго глазами на смущеннаго, совсѣмъ растерявшагося Никодимцева. Его необычное смущеніе вызывало въ ней какое-то раздражающе, развращенное любопытство и колебало ея увѣренность въ томъ, что Никодимцевъ былъ близокъ съ сестрой.

„Онъ совсѣмъ робкій, этотъ сорокалѣтній Ромео!" подумала она и удивлялась, что Инна могла терпѣть около себя такого сантиментальнаго и непрепдпріимчиваго поклонника и не привела его до сихъ поръ въ христіанскую вѣру. Она давно бы это сдѣлала. Неужели они только разговаривали?..

Словно бы ища защиты, Никодимцевъ взглянулъ на Инну Николаевну и точно спрашивалъ, что ему дѣлать?

Она отвѣтила ласковымъ, виновато-улыбающимся взглядомъ и пожала плечами, словно бы хотѣла сказать, что выхода нѣтъ, и надо ему ее поцѣловать.

И, сгорая отъ стыда, Нидодимцевъ прикоснулся губами къ закраснѣвшейся щекѣ невѣсты.

Когда онъ рѣшился, наконецъ, поднять глаза, то ему всѣ лица показались неудовлетворенными.

Особенно бросилась Никодимцеву въ глаза явно выраженная неудовлетворенность на бритомъ лицѣ пожилого лакея, который, въ ожиданіи цѣлованія жениха съ невѣстой, замеръ въ неподвижной позѣ съ блюдомъ въ рукѣ, на которомъ возвышалась форма трехцвѣтнаго мороженаго, и, разочарованный, подносилъ теперь блюдо Антонинѣ Сергѣевнѣ. Замѣтилъ Никодимцевъ и иронически-улыбающійся взглядъ Тины.

Наконецъ пытка была окончена. Кофе выпито, и всѣ встали изъ-за стола.

Тина не пошла въ гостиную и передъ уходомъ въ свою комнату шепнула, смѣясь, сестрѣ:

— Надѣюсь, ты научишь теперь своего жениха?

— Чему?

— Цѣловаться. А то онъ, кажется, не умѣетъ!

Обхвативъ Никодимцева фамиліарно вокругъ таліи, Николай Ивановичъ повелъ его въ кабинетъ.

— На два слова!—примолвилъ онъ.

И, усадивъ Никодимцева на отоманку, Николай Ивановичъ присѣлъ около и проговорилъ:

— Я считаю своимъ долгомъ по чистой совѣсти сказать вамъ, дорогой Григорій Александровичъ, что состоянія у меня нѣтъ. Я живу на то, что зарабатываю...

„Господи! Къ чему онъ мнѣ это говоритъ?“ подумалъ Никодимцевъ и снова почувствовалъ, что пытка начинается.

— Разумѣется, приданое мы сдѣлаемъ, но, къ сожалѣнію, я не могу, какъ бы хотѣлъ, сдѣлать что-нибудь большее для Иночки...

— Николай Ивановичъ... Зачѣмъ вы это говорите?

— Знаю, что вы любите дочь, знаю что и она васъ любитъ, но, во всякомъ случаѣ, я считалъ необходимымъ сказать вамъ то, что сказалъ, Григорій Александровичъ... И вы не сердитесь... прошу васъ... Вы должны понять, что во мнѣ говоритъ отецъ...

— Намъ хватитъ, Николай Ивановичъ, моего жалованья, а въ случаѣ моей смерти—Инна Николаевна будетъ получать пенсію... Во всякомъ случаѣ, я позабочусь, чтобы Инна Николаевна не нуждалась... Роскоши я ей представить не могу, но...

— Я совершенно покоенъ за Инну, Григорій Александровичъ.

— Вы можете быть покойны.

И Никодимцевъ, какъ бы въ подтвержденіе, крѣпко пожалъ руку Козельскаго.

— Но вы поймете, Григорій Александровичъ, я не могъ не предупредить васъ... Ну, вотъ наши два слова и сказаны... А теперь прошу извинить меня .. Нужно ѣхать . Надѣюсь еще застать васъ здѣсь? И надѣюсь, что вы обѣдаете у насъ каждый день?

Никодимцевъ благодарилъ.

Они вмѣстѣ вернулись въ гостиную. Козельскій сдѣлалъ общій поклонъ и радостный уѣхалъ на свиданіе.

Нѣсколько времени Антонина Сергѣевна оставалась въ гостиной и затѣмъ, сославшись на нездоровье, ушла.

Женихъ и невѣста остались одни.

— Пойдемте лучше ко мнѣ, Григорій Александровичъ. Хотите?—предложила Инна.

— Пойдемте...

Когда они усѣлись рядомъ на маленькомъ диванѣ въ комнатѣ Инны, она спросила:

— Измучили васъ, бѣднаго?

— О, какая это пытка...

— Я видѣла и.., знаете ли что?

— Что?

— Любовалась вашимъ смущеніемъ...

Никодимцевъ покраснѣлъ.

Нѣсколько времени они болтали, но, вдругъ разговоръ оборвался.

Опьяненный близостью любимой женщины, Никодимцевъ не находилъ словъ и глядѣлъ на нее влюбленнымъ взглядомъ.

Примолкла и Инна.

— Я люблю васъ... я люблю тебя! — вдругъ вырвалось изъ груди Никодимцева.

И быстрымъ движеніемъ онъ привлекъ къ себѣ молодую женщину и прильнулъ къ ея губамъ.

Она отвѣчала горячими поцѣлуями.

— Милый!—шепнула она.

И Никодимцевъ снова цѣловалъ Инну съ безумной страстью цѣломудреннаго человѣка, впервые познавшаго настоящую любовь.

Послѣ чая Инна опять позвала Никодимцева къ себѣ въ комнату, и онъ просидѣлъ до двѣнадцати часовъ. Простившись съ невѣстой долгимъ поцѣлуемъ, онъ обѣщалъ завтра быть послѣ обѣда.

— А обѣдать?

— Не могу. Одного пріятеля звалъ... Ты его знаешь... Ордынцевъ.

— Немножко знаю... Онъ кажется мнѣ симпатичнымъ.

— Это порядочный человѣкъ и очень несчастный въ своей семейной жизни... Недавно онъ оставилъ свою семью...

— Слышала... И Ордынцева вездѣ бранитъ мужа за это...
— Не ей бы бранить... До завтра...
— До завтра...
— Такъ, любишь?
— Люблю, люблю, люблю!..

Еще прощальный поцѣлуй, и Никодимцевъ ушелъ, еще болѣе влюбленный.

Онъ возвращался домой, восторженный, благодарный, умиленный и счастливый, вспоминая Инну, ея голосъ, лицо, волосы, ея жгучіе поцѣлуи.

И какъ полна и хороша казалась ему жизнь. Какъ несчастны были люди, которые никогда не любили!

— Егоръ Иванычъ! Поздравьте... я женюсь!—объявилъ Никодимцевъ, возвратившись домой.

Егоръ Иванычъ поздравилъ и спросилъ:

— А скоро свадьба?
— Какъ вернемся...
— А на комъ изволите жениться?
— На прелестной женщинѣ, Егоръ Иванычъ.
— На вдовѣ, значитъ?
— Разводится...

Егоръ Ивановичъ поморщился.

И, помолчавъ, спросилъ:

— Насъ съ женой, значитъ, разсчитаете?
— Это почему?
— Новые порядки пойдутъ.
— Что вы, Егоръ Ивановичъ? Отчего новые порядки?
— Новое положеніе пойдетъ, ваше превосходительство.
— Никакого новаго положенія, какъ вы говорите! —весело говорилъ Никодимцевъ.—И вы, и Авдотья Петровна останетесь и, надѣюсь, будете такъ же ладить съ женой, какъ ладите со мной.
— Мы съ большимъ удовольствіемъ готовы по прежнему служить!—отвѣтилъ старый слуга.

Но въ душѣ онъ не вѣрилъ, что ему и женѣ придется остаться у Никодимцева при „новомъ положеніи", и онъ уже былъ предубѣжденъ противъ женщины, нарушившей законъ, по его понятію, „законъ", то есть выходившей замужъ при живомъ мужѣ.

„Точно не могъ другой найти!"—подумалъ Егоръ Ивановичъ, жалѣя Никодимцева за то, что онъ женится на такой „непутевой" дамѣ.

— А какъ вы изволили уѣхать, курьеръ отъ графа пріѣзжалъ и въ восемь часовъ вечера опять пріѣзжалъ. Спрашивалъ, гдѣ можно васъ найти? А я развѣ могу знать, гдѣ вы находились весь день!—говорилъ не безъ тайнаго упрека и въ то же время

безпокойства Егоръ Ивановичъ.—Вотъ и письмо курьеръ оставилъ!—докладывалъ онъ и, взявши съ письменнаго стола отдѣльно на виду положенный конвертъ, подалъ Никодимцеву.

— Отъ этого вы и дожидались меня, Егоръ Иванычъ?.

— Точно такъ. Надо было доложить. Видно, экстра, если два раза курьера посылалъ.

Никодимцевъ вскрылъ конвертъ и прочиталъ записку, въ которой его высокопревосходительство просилъ Григорія Александровича побывать у него на квартирѣ сегодня между восемью и девятью часами вечера, по очень спѣшному дѣлу.

Прежде Никодимцевъ, получивъ такую записку, испыталъ бы нѣкоторое безпокойство, считалъ бы себя виноватымъ, что не могъ исполнить требованія начальника и дѣлалъ бы разныя предположенія о причинахъ такого экстреннаго приглашенія, а теперь онъ довольно равнодушно отнесся къ нему и рѣшилъ побывать у министра завтра утромъ.

— Ну идите спать, Егоръ Иванычъ!.. Никакой экстры нѣтъ!—весело проговорилъ Никодимцевъ.

— Спокойной ночи!

И съ этими словами Егоръ Ивановичъ ушелъ изъ кабинета, удивленный, что Никодимцевъ отнесся къ зову графа совсѣмъ не такъ, какъ относился прежде, и рѣшилъ, что онъ совсѣмъ „влюбимшись“ и, слѣдовательно, жена будетъ сама повелѣвать. А каково это—онъ зналъ по собственному опыту.

Глава двадцать третья.

Въ напечатанномъ на первой страницѣ воскреснаго нумера „Новаго Времени“ объявленіи о кончинѣ Бориса Александровича Горскаго, послѣдовавшей послѣ „краткой но тяжкой болѣзни“, панихиды были назначены два раза: днемъ въ часъ и вечеромъ—въ восемь.

За четверть часа до первой вечерней панихиды, покойникъ былъ переложенъ въ бѣлый глазетовый гробъ (по третьему разряду) какими-то довольно жалкаго вида, плохо одѣтыми и съ испитыми лицами людьми, отъ которыхъ разило водкой,—подъ наблюденіемъ „агента“ бюро похоронныхъ процессій, молодого человѣка въ приличномъ черномъ пальто и съ цилиндромъ въ изогнутой не безъ претензіи на изящество грязноватой рукѣ съ поддѣльнымъ бриллiантомъ, съ бритымъ, веснущатымъ, веселымъ и плутоватымъ лицомъ, которое тотчасъ же приняло серьезно-торжественное выраженіе, какъ только агентъ увидалъ въ полутемной маленькой и холодной часовнѣ, освѣщенной лишь нѣсколькими восковыми свѣчами паникадила, да свѣчкой у большого, во

всю половину стѣны, образа Спасителя,—Леонтьеву, Ордынцева, Скурагина и трехъ артиллерійскихъ офицеровъ, товарищей покойнаго, напрасно старавшихся быть печальными. Хотя они и любили Горскаго и жалѣли его, но всѣ трое были такъ молоды, такъ жизнерадостны, что видъ покойнаго не мѣшалъ имъ, послѣ двухъ, трехъ минутъ воспоминаній о немъ, тихо и сдерживая изъ приличія веселость, говорить о журъ-фиксѣ у какой-то интересной барыни, куда они должны были ѣхать съ панихиды и разсказать, между прочимъ, о романической причинѣ смерти Горскаго.

Когда гробъ поставили на катафалкъ и лица, перекладывавшія покойника, вышли, не зная, къ кому изъ присутствовавшихъ обратиться съ просьбой на чай,—двѣ сестры милосердія, ухаживавшія во время болѣзни за Горскимъ, поднялись къ гробу и, перекрестившись, заботливо и старательно, съ безстрастно-покорными лицами занялись покойникомъ, чтобы устроить и его, и всю обстановку у гроба какъ можно лучше и порядливѣе.

Онѣ выравняли покровъ, расправили его кисти, вложили въ желто-восковыя руки съ отросшими вялыми ногтями на плоскихъ пальцахъ почернѣвшихъ конечностей, небольшой образокъ, переданный имъ Леонтьевой, осторожно, съ какою-то особенной почтительностью, приподняли и положили на середину подушки сплюснутую у висковъ голову и, оглядѣвъ, все ли въ порядкѣ, хорошо ли лежитъ покойникъ, снова перекрестились и, сойдя съ возвышенія, безшумно отошли къ стѣнѣ, чтобы остаться на панихидѣ.

Тогда къ гробу поднялась Вѣра Александровна съ цвѣтами въ корзинкѣ и сдѣлала изъ чудныхъ розъ и ландышей рамку, среди которой утопала голова. Мужъ и Ордынцевъ подавали новыя корзины цвѣтовъ и Вѣра Александровна усыпала ими весь покровъ. Затѣмъ положила два вѣнка: одинъ отъ нея, другой—роскошный вѣнокъ, неизвѣстно кѣмъ присланный и нѣсколько раздражавшій Леонтьеву, вслѣдствіе чего она, вѣроятно, и поставила его у ногъ.

Часовня мало-по-малу наполнялась знакомыми покойнаго. Многіе изъ нихъ подходили къ Леонтьевой, жали ей руки и молча отходили къ стѣнѣ. Разговаривали совсѣмъ тихо. Только порой выдавался громкій голосъ одного изъ трехъ молодыхъ артиллеристовъ и, словно бы сконфуженный, внезапно понижался до шепота или смолкалъ.

Ужъ было десять минутъ девятаго, а батюшка не приходилъ.

Леонтьевъ обратился къ сестрамъ съ просьбой послать за нимъ сторожа часовни. Одна изъ сестеръ вызвалась сходить сама и, словно бы извиняясь за опоздавшаго священника, объяснила, что вѣрно что-нибудь важное задержало, если батюшка опоздалъ.

Въ эту минуту въ часовню вошла совсѣмъ молодая и миловидная дѣвушка, видомъ похожая на горничную, въ шляпкѣ, въ

ватномъ дешевенькомъ пальто и въ очень старенькихъ перчаткахъ. Въ рукахъ у нея былъ небольшой, но очень красивый вѣнокъ изъ живыхъ бѣлыхъ розъ и лилій.

Блѣдная, взволнованная и сконфуженная, съ красными отъ слезъ глазами, пала она ницъ передъ гробомъ и залилась слезами. Потомъ поднялась къ гробу, взглянула, перекрестившись, въ лицо покойника и съ воплемъ припала къ нему.

— Кто это?—спросилъ Ордынцевъ у Вѣры Александровны...— Вы знаете?

— Горничная меблированныхъ комнатъ, гдѣ въ прошломъ году жилъ Боря... Не думайте чего-нибудь Василій Николаичъ. Это была трогательная и безнадежная привязанность къ брату, которая потомъ настолько овладѣла бѣдной дѣвушкой, что братъ долженъ былъ перемѣнить квартиру... Вотъ эта простая, необразованная дѣвушка не чета той, изъ-за которой лежитъ бѣдный Боря!—прибавила вдругъ съ озлобленіемъ Леонтьева.

И, словно бы желая объяснить причину его, Вѣра Александровна прибавила:

— Я только часъ тому назадъ читала дневникъ Бори... Я вамъ дамъ его прочесть и вы увидите, что за развращенная, равнодушная ко всему и ко всѣмъ эта Козельская... Какіе ужасы описываетъ братъ!.. И что она съ нимъ дѣлала!.. И вотъ такія убійцы остаются безнаказанными... Онѣ еще, навѣрно, гордятся дѣломъ своихъ рукъ... Вѣдь изъ-за нея погибъ мужчина... Это, въ глазахъ еще многихъ, аттестатъ неотразимости...

Вѣра Александровна вытерла слезы и прерывающимся отъ озлобленія и горя шепотомъ продолжала:

— О, что за развращенная и злая эта дѣвушка, погубившая Борю!.. Тотъ боготворилъ ее, а она... Она каждый день ходила къ нему, чтобы отдаваться какъ животное... Получила свое и ушла... Ей становилось скучно... и она не скрывала этого... Вы понимаете, какъ все это дѣйствовало на брата?.. Какая гнусность!.. И въ то утро, когда онъ, влюбленный, окончательно потерявшій голову отъ ея ласкъ, потребовалъ рѣшительнаго отвѣта, выйдетъ ли она за него замужъ, она... расхохоталась... Она прямо сказала, что онъ для нея слишкомъ глупъ... Ея отношенія къ нему—одна физіологія и больше ничего... Не нравится ему это... что жъ?.. Она больше не придетъ... Она найдетъ менѣе сантиментальнаго любовника, который не будетъ ныть... А вѣдь вы знали Борю, Василій Николаичъ? Знали его восторженность?

Ордынцевъ кивнулъ головой.

— Черезъ полчаса послѣ этого объясненія Боря рѣшилъ покончить съ собой... И что за ужасъ разочарованія пережилъ онъ... Это говорятъ послѣднія строки дневника...

Вѣра Александровна смолкла и взглянула на лицо покойника. Блѣдно-желтое, исхудалое, съ вытянувшимся заостреннымъ носомъ и почернѣвшими сжатыми губами, оно было полно выраженія величаваго спокойствія и какой-то таинственно-неразрѣшимой думы и, казалось, строго смотрѣло на сестру и словно бы осуждало ее за эти безпощадныя обвиненія.

И Вѣра Александровна точно слышала его голосъ, который говорилъ:

„Не мѣсто имъ здѣсь!"

И она зарыдала, чувствуя себя виноватой передъ покойникомъ, точно онъ въ самомъ дѣлѣ могъ слышать то, что она говорила.

Въ эту минуту вошли пѣвчіе и плотной кучкой стали въ сторонѣ. Чей-то низкій басъ откашливался.

Сестра милосердія, ходившая за батюшкой, вернулась и объяснила Леонтьеву, что батюшка сію минуту идетъ... Его задержали...

— Давно бы пора... Ужъ половина девятаго! — раздраженно замѣтилъ Леонтьевъ и прибавилъ:—Сколько надо ему заплатить... Скажите, пожалуйста, сестра?

— Онъ ничего не возьметъ. Онъ не сребролюбецъ...

— Однако?

— Онъ отслужитъ сегодня панихиду и извиняется, что завтра не можетъ... Онъ усталъ... Завтра вы попросите другого священника... приходскаго... и на сопровожденіе на кладбище тоже... Вотъ и батюшка.

Въ дверяхъ показался высокій, худощавый старикъ съ сѣдой жиденькой бородкой, въ фіолетовой рясѣ, въ сопровожденіи толстаго, лысаго пожилого дьячка, и, не глядя ни на кого, подошелъ къ аналою.

Наклонивъ слегка голову въ сторону, гдѣ стояла Вѣра Александровна, просившая его служить панихиду, и небольшая кучка ея знакомыхъ, онъ взглянулъ своими спокойными и благосклонными, старческими глазами на присутствующихъ, словно бы этимъ взглядомъ хотѣлъ опредѣлить общественное ихъ положеніе и степень религіозной воспріимчивости, не спѣша облачился въ траурную ризу и тихимъ, пріятнымъ и значительнымъ голосомъ началъ панихиду.

Зажженныя восковыя свѣчи освѣтили маленькую часовню. Лицо покойника выдѣлялось рельефнѣе среди цвѣтовъ и казалось еще строже и вдумчивѣе.

Среди тишины нѣсколько минутъ спустя послѣ начала панихиды, вошли Козельскіе—отецъ и Тина.

Они встали недалеко отъ дверей, у стѣны, по эту сторону гроба. „Агентъ" тотчасъ же подалъ имъ свѣчи.

Многіе изъ присутствующихъ обратили вниманіе на элегантно одѣтую въ короткой мѣховой жакеткѣ молодую дѣвушку съ закраснѣвшимся отъ мороза красивымъ личикомъ. Артиллеристы зашептались. Увидѣла ее и Леонтьева и, изумленная и негодующая, смотрѣла на Тину.

Высоко приподнявъ свою головку въ барашковой шапочкѣ, изъ-подъ которой выбивались золотистыя кудерьки, Тина глядѣла на покойника, и ни одна черточка ея лица не обнаруживала волненія, точно этотъ, еще недавно ей очень близкій человѣкъ, погибшій изъ-за нея, былъ обыкновенный знакомый, потеря котораго не причиняетъ горя.

Но на душѣ ея было жутко, и что то больное поднималось въ ней при видѣ разлагающагося трупа любовника еще такъ недавно красиваго, молодого, жизнерадостнаго, который осыпалъ ее страстными ласками.

И въ то-же время она не могла подавить чувство страха и брезгливости и скоро отвела свой взглядъ.

— Какая наглость! Взгляни, Козельскій здѣсь:—шепнула Вѣра Александровна мужу.

И Ордынцевъ увидалъ Козельскаго. Ихъ взгляды встрѣтились. И оба, сконфуженные, опустили глаза.

Тина замѣтила и негодующіе взгляды супруговъ Леонтьевыхъ, и недоумѣвающій, серьезный взглядъ студента Скурагина, и еще выше подняла свою голову, и на лицѣ ея появилось вызывающее, дерзкое выраженіе, точно бы дающее понять, что ей рѣшительно все равно, что о ней думаютъ всѣ эти господа.

Она выше этихъ обвиненій. Она не считаетъ себя виноватой въ смерти Горскаго.

Вольно же было ему стрѣляться? Развѣ она могла предполагать, что случится то, что случилось? Вѣдь она не разъ говорила Горскому, что не выйдетъ за него замужъ и что она отдается ему пока онъ ей нравится, какъ красивый мужчина, не придавая этой связи какого-нибудь обязательства ни съ его, ни съ ея стороны...

Она была правдива и откровенна съ нимъ, и онъ зналъ ея взгляды, долженъ былъ понять характеръ ея отношеній... Не гимназистъ же онъ?

Такъ разсуждала Тина еще сегодня утромъ, когда прочла въ газетѣ извѣстіе о смерти Бориса Александровича, и не чувствовала угрызеній совѣсти, успокоенная доводами ума, говорившаго ея себялюбивой, эгоистической натурѣ, что она не виновата въ томъ, что Горскій оказался такимъ малодушнымъ человѣкомъ.

И Тина безъ колебаній согласилась, когда отецъ, крайне недовольный печальной развязкой, предложилъ дочери ѣхать на панихиду вмѣстѣ съ нимъ.

— По крайней мѣрѣ, меньше будутъ трепать твое имя!— строго сказалъ онъ Тинѣ.

Онъ сердился на дочь, не столько возмущенный ея взглядами и поведеніемъ, о которомъ онъ догадывался уже изъ того, что она „бѣгала“ къ Горскому, сколько ея отношеніемъ къ нему, дерзкимъ и вызывающимъ, и боязнью, что имя его дочери будутъ „трепать“.

— Мнѣ это все равно! Вѣроятно и твое имя треплятъ, разсказывая о твоихъ похожденіяхъ, и ты, какъ умный человѣкъ, не обращаешь на это вниманія,—отвѣтила Тина.

— Мое имя не могутъ трепать! И тебѣ нѣтъ до моихъ похожденій никакого дѣла!—крикнулъ, вспылившій Козельскій, припомнившій, какъ вчера за обѣдомъ Тина нарочно допрашивала о ночныхъ засѣданіяхъ.

— Такое же, какъ и тебѣ...

— Я отецъ твой...

— А я твоя дочь!—насмѣшливо сказала она и вышла изъ кабинета, оставивъ отца въ безсильномъ гнѣвѣ.

И безъ того онъ былъ не въ духѣ, благодаря вчерашней встрѣчѣ съ Ордынцевымъ.

Тайна его связи съ Анной Павловной и тайна его убѣжища открыты. Придется устроить „гнѣздо“ въ новомъ мѣстѣ и взвалить себѣ на шею новые расходы, если Ордынцевъ окажется такимъ не джентльменомъ, что уменьшитъ или даже вовсе не будетъ давать Аннѣ Павловнѣ денегъ на содержаніе ея и дѣтей. Не менѣе безпокоила Ордынцева и мысль о томъ, что „святая женщина“ можетъ узнать объ этой связи, если Ордынцевъ станетъ разсказывать о томъ, что видѣлъ. Онъ жалѣлъ жену и не хотѣлъ доставлять ей лишняго горя. Ради этого онъ и старался, по возможности, тщательно скрывать отъ нея свои авантюры.

А тутъ еще эта дерзкая Тина! Нечего сказать, хороша дочь! Скорѣй бы выходила она замужъ!—снова пожелалъ Николай Ивановичъ, рѣшительно не понимавшій, отчего это она чурается брака, когда замужемъ ей несравненно удобнѣе выбрать любовника, который не станетъ стрѣляться... Гобзинъ былъ бы покладистымъ мужемъ. И отъ такого мужа и при томъ наслѣдника милліоновъ она отказывается! А теперь, если эта исторія самоубійства разнесется въ городѣ, благодаря репортерамъ, Гобзинъ, пожалуй, во второй разъ уже не сдѣлаетъ предложенія.

Встрѣча съ Ордынцевымъ на панихидѣ тоже не содѣйствовала хорошему настроенію Николая Ивановича.

„Положимъ, Ордынцевъ разошелся съ женой, — разсуждалъ Козельскій, внимательно и серьезно слушавшій молитвы, и по временамъ крестясь, когда другіе крестились: — и, слѣдовательно, не

имѣетъ ни малѣйшаго права требовать отъ своей жены супружеской вѣрности и быть въ претензіи на ея любовника, а всетаки лучше было бы съ нимъ не встрѣчаться или, по крайней мѣрѣ, не такъ скоро послѣ вчерашняго...

И Козельскій бранилъ въ душѣ и себя за то, что явился на панихиду, и Тину за то, что она смѣла говорить объ его похожденіяхъ, не выходитъ замужъ за Гобзина и ведетъ себя совсѣмъ неприлично, и покойника за то, что онъ стрѣлялся и лежитъ на столѣ,—давая случай репортерамъ сплести исторію, въ которой будетъ красоваться en toutes lettres имя его дочери.

И все это: и встрѣча съ Ордынцевымъ, и Тина, и покойникъ, и репортеры какъ-то соединялись въ его головѣ въ одно общее представленіе объ его разстроенныхъ дѣлахъ и о необходимости ихъ поправить и какъ можно скорѣй.

Пока Никодимцевъ врядъ ли можетъ сдѣлать для него многое—развѣ только дать приличное мѣсто. Разсчитывать же, при его содѣйствіи, провести какое-нибудь сомнительное предпріятіе, рискованно. Вотъ если бы другимъ зятемъ былъ Гобзинъ...

Раздалось полное тоски заунывное пѣніе „Со святыми упокой!“ Многіе опустились на колѣни. Опустился и Николай Ивановичъ. Тина стояла.

Многіе плакали. Дѣвушка, принесшая маленькій букетъ, безутѣшно рыдала, напрасно стараясь сдержать свои рыданія и, стоя на колѣняхъ, припала головой къ полу.

Тина обратила вниманіе на эту маленькую фигурку дѣвушки, колѣнопреклоненной въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, и когда дѣвушка поднялась, и Тина увидала ея полное скорби, заплаканное, хорошенькое, хотя и вульгарное лицо, ревнивое чувство внезапно охватило Тину.

И она не безъ презрительнаго любопытства оглядѣла съ ногъ до головы дѣвушку и нашла, что у нея топорное лицо и что она скверно сложена.

„Хорошъ былъ, нечего сказать! Я и въ то же время эта... какая-то горничная или швея!“ съ брезгливостью подумала Тина.

Поклонница физіологіи, она, разумѣется, не сомнѣвалась, что „эта“ была такъ же близка съ Горскимъ, какъ и она.

„Всѣ эти влюбленные порядочные-таки свиньи!“ рѣшила Тина, возмущенная и оскорбленная тѣмъ, что Горскій, увѣрявшій въ какой-то особенной любви, обманывалъ ее. И она питала теперь злобное чувство къ своему бывшему любовнику.

Какъ только-что пѣвчіе начали „Вѣчную память!“, Козельскій рѣшилъ уѣхать, чтобъ не пришлось столкнуться съ Ордынцевымъ и раскланиваться съ нимъ.

— Ѣдемъ!—шепнулъ онъ Тинѣ.

Они вышли на дворъ больницы, гдѣ ихъ ожидала карета.

Оба всю дорогу молчали. Козельскій былъ пораженъ спокойствіемъ дочери во время панихиды. Хоть бы одна слезинка! А вѣдь бѣдный Горскій любилъ ее! И она кокетничала съ нимъ, отличала его между другими поклонниками и держала при себѣ для флирта.

„Безсердечная!“—подумалъ отецъ и, возмущенный, негодовалъ, что теперь „дѣти“ не похожи на „отцовъ“ и совсѣмъ не умѣютъ любить.

Они вернулись домой къ чаю и застали Никодимцева. Онъ съ утра былъ у невѣсты и обѣдалъ у Козельскихъ, такъ какъ Ордынцевъ извѣстилъ, что обѣдать у пріятеля не можетъ.

Когда Тина присѣла къ столу и мать и сестра не хотѣли разспрашивать ее о панихидѣ, чтобъ не взволновать ее, и приписывали ея спокойный видъ выдержкѣ и присутствію Никодимцева.

Но послѣ двухъ чашекъ чая, она сама начала разсказывать и между прочимъ не безъ насмѣшливаго подчеркиванія разсказала о томъ, какъ „какая-то горничная или швея, рыдала всю панихиду“.

Никодимцева коробило отъ этого тона. Онъ рѣшительно не могъ опредѣлить этой странной дѣвушки—такихъ онъ не встрѣчалъ. И чѣмъ болѣе онъ присматривался къ ней, тѣмъ она становилась ему несимпатичнѣе, хотя и была сестрой Инны.

— Не мудрено, что о Борисѣ Александровичѣ такъ плакали. Его всѣ любили. Онъ былъ такой славный, такой добрый! — замѣтила Антонина Сергѣевна, чтобъ смягчить разсказъ дочери.— Онъ у насъ часто бывалъ... Вы вѣрно помните его, Григорій Александровичъ, у насъ на вторникахъ?

— Какъ же, помню. Такое открытое, милое, жизнерадостное лицо. Ему жить бы да жить... Отъ какой болѣзни онъ умеръ?— обратился Никодимцевъ къ Антонинѣ Сергѣевнѣ.

— А не знаю... Тина! Отъ чего умеръ Борисъ Александровичъ?

— Отъ собственной неосторожности! — поспѣшилъ отвѣтить Козельскій. — Разряжалъ пистолетъ, и пуля попала въ легкое... Сдѣлалось воспаленіе и... бѣднаго молодого человѣка не стало. Ну, конечно, въ газетахъ появится какая-нибудь романическая сплетня по поводу этой смерти! Нельзя же не воспользоваться случаемъ!—прибавилъ Козельскій.

„Неужели отецъ не знаетъ причины этого выстрѣла? Или онъ лжетъ для Григорія Александровича?“ подумала Инна и рѣшила разсказать ему всю правду, чтобы онъ не думалъ, что она отъ него скрываетъ что-нибудь.

И когда послѣ чая они ушли въ ея комнату, она объяснила Никодимцеву, что бѣдный Горскій стрѣлялся изъ-за безнадежной любви къ сестрѣ.

Никодимцевъ былъ пораженъ.

— Тебя удивляетъ ея спокойствіе?—спросила Инна.

— Да...

— Она очень сдержанная и... и не любила его...

— Однако, сколько я могъ замѣтить, кокетничала съ нимъ?

— Къ сожалѣнію, ты правъ...

— И даже очень?

Инна махнула утвердительно головой.

— Бѣдняга Горскій!—проговорилъ Никодимцевъ и послѣ паузы вдругъ громко прибавилъ:—Я понимаю его!

Инна взглянула на Никодимцева съ какимъ-то страхомъ.

— Вѣдь нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ разочароваться въ любимомъ человѣкѣ. Не правда ли, Инна?

— Да!—проронила молодая женщина.

— А Горскій вѣрно думалъ, что твоя сестра тоже любитъ его. По крайней мѣрѣ могъ думать?

— Могъ! Сестра легкомысленно съ нимъ поступала!

— Легкомысленно... это не то слово. Она поступила—ты извини меня—безжалостно, вводя въ заблужденіе человѣка... А въ молодости всѣ впечатлѣнія острѣе, и Горскій не перенесъ разочарованія. Онъ вѣрно самъ былъ правдивый человѣкъ и вѣрилъ въ правдивость другихъ... И ему показалось, что жить не стоитъ... не къ чему. Конечно этотъ выстрѣлъ былъ порывомъ отчаянія, еслибъ у него были какія-нибудь серьезные интересы въ жизни, или еслибъ онъ пережилъ первый моментъ, этого выстрѣла не было бы. Странная дѣвушка, твоя сестра Инна. И какое у нея спокойствіе! Какъ ты непохожа на нея!—порывисто вдругъ прибавилъ Никодимцевъ.

Глава двадцать четвертая.

Утромъ Никодимцевъ не засталъ дома графа, требовавшаго его наканунѣ по спѣшному дѣлу. Швейцаръ доложилъ, что его сіятельство съ ночнымъ поѣздомъ уѣхалъ на охоту и вернется только къ вечеру.

Пришлось ѣхать на слѣдующее утро.

Патронъ Никодимцева, графъ Волховской, высокій, сухощавый старикъ съ небольшой темной бородой, и въ темносиней, хорошо сшитой парѣ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ большомъ кабинетѣ, и длиннымъ краснымъ карандашемъ дѣлалъ помѣтки на какой-то объемистой запискѣ, когда представительный камердинеръ съ холеными черными бакенбардами, и съ крупной бирюзой на мизинцѣ, безшумно ступая мягкими башмаками, приблизился къ столу и доложилъ:

— Тайный совѣтникъ Никодимцевъ!

— Просите!—отвѣтилъ графъ.

И, отложивъ въ сторону записку, онъ принялъ тотъ свой любезно-привѣтливый видъ, которымъ умѣлъ очаровывать подчиненныхъ и просителей.

— А гдѣ это вы нынче пропадаете, Григорій Александровичъ?—проговорилъ онъ шутливымъ тономъ, чуть-чуть привставая съ кресла и протягивая Никодимцеву красивую руку съ твердыми, хорошо отточенными ногтями и щуря маленькіе и острые сѣрые глаза, глубоко засѣвшія въ глазныхъ впадинахъ подъ густыми нависшими бровями.—Третьяго дня я два раза за вами посылалъ и васъ цѣлый день не было дома. Такой домосѣдъ и...

И графъ, не докончивъ рѣчи, любезно улыбнулся и крѣпко пожавши Никодимцеву руку, указалъ на кресло, и затѣмъ продолжалъ:

— А я, Григорій Александровичъ, торопился сообщить вамъ пріятную вѣсть... Поэтому и посылалъ за вами... Вы конечно догадываетесь въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ, графъ.

— А я думалъ, что догадываетесь... Дѣло въ томъ, что Прокудинъ получитъ другое назначеніе и постъ товарища министра будетъ вакантнымъ мѣсяца черезъ два, три, какъ разъ къ тому времени, когда вы вернетесь, вѣроятно, изъ той не особенно пріятной командировки, въ которой я менѣе повиненъ, чѣмъ вы думаете... я полагаю, вамъ она не очень нравится?

— Отчего же?.. Порученіе очень почетное.

— Разумѣется почетное, но въ то же время и очень отвѣтственное, требующее большой осторожности въ заключеніяхъ и выводахъ... Газеты преувеличиваютъ... У насъ вѣдь любятъ представлять все въ болѣе мрачныхъ краскахъ и, такимъ образомъ, совершенно напрасно пугать общество... Ну да вы вѣдь сами увидите на мѣстѣ, такъ ли страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, и, разумѣется, ваши выводы будутъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительному положенію. Я не сомнѣваюсь въ вашемъ умѣ и тактѣ! — подчеркнулъ графъ... Однако мы уклонились... Я не о командировкѣ хотѣлъ съ вами говорить, Григорій Александровичъ, я хотѣлъ узнать: согласились ли бы вы занять постъ товарища въ другомъ министерствѣ?.. Я съ своей стороны охотно окажу свое содѣйствіе и почти увѣренъ, что васъ назначатъ.

— Очень благодаренъ, графъ, за ваше доброе содѣйствіе, но я предпочелъ бы остаться на своемъ мѣстѣ.

— Вы отказываетесь, Григорій Александровичъ?

И маленькіе глаза графа изумленно, и, въ то же время, словно бы недовѣрчиво взглянули на Никодимцева.

Самъ честолюбецъ, любящій свою призрачную власть и ради нея готовый поступиться многимъ, человѣкъ имѣющій громадное

состояніе и, слѣдовательно, не заинтересованный жалованьемъ, онъ никакъ не могъ понять, чтобы возможно было отказаться отъ блестящаго положенія.

— Отказываюсь.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно.

— Странный вы человѣкъ, Григорій Александровичъ... Очень странный... А я, признаться, думалъ, что обрадую васъ... Такой постъ... и впереди возможность еще болѣе высокаго поста, на что вы при вашихъ выдающихся способностяхъ, конечно имѣли бы полное основаніе надѣяться... И вы отказываетесь?.. Или вы думаете, что не уживетесь со своимъ министромъ?..

— Я этого не думаю...

— Работы вы не боитесь и умѣете работать...

— Работа меня не пугаетъ...

— Или служба въ другомъ вѣдомствѣ вамъ не нравится?

— Всѣ службы болѣе или менѣе одинаковы...

— Такъ въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ спросить, почему?

— Я не честолюбивъ, графъ! — уклончиво отвѣтилъ Никодимцевъ.

— Будто? И, пожалуй, вѣнцомъ своей карьеры считаете тихое пристанище въ Сенатѣ? — съ сожалѣніемъ проговорилъ старикъ.

— На большее я и не разсчитываю...

— А васъ развѣ не манитъ сознаніе той государственной пользы, которую вы можете принести, принимая близкое участіе въ государственномъ управленіи?

— Оттого и не манитъ, что я мало вѣрю въ возможность приносить эту пользу.

Старикъ почти испуганно посмотрѣлъ на Никодимцева.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло? — протянулъ онъ... Въ такомъ случаѣ вы конечно правы, Григорій Александровичъ... Нельзя служить дѣлу, которому не вѣришь...

„Ты-то вѣришь“?—подумалъ Никодимцевъ и сказалъ:

— И главное трудно, графъ, утѣшать себя иллюзіями...

— Иногда это необходимо... повѣрьте старику!—значительно проговорилъ графъ... Ну я васъ больше не задерживаю... У васъ вѣдь еще много хлопотъ съ этой командировкой... Счастливаго пути, дорогой Григорій Александровичъ и дай Богъ, чтобы вамъ не пришлось долго засиживаться... Чѣмъ скорѣе вернетесь, тѣмъ я буду спокойнѣе за вашъ департаментъ!—любезно прибавилъ графъ.

И, казалось, еще съ большею привѣтливостью пожалъ Никодимцеву руку.

К. Станюковичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОСКРЕСЕНІЕ.

Веселый вѣтеръ дулъ и свѣтлый день сіялъ.
Сине и молодо надъ нами небо млѣло,
И, точно по морю за валомъ бѣлый валъ,
Неслися облака, ликующе и смѣло.

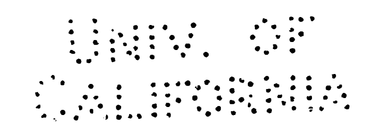
Разымчивъ воздухъ былъ и мягокъ, и пахучъ,
И слышала щека его прикосновенье;
Въ немъ весь изнемогалъ и таялъ каждый лучъ
И каждый звукъ имѣлъ особое значенье.

Мы шли рука съ рукой, куда глаза глядятъ.
Порой казалось мнѣ, что оба мы съ крылами.
Я обнималъ твой станъ. Мой взглядъ встрѣчалъ твой взглядъ
И открывалось то, что не сказать словами.

И шли мы, шли впередъ. А даль была свѣтла.
Какой-то благовѣстъ отвсюду плылъ волнами.
Казалось, что въ груди звучатъ колокола,
Колокола вокругъ и въ небѣ, и надъ нами...

Мы шли рука съ рукой, и все дивило насъ,
Все радовало такъ и дѣтски веселило,
Какъ будто мы весну встрѣчали въ первый разъ,
Какъ будто въ первый разъ намъ солнце такъ свѣтило!

А. Ѳедоровъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Два поколѣнія» г. Головина.—Маленькій литературный формуляръ г. Головина-Орловскаго.—Его ультро-дворянскія тенденціи прежде и теперь.—«Оскудѣніе», «Потревоженныя тѣни», С. Терпигорева (Атавы).—Широкая картина гибели цѣлаго класса, нарисованная Терпигоревымъ.—Можно ли и стоитъ ли жалѣть о немъ.—Отвѣтъ «потревоженныхъ тѣней» на этотъ вопросъ.—Изъ замѣтокъ о голодѣ 1892 г. Л. Л. Толстого.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на чистенькихъ и корректно-прилизанныхъ страницахъ «Вѣстника Европы» появился новый беллетристъ г. Головинъ и съ тѣхъ поръ подвизается здѣсь въ качествѣ присяжнаго поставщика беллетристическаго матеріала, къ нѣкоторому соблазну журнальнаго читателя, который никакъ не можетъ понять salto-mortale, выкинутое г. Головинымъ. Этотъ нынѣ маститый беллетристъ стяжалъ себѣ незавидные лавры еще на страницахъ «Русскаго Вѣстника», гдѣ долго и многотрудно подвизался подъ именемъ Орловскаго, ежегодно поставляя въ этотъ органъ по роману. Такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ направленій, работа такъ сказать на двухъ полюсахъ русской журналистики представляется до извѣстной степени фактомъ знаменательнымъ и достойнымъ вниманія. Когда г. Головинъ былъ самимъ собой, тогда-ли, когда казнилъ нигилистовъ на страницахъ «Русскаго Вѣстника», или теперь, подделываясь подъ вкусы чопорной публики «Вѣстника Европы»,—это, положимъ, вопросъ мало интересный. Тѣмъ болѣе, что въ обѣихъ своихъ ипостасяхъ г. Головинъ равно скученъ и бездаренъ. Въ этомъ онъ проявляетъ неизмѣнное постоянство, какъ и въ выборѣ темы. Но самый фактъ бѣгства изъ реакціоннаго лагеря такого виднаго столпа кое-что освѣщаетъ.

Излюбленной темой г. Головина является настроеніе молодого поколѣнія. Еще въ то недалекое время, когда онъ былъ однимъ изъ столповъ «Русскаго Вѣстника», онъ постоянно вращался въ сферѣ вопросовъ о современной молодежи, только, конечно, трактовалъ ихъ примѣнительно къ мѣсту, гдѣ помѣщались плоды его высокихъ думъ. Начиная съ конца 70-тыхъ годовъ и вплоть до поступленія въ ряды сотрудниковъ либеральнаго журнала, г. Головинъ неустанно и бодро искоренялъ нигилизмъ и воспѣвалъ представителей бѣлой кости и синей крови. Всѣ его романы были построены по одному и тому же, строго выдержанному плану, одобренному и выработанному по рецептамъ Каткова и Маркевича. Въ центрѣ романа стояла героиня, идеальнѣйшее и превосходнѣйшее существо, красоты неописуемой и добродѣтели невообразимой, непремѣнно княжна, непремѣнно изъ Гедеминовичей или Рюриковичей, и при томъ столь же непремѣнно съ огромнымъ, неисчислимымъ богатствомъ,—словомъ, нѣкій кладъ, достойный преклоненія и вожделѣнія. Съ одной стороны къ ней подъѣзжаетъ нигилистъ, «исчадіе тьмы», великій мерзавецъ и нахальнѣйшій прохвостъ. Но съ другой—княжну оберегаетъ не менѣе ея великолѣпный потомокъ чистой крови, который неустанно слѣдитъ за нигилистомъ, раз-

страиваетъ его ходы и въ необходимыя минуты выступаетъ на сцену, какъ deus ex machina. Нигилистъ, несмотря на всю добродѣтель героини, успѣваетъ ее улестить и обойти до того, что вотъ-вотъ героиня готова совершить поступокъ, послѣ котораго на мѣстѣ ея добродѣтели осталось бы только многоточіе. Но тутъ вмѣшивается, обыкновенно авторъ, ревниво оберегающій честь героини, и съ его помощью потомокъ чистой крови посрамляетъ нигилиста и всегда съ помощью ногайки, которая играла тогда у г. Головина роль немаловажную и внушительную. Все благополучно кончается и авторъ, какъ Аѳанасій Ивановичъ, потираетъ руки и добродушно увѣряетъ, что онъ только хотѣлъ попугать читателя. И тянулъ эту канитель г. Головинъ изъ году въ годъ, тщетно пытаясь превзойти Болеслава Маркевича, которому онъ тогда подражалъ, какъ своему недосягаемому образцу.

Теперь г. Головинъ столь же тщетно подражаетъ г. Боборыкину, пытаясь воспроизвести въ своихъ повѣстяхъ непремѣнно самоновѣйшее теченіе въ той же молодежи, которую онъ нынѣ изучаетъ съ точки зрѣнія, конечно, «Вѣстника Европы». О нигилистахъ и добродѣтельныхъ лордахъ уже нѣтъ рѣчи. Представителями самоновѣйшей молодежи выступаютъ во «Второмъ поколѣніи» два потомка—одинъ разбогатѣвшаго всякими правдами и неправдами бывшаго кулака, другой—разореннаго этимъ кулакомъ помѣщика. По волѣ автора, потомки мѣняются ролями. Сынъ кулака становится идеалистомъ, котораго влечетъ все благородное и высокое, а сынъ помѣщика—кулакомъ, который спитъ и видитъ, какъ бы всѣми тоже правдами и неправдами сколотить капилецъ и зажить богачомъ. Оба пока студенты, но каждый съ постоянствомъ, достойнымъ изумленія, проявляетъ свой характеръ. Сынъ кулака возмущается отцомъ, въ глаза говоритъ ему горькія истины о неправо стяжанномъ имуществѣ, гремитъ и требуетъ, чтобы тотъ вернулъ его тому, у кого похитилъ. А сынъ разореннаго, напротивъ, одобряетъ разорителя и готовъ ему посодѣйствовать въ дальнѣйшихъ успѣхахъ жизни, чтобы при его помощи и самому зашибить копѣйку. Онъ проповѣдуетъ этику личныхъ наслажденій и высмѣиваетъ лжеученіе объ общественныхъ обязанностяхъ.

Словомъ, г. Головинъ перерядилъ лорда въ нигилиста, и затѣмъ все остальное оставилъ по-старому. Съ такимъ же успѣхомъ, какъ и прежде, онъ расписываетъ яко бы молодежь, ея разговоры, любовныя увлеченія и проч. Также, какъ и прежде, все это темно и вяло, скучно и неумно, съ тою, конечно, разницей, что самъ авторъ изъ силъ лѣзетъ вонъ, чтобы засвидѣтельствовать свой новоиспеченный либерализмъ. Мы бы отъ души готовы были его поздравить, если бы съ перемѣной взглядовъ онъ обновилъ и свою бездарность на каплю таланта. А то, какія ни дѣлаетъ авторъ chasser-croiser съ своими героями, они постарому мертвы и отъ нихъ несетъ мертвымъ духомъ.

Никто ему не повѣритъ, будто современная молодежь признаетъ, что прежде было больше внутренней свободы въ молодомъ поколѣніи, чѣмъ теперь, какъ разсуждаетъ у него нѣкій студентъ, по роли скептикъ. «Да,—говоритъ онъ, — поколѣніе отца (шестидесятые годы) было счастливѣе. Наружной свободы было, пожалуй, меньше теперешняго. За то внутренняя, настоящая свобода была нетронута. Крупныхъ самостоятельныхъ людей насчитывалось какихъ-нибудь два-три десятка, да были они, по крайней мѣрѣ, настоящими людьми. Не давилъ ихъ этотъ проклятый шаблонъ общества, и посмотрѣли бы, какъ сохранили свою личность неприкосновенной тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли до сихъ поръ». Во всемъ виновата та «наша темная цивилизація», которая «своимъ огромнымъ маховымъ колесомъ всякаго изъ насъ захватываетъ и передѣлываетъ по своему. А кто пытается отъ этого колеса ускользнуть, того она давитъ на пути и немилосердно обращаетъ въ сыпучую муку. Какъ ни старайся, а личности своей не отстоишь. Припишись непремѣнно куда-нибудь,

закабали себя и не смѣй выходить изъ рядовъ до самой смерти, и стушуйся такъ, чтобы ничѣмъ тебя не отличить отъ прочихъ. По настоящему, ты не человѣкъ, а муравей, которому вѣчно надо дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ прочіе». И авторъ вполнѣ сочувствуетъ такой рѣчи, не замѣчая, какой стариной несетъ отъ нея, стариной, чуждой всецѣло именно молодому поколѣнію, которое меньше всего можетъ признавать рабское подчиненіе свое чему бы то ни было. Такія рѣчи во время оно слышались отъ господъ Фетовъ, вѣчно жалобившихся на рабскій духъ цивилизаціи, стѣсняющій внутреннюю свободу. Ту же пѣсню поютъ гг. Тихомировы и Розановы, которые истинную свободу видятъ въ среднихъ вѣкахъ, когда жгли тѣла еретиковъ, но не могли повліять на ихъ свободу духу. Старая закваска «Русскаго Вѣстника», видно, не такъ-то легко выдыхается.

Это бы еще не бѣда. Люди, понятно, не перерождаются сразу, особенно въ возрастѣ г. Головина. Но вотъ бѣда, когда они берутся за дѣло имъ не по силамъ. Чтобы говорить о молодомъ поколѣніи, тѣмъ болѣе отъ его имени, надо имѣть молодую душу, не загрязненную цѣлыми томами пасквильныхъ романовъ, когда-то написанныхъ нарочно противъ молодежи. Тутъ уже никакое перерожденіе не мыслимо, и никакое сотрудничество даже въ самыхъ либеральныхъ журналахъ не поможетъ, какъ не помогаетъ оно и г. Головину, «Второе поколѣніе» котораго вноситъ нѣкоторый диссонансъ въ журналъ, гдѣ печатается. И не безталанность его виновата въ этомъ, а именно неспособность автора проникнуть въ строй мысли молодежи. Когда онъ прежде клеветалъ на нее, разнося разныхъ нигилистовъ, это было смѣшно. Но когда онъ желаетъ, по его мнѣнію, правдиво и съ симпатіей описывать ее, то получается неумная и аляпаватая каррикатура. Сочинительство бьетъ въ глаза на каждомъ шагу, когда герои заводятъ разговоры о принципахъ, разговоры, которыхъ самъ г. Головинъ никогда не слышалъ. Иначе его нигилистъ, потомокъ разореннаго кулакомъ помѣщика, не могъ бы такъ рекомендовать себя при первомъ же знакомствѣ съ этимъ кулакомъ. «Поймите меня хорошенько,— спѣшитъ заявить новый нигилистъ г. Головина,—прошлое шевелятъ одни глупые люди. А мы съ вами не изъ ихъ числа. Я васъ уважаю, какъ человѣка, съумѣвшаго природнымъ умомъ нажить крупное состояніе. Да и я тоже изъ тѣхъ, у кого нѣтъ предразсудковъ и кто твердо рѣшился не зѣвать и не бить баклуши». Такой откровенно наглый цинизмъ внушаетъ большое сомнѣніе и недовѣріе—не къ юному глашатаю такихъ истинъ, а прежде всего къ автору. Гдѣ онъ слышалъ такіе разговоры и съ кого онъ пишетъ свои портреты? Совершенно таковы же были и его нигилисты 70 ыхъ годовъ, ѣвшіе сальныя свѣчи и кравшіе носовые платки къ великой потѣхѣ читателей катковскаго органа. Для этой неприхотливой публики и это было хорошо, но неужели такъ оскудѣла наша беллетристика, что подобную суздальскую мазню воскрешаетъ на своихъ страницахъ столь почтенный журналъ?

Намъ больше нравился г. Головинъ, когда онъ въ качествѣ г. Орловскаго извращалъ типы молодежи 70-ыхъ годовъ. Дурно ли, хорошо ли онъ поступилъ, вопросъ посторонній,—но для всякаго было ясно, съ какою цѣлью это дѣлается, и такъ каждый и относился къ его писаніямъ. Теперь не то. Читатель все же хранитъ нѣкоторыя традиціи, даже упорнѣе, чѣмъ принято думать, и появленіе такихъ вещей, какъ «Второе поколѣніе», съ такимъ сенсаціоннымъ заглавіемъ и неотвѣчающимъ ему содержаніемъ, вызываетъ смуту, которая ничего не уясняетъ и многое путаетъ. Кромѣ нигилиста на новый ладъ въ повѣсти выступаютъ и другіе яко бы представители молодежи, которые также далеки отъ жизни, какъ и нигилистъ. Авторъ кое-что слышалъ о новыхъ ученіяхъ о красотѣ и объ увлеченіи ими молодежью, но не понялъ ничего и ходитъ вокругъ да около. Такъ скептикъ-студентъ выступаетъ по-

клонникомъ красоты и оспариваетъ старика-отца, который указываетъ на необходимость любви въ общественной жизни, приписывая энергію своего поколѣнія именно любви. «Дѣла,—говоритъ отецъ, — теперь сколько угодно, только никто изъ теперешней молодежи этого дѣла хорошенько не любитъ, какъ мы свое любили. Или вы думаете, безъ этой любви удалось бы намъ тридцать пять лѣтъ назадъ уставныя грамоты вводить и «порвать цѣпь великую» такъ, чтобы не слишкомъ больно пришлось ни мужику, ни барину? Оглянитесь теперь кругомъ: и мужикъ свободенъ давно, и желѣзныхъ дорогъ настроили, и банки завели, и хозяйство знаемъ, и разбогатѣли мы страшно—за миллъярдъ бюджетъ перевалилъ, а все трещитъ по швамъ. У свободнаго мужика послѣднюю коровенку продаютъ, а баринъ закладываетъ да закладываетъ по сходной цѣнѣ свою земельку»... И все это оттого, что современное поколѣніе любви не имѣетъ. На эту рѣчь представитель молодого поколѣнія ничего не имѣетъ сказать, кромѣ глупой фразы, что остается «красота», которая «насъ къ вѣрѣ приведетъ». Очевидно, авторъ далекъ отъ общенія съ молодежью и отъ пониманія ея настроенія. Второе поколѣніе, дѣйствительно, не очень-то вѣритъ въ чудодѣйственную силу любви и меньше всего склонно думать, что любовь орудовала въ крестьянской реформѣ. Эту старую, хотя и трогательную басню оно замѣнило знаніемъ исторической дѣйствительности и на рѣчи забывчиваго сладкопѣвца могло бы отвѣтить указаніемъ на *необходимость*, приведшую къ разрыву великой цѣпи. На упрекъ въ недостаткѣ вѣры въ любовь оно могло бы отвѣтить очень точнымъ и строгимъ символомъ вѣры въ *законы* этой необходимости, которыя это поколѣніе усердно изучаетъ и умѣло прилагаетъ къ текущей жизни, гдѣ оріентируется и находитъ себѣ мѣсто много лучше старыхъ идеалистовъ. Послѣдніе всегда стремились къ добру, но результаты получали обратные именно потому, что слишкомъ удалялись отъ жизни и на все смотрѣли изъ прекраснаго далека своихъ идеаловъ.

И многое другое могло бы отвѣтить это второе поколѣніе, но отнюдь не то поколѣніе, которое мерещится г. Головину. Онъ думаетъ, что, выйдя изъ «Русскаго Вѣстника», довольно только перевернуть на изнанку свои старыя писанія и либеральная повѣсть готова. Прежде онъ окачивалъ помоями шестидесятые года и ихъ представителей. Теперь превозноситъ поколѣніе этой эпохи и указываетъ на него, какъ на идеалъ, не понимая, что время идетъ впередъ и выставляетъ иныя требованія, которымъ уже не удовлетворяютъ ни идеалы шестидесятыхъ годовъ, ни тогдашнее мірозосерцаніе. Чтобы какой-нибудь скоропалительный зоилъ не вздумалъ обвинить насъ въ непочтительномъ отношеніи къ эпохѣ великихъ реформъ и ея доблестнымъ дѣятелямъ, необходимо оговориться, что одно дѣло уваженіе къ эпохѣ, а другое—признаніе за нашимъ временемъ самостоятельности какъ въ выработкѣ идеаловъ, такъ и въ средствахъ борьбы за нихъ. Было бы дико и нелѣпо, если бы сорокъ лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, ничего не дали и ничему новому не научили. Это не отказъ отъ наслѣдства. а вполнѣ законное пользованіе имъ, какъ средствомъ для дальнѣйшей эволюціи.

Такая именно эволюція и совершается во второмъ поколѣніи, чего ни понять, ни изобразить не могъ, конечно, г. Головинъ! Въ какую бы шкуру онъ ни нарядился, ему не свергнуть съ себя того древляго человѣка, какимъ онъ выступалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Знаменателенъ фактъ его бѣгства изъ реакціонной печати въ передовую, и въ ряду другихъ подобныхъ же фактовъ онъ указываетъ на полное обнищаніе этой печати, что стоитъ тоже въ связи съ важнымъ фактомъ. Реакціонная печать всегда являлась выразительницей того класса, который съ момента крестьянской реформы потерялъ экономическій базисъ и съ тѣхъ поръ быстрыми и неудержимыми шагами шелъ къ окончательному оскудѣнію. Вмѣстѣ съ нимъ оскудѣвала и нищала реакціонная пе-

чать, откуда постепенно бѣгутъ виднѣйшіе ея сотрудники, подчасъ безъ долгихъ размышленій, безъ думы роковой выворачивая свою душу на изнанку, какъ, напр., г. Головинъ-Орловскій.

Широкую, яркую и краснорѣчивую картину поразительно быстраго оскудѣнія помѣщичьяго сословія даетъ С. Н. Терпигоревъ, котораго «Оскудѣніе» и «Потревоженныя тѣни» недавно вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Хотя рѣчь здѣсь идетъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, но появленіе этихъ произведеній теперь вполнѣ своевременно. Они не только не утратили свѣжести и интереса, но скорѣе напротивъ—именно для нашего времени они убѣдительны и важны, чтобы напомнить, «откуда есть пошла» современная нищета и полный упадокъ нѣкогда господствовавшаго сословія. Вовсе не надо быть заядлымъ марксистомъ, чтобы увидѣть и вполнѣ оцѣнить все значеніе экономическаго фактора, игравшаго въ жизни нашего помѣщичьяго класса настолько доминирующую и направляющую роль, что къ нему, этому презрѣнному въ глазахъ многихъ фактору, сводится въ концѣ-концовъ все.

И до Терпигорева много было писано объ упадкѣ помѣщика, но въ его произведеніяхъ отдѣльныя черты этого паденія, экономическаго и духовнаго, собраны во едино, сконцентрированы и освѣщены настолько ярко и полно, что послѣ него не осталось ничего для дополненія картины. Терпигоревъ явился въ нѣкоторомъ родѣ провиденціальнымъ человѣкомъ, которому суждено было возсоздать трагикомическую эпопею гибели своего сословія. Самъ помѣщикъ, изъ рода въ родъ сжившійся съ цѣлымъ обособленнымъ міркомъ русскаго дворянства нашихъ центральныхъ губерній, гдѣ крѣпостное право особенно было живо, развито до тонкости и до капли использовано помѣщиками,—онъ въ молодые годы, когда душа такъ впечатлительна и воспріимчива, превосходно изучилъ бытъ этой среды, ея нравы, потребности, стремленія, идеалы и умственные запросы. Только Щедринъ не уступаетъ ему въ знаніи помѣщика и крѣпостного права, но у Щедрина помѣщикъ занимаетъ только опредѣленный уголъ въ его творчествѣ, почему и не выступаетъ такъ выпукло. Его «Ташкентцы», напримѣръ,—это герои государственной эпопеи, на которой преимущественно сосредоточено вниманіе и автора, и читателя. У Терпигорева мы видимъ *только помѣщика*, слѣдимъ за его борьбой съ новыми условіями и изучаемъ всю духовную нищету этого класса, постепенно падающаго до послѣдней степени моральнаго оскудѣнія. Картина упадка развертывается быстро, герои стремительно летятъ со ступеньки на ступеньку, и, присутствуя при этой жалкой и жалостной гибели цѣлаго сословія, читатель чувствуетъ, что это—правда, что именно такъ и должно было быть, если даже и допустить, что авторъ мѣстами одностороненъ и сгущаетъ краски. Не всѣ, конечно, падали такъ низко, какъ иные изъ героевъ оскудѣнія, продававшіе свои имена кокоткамъ или служившіе сводниками и прихвостнями у темныхъ биржевыхъ воротилъ. Были, безъ сомнѣнія, и такіе, которые примѣнились къ новымъ условіямъ жизни и заняли въ ней мѣсто полезныхъ работниковъ въ земствѣ, напр. Но не исключенія въ ту или иную сторону опредѣляютъ значеніе цѣлаго класса, а средній уровень массы, что и съумѣлъ представить Терпигоревъ выпукло и убѣдительно.

Какъ несомнѣнный художникъ, Терпигоревъ вездѣ сохраняетъ тонъ безстрастнаго бытописателя, съ юморомъ разсказывающаго о безпомощности и безсиліи, которыя проявили помѣщики, когда реформа рѣзко измѣнила условія ихъ матеріальнаго быта. Юморъ его, правда, не безобиденъ и нерѣдко переходитъ въ ѣдкій сарказмъ, но это зависитъ не отъ художника, а отъ качества матеріала, надъ которымъ ему пришлось оперировать. Столько здѣсь накопилось зла, столько неправды, столько удручающей душу пошлости, что и у самаго незлобиваго поэта должно было вырваться слово осужденія и справедли-

ваго гнѣва. Достоинство, однако, Терпигорева въ томъ и заключается, что никогда этотъ гнѣвъ не овладѣваетъ имъ. Онъ помнитъ, что отнынѣ это—побѣжденные, потерявшіе власть и силу, теперь уже гибнущіе и навсегда осужденные. Онъ не проклинаетъ, не призываетъ на головы ихъ новыхъ каръ,—онъ только зло подчасъ смѣется, когда его герои ужъ слишкомъ обнажаютъ всю бездонность своей нищеты духа и пошлости. Юморъ остается вездѣ преобладающей чертой въ его разсказѣ, и отъ этого выигрываетъ жизненность и правдивость повѣсти о томъ, какъ помѣстное дворянство шагъ за шагомъ теряло экономическую позицію и вмѣстѣ съ нею значеніе въ общественной жизни.

Несравненно слабѣе Терпигоревъ, какъ публицистъ. «Я убѣжденъ, что скажу безусловную истину, — такъ начинаетъ свое повѣствованіе Терпигоревъ,—утверждая, что помѣщики разорились и продолжаютъ разоряться потому только, что никогда не дѣлали того, что̀ имъ слѣдовало и слѣдуетъ дѣлать. Мужики пашутъ, купцы торгуютъ, духовные молятся, а что дѣлали помѣщики? Они занимались и развлекались всѣмъ, чѣмъ угодно—службой, охотой, литературой, амурами, но только не тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдовало заниматься», — и далѣе идутъ размышленія на тему, какъ могла бы сложиться судьба помѣщика, если бы онъ работалъ. Такое вступленіе обнаруживаетъ слабость мысли Терпигорева, который, превосходно рисуя все ничтожество помѣщика, не могъ понять, что помѣщикъ *органически* не могъ работать, что для этого онъ слишкомъ долго праздновалъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе развращался, что, наконецъ, растлѣнный физически и духовно, онъ долженъ былъ погибнуть, какъ только въ затхлый міръ его существованія ворвалась свѣжая струя. Крѣпостное право было не только его матеріальной поддержкой,—оно создавало особую тепличную атмосферу жизни, гдѣ помѣщикъ искусственно взращивался, искусственно питался, искусственно растлѣвался и за порогомъ которой онъ моментально никъ, какъ былинка. До реформы онъ былъ все время недорослемъ, на котораго такъ и смотрѣли и съ котораго ничего не спрашивали. На всѣ его поступки, иногда чудовищнаго безобразія, смотрѣли какъ на шалости неразумнаго ребенка и снисходительно брали въ опеку, если эти шалости начинали угрожать здоровью самого ребенка. Понятно, что должно было произойти, когда теплица рухнула и изнѣженный, рыхлый, въ одномъ отношеніи переразвитый, въ другомъ недоразвитый организмъ очутился на вѣтру, предоставленный всѣмъ невзгодамъ, всѣмъ перемѣнчивымъ условіямъ свѣжаго воздуха.

На первый взглядъ дѣйствительно представляется страннымъ и непонятнымъ, какъ могло въ какой нибудь десятокъ лѣтъ пасть цѣлое сословіе, казалось, вѣками созидавшее свое благополучіе, свою культуру и выработавшее какіе ни на есть дворянскіе устои. Обставлено оно было на удивленіе, и сидя въ деревнѣ, властвовало фактически надъ всѣмъ и всѣми.

«Прежде, т. е. до начала нашего оскудѣнія, городъ и деревня были совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ, чѣмъ теперь. Прежде вся сила была въ деревнѣ, не смотря даже на то, что начальство и подъячіе жили въ городѣ. Начальство, т. е. исправниковъ и подъячихъ для земскаго и уѣзднаго судовъ, мы выбирали сами, и такъ какъ, по правдѣ говоря, хорошій человѣкъ на эти должности не шелъ, то набирали мы себѣ это начальство изъ всякой что ни на есть горечи: изъ самыхъ захудалыхъ дворянчиковъ, даже не помѣщиковъ, а такъ просто дворянчиковъ; изъ дѣтей умершихъ или подъ судъ попавшихъ подъячихъ, служившихъ прежде въ нашемъ уѣздѣ, изъ дѣтей городскихъ поповъ, почему либо не принявшихъ ангельскаго чина, и проч. и проч. Понятно, что вся эта голь была голодна, прожорлива и ужасно плодуща. Уже по этому одному она была у насъ въ полной зависимости и покорности. Кто дастъ ей муки, крупы, овса, масла, гусей, кто, хотя и заочно, воспріиметъ отъ купели

у нея ребенка? Кто, если она проворуется и попадетъ, наконецъ, подъ судъ, заступится за нее передъ губернаторомъ? Не кто иной, какъ помѣщикъ, представитель деревни.

«Ясно, что со всей этой братіей нечего было церемониться, и мы дѣйствительно не церемонились. Надо почему нибудь ѣхать въ судъ, т. е. въ городъ, а не хочется, лѣнь—ну и пошлешь, бывало, за засѣдателемъ или за какимъ-нибудь непременнымъ членомъ. И дѣло сдѣлано: и я спокоенъ, и онъ радъ, потому ему за труды дали и гусятины, и мучки, и овса для той кривой кобылы, на которой онъ ѣздитъ въ городъ и которая подарена на зубокъ его дѣтенышу при крещеніи. А затѣмъ, хотя и было другое начальство, но до насъ оно не касалось, если не считать почтмейстера, который отъ насъ же бывалъ сытъ. Городничій, квартальные, казначей, стряпчій, протопопъ, штатный смотритель уѣзднаго училища и еще какихъ-то два-три чина—эти до насъ совершенно уже ничего не имѣли, и потому были на попеченіи не у насъ, а у купцовъ и «гражданъ», а мы если и давали имъ, то больше по привычкѣ давать всякому мундирному человѣку. Такимъ образомъ, надобности ѣздить въ городъ по дѣламъ у насъ прежде почти что не было... Въ этомъ отношеніи было отлично жить: и покойно, и почетно. На именины, на рожденія, а также въ большіе праздники и безъ того всѣ судьи и вообще начальство непремѣнно пріѣзжали изъ города. Иные осмѣливались (разумѣется, съ позволенія) привозить съ собой женъ и дѣтей. И какъ живые, они у меня и теперь передъ глазами—жалкіе, худые... Совсѣмъ неправда, что подъячіе, т. е. вообще стряпчіе, засѣдатели, непремѣнные члены и проч., были жирные и толстые. Напротивъ, всѣ они были блѣдные, сутоловатые, со впалой грудью, съ узкими плечами, только одни животы у всѣхъ были огромные, оттого и казались тѣломъ толсты»...

И все это измѣнилось, какъ по волшебству, когда пала власть помѣщика въ деревнѣ, а въ городѣ началась своя независимая жизнь, въ которой бывшему властителю не оказалось мѣста. Положеніе создалось по истинѣ трагическое. Двухвѣковое бездѣлье, изъ рода въ родъ передававшаяся привычка къ господству и ничегонедѣланію сказалась во всей силѣ. Началась погоня за деньгами, которыя также легкомысленно тратились, какъ легкомысленно и добывались. Сначала были растрачены деньги, еще выдававшіяся изъ опекунскихъ совѣтовъ, откуда помѣщики брали зря, безъ всякой нужды, просто потому, что давали. Такая легкость добыванія, естественно, не научила цѣнить деньги. «Растрата, и притомъ легкомысленная, безобразная, слишкомъ четырехсотъ милліоновъ рублей, полученныхъ отъ опекунскаго совѣта, не только никого не научила, не отрезвила, но, повидимому, скорѣе развила только вкусъ къ подобнымъ упражненіямъ и въ будущемъ. Чѣмъ же, по крайней мѣрѣ, объяснить себѣ такую же пошлую и легкомысленную растрату слѣдующаго, второго куша—«выкупныхъ», еще болѣе грандіознаго по размѣрамъ и драматичнаго по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ мы его получили и потомъ растратили. Какъ извѣстно, казна выдала въ ссуду мужикамъ за выкупаемую ими землю, т. е. иными словами, мы получили выкупныхъ на семьсотъ слишкомъ милліоновъ рублей. Гдѣ они? На что они истрачены? Гдѣ, въ чемъ видны слѣды этихъ затратъ? Пусть кто-нибудь укажетъ хоть одинъ благой результатъ этихъ колоссальныхъ затратъ или, правильнѣе, растратъ... И вотъ, «фукнувъ» такимъ маneромъ слишкомъ милліардъ рублей, полученныхъ подъ землю и за землю, мы съ легкимъ сердцемъ увѣряли и самихъ себя, и встрѣчныхъ и поперечныхъ, что вся наша бѣда въ томъ, что у насъ нѣтъ денегъ, нѣтъ поземельнаго кредита»...

Исторія возникшаго потомъ кредита представляетъ одну изъ лучшихъ главъ въ «Оскудѣніи». Когда стали возникать одинъ за другимъ частные банки, по-

мѣщики ухитрились забраться туда въ качествѣ членовъ правленія и директоровъ, и началась уже настоящая уголовная растрата, расхищеніе акціонерныхъ денегъ самымъ наглымъ и дѣтскимъ образомъ. «Это была пора нашего глубочайшаго паденія и униженія. Прежде мы проматывали свое, т. е. проѣдали и пропивали то, что, въ силу хорошаго или нехорошаго закона, но все-таки закона, принадлежало намъ... Теперь же приходилось уже «заимствоваться», хотя и въ нѣсколько замаскированной формѣ, тащить изъ чужого кармана руками, обутыми въ перчатки. А сколько униженія приходилось испытывать при этомъ! Какой-нибудь іудей Пудельсонъ—и тотъ издѣвался тутъ же въ глаза, торговался, пилъ на «ты» и братался съ потомками славнаго рода, не разъ упоминаемаго въ исторіи по случаю усмиренія и покоренія враговъ!.. И много славныхъ пало тогда, гораздо больше, чѣмъ въ Куликовской битвѣ»... Кончился этотъ періодъ хищенія чужого добра, какъ извѣстно, бѣдою. Много «славныхъ» завершили его на скамьѣ подсудимыхъ, а остальные, расхитивъ больше 300 милліоновъ, ничего съ ними не сдѣлали, и продолжали вопить, что если бы дешевый кредитъ, то «мы бы еще показали себя»,—и судьба, какъ это часто бываетъ съ падшимъ человѣкомъ, сжалилась еще разъ. Данъ былъ самый легкій, самый льготный кредитъ, въ видѣ дворянскаго государственнаго банка, и результаты оказались тѣ же. Еще милліардъ пропущенныхъ сквозь пальцы рублей, еще маленькая передышка, за которой уже видится въ недалекомъ будущемъ окончательная ликвидація оскудѣнія «нашихъ».

И что же могли сдѣлать злополучные «наши», когда съ паденіемъ теплицъ крѣпостного права они очутились на волѣ, предоставленные собственнымъ силамъ?.. Они ничего не умѣли и ни къ чему не годились, потому что прежде они были все и брались за все, и владѣли всѣмъ.

«Я не знаю, приходила ли кому-нибудь въ голову мысль сравнить «насъ» бывшихъ помѣщиковъ, съ дворовыми. Я, по крайней мѣрѣ, часто объ этомъ думалъ и нахожу, что положеніе тѣхъ и другихъ совершенно аналогично... «Мы» ничего не знали, но кое-что во всемъ понимали; также точно и наши бывшіе дворовые.

«— Мишка_, пошелъ на конюшню!—и Мишка—кучеръ, сидитъ на козлахъ и правитъ. Какой онъ кучеръ и какъ онъ правитъ,—это другой вопросъ, но онъ—кучеръ, и въ этомъ онъ самъ убѣжденъ.

«— Мишка! пошелъ на кухню! —и Мишка—поваръ, и т. д., и т. д... Жили люди, что-то работали, награждали ихъ за эту работу, и вдругъ—трахъ!—все перевернулось и оказалось, что эта ихъ работа никому ни на что не нужна и даже ничего, кромѣ насмѣшки, не вызываетъ.

«— Дармоѣды! Готовый хлѣбъ ѣли! Попробуйте-ка сами себѣ достать, господа теперь не дадутъ,—смѣются мужики.

«Мы тоже все знали. «Мы» и на віолончеляхъ играли, и рисовали, и стихи писали, и равненіе на право знали и тоже—крахъ!—и оказалось, что все это выѣденнаго яйца не стоитъ, что любой кочегаръ обезпеченъ болѣе бо́льшей половины изъ насъ... И мы, и дворовые могли существовать только при крѣпостномъ мужикѣ. Разъ сталъ онъ свободенъ, и мы, и дворовые начали пропадать, какъ тараканы. Ни у «насъ», въ смыслѣ извѣстнаго типа, ни у бывшихъ дворовыхъ — ничего впереди, кромѣ вымиранія, обязательнаго, безостановочнаго, рокового»...

Не было «типа», потому что не существовало никакой *культуры*, которую помѣщичье сословіе выработало бы и могло передать въ наслѣдство новому классу, шедшему ему на смѣну. Культура проявляется въ развитіи религіи, просвѣщенія, промышленности. А что же дало въ этомъ смыслѣ помѣстное дворянство? На религію оно смотрѣло, какъ на принадлежность рабьяго сословія, и къ духовенству относилась почти не лучше, чѣмъ къ крѣпостнымъ. Изрѣдка оно

строило церкви, больше изъ тщеславія, чѣмъ сознательно, по требованію сердца. О просвѣщеніи и говорить нечего. За все время своей власти оно не позаботилось объ устройствѣ народныхъ школъ, считало ихъ прямо вредными и съ своей точки зрѣнія было, конечно, право. Но оно не заботилось и о своемъ просвѣщеніи, и огромное большинство дореформеннаго дворянства было невѣжественно, почти безграмотно и въ смыслѣ развитія стояло почти на уровнѣ своихъ крѣпостныхъ. Земледѣліе велось допотопнымъ способомъ и не было никакой разницы въ этомъ отношеніи между мужикомъ и бариномъ. И Терпигоревъ совершенно правъ, когда говоритъ, что никакого наслѣдства помѣщики не оставили. Послѣ ихъ разоренія въ деревнѣ остались жалкіе слѣды барскихъ затѣй въ видѣ прихотливыхъ арокъ вмѣсто воротъ, искусственныхъ прудовъ съ причудливыми мостиками и глупо-претенціозныхъ построекъ, быстро уничтоженныхъ новыми владѣльцами.

Если и была своя «культура», то лишь такого рода, что объ ея исчезновеніи жалѣть не приходится. Это была культура дѣвичьей и конюшни, культура дикаго, разнузданнаго барства, которую описываетъ Терпигоревъ въ лучшемъ своемъ произведеніи «Потревоженныя тѣни». Въ «Оскудѣніи» сильно сказывается вліяніе Щедрина, быть можетъ, безсознательное ему подражаніе. Въ «Потревоженныхъ тѣняхъ» больше самостоятельности, эпическій тонъ разсказа выдержанъ съ замѣчательной полнотой, и развѣ «Пошехонская старина» того же Щедрина можетъ выдержать сравненіе съ этой ужасной книгой, которая является необходимымъ дополненіемъ «Оскудѣнія».

Здѣсь предъ читателями развертывается картина широкой, привольной жизни крѣпостнаго дворянства. Авторъ остается объективнымъ вполнѣ, рисуя и темныя, и свѣтлыя стороны, если таковыя были въ то время. И въ результатѣ получается потрясающая картина, которая лучше всякихъ изслѣдованій и доказательствъ отъ ума говоритъ, что помѣстной дворянской культуры не существовало, а былъ дикій разгулъ и развратъ, равно пагубный для обѣихъ сторонъ. Разоренные, обнищавшіе мужики, съ одной стороны, низведенные до состоянія скота, и съ другой—опустившіеся, неспособные къ разумной жизни, къ сознательному отношенію къ людямъ и своимъ обязанностямъ—помѣщики.

Если изрѣдка проявлялась забота о мужикѣ, то исключительно съ точки зрѣнія грубыхъ экономическихъ интересовъ. Въ разсказѣ «Рай», авторъ говоритъ о богатомъ селѣ Знаменскомъ, гдѣ «мужики поражали непривычный взглядъ видомъ своего довольства». Но, поясняетъ онъ дальше, «я помню также, что всѣ разсужденія объ этомъ ихъ довольствѣ и богатствѣ на меня, ребенка еще, все-таки производили какое-то странное впечатлѣніе; мнѣ невольно приходило въ голову сравненіе съ такимъ же разсматриваніемъ коровъ въ стадѣ, когда ихъ прогоняли мимо насъ домой съ поля, и разсуждали объ относительной ихъ сытости, о количествѣ даваемаго ими удоя... Было что-то странное, эгоистическое, матеріальное, безучастное въ этихъ разсужденіяхъ. О людяхъ теперь не говорятъ такъ. О нихъ такъ можно было говорить только тогда,—тогда, когда они были собственностью».

И къ нимъ относились, какъ къ собственности, которую всѣ покупали, всѣ продавали, и никого не смущало и не удивляло, когда какая-нибудь тетя Клёдя скупала дѣтей, дѣвокъ и сотни мужиковъ и гуртомъ, какъ стадо, сгоняла въ новое саратовское имѣніе. Это, называлось покупать «на выводъ». Случалось, что дѣвки отнятыя у своихъ жениховъ, или матери, отнятыя у дѣтей, вѣшались или топились. Нѣкоторыхъ это смущало, но тетя Клёдя или другая помѣщица ея типа заботливой и дѣловитой хозяйки, возражала на это съ полной основательностью:

«— Ахъ, Боже мой! Что же тутъ такого? Ну, не хотятъ, чтобы покупали людей, пускай запретятъ ихъ продавать. А то законъ существуетъ на это, не

запрещено это—такъ что-жъ тогда кричать объ этомъ, пугать-то чѣмъ? Что я беззаконіе что ли какое учинила? Кажется, честныя, не фальшивыя денежки плачу, не крадучись какъ,—въ присутственномъ мѣстѣ купчую совершаю, пошлину въ казну вношу»...

И удивительно какія тогда цѣны были дешевыя: дѣвка—100 р., и то еще дорого; семья дѣтей—безъ матери—на выводъ—90 р. И было это наканунѣ Крымской войны. Обращались съ этимъ товаромъ тоже какъ съ кладью,—везли скованными, на ночь запирали въ сараи. Образовался и особый классъ посредниковъ-скупщиковъ, которые высматривали товаръ, устанавливали цѣны, сводили покупателей и продавцевъ, играли на повышеніе и пониженіе, предвидя урожай или эпидемію,—словомъ, творилось тоже, что, положимъ, теперь съ хлѣбомъ на биржѣ. Вотъ, напр., сцена осмотра покупки.

«Мы подошли къ сараю. Староста стоялъ съ непокрытой головой. Онъ отвѣчалъ тетенькѣ поклономъ, на который она кивнула ему головой.

«— Ну, что? Всѣ они тутъ?—сказала тетушка.

«— Тутъ-съ,—коротко отвѣчалъ староста.

«— Ну-ка, отвори...

«Староста сталъ разомъ, одновременно упираясь въ обѣ половинки огромныхъ дверей каретнаго сарая, отворять ихъ. Прямо оттуда, изъ темноты глянули на насъ блестящія оглобли экипажей, кузова ихъ, пахнуло запахомъ кожи, мази колесной. Но «ихъ» не было видно. Не увидѣла ихъ и тетенька, потому что спросила, ни къ кому исключительно не обращаясь:—Гдѣ же они?

«— А вотъ тутъ, влѣво-то... вы взойдите въ сарай... темно, со свѣту-то не видно сразу,—объясняла ей Мутовкина (коммиссіонеръ по куплѣ продажѣ).

«Тетенька шагнула въ сарай, за ней Мутовкина, а за этой уже и я, со страхомъ заглядывая влѣво.

«Тамъ въ огромной, темной пустотѣ, виднѣлись на полу, на подостланномъ сѣнѣ, люди. Они начали вставать и загремѣли желѣзомъ. Сюда ближе къ намъ, сидѣли тоже на сѣнѣ дѣти».

Среди нихъ оказались больные, и покупательница накинулась на коммиссіонершу.

«— Ты что же это мнѣ заразныхъ накупила-то? Заразу разводить? Вотъ оно? отличилась! Что я съ ними дѣлать буду? Вотъ послушай, послушай, что говоритъ баба.

«Баба повторила, что у нихъ въ деревнѣ много дѣтей нынѣ весной отъ горловой болѣзни перемерло. Начнутъ кашлять, покашляютъ дня три и помрутъ...

«Мальчикъ, пришедшій со двора опять въ сарай, снова кашлянулъ громко, глухо, страшно... И опять таращилъ глаза, точно давился.

«— Какъ же его везти?—охала тетушка.—Онъ еще умретъ дорогой. Они останавливаться должны будутъ, хоронить его, это цѣлая исторія. Кто все это выправлять будетъ? Ни одинъ попъ дорогой не похоронитъ...»

Словомъ, много заботы о покупки, о товарѣ, и ни малѣйшаго сознанія, что этотъ товаръ—люди. Такъ сильна зависимость нашихъ взглядовъ даже на такія примитивныя отношенія—отъ матеріальныхъ условій, съ которыми мы сжились, къ которымъ привыкли и которыя намъ выгодны и удобны.

Авторъ разсказываетъ, по нашимъ современнымъ взглядамъ, самыя ужасные случаи, но тогда они были въ порядкѣ вещей, составляли необходимый результатъ этого порядка и никому не казались ни странными, ни чудовищными. Охота за дьякономъ, напр., считалась только развлеченіемъ,—такъ было интересно потравить живого человѣка. Это было потѣшно, но ничего преступнаго не видѣли въ этомъ, и находили удобнымъ водить даже дѣтей на такую потѣху. Дѣти, впрочемъ, съ колыбели были свидѣтелями самыхъ дикихъ проявленій страстей и разнузданности и настолько сживались съ такими порядками,

что и сами не медлили идти по стопамъ родителей. Въ гимназіяхъ они имѣли своихъ крѣпостныхъ дядекъ, которыхъ сѣкли по ихъ приказу.

— «Ваше превосходительство,—обращается такой юнецъ къ директору,— прикажите моего Егорку наказать. Ни на что не похоже—грубитъ, не служитъ...

— «Директоръ преобразился въ лицѣ—просіялъ, захохоталъ и радостно началъ звать служителей.

— «Я его... я его!..—кричалъ онъ.—Гдѣ Егорка?

«Мы стояли и смотрѣли. Нѣкоторые смѣялись и разговаривали, какъ передъ началомъ спектакля. Къ директору подошелъ «Егорка».

— «Ты что это затѣялъ? А? Своему помѣщику грубить вздумалъ?

— «Ваше превосходительство!—съ искаженнымъ лицомъ завопилъ «Егорка»—старикъ лѣтъ пятидесяти, почти уже сѣдой, маленькій сухощавый, съ выбритымъ лицомъ, съ сѣренькими щетинистыми усиками подъ носомъ—и повалился въ ноги. Я какъ сейчасъ гляжу на него.

— «По-мѣ-щи-ку своему... а!.. сто... пятьсотъ ему дашь!.. Эй, Васька, Ванька»!..

Такія сцены, происходившія на каждомъ шагу, воспитывали будущихъ властителей, которые съ достоинствомъ несли званіе дворянина и помѣщика.

Не удивительно, что послѣ реформы, по словамъ Атавы, эти герои и потомки нѣкогда славныхъ родовъ сразу пали и разсѣялись, яко прахъ. Другой вопросъ, кто замѣнилъ ихъ въ деревнѣ, но хуже отъ этого никому не стало, и «потревоженныя тѣни» даютъ ясный и неопровержимый отвѣтъ, что жалѣть объ исчезновеніи такой «культуры» не приходится.

Терпигоревъ по достоинству занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ русской литературѣ. Ему въ значительной степени мы обязаны уничтоженіемъ легенды о добромъ старомъ времени, о величіи помѣщичьей культуры, яко-бы процвѣтавшей тогда, о благодѣтельномъ значеніи помѣщичьяго элемента въ проведеніи реформы и въ послѣдующихъ измѣненіяхъ деревенской жизни. Его художественные очерки, полные юмора, рѣдкіе по безпристрастью и спокойному объективизму, завершили дѣло, начатое Тургеневымъ, Писемскимъ и Салтыковымъ. Онъ мастерски провелъ послѣдній штрихъ въ нарисованной этими великими писателями картины крѣпостной Россіи и талантливо и мѣтко очертилъ ликвидацію этой Россіи послѣ реформы. Какъ художникъ, онъ не самостоятеленъ и примыкаетъ непосредственно къ Щедрину, съ которымъ его сближаетъ темпераментъ творчества и матерьялъ его наблюденій, но онъ съумѣлъ сохранить оригинальную литературную физіономію и далъ рядъ типичныхъ представителей эпохи «оскудѣнія» помѣстнаго дворянства.

Хвалители прежняго порядка ссылаются обыкновенно на то, что тогда мужикъ былъ болѣе обезпеченъ, что то время не знало нашихъ періодическихъ голодовокъ. Это утвержденіе основано на грубомъ незнаніи фактовъ—и только. Были такіе же голода и раньше, разница лишь та, что о нихъ не кому было говорить, а тѣ, кому вѣдать надлежитъ, были заинтересованы, чтобы объ этомъ никто не зналъ. Успѣхи нашего времени, правда, болѣе чѣмъ скудные, въ томъ и заключаются, что теперь о голодѣ говорятъ, какъ ни какъ а его замолчать нельзя, и общество по мѣрѣ возможности принимаетъ живое участіе въ народной бѣдѣ. Принимало бы, конечно, и бо́льшее участіе, если бы не остатки этого добраго времени, дающіе себя чувствовать еще на каждомъ шагу. Вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше проникаютъ въ общее сознаніе и причины этихъ народныхъ бѣдствій. Каждый голодъ усиленнѣе подчеркиваетъ, гдѣ коренится главная бѣда народнаго оскудѣнія, и указываетъ настойчиво на выходъ изъ современнаго положенія.

Большой интересъ, поэтому имѣютъ наблюденія лицъ, переживавшихъ на

мѣстѣ эти трудныя въ жизни деревни минуты и видѣвшихъ на опытѣ тѣ путы, изъ которыхъ мужикъ не можетъ выбиться. Очень любопытными въ этомъ отношеніи являются записки графа Льва Львовича Толстого о голодѣ 91—92 г., печатающіяся въ «Вѣстникѣ Европы». Весь періодъ этого голода онъ провелъ въ Самарской губерніи, устраивая столовыя, больницы и непосредственно сталкиваясь съ народной средой и условіями жизни деревни. Какъ и всѣхъ, его поразили безпомощность послѣдней, ея темнота, упадокъ самодѣятельности и неуравновѣшенность матерьяльнаго быта.

«Время пришло,—говоритъ онъ, — когда мужикъ, построившій наши столицы и города, крѣпости и заводы, желѣзныя дороги и корабли, обмундировавшій милліоны войска, завоевавшій чужія далекія земли, и т. д. и т. д., однимъ словомъ, создавшій наше внѣшнее могущество—ослабъ. Онъ отдалъ все изъ себя и изъ той земли, которую онъ обрабатывалъ, и дальше подавать отказывается. Земля, на которой онъ сидитъ, истощена, какъ и онъ, и тоже не въ силахъ больше брать изъ себя. Между тѣмъ, у него нѣтъ ни достаточной свободы, ни достаточныхъ знаній и умѣнья, чтобы справиться съ этой истощенной землей. И вотъ пришло время, когда мы должны широко придти къ нему на помощь. Мы должны вернуть мужику то, что у него отняли. А если сдѣлать это уже невозможно, мы должны, по крайней мѣрѣ перестать брать у него и научить какъ сдѣлать, чтобы земля могла ему давать снова».

Л. Л. Толстой возмущается постоянными опасеніями какъ бы не передать народу лишку, какъ бы не *перекормитъ* его. «Что значитъ передать мужику въ наши тяжелые для него дни? Что значитъ дать слишкомъ много? Если онъ голоденъ, и вы дали еще,—онъ наѣстся; если вы дали ему еще сытому,—онъ накормитъ жену и дѣтей; если еще,—онъ накормитъ и скотину; если будете продолжать помогать ему, онъ покроетъ раскрытую крышу избы, купитъ корову, которой у него нѣтъ, и такъ далѣе безъ конца».

Въ дѣйствительности происходитъ обратное. Въ періодъ острой голодовки помощь ничтожна и такъ разсчитана, чтобы не дать умереть съ голоду, а затѣмъ, когда грозный призракъ голодной смерти исчезъ, мужикъ предоставляется собственной участи впредь до новаго обостренія. Все остается по старому и не вносится ни малѣйшаго существеннаго измѣненія въ жизни деревни. Роль общества, русской интеллигенціи по преимуществу, при этомъ нѣсколько комична. Мужикъ валится съ ногъ отъ голоду, въ деревню является интеллигентъ и осторожно, *подкармливаетъ* его. Накормить «досыта—до отвала» интеллигентъ, при всемъ желаніи, не можетъ, потому что самъ слабъ и бѣденъ. Подкормленный, но еще слабый мужикъ подымается и начинаетъ вокругъ себя копаться на пустомъ мѣстѣ, а интеллигентъ не безъ чувства удовлетворенія возвращается въ городъ и сочиняетъ рефераты и пишетъ записки, и никто не въ правѣ укорить его за то, что большаго онъ не дѣлаетъ. Но вопросъ по прежнему остается открытымъ, какъ быть, гдѣ найти выходъ? Періодическія голодовки, и сами по себѣ тяжелыя, служатъ только симптомомъ, съ устраненіемъ котораго дѣло въ сущности мало мѣняется. Гр. Толстой ставитъ два вопроса: «первый — почему русскій народъ такъ часто голодаетъ? Второй: какъ сдѣлать, чтобы эти голодовки его прекратились?» Отвѣты, которые онъ даетъ на нихъ, не новы, но они хорошо формулируютъ сущность народной нужды.

Отвѣтивъ на первый вопросъ, что «народъ бѣдствуетъ прежде всего отъ своей темноты, заброшенности и малой культурности», онъ отвѣчаетъ на второй такъ:

«Первое, что нужно—это дарованіе окончательной свободы народу, второе—просвѣщеніе его... Хотя свобода и просвѣщеніе связаны между собой неразрывно, но надо прежде всего обратить вниманіе на первое, на недостатокъ общественнаго воздуха у нашего крестьянина—и съ этого начать. Всякому мыслящему и безпристрастному человѣку, желающему блага народу, понятно и

извѣстно, въ чемъ прежде всего стѣсненъ мужикъ. Онъ стѣсненъ прежде всего своимъ общиннымъ владѣніемъ, изъ котораго у него выхода нѣтъ: во-вторыхъ, стѣсненъ онъ тѣмъ, что у него нѣтъ достаточныхъ правъ и законовъ, на которые онъ могъ бы опереться. Вотъ тѣ два основныхъ и несомнѣнныхъ стѣсненія нашего крестьянина, которыя крѣпко держатъ его въ косности и темнотѣ.

«Обладаніе правомъ вообще, правами на землю, какъ на личную собственность въ частности,—это тотъ главный рычагъ, посредствомъ котораго человѣкъ подымается на первую ступень общественнаго развитія, на какую неминуемо долженъ стать и нашъ крестьянинъ,—на ступень гражданственности. Иначе ему нѣтъ движенія.

«По этому, безъ личнаго крестьянскаго землевладѣнія, безъ перехода сознанія нашего народа отъ стаднаго принципа къ личному, мы не можемъ двинуться впередъ, не могутъ и крестьяне наши почувствовать себя полноправными гражданами.

«Этотъ переходъ (отъ общиннаго хозяйства къ подворному и непремѣнно личному) незамѣтно и медленно уже совершается въ нашихъ степяхъ, какъ и въ среднихъ губерніахъ; но онъ, стѣсненный и задержанный всячески извнѣ, еще не сталъ тѣмъ общимъ неизбѣжнымъ русскимъ явленіемъ, до котораго доживутъ слѣдующія поколѣнія. Но путь несомнѣнно—этотъ самый.

«Говорятъ, что нужда нашего народа зависитъ не отъ матерьяльныхъ, а отъ духовныхъ причинъ, что надо прежде всего поднять духъ народа. Конечно, это такъ, но все-таки не совсѣмъ. Какъ же поднять этотъ упавшій духъ народный? Вотъ что всего интереснѣе. Для этого нужно устранить матерьяльныя причины и стѣсненія, вслѣдствіе которыхъ упалъ духъ. Значитъ, отчего же нужда? Отъ внѣшней, т. е. матерьяльной стѣсненности народа, отъ причинъ матерьяльныхъ, а потомъ уже и отъ духовныхъ. Духовный упадокъ народа, это— не причина нужды, а слѣдствіе ея... Посадите американца въ общину съ нашими законами и порядками, онъ, какъ ни будь свободенъ духомъ, непремѣнно потеряетъ эту духовную свою свободу подъ давленіемъ внѣшнихъ затрудненій...

«Отсутствіе свободы личности, незнаніе своихъ правъ и законовъ, община съ ея порядками, всѣ внѣшнія тяжелыя условія нашего крестьянства, представляютъ, конечно, матерьяльныя, а не духовныя причины, держатъ его въ постоянной нуждѣ и косности. На эти-то условія и надо обратить вниманіе. Тогда и духъ народа поднимется и проснется его энергія.

«Дайте, кромѣ свободы, еще одно великое орудіе культуры въ руки народу, дайте его въ волю, щедро и не скупясь,—просвѣщеніе, и вамъ не придется больше заботиться о крестьянинѣ».

Можетъ быть, въ этихъ мнѣніяхъ Л. Л. Толстого иные усмотрятъ проявленіе злобнаго духа марксизма, въ томъ, напр., что авторъ считаетъ общину стѣсненіемъ крестьянства и предвидитъ ея неизбѣжный конецъ. Для дѣла, однако, это безразлично. Для насъ важно, что всякій, не зараженный народничествомъ, наблюдатель деревенской жизни приходитъ къ тому же выводу, къ какому давно уже пришли и противники народничества. Жизнь сама упираетъ на такое отжившее свое время учрежденіе, какъ община, которая высохла внутри, какъ тѣ старыя деревья, что по внѣшности еще живы, но внутри полны трухи и праха.

Въ одномъ только мы не согласны съ авторомъ. Онъ думаетъ, что кто-то, къ кому онъ обращается, можетъ притти и *дать* народу и свободу, и просвѣщеніе, и проч. Это большая ошибка, которою грѣшили всегда народники, то и дѣло укорявшіе интеллигенцію, что она не идетъ туда-до, не даетъ народу того-то. Никто и ничего *дать* ему не можетъ, пока онъ самъ *взять* не можетъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Въ мѣстахъ недорода и цынги. Въ «Русск. Вѣдомостяхъ» приведены выдержки изъ доклада профессоровъ казанскаго университета Н. М. Любимова и Н. Ѳ. Высоцкаго, въ которомъ они сообщили о своихъ наблюденіяхъ изъ поѣздки, совершенной по порученію Краснаго Креста въ тѣ мѣстности Казанской губерніи, гдѣ функціонируютъ столовыя и больнички этого учрежденія. Выѣхали И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій изъ Казани 6-го іюня, возвратились же 16-го, причемъ посѣтили шесть уѣздовъ, считающихся наиболѣе пострадавшими отъ неурожая: Спасскій, Тетюшскій, Чистопольскій, Лаишевскій, Мамадышскій и Свіяжскій, посѣтивъ въ нихъ около 200 селеній. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій заставали нужду въ продовольственныхъ средствахъ очень сильную, наблюдали десятками, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и сотнями больныхъ цынгою, видали разрушенныя избы, лишенные оградъ дворы, землянки, чумы. Въ с. Кутлушкинѣ, Чистопольскаго уѣзда, они видѣли много избъ, съ которыхъ зимою крыши были сняты на кормъ скоту. «Въ настоящее время,—говорятъ И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій въ своемъ докладѣ,—крыши въ большинствѣ зачинены соломой и блестятъ новыми заплатами, но заборовъ въ нѣкоторыхъ домахъ нѣтъ и до настоящаго времени». Дѣло въ томъ, что владѣльцы этихъ дворовъ съ наступленіемъ зимы устраивали землянки, въ которыхъ и жили вмѣстѣ со скотомъ; солому съ крыши они употребляли на кормъ скоту, а дворовыя загороди — на отопленіе землянокъ. «Одна изъ землянокъ, въ которой зимой обитали двѣ семьи вмѣстѣ со скотомъ, нами сфотографирована,—говорятъ далѣе въ своемъ докладѣ И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій. Благодаря указанному сожительству владѣльцамъ землянки удалось сохранить лошадь и двухъ ягнятъ, но жены двухъ братьевъ-владѣльцевъ чума, заболѣвшія еще въ февралѣ тяжелой формой цынги, не поправились и до сихъ поръ». Подобныя же землянки профессоры встрѣчали и въ другихъ мѣстахъ. «Пять шаговъ длины и столько же ширины, высотой 2 арш. 1 верш., въ ней три окна, около полъ-аршина въ квадратѣ, затянутыхъ вмѣсто стеколъ пузырями... Въ такой землянкѣ обитаютъ *девять человѣкъ* и между ними двѣ женщины, больныя цынгою. Воздухъ и въ настоящее время трудно переносится непривычнымъ человѣкомъ, — говорятъ профессоры, описывая такимъ образомъ эти жилища «пострадавшихъ отъ недорода». Можно представить, каковъ онъ былъ зимою!»

Объѣзжая Лаишевскій уѣздъ, профессоры нашли въ селеніи Уреевѣ слѣдующее: «У нѣкоторыхъ крестьянъ нѣтъ даже собственныхъ домовъ. Мѣстный священникъ вынужденъ былъ помѣстить уже съ осени старика Степана Иванова съ женой его Ѳеклой въ церковной сторожкѣ. Передъ Пасхой оба *умерли*,

повидимому,—говорятъ профессоры,—*отъ истощенія вслѣдствіе недоѣданія.* Въ виду того, что, по показанію священника, больныхъ цынгою въ Уреевѣ около 80-ти человѣкъ и изъ нихъ до десяти—тяжелыхъ, мы сдѣлали вмѣстѣ съ нимъ подворный осмотръ, причемъ оказалось, что помимо цынготныхъ въ селѣ находились семьи, единственная болѣзнь которыхъ заключается въ сильномъ истощеніи вслѣдствіе голоданія. Такъ на примѣръ, мы можемъ указать на одну семью, въ составѣ трехъ человѣкъ, которые давно уже лежатъ, по мнѣнію священника, отъ цынги, по провѣркѣ же оказалось, что цынги у нихъ нѣтъ, *а лежатъ они отъ истощенія, вызваннаго хроническимъ голоданіемъ.* Въ послѣдніе три дня они, кромѣ ковша похлебки (это—порція, выдававшаяся изъ мѣстной столовой) безъ хлѣба, ничего не ѣли. Семья лежитъ въ полуразрушенной избѣ, на нарахъ, плотно прижавшись другъ къ другу, покрытая грязными лохмотьями; они худы, какъ скелеты, безкровны, съ еле ощутимымъ пульсомъ. И такихъ голодныхъ семей цѣлый рядъ...»

Сообщая о своихъ наблюденіяхъ надъ цынготными больными, И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій разсказываютъ, что въ с. Ромоданѣ, Спасскаго уѣзда, одинъ цынготный больной черезъ недѣлю послѣ того, какъ былъ выписанъ изъ больницы, «зарѣзался, какъ думаютъ, отъ отчаянія; вся семья его была въ цынгѣ, и онъ самъ болѣлъ очень тяжелой формой; у него были почти сплошные кровоподтеки на обѣихъ нижнихъ конечностяхъ, кровоподтеки на верхнихъ конечностяхъ и сильныя головныя боли». Въ этомъ же селѣ «умерла съ признаками цынги одна женщина, но она задолго ранѣе чѣмъ-то болѣла». Въ селѣ Сумароковѣ, Тетюшскаго уѣзда, «умерло съ признаками цынги 8 человѣкъ, но и они страдали ранѣе различными другими болѣзнями». Въ дер Нижнихъ-Таганахъ, Спасскаго уѣзда, было 157 цынготныхъ, и изъ нихъ около 40 человѣкъ въ тяжелой формѣ цынги. Смертныхъ случаевъ было 3, причемъ трое этихъ больныхъ цынгою хворали въ то же время хроническими болѣзнями легкихъ и сердца, такъ что цынга у нихъ являлась только осложненіемъ. Въ дер. Богдашкинѣ, Тетюшскаго уѣзда, въ больницѣ умерло двое цынготныхъ. Въ с. Бисярахъ того же уѣзда также умерло двое цынготныхъ (они, впрочемъ, хворали и до появленія у нихъ цынги). Въ с. Шемякино еще въ половинѣ мая было около 150-ти человѣкъ больныхъ цынгою; изъ этого числа 73 лежали. Въ настоящее время наиболѣе тяжелыхъ больныхъ, не имѣющихъ силы ходить, профессоры застали только 10 чел.; менѣе тяжелыхъ, двигающихся при помощи палки,—около 50-ти чел. Смертныхъ случаевъ было 4, причемъ «*умирали при явленіяхъ общаго истощенія, отековъ ногъ, омертвѣнія десенъ*». Болѣли цынгой по преимуществу женщины. «Это объясняется,—по словамъ профессоровъ,—тѣмъ, что имъ приходилось испытывать наиболѣе сильное голоданіе, такъ какъ мужчины не только заставляли женщинъ дѣлиться получаемыми ими въ столовыхъ порціями, но и прямо выгоняли ихъ изъ столовыхъ». Вообще заболѣванія цынгой появлялись исключительно вслѣдствіе голоданія. Какъ только въ селеніи, пораженномъ цынгою, начинали примѣняться мѣры къ прекращенію голоданія, цынга ослабѣвала или даже прекращалась совершенно.

Въ заключеніе нелишнимъ представляется отвѣтить, что въ числѣ столовыхъ, содержимыхъ для кормленія голодающихъ разными частными лицами и на средства Краснаго Креста, имѣются также столовыя, устроенныя самими крестьянами. Одну изъ такихъ столовыхъ профессоры И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій видѣли во время настоящей своей поѣздки въ мѣста, пораженные «недородомъ». «Въ Мамадышскомъ уѣздѣ,—говорятъ они въ своемъ докладѣ,—заслуживаетъ особаго вниманія столовая въ с. Кляушахъ, устроенная самими крестьянами и содержимая на ихъ средства. Въ этой столовой кормятся около 100 человѣкъ не только кляушинскихъ жителей, но и изъ сосѣднихъ деревень, какъ русскихъ, такъ и татаръ».

Наконецъ, въ виду того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля остались незасѣянными вслѣдствіе недостатка сѣмянъ, а въ другихъ мѣстахъ засѣянныя поля оказываются вслѣдствіе неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій въ плохомъ состояніи, угрожая новымъ «недородомъ», профессоры И. М. Любимовъ и Н. Ѳ. Высоцкій высказываютъ въ своемъ докладѣ опасенія, что придется оказывать продовольственную помощь населенію и въ будущемъ году.

На голодѣ. Въ «Ниж. Листкѣ» г-жа Подсосова сообщаетъ не лишенныя интереса подробности изъ Лукояновскаго уѣзда, столь художественно описаннаго г. Короленко въ его извѣстной книгѣ «Въ голодный годъ».

«27 мая,—пишетъ г-жа Подсосова,—открыта нами столовая въ Петровкѣ на 56 человѣкъ. Петровка—маленькая убогая мордовская деревушка въ 44 двора съ 256 жителями. Она расположена на границѣ сергачскаго уѣзда съ лукояновскимъ. Только мостикъ, переброшенный черезъ ручей, отдѣляетъ Петровку отъ деревни Доксажонъ Лукояновскаго уѣзда. Въ первый день пріѣзда составили списокъ, внося въ него по обыкновенію только дѣтей, дряхлыхъ стариковъ и увѣчныхъ. Оказалось, что кормить пришлось почти всѣ дворы (только 4 двора не вошли въ списокъ). При составленіи его обрисовалось довольно ясно положеніе деревни. «Этого нельзя не помѣстить», говоритъ старшина: «самъ 12-ый, одна лошадь, коровы нѣтъ». У слѣдующаго тоже оказалось человѣкъ 10, плохая лошаденка (рубля 3 вся ей цѣна, еле ходитъ), корову проѣли... А хозяйка прибавляетъ: «сноха и косу продала за 3 руб., купили 3 пуда муки и ту съѣли». Далѣе идутъ тѣ, у кого ни коровы, ни лошади нѣтъ, только 2 курицы; есть такіе, у которыхъ и курочки нѣтъ. «Сбились вовсе», говоритъ мужикъ: «ни ярового не уродилось, ни картофелю, ни капусты, такого года и не запомнимъ».

Я выражаю сомнѣніе: «а развѣ въ первый голодный годъ, 91-ый, лучше было?»

— «Еще бы»,—отвѣчаетъ мужикъ:—«тогда хоть пособіе выдавали»... «И лебеда была», прибавляетъ другой. «Къ счастію», говорю: «лебеды нѣтъ, а то подмѣшивали бы и хворали».

«Это точно, что подмѣшивали бы, какъ не подмѣшивать»...

На Вознесенье кормили въ 1-й разъ: давали щи и кашу. Сначала обѣдъ шелъ чинно, торжественно, въ полномъ молчаніи. Только матери, приведшіе маленькихъ дѣтей (къ намъ ходятъ и трехлѣтніе) говорили дѣтямъ: «ярсадо, ярсадо!» т. е. «ѣшьте! ѣшьте!» Но когда подали щи, дѣтскія лица оживились, глаза засіяли и я услыхала: «пасха, пасха!» Женщины крестились; одна, утирая рукавомъ слезы, сказала мнѣ: это они говорятъ: «вотъ когда пасха пришла». «Вѣдь они и на пасху одинъ хлѣбъ ѣли», добавила она. «Какъ немного нужно», подумала я «чтобы устроить имъ свѣтлый праздникъ—пшенная каша, сваренная на водѣ, съ небольшимъ количествомъ постнаго масла».

Петровка—бѣдная деревушка. У нихъ нищенскій надѣлъ. Въ каждомъ изъ трехъ полей пахотной земли—3½ саж. на надѣльную душу. Что тутъ подѣлаешь. «Арендуемъ мы», говоритъ староста: «въ Александровскомъ банкѣ 270 десят. за 1,000 руб., но на арендной землѣ ничего не уродилось». «Прямо сказать—надѣли они съ этой арендой петлю на шею», сказалъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ обывателей: «чѣмъ будутъ послѣ расплачиваться?» Благодаря голодному году и безъ того несильное крестьянское хозяйство быстро падаетъ.

Постоянно слышишь: тотъ безъ лошади остался, тѣ корову проѣли. Одинъ крестьянинъ сказалъ мнѣ, что за два послѣдніе года скота сильно убыло—чередовъ на 40 меньше стало. И богатый мужикъ быстро спускается на степень средняго, а затѣмъ и бѣднаго. И что ждетъ Петровку впереди? Заколачивай окна и иди куда глаза глядятъ,—говорятъ они. Единственный промы-

селъ—рубка лѣса (кстати сказать, своего лѣсу совсѣмъ нѣтъ), даетъ рубля 3 въ недѣлю. Этихъ денегъ только и хватитъ на прокормленіе семьи, но вѣдь есть и другіе неизбѣжные расходы и весь заработокъ тратить на пищу не приходится.

Многія избы топятся 1 разъ въ недѣлю, а другія и совсѣмъ не топятся. Это въ тѣхъ семьяхъ, которыя ходятъ подъ окна просить Христа-ради. И такихъ въ Петровкѣ много,—то мать, то дочь побираются. Но подаютъ мало. Я сама видѣла такую картину. Къ матери подошла съ унылымъ видомъ 10-лѣтняя дочь съ синей сумкой черезъ плечо. «Ну, много ли дочка принесла?» спросила баба и вывернула сумку. Оказалось—два куска. «Цѣлый день шлялась и два куска принесла!»—сказала грубо баба, но потомъ прибавила: «да, мало подавать нонѣ стали, самимъ ѣсть нечего»... Вѣроятно эти непринесшія ничего дѣти терпятъ и побои. Принесутъ корочки, помочатъ въ водѣ и ѣдятъ. Вотъ и вся пища.

Дня три тому назадъ моя сотрудница по устройству столовой уѣхала и я осталась одна среди мордовскаго населенія. Не прошло и часу, какъ въ избу ко мнѣ вошла больная женщина изъ бѣдной семьи, еще молодая, но страшно истощенная, все зябнетъ, ноги болятъ, два дня лежитъ, одинъ ходитъ, одеженка плохенькая,—ходитъ полоть «къ сосѣднему барину», «да часто,—говорила она: съ ногъ сшибаетъ, въ глазахъ темно». Проситъ дать лѣкарства. Даю, но чувствую, что ей нужнѣе наша столовая. По уходѣ ея спрашиваю свою хозяйку: почему не внесли въ списокъ эту женщину?—Нельзя, отвѣчаетъ она,—міръ загалдитъ, много такихъ. Вѣдь больная она—заступалась я за женщину.—Больна, точно больна, но все же бродитъ. Неужели, думаю я, чтобы попасть въ нашу столовую, надо молодой женщинѣ дойти до того ужаснаго состоянія, въ которомъ мы видѣли женщину въ Пицахъ: страшныя цинготныя пятна на ногахъ и ужасно сведенныя ноги... Но мнѣ не приходится долго останавливаться на этой больной. Слышится стукъ и въ окно просовывается голова мужика. Оказывается, что его сынъ, которому 1½ года, съѣлъ въ одну недѣлю крупу, выданную на 2 недѣли. Онъ кричитъ—ѣсть проситъ; мать съ утра ушла за кусочками побираться, хлѣба дома нѣтъ. «Дай хоть хлѣбца»,—проситъ мужикъ и, отходя отъ окна, уныло произноситъ: «и какъ я его до крупы-то твоей (до новой выдачи) воспитаю». Иду на улицу, изъ избы выходитъ женщина съ ребенкомъ лѣтъ двухъ или трехъ и говоритъ мнѣ: «милосердная сестрица, вотъ вы отъ насъ двоихъ взяли, нельзя ли и этого? тоже каши проситъ». И я вижу устремленные на меня вопросительно глаза ребенка. Онъ не понимаетъ, почему братъ и сестра ѣдятъ кашу, а ему не даютъ. Онъ не понимаетъ ни нашихъ смѣтъ, ни нашихъ трехкопѣечныхъ расчетовъ.

Возвращаюсь въ избу. «Не въ Роксажоны ли ходили?—спрашиваетъ у меня хозяйка,—они у насъ лѣтось сгорѣли, девять дворовъ осталось, выдали на 4 мѣсяца пособіе, а все-жъ плохи они, сильно бѣдствуютъ». Въ устахъ этой женщины, которая сама не нуждается и не очень-то любитъ о чужой нуждѣ говорить, слова эти получаютъ большое значеніе. Въ это время привозятъ мнѣ для столовой изъ Чукалъ муки. Иду принимать. «Кормите народъ?—говоритъ мнѣ мужикъ,—точно, здѣсь бѣдствуютъ, ну и у насъ въ Чукалахъ тоже сбились; у насъ у однихъ съ мельницы 600 пуд. перекупили. Съ Рождества хлѣба нѣтъ». Увидѣвъ пшено въ амбарѣ, онъ прибавляетъ: «а объ кашѣ и помнить забыли... Какая каша! ни капусты, ни картошки, ничего».

Мужикъ уходитъ, а я не знаю куда уйти отъ мучительныхъ думъ. Всѣ впечатлѣнія дня: и мальчикъ, не получившій каши, и ребенокъ, съѣвшій крупу до срока, и больная женщина, и сгорѣвшія Роксажоны, и голодные Чукалы,—все это сливается въ одинъ страшный крикъ: «хлѣба! хлѣба!» И я чувствую, что не могу имъ дать его.

8-ми-часовой рабочій день. «Сѣверный Край» сообщаетъ, что съ 1 января 1899 г. на угличской писче-бумажной фабрикѣ г. Варгунина введенъ 8-ми-часовой рабочій день вмѣсто 12-ти-часоваго. Плата рабочимъ оставлена прежняя, но за то—вотъ это довольно странно—теперь они работаютъ и по воскресеньямъ. Опытъ, насколько успѣли обнаружиться его результаты, нельзя, не признать, по мнѣнію ярославской газеты, очень удачнымъ для обѣихъ сторонъ. Такъ какъ число машинъ на фабрикѣ осталось то же, что было и раньше, то и количество выдѣлываемой ежедневно бумаги не увеличилось; оно простирается до 500 пудовъ; но облегчился трудъ рабочаго, увеличилась его интенсивность и это сразу отразилось на уменьшеніи процента брака въ производствѣ, что составляетъ уже первый плюсъ для предпринимателя.

Кромѣ того, за тѣми же расходами на управленіе фабрикою и общими затратами, независимо отъ количества рабочихъ,—поземельными, страховыми, торговыми и др. пошлинами и т. д., увеличилось число дней за первое полугодіе опыта на 23, что дало 11.500 п. излишне выработанной бумаги; это, за исключеніемъ нѣкоторыхъ затратъ по организаціи третьей смѣны, представляетъ собою второй плюсъ. Замѣтно облегчаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и заботы по наблюденію за ходомъ работъ, опять-таки по причинѣ болѣе бодраго настроенія рабочихъ. Продуктивность труда, несомнѣнно, увеличится еще болѣе, когда рабочіе будутъ лично заинтересованы въ количествѣ производства, т. е. когда на всѣхъ ихъ распространится процентное вознагражденіе изъ общей доходности, какъ это уже и сдѣлано для нѣкоторыхъ должностей. Насколько рабочіе теперь уже начинаютъ дорожить трехсмѣннымъ трудомъ, видно изъ того, что въ рукахъ администраціи получилось новое дисциплинарное средство: переводъ съ 8-ми-часовой работы на фабрикѣ на 11½-часовой считается очень тяжелымъ взысканіемъ, хотя содержаніе нѣсколько увеличивается. Были случаи, когда въ числѣ нанимавшихся попадались ремесленники, напр., сапожники, желавшіе увеличить свой заработокъ отъ ремесла.

Точные цифровые произведеннаго фабрикой опыта результаты могутъ быть обнаружены только при годовомъ отчетѣ, но и теперь уже, по словамъ ярославской газеты, достаточно ясно обрисовалось положеніе дѣла, и фабрика, разсчитывая имѣть въ годъ до 25.000 пудовъ излишне выработанной бумаги, съ избыткомъ покроетъ тотъ расходъ, который ложится на 3-ю смѣну рабочихъ. Такимъ образомъ, переходъ на 8-ми-часовой рабочій день довольно рельефно обнаруживаетъ обоюдныя выгоды. Въ виду этого владѣлецъ фабрики, какъ сообщаетъ «Сѣверный Край», намѣренъ ввести 8-ми-часовой день и на другой фабрикѣ—въ Петербургѣ.

Безпорядки и забастовка рабочихъ въ Ригѣ. Въ «Лифляндск. Губерн. Вѣд.» опубликовано нижеслѣдующее извлеченіе изъ представленія лифляндскаго губернатора г. министру внутреннихъ дѣлъ о безпорядкахъ и забастовкѣ въ г. Ригѣ въ маѣ мѣсяцѣ сего года:

1-го мая сего года рабочіе джутовой и льняной фабрики, расположенной въ Петербургской части г. Риги, въ 6—7 верстахъ отъ Александровскихъ воротъ, стали требовать увеличенія поденной платы и, когда это требованіе не было удовлетворено администраціей фабрики, они отказались стать на работу. Рабочихъ на означенной фабрикѣ было всего около 800 человѣкъ, изъ коихъ болѣе 500 женщинъ. Забастовка эта продолжалась и въ послѣдующіе дни: 2, 3 и 4 мая, причемъ администрація фабрики согласилась уволить забастовавшихъ рабочихъ по обоюдному соглашенію, на основаніи п. I ст. 104 уст. о пром., и объявила, чтобы рабочіе шли за разсчетомъ и паспортами. На это послѣдніе заявили, что уходить съ фабрики не желаютъ, расчета и паспортовъ не примутъ и будутъ ждать увеличенія платы, безъ чего къ работѣ не приступятъ.

4-го мая, вечеромъ, рижскій полиціймейстеръ доложилъ губернатору, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ забастовавшіе рабочіе имѣютъ намѣреніе на слѣдующій день идти въ городъ для принесенія жалобы на неправильныя дѣйствія фабричной администраціи.

Въ видахъ предупрежденія безпорядковъ, которые легко могли возникнуть при движеніи черезъ весь городъ значительной толпы рабочихъ, губернаторъ предложилъ полиціймейстеру принять слѣдующія мѣры: а) въ случаѣ скопленія рабочихъ на Петербургскомъ шоссе вмѣнить въ обязанность чинамъ полиціи попытаться уговорить ихъ разойтись по домамъ и предложить избрать изъ своей среды нѣсколько человѣкъ для принесенія губернскому начальству жалобы; б) никоимъ образомъ не допускать шествія по городу рабочихъ толпою и мѣрами полиціи задержать ее на границѣ городской черты, у Александровскихъ воротъ; в) при недостаточности силъ полиціи обратиться къ содѣйствію войска. Въ этихъ видахъ губернаторъ приказалъ полиціймейстеру лично просить начальника штаба 20-го армейскаго корпуса о нарядѣ одного батальона, которому быть въ полной готовности къ выступленію при первомъ требованіи полиціймейстера.

Распоряженіе о нарядѣ батальона и. д. начальника штаба было передано, по приказанію командира корпуса, командиру 115-го пѣхотнаго Вяземскаго полка, а симъ послѣднимъ, черезъ полкового адъютанта, было приказано исполнявшему обязанности командира 1-го батальона двинуться съ своимъ батальономъ къ Александровскимъ воротамъ. Распоряженіе о выступленіи батальона изъ казармы, безъ вызова войска со стороны полиціймейстера, было сдѣлано полковымъ командиромъ въ виду отдаленности казармъ отъ Александровскихъ воротъ и изъ опасенія прійти къ мѣсту назначенія слишкомъ поздно. Командующій батальономъ, подойдя къ воротамъ, гдѣ все было спокойно, и узнавъ отъ стоявшихъ на постахъ городовыхъ, что полиціймейстеръ находится на джутовой фабрикѣ, въ которой происходятъ безпорядки среди рабочихъ, рѣшилъ вести батальонъ на фабрику, не ожидая распоряженія полиціймейстера. Хотя пребываніе батальона на фабрикѣ не вызывалось необходимостью, однако полиціймейстеръ, по соглашенію съ старшимъ фабричнымъ инспекторомъ, не счелъ удобнымъ тотчасъ же отпустить батальонъ обратно, такъ какъ подобное распоряженіе могло произвести неблагопріятное впечатлѣніе на толпу забастовавшихъ рабочихъ и подать имъ поводъ превратно истолковывать неожиданное появленіе войскъ и столь же быстрое ихъ удаленіе.

Около 3 час. дня толпа забастовавшихъ рабочихъ, оттѣсненная еще ранѣе чинами полиціи шаговъ на 300 отъ фабрики, пришла въ движеніе и направилась по шоссе къ городу, въ виду чего распоряженіемъ полиціймейстера, отданнымъ по телефону, къ Александровскимъ воротамъ собраны были чины полиціи подъ начальствомъ помощника полиціймейстера, для удержанія толпы у названныхъ воротъ.

Въ виду неизвѣстности цѣли движенія толпы и распространившагося слуха о возможности ея возвращенія обратно на джутовую фабрику, съ подкрѣпленіемъ значительнымъ числомъ рабочихъ отъ расположеннаго близъ Александровскихъ воротъ вагоннаго завода «Фениксъ», на которомъ работали мужья многихъ работницъ джутовой фабрики, полиціймейстеръ, отправляясь лично къ означеннымъ воротамъ, оставилъ три роты на джутовой фабрикѣ, а одну роту направилъ къ воротамъ вслѣдъ за толпою: свободные городовые были посланы на извозчикахъ въ объѣздъ къ тѣмъ же Александровскимъ воротамъ.

Когда толпа рабочихъ подошла къ находящемуся около самыхъ воротъ переѣзду желѣзной дороги, то была встрѣчена сосредоточенными уже тамъ чинами полиціи. На всѣ увѣщанія разойтись толпа не обращала никакого вниманія, требуя свободнаго пропуска. Тогда сдѣланы были попытки уговорить рабочихъ отправляться партіями по 10—15 человѣкъ въ полицейскіе участки для про-

изводства разсчета, но на это рабочіе не согласились и требовали пропустить ихъ въ городъ всѣхъ вмѣстѣ. Получивъ въ этомъ отказъ, рабочіе продолжали оставаться на мѣстѣ, шумѣли и не расходились, заявляя желаніе получить разсчетъ тутъ же.

Вслѣдствіе этого и въ видахъ предупрежденія все увеличивающагося скопленія рабочихъ и публики у Александровскихъ воротъ, а также изъ желанія успокоить забастовщиковъ, послѣдніе были приглашены для полученія разсчета въ находящійся у Александровскихъ воротъ садъ, куда въ то же время былъ вызванъ по телефону фабричный кассиръ съ деньгами. Рабочіе, преимуществено женщины, человѣкъ 150—200 вошли въ садъ, а остальные, приблизительно въ такомъ же количествѣ, оставались стоять спокойно на улицѣ.

Подошедшая къ этому времени къ Александровскимъ воротамъ рота солдатъ была отправлена полиціймейстеромъ въ казармы, такъ какъ толпа рабочихъ вела себя въ то время совершенно спокойно. Вслѣдъ затѣмъ имъ же было сдѣлано распоряженіе о возвращеніи въ казармы, по другой, ближайшой дорогѣ, и остальныхъ трехъ ротъ, оставшихся у джутовой фабрики.

Къ 5-ти часамъ пополудни подошла къ саду команда изъ 10-ти нижнихъ чиновъ, при унтеръ-офицерѣ, которая была раньше оставлена, по просьбѣ фабричной администраціи и съ разрѣшенія своего начальства, для охраны квартиры директора фабрики. Послѣ ухода роты къ Александровскимъ воротамъ, команда эта была смѣнена людьми другихъ ротъ и, какъ оказалось, догоняла теперь свою роту. Означенные люди были удержаны въ саду помощникомъ полиціймейстера, а вскорѣ прибывшій командиръ баталіона далъ имъ разрѣшеніе отдохнуть минутъ 10 и затѣмъ приказалъ идти въ казармы.

Полиціймейстеръ, видя, что разсчетъ производится спокойно и въ полномъ порядкѣ, отправился въ 5 ч. 30 м. дня къ губернатору для доклада о ходѣ дѣла, оставивъ на мѣстѣ своего помощника.

Въ 6 час. вечера въ саду, гдѣ производился разсчетъ, послышался сигналъ объ окончаніи работъ на вагонномъ заводѣ «Фениксъ» (расположенномъ въ шагахъ 500 отъ упомянутаго сада). Вслѣдъ за нимъ громадная толпа, вооруженная палками, камнями и бутылками, разломала заборъ и, ворвавшись въ садъ, стала осыпать находившихся тамъ чиновъ полиціи и нижнихъ воинскихъ чиновъ градомъ камней и бутылокъ. Попытки чиновъ остановить толпу остались тщетными. Въ это время получили сильные ушибы въ голову и животъ помощникъ пристава 2-го участка митавской части Кошко и легкіе ушибы— причисленный къ губернскому правленію и состоящій въ распоряженіи полиціймейстера подполковникъ запаса Глазенаппъ, участковые пристава Заблоцкій и Яроцкій, нѣсколько городовыхъ и одинъ нижній чинъ. Въ виду явной опасности, угрожавшей всѣмъ лицамъ, находившимся въ саду, отъ бросившейся на нихъ разъяренной толпы, подполковникъ Глазенаппъ приказалъ нижнимъ чинамъ стрѣлять вверхъ. Послѣ первыхъ двухъ залповъ толпа отодвинулась, но затѣмъ начала вновь напирать, вслѣдствіе чего унтеръ-офицеръ вынужденъ былъ дать еще третій залпъ, но уже не вверхъ, а въ толпу; а такъ какъ эта послѣдняя вскорѣ вновь стала надвигаться на нижнихъ чиновъ, то унтеръ-офицеръ и 10 человѣкъ нижнихъ чиновъ, находившихся въ это время уже въ зданіи сада, бросились на нее въ штыки и оттѣснили толпу къ Александровскимъ воротамъ.

По полученіи первыхъ извѣстій о сборищѣ громадной толпы и о происходящихъ въ Александровскомъ саду безпорядкахъ, губернаторъ лично отправился на мѣсто происшествія. Прибывшими войсками были очищены прилегающія къ заводу «Фениксъ» улицы отъ находившагося тамъ народа и любопытныхъ и хотя порядокъ былъ уже возстановленъ, но въ видахъ предосторожности были оставлены войска.

Ночь и слѣдующій день прошли совершенно спокойно. На всѣхъ фабрикахъ и заводахъ города, въ томъ числѣ и на заводѣ «Фениксъ» работы продолжались.

Впослѣдствіи установлено, что изъ толпы было 4 убитыхъ, 8 тяжело раненыхъ (изъ нихъ одинъ умеръ по дорогѣ въ больницу) и 16 легко раненыхъ.

Насколько поньнѣ удалось выяснить, поводомъ къ нападенію рабочихъ на полицію послужилъ слухъ, пущенный между рабочими «Феникса», что ихъ жены, забастовавшія на джутовой фабрикѣ, задерживаются силою въ Александровскомъ саду.

6-го мая безпорядки возобновились, толпа требовала освобожденія арестованныхъ наканунѣ и, получивъ отказъ, не расходилась.

Прибывшіе два батальона 115-го пѣх. Вяземскаго полка оттѣснили толпу отъ 2-го полицейскаго участка Петербургской части въ сосѣднія улицы. Тѣснимая войсками толпа разбилась на партіи, которыя, направившись по Матвѣевской, Маріинской, Суворовской и Гертрудинской улицамъ, разрушили 11 домовъ терпимости, одинъ частный домъ и портерную лавку. Въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ выбиты окна и разбиты ставни. Погромы публичныхъ домовъ сопровождались поджогами, а въ являвшихся, для спасенія и тушенія огня, полицейскихъ чиновъ, пожарныхъ командъ и войска толпа бросала камнями, при чемъ получили ушибы два офицера, 22 нижнихъ чина, начальникъ летучей пожарной команды, а также многіе городовые и пожарные.

Къ 12 час. ночи толпы отчасти были разогнаны войсками, отчасти разошлись сами, и спокойствіе въ городѣ возстановилось. Къ дѣйствію оружіемъ не прибѣгали. Всего арестовано было 35 человѣкъ.

Къ 3 час. дня 7-го мая собрались большія толпы народа въ улицахъ близъ 2-го участка Петербургской части съ намѣреніемъ, какъ слышно было, произвести разгромъ участка и освободить арестованныхъ за безпорядки. Вслѣдствіе этого къ 5 час. дня были вызваны къ участку, расположенному по Матвѣевской улицѣ. 1 батальонъ 116-го пѣх. Малоярославскаго полка и нѣсколько ротъ 177-го пѣх. Изборскаго полка.

Къ 7-ми час. вечера толпа появилась на Кирпичной и Зеленой улицахъ, разбила камнями ставни и окна въ двухъ домахъ торпимости и одномъ домѣ частнаго владѣльца.

Получивъ извѣстіе о возобновленіи безпорядковъ на улицахъ города и о скопленіи большой толпы у 2-го участка Петербургской части, губернаторъ отправился лично на мѣсто расположенія участка. По предложенію губернатора, командиръ 116 го пѣх. Малоярославскаго полка долженъ былъ разогнать толпы натискомъ войскъ, дѣйствуя прикладами и прибѣгая къ дѣйствію оружіемъ лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ.

На троекратное предложеніе разойтись съ предвареніемъ, что въ противномъ случаѣ войска будутъ дѣйствовать оружіемъ, толпа отвѣчала свистками, криками: «войска стрѣлять не смѣютъ» и бросаніемъ камней. Тогда роты прикладами разогнали толпу, которая, однако, разсѣянная въ одномъ мѣстѣ, вскорѣ собиралась въ другомъ. Шедшая въ обходъ команда изъ одного взвода 177-го Изборскаго полка подверглась нападенію толпы на углу Рыцарской и Маріинской улицъ. Окруживъ нижнихъ чиновъ со всѣхъ сторонъ, толпа съ криками: «стрѣлять не смѣете», начала забрасывать солдатъ камнями.

Унтеръ-офицеръ, начальникъ команды, приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, а подошедшая къ мѣсту происшествія рота 116-го пѣхотнаго Малоярославскаго полка разогнала толпу. Произведенными выстрѣлами было ранено 5 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ тяжело. Въ первомъ часу ночи уличные безпорядки прекратились.

Въ теченіе 7-го мая получили ушибы 2 офицера и 13 нижнихъ чиновъ. 8-го и 9-го мая были приняты чрезмѣрныя мѣры для охраны спокойствія въ городѣ. 8-е мая прошло спокойно за исключеніемъ единичныхъ случаевъ нарушенія порядка.

Въ воскресенье, 9-го мая, толпа бывшихъ рабочихъ и поденщиковъ пивовареннаго завода «Вальдшлесхенъ» разбила двери и окна нѣкоторыхъ зданій этого завода и произвела безпорядки въ рабочей казармѣ лѣсопильнаго завода Рабиновича. Вечеромъ того же дня толпа сожгла рабочій баракъ Риго-Орловской желѣзной дороги, при чемъ семь рабочихъ были избиты, а ночью совершенъ поджогъ на машиностроительномъ заводѣ «Моторъ».

Въ понедѣльникъ, 10-го мая, начались первыя забастовки на фабрикахъ и заводахъ Митавскаго предмѣстья. Забастовали 3,164 рабочихъ съ семи фабрикъ.

Сначала рабочіе держались спокойно, но затѣмъ толпы, состоящія частью изъ рабочихъ, частью изъ постороннихъ лицъ, начали производить безпорядки прежде всего около завода «Моторъ».

Къ мѣсту безпорядковъ тотчасъ же была послана полусотня казаковъ, а вслѣдъ за ними рота Малоярославскаго полка. Прибывшій къ 6 час. на фабрику мѣстный приставъ засталъ тысячную толпу, которая камнями разбила окна фабрикъ и уже успѣла разломать квартиры двухъ сторожей Зассенгофской мануфактуры; слышались револьверные выстрѣлы, произведенные какъ изъ толпы, такъ и служащими на этихъ фибрикахъ. Этими выстрѣлами были легко ранены двое мужчинъ и одна женщина. Часть рабочихъ ворвалась внутрь зданія Зассенгофской мануфактуры, гдѣ перерѣзала пожарный рукавъ. Въ виду дальности расположенія казармъ отъ мѣста происшествія (верстъ 6—7), казаки прибыли только около 9 час. вечера и разогнали остатокъ толпы. Полурота пѣхоты была оставлена на ночь для охраны Зассенгофской мануфактуры и завода «Моторъ», а казаки возвращены къ полицейскому участку, откуда посылались всю ночь усиленные патрули.

Вечеромъ того же дня было получено заявленіе отъ цементнаго завода о забастовкѣ всѣхъ рабочихъ въ числѣ 1,200 человѣкъ.

Къ 11 ч. утра, 11-го мая, тысячная толпа собралась у фабрикъ Лодера и Поссе, требуя сокращенія рабочаго дня. Толпа съ улицы начала бросать камни въ окна. Прибывшіе по вызову участковый приставъ съ 10 казаками при хорунжемъ Астаховѣ разогнали толпу, при чемъ получили сильные ушибы два казака. Послѣ ухода казаковъ вновь образовавшаяся толпа, состоявшая изъ рабочихъ завода и другихъ постороннихъ лицъ, ворвалась во дворъ фабрики, перебила часть оконъ въ главномъ зданіи фабрики, окна конторы и жилыхъ помѣщеній и разгромила квартиру отсутствовавшаго директора Поссельта. Вторично посланные казаки разогнали толпу.

Волненія возникали и подавлялись 12-го, 13-го, 14-го и 15-го мая. 17-го мая вечеромъ всѣ пѣхотныя части возвращены были въ казармы, а для поддержанія порядка оставлены въ различныхъ частяхъ города казаки, которымъ указаны районы для посылки разъѣздовъ и патрулей. Съ 18-го мая работали всѣ фабрики и заводы въ Ригѣ.

По имѣющимся свѣдѣніямъ за все время безпорядковъ было принято въ городскую больницу 33 человѣка. Изъ нихъ ранено: ружейными пулями—19 человѣкъ, изъ револьвера 3 чел., штыкомъ—5 чел., прикладомъ—4 чел., шашкой—1 чел., камнемъ—1 чел. и 5 умерло до отправленія въ больницу. Въ числѣ этихъ пораненыхъ были 23 человѣка фабричныхъ рабочихъ. Убытки отъ безпорядковъ исчислены всего въ 2.460 руб. для фабрикъ и въ 2.835 р. для директора Зассенгофской мануфактуры. Кромѣ того получили болѣе и менѣе серьезныя поврежденія камнями: приставъ Холевинскій, помощники при-

ставовъ: Кошко и Бирнбаумъ, капитанъ Вяземскаго полка Лепковскій, подпоручикъ Пузыревскій, 14 нижнихъ чиновъ Вяземскаго полка, три Изборскаго, два казака: одинъ камнемъ, а другой желѣзнымъ болтомъ, и одинъ городовой камнемъ.

По обвиненію въ безпорядкахъ задержано всего 212 человѣкъ; часть изъ нихъ передана судебному слѣдователю; большая часть нынѣ освобождена, а относительно выселенія изъ Риги зачинщиковъ и подстрекателей къ забастовкамъ представлено министру внутреннихъ дѣлъ.

Переселеніе духоборовъ въ Якутскую область и Канаду. Въ «Восточномъ Обозрѣніи» появилось продолженіе путевыхъ замѣтокъ врача Сокольникова, который, по порученію графа Л. Н. Толстого, сопровождалъ въ Якутскую область партію духоборскихъ женъ и дѣтей. Встрѣтивъ ее на ст. «Тайга» и узнавъ, что всѣ женщины и дѣти ѣдутъ въ вагонахъ IV класса, и что тамъ же ѣдетъ сопровождавшій ихъ изъ Тифлиса полицейскій надзиратель К. В. Высоцкій, г. Сокольниковъ рѣшилъ тоже помѣститься въ IV классѣ. Описаніе, дѣлаемое врачемъ Сокольниковымъ, даетъ ясное представленіе о томъ, что такое вагоны IV класса.

Это обыкновенные товарные вагоны въ видѣ красныхъ ящиковъ съ бѣлой надписью: 40 чел.—8 лошадей. Построены они такъ, что въ одну изъ боковыхъ дверей свободно можно вводить лошадь, а на противоположной сторонѣ другая дверь въ видѣ калиточки, куда люди могутъ проникать свободно, но лошади не пройдутъ. По угламъ вагона, у самаго потолка имѣются четыре небольшихъ передвижныхъ окошечка, куда проникаетъ свѣтъ и свѣжій воздухъ. На томъ и другомъ концѣ вагона, въ два этажа, устроены широкія нары на манеръ крестьянскихъ палатей, гдѣ люди могутъ размѣщаться поперечными рядами. Въ серединѣ вагона стоитъ желѣзная печка, которая быстро согрѣваетъ внутренность вагона. Однако, тепло въ нашемъ вагонѣ не можетъ держаться долго, такъ какъ при движеніи поѣзда всѣ наши двери и окна начинаютъ скакать, прыгать, трещать и хлопать, быстро накачивая извнѣ холодный воздухъ и выбрасывая теплый. Къ счастью, женщины и дѣти наши одѣты весьма гигіенично. У всѣхъ женщинъ есть ватныя кофточки и овечьи полушубки, а у дитей жилеты, курточки и штаны тоже на ватѣ. Воротъ у всѣхъ закрытый. Стало быть, французской моды не признаютъ.

Когда г. Сокольниковъ передалъ провизію и деньги, собранныя въ Томскѣ въ пользу партіи, одна изъ женщинъ сказала: «Сестры! Возблагодаримъ Господа Бога нашего за то, что Онъ не оставляетъ насъ и посылаетъ намъ черезъ добрыхъ людей помощь». Тогда всѣ женщины стали въ кругъ, поклонились другъ другу сначала въ поясъ, а потомъ сдѣлали земной поклонъ, произнося вслухъ: «Спаси Господи!..» Затѣмъ разошлись по своимъ мѣстамъ, усѣлись и тихимъ, заунывнымъ голосомъ затянули одну изъ любимыхъ пѣсенъ:

Ты куда ѣдешь, скажи мнѣ, странникъ
Съ посохомъ въ рукѣ?—
«Туда, гдѣ милости Господней
Больше, иду я—странникъ
Черезъ горы и долины,
Черезъ степи и поля,
Черезъ лѣса и черезъ равнины
Я иду домой, друзья!..»—
Странникъ! Въ чемъ твоя надежда
Во странѣ твоей родной?—
«Бѣлоснѣжная одежда
Да вѣнецъ мой золотой!..»—
Страхъ и ужасъ не знакомы
На пути твоемъ?—

«А Господни левоны
Охранятъ меня вездѣ...
Іисусъ Христосъ со мною,
Изъ желанной стороны
Я иду за Іисусомъ
Черезъ жгучіе пески»...

Пѣли онѣ дружно, съ большимъ чувствомъ, безъ всякаго крика и писка, хотя мотивы у нихъ очень однообразны и отдѣльныя слова трудно разобрать.

Состояніе партіи были не особенно блестящимъ. Между прочимъ, у 6-лѣтняго Алеши Махортова, оказалась сильнѣйшая цынга, такъ что у него буквально гнили зубы и челюсти. Съ виду онъ былъ очень истощенъ, лицо отечно, животъ вздутъ. При осмотрѣ я нашелъ массу расшатавшихся и омертвѣвшихъ зубовъ, такъ что изо рта шелъ невыносимый запахъ... Нечего дѣлать, я рѣшилъ удалить гніющіе зубы, назначить дезинфицирующее полосканіе, поднять насколько возможно, общее питаніе и проч. Такъ какъ зубы едва-едва держались въ деснахъ, то безъ труда я вырвалъ пальцами 4 зуба. При этомъ мальчикъ кричалъ, бился, защищался рученками и умолялъ о пощадѣ... Въ душѣ было больно и жалко мальчика, но, скрѣпя сердце, дѣлалъ то, что считалъ необходимымъ.

Кстати, г. Сокольниковъ отмѣчаетъ слѣдующее небезъинтересное явленіе: переселенческіе врачи помогали намъ скорѣе и больше, чѣмъ желѣзнодорожные, которые оказались и менѣе обезпеченными медикаментами и болѣе опутанными разнаго рода формальностями, мѣшающими живому дѣлу медицинской помощи. Такъ, напр., почему то по моему рецепту изъ желѣзоодорожныхъ аптечекъ не выдавали лѣкарствъ, такъ какъ непремѣнно требовалась подпись своего врача, тогда какъ въ Москвѣ, Томскѣ, Иркутскѣ по моему рецепту выдавались какія угодно лѣкарства, ибо я тоже дипломированный врачъ Россійской Имперіи. Особенно важную услугу намъ оказали переселенческіе врачи станцій Боготола и Канска (Сосуновъ и Оржешко).

Въ общемъ до Иркутска ѣхали при довольно благопріятныхъ условіяхъ, пользуясь повсюду вниманіемъ и добрымъ отношеніемъ интеллигентной публики.

Въ «Сынѣ Отечества» печатаются сообщенія одного изъ лицъ, сопровождавшихъ въ Канаду четвертую партію духоборовъ. 26 мая пароходъ «Lake Huron» подошелъ къ островамъ, на которыхъ расположенъ государственный канадскій карантинъ.

Около четырехъ часовъ дня,—пишетъ авторъ сообщенія,—мы остановились и выкинули желтый флагъ,—знакъ неблагополучія на кораблѣ. Къ намъ подошелъ маленькій пароходикъ съ карантинными докторами. Пароходный докторъ сейчасъ же проводилъ прибывшихъ коллегъ въ каюту къ больной, и черезъ пять минутъ пароходъ былъ объявленъ неблагополучнымъ и подлежащимъ двадцатиоднодневному карантину. Духоборы были обезкуражены.

Дѣло въ томъ, что еще въ океанѣ до лицъ, сопровождавшихъ партію, дошелъ слухъ, что на пароходѣ кто-то заболѣлъ оспой, но обнаружить больныхъ не удалось. Духоборы рѣшили скрыть болѣзнь, потому что они знали, что она помѣшаетъ имъ беспрепятственно проѣхать на мѣста ихъ поселенія. Тутъ сказалось обычное отношеніе къ заразнымъ болѣзнямъ нашего некультурнаго крестьянства, находящаго, что «все это отъ Бога, а умирать, молъ, все равно надо» и смотрящаго на оспу и другія опасныя болѣзни, какъ на кару Божью, съ которой бороться—безполезно. Въ силу такой точки зрѣнія больные тщательно скрывались отъ сопровождавшаго партію медицинскаго персонала. Больныхъ духоборы, какъ сами они признались послѣ, закутывали въ платки, зарывали въ перины и всякое тряпье и клали ихъ въ самые отдаленные темные углы, такъ что найти больныхъ при такихъ условіяхъ прямо-таки не представлялось никакой возможности.

Когда корабль былъ задержанъ, тогда духоборы увидѣли, что съ ними не шутятъ, узнавъ, что тѣлесный осмотръ всѣхъ будетъ сдѣланъ самый тщательный, и потому ничего скрыть ни въ коемъ случаѣ не удастся, они порѣшили придти съ повинной головой, и въ теченіе двухъ часовъ явилось... десять человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ самой ужасной оспѣ. Жаль было смотрѣть на нихъ. Сколько ненужныхъ страданій перенесли эти несчастныя, почти ослѣпшія дѣти...

Это открытіе 10 оспенныхъ произвело удручающее впечатлѣніе на англичанъ.

Само собою понятно, необходимость пробыть 21 день въ карантинѣ сильно встревожила духоборовъ. Но нашлись среди нихъ и такіе, которые посмотрѣли на дѣло съ точки зрѣнія собственныхъ традицій и житейскаго опыта, утверждая, что «оспа у насъ въ карманѣ: дадимъ тысячу рублей—вотъ и пропустятъ». Ихъ удивленію не было предѣла, послѣ того, какъ они прислали депутацію къ директору карантина и передали чрезъ переводчика просьбу «старичковъ» всѣхъ селеній немедленно отпустить ихъ дальше, на что получили вполнѣ точный отвѣтъ: «въ Канадѣ есть опредѣленные законы относительно заразныхъ болѣзней, согласно съ этими законами мы и поступаемъ». Этотъ отвѣтъ просто ошеломилъ духоборовъ; они никакъ не могли понять, что это за страна, въ которой штатскій господинъ, добрый и обходительный, останавливаетъ весь пароходъ и совершенно не хочетъ уважить самихъ духоборческихъ «старичковъ?» Удивляло ихъ также и то, что передъ «начальствомъ» здѣсь никто не вытягивается, всѣ себя держатъ съ достоинствомъ, самостоятельно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, у всѣхъ работа вездѣ кипитъ, и самъ капитанъ карантиннаго парохода помогаетъ нагружать багажъ и перетаскиваетъ духоборческіе тюки, въ то время, какъ они сами все время препираются о томъ, кому грузить, кому идти на работу и пр.

Отголоски пушкинскихъ празднествъ. Въ Одессѣ 17 іюня въ залѣ городского съѣзда мировыхъ судей, разбиралось любопытное дѣло, имѣвшее отношеніе къ Пушкинскимъ празднествамъ, хотя и нѣсколько странное.

По полицейскому протоколу дѣло это представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«26-го мая, въ день празднованія столѣтія со дня рожденія Пушкина, въ толпѣ, собравшейся по прилегающимъ къ Николаевскому бульвару улицамъ, находился, между прочимъ,—какъ выражается тотъ-же протоколъ,—неизвѣстный рыжій молодой человѣкъ еврейскаго происхожденія, который, не взирая на предложеніе околоточнаго надзирателя оставаться на мѣстѣ, пытался прорваться черезъ цѣпь городовыхъ, но, будучи остановленъ имъ за руку, позволилъ себѣ не исполнить приказанія, вернуться обратно, вступилъ съ надзирателемъ въ пререканія и былъ нахально грубъ. Околоточный надзиратель доложилъ г. помощнику полиціймейстера Чебанову о возмутительномъ поведеніи еврея, который послѣ внушенія опять сталъ на свое мѣсто; послѣ отхода г. Чебанова еврей этотъ снова прорвался и хотѣлъ перейти черезъ цѣпь въ то время, когда мимо проходила депутація учащихся, въ числѣ 2.500 человѣкъ. Въ это время околоточный надзиратель сообщилъ объ этомъ другому помощнику полиціймейстера Дидрихсу, который велѣлъ отправить еврея, вступившаго съ нимъ въ пререканія, въ ближайшій участокъ. По доставленіи еврея въ участокъ, онъ назвался помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Нотесомъ».

14-го іюня мировымъ судьей допрошены были свидѣтели со стороны обвиненія—помощники полицеймейстеровъ Дидрихсъ и Чебановъ, околоточный надзиратель, составившій протоколъ, Садюковъ, и бывшій брандъ-маіоръ Болтинъ съ женой. Свидѣтели подтвердили содержаніе протокола; помощникъ полиціймейстера Дидрихсъ, между прочимъ, заявилъ:

«Поведеніе Нотеса было до такой степени вызывающимъ, что въ настроеніи публики стало явно замѣчаться возбужденіе и, для вразумленія остальныхъ, я прибѣгнулъ къ нѣсколько рѣшительнымъ въ отношеніи его мѣрамъ: собственноручно снялъ съ него шляпу, громко прикрикнулъ и распорядился отправить его въ участокъ. Г. Нотесъ жаловался по этому поводу прокурору окружного суда и, по распоряженію г. градоначальника, я былъ подвергнутъ двухдневному аресту».

Защитниками г. Нотеса выступили старшина консультаціоннаго бюро, юрисконсультъ городского общественнаго управленія, прис. пов. Ф. Д. Богацкій, и прис. пов. Ф. Н. Литвицкій. Свидѣтели—помощ. прис. пов. Брунсъ, помощникъ библіотекаря новороссійскаго университета Шестериковъ, инженеръ Весселн, помощникъ директора черноморско-дунайскаго пароходства Лобзинъ, завѣдующій коммерческой частью этого общества Стиліануди, свящ. Басовъ, Ковалевъ, одесскіе купцы Адамъ Бендеръ и Ганелинъ,—приведенные тутъ же къ присягѣ въ общихъ чертахъ выяснили слѣдующее: мѣсто, гдѣ стоялъ Нотесъ, находилось въ саженяхъ 30—40 отъ той площади, по которой дифилировали учащіеся; ни цѣпи городовыхъ, ни каната въ этомъ мѣстѣ не было; ни самъ Нотесъ, никто изъ публики черезъ улицу не перебѣгалъ; публика, стоявшая густой толпой на панели, сильно напирала на первые ряды и сталкивала съ панели то одного, то другого, въ томъ числѣ и Нотеса, который все время стоялъ спокойно, ни съ кѣмъ въ пререканіи не вступалъ. Когда же околоточный надзиратель грубо толкнулъ Нотеса, то послѣдній просилъ его быть повѣжливѣе и обратилъ его вниманіе на стоящихъ позади. Въ это время мимо проходилъ помощникъ полиціймейстера Дидрихсъ, къ которому подъѣхалъ надзиратель Садюковъ и что-то ему сообщилъ. Каковы были «послѣдствія» этого конфиденціальнаго сообщенія, болѣе рельефно иллюстрируютъ данныя на судѣ показанія священникомъ о. Басовымъ и г. Шестериковымъ.

«Помню это происшествіе очень хорошо,—заявляетъ, между прочимъ, о. Басовъ.—Стою я какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ стоялъ г. Нотесъ. Вдругъ вижу, къ нему подходитъ полицейскій. Сказалъ ему что-то и отошелъ къ помощнику полиціймейстера Дидрихсу. «Что изъ этого произойдетъ?»—подумалъ я себѣ. Не успѣлъ я перейти черезъ улицу къ тому мѣсту, какъ къ г. Нотесу подбѣжалъ г. Дидрихсъ и, вообще, набросился на него... Громко сталъ распоряжаться, сбилъ съ него кулакомъ шляпу. Это я видѣлъ и, какъ всѣ, возмутился. Хотѣлъ подойти я къ г. Дидрихсу, но онъ уже кричалъ на городовыхъ, чтобы они арестовали Нотеса. Его потащили, а г. Дидрихсъ уже распоряжается въ другомъ мѣстѣ, кричитъ на какую-то старуху, а та подняла на него зонтикъ и говоритъ ему: «За что ты меня бьешь? Я мѣстная старушка, мнѣ 60 лѣтъ». Тогда я уже не выдержалъ, подбѣжалъ къ г. Дидрихсу, взялъ его за руку и говорю ему: «Успокойтесь, полковникъ». Въ это время вижу, кто-то поднялъ лежавшую на землѣ пуговицу, которую г. Дидрихсъ сорвалъ съ пиджака г. Нотеса въ то время, когда схватилъ послѣдняго за лацканы. Эту пуговицу я оставилъ себѣ на память, а теперь прошу принять ее». Почтенный священникъ досталъ изъ кошелька пуговицу, которая пріобщена къ дѣлу по ходатайству защиты.

Помощникъ бикліотекаря новороссійскаго университета Шестериковъ прибавилъ:

«Я видѣлъ, какъ къ г. Нотесу подскочилъ г. Дидрихсъ, два раза ударилъ его по щекѣ, а третьимъ ударомъ сбилъ ему съ головы шляпу. Г. Нотесъ, котораго городовые схватили за руки и вели въ участокъ, былъ буквально въ состояніи столбняка».

Фактъ словеснаго оскорбленія помощникомъ полиціймейстера Дидрихсомъ г. Нотеса выразился, по показаніямъ свидѣтелей, въ томъ, что г. Дидрихсъ,

подскочивъ къ обвиняемому, крикнулъ: «Ахъ ты, жидовская морда; шапку долой передо мной!..»

По окончаніи судебнаго слѣдствія обвинитель со стороны полиціи ограничился словами: «Поддерживаю обвиненіе».

Защитникъ, прис. пов. Вогацкій, разобравъ фактическую сторону дѣла, указалъ на полное несоотвѣтствіе протокола дѣйствительности, закончивъ свою рѣчь словами: «Приведеніе въ безпорядокъ находившагося въ полномъ порядкѣ г. Нотеса—есть уголовное преступленіе не со стороны Нотеса»...

Другой защитникъ, присяж. повѣр. Литвицкій, указалъ на разительное противорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтелей и полицейскаго протокола.

«Я констатирую,—сказалъ онъ,—что настоящій процессъ приводитъ къ двумъ несомнѣннымъ положеніямъ: 1) протоколъ, составленный полиціей, долженъ быть признанъ искаженнымъ, неправильнымъ, а потому *подложнымъ*. Я не хочу быть голословнымъ и процитирую одно изъ характерныхъ рѣшеній Сената (1893 г. № 48): «Правит. сенатъ, по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, находитъ, что 362 ст. улож. о наказ. предусматриваетъ, какъ видно изъ ея текста и изъ мѣста, занимаемаго ею во главѣ о подлогахъ по службѣ, такія дѣянія должностного лица, которыя заключаютъ въ себѣ элементы подлога, т. е. въ основаніи которыхъ лежитъ ложь или обманъ, вносимые должностнымъ лицомъ въ дѣло намѣрнно, съ цѣлью искаженія или сокрытія истины». Неужели въ данномъ дѣлѣ мы не видимъ точнаго воспроизведенія служебнаго подлога? Вѣдь достаточно вспомнить рѣчь моего почтеннаго товарища по защитѣ, который указалъ на рядъ лживыхъ утвержденій въ протоколѣ, чтобы отвѣтить утвердительно на поставленный вопросъ. И я, съ своей стороны, добавлю только одно соображеніе: вѣдь въ основу обвиненія положенъ тотъ мотивъ, что «неизвѣстный рыжій молодой человѣкъ, еврейскаго происхожденія, не взирая на предложеніе Садюкова оставаться на мѣстѣ, позволилъ себѣ прорваться черезъ цѣпь городовыхъ». Нельзя же прорваться черезъ ту цѣпь, которой, какъ удостовѣрили свидѣтели, въ дѣйствительности не существовало! Къ чему же завѣдомо невѣрное утвержденіе? Психологія вообще и уголовная—въ особенности подскажетъ вамъ, г. судья, настоящій мотивъ этого невѣрнаго утвержденія: оно должно было прикрыть и, хотя немного, оправдать фактъ насилія, отвергаемаго свидѣтелями обвиненія. Эта неправда еще разъ повторяется въ протоколѣ; составитель протокола утверждаетъ, что «еврей этотъ снова прорвался черезъ цѣпь (несуществующую) городовыхъ».

Эта двойная неправда есть лучшее доказательство невиновности Нотеса, ибо правдивый фактъ нельзя подкрѣплять ложью».

Мировой судъ оправдалъ Нотеса, но представитель отъ полиціи подалъ жалобу на неправильное рѣшеніе въ высшую инстанцію.

Послѣсловіе Пушкинскимъ празднествамъ въ Перми. 16-го іюня, въ засѣданіи пермской городской думы, какъ сообщаютъ мѣстныя «Губерн. Вѣдом.», гласными заявлено было сожалѣніе, что 26-го мая почитатели народнаго поэта лишены были возможности помолиться о душѣ Пушкина. Гл. Жаковъ высказалъ, что распоряженіемъ, запрещающимъ молиться о душѣ поэта, затронуто религіозное чувство, и просилъ слова свои внести въ журналъ. «Я,—сказалъ онъ,—вызванъ скорбнымъ и угнетеннымъ чувствомъ христіанина. На празднествѣ принимали участіе дѣти, которыя могли спросить у родителей, почему нельзя молиться о душѣ человѣка, память котораго такъ торжественно чествуется? Что можно отвѣтить на такой вопросъ ребенка?» Затѣмъ въ думѣ произошелъ слѣдующій обмѣнъ мнѣній когда г. Жаковъ предложилъ заявить неудовольствіе «по поводу омраченія празднества» и гласные Грабель, Мѣшковъ и Тупицынъ присоединились къ нему.

О. Остроумовъ замѣчаетъ, что молиться никому не запрещается, и заявляетъ, что дума не въ правѣ дѣлать указанія епархіальному вѣдомству.

Гл. Ковалевскій вполнѣ соглашается съ о. протоіереемъ, что указанія дѣлать дума не въ правѣ, но соболѣзнованіе выразить она можетъ, тѣмъ болѣе, если сравнить съ тѣмъ, что происходило въ другихъ городахъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ служили преосвященнѣйшіе митрополиты. Что можно въ одной епархіи, то можно и въ другой.

О. Остроумовъ. Въ Москвѣ совсѣмъ другія условія.

Гл. Ковалевскій. Что можно, то вездѣ можно.

О. Остроумовъ. Молиться можно, но коммиссія, выработывавшая программу празднества, постановила отслужить панихиду, а не постановила просить епархіальное вѣдомство разрѣшить отслужить панихиду.

Гл. Жаковъ. Не думаю, чтобы дума полагала отслужить панихиду безъ разрѣшенія.

О. Остроумовъ. Никто вамъ не воспрещалъ служить панихиду. Обратились бы ко мнѣ и я бы вамъ отслужилъ.

Одинъ изъ гласныхъ заявляетъ, что священникъ Воскресенской церкви отказалъ управѣ служить панихиду, и проситъ прочесть отношеніе этого священника.

Читается отношеніе священника Воскресенской церкви о. Пьянкова, который на просьбу управы отслужить въ Воскресенской церкви панихиду по Пушкинѣ отвѣтилъ, что, на основаніи 39 апостольскаго правила и 14 главы 5 статьи посланія апостола Павла къ римлянамъ, онъ отказывается служить панихиду.

Гл. Калининъ. Въ губернскомъ городѣ нельзя служить панихиду, а въ Бикбардинскомъ заводѣ отслужена была панихида.

Гл. Ковалевскій на замѣчаніе о. Остроумова, повторившаго, что думѣ нѣтъ дѣла до распоряженій епархіальнаго вѣдомства, заявляетъ: если о. Остроумовъ повторяетъ, что думѣ нѣтъ дѣла, то я скажу, что есть. Я, какъ христіанинъ, думаю, что о душѣ каждаго усопшаго человѣка можно молиться, но почему нельзя молиться о душѣ А. С. Пушкина,—я положительно не понимаю. Объ этомъ нужно довести до свѣдѣнія высшаго духовнаго начальства, Святѣйшаго Синода.

Гл. Мѣшковъ присоединяется къ мнѣнію г. Ковалевскаго о необходимости довести до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода о запрещеніи епархіальнаго начальства служить панихиду по Пушкинѣ.

О. Остроумовъ. Служить панихиды не запрещалось, но и не благословлялось. Всѣмъ можно было молиться.

Гл. Мѣшковъ замѣчаетъ, что военное начальство не могло исполнить распоряженія военнаго министра — отслужить панихиду, такъ какъ духовенство отказалось служить.

О. Остроумовъ. Никто не запрещаетъ молиться.

Гл. Мѣшковъ. Послѣ времени все можно, а тогда отказывались, потому-что запрещено было. Также учебному начальству отказано было служить панихиду для учащихся.

О. Остроумовъ. Думѣ нѣтъ дѣла судить епархіальное начальство.

Гл. Мѣшковъ. Не судить епархіальное начальство, а довести о дѣйствіяхъ его до свѣдѣнія высшаго начальства.

Затѣмъ вопросъ поставленъ былъ въ пермской думѣ на баллотировку. Первое предложеніе—внести заявленіе г. Жакова въ журналъ—принято большинствомъ противъ 6 голосовъ. Второе предложеніе—выразить сожалѣніе по поводу запрещенія служить панихиду и довести до свѣдѣнія высшаго начальства, что панихиду запрещено было служить не только городу, но и учебному начальству,—принято большинствомъ противъ 6 голосовъ.

Въ «Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» напечатано было «предложеніе преосвященнаго Петра, епископа пермскаго и соликамскаго, пермской духовной консисторіи» слѣдующаго содержанія:

«Въ «Пермск. Губ. Вѣдом.» отъ 2-го и 3-го мая описываются церемоніи, составляемыя разными общественными представителями для чествованія памяти поэта А. С. Пушкина. Духовенству пермской епархіи, съ одной стороны, чтобы не подать соблазна простымъ людямъ, мало знающимъ истинное ученіе христіанской вѣры, съ другой—чтобы устранить возможность у раскольниковъ (которыхъ здѣсь болѣе 60.000) къ нареканіямъ на святую православную церковь, нужно относиться къ симъ церемоніямъ крайне осторожно, не быть пассивными исполнителями воли нѣкоторыхъ лицъ, равнодушныхъ къ чести и славѣ православной нашей вѣры, а руководствоваться въ этихъ обстоятельствахъ исключительно словомъ Божіимъ и ученіемъ вселенской церкви, которая именуется столпомъ и утвержденіемъ истины (1 Тим. III, 15 Евр. XIII, 7, I Корин. VIII, 9—11. Матѳ. VI, 6—7. Руководство для сельскихъ пастырей—г. Нечаева)».

Закрытіе Московскаго Юридическаго Общества. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано:

«Министръ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ закрыть юридическое Общество, состоящее при Императорскомъ московскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ предоставилъ совѣту университета войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи новаго юридическаго Общества, но не иначе какъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Всѣ профессоры юридическаго факультета состоятъ его членами по своей должности. 2) Предсѣдатели Общества и его отдѣленій должны быть избираемы изъ профессоровъ юридическаго факультета и утверждаются въ должностяхъ министромъ народнаго просвѣщенія».

«Русскія Вѣдомости» сообщаютъ краткій обзоръ дѣятельности этого старѣйшаго изъ нашихъ юридическихъ Обществъ. Московское юридическое Общество возникло въ 1863 году. Когда послѣ великой крестьянской реформы была поставлена на очередь реформа судебная и когда были обнародованы основанія этой реформы, въ образованныхъ кругахъ Москвы явилась мысль о необходимости совмѣстныхъ собраній и бесѣдъ для ознакомленія съ принципами проектируемой реформы и для популяризированія ихъ. Былъ составленъ проектъ Устава Общества, и 20-го января 1863 года въ квартирѣ проф. С. И. Баршева состоялось многолюдное собраніе для разсмотрѣнія этого проекта. Его рѣшено нѣсколько видоизмѣнить, болѣе сообразовавъ съ потребностями практической жизни. Для этой цѣли была избрана особая коммиссія, а на продолженіе собраній было испрошено разрѣшеніе московскаго военнаго генералъ-губернатора. 10-го марта 1863 г. состоялось первое собраніе московскаго юридическаго Общества. На первыхъ порахъ дѣятельность его не имѣла опредѣленнаго плана, не носила строгаго характера практическаго или теоретическаго ученаго учрежденія. Одновременно обсуждались общіе вопросы, разбирались юридическіе казусы, устраивались публичныя судоговоренія, пересматривались интересныя дѣла, рѣшенныя въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Преимущественно занятія Общества сосредоточивались, однако, на обсужденіи юридическихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ текущею судебною практикою, а также запросами и интересами частныхъ лицъ. Вскорѣ среди его членовъ возникла мысль о необходимости обмѣна мыслей между бо́льшимъ контингентомъ судебныхъ дѣятелей, между всѣми русскими юристами. 5-го—8 го іюня 1875 года въ стѣнахъ московскаго университета происходили засѣданія перваго съѣзда русскихъ юристовъ, организованнаго по иниціативѣ и трудами московскаго юридическаго Общества. Съѣздъ раскрываетъ необходимость новыхъ дальнѣйшихъ преобразованій въ области права, и юри-

дическое Общество съ этого времени ставитъ себѣ задачей—разработкою матеріаловъ для текущихъ законодательныхъ мѣропріятій, содѣйствовать трудамъ правительственныхъ коммиссій по составленію различныхъ законопроектовъ. Самимъ правительствомъ передаются на разсмотрѣніе Общества вопросы желѣзнодорожнаго права и фабричнаго законодательства, проектъ Уголовнаго Уложенія и пр. Въ 1883 году при московскомъ юридическомъ Обществѣ учреждается статистическое отдѣленіе, задачей котораго является обсужденіе и разработка вопросовъ русской экономической жизни.

Въ теченіе своей дальнѣйшей дѣятельности Общество продолжаетъ слѣдовать тому плану своихъ занятій, который выработался въ немъ въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, откликаясь на серьезные вопросы юридической науки и законодательства. Въ первое время существованія Общества главнѣйшими дѣятелями въ немъ были: покойный профессоръ С. И. Баршевъ, первый предсѣдатель Общества и иниціаторъ съѣзда русскихъ юристовъ; покойный профессоръ В. Н. Лешковъ, принимавшій въ теченіе первыхъ 17-ти лѣтъ существованія Общества самое дѣятельное участіе въ его судьбахъ; покойный сенаторъ Н. В. Калачевъ, предсѣдатель перваго съѣзда русскихъ юристовъ; покойный профессоръ П. Л. Карасевичъ; покойные А. М. Фальковскій, Э. Н. Сумбулъ. Почетными и дѣйствительными членами московскаго юридическаго Общества состояли многіе русскіе и нѣкоторые иностранные извѣстные юристы. Въ числѣ ихъ были: К. П. Побѣдоносцевъ, Н. И. Стояновскій; сенаторы: Н. С. Таганцевъ, В. Р. Завадскій, А. Ѳ. Кони, А. А. Книримъ, И. Я. Фойницкій, Н. П. Боголѣповъ, Б. Н. Чичеринъ, В. Д. Спасовичъ, К. К. Арсеньевъ, В. И. Сергѣевичъ и др. и почти весь наличный составъ юридическаго факультета московскаго университета многія лица изъ судебной магистратуры, и многіе члены адвокатскаго сословія. Всего въ 1899 г. числилось почетныхъ членовъ Общества 50, дѣйствительныхъ 315, членовъ-корреспондентовъ 36.

Съ 1880 года безсмѣннымъ, каждый годъ вновь избираемымъ предсѣдателемъ Общества, состоялъ бывшій профессоръ московскаго университета С. А. Муромцевъ. Въ послѣднее время Общество находилось въ живыхъ сношеніяхъ съ с.-петербургскимъ юридическимъ Обществомъ. Съ 1868 года при московскомъ юридическомъ Обществѣ издавался періодическій органъ *Юридическій Вѣстникъ*, который, просуществовавъ 24 года, съ 1893 года пересталъ выходить въ свѣтъ. Взамѣнъ этого журнала московское юридическое Общество выпускало въ послѣдніе годы отъ времени до времени *Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній*. Въ концѣ прошлаго года вышелъ 8-й томъ *Сборника*.

«Моск. Вѣд.» этому извѣстію, которое «произведетъ глубокое впечатлѣніе не въ однихъ лишь университетскихъ кругахъ», посвящаютъ статью, гдѣ пытаются выяснить причину этой экстренной и рѣшительной мѣры.

«Рядомъ съ почетною и плодотворною дѣятельностью юридическаго общества, входившею въ кругъ его прямыхъ занятій, въ это общество давно уже, къ сожалѣнію, проникли совершенно чуждыя наукѣ тенденціозныя политическія направленія, систематически поддерживавшія въ его членахъ, а черезъ нихъ—и въ общественныхъ сферахъ, духъ оппозиціи правительству и недовольство неугодными извѣстной партіи проявленіями правительственной власти.

«Это вредное направленіе общества, неоднократно проявлявшееся уже въ прежнее время, обнаружилось, между прочимъ, еще недавно, когда на посвященномъ Пушкину торжественномъ соединенномъ засѣданіи совѣта императорскаго университета и общества любителей россійской словесности въ стѣнахъ старѣйшаго университета. Юридическое общество фигурировало со своимъ хлесткимъ адресомъ, прочитаннымъ самимъ предсѣдателемъ, С. А. Муромцевымъ, торжествуя какую-то побѣду, одержанную русскою личностью надъ «рутиной

властной опеки». Этотъ полупрозрачный намекъ, конечно, былъ понятъ присутствовавшею публикой, въ томъ числѣ, и массой учащейся молодежи, въ желаемомъ для авторовъ адреса смыслѣ, и награжденъ былъ шумными рукоплесканіями».

Понятно, что всѣ эти соображенія всецѣло остаются на отвѣтственности газеты г. Грингмута.

За границей.

Промышленная война въ Даніи. Трудолюбивая, энергичная раса, населяющая Данію, съумѣла, несмотря на суровыя и неблагопріятныя условія климата и почвы, достигнуть высокаго промышленнаго развитія и организація рабочихъ въ Даніи, число которыхъ доходитъ въ настоящее время до 80.000, можетъ служить примѣромъ многимъ другимъ европейскимъ государствамъ. Каждый рабочій въ Даніи обязательно состоитъ членомъ какого-нибудь синдиката и затѣмъ всѣ эти синдикаты вмѣстѣ составляютъ федерацію, которая объединяетъ ихъ и является центральною ассоціацией всѣхъ датскихъ рабочихъ. Въ основѣ этой громадной организаціи заложены конечно экономическія отношенія, но въ тоже время она оказываетъ непосредственное вліяніе и на политическую дѣятельность страны, благодаря сплоченности и единенію силъ. Центральная ассоціація имѣетъ свой собственный органъ печати, который расходится въ количествѣ 40.000 экземпляровъ, что составляетъ исключительный фактъ, въ этой маленькой странѣ. Датскіе рабочіе синдикаты однако не ограничиваются только мѣстною дѣятельностью и чисто экономическими вопросами и не занимаются по преимуществу политикой, подобно другимъ европейскимъ синдикатамъ, но огромную часть своихъ усилій посвящаютъ интеллектуальной пропагандѣ и народному образованію. Въ Копенгагенѣ синдикаты рабочихъ устроили уже нѣсколько клубовъ, библіотекъ и читаленъ и открыли центральную залу для организаціи большихъ собраній и публичныхъ лекцій.

Такимъ образомъ просвѣтительная дѣятельность составляетъ главную выдающуюся черту общей дѣятельности датскихъ рабочихъ синдикатовъ. Кромѣ того и въ Даніи, какъ и въ Бельгіи, процвѣтаютъ кооперативные общества и датская федерація рабочихъ всячески поощряетъ кооперативное движеніе. Федерація открыла въ Копенгагенѣ кооперативную хлѣбопекарню, представляющую образцовое учрежденіе, пользующуюся превосходною репутаціей. Эта пекарня ежегодно отпускаетъ хлѣба на 650,000 фр. и благодаря ей, цѣны на этотъ предметъ первой необходимости не могли повыситься. Теперь открыта кооперативная мясная лавка со всѣми къ ней принадлежностями, ледникомъ и т. п.

Разумѣется развитіе матеріальнаго благосостоянія синдикатовъ и значительный нравственный прогрессъ рабочихъ не могли не вызвать нѣкоторой тревоги среди представителей капитализма и это то и послужило поводомъ къ возникновенію промышленной войны, театромъ которой служитъ въ настоящее время маленькая Данія. Дѣло началось слѣдующимъ образомъ:

Въ нѣсколькихъ деревняхъ Ютландіи столяры, въ числѣ 300 человѣкъ, забастовали и федерація хозяевъ, полагая нанести чувствительный ударъ всей организаціи рабочихъ, объявила «lock-out», (т. е. прекращеніе работы) для всѣхъ столярныхъ рабочихъ вообще, число которыхъ простиралось до 3.500 человѣкъ. Въ первый моменгъ эта мѣра дѣйствительно произвела нѣкоторое устрашающее вліяніе, забастовавшіе рабочіе, не желавшіе чтобы изъ-за нихъ страдали товарищи, изъявили покорность, но хозяева, видя тутъ удобный случай

потягаться силами съ центральною федераціей синдикатовъ и разсчитывая на побѣду, отказались и представили федераціи свой ультиматумъ, въ которомъ между прочимъ ставили условіемъ, чтобы ни одинъ изъ постоянныхъ рабочихъ, мастеровъ, указателей и т. д. не принадлежалъ ни къ одному изъ рабочихъ синдикатовъ и чтобы только однимъ хозяевамъ было предоставлено право организаціи и регулированія труда въ своихъ промышленныхъ учрежденіяхъ и федерація не могла бы вмѣшиваться въ эти вопросы. Кромѣ того, хозяева потребовали, чтобы всякое соглашеніе, заключенное между хозяевами и рабочими заканчивалось всегда къ 1-му января каждаго года и всѣ прежніе установленные сроки были бы уничтожены.

Федерація не могла принять такого ультиматума, прямо нарушающаго исконные права синдикатовъ и наносащаго имъ смертельный ударъ. На возраженія федераціи, высказанныя противъ ультиматума, ассоціація хозяевъ отвѣтила отказомъ въ работѣ для всѣхъ рабочихъ металлургическихъ, строительныхъ и механическихъ учрежденій, а также соединенныхъ съ ними мастерскихъ, малярныхъ, плотничныхъ и др. Сразу 3.000 человѣкъ были выброшены на улицу и скоро число это возрасло до 4.000, благодаря давленію оказанному крупными промышленниками на болѣе мелкихъ, которыя также должны были присоединиться къ нимъ и закрыть свои мастерскія. Половина всего рабочаго населенія Даніи, такимъ образомъ, очутилась безъ дѣла. Никогда еще въ Даніи промышленная война не возникала въ такихъ широкихъ размѣрахъ и не продолжалась такъ долго. Со времени объявленія отказа прошло восемь недѣль и ни разу въ продолженіи этого времени не произошло никакихъ безпорядковъ. Общественное мнѣніе сразу стало на сторону рабочихъ и вся печать также приняла ихъ сторону. Надо отдать справедливость датскимъ рабочимъ, что они не только заслужили сочувствіе но и вполнѣ оправдали своимъ поведеніемъ довѣріе общества. Вожди рабочихъ позаботились о томъ чтобы праздность, хотя бы вынужденная, не отразилась бы деморализующимъ образомъ на такомъ огромномъ количествѣ рабочихъ и не повлекла бы за собою полнаго ихъ разоренія. Кромѣ матеріальной помощи рабочимъ синдикаты тотчасъ же занялись организаціей научныхъ популярныхъ чтеній для рабочихъ, литературныхъ вечеровъ, драматическихъ представленій, посѣщеній музеевъ, выставокъ, картинныхъ галлерей и т. п. На помощь синдикатамъ явились различные общественные дѣятели, школьныя учителя и профессора университета. Вынужденное прекращеніе работы послужило могучимъ толчкомъ просвѣтительной дѣятельности, которая конечно не замедлитъ принести благотворные результаты. Корреспонденты иностранныхъ газетъ, посѣщавшіе эти собранія рабочихъ, публичныя чтенія и вечера, единогласно и съ восторгомъ отзываются о поведеніи датскихъ рабочихъ, проявившихъ такую дисциплину и сознаніе долга, которыя не часто можно встрѣтить даже у другихъ болѣе привилегированныхъ классовъ. Популярныя лекціи посѣщались очень усердно и слушатели съ большимъ вниманіемъ относились къ словамъ лектора. Нѣкоторые изъ профессоровъ прямо заявляли, что имъ еще никогда не приходилось имѣть дѣло съ болѣе симпатичной и отзывчивою аудиторіею, чѣмъ та, которую представляютъ датскіе рабочіе.

Дѣло, обставленное такимъ образомъ, и привлекшее на свою сторону всѣхъ лучшихъ людей Даніи, не могло, конечно, потерпѣть неудачу. Любопытнѣе всего, что даже постоянный промышленный совѣтъ представляющій родъ верховнаго совѣта изъ старшинъ, выбираемыхъ изъ хозяевъ и рабочихъ, высказался также въ пользу рабочихъ, выразивъ порицаніе хозяевамъ и предложилъ рабочимъ свое посредничество. Ассоціація капиталистовъ продолжаетъ упорствовать, но ей придется уступить подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе что федерація рабочихъ синдикатовъ, вѣрная правиламъ благоразумія, которымъ

она слѣдовала до сихъ поръ, приняла предложеніе промышленнаго совѣта и все дѣло передано въ настоящее время на разсмотрѣніе третейскаго суда.

Все датское общество чрезвычайно заинтересовано этою борьбой и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при такихъ условіяхъ, побѣда окажется не на сторонѣ капитала.

Событія итальянской общественной жизни. Въ послѣднее время много шуму въ итальянской печати вызвало открытіе въ Неаполѣ цѣлой ассоціаціи мошенниковъ. Ни въ одномъ другомъ итальянскомъ городѣ не было бы возможно существованіе такой шайки, имѣвшей своихъ представителей рѣшительно во всѣхъ слояхъ общества и во всѣхъ классахъ. Тутъ оказались и настоящіе аристократы, буржуа, адвокаты, инженеры, банкиры, таможенные чиновники, ростовщики, разные статскіе виверы, прожигатели жизни и дамы полусвѣта—однимъ словомъ, въ этой удивительной ассоціаціи встрѣчаются всѣ элементы итальянскаго общества и вполнѣ естественно, что разоблаченіе ея должно было вызвать громадную сенсацію во всей Италіи. Предстоитъ грандіозный процессъ, на которомъ раскроются всѣ тайны этой ассоціаціи и ея происхожденіе. Многіе изъ весьма именитыхъ гражданъ чуднаго итальянскаго города скомпрометированы въ этомъ дѣлѣ, и, по слухамъ, полиція напала на слѣдъ еще болѣе высокопоставленныхъ членовъ этой удивительной «черной шайки» и теперь уже по секрету называютъ имена которые не рѣшаются произносить громко.

Первые тридцать человѣкъ, арестованные полиціей, дѣйствовали подъ видомъ банкировъ и разнаго рода промышленниковъ, и надо только удивляться, какъ до сихъ поръ имъ сходили даромъ всѣ ихъ мошенническія продѣлки. Но времена Каморры далеко еще не исчезли въ Неаполѣ и они господствуютъ по прежнему. Стоитъ столкнуться интересамъ нѣсколькихъ лицъ, чтобы они тотчасъ же образовали группу и начали поддерживать другъ друга, понимая выгоду единенія. Ассоціація разростается какъ снѣжный комъ и борьба съ нею становится уже очень трудной, да и не подъ силу безпечнымъ неаполитанцамъ, которые предпочитаютъ или сами войти въ составъ ея или же платятъ ей дань.

Разнообразіе способовъ, которые имѣла въ своемъ распоряженіи черная шайка, чтобы грабить чужое имущество, указываетъ на необыкновенную плодовитость и богатство фантазіи членовъ ассоціаціи, опутавшей своими сѣтями всю южную Италію. Во всѣхъ дѣйствіяхъ ассоціаціи ясно сказывается вліяніе образованныхъ людей, съ утонченными вкусами, прекрасно знакомыхъ съ законами и со всею фразеологіей серьезныхъ дѣльцовъ. Во всякомъ случаѣ, самый фактъ многолѣтняго существованія подобной ассоціаціи, дѣятельность которой уже прослѣжена до 1885 года, составляетъ довольно характерный фактъ, обрисовывающій южно-итальянское общество, сохранившее еще во многихъ отношеніяхъ свой средневѣковой отпечатокъ.

Другое событіе, вызывающее много толковъ въ итальянской печати, это путешествіе герцога Абруцскаго къ сѣверному полюсу. Герцогъ Абруцскій самый младшій изъ племянниковъ короля Гумберта, пожелалъ идти по слѣдамъ Андре и Нансена. Онъ подготовлялъ свою экспедицію въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и проявилъ при этомъ массу энергіи и настойчивости. До сихъ поръ всѣ полярныя экспедиціи имѣли главнымъ образомъ цѣлью пройти какъ можно дальше впередъ и превзойти въ этомъ отношеніи предшествующія экспедиціи; но экспедиція герцога Абруцскаго поставила себѣ цѣлью главнымъ образомъ научное изслѣдованіе и изученіе полярныхъ странъ, а вовсе не стремленіе впередъ во чтобы то ни стало. Въ прошломъ году молодой 26-ти лѣтній герцогъ нарочно постарался видѣться съ Нансеномъ, чтобы поговорить съ нимъ о своей экспедиціи и изложить ему общій планъ, выработанный имъ. Онъ самъ наблюдалъ за приготовленіями и осматривалъ каждый ящикъ съ припасами. Кромѣ того

онъ изучилъ всю научную литературу, касающуюся полярныхъ странъ и арктическихъ экспедицій. И такъ какъ книга Норденшильда, этого патріарха полярныхъ изслѣдователей, существуетъ только на шведскомъ языкѣ, то герцогъ Абруцскій заказалъ ея переводъ на итальянскій языкъ спеціально для себя. Онъ наблюдалъ самъ за постройкой судна и указывалъ какія надо сдѣлать въ немъ измѣненія, чтобы сдѣлать его болѣе прочнымъ и болѣе приспособленнымъ для зимовки во льдахъ.

«Stella Polare», на которой отправился герцогъ Абруцскій, уже находится на пути къ сѣверному полюсу. Еще нѣсколько времени о ней будутъ получаться извѣстія, но затѣмъ наступятъ долгіе мѣсяцы полной неизвѣстности, однако экспедиція такъ прекрасно обставлена, что можно вполнѣ надѣяться на ея благополучное возвращеніе.

Послѣднею новинкою въ Италіи служило открытіе женскаго международнаго клуба, въ Римѣ. Въ области женскаго движенія Италія далеко отстала сравнительно съ другими странами и этотъ клубъ составляетъ все таки шагъ впередъ въ этомъ отношеніи, хотя, въ сущности, это скорѣе кружокъ для устройства небольшихъ собраніи и бесѣдъ о разныхъ предметахъ, нежели настоящій клубъ съ опредѣленнымъ направленіемъ и цѣлями. Въ Миланѣ также устраивается клубъ подобнаго рода и отдѣльный женскій комитетъ для пропаганды мира. Во всякомъ случаѣ въ послѣднее время въ области женскаго движенія въ Италіи замѣтно довольно сильное оживленіе и стремленіе впередъ.

Освобожденный плѣнникъ. Карлъ Нейфельдтъ, нѣмецкій купецъ, пробывшій въ плѣну у магдистовъ 12 лѣтъ и освобожденный послѣ взятія Омдурмана, находится въ настоящее время въ Лондонѣ, куда онъ пріѣхалъ для переговоровъ съ издателями. Внезапное полученіе свободы и возвращеніе къ цивилизаціи такъ подѣйствовали на Нейфельдта, что онъ серьезно заболѣлъ вслѣдствіе нравственнаго потрясенія. Ему пришлось снова привыкать къ цивилизованной жизни и, страннымъ образомъ, онъ скорѣе вспоминалъ англійскій языкъ, нежели свой родной нѣмецкій, который не слыхалъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Конечно, по пріѣздѣ въ Лондонъ, Нейфельдтъ тотчасъ же сдѣлался добычею всевозможныхъ корреспондентовъ, которымъ Нейфельдтъ долженъ былъ разсказывать исторію своего плѣна. Онъ отправился въ 1887 г. изъ Вадигальдка въ Кордофанъ для покупки товаровъ, но путешествіе это было роковымъ. Послѣ долгаго странствованія по безводной пустыни караванъ попалъ въ руки дервишей вслѣдствіе измѣны проводника. Нейфельдтъ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Омдурманъ. Дервиши почему то вообразили, что онъ высокопоставленный генералъ на службѣ англійскаго правительства и поэтому были очень довольны поимкою такого важнаго плѣнника. Но, вслѣдствіе такой ошибки, Нейфельдтъ чуть не сдѣлался жертвою ярости населенія, когда онъ былъ приведенъ въ Омдурманъ. Ему пришлось перенести страшныя истязанія и его собирались уже повѣсить, но калифъ отмѣнилъ приговоръ и велѣлъ отвести его въ тюрьму. Это была ужаснѣйшая тюрьма, какую только можно себѣ представить. Она помѣщалась въ каменномъ мѣшкѣ, безъ малѣйшей вентиляціи, и была переполнена заключенными, больными и умирающими. Нейфельдтъ говорилъ корреспонденту газеты «Daily News» что онъ никогда не въ состояніи будетъ забыть ночи, проведенныя въ этой тюрьмѣ, гдѣ грязь и духота были невообразимыя. Къ счастью для Нейфельдта спустя нѣкоторое время его увели изъ тюрьмы на работу и по крайней мѣрѣ это дало ему возможность дышать свѣжимъ воздухомъ. Его поселили въ хижинѣ, что составило уже значительное облегченіе. Но всѣ его попытки къ бѣгству оканчивались неизмѣнно неудачей, такъ какъ послѣ побѣга Слатина-Паши за всѣми плѣнниками былъ устроенъ очень бдительный надзоръ. Вмѣстѣ съ Нейфельдтомъ содержался въ плѣну ка-

кой-то несчастный пекарь-чехъ, по имени Іозеппи. Этотъ Іозеппи былъ полупомѣшанный и также вообразилъ, что Нейфельдтъ—англійскій генералъ о чемъ онъ и сообщилъ калифу. Іозеппи потомъ пробовалъ бѣжать и что съ нимъ сталось—неизвѣстно, но своими разсказами онъ повредилъ Нейфельдту, къ которому калифъ постоянно посылалъ шпіоновъ, чтобы вывѣдать у него о планахъ англичанъ. Въ это время въ Омдурманѣ появился какой то алжирецъ, который хвастался, что умѣетъ приготовлять подводныя торпеды, такія какія существуютъ у англичанъ. Калифъ тотчасъ же приказалъ ему приниматься за дѣло и два старыхъ пороховыхъ котла были наполнены порохомъ. Но опытъ окончился роковымъ образомъ для дервишей; порохъ взорвало по неизвѣстной причинѣ раньше времени и больше шестидесяти дервишей, вмѣстѣ съ алжирцемъ, авторомъ этой блестящей, идеи преждевременно отправились въ рай пророка.

Пища, которая предназначалась плѣннымъ, содержавшимся въ тюрьмѣ, состояла изъ тѣста, сдѣланнаго изъ грубосмолотыхъ сѣмянъ дурро (суданской пшеницы), была далеко не питательна, но и ту, плѣнные, не всегда получали въ достаточномъ количествѣ для утоленія голода, такъ какъ ее расхищали сторожа и плѣннымъ доставалось очень мало, вслѣдствіе чего между ними всегда происходили отчаянныя битвы изъ-за куска этого крутого, невкуснаго тѣста. Голодъ доводилъ людей до отчаянія. Всѣ плѣнники были закованы въ цѣпи, но тѣ, цѣпи которыхъ оказывались длиннѣе, имѣли конечно болѣе шансовъ одержать побѣду въ этой борьбѣ за существованіе, такъ какъ движенія ихъ были нѣсколько свободнѣе, зрѣлище этой борьбы было ужасное. Заморенные голодомъ люди скорѣе были похожи на скелеты, на которыхъ болтались коекакія клочья одежды. Нѣкоторые уже не въ состояніи были подняться отъ слабости и умирали такъ безъ всякой помощи. Каждую недѣлю восемь—десять труповъ людей, умершихъ отъ голода, выбрасывались въ Нилъ на пищу крокодиламъ.

Нейфельдтъ вздохнулъ свободно только тогда, когда онъ вышелъ изъ этого ада тюрьмы. Благодаря тому что онъ былъ докторъ и лѣчилъ больныхъ, ему удалось получить нѣкоторыя льготы, но все же и онъ не избѣгалъ наказаній. Однажды его присудили къ 500 ударамъ плетьми, но онъ получилъ только 70, такъ какъ лишился чувствъ и его палачи испугались, думая что онъ умеръ. Въ бытность свою въ плѣну у дервишей ему не разъ приходилось присутствовать при варварскихъ сценахъ. Въ особенности ужасное впечатлѣніе произвела на него сцена казни женщины, обвиненной въ прелюбодѣяніи. Ее закопали въ землю, оставивъ наружу только голову и свирѣпая толпа, окружившая ее, на разстояніи 20 ярдовъ стала бросать въ нее каменьями, но, вслѣдствіе утонченной жестокости, камни бросались небольшіе и такимъ образомъ, чтобы они не могли убить сразу несчастную жертву или лишить ея чувствъ.

— Ужасно было видѣть, разсказывалъ Нейфельдтъ, какъ эта голова безъ туловища вращалась во всѣ стороны, инстиктивно стараясь избѣжать летящихъ въ нее камней. Песокъ кругомъ окрасился кровью, а женщина все еще была жива и что всего было ужаснѣе—все сознавала и чувствовала. Наконецъ какой то болѣе сострадательный человѣкъ швырнулъ въ нее большой камень, положившій конецъ ея мученіямъ.

Разсказъ Нейфельдта о томъ, что онъ видѣлъ и пережилъ за всѣ двѣнадцать лѣтъ плѣна, конечно заставляетъ радоваться еще болѣе, что царству дервишей положенъ конецъ англичанами, хотя и нельзя оправдывать нѣкоторыхъ поступковъ этихъ послѣднихъ, напримѣръ поруганія гробницы Магди. Лучшая часть англійской печати уже высказалась на этотъ счетъ и въ палатѣ общинъ было публично выражено порицаніе побѣдителямъ, забывшимъ великіе принципы гуманности и великодушія. Во всякомъ случаѣ теперь огромная область

*

Судана открыта для цивилизаціи и черезъ нѣсколько лѣтъ не останется и слѣдовъ прежняго господства варваровъ въ этой странѣ.

Индусскій журналистъ Бейрамъ Малабари. За послѣдніе годы Индія успѣла выдвинуть нѣсколько дѣятелей на общественномъ поприщѣ и въ области соціальныхъ реформъ. Самымъ крупнымъ изъ нихъ является индійскій журналистъ Бейрамъ Малабари, личность замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ. Миссія соціальнаго реформатора носитъ въ Индіи совершенно иной характеръ, нежели въ Европѣ, такъ какъ, прежде всего, приходится заботиться не столько объ измѣненіи матеріальнаго положенія вещей, сколько о подъемѣ нравственнаго уровня извѣстныхъ классовъ населенія, которыя несутъ на себѣ тяжелое наслѣдіе всяческихъ притѣсненій и вѣковой несправедливости. Малабари понялъ это и первый поднялъ голосъ за освобожденіе индусской женщины и побудилъ англійскія власти вмѣшаться и воспретить ранніе браки и облегчить положеніе индусскихъ вдовъ. Крестовый походъ, который былъ начатъ Малабари въ пользу индусскихъ женщинъ, возбудилъ противъ него страшную ненависть ортодоксальныхъ индусовъ, но за то привлекъ на его сторону лучшихъ людей Индіи.

Малабари былъ сынъ простого приказчика, парса, получавшаго 20 рупій жалованья въ мѣсяцъ; ему было шесть лѣтъ, когда отецъ его умеръ и его мать, переѣхала въ другой городъ, вышла замужъ за своего родственника, пожилого человѣка, который велъ торговлю пряностями и сандальнымъ деревомъ вдоль Малабарскаго берега. Отчимъ усыновилъ Бейрама и далъ ему фамилію Малабари, по имени мѣстности, гдѣ онъ имѣлъ торговыя дѣла. Мать его, Бикабаи, въ своемъ родѣ была замѣчательная женщина, пренебрегавшая кастовыми предразсудками, за что часто навлекала на себя гоненія. Вліяніе ея на сына было очень велико и она ему внушила глубокое чувство состраданія къ униженнымъ и несчастнымъ и стремленіе помогать имъ, не взирая на строгій регламентъ касты. Къ несчастью для Малабари она умерла слишкомъ рано, когда ему было только двѣнадцать лѣтъ, и съ ея смертью кончился для Малабари счастливый и беззаботный періодъ дѣтства. Его отчимъ былъ слишкомъ старъ и уже не могъ работать, такъ что ему пришлось заботиться и о немъ и о себѣ. Знаніе, которое онъ пріобрѣлъ въ туземной и миссіонерской школѣ въ Суратѣ, доставили ему заработокъ. Продолжая учиться, Малабари давалъ уроки другимъ, и такимъ образомъ, зарабатывалъ кусокъ хлѣба для себя и помогалъ отчиму.

Но главною мечтою его было попасть въ бомбейскій университетъ, и это удалось ему въ 1871 году, когда ему минуло 18 лѣтъ. Отправляясь въ Бомбей, онъ захватилъ въ своей убогой котомкѣ и рукопись своихъ первыхъ стиховъ, написанныхъ на нарѣчіи Гузерата. Благодаря содѣйствію одного пріятеля, стихи эти были изданы и Малабари сразу получилъ извѣстность, такъ какъ стихи его обратили на себя вниманіе своею свѣжестью и гармоніей. Но эти первые лучи славы не ослѣпили юношу; его влекло на другое поприще и хотя онъ изрѣдка и продолжалъ заниматься поэзіей, но его гораздо больше привлекала область журналистики и политики. Онъ сталъ мечтать о соціальныхъ реформахъ и о томъ, что онъ называлъ въ своихъ стихахъ «цѣломъ милосердія и любви».

Въ первый разъ онъ дебютировалъ въ журналистикѣ въ 1876 году. Тогда была основана индійская газета «Indian Spectator», и Малабари сдѣлался однимъ изъ ея сотрудниковъ. Спустя четыре года, газета совсѣмъ перешла къ нему и изъ незначительнаго органа печати, существованіе котораго было совершенно необезпечено, онъ въ нѣсколько лѣтъ создалъ очень вліятельную политическую газету, явившуюся защитницей интересовъ народа. Выйдя самъ изъ среды народа, Малабари хорошо зналъ, какъ стремленія, такъ и нужды рабочихъ клас-

совъ, но чтобы изучить хорошенько всѣ недостатки того режима, съ которымъ онъ поставилъ себѣ цѣлью бороться, Малабари отправился путешествовать по странѣ; онъ посѣщалъ какъ дворцы, такъ и лачуги, всюду спрашивалъ и выслушивалъ жалобы, а такъ какъ онъ былъ поэтъ, то въ умѣ его невольно слагались поэтическіе образы, въ то время, когда онъ записывалъ то, что видѣлъ и слышалъ. Такимъ образомъ, въ печати появилялись поэтическіе очерки Гузерата; Малабари писалъ ихъ, какъ бы отдыхая и приготовляясь къ великой борьбѣ, которую онъ затѣялъ. Прежде всего онъ возсталъ противъ предразсудковъ и эгоизма цѣлой расы, и цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ проповѣдывалъ свои идеи въ печати и на митингахъ, и, несмотря, на фанатическое сопротивленіе браминовъ, ему удалось подготовить въ Индіи почву для реформъ; тогда онъ отправился въ Англію, гдѣ постарался пробудить интересъ въ англійскомъ обществѣ къ судьбамъ индусскихъ женщинъ. Яркими красками онъ изобразилъ положеніе индусской вдовы, презрѣннаго созданія въ глазахъ индусовъ. Благодаря обычаю раннихъ браковъ, число вдовъ въ Индіи очень велико. Эти несчастныя вдовы, часто даже еще не достигшія совершеннолѣтія и почти не сохранившія воспоминаній о супругѣ, за котораго были выданы замужъ въ самомъ младенческомъ возрастѣ, вынуждены до конца дней своихъ вести очень тяжелое существованіе, ходить съ бритою головой, словно преступницы и терпѣть всяческія униженія и притѣсненія. Вотъ противъ этого-то и возсталъ Малабари и ему удалось добиться въ 1891 году отмѣны раннихъ браковъ и дѣвочка уже болѣе не могла быть связана съ колыбели съ такимъ человѣкомъ, который годился ей въ отцы и даже въ дѣды и котораго родители ея, вслѣдствіе какихъ нибудь соображеній, выбрали ей въ мужья.

Не легко было Малабари вести свою пропаганду. Надо было много мужества, чтобы возстать противъ взглядовъ, господствовавшихъ искони вѣковъ въ Индіи. Но Малабари не страшился ничего, и готовъ былъ пожертвовать жизнью ради своей идеи. Онъ постоянно говорилъ только одно, что необходимо освободить индусскую женщину изъ порабощеннаго состоянія, въ которомъ она находилась столько вѣковъ, и дать ей возможность вздохнуть свободно. Индусскія женщины очень многимъ ему обязаны; его проповѣдь пробудила въ нихъ чувство собственнаго достоинства и, вмѣстѣ съ этимъ, стремленіе къ самостоятельности, къ знанію и свѣту. Но Малабари сражался не только съ предразсудками индійскаго общества по отношенію къ женщинамъ. Его проповѣдь обнимала болѣе широкую область; онъ возставалъ противъ кастовыхъ понятій, говорилъ о необходимости соціальныхъ реформъ, о важности образованія и его страстныя рѣчи во многихъ молодыхъ индусахъ возбудили жажду широкой дѣятельности и стремленіе къ высшему образованію. Проповѣдь милосердія и любви по прежнему занимала огромное мѣсто въ жизни Малабари и тутъ онъ увлекалъ своимъ примѣромъ въ годину бѣдствій, голода и чумы, ни на одну минуту не задумываясь о рискѣ, которому онъ подвергался и являясь всюду, гдѣ только нужна была его помощь. Въ настоящее время, въ Индіи нѣтъ болѣе популярнаго человѣка, чѣмъ этотъ журналистъ—проповѣдникъ, такъ много сдѣлавшій для своей родины.

Столѣтіе королевскаго института въ Лондонѣ. Лондонскій королевскій институтъ недавно отпраздновалъ свою столѣтнюю годовщину самымъ блестящимъ образомъ, такъ какъ на это торжество съѣхалось очень много европейскихъ ученыхъ. Общество это существуетъ совершенно независимо отъ правительства, хотя покровительницею его считается королева Викторія, а почетнымъ президентомъ принцъ Уэлльскій. Оно было основано въ 1799 году графомъ Румфордомъ со спеціальною цѣлью облегченія научныхъ и литературныхъ работъ и изысканій. Общество устраивало лекціи, на которыхъ объяснялись научные принципы и ихъ примѣненіе въ области искусства и промышленности, и

кромѣ того облегчало научныя изысканія, доставляя матеріальную поддержку. Общество обладаетъ превосходными лабораторіями, во главѣ которыхъ находились такіе люди, какъ Гемфри Дэви, Томасъ, Юнгъ, Фарадей, Тиндаль и др. Общество устраиваетъ публичныя лекціи въ своемъ роскошномъ помѣщеніи (Albermale Street), приглашаетъ своихъ членовъ на еженедѣльныя собранія, гдѣ сообщаются и обсуждаются всѣ новѣйшія открытія и вопросы, интересующіе науку и литературу. Библіотека общества состоитъ изъ 60.000 томовъ и ею могутъ свободно пользоваться всѣ члены общества, также какъ и всѣми коллекціями, приборами и аппаратами, необходимыми для научныхъ занятій.

Многія изъ самыхъ замѣчательныхъ открытій нашего вѣка были сдѣланы въ лабораторіяхъ лондонскаго королевскаго общества, напр., законы электролиза, теорія пламени, сгущеніе газа, магнитическія и діамагнитическія свойства матеріи и т. п. По случаю торжества празднованія столѣтней годовщины была устроена выставка аппаратовъ, послужившихъ для всѣхъ этихъ научныхъ открытій, а также автографовъ и воспоминаній, касающихся главнѣйшихъ англійскихъ ученыхъ нашего вѣка. Между прочими рѣдкостями тутъ находилась тетрадь дневныхъ записей Гемфри Дэви, раскрытая на той страницѣ, на которой онъ разсказываетъ объ открытіи потассія.

Гости, приглашенные на это празднество, съѣхались чуть ли не изъ всѣхъ частей свѣта. Тутъ были ученые изъ Америки, Австраліи, Азіи и др. по преимуществу представители англосаксонской расы, но были также и иностранные ученые. На торжественномъ засѣданіи лордъ Раллей произнесъ рѣчь, въ которой въ общихъ чертахъ изложилъ дѣятельность общества, останавливаясь главнымъ образомъ на работахъ Томаса Юнга. Затѣмъ были показаны многочисленные опыты и каждому изъ приглашенныхъ на торжество иностранныхъ ученыхъ былъ врученъ дипломъ на званіе почетнаго члена Королевскаго института. Со всѣхъ концовъ міра была получены адресы и многочисленныя поздравительныя телеграммы.

Празднества и такъ называемыя «Garden party», чередовались съ научными докладами и публичными засѣданіями, представлявшими громадный интересъ. На одномъ изъ такихъ засѣданій, въ присутствіи многочисленной избранной публики, профессоръ Деваръ прочелъ лекцію о газахъ и показалъ опыты съ жидкимъ воздухомъ и сгущеннымъ водородомъ. Празднованіе этого интереснаго юбилея продолжалось три дня, изъ которыхъ одинъ день былъ употребленъ на поѣздку въ Оксфордъ, такъ какъ оксфордскій университетъ пожелалъ со своей стороны чествовать пріѣзжихъ иностранныхъ гостей.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des deux Mondes»—«Century Magazine»—«The Idler».

«Revue de deux Mondes» посвящаетъ статью цѣлительнымъ и ассенизирующимъ силамъ природы. Авторъ статьи указываетъ на то, что вѣра въ цѣлительныя силы природы беретъ свое начало въ очень далекомъ прошломъ. Девять вѣковъ тому назадъ, знаменитый арабскій медикъ и философъ Авиценна училъ, что люди, подвергающіе себя дѣйствію солнечныхъ лучей и занимаясь физическими упражненіями на открытомъ воздухѣ, предохраняютъ себя такимъ образомъ отъ многихъ болѣзней. Плиній младшій, описывая жизнь одного римскаго гражданина, разсказывалъ, что этотъ римлянинъ имѣлъ привычку два раза въ день прогуливаться по крышѣ своего дома безъ всякой одежды, подвергая себя дѣйствію солнца. Въ римскихъ домахъ были спеціально

устроены террасы, на которыхъ обитатели дома принимали солнечныя ванны. По свидѣтельству Платона терапевтическое примѣненіе солнечныхъ лучей было также въ употребленіи и въ Греціи, Аристотель указываетъ на то, что воздухъ и вода составляютъ главные элементы, въ которыхъ человѣческое тѣло нуждается больше всегда и чаще всего. Галіенъ во второмъ вѣкѣ нашей эры совѣтовалъ перемѣну климата для лѣченія чахотки и посылалъ больныхъ въ Египетъ или на берегъ Неаполитанскаго залива и совѣтовалъ морское путешествіе.

У итальянцевъ существуетъ народная поговорка, что тамъ, гдѣ есть солнце, врачъ не нуженъ. Это служитъ доказательствомъ, что великое оздоравляющее вліяніе солнечныхъ лучей давно уже подмѣчено людьми. Дѣйствіе солнечнаго свѣта на животныхъ и растенія давно изучено учеными и никто не станетъ отрицать великое значеніе солнечныхъ лучей для здоровья человѣка. Гумбольдтъ, напримѣръ, замѣтилъ, что у дикарей, живущихъ въ тропическомъ климатѣ и обходящихся безъ всякой одежды, и, слѣдовательно, постоянно пребывающихъ на солнцѣ, различные пороки развитія встрѣчаются гораздо рѣже чѣмъ у народовъ, живущихъ въ другихъ условіяхъ; извѣстно также, что у людей, живущихъ въ подвалахъ, лишенныхъ свѣта и работающихъ въ копяхъ, часто развивается малокровіе, каталепсія и разныя болѣзни, зависящія отъ упадка питанія. Всѣ люди испытываютъ на себѣ дѣйствіе солнечныхъ лучей. Въ солнечные дни человѣкъ всегда ощущаетъ приливъ бодрости и силъ, а въ сумрачныя часто наступаетъ угнетенное состояніе, апатія и такое состояніе часто отражается неблагопріятнымъ образомъ на дѣятельности человѣка. Но кромѣ непосредственнаго дѣйствія, возбуждающаго жизненныя силы, солнечный свѣтъ одаренъ еще и антисептическими свойствами, и можетъ быть причисленъ въ разрядъ наиболѣе вѣрныхъ и наиболѣе дешевыхъ средствъ борьбы съ микроорганизмами. Доунсъ и Блунтъ въ 1877 г. и затѣмъ Тиндаль изслѣдовали задерживающее вліяніе диффузнаго дневнаго свѣта на развитіе бактерій и нашли, что непосредственное дѣйствіе солнечныхъ лучей оказывается для нихъ губительнымъ. Наибольшую губительную силу въ этомъ отношеніи имѣютъ фіолетовые и голубые лучи спектра, самое же слабое дѣйствіе оказываютъ красные и оранжевые лучи. Арлуангъ въ 1885 г. нашелъ, что достаточно подвергнуть бациллы сибирской язвы дѣйствію солнечнаго свѣта въ теченіе двухъ часовъ, чтобы они погибли. Такое же наблюденіе сдѣлалъ Кохъ относительно туберкулезныхъ бациллъ, Ферни и Селли относительно бациллъ столбняка, Гейслеръ, Минкъ и Бюрнеръ, Дьедонке, Китазато, Ру, Іерсинъ, и др. относительно бактеріи тифа, холеры и др. патогенныхъ микроорганизмовъ, а въ послѣднее время нѣмецкая ученая коммиссія въ Бомбеѣ сдѣлала такія же точно наблюденія относительно чумныхъ бациллъ.

Въ «Century Magazine» напечатана подробная біографія Александра Селькирка, этого праотца всѣхъ Робинзоновъ, приключенія котораго внушили Даніелю Дефоэ его безсмертный романъ. Жизнь Селькирка и помимо робинзоновскаго періода представляетъ не малый интересъ. Селькиркъ родился въ 1676 году въ Ларго, маленькомъ шотландскомъ портѣ. Родители страшно баловали его, потому что онъ былъ седьмой сынъ, а согласно шотландскимъ преданіямъ, судьба седьмаго сына въ семьѣ всегда бываетъ замѣчательна. Вслѣдствіе такого баловства, характеръ у Селькирка отличался необузданностью и онъ постоянно имѣлъ столкновенія не только съ домашними, но и съ разными посторонними лицами. Александръ Селькиркъ нѣсколько разъ скрывался изъ дому послѣ какой-нибудь крупной непріятности, но потомъ опять возвращался. Въ 1703 году онъ отправился въ качествѣ лоцмана на парусномъ суднѣ, входившемъ въ составъ небольшой англійской флотиліи, находившейся подъ командою одного изъ знаме-

нитѣйшихъ пиратовъ того времени, Вильяма Дамньера. Александръ Селькиркъ могъ составить себѣ состояніе, служа подъ его командой, но вслѣдствіе своего дурного сварливаго нрава онъ съ нимъ поссорился и Дамньеръ рѣшилъ высадить его гдѣ-нибудь по дорогѣ.

Это было въ сентябрѣ 1794 г. Судно подошло къ первому острову, показавшемуся вдали (это былъ островъ Хуанъ Фернандецъ) и капитанъ приказалъ высадить на этотъ островъ своего непокорнаго лоцмана, со всѣмъ его скарбомъ, точно путешественника, доставленнаго на мѣсто назначенія. Селькиркъ, впрочемъ, самъ выбралъ такой исходъ, который онъ предпочелъ службѣ на суднѣ подъ командою злого капитана. Однако, когда судно удалилось, то у Селькирка сжалось сердце и ему стало грустно разставаться со своими товарищами и вообще съ тою жизнью среди людей, которую онъ велъ до сихъ поръ; поэтому онъ началъ давать сигналы, чтобы его взяли назадъ, но Дамньеръ нашелъ, что это невозможно въ виду его поступковъ и приказалъ идти впередъ. Судно скоро скрылось на горизонтѣ и Селькиркъ остался одинъ на своемъ пустынномъ островѣ, сдѣлавшись впослѣдствіи безсмертнымъ Робинзономъ Крузое для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній.

Однако, по словамъ автора статьи, Селькиркъ не былъ все-таки «первобытнымъ Робинзономъ». До него на этомъ островкѣ жилъ индѣецъ москитосъ, также служившій прежде на суднѣ Дамньера и случайно забытый товарищами на островѣ. Индѣецъ остался одинъ съ козами и прожилъ три года, пока его не подобрало проходящее мимо судно. Конечно, его жизнь на этомъ островѣ должна была точь въ точь походить на жизнь послѣдующаго Робинзона, только для него не нашлось никакого Дефоэ, который бы обезсмертилъ его; даже имя его осталось неизвѣстнымъ.

Что касается Селькирка, то въ февралѣ 1709 г. его нашелъ морякъ Вуденъ Роджерсъ. Этотъ Роджерсъ оставилъ послѣ себя очень любопытный дневникъ, представляющій первый и наиболѣе достовѣрный разсказъ о приключеніяхъ Селькирка, такъ какъ Селькиркъ сдѣлалъ это повѣствованіе тотчасъ по прибытіи на судно, когда у него не успѣла проявиться склонность къ преувеличенію.

Взятый Роджерсомъ на судно, Селькиркъ долженъ былъ снова научиться говорить по-англійски, такъ какъ онъ совершенно позабылъ этотъ языкъ. Однако онъ скоро освоился съ новой обстановкой и даже началъ принимать дѣятельное участіе въ набѣгахъ и грабежахъ судовъ, попадающихся на встрѣчу.

Онъ пріѣхалъ на родину, въ Ларго въ одно воскресенье утромъ и тотчасъ же отправился въ церковь слушать проповѣдь. Вдругъ его старуха мать узнала его, не смотря на его роскошный, шитый золотомъ костюмъ. Она вскрикнула и бросилась къ нему на шею, такъ что богослуженіе пришлось пріостановить и всѣ присутствующіе въ церкви привѣтствовали возвратившагося Селькирка, точно возставшаго изъ мертвыхъ. Но Селькиркъ, прожившій столько лѣтъ въ одиночествѣ, не могъ все-таки ужиться со своими соотечественниками и попрежнему ссорился съ ними. Наконецъ послѣ неоднократныхъ ссоръ онъ удалился въ хижину за деревню и жилъ тамъ одинъ, мрачный и молчаливый, разговаривая лишь съ иностранцами, изъ любопытства посѣщавшими его. Журналистъ Стиль, другъ Эдиссона, разсказалъ въ своемъ журналѣ «Englischman» о своемъ посѣщеніи Селькирка, который, однако, съ нимъ обошелся очень любезно.

Такъ прошло нѣсколько времени. Вдругъ въ одинъ прекрасный день, городъ былъ взволнованъ извѣстіемъ, что Селькиркъ снова бѣжалъ и на этотъ разъ не одинъ, а въ обществѣ одной молодой дѣвушки. Года черезъ два, въ Лондонѣ, написавъ завѣщаніе въ пользу этой дѣвушки, Селькиркъ снова отправился въ море. Три года о немъ ничего не было слышно, но потомъ снова по-

лучилось извѣстіе, что онъ женился на одной вдовѣ и завѣщалъ ей все свое имущество, отклоняя первое завѣщаніе, сдѣланное имъ въ пользу дѣвушки, съ которою онъ жилъ. Онъ умеръ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того въ открытомъ морѣ и вдова его вышла замужъ въ третій разъ.

Такова исторія Селькирка, перваго историческаго Робинзона. Въ Ларго показываютъ его домъ и его статую надъ дверью; тамъ же хранится его ружье, деревянный сундучекъ, сдѣланный имъ во время жизни на островѣ и кружка, сфабрикованная имъ тамъ же изъ скорлупы кокосоваго орѣха.

Новая Зеландія, по словамъ автора статьи въ англійскомъ журналѣ «The Idles», можетъ быть названа земнымъ раемъ во многихъ отношеніяхъ. Не говоря уже о прекрасномъ климатѣ, страна эта избавлена отъ многихъ соціальныхъ болѣзней, отъ которыхъ страдаетъ все остальное человѣчество, пауперизма, обезлюденія селъ и деревень, безработицы, переполненія городовъ и т. д. На обоихъ смежныхъ островахъ Новой Зеландіи сельское населеніе составляетъ пять восьмыхъ всего населенія, да и самые города, за исключеніемъ Аукланда, Веллингтона, Христчёрча и Дунсдина, напоминаютъ своимъ расположеніемъ скорѣе села и скученности въ нихъ нѣтъ никакой.

Настоящею столицею Новой Зеландіи слѣдуетъ считать Веллингтонъ имѣющій болѣе 42.000 жителей. Новозеландцы называютъ его не иначе какъ «Empire City». Гавань этого города одна изъ самыхъ обширныхъ, глубокихъ и наиболѣе защищенныхъ въ мірѣ. Городъ по обширности равняется большимъ европейскимъ столицамъ, такъ какъ занимаетъ такое же точно пространство; улицы необыкновенно широки, площади огромныя и разстояніе между домами всегда очень велико. Рѣдкій домъ имѣетъ болѣе одного этажа и всѣ они окружены садомъ или вѣрнѣе паркомъ. Холмы, окружающіе городъ покрыты лѣсомъ. Но, къ сожалѣнію, этотъ земной рай подверженъ частымъ землетрясеніямъ и поэтому почти всѣ постройки дѣлаются изъ дерева, только разныя общественныя зданія, домъ губернатора, парламентъ, почта и телеграфъ, таможня, соборъ и государственная страховая контора выстроены изъ камня. Въ Новой Зеландіи введено государственное страхованіе противъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, пожаровъ, землетрясеній, эпизоотій и т. д. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ постановленіемъ правительства введенъ въ Зеландіи восьмичасовой рабочій день и установленъ минимумъ заработной платы, а теперь подготовляется національзація земли и другія радикальныя реформы.

По словамъ всѣхъ путешественниковъ, Веллингтонъ поражаетъ красотою и роскошью своей южной растительности. Новозеландскія архитектора выказали необыкновенно богатую и художественную фантазію; всѣ дома красиво и причудливо разукрашены снаружи и на улицахъ города можно встрѣтить всѣ стили построекъ: индусскія пагоды, китайскіе или японскіе домики, персидскія, арабскія и мавританскія мечети, швейцарскія домики, баварскія и скандинавскія фермы, коттеджи и даже русскую избу!

Но только частные дома отличаются такимъ удивительнымъ разнообразіемъ архитектурнаго стиля; общественныя зданія всѣ отличаются необыкновенною простотою, за исключеніемъ зданія публичной библіотеки, одной изъ самыхъ богатыхъ въ британской имперіи—зданіе это напоминаетъ огромный храмъ.

Характерную черту новозеландцевъ составляетъ то, что между ними нельзя встрѣтить ни одного человѣка, мужчину или женщину, который бы не интересовался общественными дѣлами. Всѣ жители Новой Зеландіи, безъ различія пола, пользуются правомъ голоса на выборахъ, достигнувъ 21-го года и могутъ быть сами избираемы на общественныя должности, начиная съ 25 лѣтъ. Въ Новой Зеландіи давно уже нѣтъ неграмотныхъ людей.

Почти ни одинъ изъ депутатовъ не живетъ въ городѣ; всѣ съѣзжаются

только на время парламентской сессіи и тогда начинается «сезонъ» устраиваются празднества, открываются театры, выставки и издаются новыя книги.

Прежнее населеніе островозъ, маорійцы, уже вполнѣ усвоило европейскую культуру и тѣ самые люди, не далекіе предки которыхъ были антропофагами, занимаютъ теперь должности адвокатовъ, врачей и т. д., только цвѣтомъ кожи да оригинальною красотою своихъ женщинъ отличаются отъ европейскаго населенія.

На женскомъ международномъ конгрессѣ.

(Письмо изъ Лондона).

26-го іюня этого года огромная зала Вестминстерскаго церковнаго дома (Churchhouse) представляла довольно необычное зрѣлище: женщины всѣхъ странъ и національностей, начиная отъ свободныхъ гражданокъ Англіи и Америки, и кончая представительницами Китая, Индіи и Палестины, собрались въ этотъ день на торжественное открытіе международнаго конгресса.

Общій видъ собранія краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорилъ о томъ, что женское движеніе пережило свою первоначальную, революціонную стадію, и «синіе чулки» и эмансипированныя женщины прежняго типа отошли въ область преданія: зала была переполнена нарядными дамами, одѣтыми по послѣднему слову моды, въ свѣтлыхъ платьяхъ и шляпахъ, украшенныхъ множествомъ цвѣтовъ. Среди нихъ было много красивыхъ и молодыхъ женщинъ, и въ общемъ это первое засѣданіе международнаго женскаго парламента представляло пеструю, красивую картину. Общее вниманіе обращали на себя восточныя женщины въ своихъ національныхъ костюмахъ—смуглыя индіанки, задрапированныя въ мягкія шелковыя ткани, маленькая китаянка, съ любопытствомъ осматривающая всѣхъ присутствующихъ своими узенькими, смѣющимися глазками, нѣсколько японокъ, обитательница острова Явы, и пр.

На эстрадѣ, убранной тропическими растеніями, сидѣли оффиціальныя делегатки конгресса. Предсѣдательствовала лэди Абердинъ, извѣстная своей широкой благотворительной дѣятельностью. Въ теченіе своей жизни лэди Абердинъ состояла предсѣдательницей 22-хъ различныхъ женскихъ организацій въ Англіи и въ Канадѣ, гдѣ мужъ ея долгое время былъ генералъ-губернаторомъ, или, какъ здѣсь говорятъ, вице-королемъ. Присутствуя на засѣданіяхъ конгресса, я поняла, почему столько обществъ выбираютъ лэди Абердинъ своей предсѣдательницей: она казалась мнѣ воплощеніемъ дамы патронессы въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—тактичной и въ высшей степени милой, благожелательной женщиной, которая достойно и хорошо пользуется и своими средствами и своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ. Сидя на предсѣдательскомъ мѣстѣ, она такъ привѣтливо улыбалась всѣмъ и каждому, что невольно возбуждала общія симпатіи. Въ теченіе послѣднихъ 5-ти лѣтъ, лэди Абердинъ была предсѣдательницей «Интернаціональнаго женскаго совѣта», которымъ и былъ организованъ настоящій конгрессъ, и въ своей вступительной рѣчи она въ нѣсколькихъ словахъ познакомила присутствующихъ съ задачами и дѣятельностью этого интернаціональнаго совѣта.

— Интернаціональный женскій совѣтъ,—говорила лэди Абердинъ,—является федераціей *національныхъ* совѣтовъ, учрежденныхъ въ разныхъ странахъ, а эти національные совѣты, въ свою очередь, состоятъ изъ представительницъ мѣстныхъ обществъ и учрежденій, обнимающихъ различныя отрасли обществен-

ной дѣятельности женщинъ. Задача его заключается въ томъ, чтобы установить общеніе между женскими организаціями въ разныхъ странахъ, и доставить женщинамъ возможность встрѣчаться для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся женскаго дѣла. Интернаціональный совѣтъ былъ основанъ 11 лѣтъ тому назадъ и въ настоящее время, на этомъ конгрессѣ мы привѣтствуемъ делегатокъ отъ 10 странъ, гдѣ женщины уже объединились въ національные совѣты—а именно, делегатокъ Америки, Канады, Германіи, Швеціи, Англіи, Новаго Южнаго Валлиса, Даніи, Голландіи, Новой Зеландіи и Тасманіи, а также представительницъ тѣхъ странъ; гдѣ пока еще нѣтъ національныхъ совѣтовъ, но уже образовались комитеты, подготовляющіе ихъ организацію—Италіи, Австріи, Россіи, Швейцаріи, Норвегіи, Капской колоніи и Аргентины; кромѣ того мы имѣемъ удовольствіе привѣтствовать здѣсь представительницъ Франціи, Бельгіи, Китая, Персіи, Индіи, Квинслэнда и Палестины.

— Главною особенностью международнаго женскаго совѣта,—продолжала графиня Абердинъ,—является отсутствіе всякой партійности. Нашъ совѣтъ объединяетъ сотни тысячъ женщинъ, различныхъ національностей, религій и

Лэди Абердинъ.

вѣрованій, имѣющихъ различныя убѣжденія, и принадлежащихъ къ различнымъ общественнымъ классамъ. Что-же является связующей нитью между всѣми нами и можемъ-ли мы вмѣстѣ работать для какой-нибудь практической цѣли? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно прежде всего узнать другъ друга, для этой-то цѣли и служатъ конгрессы, устраиваемые международнымъ совѣтомъ. Несмотря на множество, разъединяющихъ насъ пунктовъ разногласія, есть вопросы, относительно которыхъ мы всѣ согласны, и международная организація поможетъ намъ выяснить эти вопросы и выдвинуть ихъ на первый планъ. Такимъ является, напр,, вопросъ о мирѣ. Вслѣдствіе единогласнаго рѣшенія всѣхъ національныхъ совѣтовъ, входящихъ въ нашу организацію, мы рѣшили включить этотъ вопросъ въ нашу программу. Затѣмъ у насъ стоитъ на очереди вопросъ объ учрежденіи Интернаціональнаго бюро справокъ относительно всего, что касается женщинъ, ихъ образованія, работы, организаціи, и пр. во всѣхъ странахъ.

Послѣ рѣчи лэди Абердинъ, начались безчисленныя рѣчи остальныхъ должностныхъ лицъ Интернаціональнаго совѣта и иностранныхъ делегатокъ. Всѣ эти рѣчи были довольно однообразны и заключали въ себѣ обычныя фразы о

«единеніи всѣхъ женщинъ», о томъ, «что женское дѣло есть дѣло всего человѣчества», о нравственности и семьѣ, и пр., и пр. Впрочемъ, отъ привѣтственныхъ рѣчей нельзя было и требовать особенной глубины и оригинальности. Интересъ этой церемоніи заключался въ томъ, что передъ членами конгресса впервые выступали тѣ выдающіяся дѣятельницы женскаго движенія, съ которыми въ теченіе послѣдующей недѣли пришлось ознакомиться поближе. Послѣ лэди Абердинъ говорила вице-предсѣдательница Интернаціональнаго совѣта— м-съ Мэй Райтъ Сюаль, привѣтствовавшая конгресъ отъ имени Америки. Когда вслѣдъ затѣмъ лэди Абердинъ назвала имя баронессы Гриппенбергъ, одѣтой въ глубокій трауръ,—казначея международнаго совѣта и делегатки отъ Финляндіи,—въ залѣ раздались дружныя и долго не смолкавшія рукоплесканія. Баронесса Гриппенбергъ заслуженно пользуется большой популярностью въ женскомъ мірѣ: она основала «Союзъ финляндскихъ женщинъ» и редактируетъ его органъ, являющійся лучшимъ женскимъ журналомъ въ Финляндіи. Съ 1889 г. она состоитъ предсѣдательницей этого Союза, который ставитъ одной изъ сво-

М-съ Мей Райтъ Сюаль.

Баронесса Гриппенбергъ.

ихъ задачъ борьбу за женское избирательное право и имѣетъ 14 провинціальныхъ отдѣленій. Баронесса Гриппенбергъ принимала дѣятельное участіе въ работахъ конгресса, часто выступала ораторомъ въ различныхъ секціяхъ, и каждый разъ ее встрѣчали и провожали восторженными рукоплесканіями, имѣвшими нѣсколько демонстративный характеръ.

Вообще отношеніе къ ораторамъ на конгрессѣ было довольно сдержанное и, кромѣ баронессы Гриппенбергъ, оваціи выпадали еще на долю ветерана женскаго движенія Америки—78-ми лѣтней миссъ Сусанны Антони. Миссъ Антони являлась настоящей піонеркой женскаго движенія и съ гордостью могла указать на результаты своей многолѣтней дѣятельности. Эта маленькая, худенькая старушка, поражаетъ своей бодростью и рѣчи ея дышатъ молодою силой и юморомъ.

— Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда я была еще совсѣмъ молодой дѣвушкой,—начала свою рѣчь миссъ Антони, —американскія женщины не имѣли никакихъ правъ: онѣ были даже лишены самаго элементарнаго человѣческаго права—права публично высказывать свои взгляды. Теперь времена перемѣнились, и на моей родинѣ—въ штатѣ Вайомингѣ и Колорадо—женщины пользуются всѣми политическими правами наравнѣ съ мужчинами, имъ открыты

всѣ высшія учебны заведенія, онѣ имѣютъ доступъ ко всѣмъ профессіямъ, и широко пользуются этими открывшимися новыми путями. Самое главное для женщины—это добиться избирательнаго права—закончила свою рѣчь миссъ Антони. Во многихъ странахъ женщины достигли уже очень многаго, но до тѣхъ поръ, пока у нихъ нѣтъ вота, всѣ эти завоеванія являются не правами, а привиллегіями, которыя во всякое время могутъ быть у нихъ отняты.

Изъ остальныхъ рѣчей можно указать на рѣчь маленькой китаянки, которая внесла нѣкоторое разнообразіе въ это довольно утомительное засѣданіе.

Подчиненное положеніе Восточной женщины сказалось уже въ томъ, что рѣчь представительницы Китая была прочитана мужчиной-китайцемъ: эмансипированная китаянка, пріѣхавшая на конгрессъ, оказалась не въ силахъ сама прочесть свою рѣчь и ея роль заключалась въ томъ, что она стояла на эстрадѣ рядомъ со чтецомъ и съ улыбкой кланялась въ отвѣтъ на рукоплесканія. Рѣчь ея была составлена очень наивно и нерѣдко вызывала громкій смѣхъ въ публикѣ, что, кажется, очень нравилось ея автору.

Представительницей Россіи на конгрессѣ была женщина-врачъ Е. П. Козакевичъ-Стефановская, замѣнявшая А. П. Философову, избранную международнымъ женскимъ совѣтомъ одной изъ почетныхъ вице-предсѣдательницъ кон-

Миссъ Сусанна Антони.

Женщина-врачъ Е. П. Козакевичъ-Стефановская.

гресса. Е. П. Козакевичъ являлась въ тоже время делегаткой, посланной на конгрессъ 12-ю женскими обществами Петербурга—Женское взаимно-благотворительное общество, Общество женщинъ-врачей, Общество доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, Общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ, Дѣтская помощь, и пр. и она съ честью выполнила возложенную на нее миссію, такъ что довольно многочисленныя русскія женщины, присутствовавшія на конгрессѣ, имѣли полное основаніе гордиться своей делегаткой. Кромѣ г-жи Козакевичъ, на конгрессѣ, въ качествѣ докладчицъ, участвовали женщина-врачъ, И. Д. Познанская, читавшая докладъ въ медицинской секціи, г-жа Иванова, читавшая 2 доклада—о высшемъ женскомъ образованіи въ Россіи и о положеніи фабричныхъ работницъ, г-жа Бубнова, читавшая о брачныхъ законахъ въ Россіи. Г-жа Лухманова, которая должна была читать доклады о русской литературѣ и журналистикѣ, не пріѣхала на конгрессъ.

Занятія конгресса начались на слѣдующій день. Конгрессъ былъ разбитъ на 5 секцій: секція образованія, профессіональная секція, политическая секція, промышленная и законодательная секція, и секція соціальныхъ вопросовъ. Секціи же эти дѣлились на 50 подсекцій, въ которыхъ было прочитано 268 докладовъ. Эту огромную программу возможно было выполнить только потому, что каждая докладчица могла говорить не болѣе 10 минутъ, а участвующія въ

преніяхъ—не болѣе 5 минутъ. Время опредѣлялось по звонку, которому всѣ безпрекословно повиновались.

Чтобы дать понятіе о разнообразіи вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, я перечислю нѣсколько засѣданій секцій.

Образовательная секція,—Воспитаніе ребенка. Психологія ребенка. Отвѣтственность родителей. Отношенія между семьей и школой. Дѣтскіе сады. Первоначальныя школы. Среднее образованіе. Университеты. Учебныя заведенія новаго типа. Техническое образованіе. Женщины-воспитательницы. Совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ.

Профессіональная секція.—Профессіи, доступныя женщинамъ. Вліяніе на семейную жизнь доступа женщины къ различнымъ профессіямъ. Медицина. Искусство. Женщины-инспектора. Литература. Наука. Драма. Журналистика. Музыка. Земледѣліе. Садоводство. Ремесла.

Промышленная секція. Рабочее законодательство для женщинъ. Гражданское безправіе женщинъ. Работа на дому. Рабочіе союзы. Этика заработной платы. Кооперація. Обезпеченіе на случай старости и болѣзни.

Секція соціальныхъ вопросовъ.—Тюрьмы и исправительныя заведенія. Помощь падшимъ женщинамъ. Интеллигентныя населеніе. Женскіе клубы, и пр. и пр.

Изъ представительницъ отдѣльныхъ національностей, на конгрессѣ сразу

Г-жа Кауеръ.

заняли выдающееся положеніе нѣмецкія женщины. Они принимали дѣятельное участіе въ работахъ конгресса, представили доклады почти по всѣмъ наиболѣе важнымъ вопросамъ, и доклады эти были очень умѣло составлены — кратко, дѣльно, безъ лишнихъ фразъ, и почти всегда живо и талантливо, чего далеко нельзя было сказать про многія даже англійскіе и американскіе доклады. Нѣмецкія женщины прекрасно говорили по англійски и выказали себя опытными ораторами, совершенно свободно чувствующими себя на трибунѣ. Г-жа Кауеръ г-жа Штрицтъ, г-жа Биберъ-Бёмъ, д-ръ Анита Аугсбургъ, г-жа Ястрова, и другія представительницы Германіи представили очень обстоятельные доклады, познакомившіе публику съ положеніемъ нѣмецкой женщины и съ женскимъ движеніемъ въ Германіи. Нельзя сказать того же о французскихъ женщинахъ. Во-первыхъ, это были единственныя делегатки, говорившія на своемъ языкѣ. Представительницы всѣхъ другихъ національностей говорили по англійски. Кромѣ того, отъ рѣчей француженокъ вѣяло какой-то стариной, давно забытыми фразами о тиранніи мужчинъ, о женскомъ отмщеніи, и пр., и пр. Настоящій конгрессъ показывалъ, что женское движеніе давно уже переросло всѣ эти фразы: и что во всѣхъ странахъ женщины добиваются своихъ правъ рука объ руку съ мужчинами. Преобладающее большинство членовъ конгресса были представительницы «странъ говорящихъ по англійски»—Англіи съ колоніями и Америки. Изъ 2.000 членовъ конгресса иностранокъ было около 400.

Самыми интересными были, безспорно, засѣданія политической и промышленной секціи.

Занятія политической секціи касались политическихъ правъ женщины въ парламентѣ, въ мѣстномъ самоуправленіи и на общественной службѣ, въ качествѣ попечителей о бѣдныхъ, санитарныхъ инспекторахъ и др. Вопросу объ избирательномъ правѣ женщинъ въ парламентъ было посвящено два засѣданія—дѣловое засѣданіе утромъ и публичный митингъ вечеромъ, который происходилъ въ одной изъ самыхъ большихъ залъ Лондона и былъ буквально переполненъ публикой. Главнымъ аргументомъ сторонниковъ женскаго избирательнаго права является слѣдующее положеніе: женщины, какъ и мужчины, платятъ налоги и подчиняются законамъ страны. Поэтому онѣ должны имѣть голосъ при назначеніи налоговъ и при выработкѣ законовъ. Женщины всѣхъ странъ разсказывали о томъ, какъ обстоитъ это дѣло у нихъ на родинѣ, но кромѣ представительницъ англо-саксонской расы, никто не могъ сказать ничего утѣшительнаго. Наибольшій интересъ представлялъ докладъ о Новой Зеландіи, который, по болѣзни Новозеландской делегатки, былъ прочитанъ ея мужемъ, м-ромъ Ривсомъ, однимъ изъ выдающихся мѣстныхъ политическихъ дѣятелей. Онъ указалъ на то, что въ настоящее время женское избирательное право является уже не утопіей, пригодной для жителей Марса или какой-нибудь другой планеты, оно—совершившійся фактъ обычной, повседневной политической жизни народа, который говоритъ на англійскомъ языкѣ, и состоитъ изъ подданныхъ королевы Викторіи и гражданъ Великобританіи.

Правда, что двѣ смѣлыя колоніи, 5 лѣтъ тому назадъ рѣшившіяся ввести у себя женское избирательное право—Новая Зеландія и Южная Австралія—это молодыя страны, онѣ невелики и находятся очень далеко отъ центровъ цивилизованной жизни. Но, какъ справедливо замѣтилъ м-ръ Ривсъ, всѣ эти обстоятельства не дѣлаютъ ихъ попытку менѣе поучительной.

— Когда мы вводили законъ о женскомъ избирательномъ правѣ,—продолжалъ м-ръ Ривсъ,—противъ насъ выставляли тѣ же старые аргументы, которые приходилось слышать вездѣ, и которые до сихъ поръ еще распространены въ Англіи Намъ рисовали ужасныя картины заброшенныхъ дѣтей, опустѣвшихъ семейныхъ очаговъ, плохо приготовленныхъ обѣдовъ, покинутыхъ мужей, и пр. и пр. Женское избирательное право все-таки было введено, и ни одно изъ этихъ мрачныхъ предсказаній не сбылось. Въ Новой Зеландіи семейная жизнь идетъ совершенно такъ же какъ прежде, количество разводовъ не увеличилось, никакія основы не были потрясены, такъ что теперь противники женскаго избирательнаго права не говорятъ уже о тѣхъ грозныхъ перемѣнахъ, которыя должны произойти въ современномъ общественномъ строѣ, благодаря политической равноправности женщинъ, наоборотъ, теперь они недовольны тѣмъ, что женское избирательное право водворилось и не ознаменовалось никакимъ переворотомъ. Они говорятъ теперь:—«Стоило давать женщинамъ избирательное право! Они даже не перемѣнили правительства! Либеральное правительство, которое провело новый избирательный законъ, все еще стоитъ у власти! Вы просто получили 100.000 новыхъ избирателей—вотъ и вся перемѣна».

По избирательной статистикѣ Новой Зеландіи и Южной Австраліи видно, что, женщины пользуются своими правами совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ мужчины: на общихъ выборахъ въ Южно-Австралійскій парламентъ въ 1896 г. процентъ женщинъ избирательницъ, воспользовавшихся своими правами, равнялся 66%, т. е. почти совпадалъ съ процентомъ мужчинъ-избирателей. Примѣръ этихъ двухъ колоній совершенно разбиваетъ также и ходячее мнѣніе о томъ, будто женское избирательное право приведетъ къ усиленію реакціонныхъ партій. По авторитетному свидѣтельству м-ра Ривса, новѣйшее рабочее законодательство, которымъ справедливо гордится Новая Зеландія, въ значительной степени обя-

зано своимъ осуществленіемъ женщинамъ-избирательницамъ. Борьба за женское избирательное право продолжалась тамъ около 10 лѣтъ и всѣ попытки провести законъ съ различными ограниченіями (имущественный цензъ, и пр.) терпѣли неудачу. Только когда былъ внесенъ билль о всеобщемъ женскомъ избирательномъ правѣ, совершенно подобномъ мужскому, рабочая партія зная что въ лицѣ женщинъ получитъ всегда сторонниковъ всякихъ соціальныхъ реформъ—въ полномъ составѣ подавала голосъ за этотъ билль, и онъ сдѣлался закономъ. Вообще, практика женскаго избирательнаго права въ этихъ двухъ колоніяхъ оказалась настолько удачной, что другія колоніи начинаютъ слѣдовать ихъ примѣру: колонія Викторія уже нѣсколько разъ вносила въ парламентъ билль о женскомъ избирательномъ правѣ, и въ послѣдній разъ онъ былъ отвергнутъ всего 4 голосами, такъ что очевидно, день побѣды недалекъ. То же самое происходитъ и въ Новомъ Южномъ Валлисѣ.

Въ заключеніе м-ръ Ривсъ упомянулъ о мирной конференціи, засѣдающей теперь въ Гаагѣ, и замѣтилъ, что женскій избирательный голосъ всегда будетъ голосомъ въ пользу мира, и что огромныя вооруженныя арміи Европы не могли бы существовать, если бы женщины имѣли голосъ въ международныхъ дѣлахъ.

Героинею дня была миссъ Сузанна Антони, которая разсказывала о женскомъ избирательномъ правѣ въ Америкѣ. Когда было названо ея имя, вся зала, какъ одинъ человѣкъ, начала апплодировать, многіе поднялись со своихъ мѣстъ, всѣ были охвачены неподдѣльнымъ уваженіемъ къ этой старушкѣ, такъ много потрудившейся для женской свободы. Это была, дѣйствительно, хорошая минута общаго одушевленія, пожалуй единственная минута въ теченіе всего конгресса, который, при всемъ животрепещущемъ интересѣ нѣкоторыхъ секцій, въ общемъ все-таки отличался чисто-англійской сдержанностью и оффиціальностью. Миссъ Антони, видимо, была взволнована и растрогана этой оваціей.

— Когда я стою теперь въ этой залѣ,—начала она,—и вижу передъ собой столько милыхъ женскихъ лицъ, собравшихся сюда со всѣхъ концовъ свѣта, чтобы поговорить о нашемъ общемъ дѣлѣ, мнѣ невольно вспоминается одинъ эпизодъ изъ моей далекой юности—моя первая публичная рѣчь, которая, кажется была и первой женскою рѣчью, сказанной въ Америкѣ. Это было 50 лѣтъ тому назадъ, на учительскомъ съѣздѣ въ Рочестэрѣ. Зала съѣзда была биткомъ набита—присутствовало около тысячи учительницъ и сотни двѣ учителей. Мужчины, конечно, сидѣли впереди, а мы тѣснились въ заднихъ рядахъ. Былъ поднятъ одинъ очень интересный, жизненный вопросъ и я рѣшилась обратиться къ предсѣдателю съ просьбою дать мнѣ слово. Предсѣдатель былъ такъ удивленъ, услышавъ женскій голосъ, что даже поднялся со своего мѣста, чтобы какъ слѣдуетъ осмотрѣть меня, и затѣмъ обратился къ собранію съ вопросомъ: «можно ли разрѣшить молодой лэди высказать свое мнѣніе?» Собраніе довольно долго совѣщалось по этому поводу и наконецъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ постановило—выслушать молодую лэди. Я сказала, что мнѣ было нужно, и сѣла, совершенно подавленная чудовищностью своего поступка. Когда собраніе кончилось, и публика начала расходиться, всѣ смотрѣли на меня какъ на какую-то отверженную, и я слышала, какъ мои товарки учительницы говорили другъ другу:—«Кто это такая? Мнѣ никогда въ жизни еще не было такъ стыдно, какъ сегодня вечеромъ за нее».

Переходя къ вопросу о женскомъ избирательномъ правѣ въ Америкѣ, миссъ Антони замѣтила, что въ 23-хъ штатахъ женщины имѣютъ избирательныя права въ школьныхъ совѣтахъ, въ одномъ штатѣ онѣ принимаютъ участіе въ муниципальномъ голосованіи, и въ этомъ штатѣ есть 6 городовъ, гдѣ мэръ и всѣ члены городского совѣта—женщины. Наконецъ въ 4-хъ штатахъ, женщины имѣютъ полное избирательное право наравнѣ съ мущинами.

По общему отзыву нетолько друзей, но и бывшихъ враговъ, женское избирательное право въ Америкѣ оказываетъ самое благотворное вліяніе на мѣстную политическую жизнь.

Остальныя делегатки не могли сообщить такихъ утѣшительныхъ свѣдѣній относительно своей родины. О положеніи дѣлъ въ Германіи говорили двѣ делегатки—г-жа Штриттъ, вицепредсѣдательница Германскаго національнаго совѣта, и докторъ юридическихъ наукъ, Анита Аугсбургъ, которую предсѣдательница рекомендовала собранію какъ «современную Порцію». Современная Порція оказалась прекраснымъ ораторомъ и съумѣла придать живой интересъ такому сухому предмету, какъ изложеніе нѣмецкихъ избирательныхъ законовъ. По ея словамъ, текстъ нѣмецкаго закона относится одинаково къ мужчинамъ и женщинамъ, такъ какъ въ немъ не сдѣлано никакой оговорки относительно принадлежности избирателей къ тому или другому полу. На основаніи буквальнаго текста закона женщины могли бы требовать занесенія ихъ въ списки избирателей. «Но примѣръ нашихъ сестеръ въ Англіи и Америкѣ—говорила г-жа Аугсбургъ — показалъ намъ тщету такихъ попытокъ. Прежде всего намъ нужно поднять женщинъ, заставить ихъ заинтересоваться этимъ вопросомъ. Пропаганда женскаго избирательнаго права стоитъ теперь на очереди въ Германіи и мы надѣемся къ будущему международному конгрессу,

Г-жа Штриттъ.

который соберется черезъ 5 лѣтъ, представить уже кое-какіе осязательные результаты нашей дѣятельности въ этомъ направленіи».

Представительница Голландіи разсказала печальную повѣсть борьбы за женское избирательное право въ Голландіи. Въ Голландской конституціи тоже не было оговорено, что избирательный законъ относится только къ мущинамъ. Поэтому 20 лѣтъ тому назадъ, одна голландка, женщина врачъ Якобсъ обратилась въ Амстердамскій муниципальный совѣтъ съ просьбою, чтобы ее внесли въ избирательные списки, такъ какъ она платитъ всѣ налоги, требуемыя отъ избирателя. Конечно, изъ этого ходатайства ничего не вышло и оно привело къ довольно неожиданному результату; въ 1887 г., когда былъ предпринятъ пересмотръ основныхъ законовъ страны, въ текстъ избирательнаго закона было вставлено, что законъ этотъ относится только къ мущинамъ.—«Такимъ образомъ въ настоящее время мы дальше отъ женскаго избирательнаго права, чѣмъ были 20 лѣтъ тому назадъ — меланхолически заключила голландская делегатка. Сторонниками женскаго избирательнаго права въ Голландіи являются одни соціалисты, которые требуютъ пересмотра конституціи и введенія общаго избирательнаго права, ровнаго для мужчинъ и для женщинъ».

Въ Англіи, какъ извѣстно, женщины ведутъ долгую, но пока безплодную борьбу за избирательное право въ парламентѣ: при каждомъ расширеніи избирательныхъ правъ населенія, женщины подаютъ петиціи о томъ, чтобы это расширеніе распространилось и на нихъ, но петиціи эти оставляются безъ

вниманія. Въ парламентъ нѣсколько разъ уже вносились билли о женскомъ избирательномъ правѣ, и въ 1897 г. одинъ такой билль даже прошелъ въ палатѣ общинъ, но потерпѣлъ крушеніе въ палатѣ лордовъ. Палата лордовъ вообще относится враждебно къ женскому движенію, несмотря на то, что многіе отдѣльные члены консервативной партіи, напр. самъ маркизъ Сольсбери, являются его сторонниками. — Какъ разъ наканунѣ открытія женскаго конгресса въ Лондонѣ, лорды еще разъ доказали свою враждебность къ женскимъ правамъ: при обсужденіи билля о преобразованіи совѣта Лондонскаго графства — они отвергли поправку (Amentmend) дающую женщинамъ право быть избранными въ члены Лондонскаго муниципалитета, хотя эта поправка была принята въ палатѣ общинъ.

Коварство лордовъ было у всѣхъ на устахъ во время второго засѣданія политической секціи, посвѣщеннаго вопросу объ участіи женщинъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Предсѣдательствовала лэди Бальфуръ, жена одного изъ наслѣдственныхъ пэровъ, засѣдающихъ въ палатѣ лордовъ, и ей пришлось выслушать много горькихъ истинъ по адресу того учрежденія. въ которомъ служитъ ея мужъ. Это засѣданіе было однимъ изъ самыхъ интересныхъ, и представительницамъ болѣе отсталыхъ странъ оставалось только съ завистью слушать о плодотворной и разнообразной общественной дѣятельности англійскихъ женщинъ на поприщѣ мѣстнаго самоуправленія. Въ Англіи женщины могутъ быть избирателями и избираемыми въ приходскіе совѣты, въ попечительства о бѣдныхъ (Poorlaw guardians), въ Лондонскіе санитарные попечительства въ городскихъ округахъ и въ школьные совѣты.

Работа женщинъ въ мѣстномъ самоуправленіи начинается съ 1894 г., со времени новаго закона (Local guovernment act), значительно расширившаго участіе населенія въ мѣстномъ самоуправленіи. До этого закона женщины (и то однѣ незамужнія) могли быть только попечителями бѣдныхъ (poor—law gardians) и членами школьныхъ совѣтовъ. Законъ 1894 г. предоставилъ женщинамъ право быть избираемыми во всѣ органы мѣстнаго самоуправленія (кромѣ совѣтовъ графствъ), и онѣ широко воспользовались этимъ правомъ. До 1894 г. во всей Англіи было 200 попечительницъ о бѣдныхъ. На послѣднихъ выборахъ 1898 г. въ попечительницы о бѣдныхъ оказалось выбранными 1.040 женщинъ. Значительное большинство этихъ попечительницъ входитъ въ составъ «женскихъ либеральныхъ ассоціацій». Могущественная консервативная женская организація, «Лига подснѣжника» насчитывающая болѣе $1^1/_2$ милліона членовъ (Primrose league) не принимаетъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи. Попечительницы о бѣдныхъ были избраны въ довольно равномѣрномъ количествѣ въ разныхъ графствахъ Англіи: на послѣднихъ выборахъ 1898 г. только 3 графства не провели ни одной женщины въ попечительницы о бѣдныхъ, и въ числѣ этихъ 3-хъ графствъ находится центръ университетской науки—Кэмбриджъ. Задача попечительницъ о бѣдныхъ заключается въ надзорѣ за рабочими домами, большая часть обитателей которыхъ состоитъ изъ старыхъ и больныхъ, неспособныхъ къ работѣ людей. Кромѣ того, въ рабочихъ домахъ существуетъ многочисленное дѣтское населеніе на которое, со времени участія женщинъ въ качествѣ попечительницъ, было обращено особое вниманіе. По настоянію женщинъ, была значительно смягчена и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ отмѣнена господствовавшая прежде система такъ называемыхъ «барачныхъ школъ» (barack-schools), гдѣ тысячи дѣтей воспитывались вмѣстѣ и должны были подчиняться самому строгому режиму, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, превращавшему ихъ въ «маленькія живыя машины». Подъ женскимъ вліяніемъ во многихъ муниципалитетахъ дѣти помѣщаются теперь группами въ 10—12 человѣкъ въ отдѣльныхъ домахъ, подъ присмотромъ надзирательницы, посѣщаютъ мѣстныя школы и ихъ образъ жизни ничѣмъ не

отличается отъ обычнаго образа жизни дѣтей ихъ возраста. Такая система особенно успѣшно примѣняется въ Шеффильдѣ и въ Батѣ.

Въ школьныхъ совѣтахъ Англіи въ настоящее время болѣе 1.200 женщинъ работаетъ въ качествѣ членовъ совѣтовъ, и въ разныхъ комиссіяхъ и подкомиссіяхъ. Первая женщина, избранная въ Лондонскій школьный совѣтъ въ 1879 г., миссъ Давенпортъ Гилль, и въ настоящее время продолжаетъ работать въ томъ же учрежденіи. Женщины очень добросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ, и ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи много способствовала тому, чтобы пробить брешь въ «китайской стѣнѣ предразсудковъ», столь распространенныхъ относительно женской работы даже въ просвѣщенной Англіи. Тоже можно сказать и о дѣятельности женщинъ въ санитарныхъ попечительствахъ (vestries). Въ Лондонѣ на этомъ поприщѣ особенно выдѣлилась одна женщина изъ рабочаго класса, принимавшая участіе въ преніяхъ по этому вопросу на конгрессѣ м-съ Эвансъ. Она въ теченіе 13 лѣтъ принимаетъ участіе въ самыхъ разнообразныхъ комиссіяхъ своей вестри и была избрана «санитарнымъ надзирателемъ» (oberseer), обязанности котораго заключаются въ томъ, чтобы слѣдить за исполненіемъ санитарныхъ предписаній въ предѣлахъ каждаго участка. М-съ Эвансъ является единственной до сихъ поръ женщиной, избранной на этотъ постъ.

Во время преній выяснилось, что въ Лондонѣ женщины имѣютъ больше всего шансовъ быть избранными въ рабочихъ кварталахъ и большинство изъ говорившихъ членовъ вестри и школьныхъ совѣтовъ оказывались кандидатками мѣстныхъ тредъ-юніоновъ. Одна изъ представительницъ «Женскаго общества мѣстнаго самоуправленія» (Women local government society) разсказала по этому поводу слѣдующій любопытный фактъ: въ прошломъ году вышеназванное общество обратилось съ петиціей въ совѣтъ лондонскаго графства, въ которой оно просило совѣтъ ходатайствовать передъ парламентомъ о разрѣшеніи женщинамъ быть избираемыми въ совѣтъ графства. «Собирая подписи для этой петиціи,—говорила она,—я обращалась ко многимъ мужчинамъ изъ общества и почти вездѣ получала уклончивые отвѣты или рѣшительный отказъ. Оказалось, что почтенные джентльмены «недостаточно ознакомились съ вопросомъ» или «не были увѣрены въ пользѣ требуемой нами мѣры» и т. д. Тогда я пошла къ рабочимъ, и къ удивленію своему убѣдилась, что они «достаточно ознакомились съ вопросомъ» и составили о немъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе. Они говорили: «мы, рабочіе, знаемъ, какое огромное значеніе имѣетъ избирательное право; мы знаемъ, что благодаря ему мы добились справедливости. Почему же и нашимъ женамъ и дочерямъ также не имѣть вота? Навѣрное и для нихъ онъ окажется также полезнымъ, какъ и для насъ. И всѣ охотно подписывались подъ петиціей».

Въ такомъ же смыслѣ говорила одна изъ представительницъ лондонскаго школьнаго совѣта, м-съ Бриджъ-Адамсъ, женщина внушительныхъ размѣровъ, съ очень громкимъ голосомъ. Ея рѣзкая энергичная рѣчь имѣла совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ остальныя рѣчи, и въ чопорной атмосферѣ конгреса вдругъ повѣяло воздухомъ рабочихъ собраній.

— Я была выбрана въ школьный совѣтъ трэдъ-юніонистами Буллиджа и Плёмстеда,—заявила она, не безъ гордости произнося названія этихъ участковъ Лондона, которые, вѣроятно, были неизвѣстны многимъ изъ присутствовавшихъ лондонцевъ.—Ихъ не остановилъ тотъ фактъ, что я женщина, хотя надо вамъ сказать, что собственно о феминисткахъ они довольно невысокаго мнѣнія, и они правы, потому что женское движеніе до сихъ поръ было чисто классовымъ движеніемъ. И я хотѣла посовѣтовать вамъ, богатыя женщины изъ Вестъ-Энда, добивающіяся политической равноправности: обратите вниманіе на могучее и все растущее рабочее движеніе. Вотъ гдѣ залогъ вашей побѣды.

*

Требуйте равнаго избирательнаго права для всѣхъ: для домовладѣлицы, платящей налоги, и для дѣвушки, работающей на спичечной фабрикѣ. Эти требованія ваши встрѣтятъ поддержку у огромнаго большинства населенія.

Изъ иностраныыхъ делегатокъ на этомъ собраніи говорила только представительница Швеціи, фрӧкенъ Цедерскьольдъ. Она сообщила о томъ, что въ Швеціи женщины, платящіе налоги за недвижимую собственность, могутъ принимать участіе въ муниципальныхъ выборахъ. Въ сельскихъ общинахъ женщины имѣютъ равныя избирательныя права съ мужчинами. Въ этихъ общинахъ одинъ человѣкъ можетъ располагать многими голосами, въ зависимости отъ размѣровъ своего имущества; благодаря этому богатыя женщины часто являются очень вліятельными избирателями. Такое же положеніе женщины имѣютъ и въ городахъ. Въ Стокгольмѣ, напр., женщины составляютъ 1/6 часть всѣхъ избирателей.

Шведскія женщины больше всего интересуются общественной благотворительностью и школами. Съ 1889 г, онѣ получили право быть избираемыми въ попечительства о бѣдныхъ и школьные совѣты. Въ томъ же году одинъ изъ стокгольмскихъ приходовъ избралъ женщину членомъ школьнаго совѣта. Съ тѣхъ поръ по всей странѣ женщины принимаютъ широкое участіе въ муниципальныхъ дѣлахъ. Къ сожалѣнію докладчица не привела никакихъ статистическихъ данныхъ относительно участія женщинъ въ мѣстномъ самоуправленіи.

Въ связи съ засѣданіями этой секціи слѣдуетъ упомянуть также и о засѣданіи професcіональной секціи, въ которомъ обсуждался вопросъ о женщинахъ, фабричныхъ и санитарныхъ инспекторахъ. Миссъ Андерсонъ (глава женскихъ фабричныхъ инспекторовъ въ Англіи) привела слѣдующія любопытныя цифровыя данныя, характеризующія дѣловыя способности женщинъ-фабричныхъ инспекторовъ: въ 1897 году изъ 97 преслѣдованій противъ фабрикантовъ, возбужденныхъ женскими фабричными инспекторами, 86 были признаны подлежащими взысканію, а въ 1898 г. изъ 207 слѣдствій было 204 взысканія. Въ настоящее время женскіе фабричные инспектора существуютъ, кромѣ Англіи и Америки, въ Германіи, Голландіи и Канадѣ.

Изъ всѣхъ засѣданій конгресса больше всего публики привлекло засѣданіе профессіональной секціи, посвященное драмѣ, гдѣ докладчицами выступили извѣстныя англійскіе актрисы. Много народу было также на секціяхъ литературы и журналистики, но, несмотря на интересный вопросъ эти засѣданія были совсѣмъ неинтересны: большинство докладовъ представляли варьяціи на тему о томъ, что женщины съ незапамятныхъ временъ занимаются литературой (приводились примѣры Маріи Тюдоръ и Маргариты Наваррской), и если онѣ до сихъ не совершили ничего особенно великаго въ этой области, то въ этомъ виновата злокозненность мужчинъ. Среди моря фразъ и общихъ мѣстъ, произносившихся по этому поводу, особенно пріятное впечатлѣніе произвелъ докладъ г-жи Мильде о современныхъ женщинахъ-писательницахъ въ Германіи. Докладъ этотъ былъ умѣло составленъ, не загроможденъ именами и цифрами, и давалъ характеристику молодыхъ «нѣмецкихъ писательницъ Лауры Моргольмъ, Елены Белау, Габріель Реутеръ и др.» указывалъ на особенности ихъ творчества, на ихъ міровоззрѣніе, на ихъ женскіе типы. Она настолько заинтересовала присутствующихъ, что, когда, посреди чтенія г-жи Мильде, раздался звонокъ предсѣдательницы, призывающій ее къ окончанію доклада, публика единодушно стала требовать, чтобы г-жѣ Мильде дали докончить ее докладъ, и предсѣдательница должна была подчиниться этому требованію. Такіе случаи на конгрессѣ бывали не часто. На секціи журналистики нѣкоторый интересъ возбудилъ коротенькій докладъ m-lle Sainte-Croix о женской газетѣ «La Fronde» въ Парижѣ.

Представительницы Россіи выступили съ докладами въ секціи медицины. Русскія женщины врачи — г-жи Козакевичъ и Познанская—читали доклады о положеніи женскаго медицинскаго образованія и о дѣятельности женщинъ врачей въ Россіи. Интересный докладъ г-жи Козакевичъ, въ которомъ она говоритъ о государственной службѣ женщинъ врачей и упоминаетъ также о трудной работѣ земскихъ врачей въ деревняхъ, былъ вкратцѣ изложенъ въ нѣсколькихъ англійскихъ газетахъ.

Интересны были также засѣданія, посвященныя вопросу о земледѣліи и садоводствѣ, какъ поприщахъ для женской дѣятельности. Оказалось, что англійскія и американскія женщины съумѣли завоевать себѣ прочное положеніе въ этихъ областяхъ, и въ особенности въ садоводствѣ. Дѣвушки, оканчивающія школу садоводства въ Сванли (около Лондона), съ двухъ-годичнымъ курсомъ, получаютъ потомъ хорошо-оплачиваемыя мѣсса lady-gardners въ разныхъ общественныхъ паркахъ, которыхъ такъ много въ Англіи, и у частныхъ лицъ.

Засѣданія профессіональной секціи показали, что женщины пробили себѣ дорогу къ интеллигентному труду и что въ настоящее время существуетъ обширный контингентъ интеллигентныхъ работницъ, существующихъ исключительно

M-lle Sainte-Croix.

своими заработками. Каковы-же условія жизни этихъ интеллигентныхъ работницъ, не тѣхъ счастливицъ, которыя зарабатываютъ десятки тысячъ медицинской практикой или имѣютъ обезпеченное положеніе учительницъ въ общественныхъ школахъ, а тѣхъ многихъ незамѣтныхъ тружениць, которыя перебиваются частными уроками и случайными заработками? Этому вопросу былъ посвященъ обстоятельный и талантливо-составленный докладъ м-ра Паркера объ «общежитіяхъ для интеллигентныхъ труженицъ». Въ Лондонѣ, съ его огромными разстояніями и дорогими квартирами, жизнь женщинъ, зарабатывающихъ 20—30 шил. въ недѣлю (12—15 р. на наши деньги) представляется особенно-тяжелой. М-ръ Паркеръ приводитъ нѣсколько типическихъ недѣльныхъ бюджетовъ такихъ интеллигентныхъ работницъ: «миссъ Смитъ», дочь священника, состоитъ секретаремъ въ одномъ учебномъ заведеніи, ведетъ всю дѣловую переписку, составляетъ отчеты, и пр. и получаетъ за свою работу 25 шил. Она живетъ на окраинѣ и платитъ за свою комнату 10 шил. въ недѣлю. Обѣдъ и утренній чай стоятъ ей $7^1/_2$ шил., проѣздъ на омнибусѣ 6 пенсовъ въ день, такъ что на самые необходимые расходы у ней уходитъ 21 шил. На оставшіеся 4 шиллинга, она должна оплатить завтракъ, стирку бѣлья, отопленіе и освѣщеніе.

«Миссъ Джонсъ»—дочь обѣднѣвшихъ родителей, получила хорошее образованіе, и занимается въ Британскомъ музеѣ, дѣлая выписки для одного писа-

теля, который платитъ ей за это 28 шил. въ недѣлю. Послѣ цѣлаго дня работы надъ пыльными фолліантами старыхъ историческихъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, ей предстоитъ 3/4 часа ѣзды до Чельзи, гдѣ она занимаетъ крошечную комнату, въ которой два человѣка съ трудомъ могли-бы стоять рядомъ. Послѣ скуднаго обѣда, вкушаемаго, сидя на постелѣ, она проводитъ вечеръ за перепиской и переводомъ выписокъ, сдѣланныхъ въ теченіе дня. За комнату она платитъ 8 1/2 шил., обѣдъ, чай, и пр. поглащаютъ 18 шил., и на завтраки, чай, одежду, газету, марки, и всякія развлеченія ей остается 2 шиллинга въ недѣлю.

Чтобы облегчить жизнь этого класса интеллигентныхъ труженицъ, которыя, по справедливости могутъ быть названы интеллигентными пролетаріями, м-ръ Паркеръ предлагаетъ устроить дешевые отели особаго типа, причемъ особенно подчеркиваетъ, что все предпріятіе должно быть совершенно свободно отъ всякой благотворительной окраски, и ведено на чисто дѣловыхъ началахъ. Предполагаемое общежитіе должно состоять изъ 450 комнатъ—70 двойныхъ спаленъ по 3 шил. въ недѣлю съ каждой обитательницы, 50 большихъ одиночныхъ спаленъ по 7 1/2 шил., и 280 маленькихъ спаленъ по 5 шил. Пользованіе общими столовыми и гостиными предоставляется всѣмъ безплатно. Стоимость жизни, включая обѣдъ и завтракъ, расходы на отопленіе, освѣщеніе и пр. не будутъ превышать десяти шиллинговъ. М-ръ Паркеръ приложилъ къ своему докладу подробную смѣту, доказывающую, что все это можно осуществить и получать еще 5% на затраченный капиталъ. Дешевизна достигается веденіемъ дѣла въ крупныхъ размѣрахъ.

Герцогиня Судерландская.

На засѣданіяхъ «промышленной и законодательной секціи» особенно ярко сказалась полная внѣ-партійность международнаго женскаго совѣта, являющаяся однимъ изъ руководящихъ принциповъ его дѣятельности. Въ конгрессѣ принимали участіе многія представительницы высшей англійской аристократіи. Засѣданія секцій обыковенно происходили подъ предсѣдательствомъ какой-нибудь лэди—герцогини Судерландской, лэди Бальфуръ, лэди Ботерси, лэди Кастльдоунгъ, и др. И несмотря на это, организація промышленной секціи была поручена м-съ Макдональдъ, которая обозначена въ спискѣ участницъ конгресса какъ «членъ независимой рабочей партіи» (Iudependent labour party). Доклад-

чицами въ этой секціи выступали нѣкоторые соціалистическіе дѣятели (напр. Гербертъ Бёрроузъ, секретарь союза спичечныхъ рабочихъ) и такіе писатели, какъ м-съ Веббъ и ея мужъ, извѣстный экономистъ Сидней Веббъ; въ преніяхъ принимало участіе нѣсколько работницъ. Присутствіе на одной и той-же эстрадѣ, въ качествѣ ораторовъ конгресса, такихъ крайнихъ элементовъ соціальной лѣстницы, какъ лэди Абердинъ, бывшая вице-королева Канады, и м-съ Гиксъ, работница, обитающая въ трущобахъ Восточнаго Лондона, разсматривалось всѣми какъ нѣчто вполнѣ нормальное, находящееся въ порядкѣ вещей. Работницы держали себя совершенно свободно и непринужденно, говорили дѣльно и сдержанно, и по своему внѣшнему виду, и по манерѣ говорить рѣшительно ничѣмъ не выдѣлялись среди остальныхъ членовъ конгресса. Публика тоже не выдѣляла ихъ изъ остальныхъ ораторовъ. Во время преній по рабочему вопросу мнѣ невольно вспомнилось одно изъ прошлогоднихъ засѣданій Вольно-экономическаго общества, когда, случайно-присутствовавшій въ собраніи крестьянинъ Кіевской губ. сказалъ нѣсколько словъ о земледѣльческой артели, устроенной въ его селѣ Н. В. Левитскимъ. Онъ говорилъ на малороссійскомъ языкѣ, мало-понятномъ для большинства слушателей, но тѣмъ не менѣе публика устроила ему такую бурную овацію, какъ будто рѣчь его была верхомъ ораторскаго искусства. Здѣсь ничего подобнаго не было, и несомнѣнно, въ этомъ

М-съ Веббъ.

спокойно-дѣловомъ отношеніи къ представительницамъ другого общественнаго класса сказывалась высшая культурность и несравненно больше истиннаго демократизма, чѣмъ въ нашихъ шумныхъ восторгахъ передъ «меньшимъ братомъ». При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что большинство устроительницъ конгресса отнюдь нельзя было заподозрить въ соціалистическихъ тенденціяхъ. Напротивъ, женское движеніе въ Англіи имѣетъ рѣзко-выраженный, классовой характеръ и наиболѣе видныя представительницы его относятся враждебно нетолько къ соціализму, но и къ гораздо болѣе скромнымъ вещамъ, какъ напр. законодательная охрана женскаго труда. Но онѣ считаютъ, что на конгрессѣ должна быть предоставлена полная свобода мнѣній, и что слѣдуетъ выслушать также и заинтересованныхъ лицъ.

Существенныя разногласія между членами конгресса выяснились на первомъ же засѣданіи промышленной секціи, посвященномъ вопросу о «фабричномъ законодательствѣ для женщинъ», происходившемъ подъ предсѣдательствомъ лэди Лауры Ридингъ. Меня это засѣданіе особенно интересовало потому, что на немъ должна была читать докладъ самая выдающаяся женщина изъ всѣхъ, принимавшихъ участіе въ конгрессѣ—Беатриса Веббъ, авторъ книги о «Кооперативномъ движеніи въ Англіи», считающейся лучшимъ сочиненіемъ по данному вопросу ряда статей по рабочему вопросу. Послѣдніе годы она вмѣстѣ

со своимъ мужемъ работала надъ исторіей англійскихъ рабочихъ союзовъ, и результатомъ ихъ совмѣстныхъ трудовъ явились два обширныхъ изслѣдованія (Sydney and Beatrice Webb: «History of the english Trade-unionism» и «Industrial democracy»). Какъ личность, мр-съ Веббъ производитъ очень привлекательное впечатлѣніе: у нея красивые, темные глаза, нервное, выразительное лицо, и во всемъ существѣ ея сквозитъ что-то мягкое и ласковое, совершенно не соотвѣтствующее воинственному тону ея рѣчей. Ей приходилось говорить въ чужой и враждебной средѣ, и она намѣренно подчеркивала нѣкоторыя рѣзкости, какъ бы бросая вызовъ присутствовавшей публикѣ. Собственно говоря, въ рѣчи ея не было ничего особенно новаго или смѣлаго, но здѣсь она казалась всѣмъ страшно-радикальной и дѣйствительно, ея точка зрѣнія радикально расходилась съ точкой зрѣнія остальныхъ ораторовъ. «Я должна прежде всего заявить» начала она, «что стою за законодательную регламентацію труда всѣхъ категорій рабочихъ и во всѣхъ отрасляхъ производства».

«Но въ настоящее время такая регламентація немыслима, благодаря глупости англійскаго парламента («Stupidity of parlament»—эта фраза, произвела сенсацію: раздались сдержанныя восклицанія: «о, о!» и «это ужъ слишкомъ!»). Поэтому приходится брать то, что болѣе достижимо—т. е. законодательное огражденіе труда женщинъ и дѣтей».—Затѣмъ мр-съ Веббъ упомянула о распространенномъ среди англійскихъ феминистокъ убѣжденіи, будто фабричное законодательство только ухудшаетъ положеніе работницъ, и что оно стѣсняетъ личную свободу и ограничиваетъ рынокъ для предложенія труда. «Въ жизни рабочихъ отсутствіе регламентаціи не равнозначуще со свободой»—говорила она.—«Пятидесяти-лѣтній опытъ фабричнаго законодательства въ Англіи доказалъ намъ, что это законодательство нетолько не уменьшаетъ личной свободы, а наоборотъ, значительно содѣйствуетъ ея развитію. Всякій знаетъ, что Ланкаширскія ткачихи, напримѣръ, условія труда и рабочее время, которыхъ строго опредѣлены закономъ, именно поэтому и пользуются несравненно большей свободой, чѣмъ работницы въ такъ называемомъ домашнемъ производствѣ, берущія работу на домъ и работающія по 14 часовъ въ сутки. Эти ткачихи нетолько являются гораздо болѣе искусными работницами, онѣ также принимаютъ участіе въ общественной жизни, и наравнѣ съ мужчинами состоятъ членами рабочихъ союзовъ, кооперативныхъ обществъ, и пр. Утверждаютъ, будто, благодаря введенію спеціальнаго фабричнаго законодательства, ограждающаго женскій трудъ, фабриканты будутъ замѣнять женскій трудъ мужскимъ, чтобы избѣгнуть возни съ фабричнымъ инспекторомъ, и такимъ образомъ женщинамъ грозитъ опасность быть вытѣсненными изъ огражденныхъ закономъ отраслей производства. Не говоря уже о томъ, что замѣна женскаго труда мужскимъ была бы очень невыгодна для фабриканта, такъ какъ женскій трудъ гораздо дешевле мужского, это опасность потому уже не можетъ угрожать женщинамъ, что почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности эта воображаемая конкурренція между мужчинами и женщинами вовсе не существуетъ: женщины дѣлаютъ одну работу, мужчины—другую. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ фабричное законодательство сокращаетъ заработокъ нѣкоторыхъ категорій работницъ: такъ запрещеніе ночного труда для женщинъ въ типографіяхъ оказалось невыгоднымъ для наборщицъ. Но не нужно преувеличивать этихъ отдѣльныхъ случаевъ и разсматривать ихъ въ связи съ остальными. Для общаго женскаго дѣла было бы большимъ несчастіемъ, если бы мы принесли въ жертву личную свободу и экономическую независимость нѣсколькихъ милліоновъ женщинъ-работницъ, для того чтобы дать возможность немногимъ тысячамъ изъ нихъ, съ помощью низкой заработной платы и долгаго рабочаго времени, конкуррировать съ мужчинами въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства».

Мр-съ Веббъ говорила очень хорошо и убѣдительно, но намъ, русскимъ, даже

немного странно было слушать ея доводы, до такой степени они казались несомнѣнными и общеизвѣстными. Неужели можно было спорить противъ того, что законъ, ограничивающій рабочее время женщины на фабрикѣ и въ мастерской, улучшаетъ, а не ухудшаетъ ея положеніе? Оказалось, что можно спорить противъ этого, и что споръ этотъ ведется во имя свободы женщины и борьбы съ мужчиной.—Мы заявляемъ, что мужчины во всѣхъ классахъ общества стараются отстранить женщину отъ работы, т. е. конечно отъ такой работы, которая хорошо оплачивается—говорилось въ докладѣ m-me Bélilon (докладъ этотъ читался не ею, а другой француженкой, m-me Ferès de Reni).—Французскіе рабочіе заставили своихъ представителей въ парламентѣ провести такой законъ, который изгналъ женщинъ изъ области промышленности. Законъ 1892 г., который запрещаетъ ночную работу женщинъ, привелъ къ желаемому результату: женщины потеряли работу и она перешла къ мужчинамъ. Конечно, представители сильнаго пола, въ своихъ махинаціяхъ противъ женщинъ, не выдавали своихъ истинныхъ побужденій. О нѣтъ, они говорили о гигіенѣ, о дѣтской смертности, объ уменьшеніи народонаселенія. И надо замѣтить, что эти самые люди, которые такъ заботятся о женщинахъ, никогда не говорятъ о такомъ соціальномъ злѣ, какъ пьянство. На рабочихъ конгрессахъ вы никогда ничего не услышите о необходимости воздержанія: они не хотятъ давать женщинамъ ѣсть, но ничего не имѣютъ противъ того, чтобы мужчины пили, сколько имъ вздумается»... Въ концѣ концовъ, по словамъ докладчицы оказалось, что женщины-работницы вопіютъ противъ фабричнаго законодательства, и что оно навязывается имъ ихъ естественными врагами-мужчинами.

Въ такомъ же смыслѣ высказывались почти всѣ остальные ораторы конгресса. Особенно характерна была рѣчь одной американки, м-съ Стонтонъ-Блотчъ. Изящная и молодая, она держала себя съ непринужденностью хорошенькой женщины, увѣренной въ своемъ успѣхѣ, и съ милой улыбкой говорила ужасающія по своей жестокости вещи.—«Къ чему ведетъэ та наша чрезмѣрная заботливость о женщинахъ?—спрашивала она.—Мы преграждаемъ имъ доступъ къ такъ называемымъ опаснымъ производствамъ, въ которыхъ ежегодно тысячи мужчинъ находятъ преждевременную смерть, и такимъ образомъ создается огромное избыточное населеніе женщинъ, которымъ не за кого выходить замужъ. Лучше бросимъ эти наши непрошенныя благодѣянія и предоставимъ женщинамъ право умирать въ промышленной войнѣ наравнѣ съ мужчинами».—Справедливость требуетъ замѣтить, что м-съ Стантонъ-Блотчъ имѣла гораздо большій успѣхъ, чѣмъ мр-съ Веббъ.

Подъ самый конецъ засѣданія лэди Ридингъ, согласно обычной формулѣ «имѣла удовольствіе заявить собранію», что слѣдующимъ ораторомъ будетъ миссъ Эми Гиксъ. На эстраду вошла пожилая женщина, съ гладко причесанными сѣдѣющими волосами, въ простомъ, но по модному сшитомъ черномъ платьѣ. Она начала мягкимъ груднымъ голосомъ: «Здѣсь много говорили о томъ, что фабричное законодательство приноситъ работницамъ одинъ вредъ, и онѣ возстаютъ противъ него. Я сама работница и могу сказать вамъ, лэди и джентльмены, что это все не правда. Мы, работницы, доказали свое отношеніе къ фабричному законодательству во время проведенія фабричнаго закона 1895 г., когда всѣ женскіе рабочіе союзы и женская кооперативная гильдія агитировали на митингахъ въ пользу этого закона и посылали петиціи въ парламентъ. Кто наполняетъ всѣ ваши благотворительныя убѣжища, учрежденія Св. Магдалины и пр.? Женщины работающія въ домашней промышленности, гдѣ царитъ система вышибанія пота (sweetingsystem), и гдѣ нѣтъ никакихъ законодательныхъ ограниченій свободы труда Вмѣсто того, чтобы заниматься спасеньемъ падшихъ дѣвушекъ, вы, лучше помогли бы имъ добиться лучшаго экономическаго положенія, тогда и эти паденія прекратятся сами собою, а однимъ изъ

главныхъ средствъ для этого—является фабричное законодательство. Я должна замѣтить, что согласна съ каждымъ словомъ, сказаннымъ мр-съ Веббъ»,—закончила она.

Изъ докладовъ, посвященныхъ законодательному огражденію женскаго и дѣтскаго труда въ различныхъ странахъ, интересенъ былъ докладъ миссъ Корти о рабочемъ законодательствѣ Канады. Національный женскій совѣтъ Канады не раздѣляетъ предубѣжденія англійскихъ феминистокъ противъ фабричнаго законодательства и ведетъ дѣятельную агитацію въ пользу его. По словамъ миссъ Корти, главнымъ образомъ, благодаря усиліямъ женскаго совѣта фабричные законы въ провинціи Онтаріо были распространены на всѣ мастерскія, въ которыхъ работаютъ женщины. Въ борьбѣ за лучшія санитарныя условія на фабрикахъ и мастерскихъ, большую роль играютъ женщины фабричные инспектора.

По вопросу о законодательномъ огражденіи дѣтскаго труда, среди членовъ конгресса не было никакихъ разногласій: всѣ единодушно высказывались за необходимость такого огражденія. М-съ Гогъ (Англія) говорила о тяжеломъ положеніи дѣтей, находящихся внѣ сферы дѣйствія фабричнаго закона—дѣтскихъ рабочихъ на земледѣльческихъ фермахъ, уличныхъ торговцевъ и др. Но нарисованная ею картина совершенно поблѣднѣла по сравненію съ той дѣйствительно ужасающей картиной, которая предстала предъ слушателями въ докладѣ представителя Испаніи, профессора Торрида дель Мормоль. изгнанника, живущаго въ Парижѣ. Извѣстно, что въ Англіи еще въ 1847 г. былъ изданъ законъ, запрещающій дѣтямъ моложе 12-ти лѣтъ работать на фабрикахъ и въ рудникахъ. Въ Испаніи до 1873 г. не было никакихъ законовъ, регулирующихъ трудъ женщинъ и дѣтей. Въ 1873 г. былъ изданъ законъ, направленный къ огражденію женскаго и дѣтскаго труда, но законъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, несмотря на многочисленныя петиціи рабочихъ, ходатайствовавшихъ о немъ.

М-съ Эми Гиксъ.

Въ Испаніи дѣти обыкновенно работаютъ 14 часовъ въ день во всѣхъ отрасляхъ производства; но особенно тяжела ихъ жизнь въ копяхъ, гдѣ имъ приходится работать въ самыхъ антигигіеничныхъ условіяхъ за ничтожную плату 5 пезетовъ (около 2 р.) въ недѣлю. Дѣти играютъ большую роль во всѣхъ производствахъ въ Испаніи: въ Астуріи они извлекаютъ каменный уголь, въ Кастиліи, Валенсіи и Эстрамадурѣ работаютъ на поляхъ какъ вьючныя животныя, такъ что среди крестьянъ нерѣдко встрѣчаешь маленькихъ 13-ти лѣтнихъ дѣвочекъ, сгорбленныхъ и сморщенныхъ какъ старухи. Особенно много дѣтей работаетъ на спичечныхъ фабрикахъ.

Докладъ представителя Испаніи заканчивался грустнымъ признаніемъ: «Мы не можемъ говорить объ усовершенствованіи существующихъ фабричныхъ законовъ потому что эти законы у насъ совершенно отсутствуютъ.

На засѣданіи о женскихъ рабочихъ союзахъ слѣдуетъ отмѣтить интересный докладъ m-me Vincent о синдикатахъ работницъ на табачныхъ фабрикахъ во Франціи. М-съ Марландъ Бруди (работница) говорила о женскихъ рабочихъ союзахъ въ Англіи и о томъ повышеніи заработной платы, которое было достигнуто благодаря ихъ дѣятельности. Указавъ на сравнительно медленные успѣхи трэдъ-юніонизма среди женщинъ, м-съ Бруди объяснила это отсталостью женщинъ въ умственномъ отношеніи и обратилась къ членамъ конгресса съ просьбою придти на помощь работницамъ именно въ этой области. Представительница Даніи, м-съ Нелли Ганзенъ, (какъ я узнала потомъ, бывшая работница на папиросной фабрикѣ въ Копенгагенѣ) говорила о развитіи женскихъ рабочихъ организацій въ Даніи. Мы, датскіе соціалъ-демократы, давно уже работаемъ надъ организаціей женскихъ рабочихъ союзовъ,—разсказывала она.—Въ настоящее время въ Даніи организовано 11.000 женщинъ, но руководителями и дѣятелями союзовъ работницъ являются сами же работницы. Женское движеніе въ Даніи стоитъ въ сторонѣ отъ рабочаго движенія.

На засѣданіи, посвященномъ вопросу о женскихъ организаціяхъ для обезпеченія на случай старости и болѣзни, единственнымъ иностраннымъ ораторомъ была г-жа Ястрова, представившая очень дѣльный докладъ о государственныхъ пенсіяхъ престарѣлымъ рабочимъ и работницамъ въ Германіи. Всѣ остальныя докладчицы и лица, принимавшія участіе въ преніяхъ, были англичане. Предсѣдательствовала мр-съ Веббъ и это засѣданіе было однимъ изъ самыхъ дѣловыхъ и содержательныхъ; не было никакихъ широковѣщательныхъ фразъ и разсужденій на общія темы, говорили все лица, близко стоящія къ тѣмъ организаціямъ, о которыхъ шла рѣчь и всѣ они подкрѣпляли свои выводы многими цифровыми данными. Изъ докладовъ и преній выяснилось, что существующія въ Англіи «дружескія общества» (Friendly Society) не могутъ выполнить взятой на себя задачи, потому что они въ состояніи выплачивать слишкомъ ничтожную премію своимъ участницамъ. Вопросъ о пенсіяхъ всѣмъ престарѣлымъ рабочимъ и работницамъ, который теперь ставится на очередь представителями организованнаго труда въ Англіи (членами рабочихъ союзовъ и кооперативныхъ обществъ) былъ подвергнутъ подробному разсмотрѣнію, и большинство ораторовъ пришло къ заключенію, что такое рѣшеніе вопроса о престарѣлыхъ и больныхъ рабочихъ предпочтительнѣе прежняго рѣшенія «дружескихъ обществъ». И здѣсь оказалось, что маленькая Новая Зеландія опередила старыя страны: въ Новой Зеландіи нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ проведенъ законъ, въ силу котораго каждый рабочій и работница, достигшіе 65-ти лѣтъ, имѣютъ право на пенсію въ 30 ф. (300 р.) въ годъ. По замѣчанію м-ра Ривса, этотъ законъ имѣетъ право на особенное вниманіе со стороны женскаго конгресса, потому что онъ былъ проведенъ парламентомъ, члены котораго были избраны при участіи женщинъ избирательницъ.

Я не буду останавливаться на засѣданіяхъ образовательной секціи: въ нихъ было много интереснаго и поучительнаго для педагоговъ, но вообще они давали мало новаго или особенно характернаго. Въ педагогическомъ мірѣ женщина давно уже завоевала себѣ почетное мѣсто и ея успѣхи на этомъ поприщѣ ни для кого не являются новостью. Не буду также говорить о соціальной секціи— главный интересъ ея заключался въ вопросѣ о борьбѣ съ проституціей, а этотъ вопросъ былъ предметомъ обсужденія другого конгресса—«о торговлѣ бѣлыми рабынями», которому я надѣюсь посвятить особую замѣтку въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Міра Божьяго». Скажу только еще нѣсколько словъ о томъ «гостепріимствѣ», которое оказывалось въ Лондонѣ членамъ конгресса. Госте-

пріимство это было дѣйствительно самое широкое. Въ теченіе полуторы недѣли пока продолжался конгрессъ, намъ были открыты двери всевозможныхъ учрежденій—школъ, больницъ, женскихъ колледжей, университетскихъ поселеній, клубовъ для работницъ, и пр. Женскіе клубы устраивали «five o'clock tea» для иностранныхъ делегатокъ, епископъ Лондона приглашалъ ихъ на «garden-party» въ свой дворецъ въ Фульгамѣ, лэди Ротшильдъ разослала всѣмъ членамъ конгресса приглашенія въ свой загородный дворецъ, съ приложеніемъ билета на даровой проѣздъ туда и обратно, многія частныя лица устраивали въ ихъ честь собранія и рауты. Единственной печальной стороной было то, что невозможно было всюду поспѣть.

Просидѣвши съ 10-ти до 4-хъ ч. на засѣданіяхъ секцій, мы стремительно взбирались на омнибусъ и ѣхали совсѣмъ на другой конецъ города—въ Уайтчепель, въ университетское поселеніе Тойнби-Голль, гдѣ насъ угощали чаемъ съ печеньями, и показывали всѣ достопримѣчательности, среди которыхъ видное мѣсто занималъ министръ народнаго просвѣщенія, сэръ Джонъ Горстъ, явившійся сюда, чтобы сказать нѣсколько привѣтственныхъ словъ представительницамъ женскаго конгресса. А вечеромъ предстоялъ раутъ у лэди Баттерси, или герцогини Судерландской, или леди Абердинъ, гдѣ делегатки могли созерцать сказочную роскошь дворцовъ англійской аристократіи и любоваться бриліантовыми діадемами многихъ лэди, которыя днемъ принимали участіе въ преніяхъ конгресса. Когда засѣданія конгресса кончились, лэди Абердинъ повезла иностранныхъ делегатокъ и представительницъ Америки и колоній въ Виндзоръ, и представила ихъ королевѣ Викторіи.

Слѣдующій международный женскій конгрессъ соберется черезъ 5 лѣтъ въ Берлинѣ.

Л. Давыдова.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Ботаника. Органы растеній, служащіе для выдѣленія воды въ жидкомъ видѣ.—Гигіена. Достоинство альбумозы и мясныхъ экстрактовъ, какъ пищевыхъ средствъ.—Минералогія. Естественная окраска минераловъ.—Зоологія. О самостоятельныхъ движеніяхъ псевдоподій у корненожекъ.—Астрономическія извѣстія.

Ботаника. *Органы растеній, служащіе для выдѣленія воды въ жидкомъ видѣ.* Въ послѣднее время вниманіе ботаниковъ, занимающихся анатоміей и физіологіей растеній, все болѣе и болѣе привлекають такъ называемыя водяныя устьица. Эти органы уже давно были извѣстны, но значеніе ихъ для растенія не было достаточно оцѣнено. Новѣйшія изслѣдованія показали, что дѣятельность ихъ связана съ такимъ важнымъ отправленіемъ, какъ передвиженіе по растенію всасываемыхъ изъ почвы растворовъ. Приэтомъ выяснилось, что самыя устьица, гдѣ онѣ встрѣчаются, составляютъ лишь часть сложнаго аппарата, такъ что для этихъ органовъ нужно было придумать новое названіе: чаще всего ихъ называютъ теперь гидатодами. Въ началѣ нынѣшняго года появилась статья извѣстнаго нѣмецкаго ботаника Габерландта, въ которой изложены его изслѣдованія надъ этими органами у одной тропической ліаны. Въ этой статьѣ сообщаются факты, интересные сами по себѣ и, кромѣ того, имѣющіе общее значеніе, такъ какъ они связываются съ вопросами наслѣдственности.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію работы Габерландта, я считаю умѣстнымъ дать нѣкоторое понятіе о строеніи и дѣятельности гидатодъ.

Всякій знаетъ, что растенія испаряютъ значительныя количества воды. Растенія, какъ и животныя, принимаютъ питательныя вещества въ видѣ растворовъ: и у животныхъ, чтобы дойти до тканей, пища должна превратиться въ растворъ и затѣмъ всосаться черезъ оболочку, лишенную отверстій. Если по одну сторону перепонки находится крѣпкій, по другую слабый растворъ, то, на основаніи физическихъ законовъ, въ болѣе крѣпкій растворъ вода переходитъ изъ слабаго до уравненія концентраціи. Поэтому понятно, что принимаемые организмами растворы должны быть менѣе крѣпки, чѣмъ растворы въ ихъ сокахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ организмы отдавали бы воду растворамъ, которые имъ нужно всосать; очевидно, растенія приэтомъ должны были бы завянуть. Слѣдовательно, и въ растеніяхъ, и въ животныхъ постоянно накопляется нѣкоторый избытокъ воды, который и удаляется у растеній обычно посредствомъ испаренія въ листьяхъ. Такимъ образомъ устанавливается постоянный токъ питательныхъ растворовъ по всему растенію отъ тончайшихъ волосковъ на корняхъ, гдѣ эти растворы всасываются, до поверхности листьевъ, гдѣ испаряется лишняя вода. Но не всегда она бываетъ дѣйствительно лишней. Часто, наоборотъ, отъ недостатка воды страдаютъ растенія,—въ такихъ случаяхъ для нихъ выгоднѣе, чтобы уменьшилось или даже прекратилась передвиженіе соковъ, если съ этимъ связано сохраненіе воды, чѣмъ подвергнуться высы-

ханію. Въ дѣйствительности мы видимъ, что растенія очень долго сохраняютъ свѣжесть, несмотря на бездождіе, и это потому, что у нихъ имѣются аппараты, регулирующіе выдѣленіе воды въ видѣ паровъ соотвѣтственно степени влажности окружающаго воздуха. Растенія пронизаны системой полостей и ходовъ, такъ называемыми межклѣтниками, которые открываются на поверхности въ громадномъ количествѣ, главнымъ образомъ въ листьяхъ. Въ этихъ мѣстахъ находятся автоматическіе аппараты *), образованные каждый двумя клѣтками, которыя такъ устроены, что во влажномъ воздухѣ, вслѣдствіе потери воды и измѣненія ихъ формы, онѣ раздвигаются, открывая межклѣтникъ, въ сухомъ—смыкаются и прекращаютъ сообщеніе наружнаго воздуха съ внутренней атмосферой растенія. Остальная поверхность листа покрыта тоненькой пленкой особаго вещества, не пропускающаго паровъ воды. Въ клѣткахъ, съ поверхности которыхъ испаряется вода въ межклѣтники, происходятъ кромѣ того и другіе процессы, связанные съ выдѣленіемъ газовъ: дыханіе, которое здѣсь, какъ и у животныхъ, сказывается въ поглощеніи кислорода воздуха и выдѣленіи углекислоты, и обратный процессъ (происходящій только на свѣтѣ)—разложеніе углекислоты воздуха съ выдѣленіемъ кислорода; онъ служитъ для доставленія растенію необходимаго ему углерода, заключеннаго въ углекислотѣ, и далеко превышаетъ дыханіе.

Изъ сказаннаго ясно, на сколько важно для растенія, чтобы доступъ воздуха въ межклѣтники не былъ надолго прекращенъ.

Бываютъ однако случаи, когда растеніе не можетъ обойтись испареніемъ излишней воды и принуждено выдѣлять ее въ видѣ жидкости, для чего и служатъ гидатоды. Это способъ обычный для животныхъ, у которыхъ помимо испаренія при посредствѣ легкихъ, вода выдѣляется въ мочѣ и въ видѣ капель пота на поверхности тѣла, особенно въ тепломъ и сыромъ воздухѣ. У растеній необходимость выдѣлять воду въ жидкомъ видѣ является въ тѣхъ случаяхъ если испареніе ея недостаточно или совершенно невозможно.

Молодые органы, напр. листочки, развивающіеся весною, когда воздухъ относительно болѣе влаженъ, въ которыхъ и межклѣтники, и устьица еще слишкомъ слабо развиты, весьма часто выдѣляютъ капли воды, что даетъ возможность растенію поддерживать и здѣсь необходимое передвиженіе соковъ. У водяныхъ растеній даже въ тѣхъ случаяхъ, когда листья ихъ нѣсколько выдаются надъ водой или плаваютъ на поверхности, условія для испаренія очевидно слишкомъ невыгодны, и, соотвѣтственно, этому мы видимъ, что такіе листья обильно выдѣляютъ воду въ видѣ жидкости. Есть одно чужеядное растеніе Петровъ Крестъ (Lathraea squamaria), которое поселяется глубоко въ землѣ на корняхъ другихъ растеній, цвѣты-же образуетъ на поверхности земли. Чешуйки, покрывающія его корневище и замѣняющія листья, выдѣляютъ большія количества воды особенно весною: Lathraea высасываетъ соки изъ корней растенія, на которомъ она поселяется, задерживаетъ находящіяся въ нихъ питательныя вещества, а воду выдѣляетъ въ окружающую почву посредствомъ своихъ чешуй. Здѣсь значеніе выдѣленія воды въ жидкомъ видѣ особенно ясно сказывается. Поразительно громадныя количества воды выдѣляются на листьяхъ тропическихъ растеній въ жаркихъ и влажныхъ мѣстностяхъ: у нѣкоторыхъ ліанъ такъ много, что, при сотрясеніи, капли падаютъ ливнемъ, растенія какъ будто обливаются потомъ. Влажность воздуха не бываетъ постоянной. Ночью она приближается къ предѣльной, пары почти насыщаютъ воздухъ, но днемъ, даже и въ тропическихъ странахъ, растенію предоставлена возможность испарять большія количества воды, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе поглащенія тепловой энергіи солнечныхъ лучей растеніемъ выдѣляется паровъ воды въ нѣсколько разъ

*) Ихъ называютъ устьицами.

больше, чѣмъ при той же температурѣ въ темнотѣ. Почему же растеніе въ этихъ обстоятельствахъ прибѣгаетъ еще къ выдѣленію воды въ жидкомъ видѣ? Существующіе въ растеніяхъ аппараты для доставленія питательныхъ растворовъ изъ корней въ стебель и листья приспособлены такъ, чтобы растеніе не испытывало недостатка въ водѣ, когда оно на свѣту наиболѣе энергично производитъ разложеніе углекислоты, когда, слѣдовательно, устьица его открыты и оно особенно обильно испаряетъ воду. Съ наступленіемъ ночи испареніе прекращается, аппараты же, доставляющіе воду, дѣйствуютъ почти по-прежнему.

Если вода не удаляется при посредствѣ гидатодъ, то сильнымъ давленіемъ она будетъ выдѣляться въ межклѣтники, откуда и на утро при посредствѣ мельчайшихъ отверстій устьицъ, т. е. съ весьма малой поверхности, она испарится лишь очень нескоро, такъ что весь газовый обмѣнъ—и дыханіе, и разложеніе углекислоты—прекратится на нѣсколько часовъ. Кромѣ того, если давленіе воды въ растеніи будетъ слишкомъ велико,—проводящія ее трубки и окружающія ткани могутъ разорваться. Всѣ эти неблагопріятныя послѣдствія и въ дѣйствительности наблюдаются, если искусственно прекратить дѣятельность гидатодъ, а иногда и въ естественныхъ условіяхъ у растеній, лишенныхъ ихъ.

Строеніе гидатодъ (наиболѣе распространенныхъ и типичныхъ) слѣдующее. Мы à priori можемъ сказать, что онѣ должны быть такъ устроены, чтобы выдѣлялся только избытокъ воды. Это достигается тѣмъ, что гидатоды представляютъ извѣстное сопротивленіе направляющемуся къ нимъ току воды, т. е. слѣдовательно, дѣйствуютъ лишь при значительномъ повышеніи гидростатическаго давленія въ растеніи. У водяныхъ растеній, которымъ не грозитъ опасность засохнуть, такихъ приспособленій можетъ и не быть, и дѣйствительно у нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находимъ гидатоды весьма простого строенія: онѣ представляютъ собой простыя отверстія въ тканяхъ листа, чаще всего на кончикѣ или на краю, куда открываются трубки, проводящія воду по растенію—сосуды, которые обыкновенно соединяются въ пучки и въ такомъ видѣ хорошо замѣтны почти въ каждомъ листѣ (жилки или нервы). Чаще всего гидатода представляетъ собой обособленный участокъ своеобразной ткани листа, ограниченный плотно сомкнутыми клѣтками, къ которому подходятъ сосудистые пучки; надъ нимъ образуется небольшая полость, открывающаяся наружу отверстіемъ, похожимъ на обыкновенныя устьица, но не закрывающимся. Третій типъ гидатодъ сходенъ съ весьма распространеными у растеній наружными железами: это волоски, образованные живыми клѣтками, которые высачиваютъ на кончикѣ капли воды.

Опыты предпринятые для рѣшенія вопроса, чѣмъ регулируется выдѣленіе воды въ гидатодахъ (конечно, только тамъ, гдѣ нѣтъ непосредственнаго сообщенія сосудистыхъ пучковъ съ окружающей средой), показали, что во многихъ случаяхъ въ этомъ замѣшаны жизненныя свойства клѣтокъ ткани, выдѣляющей воду; по крайней мѣрѣ, если убить ихъ (для этого достаточно снаружи смазать слабымъ растворомъ сулемы, мѣднаго купороса, формалина, кокаина и т. д. соотвѣтствующіе участки листа), чтобы выдѣленіе воды прекратилось.

Работа Габерландта, помѣщенная въ сборникѣ, изданномъ къ юбилею знаменитаго ботаника Швендера, и озаглавленная: «Ueber experimentelle Hervorrufung eines neuen Organes», заключаетъ въ себѣ изслѣдованія надъ измѣненіями, которыя вызываетъ въ листѣ тропической ліаны Conocephalus ovatus такое отравленіе гидатодъ. Въ «Naturwissenschaftliche Wochenshrift» Bd. XIV Nr. 25 помѣщенъ рефератъ этой статьи, который мнѣ и послужилъ для дальнѣйшаго изложенія. Гидатоды Conocephalus принадлежатъ ко второму изъ описанныхъ мною типовъ органовъ, выдѣляющихъ воду. Вода выдѣляется при посредствѣ клѣтокъ особаго строенія, лежащихъ на днѣ углубленія въ поверхности листа.

Снизу къ нимъ подходятъ сосудистые пучки, образуя здѣсь узелъ, надъ ними находится кожица, образованная однимъ слоемъ клѣтокъ, между которыми имѣется отъ 30 до 40 отверстій, служащихъ для выведенія капелекъ воды на поверхность листа. Число гидатодъ на одномъ листѣ достигаетъ нѣсколькихъ сотъ. Онѣ выдѣляютъ жидкость, содержащую лишь 0,045% твердаго вещества, т. е. почти чистую воду и притомъ въ весьма значительномъ количествѣ: съ каждаго листа за ночь около $2^3/_4$ грамма, т. е. нѣмного меньше чайной ложки; поэтому неудивительно, что утромъ при сотрясеніи ствола вода скатывалась съ листьевъ настоящимъ ливнемъ.

Отравляя гидатоды на одной половинѣ листа посредствомъ смазыванія 0,1% растворомъ сулемы въ спиртѣ, авторъ наблюдалъ, во-первыхъ, что на этой половинѣ выдѣленіе воды прекращалось, а межклѣтники наполнялись водой, которая, впрочемъ, къ полудню (т. е. за 6 часовъ) испарялась, во-вторыхъ (и въ этомъ лежитъ центръ тяжести всей работы) по прошествіи нѣсколькихъ дней на «отравленной» половинѣ листа, (гдѣ всѣ неподвергнутые дѣйствію сулемы участки оставались живы и въ совершенно нормальномъ состояніи) развивались новыя гидатоды, неимѣющія никакого сходства съ обычными и никогда въ иныхъ условіяхъ необразующіяся. Здѣсь мы имѣемъ слѣдовательно, дѣло съ искусственно вызваннымъ образованіемъ новаго органа, несвойственнаго растенію. Это не регенерація, не возобновленіе утраченнаго органа, чему извѣстно такъ много примѣровъ и въ растительномъ, и въ животномъ царствѣ, а появленіе новаго, рѣзко отличающагося по своему строенію, что особенно поразительно, если вспомнить, съ какой точностью до мельчайшихъ подробностей воспроизводится при регенераціи строеніе возобновляемаго органа. Гидатоды Conocephalus, развивающіяся взамѣнъ отравленныхъ, представляютъ собой пучки множества волосковидныхъ клѣтокъ, выдающихся надъ поверхностью листа, которыя выдѣляютъ столько же воды, какъ и обычныя гидатоды, такъ что съ появленіемъ ихъ періодическое наполненіе водою межклѣтниковъ прекращается.

Таковы факты. Они настолько своеобразны и неожиданны, что вполнѣ естественнымъ является желаніе автора сопоставить и какъ нибудь примирить ихъ съ общими положеніями современныхъ теорій наслѣдственности. Мы различаемъ въ организмахъ черты строенія, передающіяся наслѣдственно и появляющіяся вновь подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій. Первыя, такъ сказать, болѣе качественнаго характера, вторыя—количественнаго. Напримѣръ, если наземное растеніе развивается въ водѣ, то оно пріобрѣтаетъ сходство съ водяными растеніями: межклѣтники его увеличиваются, стебель становится длиннѣе и тоньше, сосудистые пучки слабѣе развиты и т. д. Здѣсь органы измѣняются только въ размѣрахъ. Передаваемыя же по наслѣдству признаки, какъ напр. форма и число частей цвѣтка, строеніе волосковъ, покрывающихъ кожицу и т. д. сохраняются съ поразительнымъ постоянствомъ. Пріобрѣтенныя измѣненія, если организмъ въ теченіе многихъ поколѣній подвергался однимъ и тѣмъ же внѣшнимъ вліяніямъ, могутъ закрѣпиться и стать наслѣдственными, и наоборотъ наслѣдственные признаки могутъ утрачиваться, но это происходитъ лишь постепенно, утраченный органъ долго остается въ видѣ рудиментарнаго образованія, а вновь пріобрѣтаемый—медленно совершенствуется.

Теоріи наслѣдственности стремятся связать появленіе постоянныхъ признаковъ съ матеріальною основой, такъ какъ самопроизвольнаго зарожденія не существуетъ, т. е. организмы появляются вновь въ постоянныхъ и характерныхъ формахъ, исключительно вслѣдствіе роста и развитія уже имѣющейся хотя бы и мельчайшей частица живого существа, которая заключаетъ въ себѣ клѣточное ядро, принадлежащее этому материнскому организму, или часть его. Поэтому полагаютъ, что въ ядрѣ именно заключены мельчайшія частицы, являющіяся носителями наслѣдственныхъ свойствъ и неизмѣнно передающіяся потом-

камъ. Вотъ почему внезапное появленіе новаго развитаго органа такъ трудно мирится съ существующими теоретическими представленіями. Если въ организмѣ нѣтъ частицъ, съ которыми связана способность его образовать данный органъ, онъ и появиться не можетъ, если эти частицы есть, то хотя бы въ измѣненномъ видѣ органъ долженъ появляться всегда.

Замѣняющія гидатоды, открытыя Габерландтомъ, нельзя отнести къ приспособленіямъ, такъ какъ они качественно отличаются и по формѣ, и по происхожденію (на чемъ авторъ подробно останавливается) отъ всѣхъ существующихъ въ данномъ организмѣ образованій. Съ другой стороны, ихъ нельзя считать наслѣдственными, такъ какъ они появляются внезапно въ окончательной, развитой формѣ только въ искусственныхъ условіяхъ при отравленіи обычныхъ гидатодъ и въ другое время никогда не наблюдается появленія хотя бы зачатковъ ихъ.

Авторъ старается объяснить образованіе этихъ органовъ на основаніи раздѣляемыхъ имъ теоретическихъ представленій о наслѣдственности слѣдующимъ образомъ. Элементы новыхъ образованій—волосковидныя клѣтки являются аналогичными корневымъ волоскамъ, которые въ атмосферѣ, насыщенной парами воды, такъ же могутъ выдѣлять капельки воды,—слѣдовательно для появленія ихъ въ организмѣ растенія имѣются задатки, связанные съ соотвѣтствующими матеріальными частицами; соединеніе же этихъ элементовъ въ новый органъ надо считать реакціей растенія на внѣшнее воздѣйствіе, т. е. на тѣ неблагопріятныя условія, которыя возникаютъ при утратѣ обычныхъ гидатодъ.

Итакъ, составныя части новаго органа наслѣдственны, комбинація же ихъ, планъ его строенія является результатомъ приспособленія къ новымъ условіямъ.

Такое объясненіе допускаетъ много возраженій (хотя бы, напр., съ точки зрѣнія происхожденія элементовъ въ замѣняющихъ гидатодахъ: они происходятъ эндогенно, т. е. внутри тканей листа, тогда какъ корневые волоски представляютъ собою не что иное, какъ отростки клѣтокъ кожицы), но разборъ его потребовалъ бы сообщенія слишкомъ спеціальныхъ свѣдѣній о строеніи и развитіи растеній.

Гигіена. ***Достоинства альбумозы и мясныхъ экстрактовъ, какъ пищевыхъ средствъ.*** Различныя вещества, которыя человѣкъ употребляетъ въ пищу, можно раздѣлить на двѣ категоріи: пищевыя средства въ собственномъ смыслѣ и приправы. Названіемъ пищевого средства обозначаютъ всякое вещество, которое, будучи измѣнено соками пищеварительнаго канала, доставляетъ матеріалъ для возстановленія тканей и для выдѣленія животной теплоты. Болѣе скромная, но, тѣмъ не менѣе, важная роль принадлежитъ веществамъ, называемымъ приправами: онѣ также содержатъ питательные элементы, но главное ихъ назначеніе въ томъ, чтобы придавать пищѣ больше вкуса, чѣмъ вызывается болѣе обильное выдѣленіе желудочнаго сока.

Если сравнивать животный организмъ съ машиною, то пищевыя вещества представятъ собою уголь, который даетъ необходимую силу, чтобы машина могла дѣйствовать, приправы же соотвѣтствуютъ маслу, которое устраняетъ треніе и облегчаетъ взаимодѣйствіе отдѣльныхъ частей. И пища, и приправы имѣютъ вполнѣ опредѣленное значеніе для жизнедѣятельности организма и одинаково необходимы для дѣйствія живой машины.

Среди предвзятыхъ мнѣній относительно питательнаго значенія извѣстныхъ веществъ особенно распространено въ публикѣ неправильное представленіе относительно достоинства мясного экстракта. Многіе воображаютъ, что экстрактъ этотъ представляетъ собою настоящую квинтъ-эссенцію, содержащую въ себѣ наиболѣе питательныя части мяса, и что ложечка экстракта можетъ вполнѣ замѣнить хорошій бифштексъ. Мы не будемъ разбирать, откуда происходитъ такой предразсудокъ; но очевидно, что только, благодаря этому грубому заблу-

жденію, можетъ существовать производство мясного экстракта, которое въ послѣднее время такъ сильно развилось въ Америкѣ и въ Англіи. Во всѣхъ объявленіяхъ, публикуемыхъ различными промышленными компаніями (Armour, Wyeth, Liebig, Kemmerich и т. д.), мясной экстрактъ опредѣляется, какъ «лучшее пищевое средство, содержащее всѣ возбуждающія, питательныя и крѣпительныя части мяса въ легкоусвояемой формѣ». Въ дѣйствительности это увѣреніе является крайней дерзостью. Мясной экстрактъ не пищевое средство, это просто приправа, потому что количество питательныхъ веществъ, содержащихся въ немъ, весьма ограниченно и къ тому же его нельзя употреблять въ пищу въ значительныхъ количествахъ. Факты, которые мы сообщимъ на основаніи работы, недавно опубликованной Voit'омъ, докажутъ это съ достаточной очевидностью.

Мясной экстрактъ, приготовленный въ первый разъ еще Proust'омъ въ 1821 году, представляетъ собою не что иное, какъ мясной бульонъ, сгущенный до консистенціи сиропа. Слѣдовательно, какъ и обыкновенный бульонъ, онъ содержитъ составныя части мяса, растворяемыя въ горячей водѣ. Прежніе анализы, произведенные Kemmerich'омъ, обнаружили въ мясномъ экстрактѣ присутствіе 27% бѣлковыхъ веществъ. Новые анализы Stutzer'а дали цифры менѣе значительныя. По его анализу, составъ экстракта Liebig'а и Bovril'а слѣдующій:

	Экстрактъ Liebig'а.	Экстрактъ Bovril'а.
Воды	17,72 %	44,42 %
Органическихъ веществъ	59,54 %	37,26 %
Солей	22,74 %	18,32 %

Органическія вещества, въ свою очередь, состоятъ изъ:

Растворимой альбумозы	20,50 %	10,81 %
Нерастворимаго альбумина	0,75 %	6,3 %
Экстрактивныхъ веществъ	38.29 %	20,32 %

Слѣдовательно, составъ мясного экстракта приближается къ составу мяса. Но если ихъ разсматривать, какъ пищевыя средства, то между ними окажется слѣдующая разница: между тѣмъ, какъ мясо можно принимать въ пищу въ значительныхъ количествахъ, не вызывая разстройствъ, мясной экстрактъ переносится лишь въ весьма малыхъ дозахъ. Такъ, количество мясного экстракта, которое можно принимать въ пищу за день, по Liebig'у, Kemmerich'у и др. для взрослаго равняется 5-ти граммамъ и не должно превышать 15-ти граммъ, подъ опасеніемъ вызвать разстройство пищеваренія и поносъ.

Возьмемъ среднюю дозу, 5 грамм. Въ этомъ количествѣ мяснаго экстракта содержится не болѣе 1 гр. растворимыхъ бѣлковыхъ веществъ. Это количество совершенно ничтожно для поддержанія организма, такъ какъ лишь для покрытія траты азота взрослому человѣку ежедневно нужно 118 граммъ бѣлковыхъ веществъ.

Ничтожное питательное значеніе мясного экстракта, когда онъ принимается въ обычныхъ дозахъ, доказывается еще и слѣдующими опытами. Rubner, который производилъ изслѣдованія надъ собаками, нашелъ, что мясной экстрактъ не производитъ никакого вліянія на выдѣленіе углекислоты и на освобожденіе тепловой энергіи: большая часть веществъ, содержащихся въ немъ, не усваиваются организмомъ и переходятъ въ мочу. Politis бралъ двѣ серіи мышей: въ одной животныя подвергались абсолютному голоданію, въ другой—каждое получало 4 грм. экстракта въ день. Животныя обѣихъ серій погибли въ одно и тоже время.

Подобные опыты, произведенные Kemmerich'омъ надъ собаками, сопровождались тѣми же результатами. Если животныя, питавшіяся мяснымъ экстрактомъ, не переживали тѣхъ, которыя подвергались полному голоданію, то это

очевидно зависитъ отъ недостатка углеводовъ, между тѣмъ какъ бѣлковыхъ веществъ мясной экстрактъ содержитъ слишкомъ мало для поддержанія организма.

Чтобы увеличить питательное достоинство обыкновеннаго мясного экстракта, придумали прибавить къ нему мясной порошокъ. Такимъ образомъ былъ приготовленъ тѣстообразный мясной экстрактъ, который рекламы называютъ въ 50 разъ болѣе питательнымъ, чѣмъ обыкновенный экстрактъ, и представляющимъ, какъ бы сконцентрированное пищевое средство. Достаточно взглянуть на помѣщаемый ниже анализъ Штуцера, чтобы видѣть, насколько это справедливо, а именно въ 100 грм. сухого вещества находятъ:

	Тѣстообразный экстрактъ Bouril'a.	Мясо.
Органическихъ веществъ......	75.30 %	94.60 %
Солей	24.70 %	5.39 %
Органическія вещества въ свою очередь состоятъ изъ:		
Растворимой альбумозы	40.47	—
Нерастворимаго альбумина.....	9.17	86.72
Экстрактивныхъ веществъ.....	25.66	7.88

Изъ этихъ анализовъ слѣдуетъ, что тѣстообразный экстрактъ содержитъ почти въ 2 раза меньше бѣлковыхъ веществъ и зато въ 3 раза больше солей и экстрактивныхъ веществъ, чѣмъ обыкновенное мясо. Если мы произведемъ тотъ же подсчетъ, какъ и для жидкаго экстракта, то найдемъ, что 5 грм. сухого экстракта (средняя доза для взрослаго человѣка) содержитъ немного болѣе 2-хъ грм. бѣлковыхъ веществъ, количество, конечно, совершенно недостаточное даже для покрытія траты азота.

Нужно ли прибавлять, что эти два грамма бѣлковыхъ веществъ потребитель получитъ изъ 10 граммовъ обыкновеннаго мяса и соблюдетъ при этомъ большую экономію? Дѣйствительно, по расчету Voit'a, 20 грм. бѣлковыхъ веществъ, содержащіеся въ 100 грм. мяса, стоятъ 20—25 сантимовъ, тогда какъ стоимость того же самаго количества бѣлковыхъ веществъ въ формѣ мяснаго экстракта колеблется отъ 1 фр. до 1 фр. 50 сант., смотря по приготовленію. Лицо, которое пожелало бы возмѣстить 118 грам. бѣлковыхъ веществъ, которыя въ организмѣ ежедневно разрушаются, при помощи мясного экстракта, должно было бы издержать отъ 6—10 франковъ вмѣсто 60—90 сантимовъ, которые бы ему стоило соотвѣтствующее количество бѣлковъ въ формѣ мяса.

Всѣ эти факты показываютъ, что мясной экстрактъ не можетъ претендовать на названіе пищеваго средства. Онъ содержитъ слишкомъ малое количество питательныхъ веществъ въ собственномъ смыслѣ; его нельзя принимать въ достаточныхъ дозахъ, не вызывая растройства пищеваренія, цѣна его слишкомъ высока для содержащагося въ немъ малаго количества питательныхъ веществъ. Если его продолжаютъ рекламировать въ качествѣ пищевого средства, то въ этомъ мы можемъ лишь видѣть эксплуатацію указаннаго предразсудка.

Мясной экстрактъ, не представляя собой пищеваго средства, тѣмъ не менѣе играетъ нѣкоторую роль въ физіологіи питанія: онъ можетъ служить приправой и, какъ таковая, онъ вполнѣ пригоденъ для приготовленіи суповъ, соусовъ и т. д., не для того, чтобы увеличить ихъ питательное значеніе, но, чтобы сдѣлать ихъ вкуснѣе. Эту роль не слѣдуетъ оцѣнивать слишкомъ низко, потому что, безъ содѣйствія приправъ, цѣлый рядъ пищевыхъ веществъ не можетъ утилизироваться желудкомъ; съ другой стороны приправы устраняютъ однообразіе пищи, которое сопровождается часто неблагопріятными послѣдствіями. Извѣстно, что въ тюрьмахъ однообразная и невкусная пища нерѣдко вызываетъ тяжелыя желудочно-кишечныя растройства, нерѣдко сопровождающіяся смертельнымъ исходомъ, которыя, однако, исчезаютъ, если прибавленіемъ приправъ вносится разнообразіе въ пищу. Мясной экстрактъ, какъ и всякая другая приправа, можетъ быть употребленъ съ подобною цѣлью.

*

Все сказанное о мясномъ экстрактѣ, какъ о пищевомъ средствѣ можно повторить и объ *альбумозахъ.*

Альбумозы, какъ ихъ доставляетъ промышленность, являются бѣлковыми веществами, которыя помощью ферментовъ (пепсина, трипсина) переведены въ растворимое состояніе. Это пропептоны, такъ сказать промежуточныя вещества между бѣлками и пептонами. Альбумозы, болѣе легко усвояемыя, чѣмъ бѣлки, какъ и пептоны долгое время составляли достояніе фармаціи, т. е. онѣ назначались больнымъ, у которыхъ пищевареніе и питаніе оставляли желать лучшаго. Позднѣе, съ помощью рекламы одинъ изъ такихъ препаратовъ *соматоза*— былъ предложенъ публикѣ въ качествѣ пищеваго средства, легко усвояемаго. Операціи съ нимъ удивительно удались въ Германіи, и въ настоящее время соматоза серьезно конкурируетъ съ мяснымъ экстрактомъ и пріобрѣла такую извѣстность, что медицинскія общества были вынуждены заняться ею съ точки зрѣнія общественнаго здравія. Поэтому чрезвычайно интересно выяснить питательное значеніе альбумозъ вообще и соматозы въ частности.

Соматоза не болѣе, чѣмъ мясной экстрактъ, можетъ считаться пищевымъ средствомъ. Правда, она содержитъ около 80% бѣлковыхъ веществъ въ такой формѣ, которая даетъ возможность организму воспользоваться ими для замѣны истраченныхъ бѣлковъ. Но, чтобы служить пищевымъ средствомъ, бѣлковыя вещества, содержащіяся въ соматозѣ, должны хорошо всасываться въ кишечномъ каналѣ. Опыты, произведенные надъ соматозой, показали, что всасываніе происходитъ весьма неудовлетворительно. Такъ Ellisen кормилъ собакъ послѣдовательно два дня мяснымъ порошкомъ и два дня соматозой; онъ опредѣлялъ азотъ въ экскрементахъ, соотвѣтствующихъ каждому изъ этихъ періодовъ, и получилъ слѣдующіе результаты:

		Азотъ, содержащійся въ пищѣ граммы.	Азотъ, содержащійся въ экспрементахъ граммы.	Потеря азота въ % по отношенію къ азоту пищи граммы.
Мясной порошокъ	1-й день	8,92	1,0	5,6
	2-й »	8,92		
Соматоза	1-й день	8,92	10,6	59,4
	2-й »	8,92		

Такимъ образомъ изъ 17,84 грм. азота, содержащагося въ мясномъ порошкѣ, не усвоеннымъ остается лишь 1 грм.; напротивъ изъ того же количества азота, содержащагося въ соматозѣ, не усвояется 10,6 грм. азота; не считая 2,98 грм., приходящихся на долю выдѣленія кишечника—потому что соматоза раздражаетъ кишечникъ и въ особенности, когда доза такъ велика— все-таки остается неусвоенныхъ 7,61 грм. азота. Другими словами азотъ мяснаго порошка усваивается въ количествѣ 94,4%, тогда какъ азотъ соматозы лишь въ количествѣ 40,6%.

Какъ мы только что упомянули, главный недостатокъ соматозы состоитъ въ томъ, что она вызываетъ поносъ, если препаратъ употребляется въ значительныхъ дозахъ, что, само собою разумѣется, устраняетъ всасываніе не только самой соматозы, но и другихъ принятыхъ одновременно съ нею питательныхъ веществъ. Предѣльная доза для взрослаго равняется 20 грм. въ день въ 3—4 пріема. Но и при такой дозѣ черезъ нѣсколько дней все-таки появляется поносъ. 20 грм. соматозы содержатъ 18 грм. бѣлковыхъ веществъ; полагая, что лишь половина этого количества усваивается организмомъ, между тѣмъ, какъ для покрытія траты азота нужно 118 грм. бѣлковъ, не трудно видѣть, что, какъ и мясной экстрактъ, альбумозы не могутъ считаться пищевымъ сред-

ствомъ. Кромѣ того, цѣна ихъ слишкомъ велика. Voit приводитъ для сравненія слѣдующую таблицу:

100	грм.	бѣлковаго	вещества	въ	формѣ	куринаго бѣлка	стоятъ	0,54	фр.
100	»	»	»	»	»	молока	»	0,71	»
100	»	»	»	»	»	мяса	»	1	»
100	»	»	»	»	»	соматозы	»	7,80	»

Можетъ ли, по крайней мѣрѣ, соматоза служить приправой? Ни коимъ образомъ, такъ какъ альбумозы совершенно безвкусны.

Намъ остается еще вкратцѣ разобрать значеніе альбумозъ въ качествѣ врачебнаго средства. Здѣсь мы также обратимся къ соматозѣ, которая является прототипомъ этихъ веществъ.

Съ терапевтической точки зрѣнія, соматоза, повидимому, показуется въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе разстройства пищеваренія, происходящихъ отъ недостаточной секреторной или двигательной дѣятельности желудка или кишекъ, нужно доставить организму бѣлковыя вещества уже пептонизированными, т. е. въ такомъ видѣ, чтобы пищеварительный каналъ могъ всосать ихъ непосредственно и чтобы такимъ образомъ работа его была сведена къ минимуму. Но вышеизложенные факты показываютъ, что усвоеніе соматозы въ кишечникѣ даже и въ обычныхъ дозахъ происходитъ весьма неудовлетворительно, и что количество бѣлковыхъ веществъ, которыя въ этихъ условіяхъ проникаются въ организмъ и утилизируются имъ, является минимальнымъ и совершенно недостаточнымъ для поддержанія его.

Кромѣ того, на что мы выше также указывали, соматоза, раздражая кишечникъ, увеличиваетъ выдѣлительную дѣятельность его железъ и двигательную дѣятельность его мышцъ, что сопровождается поносомъ со всѣми его послѣдствіями для всасыванія и усвоенія пищи; другими словами, вмѣсто того, чтобы доставить покой пищеварительному каналу, соматоза вызываетъ въ немъ чрезвычайно повышенную дѣятельность. Клиницисты, которые, какъ Klemperer, серьезно, изучали вліяніе соматозы, также возвращаются къ мнѣнію Neumeister'а, который считаетъ альбумозы совершенно безполезными для больныхъ и даже прямо вредными, когда ихъ назначаютъ въ повышенныхъ дозахъ въ теченіе долгаго времени.

Если соматоза не имѣетъ успѣха при разстройствѣ пищеваренія, то, наоборотъ, она можетъ быть съ пользою употреблена при извѣстныхъ формахъ привычныхъ запоровъ, сопровождающихся потерей аппетита. Соматоза, благодаря тому что она можетъ увеличивать выдѣленіе желудочнаго и кишечнаго сока и возбуждать перистальтическія движенія кишекъ, употребляемая въ малыхъ дозахъ (5—10 грам. въ день), въ теченіе нѣсколькихъ дней возстановляетъ дѣятельность кишечника и вызываетъ появленіе аппетита; больные, которые страдали полнымъ отсутствіемъ его, снова начинаютъ принимать пищу; силы ихъ возвращаются, и вѣсъ тѣла увеличивается. Но очевидно, что это улучшеніе общаго состоянія нельзя приписывать тѣмъ 4-мъ-грам. бѣлковыхъ веществъ, которые доставляются организму соматозой, оно зависитъ отъ возбужденія кишечника больнаго, которое вызывается этимъ веществомъ.

Итакъ соматоза не можетъ служить ни пищевымъ средствомъ, ни приправой: это средство желудочное и легкое слабительное, которое, какъ таковое, можетъ употребляться въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ въ медицинѣ. («Révue Générale des Sciences»).

Минералогія. *Естественная окраска минераловъ.* К. фонъ Краатцъ-Кошлау и Л. Велеръ въ Tschermaks Mineralog. u. petrograph. Mitth. сообщаютъ результаты своихъ изслѣдованій надъ минералами, окраска которыхъ зависитъ отъ присутствія въ нихъ органическихъ веществъ. Авторы опредѣляли эти вещества и качественно, и количественно. Они видятъ доказатель-

ства присутствія въ минераловъ органическаго вещества въ томъ, что «при накаливаніи появляется запахъ органическаго вещества (горѣлаго жира), минералъ обезцвѣчивается, при прокаливаніи его съ окисью мѣди или въ струѣ кислорода выдѣляется углекислота, что доказывается помутнѣніемъ известковой воды; далѣе при нагрѣваніи минералъ болѣе или менѣе сильно фосфоресцируетъ, пока замѣтна окраска его и запахъ органическаго вещества». Послѣ продолжительнаго прокаливанія всѣ эти признаки, разумѣется, исчезаютъ. иногда при этомъ обнаруживается выдѣленіе угля. Количественно опредѣлялся углеродъ и водородъ обычными пріемами элементарнато анализа, т. е. накаливаніемъ въ струѣ совершенно сухого и чистаго кислорода, причемъ одна половина трубки для сожиганія наполнялась, какъ всегда, окисью мѣди, другая хромововсвинцовой солью для удержанія могущей образоваться плавиковой и сѣрнистой кислоты.

Такимъ образомъ, авторамъ удалось доказать зависимость окраски отъ присутствія органическихъ веществъ у слѣдующихъ минераловъ: плавиковаго шпата, апатита, барита, целестина, ангидрита, каменной соли, известковаго шпата, циркона, дымчатаго топаза, аметиста, микроклина, турмалина и топаза. Понятіе о томъ, въ какихъ количествахъ находятся въ минералахъ углеродъ и водородъ, могутъ дать слѣдующія количественныя опредѣленія ихъ въ различныхъ сортахъ плавиковаго шпата:

Углерода:	Водорода:
0,017	0,0038
0,014	0,0038
0,010 %	0,008 %
0,009	0,002
0,007	0,0025

Авторы выяснили также природу жидкихъ включеній, которыми, какъ извѣстно, особенно богаты топазы. Уже Брюстеръ показалъ, что эти включенія состоятъ изъ двухъ различныхъ веществъ, которыя Дана впослѣдствіи назвалъ брюстерлинитомъ и криптолиномъ. Авторы нашли, что жидкія включенія, образованныя такъ называемымъ брюстерлинитомъ, содержатъ трудно летучій углеводородъ, между тѣмъ какъ криптолинъ, встрѣчающійся въ меньшихъ количествахъ и легче летучій, представляетъ собой вещество, содержащее азотъ. Такіе топазы, вѣроятно, обязаны своей окраской окиси опредѣленнаго металла, растворенной въ углеводородѣ, такъ какъ углеводороды, и въ особенности высоко кипящіе, уже при обыкновенной температурѣ способны растворять окиси металловъ; при повышенной же температурѣ раствореніе окисей должно происходить въ гораздо большихъ количествахъ.

На основаніи своихъ изслѣдованій, авторы приходятъ къ слѣдующему раздѣленію минераловъ: 1) минералы, окраска которыхъ чисто органическаго происхожденія, какъ, напр., плавиковый шпатъ, апатитъ, баритъ, целестинъ, ангидритъ, известковый шпатъ, каменная соль, дымчатый топазъ, цирконъ, микроклинъ, турмалинъ, топазъ; 2) минералы, которые обязаны своей окраской и органическимъ, и неорганическимъ веществамъ, напр.: канадскій апатитъ, аметистъ, бразильскій топазъ; 3) минералы, окраска которыхъ зависитъ исключительно отъ неорганическихъ примѣсей: рубинъ, сапфиръ, шпинель, бериллъ. («Naturursseschaftliche Rundschau»).

Зоологія. *О самостоятельныхъ движеніяхъ псевдоподій у корненожекъ.* Въ статьѣ о самостоятельныхъ движеніяхъ псевдоподій, помѣщенной въ Archives des sciences physiques et naturelles, Пенаръ (E. Penard) сообщаетъ чрезвычайно интересные факты, на которыхъ стоитъ остановиться.

Если корненожку или инфузорію разрѣзать на двѣ части, то та часть, которая содержитъ ядро, остается живою и возстановляетъ утраченную часть;

наоборотъ, отдѣленный участокъ плазмы такого одноклѣточнаго животнаго, не содержащій ядра, отмираетъ спустя нѣкоторое время, въ теченіе котораго однако онъ проявляетъ жизнедѣятельность, между прочимъ — производя активныя движенія.

Съ нѣкоторыми измѣненіями тѣже явленія наблюдаются на отдѣленныхъ отъ тѣла псевдоподіяхъ. Эти наблюденія и составляютъ предметъ изслѣдованій, которыя произвелъ Пенаръ надъ корненожкой Difflugia Lebes, которая обладаетъ наибольшими размѣрами изъ всѣхъ организмовъ ея группы.

Опыты состояли въ томъ, что псевдоподія или часть ея быстро отрѣзывалась посредствомъ иглы отъ индивидуума, находившагося въ движеніи, и наблюдалась ихъ дальнѣйшая судьба

Результаты получились слѣдующіе. Отдѣленная псевдоподія, свободная и изолированная, если ее немного удалить отъ организма, часть котораго она составляла, не остается неподвижной. Сначала, правда, она собирается въ шарикъ, но нѣсколько мгновеній спустя, она выпускаетъ отростки въ разныя стороны, подобно амебѣ, и принимаетъ различныя формы: удлиненную, звѣздчатую, вилообразно развѣтвленную и т. д., которыя безпрерывно мѣняются. Черезъ нѣсколько времени она отмираетъ, но иногда до того въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, обнаруживаетъ большую подвижность и постоянно измѣняетъ форму. Псевдоподія не способна къ самостоятельной жизни, она не содержитъ для этого всѣхъ необходимыхъ элементовъ.

До сихъ поръ въ наблюденіяхъ Пенара нѣтъ ничего новаго, но если вмѣсто того, чтобы удалить отдѣленную псевдоподію отъ организма, которому она принадлежитъ, оставить ихъ недалеко другъ отъ друга, напр., на растояніи превышающемъ въ 2 или 3 раза діаметръ корненожки, то наблюдаются явленія несомнѣнно новыя и чрезвычайно любопытныя.

Отдѣленная псевдоподія сначала такъ же стягивается въ шарикъ, но оправившись она не выпускаетъ отростковъ по всѣмъ направленіямъ, а образуетъ только одинъ, неизмѣнно направленный къ корненожкѣ, отъ которой псевдоподія была отдѣлена.

Этотъ отростокъ все увеличивается, въ него постепенно переливается вся масса псевдоподіи, и вмѣсто шарика получается червеобразное тѣло, направленное къ корненожкѣ. Иногда образуются два отростка, но оба они неизмѣнно бываютъ направлены къ организму, отъ котораго псевдоподія была отдѣлена.

Посредствомъ описаннаго движенія, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, псевдоподія достигаетъ корненожки и прикрѣпляется около ротоваго отверстія.

Что же происходитъ въ это время съ самой корненожкой? Сначала она сокращается и стягиваетъ всѣ свои псевдоподіи. Спустя нѣсколько минутъ она снова ихъ выпускаетъ и хотя, повидимому, она нисколько не обезпокоена потерей, всетаки изъ двухъ или трехъ образуемыхъ ею псевдоподій, одна непремѣнно направляется къ отрѣзанному участку плазмы, эта псевдоподія принимаетъ большіе размѣры, чѣмъ всѣ остальныя, и сливается съ отрѣзанной частью, которая, такимъ образомъ, снова входитъ въ составъ организма, отъ котораго она была отдѣлена. Но это сліяніе и здѣсь, и около ротоваго отверстія происходитъ лишь тогда, когда отрѣзокъ изъ прозрачнаго и блестящаго превращается въ матовый и мутный. Разъ сліяніе произойдетъ, организмъ является вполнѣ возстановленнымъ и нисколько не страдаетъ отъ произведенной ампутаціи. Опытъ можно начать вновь, и Пенаръ повторялъ его 10 разъ подрядъ въ тотъ же день и надъ однимъ и тѣмъ же организмомъ, который при этомъ, повидимому не испытывалъ не малѣйшаго неудобства.

На основаніи описанныхъ явленій можно заключить, что между организмомъ и его отрѣзкомъ существуетъ взаимное притяженіе. Соотвѣтствующіе опыты доказываютъ это еще болѣе убѣдительно. Если, напримѣръ, въ то время, когда

отрѣзанная часть уже приняла вытянутую форму и направилась къ организму, отъ котораго она была отдѣлена, помѣстить корненожку съ противоположной стороны отрѣзка, то сначала онъ остается короткое время безъ движенія и затѣмъ направляется въ сторону, противоположную той, куда онъ былъ обращенъ ранѣе, т. е. къ корненожкѣ. Если корненожку перемѣстить не на 180°, а на 90°, такъ, чтобы она находилась противъ середины отрѣзанной псевдоподіи, вытянувшейся въ видѣ червеобразнаго тѣла, то вскорѣ на отрѣзанной псевдоподіи образуется отростокъ, направленный къ корненожкѣ. Иногда ихъ образуется два или три, случается даже, что отрѣзокъ принимаетъ форму гребенки, зубцы которой всѣ направлены къ корненожкѣ. Обводя корненожку вокругъ такого отрѣзка, можно заставить его описать полный кругъ своими отростками, которые послѣдовательно вытягиваются по всѣмъ направленіямъ, подобно часовой стрѣлкѣ. Эти движенія могутъ продолжаться въ теченіе трехъ часовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что это притяженіе не физическаго характера. Пенаръ помѣщалъ отрѣзанную псевдоподію около самыхъ различныхъ предметовъ: около песчинокъ, пустыхъ скелетовъ корненожекъ, изверженій червей, яицъ ракообразныхъ и другихъ веществъ органическихъ и неорганическихъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ не наблюдается никакого притяженія. Отростки вытягиваются въ разныхъ направленіяхъ, но если только инородное тѣло замѣнить организмомъ, которому принадлежитъ данный отрѣзокъ, отростки его тотчасъ же всѣ направляются къ этому организму. Итакъ, наблюдается совершенно безразличное отношеніе къ инороднымъ тѣламъ и притяженіе между корненожкой и его отрѣзкомъ.

Но этого мало: въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается отталкиваніе. Это происходитъ тогда, если вмѣсто организма, которому принадлежитъ отрѣзокъ, или инороднаго тѣла, помѣстить индивидуумъ другого вида, напр. Difflugia pyriformis.

Въ этомъ случаѣ отростки отрѣзанной псевдоподіи образуются въ направленіи, противоположномъ тому, въ которомъ находится корненожка другого вида; явленія происходятъ діаметрально противоположно тому, какъ это бываетъ, если близъ отрѣзка помѣщается корненожка, отъ которой онъ былъ отдѣленъ, но если диффлюгію другого вида замѣнить корненожкой, которой принадлежитъ данная псевдоподія, то снова тотчасъ же между ними обнаруживается притяженіе.

Кромѣ того, отталкиваніе обнаруживается не только относительно другого вида, но также и относительно всякаго другого индивидуума того же вида, исключая той корненожки, которой принадлежитъ отрѣзанная псевдоподія (изъ описанія Пенара можно заключить, что употреблялись цѣльные индивидуумы); въ этомъ случаѣ такъ же отрѣзокъ удаляется.

Эти явленія наблюдаются не только у Difflugia Lebes, по опытамъ они свойственны также и D. piriformis. Относительно этого вида онъ установилъ слѣдующій любопытный фактъ: найдя дѣлящійся организмъ, Пенаръ дождался окончанія этого процесса и затѣмъ двѣ вновь образованныя клѣтки помѣстилъ въ маленькую стеклянную чашечку. Отрѣзавъ у одной изъ нихъ псевдоподію, онъ тотчасъ же удалилъ ампутированную корненожку и помѣстилъ другую, цѣльную, вблизи отрѣзанной псевдоподіи. Псевдоподія направилась къ этой корненожкѣ, какъ будто-бы это былъ организмъ, отъ котораго она была отдѣлена. На другой день опытъ былъ повторенъ съ тѣмъ же результатомъ. Но, очевидно, должно наступить время, когда онъ болѣе не удастся, такъ какъ вообще существуетъ отталкиваніе между цѣльнымъ организмомъ и псевдоподіей, принадлежащей другому индивидууму. Къ сожалѣнію Пенаръ не произвелъ соотвѣтствующихъ опытовъ.

Факты, описанные Пенаромъ, могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ: «опредѣленные участки плазмы (псевдоподіи), отдѣленные отъ клѣтки,

обнаруживаютъ нѣкоторое время тѣ же явленія, какъ соотвѣтствующій цѣльный организмъ (корненожка). Этотъ, временно существующій организмъ, притягивается плазмою, тожественной съ тою, изъ которой онъ состоитъ, и отталкивается всякой другою плазмой. Два индивидуума, происходящіе черезъ дѣленіе одной клѣтки, въ теченіе короткаго времени могутъ разсматриваться, какъ состоящіе изъ тожественной плазмы: кромѣ этихъ случаевъ, плазма различныхъ индивидуумовъ различна даже въ одномъ и томъ же видѣ». («R. scientifique»). Д. Н.

Астрономическія извѣстія. *Комета 1899 А. (Swift)* оказалась чрезвычайно интересной въ физическомъ отношеніи. Какъ мы уже упоминали въ іюльской хроникѣ, 4-го іюня нов. стиля ея яркость совершенно неожиданно увеличилась и довольно значительно, а потомъ опять быстро упала. Теперь это явленіе нужно считать несомнѣннымъ фактомъ. Сообщенія изъ Бамберга, Гамбурга и Вѣны подтверждаютъ наши наблюденія. Астрономъ Holetschek опубликовалъ рядъ чиселъ, характеризующихъ яркость кометы ото дня ко дню.

1899 г.	Ср. вр.	Яркость ядра.	Общая яркость кометы.
Мая 31	10½ час.	—	5,5 зв. велич.
Іюня 1	10½ »	9,10 зв. вел.	5,5 » »
» 2	10¼ »	9,10 » »	5,7 » »
» 3	10½ »	—	6,0 » »
» 4	10¼ »	7,8 » »	5,3 » »
» 5	10 »	7,0 » »	4,4 » »
» 5	13½ »	—	4,6 » »
» 6	10¼ »	7,8 » »	4,8 » »
» 6	13¼ »	8,9 » »	4,6 » »
» 8	13 »	9,10 » »	6(?) » »
» 9	13½ »	9 » »	5,7 » »

Съ другой стороны американскій журналъ «The Astronomical Journal» принесъ извѣстіе, что въ два сильнѣйшіе въ мірѣ телескопа: въ 36-ти-дюймовый на обсерваторіи Лика и въ 40-дюймовый на обсерваторіи Іеркса удалось замѣтить въ маѣ двоеніе кометы.

Астрономъ Perrine, наблюдавшій въ первую трубу, видѣлъ 12—16 числа два ядра и измѣрилъ положеніе одного относительно другого. За 4 дня оно значительно измѣнилось, астрономъ Barnard въ іеркскій рефракторъ 20-го мая различилъ двѣ головы — вторая была уже главной, но подобна ей, шла нѣсколько впереди и южнѣе. Измѣренія 20, 21, 22 и 23 мая показываютъ измѣненія относительнаго положенія въ томъ же смыслѣ, какъ и ядеръ, по наблюденіямъ Perrine.

27-го мая имѣло мѣсто частное солнечное затменіе, очень интересное для наблюденій, потому что на солнце проектировался сегментъ луны съ южнымъ полюсомъ, близъ котораго находятся высочайшія горы. Съ поразительной отчетливостью на солнечномъ дискѣ обрисовывались силуэты горной цѣпи Лейбницъ и мощнаго кряжа Дёрфель съ вершинами достигающими 26.000 и 30.000 футовъ. Это былъ моментъ наиболѣе удобный для точнаго измѣренія высотъ этихъ горъ.

Новая звѣзда въ созвѣздіи Стрѣльца была открыта г-жей Флемингъ, изучавшею фотографическіе снимки обсерваторіи Гарвардскаго колледжа. Ея появленіе нужно отнести еще къ концу 1897 года или къ началу 1898; на 87 снимкахъ, полученныхъ съ соотвѣтствующей части неба за время отъ 5 сент. 1888 г. по 27 окт. 1897 г. нѣтъ ея совершенно, хотя фотографировались звѣзды до 15 величины.

Къ сожалѣнію открытіе запоздало и интересныхъ непосредственныхъ наблюденій надъ звѣздой уже не могло быть произведено, но благодаря богатой

коллекціи фотографическихъ снимковъ, полученныхъ на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа, какъ самыхъ звѣздъ, такъ и ихъ спектрвъ, удалось установить, что въ мартѣ 1898 года блескъ *Новой* звѣзды равнялся 4,7 зв. величины, а въ концѣ апрѣля уже 8,2, что спектръ ея имѣлъ 14 свѣтлыхъ линій, изъ которыхъ шесть принадлежали водороду, что онъ былъ очень похожъ на спектры наблюдавшихся прежде Новыхъ звѣздъ въ Персеѣ, Возничемъ и Сѣверной Коронѣ. Во всѣхъ этихъ звѣздахъ водородная линія H_2 является свѣтлой, между тѣмъ какъ въ перемѣнныхъ длиннаго періода она черная. Эта разница является чрезвычайно характерной и можетъ служить даже надежнымъ критеріемъ при рѣшеніи вопроса, приписать ли появленіе новой звѣзды увеличенію яркости уже прежде горѣвшей, или это дѣйствительно такъ называемая *Новая* звѣзда.

Въ спектрѣ новой звѣзды въ Стрѣльцѣ замѣтны были и измѣненія за нѣсколько дней. 13-го марта текущаго года Wendell измѣрялъ ея яркость фотометромъ и нашелъ, что она равна 11,4 зв. величины, ея спектръ былъ уже почти монохроматиченъ съ едва замѣтнымъ непрерывнымъ спекторомъ. Въ этомъ отношеніи звѣзда также является подобнымъ многимъ изъ прежде наблюдавшихся новыхъ звѣздъ, которыя разрѣшались въ газообразныя туманности.

Интересно отмѣтить, что изъ 6 новыхъ звѣздъ, открытыхъ послѣ 1885 года, *пять* указано г-жею Флемингъ.

Кометы и новыя планеты въ 1899 г. Первая комета въ текущемъ году была найдена Swift'омъ 4-го марта (нов. ст.). О ней мы уже много говорили. Вторая комета была открыта вслѣдъ за первой на другой день съ помощью фотографіи проф. Вольфомъ въ Гейдельбергѣ. Это оказалась ожидавшаяся періодическая комета Tuttle, хотя положеніе ея сильно отличалось отъ указаннаго эфемеридой, данной астрономомъ Rahts'омъ давно уже занимающагося этой кометой. Сравнительно съ первой она очень слаба, ея общая яркость всего 11,5 величины. На сѣверномъ полушаріи она оставалась недолго, къ землѣ всего ближе была въ концѣ мая, причемъ наименьшее разстояніе было болѣе 255 милліоновъ километровъ. Время обращенія вокругъ солнца равно 13,7 лѣтъ. Третья комета найдена 6-го мая астр. Perrine на обсерваторіи Лика. Это періодическая комета (Tempel 1873 II) со временемъ обращенія въ 5,2 лѣтъ. Ея положеніе чрезвычайно близко совпало съ эфемеридой Schulhof'а, и предположеніе послѣдняго о небольшомъ ускореніи въ движеніи кометы нужно считать доказаннымъ. Яркость кометы чрезвычайно слаба, 15-й величины, въ 1873 году она была 9-ой, въ 1878 г. также 9-ой, въ 1894 г.—11-ой. Четвертая комета открыта также Perrine 10-го іюня, она также періодическая и носитъ имя Holmes'а. Время обращенія ея вокругъ солнца равняется 6,9 годамъ. въ первый разъ наблюдалась въ 1892 г. и была доступна невооруженному глазу, какъ туманность Андромеды близъ которой она и находилась въ моментъ открытія. Теперь она пока очень слаба и доступна только сильнымъ трубамъ. Эфемерида предвычислена Zwiers'омъ и довольно хорошо удовлетворяетъ наблюденіямъ.

Новыя планеты открыты проф. Wolf'омъ и его ассистентомъ Schwassman'омъ фотографическимъ путемъ:

	(442)—15	февраля	11-ой	велич.	
	(443)—17	»	—	»	
	— — 2	марта	10,3	»	
	— — 3	»	10,8	»	
астр. Coggia открылъ	(444)—31	»	—	»	
астр. Witt »	— — 5	апрѣля	11,5	»	фотограф. и
	— — 7	іюня	9,3	»	которая оказалась тождественной съ планетой (85) Jo.

Перемѣнная туманность Hind'а. Въ 1852 году Hind открылъ въ созвѣздіи Тельца слабую тумманность въ 30″ діаметромъ, которую наблюдалъ въ

1854 г. Chacornac, а въ 1855—56 D'Arrest даже при лунномъ блескѣ. Но въ 1858 Auwers видѣлъ эту туманность уже съ большимъ трудомъ, въ 1861—62 D'Arrest и Chacornac совсѣмъ не нашли ее, въ 1868 она исчезла даже для громадныхъ въ то время рефракторовъ Струве и Lassell'я. Наоборотъ Струве открылъ въ ближайшую ночь другую слабую туманность, которая въ 1877 году казалась Tempel'ю въ $1^1/_2$ минуты длины но уже черезъ мѣсяцъ сдѣлалась невидимой. Съ тѣхъ поръ обѣ туманности считались исчезнувшими, пока въ серединѣ октября 1890 Burnham и Barnard не усмотрѣли въ большой Ликовской рефракторъ туманность Hind'a. Она была на границѣ видимости, туманности же Струве совсѣмъ не было видно, а сосѣдняя перемѣнная звѣзда T Tauri была окружена узкой туманной массой, которая по наблюденіямъ Keeler'а давала обыкновенный спектръ газовой туманности. 25 февраля 1895 Barnard снова осматривалъ это мѣсто неба, онъ нашелъ тумманность Hind'a значительно свѣтлѣе, но не замѣтилъ никакого слѣда туманности вокругъ T Tauri, черезъ мѣсяцъ наоборотъ туманность Hind'a опять почти совершенно исчезла, а T Tauri была окружена туманностью и даже показалась туманность Струве, Недавно Barnard опубликовалъ свои дальнѣйшія наблюденія замѣчательнаго свѣтила, но никакого надежнаго объясненія колебаній яркости предложить не рѣшается. Можетъ быть всѣ три предмета входятъ въ составъ одной большой туманности, различныя части которой въ различныхъ случаяхъ блестятъ неодинаково. Во всякомъ случаѣ замѣченное явленіе достойно вниманія и тщательнаго разслѣдованія съ помощью сильныхъ трубъ.

Свѣтящіяся ночныя облака, на вѣроятность появленія которыхъ въ іюлѣ мы указывали въ прошлой хроникѣ, дѣйствительно наблюдались въ ночь со 2-го на 3-ье, съ 3-ьяго на 4-ое и съ 15-го іюля. Оба рода явленія представило въ Юрьевѣ эффектное зрѣлище съ характерными формами и окраской.

Преміи Парижской Академіи Наукъ по астрономіи за 1898 г. присуждены:

1) имени Lalande. — Американскому астроному Chandler'у за его изслѣдованія объ измѣненіи широтъ, наблюденія съ изобрѣтеннымъ имъ инструментомъ—Альмукантаратомъ, изслѣдованія надъ перемѣнными звѣздами и кометой Brooks'а (1889 V), которую онъ старался отожествить съ знаменитой кометой Lesell'я (1770).

2) премія имени Damoiseau на соисканіе которой была назначена тема: «Теорія возмущеній Гиперіона—спутника Сатурна», въ виду того, что не было подано ни одной работы присуждена астроному *Hill'y*, за его астрономическіе и математическіе труды (Теорія Луны, усовершенствованіе способа Гаусса для вычисленія вѣковыхъ возмущеній и пр.).

3) премія имени Valz'а астроному Colin'у—основателю обсерваторіи въ Тенерифѣ, за астрономическія и геодезическія работы.

4) премія имени Lanssen'а русскому астроному А. А. Бѣлопольскому—астрофизику Пулковской обсерваторіи за его многочисленныя и цѣнныя изслѣдованія почти во всѣхъ отрасляхъ физической астрономіи.

На соисканіе преміи Damoisseau въ дальнѣйшемъ конкурсѣ объявлена тема: «Выработать теорію движенія одной изъ періодическихъ кометъ, которая была наблюдаема во время нѣсколькихъ возвращеній».

Премія составляетъ 1500 фр. Срокъ—1-е іюня 1900.

Смерть Іордана. 17 апрѣля внезапно скончался проф. Іорданъ, преподаватъ геодезіи въ технической школѣ въ Ганноверѣ, извѣстный многими научными трудами и классическими курсами. Въ лицѣ его наука понесла тяжкую утрату.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Августъ. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*:—Публицистика.—Исторія искусства.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература.*—Изъ западной культуры. Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. Дриль. «Ссылка во Франціи и Россіи».—*В. Розановъ.* «Религія и культура»; «Литературные очерки».—*К. Гренгагенъ.* «Путеводитель по Финляндіи»; «Поѣздка на Иматру».

Дмитрій Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи. Изъ личныхъ наблюденій во время поѣздки въ Новую Каледонію, на о. Сахалинъ, въ Пріамурскій край и Сибирь. Спб. Изд. Л. Пантелѣева. Ц. 1. р. 1899 г. Ссылка, какъ мѣра наказанія, когда-то пользовавшаяся общимъ признаніемъ и примѣнявшаяся въ большинствѣ государствъ,—не только отжила теперь свое время, но во многихъ отношеніяхъ скорѣе вредна тому же государству, которое хочетъ себя обезопасить ею. Къ такому заключенію постепенно приходили законодательства всѣхъ странъ, и нынѣ ссылка сохранилась почти исключительно въ Россіи и Франціи. Англійскія колоніи, служившія прежде мѣстомъ ссылки, рѣшительно воспротивились ей, какъ только достаточно окрѣпли, чтобы поднять голосъ противъ этой египетской казни, которою ихъ награждала метрополія. Во Франціи ссылка не играла никогда особой роли, такъ какъ ея колоніи, служащія для этой цѣли, не имѣютъ большого значенія ни въ политическомъ, ни въ экономическомъ отношеніи.

Въ иномъ положеніи оказывается вопросъ о ссылкѣ въ Россіи, гдѣ рѣзко измѣнилось отношеніе къ нему лишь съ того момента, какъ Сибирь перестала быть недоступной, благодаря желѣзной дорогѣ. Только съ проведеніемъ послѣдней стало яснымъ для всѣхъ, что Сибирь съ ея огромнымъ будущимъ, съ ея огромными богатствами и дѣятельнымъ, промышленнымъ и живымъ населеніемъ, никоимъ образомъ не можетъ служить мѣстомъ для отбросовъ Россіи. Что для Сибири ссылка погубна и является великимъ зломъ, это было ясно для всѣхъ уже давно. Въ Сибири двухъ мнѣній по этому вопросу не существуетъ и не существовало, и всѣ изслѣдованія подтверждали одно, что ссылка, не удовлетворяя ни одной изъ мнимыхъ выгодъ, какими руководствовалась высшая администрація въ своихъ соображеніяхъ, является для мѣстнаго населенія жестокимъ и незаслуженнымъ наказаніемъ. Ссыльный элементъ вноситъ съ собой распущенность, увеличиваетъ преступность и кромѣ того тяжело ложится на экономическія силы населенія. Въ тоже время ссыльные ничего не даютъ, что хотя сколько-нибудь окупало бы эти несомнѣнныя отрицательныя стороны. Огромное большинство ссыльныхъ бродяжитъ, и лишь ничтожная часть осѣдаетъ въ мѣстѣ приписки въ качествѣ рабочихъ и ремесленниковъ. Въ своей книгѣ г. Дриль приводитъ краснорѣчивыя цифры, изъ которыхъ видно, что ссыльные, какъ осѣдлый элементъ, заселяющій Сибирь, не имѣютъ никакого значенія. Такъ, напр., въ Красноярскомъ округѣ ихъ числилось 20.798

чел., изъ нихъ въ безвѣстной отлучкѣ 10.248, а остальные на половину бродяжатъ, занимаются кражами, мошенничествомъ, пьянствомъ и картежной игрой. Въ Ачинскомъ изъ 9413—безвѣстно отсутствующихъ 5190, въ Канскомъ изъ 16.714 бродяжитъ 8.814 чел., въ Амурскомъ изъ 576 только 77 живутъ по билетамъ, а 358 въ безвѣстной отлучкѣ, и т. д.

Какъ элементъ для заселенія, ссыльные по всѣмъ отзывамъ никуда не годятся. Для колонизаціи нужны стойкіе и сильные люди, крѣпкіе духомъ, съ энергіей и богатой иниціативой, т. е. именно съ тѣми душевными и тѣлесными качествами, которыхъ нѣтъ у огромнаго большинства преступниковъ. Будемъ ли смотрѣть на преступленіе какъ на результатъ соціальныхъ неустройствъ, или какъ на продуктъ вырожденія, — все равно, преступники являются слабѣйшею частью общества, и ожидать, что эти слабѣйшіе смогутъ одолѣть тяжелыя условія жизни на новыхъ мѣстахъ, нѣтъ никакихъ основаній. Неуспѣхъ колонизаціи Сахалина вполнѣ подтверждаетъ это апріорное заключеніе. Тоже самое указываетъ г. Дриль и во французской колоніи. Обыкновенное указаніе на Австралію совершенно ложно: Австралія начала процвѣтать именно съ момента отмѣны ссылки.

Авторъ выступаетъ рѣзкимъ противникомъ ссылки и какъ мѣры наказанія, и какъ мѣры исправленія, и какъ колонизаціонной мѣры. Его наблюденія, сдѣланныя на мѣстѣ, отличаются убѣдительностью и доказательностью, хотя г. Дриль вездѣ избѣгаетъ широкихъ обобщеній и нарочитаго подбора фактовъ. Вездѣ онъ подтверждаетъ личныя впечатлѣнія оффиціальными данными, въ которыхъ факты, конечно, завѣдомо смягчены. Несмотря на сухость изложенія, полное отсутствіе художественности въ описаніяхъ и неумѣніе г. Дриля разбираться въ матеріалѣ, который былъ у него въ рукахъ и который онъ крайне неумѣло,—мѣстами по-ученически,— использовалъ,—все же книга его можетъ быть до извѣстной степени полезной при изученіи вопроса о ссылкѣ. Написана книга скучно, сѣрымъ тягучимъ слогомъ, какъ пишутся чиновничьи статьи, ни одного яркаго факта, ни одной живой картины, хотя авторъ и видѣлъ столько интереснаго и глубоко захватывающаго. Отсутствіе таланта и поверхностность наблюденій лишаютъ книгу г. Дриля того значеніе, какое она могла бы имѣть теперь, когда вопросъ о ссылкѣ поставленъ на очередь.

В. В. Розановъ. Религія и культура. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.—Литературные очерки. Спб. Ц. 1 р. 1899 г. Изданія П. Перцова. Новые выпуски произведеній г. Розанова заставляютъ насъ опять посвятить нѣсколько словъ этому автору. Признаемся, мы дѣлаемъ это съ великой неохотой, такъ какъ не знаемъ автора болѣе непріятнаго по манерѣ писанія и болѣе противнаго по духу. Съ одной стороны юродство и ханжество г. Розанова, поддѣлки подъ тонъ искренняго смиренія и наглый его цинизмъ, съ другой—тяжелый, исковерканный и высокопарно-надутый слогъ—мучительно невыносимы. Тѣмъ страннѣе и удивительнѣе было встрѣтить въ текущей печати признаніе за такимъ авторомъ оригинальности и талантливости. Съ какихъ бы сторонъ мы ни оцѣнивали автора, признаваемаго нами оригинальнымъ и талантливымъ, мы должны непремѣнно найти у него свѣжесть и новизну мысли, блестящую и своеобразную форму изложенія, стиль мѣткій и выразительный. Насколько же удовлетворяетъ г. Розановъ этимъ основнымъ требованіямъ?

Начнемъ наши поиски свѣжести и новизны въ мысляхъ г. Розанова. Каковы его взгляды на просвѣщеніе, мы уже отмѣтили ранѣе. Въ двухъ новыхъ сборникахъ авторъ касается разнообразныхъ сторонъ культуры. Тутъ и религія, и русскій расколъ, и бракъ, но если, послѣ тяжелыхъ усилій, вы съумѣете понять, что̀ говоритъ г. Розановъ, то предъ вами вырисуется ничто иное, какъ славянофильствующій изувѣръ и ханжа, который съумѣлъ огадить въ конецъ основы приснопамятнаго славянофильства Хомякова и Аксакова. На[illegible]і-

ятно и противно сопоставленіе этихъ почтенныхъ именъ съ такимъ ихъ эпигономъ, какъ г. Розановъ, но между ними прямая идейная связь во взглядахъ на русскую культуру, на религію и формы общежитія. Г. Розановъ пламенѣетъ дѣланнымъ восторгомъ предъ до-петровской Русью, которую, конечно, извращаетъ и перелицовываетъ на свой ладъ. Въ статьѣ о «Психологіи русскаго раскола» г. Розановъ превозноситъ расколъ за то, что онъ будто бы сохранилъ въ себѣ какой-то древній, истинно-русскій духъ, убитый Петромъ и окончательно вытравленный изъ русской жизни Сперанскимъ. Въ заключительныхъ словахъ этой статьи онъ говоритъ: «Все то дѣятельное и живое, что есть въ расколѣ, то «духовное пиво», которымъ онъ безформенно напоялъ до сихъ поръ христіанскую душу,—*это* должно быть бережно сохранено, должно быть взято нами, какъ сторона истинная въ немъ, и *разлито по всѣмъ формамъ нашего бытія* *). Если вспомнимъ сказанное ранѣе о приближеніи къ древнему *типикону* житія, какъ средствѣ удовлетворить «буквенниковъ»—мы поймемъ въ цѣломъ реформу, намъ предстоящую: *ожить древнимъ духомъ*—тѣмъ прекраснымъ духомъ, прототипъ котораго дала намъ еще Кіевская Русь. Возможно сдѣлать это при сохраненіи всей той крѣпости силъ, какую съумѣла создать Москва, и не отказываясь нисколько отъ правильныхъ сторонъ просвѣщенія, которое любить завѣщалъ великій Петръ. Все это можно соединить, все—слить въ новую гармонію, черезъ живой актъ души. Къ такому живому акту мы нудимся задачей раскола».

Разница во взглядахъ между славянофилами и г. Розановымъ заключается лишь въ томъ, что каждое ихъ положеніе онъ извратилъ и очернилъ своимъ ханжествомъ и изувѣрствомъ. Такъ, относительно раскола онъ говоритъ слѣдующее по поводу гоненій, противъ чего всѣ славянофилы яро возставали: «Но пока мы немощны, доколѣ мы пугливыя овцы, боящіяся всякаго отвыклаго шага, пусть наши братья не сѣтуютъ на то, что мы ихъ «гонимъ», не даемъ имъ «равноправности», одинаковой съ католиками, протестантами, даже съ муллами и ламами. Повторяемъ: дать имъ это—значитъ отсѣчь ихъ окончательно отъ своего тѣла, а мы хотимъ быть *съ ними*. Наконецъ, это значило бы и для себя потерять великія чаянія въ будущемъ, ибо *церковный соборъ* есть только отодвигаемое, но сохраняемое средство исцѣленія для нихъ и насъ, а «расколовшись» окончательно, мы потеряли бы главный мотивъ для него, мы, вѣроятно, уже никогда бы не «собрались». Итакъ, хоть отрицательно, хоть въ мучительныхъ «гоненіяхъ» и «преслѣдованіяхъ», мы еще продолжаемъ хранить съ раскольниками цѣлительную связь; мы ихъ сберегаемъ для «святой» древней Руси, мы себя прикрѣпляемъ къ этой древней Руси».

Если въ такихъ извращеніяхъ истины и фактовъ можно видѣть оригинальность, то г. Розановъ имѣетъ право на это званіе. Еще болѣе это право даетъ ему такія открытія, какъ сдѣланное имъ недавно, что число 666 не есть число «звѣрино», а человѣческое. Или проводимая и съ курьезной серьезностью доказываемая имъ мысль, что «пассивныя семьи какъ-то стыдятся «реально-животнаго» въ бракѣ, а активныя «сорадуются ему и почти выпячиваютъ его наружу», и что «выпячиваніе» животной стороны и есть вся суть брака. Отсюда не менѣе оригинальное требованіе: «Мысль брака, его религіозная чистота не можетъ быть возстановлена никакими иными средствами, какъ отодвиженіемъ его заключенія къ самому раннему (невинному) возрасту», «для дѣвушекъ въ 14 и 13 лѣтъ», для юношей «съ прибавленіемъ трехъ или четырехъ лѣтъ».

Не меньшей оригинальностью запечатлена статья «Нѣчто изъ сѣдой древности», въ которой г. Розановъ благоговѣйно вскрываетъ глубокій смыслъ въ

*) Курсивы вездѣ г. Розанова, какъ и далѣе.

обрѣзаніи у евреевъ и восхищается обычаемъ вавилонянъ, у которыхъ, по свидѣтельству Геродота, женщины отдавались въ храмахъ чужестранцамъ. Г. Розановъ усматриваетъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ сѣдой древности нѣкій священный и глубокій символъ, хотя, къ стыду нашему, мы должны оговориться, что стиль автора въ этой статьѣ слишкомъ углубленъ для нашего пониманія, и мы не беремся въ точности изложить его мысли. Пусть судятъ сами читатели, чтò можно понять въ слѣдующей тирадѣ нашего «талантливаго и оригинальнаго» автора. Рѣчь идетъ о разрушеніи Содома и Гоморры: «Повидимому, тутъ есть прообразъ и предостереженіе: много будетъ людей, которые стремясь къ истинѣ обрѣзанія (признаніе многозначительности и многоцѣнности пола и полового) впадутъ въ грѣхъ этихъ городовъ. И въ самомъ дѣлѣ—тутъ есть родство и близость: факты, діаметрально противоположные (вѣчное чадородіе и уничтоженіе его въ корнѣ), скользятъ одинъ около другого, касаются, «союзятъ», «молятъ» одинъ о другомъ—одинъ, устремляясь въ небо (обрѣзаніе) и другой нисходя во адъ (Содомъ). Поразительно, что города такого смысла только однажды выникли въ исторіи—и именно въ самый мигъ зачатія Израиля, въ сосѣдствѣ и очевидномъ союзѣ съ первымъ. Великое предостереженіе; второе подобное есть въ самомъ началѣ Евангелія—это вифлеемское избіеніе младенцевъ. Опять прообразъ и предостереженіе. Многіе будутъ искать Христа и Христова (безплотность и полное умолчаніе о полѣ Предвѣчнаго Слова), но, чуть-чуть ошибаясь въ метѣ движенія, впадутъ въ Иродовъ грѣхъ. Это всѣ формы отчужденія изъ полового стыда родителей отъ чадъ своихъ, какъ-то: вытравленіе плода, убійство дѣвушками и вдовами дѣтищъ своихъ, институтъ такъ называемый «незаконнорожденности», практика «воспитательства» и дѣтоубійцы Скублинской (въ Варшавѣ). Содомъ и Иродова кровь -суть ободъ, внутри коего движется, но въ противоположную сторону, идея вѣчнаго чадородія (обрѣзаніе), въ Ветхомъ и уже безъ-чадной молитвы, но не молитвы «противо»—чадной, въ Новомъ Завѣтѣ».

Если почтенный критикъ, признавшій въ г. Розановѣ оригинальнаго и талантливаго автора, понимаетъ что-либо въ этомъ бредѣ сумасшедшаго, что ему и книги въ руки. Съ своей стороны мы укажемъ на прообразъ Кифы Мокіевича, который тоже имѣетъ право на оригинальность, ибо до него никто не ставилъ вопроса о яйцѣ, изъ котораго могъ бы вылупиться слонъ. Въ этомъ смыслѣ и г. Розановъ несомнѣнно оригиналенъ и талантливъ, но такая оригинальность подлежитъ скорѣе вѣдѣнію психіатріи, чѣмъ литературной критики. Здѣсь мы вступаемъ въ область, гдѣ логика, ясность и послѣдовательность мысли—ничто, а главное—дикіе вопли, кувырканіе черезъ голову, самовосхищеніе и цинизмъ, не знающій предѣла. Мы думаемъ, что для психіатра г. Розановъ прелюбопытная фигура. Одно его самовеличаніе чего стоитъ,—какъ, напр., въ предисловіи къ «Религіи и культурѣ», выдержку изъ котораго мы приводимъ, какъ образчикъ его «талантливаго» слога. «Итакъ,—заканчиваетъ онъ это обращеніе къ уму своему,—сборникъ этихъ интимныхъ (по происхожденію) статей я посвящаю милому храму бытія своего, тѣсной своей часовенькѣ: памяти усопшихъ своихъ родителей—рабовъ божіихъ Василія и Надежды, двѣ могилки и одна даже безвѣстная, даже безъ креста; памяти дочери, 9-ти мѣсячной Надюши—этой поставленъ мраморный крестъ на Смоленскомъ; праведной труженицѣ, женѣ своей Варварѣ, урожденной Рудневой; и дѣтямъ-младенцамъ, которые всему-то, всему меня научили именно въ «религіи», именно въ культурѣ — Татьянѣ, Вѣрѣ, Варварѣ, Василію—...прости, о край родной». Если это писалъ здравомыслящій, «оригинальный и талантливый» писатель, то сколько же талантовъ скрыто въ нашихъ домахъ для умалишенныхъ, гдѣ столько Поприщиныхъ пропадаютъ въ неизвѣстности?

Если приведенныхъ образцовъ покажется еще мало, то для любителя курье-

зовъ приведемъ въ заключеніе нѣчто отъ «Эмбріоновъ», — такъ озаглавленъ особый отдѣлъ сборника «Религія и культура», представляющій рядъ яко бы афоризмовъ г. Розанова.—«Что дѣлать»—спросилъ нетерпѣливый петербургскій юноша.—Какъ что дѣлать: если это *лѣто*—чистить ягоды и варить варенье; если *зима*—пить съ этимъ вареньемъ чай».—Таковъ «эмбріонъ» первый, и чѣмъ онъ хуже «кололацевъ» Ивана Яковлевича Корейши, съ которымъ мы сравнивали г. Розанова? И развѣ это не оригинально? Но, съ другой стороны, кто кромѣ юродиваго, рѣшится печатать такія глубокія мысли, и кто, кромѣ П. Перцова, можетъ ихъ издавать? И какъ бы мы ни «переоцѣнивали цѣнности», все же приходится считать это ничѣмъ инымъ, какъ самой заурядной глупостью. Юродствуя и кувыркаясь черезъ голову, г. Розановъ кончитъ плохо. Теперь онъ уже договорился до «человѣческаго числа 6, 6, 6»,—симптомъ многозначительный и для него печальный. Тутъ ужъ не помогутъ даже «всему-то, всему» его научившіе дѣти-младенцы.

О второмъ сборникѣ «Литературные очерки» распространяться не станемъ. Онъ тоже представляетъ невозможный хаосъ чепухи и младенческихъ откровеній, гдѣ мысли г. Розанова играютъ въ чехарду, а онъ договаривается до... бани, въ которой видитъ святая святыхъ русскаго народа (см. «О писателяхъ и писательствѣ»). Очевидно, что г. Розанову прежде всего нуженъ, дѣйствительно, душъ. Обращаемъ на это вниманіе г. П. Перцова: вмѣсто того, чтобы заботиться о сочиненіяхъ г. Розанова, занялся бы онъ лучше самимъ авторомъ. А можетъ быть, уже поздно?..

К. Б. Гренгагенъ. Путеводитель по Финляндіи. Водолечебные центры, дачныя и живописныя мѣстности Кареліи, Саволакса, Нюландіи, Коренной Финляндіи, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботніи. Съ приложеніемъ 27 картъ и краткаго словаря русско-шведско-финскихъ словъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Цѣна. 2 р. 50 к. К. Б. Гренгагенъ. Поѣздка на Иматру. Выборгъ, Вильманстрандъ и Сайменскій каналъ. Съ приложеніемъ краткаго словаря русско-шведско-финскихъ словъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Цѣна 40 коп. Путеводитель по Финляндіи, изданный О. Н. Поповой, является естественнымъ и прекраснѣйшимъ дополненіемъ къ изданной въ прошломъ году книгѣ «Финляндія» *). Составитель настоящаго путеводителя руководился желаніемъ по возможности подробнѣе ознакомить туристовъ съ Финляндіею, представляющей во многихъ отношеніяхъ несомнѣнный интересъ для каждаго русскаго. Въ интересахъ туристовъ вообще, г. Гренгагенъ обратилъ особенное вниманіе на составленіе подробныхъ картъ и описаній путей къ выдающимся по красотѣ мѣстностямъ. Въ путеводитель вошли также описанія главнѣйшихъ пунктовъ въ странѣ, заслуживающихъ почему-либо особаго вниманія, или составляющихъ административные, научные и промышленные центры ея провинцій. Но авторъ не ограничивается этимъ. Въ обширномъ предисловіи онъ даетъ общія указанія и наставленія для желающихъ путешествовать по Финляндіи, чѣмъ оказываетъ громадную услугу для большинства русскихъ, мало знакомыхъ съ порядками, существующими въ Финляндіи. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ главахъ и попутно во многихъ другихъ, г. Гренгагенъ дѣлаетъ очень интересныя для русской публики отступленія отъ описательнаго изложенія, свойственнаго путеводителю, и, превращаясь на многихъ страницахъ въ публициста, съ большимъ знаніемъ дѣла затрогиваетъ различные вопросы общественной жизни страны и разрѣшаетъ ихъ при помощи сравненій и сопоставленій съ жизненными условіями сосѣднихъ странъ. Таковы главы о странѣ, о народѣ; таковы, напр., на стр. 152 — 154 разсужденія объ

*) Рецензія о ней помѣщена въ «М. Б.», въ № 10 за 1898 г., стр. 79—83

учебныхъ заведеніяхъ для юношей и дѣвицъ, обучающихся совмѣстно; таковы также замѣчанія о финнахъ Саволакса на стр. 161 и др.

Особенностью разбираемаго путеводителя является чрезвычайное богатство сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. О каждомъ изъ городовъ, упоминаемыхъ въ путеводителѣ, авторъ даетъ самыя подробныя указанія о прибытіи въ данный городъ, о его гостиницахъ съ обозначеніемъ стоимости номеровъ, о ресторанахъ и кафе, объ извозчикахъ и о таксѣ на нихъ, о газетахъ, о книжныхъ лавкахъ и т. д. и т. д., отмѣчая рѣшительно все, что въ данномъ городѣ можетъ интересовать путешественника и безъ чего нельзя обойтись. Особенно подробно составленъ справочный отдѣлъ г. Гельсингфорса: здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія присутственныхъ мѣстъ и общественныхъ учрежденій и о времени ихъ открытія, о казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ, краткій каталогъ на семи страницахъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, живописи и скульптуры, находящихся въ Атенеумѣ, цѣны мѣстамъ въ театрахъ и т. п.

Къ путеводителю приложены: положеніе о движеніи по финляндскимъ правительственнымъ желѣзнымъ дорогамъ съ тарифами, большая карта Финляндіи, 27 картъ отдѣльныхъ мѣстностей и краткій словарь русско-шведско-финскихъ словъ, напечатанный русскими буквами, съ указаніемъ произношенія шведскихъ и финскихъ словъ. Отъ души привѣтствуемъ изданный О. Н. Поповой путеводитель по Финляндіи г. Гренгагена. Будемъ надѣяться, что благодаря этому превосходному путеводителю русскіе все чаще и чаще будутъ проникать въ сосѣдній намъ край и, восторгаясь красотами финской природы, близко ознакомятся съ страной и ея народомъ, что послужитъ началомъ единенія и любви,—не во вкусѣ, конечно, «Свѣта» или «Новаго Времени» и имъ подобныхъ же патріотовъ.

Небольшая книжка, подъ заглавіемъ «Поѣздка на Иматру», стоящая всего 40 коп., есть часть большого путеводителя и содержитъ въ себѣ только описаніе Выборга, Вильманстранда и Иматры съ Сайменскимъ каналомъ. Отличается тѣми же достоинствами. Имѣетъ одно приложеніе—русско-шведско-финскій словарь.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

А. П. Новицкій. «Исторія русскаго искусства».—*Р. Мутеръ.* «Исторія живописи въ XIX в.».—*Э. Гроссе.* «Происхожденіе искусства».—*К. Гроссъ.* «Введеніе въ эстетику».—*Ю. Мильталеръ.* «Что такая красота».

А. П. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Выпуски I—III. Издатели новаго труда г. Новицкаго совершенно основательно находятъ, «что общество наше давно уже интересуется русскимъ искусствомъ, а между тѣмъ оно (общество) принуждено чувствовать себя во всѣхъ вопросахъ, касающихся нашего искусства, какъ въ темномъ лѣсу, за полнымъ отсутствіемъ у насъ какихъ-либо руководствъ по этому предмету». Относительно новаго періода, за исключеніемъ двухъ-трехъ трудовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе серьезный историческій характеръ, любознательный читатель, не имѣющій спеціальной подготовки, принужденъ черпать свои свѣдѣнія исключительно изъ бѣглыхъ журнальныхъ и газетныхъ статей о текущихъ выставкахъ, но статьи эти за нѣкоторыми исключеніями пишутся или совершенно предвзято (какъ напр., восклицательныя статьи г. Стасова), или по-дилетантски, такъ что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ не получается прочныхъ основаній для сужденія. Что касается раннихъ эпохъ русскаго искусства, то запасъ вѣрныхъ представленій о немъ, обращающихся въ широкихъ

кругахъ публики, еще ограниченнѣе. Весьма многіе до сихъ поръ держатся того мнѣнія, что искусство до-петровской Руси не выходило изъ предѣловъ рабскаго подражанія византійщинѣ, а византійское искусство въ свою очередь пользуется традиціонной репутаціей чего-то неподвижнаго, схоластическаго и скучнаго. Спеціальная литература, иностранная и русская, однако, давно внесла свѣтъ въ этотъ вопросъ и показала, во-первыхъ, что византійское искусство долгое время хранило традиціи классической древности, что оно въ нѣкоторыхъ областяхъ, комбинируя эти традиціи съ восточными вліяніями, выработало совершенно своеобразныя и жизненныя формы, и что оно имѣло весьма благотворное дѣйствіе на раннее итальянское, а черезъ него и на все западно-европейское искусство, и во-вторыхъ, что русское искусство также не осталось въ рабской косности: оно во многомъ развило воспринятые отъ грековъ элементы, привнесло въ нихъ отчасти западныя, отчасти восточныя потребности, и въ значительной степени подчинило ихъ направленію, выросшему самостоятельно изъ народныхъ потребностей и изъ матеріаловъ, которыми располагали мѣстные художники. Но изслѣдованія, приведшія къ этимъ выводамъ, носятъ въ большинствѣ случаевъ слишкомъ монографическій, спеціальный характеръ, печатаются обыкновенно въ мало доступныхъ журналахъ или издаются черезчуръ громоздко и дорого, а потому заурядный читатель отъ нихъ никакой пользы не получаетъ.

Въ виду этого, начинаніе г. Новицкаго, намѣревающагося дать, по возможности, сжатое и популярное изложеніе всей жизни русскаго искусства, при сравнительно весьма доступныхъ условіяхъ пріобрѣтенія его книги, заслуживаетъ безусловнаго сочувствія. Въ настоящее время изданіе это уже настолько подвинулось (въ III-мъ выпускѣ излагается московскій періодъ), что становится вполнѣ возможнымъ судить о его качествахъ. Разсчитывая на интересующагося, но совершенно неподготовленнаго читателя, авторъ, главнымъ образомъ, старается объ обиліи фактической стороны. Онъ тщательно перечисляетъ и подробно описываетъ всѣ наиболѣе характерные памятники, отмѣчая, въ чемъ состоитъ своеобразность и новизна каждаго изъ нихъ. Многочисленность заимствованій у предшествующихъ изслѣдователей, впрочемъ съ самыми щепетильными оговорками, придаетъ работѣ г. Новицкаго какъ будто компилятивный характеръ, но, если ближе вникнуть, то это окажется скорѣе извѣстной манерой изложенія. Близкое, непосредственное знакомство автора съ большинствомъ памятниковъ, подвергающихся разсмотрѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, но онъ отказывается охотно отъ своего стиля вездѣ, гдѣ онъ находитъ уже готовую формулировку, съ существомъ которой онъ согласенъ. Въ оцѣнкѣ и освѣщеніи богатаго матеріала г. Новицкій стремится сохранить полное безпристрастіе, и хотя онъ всегда съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаетъ самобытные зачатки русскаго искусства, но добросовѣстно указываетъ также и на всѣ иноземныя заимствованія, откуда бы они ни шли.

Указанныя солидныя достоинства труда г. Новицкаго налагаютъ на насъ обязанность внимательно отнестись и къ его отрицательнымъ сторонамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ объясняются, конечно, новизною задачи. Такъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ автору приходится описывать памятники, особенно архитектурные, онъ неясно представляетъ себѣ степень неподготовленности читателя и употребляетъ много терминовъ, которые несомнѣнно слѣдовало бы пояснять, безъ чего все описаніе можетъ оказаться непонятнымъ. Гораздо болѣе крупный недостатокъ заключается въ невыдержанности историческаго метода, напр., при разсмотрѣніи русскаго гражданскаго зодчества. Говоря объ исторіи такихъ сторонъ духовной жизни народа, какъ словесность, языкъ, искусство и т. п., гдѣ развитіе идетъ постепенно, безъ рѣзкихъ переходовъ, безъ скачковъ, свойственныхъ личному творчеству, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ явленій, необхо-

димо строжайшимъ образомъ имѣть въ виду хронологію и географическое мѣсторожденіе. Извѣстно, что памятники нашего гражданскаго зодчества, благодаря матеріалу, изъ котораго они строились, весьма не древняго происхожденія. Болѣе или менѣе подробныя описанія и нѣсколько случайныхъ изображеній построекъ московскаго періода,—вотъ все, чѣмъ мы располагаемъ для исторіи нашей частной архитектуры. Нѣкоторыя типическія деревянныя постройки, сохранившіяся до сихъ подъ въ сѣверной Россіи, впрочемъ неупоминаемыя г. Новицкимъ, могли бы пожалуй дать намъ право говорить о зодчествѣ Новгородской области, и то съ большою осторожностью. Но г. Новицкій, нашедши въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ нѣкоторыя существующія понынѣ наименованія «клѣти, хоромъ, сѣней, избы, горенки, терема и пр.» и принимая во вниманіе «косность, которая, несомнѣнно, существовала и продолжаетъ существовать въ способѣ устройства своего жилья у русскаго человѣка», нисколько не сомнѣвается, что извѣстныя намъ архитектурныя формы московскаго, при томъ весьма поздняго періода, существовали искони на всемъ пространствѣ Руси, начиная съ X и XI вѣка. При этомъ implicite предполагается, что русская народность не только теперь по всему лицу земли русской, но и во всѣ историческія времена представляла нѣчто единое и неизмѣнное. Не расширяя даннаго вопроса, достаточно указать, что, напр., на громадномъ пространствѣ Малороссіи въ настоящее время существуетъ совершенно иной типъ построекъ, нежели въ Великороссіи, и что судя по стариннымъ описямъ, а также по той же косности въ устройствѣ своихъ жилищъ, типъ этотъ нисколько не моложе московскаго, при чемъ нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать иноземное его происхожденіе. Далѣе, говоря все о той же гражданской архитектурѣ, г. Новицкій высказываетъ мысль, которая по его мнѣнію «покажется, пожалуй, очень смѣлою, даже дерзкою». При возведеніи построекъ, имѣющихъ утилитарное значеніе, русскій человѣкъ, какъ извѣстно, симметріи не соблюдаетъ. Мысль г. Новицкаго заключается въ томъ, «что, при всей кажущейся случайности пристроекъ и надстроекъ, нетрудно замѣтить въ нихъ всегда строго проведенный какой-то законъ, благодаря исполненію котораго, всѣ будто бы такъ случайно нагроможденныя клѣти и сѣни вовсе не производятъ впечатлѣнія нагроможденности или хаоса, а, напротивъ, вполнѣ удовлетворяютъ наше эстетическое чувство и кажутся намъ постройкою стройною и красивою, хотя и прихотливою». Этотъ законъ г. Новицкій называетъ «*балансомъ* отдѣльныхъ частей». Въ этомъ мы, признаемся, не видимъ никакой смѣлости, а тѣмъ болѣе дерзости. Г. Новицкій находитъ, что «здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіе,... которымъ можетъ гордиться русская нація, сознавая, благодаря этому, что ея художественныя способности не только не ниже, но даже выше, чѣмъ у тѣхъ народовъ запада, предъ которыми она такъ привыкла себя унижать». «Западная архитектура,—по мнѣнію автора,—лишь за исключеніемъ нѣкоторыхъ стилей, пріучила нашъ глазъ къ симметріи». Вотъ эти разсужденія правильнѣе было бы назвать смѣлыми,—во всякомъ случаѣ они неосновательны. Едва ли г. Новицкій могъ бы указать хоть одинъ стиль жилыхъ построекъ (мы имѣемъ конечно въ виду архитектуру, естественно развившуюся изъ культурныхъ потребностей, а не тѣ стили, которымъ обучаютъ въ архитектурныхъ классахъ), гдѣ бы ради симметріи строители поступались удобствами и пользою. Достаточно указать на типъ нѣмецкой бюргерской постройки или на англійскій коттэджъ, или на средневѣковой замокъ, или монастырь, всюду мы видимъ самую смѣлую симметрію, при чемъ строители нисколько не рѣже, чѣмъ у насъ, стремились вмѣстѣ съ матеріальными потребностями удовлетворить и эстетическія. Мы не сомнѣваемся, что г. Новицкій самъ могъ бы припомнить средневѣковые замки, которые, несмотря на кажущуюся случайность пристроекъ, надстроекъ, башенъ, службъ и пр. представляютъ не менѣе стройное цѣлое, чѣмъ русскіе хоромы и терема.

Исторія искусства стоитъ въ самой тѣсной связи съ многими отраслями исторической науки, между тѣмъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ этимъ сосѣднимъ областямъ знанія, г. Новицкій основывается на выводахъ, очевидно почерпнутыхъ изъ весьма старинныхъ учебниковъ, не давъ себѣ труда справиться, въ какомъ положеніи эти вопросы находятся въ современной наукѣ. Указывая на то, что «въ самыхъ раннихъ русскихъ древностяхъ мы ясно видимъ господство восточнаго вліянія», г. Новицкій думаетъ, что это объясняется не только взаимодѣйствіемъ вкусовъ у народовъ, находившихся въ постоянныхъ торговыхъ и иныхъ отношеніяхъ между собою, но и «тѣсной преемственною связью древней Руси съ культурою древняго Востока», при чемъ онъ ссылается на изслѣдованія какихъ-то лингвистовъ, которые будто бы «показали, что языкъ славянскій сохранилъ больше всѣхъ остальныхъ европейскихъ языковъ близость къ общему всѣхъ ихъ родоначальнику—языку санскритскому». Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ лингвистика дѣйствительно бредила о чемъ-то подобномъ, но съ тѣхъ поръ, какъ она стала на самомъ дѣлѣ наукой и выучилась пользоваться сравнительнымъ методомъ, вѣроятно даже ни одинъ русскій ученый, заслуживающій имени лингвиста, несмотря на крайнюю нашу отсталость въ этой области, не рѣшится утверждать, что славянскій языкъ ближе къ санскриту, чѣмъ греческій или германскій, а тѣмъ болѣе, что санскритъ родоначальникъ всѣхъ остальныхъ аріо-европейскихъ языковъ: они также мало происходятъ отъ него, какъ, положимъ, русскій отъ древне-болгарскаго (церковнославянскаго) или нѣмецкій отъ готскаго. Эти отрицательные выводы въ настоящее время дѣйствительно уже не подвержены сомнѣнію. Тутъ же г. Новицкій заимствуетъ у какого-то «историка славянскихъ народовъ», повидимому, съ сочувствіемъ, характеристику расовыхъ особенностей славянъ, которыя они будто бы принесли изъ своей прародины Азіи (?). Здѣсь мы находимъ въ отличіе «отъ западныхъ, болѣе эгоистическихъ племенъ»—«младенчески-простодушный оттѣнокъ характера» славянъ, ихъ «покорность Богу, власти и судьбѣ, смиреніе при силѣ и успѣхѣ, терпѣливость въ несчастіи, состраданіе къ слабымъ и угнетеннымъ, твердыя семейныя и общественныя начала» и еще много другихъ сентиментальныхъ нелѣпостей, на которыхъ политиканствующіе эпигоны славянофиловъ строятъ карточные домики своихъ теорій съ девизомъ: «разумѣйте языцы и покаряйтеся!» Неужели г. Новицкому неизвѣстно, что этнографическія басни нашихъ старыхъ *синопсисовъ* съ ихъ Гогой и Магогой имѣютъ столько же научной цѣны, какъ эти елейныя суесловія? Къ счастію, подобныхъ отступленій въ книгѣ г. Новицкаго немного и они не имѣютъ никакого вліянія на изложеніе предмета.

Нельзя не отмѣтить еще отношенія г. Новицкаго къ вопросу о существованіи языческихъ храмовъ у восточныхъ славянъ. Наиболѣе критическіе русскіе историки, въ томъ числѣ С. М. Соловьевъ, безусловно отрицаютъ ихъ существованіе, основываясь на томъ, что лѣтописи нигдѣ не упоминаютъ о нихъ, а тамъ, гдѣ имъ приходится говорить о языческомъ культѣ, употребляютъ выраженія, наводящія на мысль, что идолы не помѣщались въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Г. Новицкій присоединяется къ Карамзину, митр. Макарію, проф. Забѣлину и другимъ, которые держатся противоположнаго мнѣнія. Но что же онъ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія? Единственное историческое свидѣтельство въ пользу существованія языческихъ храмовъ находится въ извѣстномъ словѣ Илларіона, который говоритъ: «Уже не капищь съграждаемъ, но христовы церкви строимъ». Всѣ остальныя доказательства г. Новицкій черпаетъ изъ косвенныхъ соображеній, которыя на вѣсахъ осторожной исторической критики имѣютъ весьма второстепенное значеніе. Что касается упомянутаго выше выраженія Илларіона, то «многіе молодые наши филологи (?),—говоритъ г. Новицкій,—отвергаютъ значеніе этого «Слова», указывая на то, что

какъ ораторъ, Илларіонъ могъ употребить слово не въ точномъ его значеніи». Г. Новицкій находитъ излишнимъ такой скептицизмъ. «Почему,—спрашиваетъ онъ,—мы должны сомнѣваться во всѣхъ твердыхъ доказательствахъ одной стороны и вѣрить въ единственный, и то шаткій, доводъ другой?». Въ дѣйствительности же г. Новицкій приводитъ одинъ единственный доводъ противъ многочисленныхъ твердыхъ основаній своихъ противниковъ, при чемъ критику «слова» Илларіона онъ напрасно приписываетъ филологамъ. Приводимое имъ соображеніе ничего общаго съ филологіей не имѣетъ, а всецѣло относится къ области исторической критики источниковъ.

Мы указали на главнѣйшія промахи текста, намъ остается сказать нѣсколько словъ о многочисленныхъ иллюстраціяхъ, которыя въ такомъ изданіи, какъ трудъ г. Новицкаго, имѣютъ въ высшей степени важное значеніе. Многія изъ нихъ исполнены весьма удовлетворительно, нѣкоторыя даже роскошно, напр. многоцвѣтныя хромолитографіи древнихъ эмалей. Вообще, вполнѣ приличны всѣ тѣ иллюстраціи, которыя исполнены спеціально для настоящаго изданія. Остальныя же, а такихъ большинство, представляютъ воспроизведенія старыхъ, иногда довольно посредственныхъ гравюръ и рисунковъ. Это особенно жалко въ тѣхъ случаяхъ, когда изображаются существующія понынѣ памятники, вполнѣ доступные фотографированію. Укажемъ напр. на соборъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ, изображеніе котораго взято съ какой-то старой литографіи, или на прекрасныя скульптурныя украшеніе Дмитровскаго собора во Владимірѣ, воспроизведенныя по плохой гравюрѣ, тогда какъ даже у Байе (*Византійское искусство.* Спб. 1888) этотъ памятникъ представленъ гораздо лучше.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Переводъ З. Венгеровой. Изданіе тов. «Знаніе». Спб. 1899. Выпускъ I. Среди профессорскихъ нѣмецкихъ сочиненій объ исторіи искусства, которыя обыкновенно представляютъ лишь исторію памятниковъ, книга Мутера занимаетъ такое же мѣсто, какъ извѣстныя лекціи по литературѣ Георга Брандеса между обычными курсами по исторіи литературы. Оба вовсе не стремились исчерпать подлежащій ихъ изслѣдованію матеріалъ и сдѣлать изъ своихъ курсовъ справочныя книжки или хронологическіе каталоги. Они хотѣли дать въ руки читателю только руководящую нить, которая помогла бы ему самому разобраться въ массѣ интересующихъ его явленій, и характеризуютъ лишь тѣ изъ нихъ, въ которыхъ особенно ярко отразились «главныя теченія» литературы и искусства истекающаго вѣка. Несмотря на то, что оба историка по многимъ вопросамъ проводятъ оригинальные взгляды, которые присяжнымъ ученымъ кажутся даже еретическими, книги ихъ не претендуютъ на роль самостоятельныхъ изслѣдованій: они охотно пользуются трудами предшественниковъ относительно установки фактовъ и не загромождаютъ своего изложенія цитатами и ссылками. Наконецъ, общею чертою ихъ является прекрасная литературная форма, благодаря которой читатель увлекается самымъ разсказомъ, помимо интереса къ предмету. Разница однако заключается въ томъ, что Мутеръ далеко не обладаетъ такимъ всестороннимъ образованіемъ, какъ датскій ученый, и не имѣетъ его широкихъ интересовъ. Хотя и Мутеръ стремится связать исторію искусства съ измѣняющимися общественными настроеніями и постоянно прибѣгаетъ къ параллелямъ изъ области литературы, но точка зрѣнія его на историческія явленія иногда слишкомъ неопредѣленна, а иногда слишкомъ односторонне совпадаетъ съ интересами той малочисленной среды, которая до сихъ поръ монополизировала для себя наслажденіе искуствомъ. При всемъ томъ, *исторія живописи* Мутера—самая интересная и современная изъ всѣхъ однородныхъ сочиненій и можно только порадоваться, что благодаря изданію тов. «Знаніе» (О. Н. Поповой и К°.) и русскій читатель сможетъ теперь въ значительной

степени удовлетворить свой интересъ къ исторіи новаго европейскаго искуства, возбужденный иностранными выставками послѣднихъ лѣтъ.

Въ появившемся нынѣ первомъ выпускѣ русскаго перевода заключается лишь введеніе, гдѣ авторъ очерчиваетъ главныя моменты исторіи живописи XVIII столѣтія, тѣ явленія, въ которыхъ надо искать генезиса многихъ позднѣйшихъ процессовъ. Особенно заслуживаетъ вниманія глава о живописи въ Англіи, имѣвшей такихъ художниковъ, какъ Гогартъ, Генсборо и Рейнольдсъ, и давшей импульсъ общеевропейскому движенію и въ этой, какъ во всѣхъ остальныхъ областяхъ умственной жизни. Въ противоположность обычнымъ нѣмецкимъ руководствамъ, въ которыхъ авторы, исходя изъ метафизическаго понятія о прекрасномъ, разсматриваютъ всю исторію искусства съ одной отвлеченной точки зрѣнія, Мутеръ держится историческаго метода. Онъ справедливо находитъ, что для историка интереснѣе тѣ художники, которые открывали новые пути и шли своей независимой дорогой, чѣмъ тѣ, которые черпали средства и цѣли изъ богатой сокровищницы прошлаго, хотя бы размѣрами дарованія послѣдніе превосходили первыхъ. Его всюду увлекаетъ оригинальность, самобытность и нарушеніе традицій. Ему повидимому такъ надоѣло шаблонное и безплодное преклоненіе предъ итальянскимъ возрожденіемъ и греческой скульптурой, которое со временъ Винькельмана и Лессинга до сихъ поръ господствуетъ въ нѣмецкой академической эстетикѣ, что онъ реагируетъ противъ этого другою крайностью. Какъ ученый и какъ представитель культурной націи, цѣнящей великое прошлое, Мутеръ конечно не думаетъ отрицать заслугъ античнаго искусства предъ современностью, подобно нѣкоторымъ нашимъ самобытникамъ, но онъ нѣсколько преувеличенно оцѣниваетъ «оборотную сторону медали», подчеркивая, «какъ часто традиціи древности становились препятствіемъ для развитія новаго искусства». «Всѣ великіе художники со времени Джіотто,—говоритъ онъ.—становились великими не благодаря древности, а вопреки ей. Леонардо да-Винчи никогда не думалъ основывать свою теорію искусства на чемъ-либо иномъ, кромѣ собственнаго пониманія природы. Микель Анджело, создавая «Моисея», навѣрное, не имѣлъ въ виду греческаго Зевса, и только потому «Моисей» его—оригинальное произведеніе, достойное стать рядомъ съ лучшими произведеніями Греціи. Гольбейнъ, Тиціанъ, Рембрандтъ, Веласкезъ, Ватто не преклоняли колѣнъ предъ богами греческаго Олимпа». Справедливо въ этомъ протестѣ то, что всякій догматъ непогрѣшимости, всякая слѣпая вѣра въ совершенство прошлаго, всякій абсолютъ въ жизненномъ процессѣ является мертвящей силой, тормазомъ прогресса. Не подлежитъ сомнѣнію, что искать образцовъ лучше въ природѣ, чѣмъ въ старыхъ школахъ. Но если художникъ смотритъ на великія прошлыя эпохи искусства не какъ на идеалъ, къ которому только можно приближаться, а какъ на исторію своихъ геніальныхъ предшественниковъ, которые такъ же, какъ онъ, страстно, часто мучительно искали путей къ пониманію и воспроизведенію природы, если онъ въ «классическихъ» произведеніяхъ будетъ видѣть не образцы для копированія, а смѣлыя попытки овладѣть такими сторонами природы, которыя до того не поддавались завоеванію артистическими средствами, то изученіе этого великаго прошлаго можетъ сыграть только оплодотворяющую роль для развитія его собственныхъ художественныхъ задатковъ. Между тѣмъ Мутеръ повидимому отрицаетъ, что знакомство съ исторіей своего искусства во всѣхъ случаяхъ даетъ плюсъ въ дѣятельности каждаго артиста. Онъ находитъ, что «Рейнольдсу повредило слишкомъ основательное художественное образованіе, которое онъ получилъ въ Италіи и Голландіи», тогда какъ особеннымъ преимуществомъ Гэнсборо было то, что онъ изучалъ «только книгу природы». «Ничто не становилось между художникомъ и его моделью (въ портретахъ), никакой «темный старый мастеръ» не затемняетъ его полотна». Особенно устрашающимъ при-

мѣромъ служитъ Мутеру Рафаэль Менгсъ, котораго въ свое время Винкельманъ превозносилъ выше настоящаго Рафаэля, но который дѣйствительно былъ только жалкимъ эпигономъ великихъ итальянцевъ. Мутеръ думаетъ, что Менгсъ отъ природы имѣлъ выдающееся дарованіе, которое погибло «жертвой» эклектическихъ теорій современныхъ ему эстетиковъ. На самомъ же дѣлѣ ничтожество художественной индивидуальности въ корнѣ обрекало его на роль подражателя, и теоріи Винкельмана обусловили не гибель его таланта, а лишь непомѣрный его успѣхъ среди нѣмцевъ XVIII вѣка. Такое же страстное увлеченіе классическою древностью не могло стерилизировать таланта его современника Гёте и не помѣшало послѣднему въ періодъ *Ифигеніи* и *Римскихъ элегій* продолжать работу надъ *Фаустомъ*.

Несмотря, однако, на указанную здѣсь односторонность въ пониманіи художественной самобытности, Мутеръ даетъ въ общемъ вѣрную картину европейскаго искусства XVIII вѣка. Къ этому времени относится зарожденіе многихъ направленій, получившихъ полное развитіе лишь въ нашемъ столѣтіи. Важнѣйшимъ элементомъ, которому предназначена была самая широкая будущность, надо признать реализмъ, возникшій почти одновременно въ нѣсколькихъ странахъ, но вездѣ съ своеобразнымъ оттѣнкомъ. Рѣзкій, грубоватый жанръ Гогарта съ примѣсью пуританскаго нравоучительства имѣлъ во Франціи весьма ненравоучительную параллель, чопорное, надутое искусство Людовика XIV смѣнилось сибаритскимъ и аристократическимъ реализмомъ Ватто. Римскія тоги и доспѣхи уступили мѣсто пудрѣ, атласу и кружевамъ маркизовъ Регентства. Фиктивные геройскіе подвиги были забыты для красивыхъ, веселыхъ и болѣе чѣмъ непринужденныхъ fêtes galantes. Позднѣе и во Франціи вошло въ моду восхваленіе добродѣтели съ крупной дозой сентиментальности. Но слащавая живопись Греза, такъ же какъ родственная ей слезливая драма Дидеро не отражали могучаго общественнаго теченія, и Мутеръ напрасно думаетъ, что они знаменуютъ наступившее во Франціи «время поста и покаянія». Идеализація мѣщанства и слезоточивая чувствительность были только результатами моднаго настроенія, навѣяннаго иностранной литературой, и далеко не вытѣснили легкомысленной жажды наслажденій quand même въ стилѣ рококо. Нравоучительныя картинки Греза и не имѣли замѣтнаго вліянія на дальнѣйшую эволюцію французскаго искусства. Гораздо плодотворнѣе для будущаго столѣтія была другая черта, обнаружившаяся впервые также въ Англіи: поэтическое наслажденіе красотой природы, исканіе въ ней соотвѣтствія движеніямъ человѣческой души получило прекрасное выраженіе въ пейзажахъ Гэнсборо, а въ нашемъ вѣкѣ породило столько шедевровъ, начиная съ Коро и кончая Беклиномъ. Таковы были въ области живописи завѣты XVIII столѣтія. О ихъ развитіи и пополненіи мы будемъ имѣть случай говорить по поводу дальнѣйшихъ выпусковъ работы Мутера.

Русскій переводъ въ общемъ читается легко, но нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ небрежностей, которыя въ популярной книгѣ особенно нежелательны: французскій художникъ Коро (Corot) нѣсколько разъ именуется *Корро*, объ Анжеликѣ Кауфманъ говорится, что она переодѣлась *греческой весталкой* и т. п. Иллюстраціи, далеко не всѣ удачно отпечатанныя, все-таки весьма содѣйствуютъ всестороннему пониманію текста.

Эрнстъ Гроссе. Происхожденіе искусства. Съ 32 рисунками и съ 3 таблицами. Перевелъ съ нѣм. А. Е. Грузинскій. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Москва 1899. Художественная дѣятельность является результатомъ психологической потребности творчества и не только не зависитъ отъ теоретическихъ взглядовъ художника на искусство, но часто бываетъ почти безсознательной. Наслажденіе произведеніями искусства для тѣхъ, кто имѣетъ возможность и способность наслаждаться ими, также стоитъ лишь въ очень слабой

связи съ наукой объ искусствѣ, подобно тому, какъ удовольствіе, получаемое непосредственно отъ природы, чрезвычайно мало усиливается свѣдѣніями изъ области ботаники, геологіи или метеорологіи. Поэтому возникаетъ даже вопросъ, имѣетъ ли какой-либо смыслъ создавать науку объ искусствѣ, которая не въ силахъ управлять процессомъ творчества и безполезна для усиленія эстетическихъ эмоцій. Есть не мало людей—особенно въ современной Франціи,—которые, спеціально занимаясь явленіями искусства, отвѣтили бы на этотъ вопросъ отрицательно. Жюль Леметръ отрицаетъ надобность устанавливать какія-либо прочныя сужденія въ области прекраснаго и ограничивается только болѣе или менѣе яркимъ выраженіемъ своихъ .впечатлѣній.

Но отъ науки объ искусствѣ, какъ вообще отъ науки, нельзя требовать исполненія ближайшимъ образомъ полезныхъ задачъ. Она имѣетъ своей цѣлью выясненіе условій возникновенія и развитія извѣстнаго круга историческихъ явленій, объединяемыхъ именемъ искусства. До послѣдняго времени научная эстетика считалась неотъемлемою принадлежностью умозрительной философіи, которая старалась открыть «сущность прекраснаго» и установить вѣчные его законы. «Попытки построить философію искусства до сихъ поръ почти всегда производились въ непосредственной зависимости отъ той или другой умозрительной философской системы и потому дѣлили съ этою системою ея участь», т. е. рушились отъ прикосновенія критики къ метафизическимъ предпосылкамъ данной системы. По мѣрѣ того, какъ реальное направленіе мышленія расшатывало вѣру въ метафизическія сущности, въ томъ числѣ и въ абсолютную красоту, центръ тяжести въ изученіи искусства также перемѣщался. На всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи искусство было связано столькими узами съ жизнью человѣчества, что показалось вполнѣ естественнымъ разсматривать науку объ искусствѣ, какъ часть науки объ обществѣ. Но и соціологическая постановка вопроса не имѣла до сихъ поръ никакихъ серьезныхъ результатовъ. Попытки Тэна, а позднѣе Энекена и Гюйо открыть закономѣрныя отношенія между жизнью общества и состояніемъ искусства не привели ровно ни къ чему. Они очень краснорѣчиво выводили законы и формулы съ претензіей на математическую точность, но краснорѣчіе это въ большинствѣ случаевъ прикрывало лишь бѣдность доказательствъ и туманность понятій, которыя должны были опредѣлять искомое неизвѣстное.

Гроссе видитъ ихъ общую ошибку главнымъ образомъ въ томъ, что они основывали свои общіе законы искусства на фактахъ, относящихся къ весьма небольшой территоріи, и интересовались только высшими проявленіями европейскаго творчества. «Область, которою занималось до сихъ поръ изученіе искусства,—говоритъ онъ,—можетъ быть, была наиболѣе интересною для большинства общества, но она вовсе не самая цѣнная для науки, по крайней мѣрѣ теперь». Изслѣдователь европейскаго искусства имѣетъ дѣло съ такимъ множествомъ факторовъ, съ такими сложными явленіями, и перепутанными взаимодѣйствіями, что подмѣтить простые законы, управляющіе этимъ безконечно разнообразнымъ комплексомъ, является задачей неосуществимой. Подобно тому, какъ соціологія начинаетъ изученіе жизни общества не съ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, а съ наиболѣе первобытныхъ племенъ, такъ и наука объ искусствѣ должна, по мнѣнію Гроссе, отказаться пока отъ Фидія, Рафаэля и Шекспира и спуститься къ младенческому лепету человѣчества. Жизнь на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи проста, отдѣльные индивиды не выдаются такъ рѣзко надъ общимъ уровнемъ, искусство однообразно, а потому здѣсь легче правильно установить связь между общимъ теченіемъ соціальной жизни и состояніемъ искусства.

Такова постановка задачи у Гроссе. Независимо отъ вопроса, насколько изученіе первобытнаго искусства окажется со временемъ полезнымъ для пониманія

европейскаго искусства, можно признать, что предметъ, избранный нѣмецкимъ ученымъ, самъ по себѣ въ высшей степени интересенъ. Ясность плана и осторожность въ выводахъ составляютъ главныя особенности работы Гроссе. Онъ нисколько не скрываетъ отъ себя трудностей своего предпріятія. Несмотря на то, что въ количественномъ отношеніи подлежащій изслѣдованію матеріалъ кажется неисчерпаемымъ, большая часть его оказывается негоднымъ въ качественномъ отношеніи. Прежде всего Гроссе совершенно отбрасываетъ всю группу фактовъ, доставляемыхъ археологіей, исходя изъ того соображенія, что никогда нельзя съ точностью опредѣлить культурную среду даннаго произведенія искусства. Въ этомъ отношеніи авторъ педантически послѣдователенъ. Онъ твердо устанавливаетъ критерій первобытности. Считая мѣриломъ культуры способъ добыванія пищи, иначе говоря экономическій факторъ, Гроссе изслѣдуетъ искусство только тѣхъ племенъ, которыя питаются охотой и собираніемъ растеній. Такимъ образомъ его вѣдѣнію подлежатъ лишь пять-шесть изъ нынѣ существующихъ человѣческихъ разновидностей. Но извѣстно, съ какою осторожностью нужно пользоваться свѣдѣніями о дикаряхъ, сообщаемыми европейскими наблюдателями. Все это въ связи въ новизною предмета приводитъ къ тому, что авторъ самъ находитъ цѣнными не столько свои положительные выводы, сколько постановку многихъ вопросовъ, которые могли бы послужить руководствомъ для будущихъ наблюдателей. Однако къ нѣкоторымъ результатамъ Гроссе приходитъ и теперь. Почти во всѣхъ искусствахъ, которыми занимаются охотничьи племена, удается подмѣтить прямую или косвенную зависимость отъ ихъ хозяйственнаго быта, при чемъ художественная дѣятельность дикарей играетъ небезразличную роль въ борьбѣ за существованіе. Въ послѣднемъ отношеніи особенное значеніе имѣетъ косметика, т. е. украшеніе тѣла. Цѣль этого украшенія двоякая: устрашеніе враговъ и привлеченіе вниманія женщинъ. Сюда относится и мучительные способы украшенія тѣла посредствомъ татуировки и рубцовъ; ими мужчина доказываетъ свою выносливость, безъ которой дикарь не можетъ успѣшно бороться за существованіе, а слѣдовательно не можетъ стать во главѣ семейной группы. Охотничій бытъ даетъ первобытнымъ художникамъ весь матеріалъ и всѣ образцы для ихъ пластики. Это очевидно въ ихъ рисункахъ и скульптурѣ, которые съ замѣчательнымъ натурализмомъ воспроизводятъ исключительно животныхъ, сцены охоты, людей съ оружіемъ и т. п. Не всегда это ясно выступаетъ въ орнаментикѣ. Въ большинствѣ случаевъ, мы дѣйствительно наблюдаемъ и здѣсь звѣриный стиль, т. е. стремленіе утилизировать фигуры животныхъ или частей ихъ Растительный орнаментъ совершенно незнакомъ охотничьимъ племенамъ. Но кромѣ того весьма распространенъ также орнаментъ, состоящій изъ различныхъ комбинацій, прямыхъ линій и называемый обыкновенннo «геометрическимъ» орнаментомъ. Гроссе на нѣкоторыхъ примѣрахъ показываетъ, что и этотъ орнаментъ представляетъ собою до крайности доведенную схематизацію контуровъ животныхъ или ихъ частей, напр., чешуи, перьевъ, волосъ. Намъ однако кажется натяжкой видѣть животные мотивы во всѣхъ прямолинейныхъ орнаментахъ. Происхожденіе его въ достаточной степени объясняется простотою орудій. Когда первобытный охотникъ хочетъ украсить какой-нибудь предметъ, онъ беретъ заостренную раковину или кость, или просто палочку. Провести такими орудіями какую-нибудь другую правильную линію, кромѣ прямой очень трудно даже для менѣе первобытной руки. Начертаніе же короткой прямой линіи не требуетъ никакого искусства. Примѣняя сюда законъ ритмическаго ряда, весьма хорошо извѣстный первобытному художнику, онъ получаетъ самыя разнообразныя комбинаціи ломаныхъ и пересѣкающихся линій. Взглядъ получаетъ пріятное впечатлѣніе почти безъ всякаго творческаго усилія со стороны художника. Важное соціальное значеніе Гроссе приписываетъ танцамъ охотничьихъ пле-

менъ. «Одушевленіе танца (массоваго) заставляетъ отдѣльныхъ индивидуумовъ сливаться въ единое существо, проникнутое и потрясенное однимъ и тѣмъ же чувствомъ... Именно въ этомъ объединяющемъ дѣйствіи, и лежитъ соціальное значеніе первобытнаго танца. Онъ заставляетъ и пріучаетъ дѣйствовать подъ *однимъ* импульсомъ, въ *одномъ* направленіи и съ *однимъ* и тѣмъ же намѣреніемъ цѣлую группу людей, которые, живя въ свободныхъ и шаткихъ внѣшнихъ условіяхъ, безпорядочно и случайно слѣдуютъ различнымъ индивидуальнымъ нуждамъ и вкусамъ». Мы не имѣемъ возможности останавливаться на интересныхъ соображеніяхъ Гроссе о поэзіи и музыкѣ охотничьихъ племенъ. Отмѣтимъ только нѣкоторые общіе выводы нѣмецкаго изслѣдователя. Изъ сопоставленія всей массы художественныхъ произведеній австралійцевъ, минкоповъ, бушменовъ, огнеземельцевъ и эскимосовъ открывается полное сходство ихъ искусства, а это «непосредственно доказываетъ, что характеръ расы не имѣетъ никакого рѣшающаго значенія для развитія искусства», по крайней мѣрѣ у первобытныхъ народовъ. При такомъ разнообразіи расъ сходство искусства можетъ зависѣть только отъ общности хозяйственныхъ формъ жизни. Это сходство опровергаетъ и другое довольно распространенное положеніе о прямой зависимости характера искусства отъ климата, т. е. отъ географическихъ условій. Климатъ вліяетъ на искусство лишь постольку, поскольку онъ опредѣляетъ хозяйственныя формы. Авторъ не рѣшается обобщать своего вывода на тѣ области искусства, которыя онъ не изслѣдовалъ. Но всетаки ему кажется сомнительнымъ чтобы вліяніе климата могло быть указано на высшихъ ступеняхъ искусства. «Культурный процессъ ведетъ народы отъ рабскаго подчиненія природѣ къ владычеству надъ нею, и надо признать, что эта перемѣна находитъ себѣ и въ развитіи искусства соотвѣтствующее выраженіе». Но особенно Гроссе настаиваетъ на серьезной соціальной роли искусства. «Если народы и отдаются художественной дѣятельности почти единственно ради ея непосредственной эстетической цѣны, то исторія, напротивъ», путемъ естественнаго подбора, «поддерживаетъ и развиваетъ ее прежде всего ради ея производнаго, общественнаго значенія». Приведеннаго здѣсь, намъ кажется, достаточно для того, чтобы показать, какой серьезный научный интересъ имѣетъ изслѣдованіе Гроссе. Переводъ сдѣланъ прекраснымъ языкомъ.

Карлъ Гроосъ (проф. философіи въ Базельскомъ унив.) Введеніе въ эстетику. Переводъ А. Гуревича, подъ ред. Л. А. Сева. Южно-Русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ. Харьковъ (безъ даты). «Многіе превосходные ученые написали капитальные произведенія по различнымъ отдѣламъ эстетики, но въ основныхъ понятіяхъ этой науки и до сихъ поръ повидимому господствуетъ достаточная запутанность». Приводя въ предисловіи эту цитату, К. Гроосъ питаетъ надежду, что его изслѣдованіе вноситъ «нѣкоторый свѣтъ» въ темную область эстетики. Надежду эту авторъ основываетъ на томъ, что онъ по своему перерѣшаетъ нѣкоторые коренные вопросы, именно о психологіи эстетическаго удовольствія и объ отношеніи между эстетическимъ и прекраснымъ. Дѣло въ томъ, однако, что нѣтъ ни одного нѣмецкаго профессора философіи, который бы не пытался внести свѣтъ въ теорію искусства и не надѣялся, что онъ достигъ солидныхъ результатовъ. Каждый изъ нихъ даетъ длинный списокъ теорій своихъ предшественниковъ и съ своей точки зрѣнія очень логически доказываетъ ихъ несостоятельность. Философская эстетика такимъ образомъ похожа на старый прогнившій неводъ, въ которомъ каждый новый хозяинъ съ кропотливымъ трудомъ штопаетъ всѣ прорѣхи, оставленныя его предшественниками, но когда онъ, въ свою очередь, пускаетъ въ дѣло свои сѣти,—вода снова дѣлаетъ въ нихъ массу дыръ по всѣмъ направленіямъ, и весь уловъ попрежнему остается въ темной глубинѣ. Въ такомъ положеніи теорія искусства будетъ обрѣтаться до тѣхъ поръ, пока она не по-

слѣдуетъ примѣру своей старшей сестры—психологіи и не перемѣнитъ метода. Лишь въ физическомъ кабинетѣ и въ физіологической лабораторіи путемъ точнаго наблюденія и опыта возможно будетъ добыть какія-либо прочныя основы для будущаго зданія научной эстетики. Блестящее начало уже сдѣлано Гельмгольцемъ, работы котораго по теоріи цвѣтовъ и звуковъ сдѣлали для живописи и музыки болѣе, чѣмъ всѣ философы вмѣстѣ взятые.

Пока же искусство будетъ оставаться въ вѣдѣніи послѣднихъ, всѣ положенія ихъ не перестанутъ быть иногда остроумными, но все же фантастическими догадками, которыя ни для кого не имѣютъ обязательной силы.

К. Гроосъ въ своихъ эстетическихъ взглядахъ принадлежитъ къ тому сравнительно новому направленію нѣмецкой философіи, которое съ пренебрежительнымъ высокомѣріемъ отзывается о метафизической и умозрительной эквилибристикѣ. Онъ старается оградить себя отъ произвольности апріорныхъ предпосылокъ и къ рѣшенію всѣхъ эстетическихъ проблемъ примѣняетъ исключительно данныя раціональной психологіи. Но сама раціональная психологія, поскольку она не обратилась въ психо-физику, и психо-физіологія чрезвычайно бѣдна научно-цѣнными выводами. Признавая въ принципѣ опытъ единственнымъ источникомъ познанія, она на дѣлѣ часто довольствуется положеніями, которыя взяты на вѣру и только тѣмъ отличаются отъ метафизическихъ умозрѣній, что утверждаютъ отношенія реальныхъ, а не трансцендентныхъ представленій. Такимъ образомъ и Гроосъ на каждомъ шагу сопровождаетъ свои основныя посылки словами: «очевидно», «не подлежитъ спору», «для всякаго ясно», «внутренній опытъ говоритъ намъ» и т. п., между тѣмъ утверждаемыя имъ положенія нисколько не похожи на аксіомы и требуютъ весьма и весьма тщательной провѣрки. Жалкіе примѣры, которые авторъ приводитъ болѣе въ видѣ иллюстраціи, нежели въ доказательство своихъ мыслей, имѣютъ обыкновенно также весьма спорное значеніе и потому рѣдко что-нибудь уясняютъ. Возьмемъ напр. разсужденіе почтеннаго нѣмецкаго профессора о томъ, что эстетика обнимаетъ только «тѣ внутренніе образы, которыя получаются черезъ посредство зрѣнія и слуха». Въ противоположность «низшимъ чувствамъ» (осязанію, обонянію и вкусу) «только зрѣніе и слухъ (будто бы) суть чувства эстетическія, *ибо* только они въ качествѣ свободныхъ и въ той же мѣрѣ духовныхъ, какъ и чувственныхъ органовъ, не стремятся къ разложенію предмета на его составныя части, а допускаютъ существованіе и вліяніе на нихъ предмета какъ цѣлаго... Только при помощи «высшихъ» чувствъ воспринимаемое ими становится дѣйствительнымъ предметомъ (Gegenstand), а для эстетическаго созерцанія это необходимо». Всѣ эти соображенія, которыя предназначены для поясненія мысли автора, только увеличиваютъ, по нашему мнѣнію, ея бездоказательность, что значитъ въ приложеніи къ органамъ чувствъ эпитеты «свободные и духовные» и какое принципіальное различіе въ данномъ отношеніи существуетъ между высшими и низшими чувствами?

Почему обоняніе и осязаніе стремятся къ разложенію предмета? Далѣе, развѣ, когда человѣкъ въ потьмахъ натолкнется на стулъ, полученное отъ осязанія впечатлѣніе не даетъ ему представленія о предметѣ какъ о цѣломъ? Съ другой стороны, когда онъ, закрывши глаза, слушаетъ музыку, развѣ онъ представляетъ себѣ и всю видимую внѣшность звучащаго инструмента? «Мы обладаемъ,—продолжаетъ авторъ,—ясными внутренними представленіями о видимыхъ предметахъ и о разныхъ звукахъ, но запахъ розы или вкусъ какого-нибудь кушанья не оставляетъ въ нашемъ сознаніи никакихъ представленій, а если оставляетъ, то лишь весьма слабыя. Убѣдительнымъ доказательствомъ (?) этого является тотъ фактъ, что въ сновидѣніи (которое вѣдь составляется изъ внутреннихъ образовъ) мы часто переживаемъ представленіе, будто мы что-то ѣдимъ, но при этомъ не испытываемъ никакого вкусового ощущенія». Опять цѣлый рядъ

утвержденій, справедливость которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна. Почему нельзя во снѣ переживать вкусовыхъ впечатлѣній? И такія «наблюденія» могутъ считаться убѣдительными доказательствами! Что касается представленій, вызываемыхъ запахами, то достаточно вспомнить знаменитое стихотвореніе Бодлера, гдѣ ароматамъ приписывается сила вызывать самыя сложныя ассоціативныя представленія. На это нѣмецкій философъ вѣроятно возразилъ бы, что извращенная натура Бодлера не можетъ служить нормой человѣческой воспріимчивости. Здѣсь мы натолкнулись на черту, которая присуща всѣмъ философскимъ эстетикамъ: онѣ всегда имѣютъ въ виду свойства какого-то фиктивнаго «нормальнаго субъекта», вслѣдствіе чего эти философско-эстетическія теоріи, которыя будто бы основаны на позитивной психологіи, сохраняютъ во всей силѣ абсолютность метафизическихъ системъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ нормальный субъектъ—образцовый homo sapiens оказывается просто нѣмецкимъ филистеромъ, который воспиталъ свой литературный вкусъ на Гете и Шиллерѣ, плохо чувствуетъ пластику и любитъ только умѣренно волнующее искусство. Это объясняетъ весьма многое въ предрасположеніяхъ нѣмецкихъ теоретиковъ искусства. Такъ, напр., разсматривая условія прекраснаго, К. Гроссъ повторяетъ вслѣдъ за всѣми своими предшественниками какъ нѣчто неоспоримое, что «округлость, полнота, ровность, мягкость контуровъ какой-либо фигуры даютъ глазу ощущеніе чувственно-пріятнаго, а рѣзкость, угловатость, остроконечность и суковатость—чувственно-непріятнаго», тогда какъ въ природѣ очень мало именно этихъ округлыхъ, ровныхъ, мягкихъ контуровъ, и тѣ, кто находятъ природу мѣриломъ красоты, больше любятъ смотрѣть на суковатые дубы и угловатыя горы, чѣмъ на арабески въ стилѣ ренессанса. Весьма характернымъ является также требованіе «трагической вины» героя для лучшаго эстетическаго дѣйствія драмы. Это условіе, поставленное еще Аристотелемъ, особенно развито Шиллеромъ. Трагическая вина, по ученію Грооса, «дѣлаетъ состраданіе доступнымъ для эстетическаго созерцанія, не уменьшая этимъ его мучительности. Гибель виновнаго также наполняетъ насъ глубокою грустью, но мы принимаемъ это страданіе какъ нѣчто нравственно-необходимое, что герой трагедіи навлекъ на себя вину собственными своими поступками... Въ самомъ дѣлѣ, страданіе совершенно невиннаго человѣка превращаетъ состраданіе въ чувство возмущенія, а возмущеніе есть такое состояніе, въ которомъ мы не желаемъ ни примириться съ ужаснымъ рокомъ, ни страдать, ни сострадать,—ни вообще предаваться внутреннему подражанію», т. е. по терминологіи Грооса эстетическому удовольствію. Стремясь такимъ образомъ смягчить для зрителя тягостное чувство состраданія,—самъ виноватъ молъ,—почтенный философъ вѣроятно совершенно отрицаетъ эстетическій характеръ такихъ драмъ, въ которыхъ гибнетъ не одинъ грѣшный герой, а цѣлая группа, цѣлый классъ людей, гдѣ поэтому о трагической винѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ и юриспруденція не признаетъ возможности вины со стороны коллективной единицы. Такая трагедія существуетъ:—это *Ткачи* Гаупмана, которые конечно написаны не для филистеровъ, но на болѣе широкій кругъ зрителей производятъ неотразимое эстетическое впечатлѣніе. Мы должны ограничиться этими примѣрами. Намъ кажется, и они достаточно обнаруживаютъ бѣдность всякихъ теорій искусства, разсчитаныхъ на всеобъемлемость, но безсознательно приспособленныхъ къ частнымъ, специфическимъ вкусамъ.

Ю. Мильталеръ. Что такое красота? (Das Rätzel des Schönen). Введеніе въ эстетику. Переводъ съ нѣм. З. А. Венгеровой. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Петербургъ 1899. Обѣщая на заглавномъ листѣ дать разгадку такого интереснаго явленія, какъ красота, авторъ на самомъ дѣлѣ ограничивается жиденькимъ изложеніемъ наиболѣе распространенныхъ теорій нѣмецкой философской эстетики. Такимъ образомъ, если красота до сихъ поръ была

загадкой, то такою она осталась и послѣ сочиненія Мильталера. Общія замѣчанія, высказанныя нами по поводу книги Карла Гробса о томъ же предметѣ, одинаково относятся и къ брошюрѣ Мильталера. Произвольность психологическихъ предпосылокъ, догматическая система изложенія, узкій и устарѣлый вкусъ въ области произведеній искуства, фикція «нормальнаго» воспринимающаго субъекта—всѣ эти черты еще въ большей степени свойственны Мильталеру, чѣмъ Гроосу. Послѣдній, по крайней мѣрѣ, проводитъ отъ начала до конца самостоятельный взглядъ на сущность процесса эстетическаго восприятія, тогда какъ Мильталеръ даетъ только конспективное резюме чужихъ соображеній. При этомъ авторъ формулируетъ окончательные выводы чрезвычайно неопредѣленно. Такъ, напр., онъ приходитъ послѣ долгихъ разсужденій къ слѣдующему выводу о художественномъ произведеніи: оно «состоитъ изъ разнообразныхъ элементовъ, вызывающихъ множество ассоціацій и объединенныхъ въ одно цѣлое». Какое значеніе можетъ имѣть подобная безсодержательная «формула»? Между тѣмъ авторъ серьезно и добросовѣстно провѣряетъ справедливость ея на частныхъ формулахъ отдѣльныхъ искуствъ и приходитъ къ утѣшительному результату, что всѣ отдѣльныя искуства объединяются его опредѣленіемъ. Но дѣло въ томъ, что оно объединяетъ не только свойства разнаго рода художественныхъ произведеній, но и безконечное множество другихъ явленій. Сюда подойдетъ всякое цѣлое, составленное изъ разнородныхъ частей: дерево, паровозъ, дѣтская игрушка, дамскій костюмъ и т. д., ибо нѣтъ предмета, который былъ бы неспособенъ вызывать ассоціаціи, иначе мы даже не могли бы находить имена предметовъ. Такой характеръ не всегда удачной логической игры имѣетъ бо́льшая часть построеній философской эстетики... Значительная доля брошюры Мильталера посвящена, напр., классификаціи искуствъ. Если принять за основаніе одинъ признакъ, то получаются такія-то группы, если основываться на другомъ признакѣ, то группы складываются иначе. Но что изъ этого слѣдуетъ? Въ каждой наукѣ классификація имѣетъ громадное значеніе, если она служитъ основаніемъ дальнѣйшему изученію въ томъ направленіи, какое указывается классифицирующимъ признакомъ. Но если все построеніе сводится къ удовольствію составить табличку съ горизонтальными и вертикальными рядами, то нѣтъ никакой нужды огородъ городить. По прочтеніи книжки Мильталера нельзя не задаться вопросомъ, какими сторонами это ординарнѣйшее произведеніе нѣмецкаго книжнаго перепроизводства вызвало интересъ русскаго переводчика? Фирма О. Н. Поповой, которая дала русскому читателю столько дѣйствительно цѣнныхъ научно-популярныхъ изданій, могла бы найти въ той же области эстетики много гораздо болѣе талантливыхъ сочиненій, имѣющихъ по крайней мѣрѣ достоинство самостоятельной мысли.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

К. Бюхеръ. «Работа и ритмъ».—*І. Конрадъ.* «Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи».

Карлъ Бюхеръ. Работа и ритмъ. Переводъ съ нѣмецкаго И. Иванова подъ редакціей Д. А. Коробчевскаго. Цѣна 60 к. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Давно уже стало общимъ мѣстомъ, что наше время характеризуется стремленіемъ къ историческому воззрѣнію на общественныя явленія. Въ противоположность, главнымъ образомъ, идеямъ XVIII вѣка, когда теорія «естественнаго права» смотрѣла на одни явленія общественной жизни, какъ на вѣчные, неизмѣнные результаты «человѣческой природы», а другія считала проявленіемъ человѣческаго невѣжества, наше время хорошо знаетъ, что всякое

явленіе обусловлено особенностями исторической среды, въ которой оно возникло, и что тѣ стороны общественной жизни, которыя съ перваго взгляда кажутся совершенно естественными, неизбѣжными спутниками всякаго общества, суть лишь продуктъ долгаго историческаго развитія, и, въ свою очередь, образуютъ лишь ступень для дальнѣйшаго развитія. Но одно дѣло, признавать это въ качествѣ общаго принципа, и другое послѣдовательно проводить этотъ принципъ при изслѣдованіи различныхъ общественныхъ явленій; насколько первое широко распространено, настолько же второе остается до сихъ поръ удѣломъ немногихъ, сильныхъ умовъ. Средній человѣкъ, даже и насквозь проникнутый «историческимъ міросозерцаніемъ», при встрѣчѣ съ чуждой ему эпохой и складомъ жизни очень часто не можетъ отдѣлаться отъ знакомыхъ съ дѣтства представленій, а слѣдовательно и понять всю оригинальность встрѣтившихся ему явленій.

Все вышеизложенное относится и къ изслѣдованію условій труда въ человѣческомъ обществѣ. Правда, изслѣдованіе различныхъ *общественныхъ* условій труда сдѣлало весьма большіе успѣхи. Всѣмъ извѣстно, напр., что современный «капиталистическій» способъ производства есть лишь частный случай изъ возможныхъ общественныхъ условій труда, что до него существовали другіе «способы производства» и что и послѣ него предстоятъ крупныя измѣненія въ условіяхъ труда. Но далеко не такъ обстоитъ дѣло съ условіями труда, такъ сказать, психо-соціологическими. Что такое человѣческій трудъ? Какую роль онъ игралъ въ жизни человѣка въ различныя эпохи общественнаго развитія? Каковы были его отношенія къ другимъ сторонамъ общественной жизни? Большинство экономистовъ и соціологовъ даже и не задавалось подобными вопросами. Если же имъ и случалось мимоходомъ давать на нихъ отвѣты, то эти отвѣты были совершенно «не историческими»: психологическія условія труда въ наше время прямо объявлялись вѣчными и переносились въ самыя отдаленныя эпохи, гдѣ они являлись грубѣйшимъ анахронизмомъ. Таковъ, между прочимъ, извѣстный предразсудокъ, будто всякій трудъ an und für sich непріятенъ для человѣка,—предразсудокъ, ведущій свое происхожденіе отъ Адама Смита и представляющій лишь признаніе психологическихъ условій труда въ капиталистическомъ обществѣ—условіями вѣчными, вытекающими изъ самой «природы» труда (на что указалъ уже Марксъ, и отчасти Чернышевскій). Большинство приверженцевъ исторической школы въ политической экономіи, не смотря на весь свой «историзмъ», до сихъ поръ еще упорно держится этого предразсудка.

Къ числу экономистовъ-историковъ не только по названію, но и по существу, къ числу людей, умѣющихъ проникнуть въ тайны прошлаго и представить ихъ не въ видѣ отрывочныхъ фактовъ, а въ видѣ мѣткихъ обобщеній и широкихъ картинъ, принадлежитъ и Карлъ Бюхеръ, одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ экономистовъ. Бюхеръ пріобрѣлъ себѣ заслуженную славу своими изслѣдованіями о формахъ хозяйства и промышленности. Недавно онъ выступилъ съ новой, не менѣе блестящей работой, озаглавленной «Arbeit und Rithmus», переводъ которой лежитъ передъ нами. Мы должны здѣсь ограничиться передачей лишь самыхъ главныхъ мыслей этой выдающейся работы, тѣмъ болѣе, что о ней уже говорилось въ нашей печати (фельетонъ «Трудъ и ритмъ» г. С. Б. въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и статья г. Коврова подъ тѣмъ же заглавіемъ въ *Русскомъ Богатствѣ*).

До сихъ поръ изслѣдователи придерживались мнѣнія, будто народы, стоящіе на низшей ступени экономическаго развитія, питаютъ отвращеніе къ труду и отличаются «прирожденной лѣностью». Однако наблюденія не оправдываютъ этого взгляда; они показываютъ, что дикари исполняютъ массу чрезвычайно тяжелой работы. Различіе между работой современнаго человѣка и дикаря

является не количественнымъ, а качественнымъ. Тогда какъ современный человѣкъ работаетъ методически, постоянно и видитъ цѣль работы не въ ней самой, не въ наслажденіи, доставляемомъ мускольной дѣятельности, а въ заработкѣ, доставляемомъ ею, дикарь работаетъ урывками, только тогда когда работа непосредственно требуется и только постольку, поскольку она доставляетъ ему удовольствіе. Прежде всего дикарь не выноситъ долгаго умственнаго напряженія; поэтому всякой работѣ онъ старается придать автоматическій характеръ. Самое вѣрное средство для этого—придать работѣ ритмичность. Всѣ пріемы работы, повторяющіеся равномѣрно, могутъ быть сведены на ритмическія движенія: поднятіе и опусканіе, отталкиваніе и притягиваніе и т. д. Всего нагляднѣе ритмическій характеръ работы обнаруживается тамъ, гдѣ инструментъ, при соприкосновеніи съ матеріаломъ, издаетъ тонъ, и когда, по ударамъ и толчкамъ, слѣдующимъ другъ за другомъ чрезъ равные промежутчи времени, можно судить о равномъ напряженіи затрачиваемой силы и о равномѣрности движеній (напр., работа кузнецовъ). Еще большее значеніе ритмичность труда имѣетъ при совмѣстной работѣ: она регулируетъ трудъ многихъ лицъ и тѣмъ облегчаетъ его. Гдѣ работа не даетъ звукового такта, тамъ послѣдній можетъ быть достугнутъ искусственнымъ путемъ: музыкальными инструментами и человѣческимъ голосомъ; таково происхожденіе рабочихъ пѣсенъ. Эти пѣсни имѣютъ различное значеніе; иногда онѣ, при одиночной и совмѣстной работѣ, лишь сопровождаютъ ритмическія движенія: таковы многочисленныя пѣсни у разныхъ народовъ при размалываніи зерна, при изготовленіи пряжи, при трепаніи льна, различныя ремесленныя пѣсни и т. п.; таковы же пѣсни при работахъ съ перемѣннымъ тактомъ; иногда же пѣсни находятся въ болѣе тѣсной связи съ работой: именно при совмѣстныхъ работахъ съ равнымъ тактомъ, которыя сводятся къ ударамъ и толчкамъ, раздѣленнымъ между собой, опредѣленнымъ промежуткомъ времени; задача пѣсни заключается въ томъ, чтобы направлять всѣхъ участниковъ работѣ къ однообразному и одновременному проявленію силы; таковы, напр., работы, въ которыхъ нѣсколькими людьми поднимается тяжесть съ помощью веревки, которую всѣ должны тянуть разомъ (стоитъ вспомнить нашу «Дубинушку»); сюда же относятся пѣсни при забиваніи свай, пѣсни гребцовъ, бурлаковъ, наконецъ—пѣсни при ходьбѣ (солдатскія пѣсни). Какъ бы то ни было, но всегда эти пѣсни приноровлены къ ритмичному движенію мускуловъ, облегчаютъ трудъ, возбуждаютъ соревнованіе и приближаютъ работу къ другимъ ритмическимъ движеніямъ—играмъ и пляскамъ.

Общераспространенность рабочихъ пѣсенъ у первобытныхъ народовъ наводитъ на мысль, не являются ли эти пѣсни родоначальниками всякой музыки и поэзіи. Извѣстно, что музыка и поэзія вначалѣ не были отдѣлены другъ отъ друга; до сихъ поръ у крестьянъ, напр., литературный текстъ пѣсни не отдѣлимъ отъ мелодіи: стиховъ и музыки, какъ таковыхъ, не существуетъ, есть только пѣсни; притомъ самымъ характернымъ и наиболѣе существеннымъ моментомъ пѣсенъ является ритмъ. Откуда же онъ явился? Самъ языкъ никогда не строитъ своихъ предложеній ритмически. Какимъ же образомъ люди были наведены на мысль распредѣлять слова и слоги ритмически, по количеству ихъ или силѣ тона и располагать повышенія и пониженія на одинаковомъ разстояніи? Къ этому могъ побудить ихъ только ритмическій характеръ работы. «Работа, музыка и поэзія на первоначальной ступени ихъ развитія должны были быть слиты въ одно цѣлое, но основной элементъ этой тройственности составляла работа, тогда какъ два другіе имѣли только дополнительное значеніе. Общій связующій признакъ ихъ—ритмъ». Можно было бы сказать, что поэзія и музыка находились еще въ большей связи съ другимъ родомъ ритмическихъ движеній—танцами. Но въ танцѣ ритмъ является чѣмъ-то произвольнымъ, тогда

какъ въ работѣ онъ приспособленъ къ характеру производительнаго процесса. Кромѣ того, большинство плясокъ дикарей являются лишь подражаніемъ извѣстнымъ родамъ работы. Такимъ образомъ, ритмъ плясокъ былъ самъ заимствованъ изъ рабочаго ритма. Большинство стихотворныхъ размѣровъ даютъ возможность различать ихъ происхожденіе отъ извѣстныхъ работъ: «ямбъ и трохей—размѣры топтанія (слабо и сильно ступающая нога); спондей—метръ удара, легко распознаваемый, когда обѣими руками хлопаютъ въ тактъ; дактиль и анапестъ—метры ударовъ молота, который и теперь еще можно слышать въ деревенской кузницѣ, гдѣ рабочій передъ или вслѣдъ за ударомъ по раскаленному желѣзу дѣлаетъ два короткихъ удара по наковальнѣ». Затѣмъ это тройственное соединеніе—музыка, поэзія и тѣлодвиженіе, переносится въ другую область—обрядовъ богослуженія,—также являющіеся подражаніемъ работы; таковы мимическіе богослужебные танцы, изъ которыхъ непосредственно выработалась древняя драма; здѣсь уже это соединеніе подвергается художественной обработкѣ, и начинается дифференціація ея элементовъ. Сперва отбрасываются тѣлодвиженія, а затѣмъ и музыка постепенно отдѣляется отъ поэзіи, таковъ ходъ развитія лирики и эпоса. Не только поэзія, но и музыка долго носитъ слѣды своего происхожденія отъ работы: большинство первобытныхъ музыкальныхъ инструментовъ является поддѣлками рабочихъ инструментовъ (такъ, барабанъ и бубенъ—не что иное, какъ обтянутая шкурой деревянная ступка для толченія зерна). Итакъ, вначалѣ развитія трудъ, поэзія, музыка, танцы представляли собою одно нераздѣльное цѣлое. Сложное развитіе каждаго изъ этихъ элементовъ въ настоящее время почти совершенно отдѣлило ихъ другъ отъ друга; въ частности трудъ теперь почти лишенъ музыкальнаго ритма, а потому и потерялъ свою привлекательность: на мѣсто ритмическихъ движеній человѣческихъ мускуловъ выступили бездушныя машины, и рабочія пѣсни замолкли. Но развитіе техники и искуства позволяетъ надѣяться, что въ будущемъ оба онѣ снова соединятся «въ томъ высшемъ ритмическомъ единствѣ, которое снова вернетъ духу счастливую веселость, а тѣлу—гармоническое развитіе, какими отличаются лучшіе изъ дикихъ народовъ».

Такимъ образомъ, трудъ Бюхера имѣетъ двоякое значеніе: съ одной стороны онъ выясняетъ психологическое значеніе труда и его отношеніе къ другимъ сторонамъ человѣческой жизни въ началѣ общественнаго развитія и тѣмъ уничтожаетъ нелѣпый предразсудокъ о вѣчной непріятности труда, о которомъ мы упомянули въ началѣ нашей замѣтки; съ другой—онъ вноситъ богатый вкладъ мыслей въ ученіе о происхожденіи музыки и поэзіи. Въ частности, имъ внесена существенная поправка къ Дарвино-Спенсеровскому ученію о происхожденіи искусства; тогда какъ это ученіе опиралось исключительно на чисто-*естественный* моментъ (значеніе музыки въ половомъ подборѣ), Бюхеръ замѣчательно удачно подчеркнулъ значеніе важнѣйшаго *соціологическаго* фактора—работы, что дало ему возможность гораздо дальше прослѣдить развитіе различныхъ видовъ искусства; если дарвинистическое ученіе останавливалось на порогѣ между животнымъ и человѣкомъ, то Бюхеръ доводитъ свое изслѣдованіе до довольно высоко-дифференцированнаго общественнаго состоянія.

Горячо рекомендуемъ книгу Бюхера всѣмъ интересующимся общими соціологическими вопросами. Переводъ хорошъ.

Проф. I. Конрадъ. Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи. Переводъ Н. Новикова. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по политической экономіи на русскомъ языкѣ съ 1801 по 1898 годъ. Какъ видно изъ заглавія, книжка эта распадается на двѣ части: съ одной стороны, переводъ труда проф. Конрада «Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie», съ другой — составленный переводчикомъ библіографическій указатель русской экономической литературы. Обѣ части приблизительно

равны по объему, но далеко не равны по своему значенію для русскаго читателя. Остановимся на каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Что касается труда проф. Конрада, то онъ представляетъ изъ себя конспектъ университетскихъ лекцій автора. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что его «очеркъ» замѣнялъ его слушателямъ «практиковавшееся до того времени записываніе лекцій подъ диктовку» и выражаетъ надежду, что «онъ окажется полезнымъ руководствомъ и для болѣе широкаго круга читателей». Въ свою очередь переводчикъ въ своемъ предисловіи объявляетъ этотъ «очеркъ» весьма полезнымъ введеніемъ къ серьезному изученію политической экономіи. Мы не можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ. Лежащій передъ нами «очеркъ» есть конспектъ въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. состоитъ изъ ряда положеній, отличающихся почти афористическою краткостью. Слушателямъ проф. Конрада просматриваніе этихъ положеній вѣроятно помогало, по ассоціаціи идей, вспоминать содержаніе прослушанныхъ ими лекцій; но посторонній читатель врядъ ли можетъ что-либо извлечь изъ чтенія этого конспекта. Возьмемъ любой, наудачу выбранный примѣръ. Какое представленіе о цѣнности, напримѣръ, можетъ дать слѣдующій отрывокъ: «Въ основаніи мѣновой цѣнности всегда должна лежать потребительная цѣнность, а послѣдняя устанавливается лишь черезъ сравненіе съ другими благами. Интенсивность потребности въ какомъ-либо предметѣ, а слѣдовательно, и самая потребительная цѣнность его, обусловливается возможностью обмѣна. Поэтому, выраженіе «цѣнность» употребляется въ данномъ случаѣ не точно, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ лишь объ одномъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ цѣнность. Способъ употребленія предмета не создаетъ еще особыхъ самостоятельныхъ категорій цѣнности. Различаютъ также объективную и субъективную цѣнность, но первая почти однозначуща съ потребительною цѣнностью. Въ субъективной же цѣнности не достаточно выражается народно-хозяйственный моментъ» (с. 11). Эти фразы могли бы вообще имѣть какой-либо смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы за каждой изъ нихъ шло особое разъясненіе. Въ настоящемъ же ихъ видѣ онѣ настолько неопредѣленны (это видно уже изъ частаго употребленія такихъ словъ, какъ «одинъ изъ факторовъ», «не достаточно», «почти»), что тѣмъ самымъ совершенно безполезны. Точно также безполезны библіографическія данныя въ началѣ каждаго параграфа. Кто знакомъ съ иностранными языками, тотъ во всякомъ случаѣ не обратится за библіографическими данными къ книжкѣ проф. Конрада, потому что гораздо болѣе полныя данныя по каждому вопросу онъ можетъ найти хотя бы въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Кромѣ того, эти данныя у Конрада почти исключительно ограничиваются текущей нѣмецкой академической литературой, что, опять таки, можетъ быть очень полезно для нѣмецкаго студента, но не имѣетъ никакой цѣнности для русскаго читателя. Также ненужны и многочисленныя статистическія данныя о добычѣ, потребленіи и цѣнности благородныхъ металловъ, о цѣнахъ на разные продукты, о банковомъ дѣлѣ, объ акціонерныхъ компаніяхъ и т. д. Для спеціалиста онѣ недостаточны, для не спеціалиста излишни.

Всѣ эти формальные недостатки дѣлаютъ настолько неудобнымъ пользованіе трудомъ Конрада для русской читающей публики, что мы можемъ ограничиться краткими замѣчаніями о его матеріальныхъ недостаткахъ. Проф. Конрадъ—типичный представитель нѣмецкаго историко-реалистическаго направленія въ политической экономіи. Въ качествѣ таковаго, онъ очень ученый и почтенный человѣкъ, превосходный статистикъ и знатокъ всѣхъ прикладныхъ вопросовъ экономической науки; но, въ качествѣ таковаго же, онъ теоретикъ очень слабый, и, за недостаткомъ самостоятельныхъ взглядовъ въ области теоретическихъ вопросовъ, довольствуется подъ-часъ убійственно-безсодержательнымъ эклектизмомъ. Мы уже привели, какъ примѣръ, его разсужденія о цѣн-

ности. Таковы же, если не хуже, и его мнѣнія о другихъ основныхъ понятіяхъ и вопросахъ теоретической экономіи. Приведемъ лишь одинъ образецъ. Не угодно ли выслушать слѣдующее сужденіе о теоріи Мальтуса (курсивъ нашъ): «Онъ *недостаточно* принялъ въ разсчетъ культурное развитіе, приписалъ *слишкомъ большое* значеніе вліянію запаса средствъ существованія на движеніе народонаселенія, а также *недостаточно* оцѣнилъ значеніе имѣющихся въ развитомъ народномъ хозяйствѣ средствъ къ увеличенію спроса на трудъ и къ повышенію производительности труда» (с. 113). Такими фразами можно отдѣлаться отъ какой угодно теоріи, но врядъ ли онѣ много способствуютъ уясненію вопроса.

Если, такимъ образомъ, переводъ очерка Конрада врядъ ли можно считать предпріятіемъ полезнымъ, то нельзя того же сказать о библіографическомъ указателѣ, составленномъ переводчикомъ. Въ немъ, если можно такъ выразиться, лежитъ «гвоздь» книжки, и мы думаемъ, что обѣимъ частямъ книги справедливѣе было бы помѣняться своими чинами, т. е. «приложеніемъ» слѣдовало бы считать никакъ не библіографическій указатель, а лишь Конрадовскій очеркъ.

Позволимъ себѣ прежде всего подѣлиться тѣми мыслями, на которыя наводитъ «библіографическій указатель». Изъ него сразу явствуетъ, какъ бѣдна наша экономическая литература, какъ переводная, такъ и оригинальная. Возьмемъ, напр., произведенія главнѣйшихъ, «классическихъ», экономистовъ. Переводы трудовъ Ад. Смита, Мальтуса, Кэри, Тюнена, Лассаля отчасти устарѣли, отчасти стали библіографической рѣдкостью. Мы не имѣемъ переводовъ такихъ авторовъ, какъ Родбертусъ, Сисмонди, Прудонъ, Тюрго, Кэрнсъ, не говоря уже о позднѣйшихъ экономистахъ вродѣ Книса, Бёмъ-Баверка, Маршалла и др. Правда, новѣйшая «Библіотека экономистовъ» отчасти старается восполнить этотъ пробѣлъ, но самый методъ составленія окрошки изъ классическихъ произведеній свидѣтельствуетъ о пренебрежительномъ отношеніи къ такимъ авторамъ, труды которыхъ заслуживаютъ далеко не того. Мы не думаемъ, разумѣется, винить въ томъ наши издательства: недостатокъ спроса опредѣляетъ собою недостатокъ предложенія; изъ этого видно, однако, какъ мало развиты у насъ экономическія знанія и любовь къ серьезнымъ произведеніямъ. О нашей оригинальной литературѣ въ области теоретическихъ вопросовъ, разумѣется, и говорить нечего: у насъ нѣтъ не только первостепенныхъ, но даже и второстепенныхъ экономистовъ-теоретиковъ.

Итакъ, изъ «библіографическаго указателя» можно прежде всего извлечь ту мораль, что для серьезнаго изученія политической экономіи необходимо прежде всего знаніе языковъ. Это, однако, мало утѣшительно для человѣка, не знающаго ихъ и не могущаго, по какимъ либо причинамъ, съ ними познакомиться. И вотъ такого-то читателя библіографическій указатель г. Новикова можетъ хоть до нѣкоторой степени вывести изъ затруднительнаго положенія, указывая, что и гдѣ можно найти въ русской экономической литературѣ. До сихъ поръ мы имѣли лишь одинъ подобный указатель въ приложеніи къ «Фабрикѣ» г. Дементьева. Но этотъ указатель ограничивался лишь книгами и статьями по рабочему вопросу и носилъ, такимъ образомъ, спеціальный характеръ. Напротивъ, «указатель» г. Новикова охватываетъ всѣ отдѣлы экономической науки и притомъ отличается замѣчательной полнотой. Указатель раздѣленъ на 11 отдѣловъ (I. Учебники, руководства и лекціи полит. эк. II. Исторія полит. эк. III. Произведенія классическихъ экономистовъ. IV. Сущность, методъ, границы и задачи полит. экономіи. V. Теорія цѣнности. VI. Торговля. VII. Финансы. VIII. Землевладѣніе и земледѣліе. IX. Теорія статистики. X. Разныя статьи I, XI. Разныя статьи II). Конечно, нельзя назвать такое распредѣленіе систематичнымъ, но въ виду бѣдности и относительно малой спеціализированности нашей литературы достигнуть совершенной систематичности въ подобнаго рода указа-

теляхъ очень трудно. Мы должны пожалѣть, однако, что на ряду съ отдѣломъ «теорія цѣнности» для теорій ренты, прибыли, заработной платы и тому подобныхъ теоретическихъ вопросовъ не отведены особые отдѣлы. Желательно было бы также наряду съ отдѣлами «торговля» и «земледѣліе» видѣть отдѣлъ «промышленность». Въ отдѣлѣ X (Разныя статьи I) составитель привелъ всю литературу (книжную и журнальную) «экономическаго матеріализма» и полемики, возбужденной этимъ вопросомъ. Хотя вопросъ этотъ, строго говоря, къ «политической экономіи» не относится, но можно быть только благодарнымъ составителю за то, что онъ не остановился передъ этимъ формальнымъ соображеніемъ и далъ такимъ образомъ возможность читателю найти интересующія его статьи по этому животрепещущему вопросу. Въ отдѣлѣ XI (Разныя статьи II) собраны, наряду съ другими статьями, главнымъ образомъ, статьи по рабочему вопросу. Въ этомъ отдѣлѣ составитель, повидимому, не гнался за абсолютной полнотой, въ виду того, что статьи по рабочему вопросу сведены въ указателѣ при книгѣ г. Дементьева.

Въ общемъ, дѣлу самообразованія библіографическій указатель г. Новикова сослужитъ хорошую службу.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Н. Мюръ. «Химія огня».—*Лаппаранъ.* «Минералогія».—*О. Д. Хвольсонъ.* «Курсъ физики».

Петиссонъ Мюръ. Химія огня. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. В. Ѳ. Тимоѳеева. 160 стр. 17 рисунк. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1899. Ц. 85 коп. «Цѣль этой книги,—говоритъ въ предисловіи авторъ,—изложить наиболѣе простымъ способомъ основные элементарные законы химіи, при помощи изученія какихъ-либо обыкновенныхъ (?) явленій, какъ, напримѣръ, горѣніе свѣчи». Авторъ начинаетъ съ изученія наиболѣе характерныхъ чертъ этого явленія и чисто логическимъ путемъ приходитъ къ постановкѣ цѣлаго ряда вопросовъ. Въ логической же послѣдовательности онъ заставляетъ читателя, при помощи анализа замѣчательно удачно подобранныхъ опытовъ, искать отвѣтовъ на эти вопросы. Полученные отвѣты, въ свою очередь, вызываютъ новую серію вопросовъ, и, такимъ образомъ, достигая все болѣе и болѣе широкихъ обобщеній, г. Мюръ постепенно подходитъ къ выводу основныхъ законовъ химіи. Планъ, какъ разъ противоположный тому, по которому построены почти всѣ элементарные учебники химіи и физики, гдѣ частныя явленія выводятся (буде это возможно) изъ общихъ положеній. Можетъ быть, второй путь и ведетъ къ бóльшей краткости и къ большей легкости обозрѣнія громаднаго количества явленій. Но за то первый, заставляя самого учащагося выводить изъ опытовъ обобщенія, а изъ этихъ послѣднихъ законы, развиваетъ научное мышленіе и навсегда запечатлѣваетъ въ памяти рядъ типовыхъ явленій. Намъ кажется, что къ этому и должно стремиться первоначальное изученіе всякой опытной науки: начинающій долженъ пріучаться самъ добывать истину и опытомъ и критической мыслью, а не получать его извнѣ готовую и изящную, но для него чуждую и мертвую. Понятно, что выработать путь подобнаго ознакомленія съ какой-либо опытной наукой гораздо труднѣе, чѣмъ написать даже хорошій элементарный учебникъ,—и потому на сотни учебниковъ попадется только одна, двѣ книги, подобныя «Химіи огня» Мюра. Въ ней не знаемъ, чему больше удивляться, изяществу ли и въ то же время краткости изложенія, или замѣчательному подбору опытовъ, изъ которыхъ нельзя выкинуть ни одного, не нарушивъ логической стройности всего зданія.

*

Опыты эти описаны авторомъ такъ обстоятельно и ясно, что даже новичекъ сможетъ самъ продѣлать ихъ безъ всякаго риска и съ самыми незначительными затратами, которыя можно даже заранѣе вычислить, такъ какъ къ книгѣ приложенъ списокъ приборовъ и веществъ, необходимыхъ для производства всѣхъ описанныхъ опытовъ; редакторъ же русскаго перевода присоединилъ къ этому списку и соотвѣтственныя цѣны предметовъ.

Вся книга г. Мюра распадается на 6 главъ. Первая описываетъ явленія, наблюдаемыя при горѣніи свѣчи, вторая касается состава веществъ, участвующихъ въ явленіи горѣнія свѣчи; опыты, описанные въ этихъ двухъ главахъ, и анализъ ихъ постепенно приводятъ занимающагося къ убѣжденію, что вещество свѣчи составлено изъ углерода и водорода, иногда же и кислорода, что при горѣніи свѣчи въ воздухѣ образуется углекислота и вода, что углекислота состоитъ изъ углерода и кислорода, а вода изъ водорода и кислорода. Посвятивъ III-ю главу выясненію различія между элементами съ одной стороны и химическими соединеніями съ другой, а IV-ю описанію тепловыхъ измѣненій, сопровождающихъ процессъ горѣнія, авторъ уже въ правѣ считать своего читателя достаточно подготовленнымъ къ воспріятію такихъ широкихъ обобщеній, каковы законы постоянныхъ и кратныхъ отношеній и атомная теорія такихъ сложныхъ понятій, какъ кислота, щелочь и основаніе. Этими теоретическими главами (V-я глава—«Составъ соединеній», VI-я гл.—«Химическія свойства элементовъ и соединеній») и заканчиваетъ г. Мюръ свой крайне интересный и полезный трудъ. Впрочемъ, къ книгѣ присоединены авторомъ 2 приложенія: 1) таблица названій, символовъ и комбинаціонныхъ вѣсовъ элементовъ и 2) уже упоминавшійся нами списокъ приборовъ и веществъ, необходимыхъ для производства опытовъ. Редакція же, съ своей стороны, сочла нужнымъ присоединить особую главу, посвященную болѣе детальному выясненію понятія «комбинаціонный вѣсъ».

Переведена книга хорошимъ литературнымъ языкомъ, издана очень опрятно.

Минералогія Лаппарана члена Французской Академіи Наукъ. Переводъ со второго французскаго изданія съ предисловіемъ Г. Н. Вырубова. 712 стр. съ 598 политипажами въ текстѣ. Изд. Н. И. Мамонтова. Москва. Цѣна 4 р. 50 к. «Когда Н И. Мамонтовъ обратился ко мнѣ,—говоритъ въ своемъ предисловіи г. Вырубовъ,—съ вопросомъ о томъ, какой лучше всего перевести учебникъ минералогіи, я, безъ всякаго колебанія, указалъ ему на учебникъ Лаппарана, не только потому, что онъ самый лучшій изъ нынѣ существующихъ, но и потому, что онъ единственный, представляющій минералогію въ ея современномъ состояніи». Въ этомъ же предисловіи г. Вырубовъ такъ опредѣляетъ это «современное состояніе» минералогіи: «Минералогія распалась, повидимому, на нѣсколько частей, которыя вошли въ область математики, физики, химіи, и минералогамъ осталась какая-то неопредѣленная область, которая ничему не соотвѣтствуетъ и годна развѣ только для «любителей» естествознанія» (стр. VII). Мы вполнѣ присоединяемся къ этому печальному для минералогіи, приговору почтеннаго кристаллографа, вполнѣ согласны также, что одна часть этой науки должна отойти къ физикѣ и химіи, другая къ геологіи и третья къ математикѣ. Дѣйствительно, «нѣтъ надобности быть особенно мудрымъ пророкомъ, чтобы предсказать это будущее, и, вѣроятно, ближайшее, будущее минералогіи». «Къ несчастью также раціональное дѣленіе труда до сихъ поръ еще не сознается, за немногими исключеніями, ни учеными, ни педагогами «говоритъ г. Вырубовъ и... рекомендуетъ «безъ всякаго колебанія» для перевода на русскій языкъ минералогію, Лаппарана, «страдающую, какъ и всѣ современныя книги подобнаго рода, тоже этимъ недостаткомъ нераздѣльности двухъ (трехъ?) совершенно разнородныхъ спеціальностей». Но кому же нуженъ этотъ идеальный образецъ «современнаго состоянія минералогіи»?! Русскимъ профессорамъ, чтобы познакомиться съ тѣмъ, какъ вы-

вертываются французскіе профессора изъ невозможнаго положенія, созданнаго историческимъ ходамъ развитія минералогіи и поразительнымъ консерватизмомъ университетскихъ программъ?! Конечно, съ этой точки зрѣнія книга Лаппарана не безполезная,—но, вѣроятно, русскіе профессора умѣютъ читать по французски. Студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній? Но курсъ Лаппарана не соотвѣтствуетъ программамъ минералогіи этихъ учебныхъ заведеній, особенно неудачными съ этой точки зрѣнія нужно считать употребленіе Лаппараномъ нотацій Леви, кстати сказать, даже во Франціи почти уже вышедшихъ изъ употребленія, и его классификацію минераловъ. Остается, слѣдовательно, тотъ читатель, который ищетъ самообразованія внѣ университетовъ и обязательныхъ программъ; но зачѣмъ же ему утолять свою жажду знанія минералогіей Лаппарана послѣ всего того горькаго, но справедливаго, что онъ прочтетъ въ предисловіи г. Вырубова по адресу современнаго состоянія минералогіи. По нашему мнѣнію, такому читателю лучше обратиться къ соотвѣтственнымъ отдѣламъ физики и геологіи, или же, для болѣе полнаго ознакомленія съ различными вопросами, трактуемыми современной минералогіей, къ спеціальнымъ кристаллографіямъ и сочиненіямъ, какъ напр., Traité de Cristallographie. E. Mallard., Cristallographie Soret. Physikalische Krystallographie. Groth (имѣется въ русскомъ переводѣ), Physikalische Krystallographie. Liebisch и другіе. Да проститъ намъ г. Вырубовъ, но въ этихъ «компиляціяхъ» (Гротъ) и «Сборникахъ недодѣланныхъ теорій» (Либишъ) читатель найдетъ гораздо больше матеріала для ознакомленія съ «современнымъ состояніемъ» минералогіи, чѣмъ въ курсѣ Лаппарана и подобныхъ учебникахъ, подогнанныхъ подъ университетскія программы (напр. учебникъ минералогіи проф. *Чермака*, давно уже имѣющійся въ русскомъ переводѣ, Element der Mineralorie Naumann и др).

Какъ ни «оригиналенъ» трудъ г. Лаппарана, но все же при изложеніи многихъ вопросовъ, напр., всего отдѣла объ интерференціи въ одноосныхъ кристаллахъ (стр. 256) вопроса о полихроизмѣ (стр. 288), которому посвящено всего 4 1/2 страницы. авторъ «придерживается» «компиляцій» проф. Грота (Physikalische Krystallographie) и часто ссылается на эту книгу мюнхенскаго профессора. Имѣются позаимствованія и изъ другихъ авторовъ, такъ напримѣръ § трактующій объ изслѣдованіи тонкихъ пластинокъ двупреломляющихъ минераловъ 1) всецѣло заимствованъ у Rosenbusch «Microskopische Phyliographie der Mineralien» (стр. 296); изящество же и стройность изложенія геометрической кристаллографіи не мало обязано вліянію «Cristallographie» Малляра. Не можемъ не указать также на удивительную краткость изложенія такихъ интересныхъ вопросовъ, какъ — электрическія и магнитные свойства кристалловъ (всего 3 страницы) и полиморфизмъ (около 2 страницъ); эта краткость тѣмъ болѣе удивительна, что, можетъ быть, именно благодаря «анархическому» современному положенію минералогіи отъ этихъ вопросовъ «чистые» физики какъ-то открещиваются и изученіе и изложеніе ихъ находится почти всецѣло въ рукахъ кристаллографовъ. Вообще, отдѣлъ физическій кристаллографіи наиболѣе слабый въ книгѣ г. Лаппарана; видимо, будучи «отличнымъ геологамъ и хорошимъ математикомъ» почтенный академикъ въ области физики не совсѣмъ дома: нѣкоторыя опредѣленія физическихъ явленій поражаютъ своей неясностью; чтобы не быть голословнымъ приведемъ слѣдующее опредѣленіе флюоресценціи (стр. 287): «флюоресценція есть свойство, которымъ обладаютъ нѣкоторые минералы, въ частности Корнваллійскій плавиковый шпатъ, усиливать яркость свѣтового луча, окрашивая его въ опредѣленный цвѣтъ». Конечно, этотъ шедевръ нельзя приписать сплошь автору, видимо, поработалъ и переводчикъ, но читатели отъ такого усердія не легче. Впрочемъ, долженъ оговориться, что въ общемъ переводъ не дуренъ, хотя и встрѣчаются не русскія выраженія и неясности, напр., такая фраза (стр. 419). Всѣ такія затрудненія

кажутся намъ очень важными, и если справедливо, что въ такомъ сложномъ матеріалѣ линейная классификаціи не можетъ никогда быть вполнѣ удовлетворительной съ какой бы то ни было точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ намъ кажется что нельзя не попытаться подойти нѣсколько къ естественнымъ условіямъ мѣсторожденія и образованія минераловъ».

Можетъ быть и оригинально, но за то непонятно.

Издана книга весьма опрятно.

Курсъ физики О. Д. Хвольсона. Томъ третій. Ученіе о теплотѣ. 676 стр. 230 рис. Ц. 5 руб. С.-Петербургъ. Изд. К. Риккера. 1899 г. Мы уже бесѣдовали съ читателемъ «Міра Божьяго» (М. Б., декабрь, 1898 г.) по поводу первыхъ 2-хъ томовъ «Курса физики» проф. О. Д. Хвольсона. Предлагаемый 3-й томъ заключаетъ въ себѣ все ученіе о теплотѣ (за исключеніемъ «лучистой теплоты», которая, какъ мы уже указывали раньше, вошла въ общій отдѣлъ «ученіе о лучистой энергіи», т. II) и какъ по характеру изложенія, такъ и по полнотѣ данныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ первымъ двумъ томамъ. Можно только удивляться поразительной энергіи многоуважаемаго профессора; въ теченіе 3-хъ лѣтъ издать три тома такого капитальнаго труда—это, въ своемъ родѣ, подвигъ,—такія изданія тянутся, обыкновенно, чуть не десятки лѣтъ (вспомнимъ, напр., курсъ физики француза Віоля).

Мы считаемъ излишнимъ вдаваться на страницахъ нашего журнала въ подробный разборъ III-го тома «Курса физики», но не можемъ не указать, что по нѣкоторымъ, хотя и весьма немногимъ, вопросамъ мы не встрѣтили, на нашъ взглядъ, желательной полноты,—таковы, напр., вопросы объ абсолютномъ нолѣ, объ обратныхъ тепловыхъ эффектахъ при переходѣ одной полиморфной разности въ другую, о нѣкоторыхъ крайне интересныхъ сплавахъ желѣза съ никелемъ и нѣкот. др.,—но, конечно, все это мелочи и будь ихъ въ 10 разъ больше, громадное значеніе, какъ педагогическое, такъ и научное, труда проф. О. Хвольсона нисколько не умалилось бы.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го іюня по 15-е іюля 1899 года.

Д-ръ И. К. Хмѣлевскій. Цивилизація и неврозы. Одесса. 1899.

Д. П. Шаншепи де ля Соссей. Иллюстрированная исторія религій. Перев. съ полн. нѣм. изд. В. М. Линдъ. Москва. Изд. «Книжное дѣло». 1899 г. Вып. 9 и 11. Ц. 4 р. по подпискѣ.

Е. Варбъ. Наемные сельско-хозяйственные рабочіе въ жизни и въ законодательствѣ. Общ.-юрид. очерки. Москва. Изд. «Книжное дѣло». 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Д. С. Милль. Система логики. Перев. съ англ. подъ ред. В. Н. Ивановскаго. Вып. VII (послѣдній). Изд. «Книжное дѣло». М-ва. 1899. Ц. 5 р. Допуск. разсрочка.

Сборникъ общихъ юридическихъ знаній. Подъ ред проф. Ю. С. Гамборови. Вып. I. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 1 р.

П. А. Радцихъ. Современное положеніе вопроса о лѣченіи туберкулёзныхъ больныхъ въ санаторіяхъ. М-ва. 1899.

Къ вопросу о вліяніи занятія, экономическаго положенія и грамотности сельскаго населенія на нѣкоторыя стороны начальнаго народнаго образованія. Изд. Статистическаго отд. Александрійской земской уѣздной управы. 1899.

Ф. Ле-Дантекъ. Индивидуальная эволюція, наслѣдственность, неодарвинисты. Пер. съ франц. подъ ред. В. Н. Линда. Изд. «Книжное дѣло». М-ва. 1899. Ц. 1 р.

Д-ръ Леманнъ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Пер. съ нѣм. д-ра Петерсена. Изд. «Книжное дѣло». М-ва. 1899. 3 вып. Ц. 3 р. по подпискѣ. Допускается разсрочка.

В. Фаусекъ. Этюды по вопросамъ біологической эволюціи. Библіотека «Научнаго Обозрѣнія». Изд. Сойкина. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Эдуардъ Мейеръ. Рабство въ древнемъ мірѣ. Перев. съ нѣм. А. В. Викерскаго. Изд. «Книжное дѣло». 1899. Ц. 30 к.

Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Сборникъ статей подъ ред. проф. Москов. унив. гр. Л. А. Комаровскаго и П. М. Богаевскаго. 2 вып. по 1 р. Изд. «Книжное дѣло». М-ва. 1899.

В. Я. Богучарскій. Маркизъ Лафайеттъ. Историческій очеркъ. Съ портр. Изд. «Книжное дѣло». М-ва. 1899. Ц. 1 р.

А. П. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Изд. «Книжное дѣло». М. 1899. Вып. III. Подписная цѣна 10 руб., съ дост. 12 р. Доп. разсрочка.

Путеводитель по Уралу. Изд. газ. «Уралъ». Спб. 1899.

Помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Лит.-худож. сборникъ. Изд. газ. «Курьеръ». Курскъ. 1899. Ц. 1 р.

В. Чешихинъ. Пушкинъ въ с. Михайловскомъ. Драмат. этюдъ въ 1 дѣйств. Рига. 1899. Ц. 40 к.

И. А. Кузнецовъ. Тоска Гоголя. Екатеринодаръ. 1899 г.

М. Вороновъ. Матеріалы по народн. образов. въ Ворон. губ. Изд. Ворон. губ. земства. 1889 Ц. 2 р. 50 к.

М. Ротшильдъ. Коммерческая энциклопедія. Вып. XIV и IV. Изд. В. Э. Форселлеса. Спб 1899. Ц. 10 р. по подп. съ д. 12 р. 50 к.

Журналы Тверскаго Губ. Зем. Собранія Очередной сессіи 1898 г.

П. И. Кедровъ. Санитарные условія жизни и труда рабочихъ на кирпичныхъ заводахъ. М-ва. Ц. 50 к.

Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1897 г. Спб. 1899.

Отчетъ о ходѣ акцизнаго дѣла въ Закавказскомъ краѣ и Закаспійской области за 1897 г. Спб. 1889 г.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Культурные и соціальные вопросы нашего времени при свѣтѣ германской исторіи.

По поводу книги *Die geistigen und socialen Strömungen des Neunzehnten Iahrhunderts*», von Dr. Theobald Ziegler. Berlin, 1899.

I.

Профессоръ страсбургскаго университета, Циглеръ, задумалъ подвести итоги умственнымъ и соціальнымъ успѣхамъ своего отечества за истекающее столѣтіе. Въ дѣйствительности еще ни одна историческая эпоха никогда не начиналась и не заканчивалась годъ въ годъ съ какимъ бы то ни было вѣкомъ, календарь прогресса будто преднамѣренно всегда отступаетъ отъ астрономическаго и принятыя нами обозначенія—восемнадцатый вѣкъ, девятнадцатый не менѣе условны и произвольны, чѣмъ грани въ жизни отдѣльнаго человѣка—молодость, зрѣлость или старость.

Напримѣръ, восемнадцатый вѣкъ въ исторіи культуры начался отнюдь не съ 1700 года, а развѣ только лѣтъ пятнадцать спустя, послѣ смерти Людовика XIV. Она не только устранила съ міровой сцены самого породистаго представителя эпохи, но и обнаружила полную нравственную безнадежность ея устоевъ и открыла ихъ для критики новой свободной мысли. Девятнадцатый вѣкъ отсталъ отъ календаря также лѣтъ на пятнадцать. Часъ его пробилъ при Ватерлоо, гдѣ окончательно рѣшился вопросъ съ послѣднимъ фактомъ революціоннаго переворота — съ наполеоновской имперіей, и по всей Европѣ начался открытый оффиціальный культъ воскресавшаго «стараго порядка»—деспотическаго, патріархальнаго и темнаго. Нашъ вѣкъ также не заключается 1900 годомъ,—исторія, повидимому, и въ данномъ случаѣ относитъ рѣшительный моментъ на неопредѣленное будущее и теперь мы развѣ только можемъ догадываться о смыслѣ этого момента. Можетъ быть—это будетъ какой-нибудь великій кризисъ въ парламентаризмѣ, столь упорно и послѣдовательно проявляющемъ свои несовершенства въ современной буржуазно-либеральной формѣ.

И тѣмъ не менѣе, замыселъ нѣмецкаго ученаго вполнѣ основателенъ, даже еслибы онъ и не ограничилъ своей громадной работы календарнымъ концомъ вѣка. Въ цивилизованномъ мірѣ въ настоящее время не существуетъ народа, успѣвшаго накопить такое богатство итоговъ, какъ именно нѣмцы. Ихъ новѣйшая исторія будто нарочно создана для общихъ философскихъ и по-

литическихъ соображеній. Ростъ необыкновенно быстрый, блестящій, единственный во всей исторіи человѣчества по контрасту исходной точки соціальнаго и политическаго развитія и уже достигнутыхъ результатовъ.

Все это ставитъ нѣмецкаго историка въ очень щекотливое положеніе. Обладай онъ самой невозмутимой скромностью и идеально-философскимъ взглядомъ на вещи, ему трудно не «возмечтать» предъ совершенно наглядными фактами небывалаго отечественнаго прогресса. Всего полвѣка назадъ—нѣмцы почти только этнографическій терминъ, самое большее—нація мыслителей и поэтовъ, очень хорошо освѣдомленная въ области голубого неба и причины всѣхъ причинъ,—но ничего не понимающая въ государственной политикѣ, въ настоящее время, это — Германская имперія, одна изъ самыхъ могущественныхъ, политическихъ и самыхъ дѣятельныхъ экономическихъ державъ всего міра. И всѣ эти успѣхи, повидимому, только еще вступаютъ на открытый широкій путь. Блестящее будущее должно принадлежать генію того народа, который обнаружилъ такой громадный запасъ духовныхъ, раньше даже неподозрѣваемыхъ силъ.

Стоитъ только взглянуть на изображенія замѣчательныхъ людей, украшающія нашу ученую книгу, чтобъ судить о количествѣ и качествѣ талантовъ, затраченныхъ на нѣмецкій прогрессъ девятнадцатаго вѣка. Какое разнообразіе и глубина психологіи, какая разносторонность способностей, сосредоточенная работа отвлеченной мысли и самоотверженная рѣшительность практической воли! Настоящая галлерея героевъ мысли и дѣла. Она вызывала бы изумленіе отдаленнѣйшихъ поколѣній, даже если бы идеи и намѣренія остались неосуществленными...

Первая фигура, открывающая новый вѣкъ, *Гёте* и послѣдняя—*Нитче*. Трудно представить два лица, столь несходныхъ, столь краснорѣчиво говорящихъ о великомъ преобразованіи не идей только, а самыхъ натуръ среди одного и того же народа. Принесло ли людямъ это преобразованіе новое счастье, приблизило-ли оно ихъ къ истинѣ — врядъ ли кто рѣшится отвѣтить на эти вопросы безусловно утвердительно или отрицательно. Но что—понятія о счастьѣ и истинѣ измѣнились чрезвычайно, до неузнаваемости—это несомнѣнно.

Какая эффектная и импонирующая фигура! Въ рукахъ листы бумаги съ какими то стихами, большіе до глубокой старости прекрасные глаза устремлены куда-то въ сторону,—можетъ быть на благоговѣйно внимающаго слушателя, а можетъ быть и просто *туда*, откуда навѣяны поэту чудной силой вдохновенія эти самые стихи. Не все ли равно! На дѣйствительность можно смотрѣть такъ же поэтически и художественно, какъ и въ самую глубь вещей и вторую часть Фауста съ таинственнѣйшими героями и неразгаданными идеалами можно сочинять въ такомъ же свѣтломъ *неземномъ* состояніи духа, какое подсказало поэту столь красивое умиротвореніе даже самыхъ тяжелыхъ несчастій сверхъестественной властью вѣчно-женственнаго».

Говорятъ,—это взглядъ Юпитера, вся осанка напоминаетъ нѣчто божественное, сверхчеловѣческое и, напримѣръ, поэту Гейне—не то искренно, не то для красоты стиля — казалось, будто рядомъ съ подобнымъ смертнымъ непремѣнно гдѣ-нибудь пососѣд-

ству долженъ имѣться орелъ... Счастливый обладатель величественно спокойныхъ большихъ глазъ!

Теперь взгляните на другой портретъ... Нитче въ настоящее время неизлѣчимо больной, утратившій даже даръ слова и всякое сознательное представленіе о внѣшнемъ мірѣ и о своемъ собственномъ состояніи. И глядя на его изображеніе, вы не удивляетесь такому результату. Этотъ человѣкъ никогда не былъ здоровъ, и не могъ быть. Посмотрите, какъ нервно, въ какомъ застывшемъ неловкомъ движеніи сжаты его руки съ хрупкими, очевидно, необыкновенно подвижными пальцами. Посмотрите, сколько невыразимой мучительной угнетенности во всей фигурѣ, а главное—какая безысходная, до слезъ страдальческая дума свѣтится въ неподвижно устремленныхъ глазахъ! И эта своеобразная складка вокругъ рта! Она должна была врѣзаться послѣ безсильныхъ привычныхъ ощущеній нестерпимой душевной боли, безплодныхъ поисковъ успокоительной идеи, нестерпимой жажды какого-нибудь хотя бы призрачнаго, но гармоническаго, вдохновляющаго образа.

Здѣсь и намека нѣтъ на орлиные взоры и юпитеровскія манеры, и никакой кривляющійся романтикъ не сталъ бы разыскивать у ногъ этого человѣка миѳологическихъ птицъ. Мука и истома духа слишкомъ реальны, чтобы при видѣ ихъ можно было пускаться въ художественныя, всегда жизнерадостныя фантазіи.

И все-таки между «Олимпійцемъ» изъ Веймара и безумнымъ «сверхъ-человѣкомъ» лежитъ непрерывная цѣпь фактовъ и идей. Это не случайныя, другъ отъ друга независимыя явленія: это моменты одного и того же процесса... Какимъ же движеніемъ—глубокимъ и энергичнымъ—долженъ обладать процессъ, чтобы на пространствѣ нѣсколькихъ десятилѣтій создать такихъ два контраста!

А въ промежуткѣ не менѣе яркія и оригинальныя фигуры,—до такой степени сильныя и самобытныя, что исторія народа будто начертана на ихъ лицахъ.

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ громкихъ всеевропейскихъ пророковъ философіи. Это наименѣе рѣзкое, типичное лицо. Только его, кажется, и можно забыть изо всей этой галлереи. Не то чиновникъ, не то просто обыватель съ самоувѣреннымъ, но тусклымъ взглядомъ, съ безличнымъ, сѣрымъ выраженіемъ физіономіи, съ оттѣнкомъ какой то искусственной твердости въ складѣ губъ, будто упорнаго желанія выдать нѣчто недосказанное—за истинное, нѣчто смутное—за вполнѣ очевидное. Такъ смотрятъ люди, знающіе за собой нѣкоторую неопредѣленность и подозрительную разносторонность мысли и ловко отождествляющіе *смуту съ глубиной*.

Это Гегель, отуманившій умы пылкихъ поколѣній двусмысленнѣйшей философской идеей, какая только была брошена съ професорской каѳедры въ среду алчущихъ высшей истины. Это философъ, одинаково послѣдовательно явившійся родоначальникомъ—*правой* и *лѣвой*, апостоломъ прусскаго казарменнаго государства и германскаго романтическаго радикализма. Это—учитель, вызвавшій къ жизни идейную семью двухъ взаимно непремиримыхъ расъ—бѣлой и красной... Къ какой онъ принадлежалъ самъ,—вы не опредѣлите по его философской внѣшности такъ же, какъ не

вычитаете вполнѣ ясно и изъ его произведеній. Но зато философъ «разумной дѣйствительности» можетъ считаться послѣднимъ представителемъ національныхъ теоретическихъ тумановъ,—будущее принадлежало, можетъ быть, людямъ менѣе глубокимъ, но зато до послѣдней степени осязательныхъ истинъ.

Бисмаркъ—такой же контрастъ Гегелю, какъ Нитче—Гёте. Каждая черта до такой степени характерна, что дѣйствительно каррикатуристы могли рисовать эту голову однимъ почеркомъ пера. Такія лица не формируются, а прямо отливаются въ лабораторіи природы, потому что они—самое совершенное и рѣзкое выраженіе одной неограниченно господствующей идеи и воплощеніе непремѣнной воли—осуществить идею. И Бисмаркъ, по выраженію Циглера, ознаменовалъ собой эпоху *волюнтаризма*, т. е. эпоху *воли*, какъ преобладающей человѣческой способности. Онъ—самъ великій реалистъ — превративъ — говоритъ все тотъ же авторъ—и нѣмцевъ въ реалистовъ, вылѣчилъ ихъ отъ поэтическаго идеализма и изъ *народа* создалъ *государство*.

Но никакой реализмъ и самое мощное практическое творчество не помѣшали процвѣтать идеологомъ,—и какимъ еще! Предъ нами Гегель—безобидный производитель маловразумительныхъ цеховыхъ сочиненій. Его личные критическіе таланты—совершенно безопасны даже для провинціальнаго мѣщанскаго благополучія, а діалектика, витающая въ недостягаемыхъ областяхъ чистаго отвлеченія, свободно можетъ соревновать схоластикѣ по своему равнодушію къ реальной дѣйствительности или по своей способности сообщать ей самыя двусмысленныя философскія освѣщенія и оправданія. Наконецъ, для гегельянской діалектики природа—предметъ недостойный вниманія. философъ долженъ углубляться въ область человѣческаго духа, только здѣсь дѣйствительно-разумное, а внѣшній міръ—хаосъ случайностей, не заслуживающихъ осмысливанья.

Но вотъ предъ нами также діалектики и даже изъ гегелевской школы,—и какой ужасъ и трепетъ распространяетъ кругомъ ихъ критика! Одинъ—ученый богословъ, другой экономистъ. Въ предметахъ изслѣдованія нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но пріемы изслѣдователей—безусловно родственны. Они одинаково разрушительны для противорѣчій, накопленныхъ старой исторіей и старой политической экономіей, и трудно сказать, какая книга глубже потрясаетъ «олимпійцевъ, и бюргеровъ, и стражей сіона»—политическаго и нравственнаго—*Жизнь Іисуса* Штрауса или *Капиталъ* Маркса!

Какое краснорѣчивое лицо у Штрауса! Бритое, острое, пронизанное тонкимъ выраженіемъ спектицизма. Онъ читаетъ книгу и вы видите,—отъ этого пристальнаго, прирожденно-недовѣрчиваго взгляда не укроется ни одна фальшивая черта. Онъ, кажется, уже наслѣдилъ автора, проникъ въ смыслъ его заблужденій или уловокъ: ему нужно только еще нѣсколько фактовъ, и книга будетъ уничтожена—спокойно, шагъ за шагомъ, съ неотразимой силой логики и будто ножомъ проанатомированныхъ фактовъ. Если потребуется,—тотъ же ножъ будетъ обращенъ и на выводы его—самого критика, и Штраусъ не побоится по нѣскольку разъ мѣнять свои толкованія фактовъ,—его идеи и

знанія также во власти этого безпощадно-проникающаго взора, знающаго только одну цѣль и одинъ предѣлъ—истину.

Еще болѣе опасный врагъ—Марксъ, потому что для его критики существуетъ граница и на этой границѣ анализъ уступаетъ мѣсто чисто-религіозному прорицательству, пророчеству, самоувѣренному до полнаго восторга предъ своимъ творчествомъ. Лицо—почти не индивидуальное: это скорѣе типъ, чѣмъ личность. Ни одной рѣзкой выдающейся черты, ни одной изъ тѣхъ чертъ, которыя выдѣляютъ человѣка изъ тысячи. Такія лица должны быть у людей философской силы, совершенно опредѣленнаго теоретическаго направленія. Рѣзкія черты налагаются великими напряженіями практической воли, сложной жизненной борьбой. Потому такъ рельефно, *неизгладимо* лицо Бисмарка. Отвлеченный мыслитель какого бы то ни было таланта не можетъ переживать такихъ страстныхъ волненій, не можетъ безпрестанно, день за днемъ отражать на своемъ лицѣ столько разнообразнѣйшихъ впечатлѣній и воспринимать столько глубокихъ ощущеній гнѣва или благоволенія въ столкновеніяхъ съ враждой или сочувствіемъ. И Марксъ—преимущественно сила теоретическая, книжная, кабинетная, но сила, направленная не на гегельянскіе вопросы высшаго познанія, а на самые реальные, рѣшительно для всѣхъ осязательные факты. Діалектика на почвѣ экономическихъ отношеній могла привести къ выводамъ, не вполнѣ соотвѣтствующимъ діалектикѣ самой дѣйствительности, но ея критическая, разлагающая сила не становилась отъ этого менѣе внушительной, а основной принципъ даже выигрывалъ въ цѣльности и въ чисто-религіозномъ догматическомъ значеніи.

Такъ именно и случилось съ марксизмомъ. Его отвлеченная истина стала лицомъ къ лицу съ реальнымъ фактомъ, т. е. соціалъ-демократизмъ—съ бисмарковской имперіей. Пусть въ истинѣ не мало слабыхъ и уязвимыхъ сторонъ, но въ ней таится одна власть, непреодолимая даже для бисмарковскаго реализма. Истина будто новое благовѣстіе идетъ на встрѣчу новымъ рабамъ и «варварамъ», обѣщая имъ спасти ихъ человѣческое достоинство отъ господъ и римскихъ гражданъ христіанскаго міра.

Достаточно и этихъ именъ и лицъ, чтобы судить о громадности умственной работы, выполненной и неутомимо выполняемой германской націей девятнадцатаго вѣка. Можно ли въ настоящее время, въ самый разгаръ великихъ движеній, предъ еще свѣжимъ и личнымъ обояніемъ дѣятелей, разсчитывать на справедливый судъ исторіи, тѣмъ болѣе, что и историкъ долженъ быть здѣсь особенный? Разсудить тяжбу между Бисмаркомъ и соціалъ-демократіей можетъ только ученый, одинаково тщательно вникшій и въ блестящіе успѣхи національной внѣшней политики и въ печальныя сопутствующія явленія внутренней народной жизни. Какая же должна быть разносторонность живыхъ интересовъ и въ тоже время какой мудрый и всесторонній взглядъ на человѣческія дѣла и страсти!

II.

Страсбургскій профессоръ выполнилъ свою задачу въ самомъ трудномъ отношеніи—успѣшно, именно какъ патріотъ, разсуди-

тельный и просвѣщенный. Французская печать встрѣтила его книгу одобрительно,—доказательство, что книга написана въ культурномъ тонѣ, мало того, книга свободна отъ національнаго самохвальства и вызывающаго оптимизма, столь свойственнаго скороспѣлымъ героямъ и побѣдителямъ. Французская печать постаралась указать именно на весьма сдержанныя чувства профессора, касательно благоденствія Германіи. Страна милліардовъ стоитъ въ настоящее время предъ множествомъ тягостныхъ задачъ внутренней политики, для нѣкоторыхъ изъ этихъ задачъ не предвидится даже въ отдаленномъ будущемъ удовлетворительнаго рѣшенія. Слава и богатство не поставили Германіи въ привилегированное положеніе, сравнительно съ ея побѣжденнымъ врагомъ, и это обстоятельство, разумѣется, проливаетъ бальзамъ на французское сердце.

Нѣмецкій ученый, дѣйствительно, не скрываетъ грозной смуты стремленій и идеаловъ, одолѣвающей единую Германію. Смута, конечно, отнюдь не свидѣтельствуетъ объ опасности для національнаго бытія страны, напротивъ, она можетъ только доказывать богатую духовную жизненность организма, съ напряженіемъ силъ вырабатывающаго новыя способности при новыхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Но подчасъ борьба кажется безвыходной и само единство, столь давно желанное и цѣною такихъ жертвъ созданное, ставится на карту именно самыми прогрессивными борцами.

Авторъ—восторженный защитникъ этого единства. Недаромъ онъ профессоръ *Страсбургскаго* университета: его политическій символъ вѣры—прусскій и централистскій до послѣдней степени. Онъ готовъ на всѣ уступки предъ своими читателями. Онъ готовъ подвергнуться какой угодно критикѣ, заранѣе признаетъ особенную субъективность той части своего труда, гдѣ ему приходится говорить о современныхъ событіяхъ. Но отъ этого признанія лиризмъ профессора не понижается ни на одну ноту, въ его гимнахъ Бисмарку. И грѣхъ былъ бы невеликъ, если бы гимны канцлеру не имѣли своего рикошета, чрезвычайно сильнаго, именно не вдохновляли историка на препирательства съ соціалъ-демократами, исключительно какъ противниками объединителя Германіи.

Циглера можно признать отчасти національ-либераломъ, т. е. сторонникомъ гуманитарной внутренней политики, въ предѣлахъ постепенности, и защитникомъ національной внѣшней силы, вплоть до колоніальныхъ приключеній. Слѣдовательно, въ парламентѣ профессоръ удовольствовался бы весьма скромной программой реформъ, безъ малѣйшаго намека на красный цвѣтъ, вообще онъ пошелъ бы за Бисмаркомъ,—съ однимъ исключеніемъ. Циглеръ—настоящій германскій ученый, стараго историческаго закала, ученый, твердо вѣрующій въ нравственное достоинство идеи, не допускающій рабства духа въ вопросахъ мысли и знанія. Для него свобода идейной борьбы—неприкосновенный капиталъ культуры, и на этотъ капиталъ не въ правѣ посягать даже самъ великій Бисмаркъ.

Авторъ ставитъ канцлера рядомъ съ Лютеромъ, Фридрихомъ II и Гете: только четырехъ дѣйствительно великихъ людей имѣла Германія, и Бисмаркъ вмѣстѣ съ Лютеромъ—на первомъ мѣстѣ: оба они возродили Германію, одинъ въ религіозномъ, другой въ

политическомъ смыслѣ, и Бисмаркъ является совершеннѣйшимъ представителемъ нѣмецкаго національнаго генія, даже единственнымъ сильнымъ человѣкомъ нашего времени: послѣ его смерти ни на скамьяхъ министровъ, ни въ парламентѣ уже нѣтъ больше настоящихъ личностей. Авторъ, наконецъ, согласенъ съ Гегелемъ, что великій человѣкъ, *герой вполнѣ*, долженъ умѣть презирать общественное мнѣніе и идти своимъ путемъ къ осуществленію задачъ своего времени. Бисмаркъ, разумѣется, больше чѣмъ кто-либо умѣлъ презирать именно общественное мнѣніе, и авторъ считаетъ эту способность вѣрнѣйшимъ доказательствомъ его величія.

Но на дѣятельности Бисмарка существуютъ пятна: авторъ согласенъ признать ихъ, но остерегается оцѣнить ихъ по достоинству. Бисмаркъ боролся противъ соціалъ-демократіи оружіемъ насилія и гоненій, т. е. исключительными законами. Авторъ сѣтуетъ на такой способъ борьбы съ политической партіей. «Соціализмъ, — говоритъ онъ, — міросозерцаніе, наука и вѣра одновременно, поэтому его можно одолѣть только оружіемъ духа или совсѣмъ нельзя одолѣть». И когда исключительные законы не были возобновлены въ 1890 году, Циглеръ считаетъ этотъ фактъ «счастьемъ и благословеніемъ» для страны, «великимъ очищеніемъ воздуха»: явилась возможность вздохнуть послѣ тяжкаго гнета...

Истинно профессорская рѣчь! Но она, къ сожалѣнію, остается безъ послѣдствій, нисколько не вліяетъ на общую оцѣнку бисмарковскаго государственнаго генія. А между тѣмъ исключительное германское законодательство противъ соціалъ-демократіи едва ли не самая грубая политическая ошибка во внутренней политикѣ всей западной Европы новаго времени. Ни на какую мѣру не возлагалось такихъ смѣлыхъ надеждъ, ни одна мѣра не противорѣчила съ такой поразительной очевидностью самымъ основамъ культурнаго общественнаго развитія, и въ тоже время ни одна мѣра такъ жестоко не обманула разсчетовъ изобрѣтателя и не послужила такъ благотворно интересамъ преслѣдуемыхъ. Соціалъ-демократія украсилась вѣнкомъ мученичества, выработала громадныя средства борьбы, закалила свои силы и превратилась въ истинно народную и національную партію даже по количеству своихъ сторонниковъ среди избирателей. А Бисмаркъ въ результатѣ пріобрѣлъ непримиримаго врага не только для себя лично, но и для своего историческаго дѣла, т. е. для германскаго единства съ императоромъ Гогенцоллерномъ во главѣ. Соціалъ-демократы не признаютъ національнаго характера въ существующей имперіи и не видятъ германскаго народнаго вождя въ лицѣ прусскаго короля. Исключительные законы освятили это положеніе партіи и произвели, по выраженію автора, разрывъ въ «наилучшемъ и драгоцѣннѣйшемъ чувствѣ» нѣмцевъ. Соціалъ-демократы отвергаютъ все, что̀ именуется «національнымъ»: это—партія международная, систематически враждебная всѣмъ стремленіямъ имперскаго правительства поддержать и расширить политическое вліяніе единой Германіи. И всѣмъ извѣстно, съ какой жестокостью соціалъ-демократическая газета *Впередъ* встрѣтила смерть Бисмарка. Либкнехтъ и теперь остался неумолимъ: онъ не признавалъ величія своего врага, даже засыпаннаго могильной землей...

Это очень больно для сердца нѣмецкаго патріота, и нашъ авторъ впадаетъ въ трогательный похоронный лиризмъ. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы остаться на почвѣ логики и политики и бросить достойный свѣтъ на идеальнаго выразителя національнаго германскаго духа. Авторъ всѣми силами бережется отъ этой крайне непріятной обязанности. Онъ спасаетъ свой бисмарковскій культъ во всей неприкосновенности, даже и приклоняясь предъ императоромъ Вильгельмомъ I и негодуя на неприличную газетную полемику, завязавшуюся вокругъ имени Фридриха III. Вѣдь не могъ же не знать авторъ, чтó такое представлялъ изъ себя старый Вильгельмъ на взглядъ Бисмарка и какія чувства питалъ канцлеръ къ несчастному либеральному кронъ-принцу, позже девяностодевятидневному императору? Все это весьма непослѣдовательное благоговѣніе предъ Вильгельмомъ I никакъ не мирится съ уничтожающими отзывами Бисмарка о своемъ повелителѣ, и если ужъ подвергать порицанію нѣмцевъ, нападавшихъ на «англичанку», супругу Фридриха, то первое мѣсто слѣдуетъ, по всей справедливости, оставить за Бисмаркомъ.

Но, очевидно, авторъ не желаетъ своими чувствами подчеркивать національнаго разрыва, столь его огорчающаго. Для него Бисмаркъ, геній sans frases, и его непозволительно трогать, даже доказывая великое растлѣвающее вліяніе на нѣмецкій народъ его излюбленнѣйшихъ политическихъ созданій.

Таковъ, несомнѣнно, милитаризмъ.

Въ высшей степени любопытно слѣдить за настроеніями автора, въ этомъ вопросѣ. Профессоръ находитъ извѣстныя хорошія стороны въ прусской солдатчинѣ и думаетъ, будто онъ въ этомъ случаѣ одного вкуса съ нѣмецкимъ народомъ. Онъ пренаивно воображаетъ, будто этотъ народъ съ полнымъ удовольствіемъ въ 1877 году встрѣтилъ военные проекты правительства. Авторъ рѣшительно желаетъ забыть, какими средствами Бисмаркъ получилъ большинство въ новомъ рейхстагѣ послѣ распущенія стараго, вообще нашъ историкъ не единымъ словомъ не намекаетъ на классическіе пріемы канцлера: запугивать, одурачивать, доводить до головокруженія бѣднаго бюргера всякій разъ, когда требовались новые кредиты на военныя силы имперіи. Самъ же авторъ немного раньше одной изъ причинъ соціалъ-демократическихъ успѣховъ въ народѣ призналъ всеобщій ужасъ бѣдняковъ предъ военными налогами деньгами и кровью.

Можно ли послѣ этого восхищаться «воинственными наклонностями», овладѣвшими всей Германіей, благодаря всеобщей воинской повинности? Можно ли на мѣстѣ профессора сочувствовать восторгамъ уличной толпы при видѣ солдатъ въ полной парадной формѣ? Можно ли, наконецъ, военной дисциплинѣ приписывать развитіе чувства чести въ народѣ, особой внѣшней мужественности и ловкости? И всему этому приписывать *воспитательное* значеніе!..

Правда, непосредственно за этой одой «Черному Орлу» и крупповской пушкѣ слѣдуютъ оговорки, но достаточно, что ученый и одинъ изъ самыхъ достойныхъ пастаролвъ призналъ необходимымъ насколько возможно облагородить жесточайшій недугъ германской внутренней жизни, недугъ, Германіей созданный и ею же распространенный на всѣ другія европейскія дер-

жавы. Это тѣмъ болѣе странно, что авторъ самъ же себя уничтожаетъ, перечисляя нравственныя бѣдствія воинственнаго нѣмецкаго народа. Оказывается, военная обязательная жесткость нравовъ распространилась и на гражданскія отношенія, патріотическое фразёрство и забіячество, неукротимый зудъ поднимать безсмысленный запальчивый вой, по всякому случаю, наклонность бывшихъ служакъ свое военное званіе цѣнить выше гражданскаго, напримѣръ, офицерскій чинъ въ запасѣ—выше положенія учителя, всюду вносить военную выправку, казарменную рѣзкость обращенія, быструю энергичную расправу съ бюргеромъ, все равно какъ съ солдатомъ... Все это нѣмецкую армію превращаетъ въ своего рода особую расу, въ высшей степени безпокойную и даже ненавистную для гражданскихъ сословій. На югѣ, напримѣръ, уже образовалась цѣлая пропасть между военщиной и горожанами. Баварецъ и швабъ считаютъ истинной язвой египетской прусскую муштру и смотрятъ какъ на непріятелей и иностранцевъ на профессоровъ и воспитанниковъ прусскаго фронта.

Естественно, эти чувства не помогаютъ скрѣпленію единства и ими чрезвычайно искусно пользуются вожди соціалъ-демократіи.

Время отъ времени на свѣтъ Божій всплываютъ подвиги казарменныхъ педагоговъ, вплоть до смертныхъ побоевъ и насильственныхъ смертей солдатъ. Тогда Бебель создаетъ «большой день» въ рейхстагѣ и министерству приходится жутко, даже при всемъ блескѣ нѣмецкаго оружія въ прошломъ и въ возможномъ будущемъ.

Но жестокими нравами не ограничивается растлѣвающее вліяніе милитаризма. Недугъ идетъ гораздо глубже и грозитъ подорвать самыя основы современной гражданственности. Духъ подчиненія, угодливости начальству, безприкословнаго послушанія изъ казармъ распространяется на все чиновничество, а отсюда и на взаимныя отношенія, вообще принципаловъ и кліентовъ. Раболѣпіе и византизмъ пускаютъ глубокія корни въ гражданской жизни Германіи, несмотря на конституцію и на всеобщую подачу голосовъ. Чувство гражданскаго достоинства притупляется и уступаетъ мѣсто понятіямъ военной части. Безпрестанно возникаютъ дикія столкновенія изъ-за пустяковъ, изъ-за пошлыхъ недоразумѣній въ пивныхъ и на улицахъ, слѣдуютъ дуэли или просто драгуны хватаются за ножи. Ни то ни другое, разумѣется, никогда не возстанавливало ничьей чести, но при извѣстномъ одичаніи культурнаго общества дуэль считается признакомъ рыцарственности и благородства. Германскіе суды кромѣ того крайне снисходительно относятся къ подобнымъ проявленіямъ воинскаго духа и слабыми наказаніями виновныхъ еще больше раздражаютъ мирныхъ обывателей и распространяютъ превратныя представленія о человѣческомъ достоинствѣ въ глубь всей націи.

Авторъ прекрасно понимаетъ значеніе этихъ фактовъ, но у него будто не хватаетъ мужества взглянуть на нихъ, какъ на *послѣдствія* извѣстнаго порядка вещей. Самая наглядная логика должна бы побудить историка привести въ связь военную славу и міровое могущество Германіи съ пониженіемъ идеалистическаго и даже просто культурнаго уровня ея народа. Нашъ ученый предпочитаетъ славу и пониженіе разсматривать, какъ

отдѣльные факты, въ одномъ случаѣ давать свободу своему патріотическому чувству, въ другомъ—сѣтовать и негодовать, не безъ примѣси, все-таки, смягчающихъ и утѣшительныхъ соображеній. Такія соображенія въ вопросѣ о милитаризмѣ показываютъ, какъ неограниченно властно бисмарковское національное воспитаніе упрочилось къ концу вѣка даже надъ наиболѣе просвѣщенными и гуманными умами.

Можетъ быть, самъ авторъ сознавалъ, до какой степени онъ захваченъ общимъ теченіемъ и именно о своихъ чувствахъ относительно Бисмарка и національной внѣшней политики говорилъ, какъ о «субъективныхъ» увлеченіяхъ. Мы видимъ, они несомнѣнны. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать за современнымъ гражданиномъ объединенной Германіи рѣдкую скромность. Можно смѣло поручиться, англичанинъ или французъ на мѣстѣ страсбургскаго профессора не пожалѣлъ бы красокъ и знаковъ восклицанія ради любви къ отечеству и народной гордости, потому что—снова повторяемъ—новѣйшая исторія Германіи безпримѣрна по своему внѣшнему блеску и по богатству духовныхъ силъ, обнаруженныхъ всѣми сословіями и состояніями націй.

III.

Если бы потребовалось художественно и въ то же время правдиво опредѣлить историческую роль нѣмцевъ среди другихъ народовъ западной Европы, наилучшее опредѣленіе могло бы дать извѣстное поэтическое сказаніе о раздѣлѣ земли. Поэтъ явился на раздѣлъ позже другихъ, и ему пришлось удовольствоваться однимъ голубымъ небомъ, т.-е. своей способностью вдохновляться красотой и гармоніей божьихъ созданій и находить счастье въ своемъ вдохновеніи.

Нѣмцы до нынѣшняго столѣтія усердно соревновали этому поэту. Еще Лютеръ въ своемъ знаменитомъ обращеніи къ дворянству германской націи сѣтовалъ на единственную въ мірѣ политическую наивность и безпомощность соотечественниковъ: ни въ комъ папа не имѣлъ болѣе послушныхъ и простодушныхъ овецъ и никто не чувствовалъ себя въ болѣе идиллическомъ невѣдѣніи и смиреніи передъ всѣми часто поразительно-откровенными изобрѣтеніями римской церковной власти.

Въ области религіозной совѣсти Лютеръ покончилъ съ этимъ унизительнымъ порядкомъ, но политическое сознаніе нѣмцевъ еще на цѣлые вѣка осталось въ состояніи истинно-младенческаго прекраснодушія. Въ настоящее время могутъ показаться невозможными настроенія первостепенныхъ талантовъ Германіи, касавшихся иногда, совершенно случайно, политическихъ вопросовъ.

Повидимому, нельзя и представить ничего доступнѣе и первобытнѣе чувства патріотизма. Оно свойственно даже варварскимъ народамъ, и вотъ оно-то именно было неизвѣстно нѣмецкимъ геніямъ еще въ XVIII вѣкѣ. Самый энергичный изъ нихъ—несомнѣнно Лессингъ. Онъ пророкъ національной литературы, убѣжденный врагъ иноземныхъ вліяній, но все это въ предѣлахъ художественнаго творчества. Лессингъ прекрасно знаетъ нѣмецкій *народъ* и не имѣетъ представленія о нѣмецкомъ государствѣ. Онъ неутомимый защитникъ самобытности родного языка и его поэти-

ческой силы, но для него не существуетъ идеи о гражданскомъ достоинствѣ нѣмца и онъ даже не подозрѣваетъ, чтобы политическіе интересы непремѣнно могли входить въ умственный кругозоръ хотя бы самаго просвѣщеннаго писателя и мыслителя. Патріотизмъ въ его глазахъ—нѣчто въ родѣ предразсудка, простонароднаго суевѣрія, и разносторонне развитой умъ долженъ стоять выше узкихъ чувствъ и воззрѣній, обусловленныхъ извѣстными границами государства.

Когда Лессингъ разсуждалъ въ такомъ духѣ, Германія была свидѣтельницей величайшихъ государственныхъ успѣховъ Пруссіи. Дѣятельность Фридриха II могла пробудить самый вялый политическій инстинктъ и создать патріотизмъ.

Нѣчто подобное дѣйствительно произошло. Фридрихъ нашелъ горячихъ поклонниковъ среди нѣмецкихъ литераторовъ, между прочимъ, въ лицѣ того же Лессинга.

Поклоненіе свидѣтельствовало о большомъ самоотверженіи: прусскій король не скрывалъ полнѣйшаго равнодушія и даже пренебреженія къ нѣмецкой литературѣ, философіи и даже къ нѣмецкому языку. И несмотря на этотъ общеизвѣстный фактъ, Фридрухъ оказался первымъ и единственчымъ предметамъ нѣмецкихъ патріотическихъ восторговъ. Именно единственнымъ, т.-е. онъ *лично*, а не его государсто, сосредоточилъ на себѣ національное вниманіе. Онъ, какъ герой, а не какъ политическій дѣятель, не какъ король, привелъ въ восторгъ самого Гёте. Авторъ Фауста свое патріотическое настроеніе называлъ *фридриховскимъ fritzisch gesinnt*. Такихъ патріотовъ развелось по всей Германіи достаточное количество, но, въ сущности, это былъ все тотъ же поэтическій культъ личности, героизма, культъ, вполнѣ совпадавшій съ идеалами современной литературной школы—романтизма. Политическое сознаніе не принимало здѣсь никакого участія, и фактъ явился совершенно очевиднымъ, когда на сцену выступилъ герой иноземный и даже враждебный нѣмецкому отечеству.

Ни одна цивилизованная страна не знаетъ въ своемъ прошломъ болѣе страннаго, можно сказать, противоестественнаго нравственнаго явленія, чѣмъ нѣмецкій культъ Наполеона. Даже въ самомъ отсталомъ европейскомъ государствѣ, въ Россіи, французскій императоръ, даже задолго до нашествія двѣнадцатаго года, встрѣтилъ судъ, въ полномъ смыслѣ политическій. Напримѣръ, *Вѣстникъ Европы*, журналъ болѣе чувствительнаго, чѣмъ идейнаго направленія, сумѣлъ все-таки отдать себѣ ясный отчетъ въ нравственномъ и культурномъ смыслѣ личности и власти Бонапарта.

Въ Германіи—ничего подобнаго какъ разъ на самой вершинѣ современной интеллигенціи. Восторженное удивленіе, какое Гёте питалъ къ Наполеону, не только явленіе не исключительное, а даже національное, своего рода мотивъ нѣмецкой поэзіи и мысли. Гёте былъ все-таки поэтъ и могъ увлечься Наполеономъ, какъ эстетикъ, увлечься его необыкновенной сказочной судьбой, его, дѣйствительно, необыкновенной личностью. Но Гегель, напримѣръ, не обладалъ никакими художественными талантами, діалектическій процессъ мысли менѣе всего располагаетъ къ игрѣ воображенія, наконецъ, Гегель, философъ государственнаго права въ его историческомъ развитіи, кажется, все это могло бы изо-

щрить его нѣмецкій взоръ вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить государственный геній Наполеона и культурный смыслъ его завоеваній.

Вмѣсто всякой оцѣнки — лирическое изумленіе. Гегель не можетъ опомниться отъ чрезвычайнаго событія: онъ собственными глазами видѣлъ, какъ черезъ нѣмецкій городъ проѣзжалъ на лошади человѣкъ, настоящая «душа міра», *Weltseele*, съ одной точки, именно съ этой лошади, господствующая надъ вселенной.

Даже жесточайшія мѣры бонапартовскаго самовластія вродѣ казни книгопрадавца Пальма, долго не могли образумить зачарованныхъ нѣмцевъ. Пальмъ былъ казненъ, какъ нѣмецкій патріотъ, но нѣмецкіе чиновники, единомышленные съ Гёте, продолжали молиться на политическую мудрость французскаго императора. Съ точки зрѣнія бюрократіи и канцелярщины, Наполеонъ оказывался не менѣе великимъ, чѣмъ для политически-младенствующаго романтика. Одно изъ любопытнѣйшихъ культурныхъ явленій!

Два, повидимому, непримиримые контраста германской общественной жизни—чиновничья рутина и свободное чистое художество—одинаково легко подчинились менѣе всего національному и ужъ совсѣмъ не патріотическому повѣтрію и ихъ выспреннія чувства предъ деспотическимъ урядникомъ и удачливымъ героемъ не уступили даже естественнымъ ощущеніемъ стыда и горя за униженія родины... Къ счастью, не вся мыслящая Германія состояла изъ вдохновенныхъ олимпійцевъ и канцелярскихъ подвижниковъ. Оказалось не мало людей, почувствовавшихъ нестерпимую личную муку при видѣ поруганій надъ нѣмецкимъ народомъ и это столь простое чувство было источникомъ патріотическаго движенія и политическаго возрожденія Германіи.

Замѣчательнѣйшая черта этого переворота—руководящая роль науки. Германія, превращаясь въ практическую силу, не измѣнила своимъ національнымъ преданіямъ. Во главѣ новой эпохи стала наука, вождями явились не политики, не министры, а профессора и студенты, при чемъ университетское молодое поколѣніе шло впереди своихъ учителей. Современныя событія воспитали молодежь гораздо быстрѣе всякой школы и, можетъ быть, никогда въ теченіе всей нѣмецкой исторіи университеты не знали болѣе зрѣлыхъ и развитыхъ студентовъ, чѣмъ въ первые годы девятнадцатаго вѣка. Изъ среды студенчества выходили волонтеры, наполнявшіе армію. Они сражались въ первыхъ рядахъ за національную свободу, учились быть патріотами и политиками подъ огнемъ французскихъ легіоновъ. Война за независимость создала особую породу людей—мужественную, въ сильной степени мечтательную, но преисполненную восторженной любви къ родинѣ, къ германскому народу и къ его политическому *міровому* будущему.

Да, университетскій отвлеченный идеалистическій духъ вызвалъ именно такое представленіе объ историческомъ назначеніи германской расы. Можно сказать, еще вчера она занимала въ мірѣ одно изъ послѣднихъ мѣстъ: она, политически разрозненная, мѣщански-равнодушная или вдохновенно-простодушная, сегодня она должна стать во главѣ всѣхъ другихъ народовъ и повести ихъ по пути своего необыкновенно глубокаго и разносторонняго культурнаго развитія.

Такія притязанія должны бы казаться смѣшными и именно

*

такая память осталась бы за ними, если бы отважная мечтательность германской молодежи не соединялась съ великой, поистинѣ восторженной убѣжденностью въ правотѣ національныхъ идеаловъ. Это была вѣра въ полномъ смыслѣ слова,—вѣра, каждую минуту готовая на дѣла. Она профессоровъ превращала въ пророковъ, аудиторіи въ церкви, поэзію въ сплошной народный гимнъ, науку въ гражданскій подвигъ. Студенты изучали Тацита не какъ блестящаго писателя древности, а какъ лучшаго бытописателя германскаго народа. Они отряхали пыль вѣковъ съ хартій средневѣковыхъ лѣтописцевъ не ради ученаго объективнаго любопытства, не во имя своеобразнаго древняго стиля и первобытнаго освѣщенія и собиранія фактовъ, а въ цѣляхъ проникновенія въ сущность національныхъ историческихъ силъ, глубокаго изученія народнаго духа и особенно причинъ, помѣшавшихъ его политическому, жизненно-дѣятельному развитію. Исторія стала однимъ изъ самыхъ мощныхъ орудій патріотическаго чувства, снабдила патріотовъ безчисленнымъ множествомъ вдохновляющихъ выводовъ и текстовъ для политической проповѣди.

И новая дѣятельность мысли ученой и философской оказалась до такой степени стремительной, напряженно-чуткой, что она быстро перешла за предѣлы политическихъ идеаловъ и захватила область, еще болѣе глубокую: ей именно предстояло самое широкое поприще въ новомъ государствѣ.

Ученые политики будто невольно, безсознательно становились соціалистами и, попутно мечтая только о политической силѣ своего народа, высказывали идеи, предвѣщавшія будущее величайшее общественное движеніе новой Германіи.

Этимъ идеямъ пока не придавали должнаго значенія ни сами виновники, ни ихъ ученики, и только десятилѣтія спустя соціалъ-демократія должна будетъ въ числѣ своихъ предшественниковъ признать философа Фихте и педагога Песталоцци. Оба они горѣли чистѣйшей любовью къ народу, къ его умственному и матеріальному развитію, видѣли въ немъ основную силу государственнаго благополучія, въ его дарованіяхъ—единственный залогъ политическаго и культурнаго будущаго Германіи. Здѣсь не было систематическаго ученія, похожаго на позднѣйшія соціальныя теоріи, но идея «соціальной педагогики», всю жизнь проповѣдуемая Песталоцци, не могла остаться случайнымъ мимолетнымъ явленіемъ уже потому, что вопросъ объ образованіи и воспитаніи ставился на почву практической любви просвѣщенныхъ къ темнымъ, привилегированныхъ—къ низшимъ.

Въ настоящее время можетъ показаться едва вѣроятнымъ, отчасти даже забавнымъ, съ какой находчивостью и усердіемъ германская молодежь всюду открывала нужную для нея политику. Въ сочиненіяхъ Тацита, столь идеально разрисовавшаго древнихъ германцевъ, вполнѣ естественно было найти пищу патріотической страсти, но Гомеръ, повидимому, совершенно далекъ отъ всякой политики и не его поэмами зачитываться возродителямъ нѣмецкаго отечества въ XIX вѣкѣ.

Но, оказалось, и Гомеръ сослужилъ молодежи большую службу. Греческое возстаніе сообщило *Иліадѣ* современный интересъ, а такъ какъ греки боролись за національную свободу, стремились къ цѣли, общей съ нѣмецкими мечтателями, Гомеръ становился свя-

щеннымъ символомъ національной идеи, и древніе гекзаметры, въ первый разъ на памяти человѣчества, сливались съ глубокимъ политическимъ чувствомъ патріотовъ чужой страны.

Воодушевленіе было велико, идеализмъ часто не зналъ предѣловъ, но нельзя было безслѣдно цѣлому народу прожить вѣка въ политической апатіи и никакая сила не смогла бы надѣлить его, при какихъ угодно самоотверженныхъ чувствахъ, государственными талантами немедленно, лишь только ожили идеалы и заговорилъ патріотизмъ. Увлеченія молодежи, горячія проповѣди профессоровъ, даже солиднѣйшіе историческіе труды ученыхъ не могли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣщанскую, чиновничью страну, подѣленную при томъ между десятками мелкихъ коронованныхъ деспотовъ, превратить въ свободное цѣльное государство. Идеалъ неограниченно возвышался надъ дѣйствительностью и ему неминуемо грозило разочарованіе. И оно повѣяло холоднымъ воздухомъ на пламенныя сердца еще раньше національныхъ германскихъ неудачъ. Еще французская іюльская революція привела въ смущеніе многихъ нѣмцевъ изъ числа самыхъ ученыхъ и просвѣщенныхъ.

Знаменитый историкъ Нибуръ горько оплакивалъ господство политики надъ другими умственными интересами современныхъ поколѣній. Ученому грезилось даже наступленіе варварства. И онъ боялся не за участь чистой учености и аристократическаго искусства, не за распаденіе стараго изящнаго, хотя и тунеяднаго міра, нѣтъ: Нибуръ сѣтовалъ на грядущую, по его мнѣнію, гибель свободныхъ учрежденій, свободы печати, водвореніе мертвящаго произвола.

До такой степени теоретическому, хотя бы и высшему уму казалось ужаснымъ всякое сильное общественное движеніе! Человѣкъ книги и кабинета никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что и «улица», и «толпа» имѣютъ свою долю участія въ исторіи и что она не всегда дѣлается съ помощью тонкаго парламентскаго краснорѣчія и обработанныхъ министерскихъ бумагъ... Ученый нѣмецъ прятался отъ вѣяній новаго демократическаго духа, искавшаго новыхъ формъ политическаго бытія и новыхъ путей культурнаго прогресса.

Но Нибуръ приходилъ въ состояніе оторопи и грусти слишкомъ рано. Въ самой Германіи предстояло разыграться весьма бурнымъ событіямъ, революціи, революціоннымъ собраніямъ и даже революціоннымъ рѣшеніямъ—объединить Германію съ конституціей въ основаніи и съ императоромъ во главѣ. И всюду на первомъ мѣстѣ, дѣйствовали все тѣ же профессора и писатели. Они блистали знаніями, талантами, доброй волей, но у нихъ не было средствъ, привлечь невѣрующихъ къ вѣрѣ и сильныхъ заставить подчиниться: идея не имѣла за собой чисто-матеріальной внушительности. А эта внушительность все еще была необходима тамъ, гдѣ подавляющее большинство народа смотрѣло на объединеніе отечества и на конституціонную свободу, какъ на затѣи людей образованныхъ и ученыхъ, т. е. людей болѣе или менѣе «чужихъ» и непонятныхъ.

Идеалисты потерпѣли пораженіе, но не *идеи*. Такъ безпрестанно происходитъ въ человѣческой исторіи: личности страдаютъ и даже гибнутъ, но именно ихъ-то кровь и прахъ и удобряютъ

почву для ихъ дѣла. А задачи германскихъ мечтателей такъ естественно возникли изъ самой сущности національнаго прогресса, такъ логически отвѣчали всѣмъ доступной потребности, быть политически-сильнымъ народомъ, что вопросъ былъ только во времени осуществленія этихъ задачъ, и оно могло быть ускорено матеріальной властью.

Здѣсь—значеніе Пруссіи въ созданіи новой Германіи и, разумѣется, Бисмарка. Объединеніе провозгласили не профессора, а государи, не послѣ парламентскихъ преній, а въ заключеніе жестокой войны, но основа единой имперіи осталась профессорская, идеалистическая—конституціонная свобода даже со всеобщей подачей голосовъ. Такихъ результатовъ не создаетъ военная слава, напротивъ, сама по себѣ она склонна усилить гнетъ внутри своей страны и окрылить побѣдителей на побѣдительское отношеніе и къ своему отечеству. Профессоры могли гордиться полнымъ возстановленіемъ своей гражданской чести, когда послѣ разочарованій, послѣ періода реакціи, ихъ идеалы оказались торжествующими, конечно, не въ той чистой формѣ, въ какой они являлись умамъ самихъ мечтателей, но сѣтовать было не на что. Побѣду и безъ того слѣдовало считать великой, такъ какъ побѣжденнымъ оказался человѣкъ, громадной воли, фанатически-реакціонныхъ личныхъ сочувствій и только что достигшій предѣла своихъ честолюбивыхъ стремленій. Бисмаркъ, откровенный средневѣковый феодалъ, узаконялъ всеобщую подачу голосовъ: это равнялось французской ночи четвертаго августа, съ одной разницей—и опять въ пользу идеалистовъ. Въ ту знаменитую ночь большую роль игралъ энтузіазмъ, пожалуй даже аффектъ, вызванный революціонной бурей, здѣсь—вольности народа опредѣлялись спокойно, обдуманно, съ несомнѣнной настойчивой мыслью, урѣзать ихъ возможно больше. И все-таки, «молодая Германія» сороковыхъ годовъ могла воскликнуть «нынѣ отпущаеши!» Преобразовательной работы предстояло еще безконечно много, и именно потому, что было положено необыкновенно широкое основаніе и указана высокая цѣль, національному развитію вновь созданнаго политическаго общества.

IV.

Раньше чѣмъ это общество возникло, между идеалистами и практиками легло темное и жестокое десятилѣтіе—пятидесятые годы. Факты всѣмъ извѣстные, потому что постоянно и вездѣ они сопровождаютъ всѣ реакціонные періоды.

Правительства, перепуганныя университетскимъ движеніемъ, раздраженныя рѣчами и книгами профессоровъ, волненіями студентовъ, рѣшились покончить съ такимъ безпокойнымъ просвѣщеніемъ. Способъ, единственный и давно испытанный,—отдать народное образованіе въ распоряженіе духовенства, превратить всѣ школы въ семинаріи. Духовенство уже сумѣетъ сообщить имъ потребный духъ и воспитать новыя поколѣнія въ такихъ умственныхъ и образовательныхъ рамкахъ, что больше никакой философъ и историкъ не найдетъ аудиторіи для своего патріотическаго краснорѣчія.

Духовенство съ радостью откликнулось на призывъ свѣтской

власти, и пятидесятые годы навсегда укоренили въ нѣмецкомъ обществѣ убѣжденіе, что католическая и протестантская церковь, одинаково прирожденные враги политической свободы и независимой философской и гражданской мысли. Это убѣжденіе имѣло очень печальныя послѣдствія. Поверхностнымъ умамъ естественно было отождествить ту или другую церковь вообще съ религіей и на религіозное чувство вообще перенести вину только одного духовенства. Въ результатѣ, вражда противъ церкви переходила во вражду противъ религіи, возникалъ атеизмъ и его философскій руководитель и спутникъ—матеріализмъ.

Слѣдуетъ считать немалой заслугой автора выясненіе истиннаго культурнаго смысла матеріалистическихъ теченій. Если они искренни и послѣдовательны, они безусловно реакціонны, они враждебны не только идейной энергіи общества, но и его научному прогрессу. Они являются обыкновенно какъ симптомъ разочарованія въ идеализмѣ. Матеріалистическій принципъ—логическое отрицаніе творчества нравственныхъ силъ человѣка, приравненіе человѣческой природы къ *фатальному* продукту среды, внѣшнихъ условій. Поэтому матеріалисты въ философіи, если они послѣдовательны, всегда реакціонеры въ политикѣ и фаталисты въ исторіи. Краснорѣчивѣйшій примѣръ—Тэнъ, систематическій и безпощадный уродователь фактовъ и личностей по шаблонамъ матеріалистическаго міросозерцанія.

Нашъ авторъ заслуженно оцѣниваетъ эти шаблоны и доказываетъ, до какой степени они противорѣчатъ простѣйшимъ дѣйствительно научнымъ наблюденіямъ. Естествознаніе явилось самымъ опаснымъ врагомъ матеріализма, и русскимъ читателямъ очень поучительно слышать отъ нѣмца, какое мѣсто занимаютъ въ нѣмецкой *наукѣ* былые авторитеты русской публицистики—Бюхнеръ и Молешоттъ. Ничего не можетъ быть жалче научнаго капитала этихъ мыслителей и трудно представить болѣе несчастную жертву естественно-научной критики, чѣмъ авторъ книги *Сила и матерія*. Особенно жестокій ударъ нанесли ему химическія письма Либиха, доказавъ неотразимыми фактами и логикой школьническій диллетантизмъ матеріалистическихъ вѣроучителей.

Но пятидесятые годы, наслѣдовавшіе разгромъ идеаловъ сорокъ восьмого года, были вполнѣ благопріятны для самаго грубаго фаталистическаго воззрѣнія, вплоть до «каннибоexternalsкаго» взгляда на всю исторію и человѣческую дѣятельность. Идеи—безсильны, безцѣльны, онѣ гибнутъ отъ непреодолимой физической силы, и она, эта сила, и есть единственная властительница людей и государствъ. Человѣкъ не творитъ и не уничтожаетъ, онъ только воспринимаетъ, отражаетъ и является математическимъ итогомъ, чисто физическихъ воздѣйствій на его физическій организмъ. Поэтому неизмѣримо важнѣе знать, какими веществами человѣкъ питается—мясомъ или картофелемъ, чѣмъ справляться, какія идеи ему внушаютъ и о какихъ идеалахъ онъ самъ мечтаетъ. «Человѣкъ только то, что онъ ѣстъ», въ такой совершенно опредѣленной формой выразилась философія исторіи въ періодъ реакціи, произнося соотвѣтственные приговоры надъ цѣлыми народами и ихъ будущимъ.

Матерьялизмъ такъ же быстро утратилъ свое обаяніе, какъ и стяжалъ его. Уже въ шестидесятыхъ годахъ Бюхнера не чи-

тали, въ настоящее время о немъ можно говорить только какъ о рѣдкостномъ симптомѣ печальной безыдейной и безжизненной эпохи. Но отголоски матеріалистическихъ ученій не замолкли въ Германіи до настоящихъ дней и не могли замолкнуть.

Церковь оттолкнула отъ себя всѣ болѣе или менѣе свободныя общественныя силы. Она до такой степени усердствовала на службѣ реакціи, что даже въ народѣ могли отождествить ее со всѣми пережитками умственнаго мрака и политическаго гнета. Впослѣдствіи она измѣнила свою политику, такъ какъ сама попала въ положеніе гонимой, и духовенство—католическое и протестантское—возгорѣлось ревностью къ соціалистическимъ идеямъ. Но до объединенія страны церковь служила правительствамъ и высшимъ сословіямъ противъ народа и свѣтскаго народнаго просвѣщенія. За это время она создала себѣ множество непримиримыхъ враговъ, и они то дали самое большое количество послѣдователей матерьялистическому направленію, точнѣе, отрицательному отношенію къ религіи. Это, конечно, не то что цѣльная матеріалистическая система философіи но во всякомъ случаѣ одинъ изъ ея догматовъ.

Онъ остался въ программѣ новой соціалъ-демократіи при несомнѣнномъ сочувствіи рабочаго класса. Для рабочихъ—оппозиція церкви сливается съ протестомъ противъ вообще стараго привилегированнаго міра, а такъ какъ отдѣлить церковный вопросъ отъ религіозной идеи требуется незаурядная работа мысли,—естественно-противоцерковность рабочихъ нашла самое доступное удовлетвореніе въ матеріалистическомъ воззрѣніи.

Но атеистическая соціалъ-демократія полна дѣятельныхъ стремленій и нравственной силы. Здѣсь она не имѣетъ ничего общаго не только съ практическими выводами бюхнеровскаго ученія, но и съ культурными взглядами самого Карла Маркса. Матеріалистическое возрѣніе на историческій процессъ, т. е. устраненіе идейной *творческой* способности личности, какъ одной изъ главнѣйшихъ силъ прогресса, исключаетъ логическое оправданіе для самодѣятельности, съ какой бы цѣлью она ни проявлялась. А между тѣмъ, соціалъ-демократы безпрестанно мѣняютъ общія культурно-экономическія основы своей партійной программы, т. е. даютъ пароли и лозунги чисто идеальнаго содержанія. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ послѣдователи Лассаля и Маркса находились въ жестокой междуусобной войнѣ: раздѣлялъ ихъ преимущественно принципъ національности, основной въ программѣ Лассаля и непримиримый съ международными задачами Маркса. Въ 1875 году въ Готѣ произошло примиреніе. Рабочее движеніе было признано международнымъ вопросомъ новаго времени, но усвоена и идея Лассаля объ участіи государства въ развитіи рабочихъ ассоціацій. Наконецъ, въ 1891 году, на съѣздѣ въ Эффуртѣ, программа снова была измѣнена: государственная помощь въ организаціи рабочаго класса была отвергнута и нѣкоторые основные принципы экономическаго ученія Лассаля, напримѣръ, желѣзный законъ заработной платы—были объявлены не выдерживающими критики. На смѣну его былъ провозглашенъ другой боевой принципъ: «армія безработныхъ», столь же фатальное явленіе при современномъ экономическомъ строѣ, какимъ Лассалю казался низшій уровень заработной платы.

Все это—*идейное творчество*, и совершается оно съ *творческими* цѣлями, т. е. *идеи* являются вдохновительницами и руководительницами человѣческихъ дѣйствій, распоряжаются фактами и, слѣдовательно, отношеніями. Все это находится въ логическомъ противорѣчіи съ представленіемъ о матеріальныхъ фактахъ, какъ единственныхъ историческихъ дѣятельныхъ силахъ и Марксъ напрасно подчеркивалъ въ свою пользу свое отличіе отъ Гегеля—именно въ ученіи объ *идеальномъ* какъ творческомъ элементѣ въ исторіи. Для самого Маркса только *матеріальное* является такимъ элементомъ. Если бы дѣйствительно такъ было,—его послѣдователямъ, принужденнымъ вести практическую борьбу, не представлялось бы необходимости выставлять тотъ или другой боевой принципъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій общему жизненному смыслу отдѣльныхъ фактовъ. Очевидно,—въ политической должности нѣтъ возможности обойтись безъ *идей-силъ*, обладающихъ творческой вдохновляющей властью независимо отъ фактовъ, имъ противорѣчащихъ. А такіе факты, несомнѣнно, существуютъ, разъ принципы признается цѣлесообразнымъ измѣнять.

Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что матеріалистическая тенденція—самый слабый пунктъ марксистскаго направленія,—и атеизмъ рабочихъ массъ отнюдь не свидѣтельствуетъ о глубинѣ и основательности умственной культуры пролетаріата. Мы, разумѣется, говоримъ объ *источникѣ* соціалистическаго атеизма, а не объ его нравственномъ вліяніи на дѣятельность партіи. Мы видѣли, источникъ менѣе всего логическій, а дѣятельности ничто не мѣшаетъ оставаться благородной и принципіально-убѣжденной, независимо отъ чисто-религіозныхъ воззрѣній дѣятелей. Мы только желаемъ напомнить, насколько, напримѣръ, сенъ-симонизмъ оказался въ культурномъ и психологическомъ отношеніи глубже и разностороннѣе съ его возвышеннымъ представленіемъ о значеніи религіознаго чувства въ исторіи цивилизацій, съ его послѣдовательнымъ, истинно-философскимъ разграниченіемъ вѣроисповѣдныхъ заблужденій и крайностей отъ неистребимой наклонности человѣка создавать себѣ единый нравственный руководящій принципъ. И марксисткое ученіе объ историческомъ процессѣ, несомнѣнно, явилось шагомъ назадъ, болѣе грубымъ и менѣе научнымъ, чѣмъ програмна сенъ-симонистовъ обнять культурно-историческій смыслъ и практической дѣйствительности, и такъ называемой симпатической способности человѣческой природы, т. е. способности творить идеи *внѣ* логической цѣли опытныхъ данныхъ. Соціалъ-демократы, провозглашая попеременно то желѣзный законъ заработной платы, то подмѣняя его другимъ экономическимъ догматомъ, по существу проявляютъ туже симпатичную способность и пользуются идеей, какъ силой высшей сравнительно съ данными фактами, и этотъ пріемъ неизбѣженъ и останется такимъ, пока соціализмъ будетъ практической, разрушительной или созидающей силой. А это значитъ,—*религіозный* элементъ присущъ даже матеріалистическому ученію, разъ только оно переходитъ изъ области теоріи на путь борьбы. И иначе быть не можетъ. Чтобы бороться за идею, надо считать ее символомъ вѣры, догматомъ, наука же догматовъ не знаетъ, за исключеніемъ математическихъ формулъ; это также превосходно

доказала сенъ-симонистская школа. Очевидно, надо подняться надъ простыми фактами, допустить нѣчто недосказанное, помириться съ нѣкоторымъ пробѣломъ и болѣе или менѣе правдоподобное положеніе признать *закономъ*, жизненной правдой, достойной усилій и жертвъ. А это именно и есть вѣра, религія, вдохновеніе, то именно *das Ideelle*, что вызывало столь опрометчивое пренебреженіе со стороны Маркса *). Учитель соціализма лично обнаруживалъ всѣ признаки религіознаго пророка—и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своемъ исключительномъ учительскомъ призваніи, и деспотической заманчивостью чисто-теоретическихъ умозаключеній, и совершенно догматической идеей о сущности историческаго прогресса.

Но сколько бы возраженій ни вызывала у насъ культурная и психологическая концепція марксизма, а ихъ гораздо больше, чѣмъ мы привели, нѣтъ ни малѣйшей возможности отрицать первостепеннаго значенія школы въ концѣ нашего вѣка, можно даже сказать всеобъемлющаго вліянія ея рѣшительно на всѣ политическія партіи и философскія теченія. Содержаніе соціализма до такой степени жизненно, при современныхъ условіяхъ западно-европейской цивилизаціи, что даже непримиримые враги соціалъ-демократіи невольно заимствуютъ у нея ея идеи, ея цѣли и ея способы борьбы.

V.

Еще двадцать лѣтъ назадъ соціализмъ считался въ Германіи явленіемъ совершенно несущественнымъ. Въ этомъ году въ рейхстагъ было выбрано девять соціалистовъ. Циглеръ разсказываетъ, что онъ вздумалъ обратить вниманіе общества на этотъ фактъ и написалъ статью для одной берлинской газеты. Редакція отнеслась къ статьѣ съ полнымъ презрѣніемъ и вмѣсто указаній на опасный симптомъ помѣстила торжественный гимнъ побѣдамъ націоналъ-либераловъ. Ничего легкомысленнѣе нельзя было и представить! Вскорѣ оказалось рѣшительно невозможнымъ закрывать глаза на грядущаго врага, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ соціализмъ сталъ господствующей политической силой во внутренней жизни страны. Всѣ, кто разсчитывалъ дѣйствовать въ кругу современныхъ интересовъ, принужденъ считаться прежде всего съ соціалъ-демократіей, быть или ея врагомъ, или сторонникомъ;

*) Слова Маркса въ предисловіи ко 2-му изд. Капитала: «Meine diallectische Methode ist der Grundlage nach von der Hegelschen nicht nur verschieden, sondern ihr directes Gegentheil. Für Hegel ist der Denkprocess, dener sogar unter dem Namen Idee in ein selbständiges sobject verwandelt, der Demiurg des Wirklichen, das nur seine äussere Erscheinung bildet. Bei mir ist umgekehrt das Ideelle nichts andres als das im Menschenkopf ungesetzte und überzetste Materielle».—(*Das Kapital.* Hamburg 1883, XIX).—Идея, разумѣется, не *деміургъ дѣйствительности*, какъ представлялъ Гегель,—но она въ то же время далеко не всегда только ея точный *переводъ* и рабскій отпечатокъ; она не создаетъ дѣйствительности изъ ничего, но и то, что мы называемъ *идеаломъ* и что имѣетъ весьма существенное, вполнѣ *дѣйствительное* значеніе въ процессѣ исторической жизни, не является фактомъ, во всѣхъ подробностяхъ *заимствованнымъ* изъ міра данной дѣйствительности. Вопросъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшается многочисленными примѣрами идейной *революціонной* борьбы, отражавшейся къ осуществленію того или другого идеала, для данной эпохи независимаго и *творческаго*.

равнодушіе немыслимо, оно означало бы политическую смерть дѣятеля.

И въ самомъ дѣлѣ, нельзя назвать ни одной партіи въ современномъ германскомъ рейхстагѣ, такъ или иначе не связавшей своихъ задачъ съ соціализмомъ; серьезнѣйшимъ врагомъ соціалъ-демократіи съ самаго начала былъ и остался до послѣднихъ дней либерализмъ. Несомнѣнно, у обоихъ направленій часто оказывались нѣкоторыя общія цѣли, напримѣръ, конституціонныя вольности, но на экономической почвѣ либералъ и соціалистъ понимали другъ друга гораздо меньше, чѣмъ даже юнкеръ и соціалистъ. И не только на экономической. Среднее либеральное сословіе даже въ революціонный сорокъ восьмой годъ и слышать не хотѣло о всеобщей подачѣ голосовъ. Принципъ ценза искони былъ задушевнѣйшей мечтой мѣщанскаго чисто-политическаго либерализма, т. е. капиталистическій феодализмъ считалъ себя вполнѣ естественнымъ преемникомъ аристократическаго крѣпостничества и изобрѣлъ даже *свободную* формулу для узаконенія *рабства*, формулу свободной конкурренціи, знаменитое laissez aller laissez faire.

Очевидно, только что народившійся соціализмъ долженъ былъ вступить въ грозную междоусобицу съ либерализмомъ, душившимъ пролетаріатъ по всѣмъ правиламъ конституціонной свободы. Лассаль первый объявилъ безпощадную войну при восторженныхъ привѣтствіяхъ консерваторовъ. Онъ провозгласилъ манчестерцевъ, т. е. либеральныхъ защитниковъ свободныхъ экономическихъ отношеній, «новыми варварами», потребовалъ энергическаго вмѣшательства государства въ участь бѣдняковъ, основанія промышленныхъ ассоціацій съ помощю казны, увидѣлъ даже въ Бисмаркѣ спасителя цивилизаціи, въ Пруссіи открылъ «огонь Весты», долженствующій озарить народу новые пути къ благоденствію. Бисмаркъ понялъ національный пылъ Лассаля, его государственный даже прусскій фанатизмъ, сошелся съ нимъ на идеѣ о всеобщей и тайной подачѣ голосовъ, и уже этого факта достаточно, чтобы агитація Лассаля осталась великимъ культурнымъ фактомъ въ исторіи современной Германіи.

Основныя общія идеи Лассаля отвергнуты современной соціалъ-демократіей: Она не признаетъ желѣзнаго закона заработной платы, не возлагаетъ своихъ надеждъ на современное государство, рабочее движеніе для нея — вопросъ не національный, а международный, и послѣдователи Маркса, особенно за предѣлами Германіи, напримѣръ, во Франціи, нерѣдко весьма снисходительно отзываются о политическихъ талантахъ Лассаля, не стѣсняются даже видѣть въ немъ нѣчто вродѣ бонапартиста, агитатора на подкладкѣ плебисцита и единоличной диктатуры. Если принять во вниманія прусскія и бисмарковскія увлеченія Лассаля, взглядъ этотъ не лишенъ основанія: Лассаль былъ скорѣе романтикомъ соціализма, чѣмъ его государственнымъ умомъ и несомнѣнно увлекался эффектомъ своей трибунской роли гораздо больше чѣмъ всестороннимъ изученіемъ принциповъ и цѣлей соціалистическаго движенія. Марксъ, въ смыслѣ солидности мысли и обилія свѣдѣній, величина для Лассаля недосягаемая, но это не мѣшаетъ современнымъ нѣмецкивъ рабочимъ чтить память Лассаля, какъ увлекательнѣйшаго возбудителя политическаго самосознанія въ народныхъ массахъ. Въ Германіи на равныхъ

правахъ празднуются два праздника—Маркса и Лассаля: это своего рода національныя торжества рабочей партіи, и въ процессіяхъ перваго мая иниціалы *F. L.* (Ferdinand Lassalle) красуются въ первомъ ряду соціалистическихъ символовъ.

Соціалъ-демократія отпала отъ гогенцоллернской имперіи и организовала собственное государство, съ громадными средствами, съ образцовымъ порядкомъ внутренняго управленія, съ дисциплиной, какой могла бы позавидовать какая угодна самая законная держава. Результаты не замедлили обнаружиться блистательно. Партія растетъ и крѣпнетъ параллельно съ экономическимъ ростомъ всей страны. На консервативный взглядъ—это совершенно фатальный фактъ. Германская промышленность и торговля уступаютъ въ настоящее время только англійской,—явленіе безпримѣрное въ исторіи! Еще на всемірной парижской выставкѣ въ 1855 году Германія не играла никакой роли, какъ міровая торговая держава. У нея не было флота, не было колоній, не было товаровъ для вывоза. Не прошло и полвѣка, Германія начинаетъ вытѣснять Англію и Францію съ ихъ исконныхъ рынковъ и французская печать еще энергичнѣе взываетъ объ экономической борьбѣ съ зарейнскомъ врагомъ, чѣмъ тоскуетъ о реваншѣ. Эльзасъ-Лоторингія все больше, повидимому, отходитъ въ область политическихъ несбыточныхъ сновъ, но коммерческое тріумфальное шествіе Германіи по всему земному шару, самая грозная и неопровержимая дѣйствительность *).

И это шествіе влечетъ за собой еще болѣе грозный призракъ—соціализма. Партія съ каждыми выборами торжествуетъ новые побѣды и даже нашъ либеральный авторъ сознается, что теперь рѣшительно всякій законопроектъ необходимо вырабатывать въ зависимости отъ взглядовъ и настроеній Либкнехта, Бебеля и ихъ арміи.

Такое положеніе вещей произвело громадное дѣйствіе на всѣ партіи. Прежде всего постигла жалкая участь принципіальныхъ враговъ соціализма—національ-либераловъ. Они оказали Бисмарку неоцѣненную помощь въ періодъ исключительныхъ законовъ, составляли его вѣрнѣйшую свиту въ преслѣдованіи соціалъ-демократіи. Эта политика явилась смертнымъ ударомъ для либерализма. Онъ утратилъ всякое довѣріе народа, потерялъ даже ореолъ свободомыслія и независимости и развѣ только одна національная идея осталась живымъ мѣстомъ въ либеральномъ организмѣ. Все политически сильное и идейное отрясло прахъ отъ этой партіи и усвоило или болѣе родикальныя идеи, или открыто приняло соціалистическую окраску.

До какой степени сильна притягательная сила соціализма, показываетъ любопытнѣйшее явленіе конца нашего вѣка, соціализмъ церкви. Духовенство отлично поняло, что время его традиціоннаго профессіональнаго вліянія на массу миновало безвозвратно. Чтобы сохранить уваженіе «стада», необходимо войти въ его жизненные интересы, понять его идеалы и, по возможности, стать во главѣ его стремленій.

А эти идеалы—политическое равноправіе и экономическая

---

*) Ср. Raphaël-Georges Lévy. *Le commerce allemand.* «Révue des deux mondes», 15 avril 1898.

справедливость, приходится, слѣдовательно, вкусить соціалистическихъ идей и христіанскую общину счесть за прообразъ рабочей ассоціаціи. Именно такими идеями вдохновляется современное германское духовенство, одинаково усердно котолическое и протестантское.

Принципіальныхъ препятствій на новомъ пути духовенство не могло встрѣтить даже въ своихъ преданіяхъ. Въ самомъ евангеліи бѣдности отведено въ высшей степени почетное мѣсто, богатство, напротивъ, признано даже препятствіемъ къ нравственному совершенствованію. Христіанство, долгое время удовлявшее преимущественно души бѣдныхъ, впослѣдствіи стало также религіей богатыхъ, но при всякой попыткѣ вѣрующихъ преобразовать церковь, на поверхность выплывали соціалистическія тенденціи, напримѣръ, въ средневѣковыхъ коммунистическихъ сектахъ, въ народномъ движеніи при лютеровской реформаціи. Изъ этихъ фактовъ, очевидно, до какой степени безразсудны нападки слишкомъ горячихъ соціалъ-демократовъ на христіанство, какъ религію; на это недоразумѣніе указывалъ даже Либкнехтъ. Естественно, наиболѣе талантливое и искреннее духовенство безъ всякихъ насилій надъ своей совѣстью и задачами своего сана, пристало къ соціализму. Предъ ними были давно готовые послѣдователи, именно сельское духовенство, отпугиваемое матерьялистическими идеями соціалъ-демократіи. Въ 1877 году центръ впервые выставилъ соціальную программу, началъ организовать рабочіе союзы и вести энергичную борьбу со свѣтскимъ соціализмомъ.

Къ сожалѣнію, духовенство не всегда оказалось способнымъ отрѣшиться отъ истинъ весьма сомнительнаго культурнаго достоинства.

Напримѣръ, среди духовныхъ соціалистовъ прежде всѣхъ припоминается пасторъ Штёкеръ, несомнѣнно талантливый ораторъ, искусный политикъ и смѣлый дѣлецъ. Шуму пасторъ вызвалъ чрезвычайно много, основалъ особую христіанско-соціальную рабочую партію, его привѣтствовали стихами и прозой, какъ спасителя Германіи. И Штёкеръ дѣйствительно объявилъ войну соціалъ-демократіи, какъ партіи нехристіанской и непатріотической. Въ извѣстномъ смыслѣ опредѣленія были справедливы, но христіанство и патріотизмъ самого Штёкера обнаружили въ высшей степени крѣпкій средневѣковый духъ. Христіанство вдохновило его на антисемитизмъ, а патріотизмъ внушилъ поистинѣ придворныя чувства къ прусскому королю, предъ чьей особой Штёкеръ имѣлъ честь произносить церковныя проповѣди.

Такое представленіе объ евангеліи и любви къ отечеству оттолкнуло отъ Штёкера молодое духовное поколѣніе и среди него возникло новое соціалистическое направленіе.

Во главѣ сталъ пасторъ Науманъ, личность великой нравственной силы, глубокаго гуманнаго чувства и выдающагося ума. Онъ отринулъ антисемитическій жаръ и слишкомъ услужливый консерватизмъ Штёкера; въ его ученіи христіанство явилось простымъ нравственнымъ ученіемъ, патріотизмъ—національнымъ сознаніемъ. Послѣдній пунктъ самый существенный.

Науманъ мужественно борется противъ капиталистическаго либерализма, противъ эксплуатаціи и патріотическаго выжиманія

соковъ изъ низшихъ слоевъ народа; здѣсь онъ—единомышленникъ соціалъ демократіи, и баронъ Штуммъ, заводчикъ и прусскій патріотъ, считаетъ Наумана не менѣе неблагонадежнымъ, чѣмъ Бебеля. Но трудно въ современной Германіи работать во имя гуманныхъ идеаловъ и экономическаго благополучія рабочихъ и въ то же время сохранить патріотическія чувства хотя бы даже въ самой культурной формѣ.

Быть патріотомъ объединенной имперіи, значитъ ежегодно вотировать все новые кредиты на флотъ и армію, готовиться къ міровой войнѣ—во славу нѣмецкаго оружія и за торжество нѣмецкой коммерціи. Таково неотъемлемое содержаніе новѣйшаго нѣмецкаго націонализма, и легко представить, какъ трудно усвоить его рабочимъ, вообще народу.

И у Наумана нѣтъ многочисленныхъ послѣдователей среди пролетаріата. Въ 1898 году его партія, «націоналъ-соціалисты», собрала всего 23,000 голосовъ и не провела въ рейхстагъ ни одного своего кандидата. Но идеи Наумана, несмотря на столь скромные результаты, имѣютъ очень большое значеніе. Его сторонники принадлежатъ къ интеллигенціи, наиболѣе культурной, и она-то рабочую партію, т. е. соціалъ-демократовъ считаетъ родственной себѣ: единеніе между народомъ и образованнымъ слоемъ выигрываетъ лишній шагъ. Мы видимъ, церковь рѣшительно идетъ навстрѣчу соціальному духу времени. Энциклика папы отъ 15 мая 1891 года торжественно признала этотъ духъ господствующимъ. Папа не обнаружилъ истиннаго пониманія новѣйшихъ соціальныхъ задачъ: онъ попытался возобновить старое средство примиренія капитала съ трудомъ, именно проповѣдь одной сторонѣ милосердія, другой—терпѣнія. Энциклика на этотъ счетъ опоздала по крайней мѣрѣ на нѣсколько вѣковъ, но цѣль ея вполнѣ современна, именно открытая постановка соціальнаго вопроса. Не отстало отъ католичества и протестанство. Годомъ раньше папской энциклики высшій евангелическій церковный совѣтъ въ Берлинѣ издалъ циркуляръ, пригласившій духовенство принять участіе въ современной соціальной работѣ.

Циркуляръ привелъ въ ужасъ «короля Штумма», юнкеровъ и аграріевъ, и пять лѣтъ спустя тотъ же совѣтъ выпустилъ циркуляръ совершенно противоположнаго содержанія: теперь онъ предостерегалъ духовенство отъ вмѣшательства въ соціальную борьбу, способную скомпрометировать санъ священника и повредить его высокимъ обязанностямъ.

Столь непримиримыя дѣйствія протестантской церкви стóятъ наивностей папской энциклики, и всѣ они показываютъ, какъ мало современное европейское христіанство приспособлено къ рѣшенію соціальныхъ задачъ. Но для насъ поучительны самыя усилія церкви войти въ соціалистическое теченіе идей, убѣжденіе духовенства, что только такимъ путемъ можно спасти нравственный авторитетъ и католичества, и протестанства.

Несравненно болѣе глубокій и искренній интересъ къ соціализму обнаружила германская наука. Уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ она повела борьбу съ классической системой политической экономіи, установила историческій методъ изученія экономическихъ явленій и проложила пути соціалистической теоріи. Это не была политическая агитація, профессора, напротивъ, до

послѣдняго времени усердно открещивались отъ дѣятельности, сколько-нибудь похожей на шумную предпріимчивость Лассаля или даже на пророческій догматизмъ Маркса; они только желали «свѣтомъ науки освѣтить пути жизни» и среди страстной повседневной практической борьбѣ заговорить голосомъ разума, безпристрастія и знанія.

Именно такъ изображалъ соціальныя задачи профессоровъ Шмоллеръ. Время требовало болѣе опредѣленнаго и практически-настойчиваго дѣла, но и профессорскія изслѣдованія различныхъ отраслей промышленности, положенія рабочихъ, историческое освѣщеніе экономическихъ явленій—все это, несомнѣнно служило цѣлямъ настоящаго и соціалъ-демократія могла только привѣтствовать подобные научные труды. Наконецъ, ученые представители соціальной политики не всегда ограничивались объективной исторіей, она подсказывала профессорамъ чисто-практическія цѣли, нравственная сторона экономическихъ вопросовъ неизбѣжно выступала изъ-за чисто-научнаго изслѣдованія, и тотъ же Шмоллеръ явился горячимъ сторонникомъ реформъ въ народномъ образованіи, требовалъ неустаннаго подъема знаній и способностей низшихъ классовъ.

Соціалъ-демократы могутъ подчасъ весьма зло отзываться объ университетскомъ соціализмѣ и, разумѣется, шмоллеровскіе просвѣтительные планы своего рода идиллія предъ программой Бебеля и Либкнехта, но существенно неопровержимое проникновеніе соціалистическаго духа въ науку, на каѳедру, въ школьное преподаваніе. Время, несомнѣнно внесетъ свои поправки въ профессорскіе идеалы; за періодомъ историческихъ изысканій могутъ послѣдовать весьма положительныя предписанія; 2.100.000 голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ соціалъ-демократіи на послѣднихъ выборахъ въ 1898 году, слишкомъ знаменательное явленіе, чтобы обильная талантами германская наука не восприняла логическихъ послѣдствій и еще энергичнѣе не внесла болѣе рѣшительнаго свѣта и разума въ неограниченно-властные вопросы современной внутренней политики.

Такой свѣтъ требуется безусловно, и именно со стороны науки. Соціальный вопросъ переживаетъ драматическій періодъ развитія. Соціализмъ быстро развивается, но рядомъ растутъ другія силы и идеи, ему враждебныя или, по крайней мѣрѣ, въ культурномъ отношеніи ему совершенно чуждыя, и не только ему, а вообще всему господствующему направленію современной цивилизаціи, гуманному и демократическому.

VI.

Прежде всего касательно гуманности: девятнадцатый вѣкъ завѣщаетъ будущему въ высшей степени странное идейное теченіе *антисемитизмъ*. Средніе вѣка въ своей ненависти противъ евреевъ дѣйствовали послѣдовательно. Религіозное чувство презрѣнія къ «проклятому народу» совпадало съ озлобленіемъ массы на экономическіе таланты и успѣхи еврейскаго племени. Средневѣковый человѣкъ зналъ одно оружіе борьбы—матеріальную силу и естественно пускалъ ее въ ходъ при рѣшеніи какихъ угодно практическихъ и нравственныхъ вопросовъ. За ереси онъ жегъ на

кострахъ своихъ же братьевъ-христіанъ, избивалъ при случаѣ и евреевъ, и мавровъ. Но все это преданія темной и невозвратной старины. Культура должна бы выработать другія средства рѣшать общественные вопросы. Въ ея распоряженіи наука, свободныя учрежденія, громадная сила печати. И несмотря на все это—*антисемитизмъ*, т. е. война племенная и ожесточенная, т. е. война противъ людей не за преступленія и пороки, завѣдомо совершенные и обнаруженные, а за принадлежность къ извѣстной національности, война изъ-за происхожденія, изъ-за ихъ крови, своего рода библейская кара за грѣхи отцовъ и прадѣдовъ.

И что особенно замѣчательно, антисемитизмъ не мѣстное явленіе, а общеевропейское. Парламенты Франціи, Германіи, Австріи имѣютъ особые партіи антисемитовъ, ненависть противъ евреевъ, не настроеніе, не личное чувство, а политическій принципъ, способный объединить сотни тысячъ избирателей, несомнѣнно въ большомъ числѣ образованныхъ и даже просвѣщенныхъ. И среди антисемитовъ встрѣчаются имена блестящихъ первостепенныхъ ученыхъ различной политической окраски.

Если Трейчке антисемитъ, это не дѣлаетъ большой чести антесемитской партіи. Правда, историкъ отличался талантливостью, выдающимся даромъ словъ, принципіальностью и силой убѣжденій, но былъ ужъ слишкомъ прусскимъ патріотомъ и націоналистомъ въ бисмарковскомъ смыслѣ, чтобы отъ него можно было ожидать гуманности и умѣренности. Но рядомъ съ Трейгке] пламенный антисемитъ Дюрингъ, еще болѣе даровитый, мужественный гражданинъ, по убѣжденіямъ крайній либералъ и позитивистъ. Очевидно, въ антисемитизмѣ не одно только прусское національное и политическое мракобѣсіе, и на выборахъ 1898 года антисемиты провели въ рейхстагъ двѣнадцать своихъ кандидатовъ, за нихъ подано 244.000 голосовъ. Если принять во вниманіе очень высокій уровень культуры нѣмецкаго народа, тайную и всеобщую подачу голосовъ, фактъ предстанетъ предъ нами во всемъ своемъ значеніи—печальномъ и на столько же, пожалуй, загадочномъ.

Нашъ авторъ, къ сожалѣнію, уклоняется отъ объясненій. Онъ искренне негодуетъ на «великій стыдъ» антисемитизма: партія противорѣчитъ идеямъ терпимости и справедливости. Сѣтованія эти по меньшей мѣрѣ наивны. Такіе люди, какъ Дюрингъ не хуже Циглера понимаютъ идею справедливости, и тѣмъ не менѣе считаютъ безусловно культурной задачей новаго времени борьбу съ іудействомъ. Дюрингъ въ устраненіи еврейскихъ вліяній на политику и экономическую жизнь нѣмецкаго народа видитъ спасеніе достоинства и силы Германіи, не грубой національно-прусской, а именно нравственной и культурной. То же самое думаютъ и по ту сторону Рейна, французскіе умѣреннѣйшіе ученые и публицисты, объявляя еврейскій элементъ «разлагающимъ».

Справедливо-ли это? Несомнѣнно,—въ устахъ Трейчке и Дрюмона антисиметическія выходки могутъ и не производить рѣшительнаго впечатлѣнія, но антисиметизмъ вовсе не означаетъ непремѣнно шовинистской узости взглядовъ и не характеризуетъ неизлѣчимыхъ маньяковъ націонализма и какого-бы то ни было правовѣрія. Самъ авторъ это сознаетъ. Онъ мимоходомъ упоми-

наетъ о періодѣ грюндерства, слѣдовавшемъ послѣ франко-прусской войны. Это была настоящая безумная пляска у золотого тельца, разнузданное царство дутаго предпринимательства, биржевого ажіотажа, банковскихъ афферъ. Печать принимала горячее участіе въ общемъ позорѣ. Французскіе милліарды легли проклятіемъ на совѣсть и честь нѣмецкаго народа. Евреи играли видную рѣчь въ предпринимательской горячкѣ. Особенно еврейская печать въ Берлинѣ ознаменовала себя незабвенными подвигами, и съ этихъ поръ въ столицѣ германской имперіи антисемитизмъ свилъ прочное гнѣздо.

Не можетъ быть, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія, что отъ евреевъ не отставали и кровные нѣмцы, но биржа и печать дѣйствительно вдохновлялись преимущественно редакторами-евреями. Этотъ фактъ признаетъ и нашъ авторъ и на этомъ же фактѣ развился впервые университетскій антисемитизмъ, чрезвычайно сильный въ Германіи. Студенты оказались болѣе убѣжденными врагами еврейскаго биржевого и журнальнаго міра, чѣмъ рабочіе и вообще простой народъ. Трейчке встрѣтилъ страстный отголосокъ среди своихъ университетскихъ слушателей и надо думать,— именно ихъ отзывчивость увлекла самого оратора за предѣлы даже здраваго смысла.

Сначала Трейчке нападалъ только на дѣйствительно безпринципное растлѣвающее вліяніе еврейской журналистики, потомъ онъ сталъ издѣваться даже надъ расовымъ еврейскимъ типомъ, надъ еврейскими носами, надъ тембромъ еврейскаго голоса. Профессоръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не сознавать цѣны подобныхъ нападокъ, и онъ открыто признавалъ увлеченіе въ своихъ антисемитическихъ чувствахъ,—приписывая его только не своей винѣ, а излишней терпимости и близорукости либераловъ.

Легко понять,—такой азартъ не могъ служить къ чести партіи и антисемитизмъ безпрестанно самъ себѣ наносилъ и наноситъ сильнѣйшіе удары, покидая почву политики и морали и переходя въ область чисто племенной или даже вѣроисповѣдной нетерпимости. Въ этомъ *обобщеніи* таится недужная сторона антисемитизма, но она не мѣшаетъ направленію быть культурнымъ и экономическимъ симптомомъ нашего времени. Надо помнить,— въ Германіи на 52 милліона нѣмцевъ всего 600,000 евреевъ; эти нѣмцы въ общемъ отлично вооружены противъ эксплуатаціи и авантюризма,—они представляютъ культурнѣйшій народъ Европы, —и все это не подрываетъ антисемитическаго движенія. По мнѣнію автора, оно должно прекратиться съ полнымъ перерожденіемъ евреевъ въ культурныхъ нѣмцевъ: это перерожденіе,—говоритъ онъ,—уже началось наканунѣ взрыва антисемитическихъ страстей, и авторъ онѣмечившихся евреевъ считаетъ «образованнѣйшими и благороднѣйшими представителями еврейства».

Рѣшеніе цѣлесообразное, но возможное ли? Въ состояніи ли цѣлая нація—и одна изъ самыхъ старыхъ—утратить безслѣдно свою національную самобытность и слиться психологически съ другой націей, даже не одной съ ней расы? Желательно ли самимъ евреямъ такое разрѣшеніе борьбы? Мыслимо ли представить народъ, способный желать какое бы ни было благополучіе купить цѣной своей національности,—*ganz deutsch zu werden*, какъ выражается профессоръ Циглеръ? «Стать совершенно нѣмцами»,—

ждать этого отъ евреевъ не значитъ защищать ихъ отъ антисемитической ненависти и менѣе всего оправдывать ихъ, такъ какъ логическое заключеніе на основаніи этой надежды только одно: значитъ, евреи сами по себѣ дѣйствительно непригодный общественный элементъ, они должны перестать быть евреями, и даже чувствовать поеврейски—ихъ долгъ—*deutsch* zu fühlen. Только въ такомъ случаѣ ихъ можно терпѣть въ благоустроенномъ культурномъ государствѣ.

Врядъ ли сами евреи согласятся съ такой защитой своихъ нѣмецкихъ чувствъ и правъ нѣмецкаго гражданства. Борьба должна имѣть другой исходъ, какой именно, трудно предсказать. Во всякомъ случаѣ съ теченіемъ времени она утратитъ средневѣковый духъ, перестанетъ быть племенной, но чтобы вполнѣ исчезнуть—ей требуется нѣчто другое помимо гуманныхъ проповѣдей и либеральныхъ негодованій. Вопросъ связанъ не съ отвлеченными правилами любви и нравственности, а съ основами экономической народной жизни, и долженъ быть разрѣшенъ вполнѣ практически, безъ всякаго трогательнаго краснорѣчія, силой фактовъ и отношеній. Слѣдовательно, и здѣсь открывается путь соціальныхъ реформъ, и антисемитическая смута цѣликомъ входитъ въ програму соціалъ демократическихъ воздѣйствій на общественный строй.

Итакъ, всюду и во всемъ повелительный голосъ партіи, существующей всего нѣсколько десятковъ лѣтъ и уже могущественно вліяющей на государственный и общественный прогрессъ. Естественно возникаетъ вопросъ: во имя какихъ же принциповъ осуществляется это вліяніе, т. е. существуетъ ли у соціало-демократіи совершенно опредѣленный идеалъ будущаго строя, какой долженъ возникнуть на смѣну существующему.

Бисмаркъ до конца остался при убѣжденіи, что такого идеала у соціализма не имѣется. Программа его—чисто отрицательная, сплошная критика и ни малѣйшаго творчества.

Такой взглядъ слишкомъ рѣшителенъ, но правда въ немъ есть. Отрицательный пунктъ соціалистической программы—уничтоженіе частной собственности, но созданіе государственной и общественной—несомнѣнно положительное требованіе. За предѣлами его только нѣтъ такого тона ни новаго государства, ни новаго общества, начинается царство мечтаній и утопій, напримѣръ, въ извѣстной книгѣ Бебеля *Женщина и соціализмъ*. Перспективы, чрезвычайно отрадныя, уже безчисленное число разъ возникавшія въ человѣческихъ умахъ, истомленныхъ тяготой и неправдой современности, но, очевидно, мало реальныя и трудно осуществимыя. И самъ Бебель признаетъ слишкомъ общій характеръ своихъ предположеній: по его мнѣнію, ни одинъ человѣкъ въ настоящее время не въ состояніи предвидѣть, какъ устроятся будущія поколѣнія и какъ они будутъ удовлетворять свои потребности. Другіе прямо заявляютъ, что соціалъ-демократія не сокрушается о конечныхъ цѣляхъ,—она должна разсчитаться сначала съ ближайшими повседневными препятствіями, ихъ вполнѣ достаточно для самой напряженной энергіи и высшаго политическаго таланта. А загадывать объ отдаленномъ будущемъ значитъ погружаться въ безцѣльную утопическую мечтательность. *Экспропріація орудій производства* цѣль вполнѣ положительная и достаточно объемлющая для многихъ еще поколѣній.

Но на такомъ отвѣтѣ не всѣ способны помириться, даже въ средѣ самой соціалъ-демократіи, и на съѣздахъ партіи неоднократно поднимался вопросъ о «конечной цѣли» объ *Endziel* соціалистической работы. И вполнѣ понятно. Эта цѣль можетъ сообщить громадную нравственную силу, истинное вдохновеніе практической дѣятельности и она же обладаетъ великой властью привлекать новыхъ послѣдователей и работниковъ. Если ея нѣтъ или она скрывается въ непроницаемомъ туманѣ, все направленіе колеблется въ своей авторитетности, оно является лишеннымъ идеальной цѣльности, своего рода оппуртюнизмомъ. Это превосходно поняли противники соціализма политическіе и идейные, и Бисмаркъ не уставалъ уличать соціалъ-демократовъ въ безсиліи выставить какой-либо положительный идеалъ своихъ стремленій.

Но улики Бисмарка явно принадлежали врагу, преднамѣренному и озлобленному. Соціализмъ встрѣтилъ критику съ другой стороны, не политической, и критику въ высшей степени краснорѣчивую: она одинъ изъ самыхъ яркихъ культурныхъ симптомовъ конца вѣка.

Критика эта—возрожденіе индивидуализма.

Соціалисты—принципіальные защитники массы, толпы, уравнительныхъ тенденцій историческаго развитія. Для нихъ—личность только часть цѣлаго, и ея назначеніе служить общей работѣ, быть *сотрудницей*, она—атомъ общественнаго организма и живетъ только его жизнью и для его развитія. Всякая дѣятельность кооперативна, и всякая цѣль—долгъ службы ради коопераціи. Будущее общество съ этой точки зрѣнія должно рисоваться въ формѣ фабрики и общей столовой, вообще учрежденія нивеллирующаго; оно исключаетъ какую бы то ни было преобладающую роль личности, всякое *я* приводитъ къ одному знаменателю и вгоняетъ въ общія стадныя рамки.

Могъ ли инстинктъ индивидуальности, развивающійся въ теченіе всей исторіи человѣчества, безропотно отказаться отъ своихъ правъ въ пользу столь плебейскаго, принижающаго идеала безличной толпы?

И онъ заговорилъ чрезвычайно рѣзко и даже злобно.

Онъ возсталъ противъ матеріалистическихъ принциповъ соціализма, поставившаго на первомъ планѣ культурныхъ стремленій усовершенствованіе экономическихъ отношеній; онъ вознегодовалъ на планъ общей столовой и рабочей, гдѣ нѣтъ мѣста идеальному, оригинальному, лично-вдохновенному и героическому, онъ почувствовалъ смертный страхъ предъ грядущимъ измельчаніемъ человѣческой природы, предъ исчезновеніемъ всего самобытнаго, лично-сильнаго, романтически-прекраснаго. Какая удручающая проза—фабричная казарма, населенная безличными хотя и разумными рабочими единицами, вся поглощенная идеей взаимныхъ обязательствъ и услугъ, и все это ради сытости и мѣщанскаго благополучія!

И личность возстала! Тотъ же Трейчке яростно напалъ на соціалистическую нивеллировку общества, но въ нападеніяхъ историка, какъ и въ его идеалахъ, оказалось слишкомъ много *историческаго* аристократизма, даже проповѣдь о неизбѣжности работы ничтожныхъ плебеевъ ради избранныхъ двигателей прогресса. Это недалеко отъ античнаго представленія о прирожденныхъ рабахъ

и благородныхъ, о фатально-унизительномъ и растлѣвающемъ вліяніи физическаго труда на человѣческую душу. Трейчке и дошелъ до провозглашенія закона: господство классовъ основано на законахъ природы, идеальными благами цивилизаціи можетъ наслаждаться только меньшинство, а большинство должно работать ради тѣхъ благъ въ потѣ своего лица, слѣдовательно, существованіе необразованнаго рабочаго класса необходимо въ интересахъ самой культуры.

Шмоллеръ превосходно разбилъ эту идеологію и безъ особеннаго труда: она слишкомъ явно вдохновлялась прусскими юнкерскими и вообще реакціонными вожделѣніями, при всей своей притязательности имѣющими значеніе только курьезнаго образчика атавизма.

Несравненно любопытнѣе протестъ въ защиту индивидуализма со стороны философіи, въ лицѣ Нитче. Но и здѣсь вѣетъ все тотъ же атавистическій духъ, хотя и болѣе благородный, даже поэтическій. Нитче, какъ эстетику и поэту, больно, нестерпимо больно, видѣть исчезновеніе изъ современной жизни личнаго героическаго размаха, индивидуальной своеобразной красоты, мощнаго картиннаго величія генія, дѣйствующаго внѣ общепризнанной повседневной морали, причиняющаго нерѣдко много зла людямъ мелкимъ и слабымъ, но сторицею искупающаго это зло величавымъ полетомъ воображенія, мысли и практики, слѣдовательно, прославляющаго вообще силу и богатство человѣческой природы. И Нитче долженъ былъ подобныхъ героевъ отыскивать въ прошломъ, особенно въ эпохѣ Возрожденія, когда царствовало столько художественной красоты и столько личнаго героизма—деспотическаго, безнравственнаго, но грандіознаго и несомнѣнно оригинальнаго. И протестъ философа эстетика противъ современной стадности постепенно поднялся на головокружительную высоту, гдѣ предъ глазами мыслителя исчезло всякое реальное представленіе о реальномъ человѣкѣ, гдѣ предъ болѣзненно огорченнымъ и страстно-возбужденнымъ воображеніемъ выросъ образъ *сверхъ-человѣка*, чуждаго именно тѣхъ человѣческихъ свойствъ, какія благопріятствуютъ существованію слабыхъ и безличныхъ, сострадапія и приспособленія. И Нитче возсталъ противъ христіанства, какъ проповѣди любви и жалости, возсталъ и противъ всякаго общественнаго уклада, какъ тюрьмы для избранныхъ личностей, возсталъ въ сущности противъ исторіи и цивилизаціи, какъ путей къ осуществленію возможно болѣе широкаго просвѣщенія и гуманности.

Это страдальческая философія, не идеи, созданныя логически, въ спокойномъ вдумчивомъ анализѣ; это крикъ пораженнаго чувства, судорога художественной натуры, почувствовавшей чисто-физическую боль. И Нитче не вынесъ своей муки: онъ заплатилъ за свою исповѣдь противъ духа времени безпросвѣтнымъ безуміемъ.

Но это не значитъ, будто духъ времени одержалъ безповоротную побѣду. Неопредѣленность соціалистической конечной цѣли менѣе всего свидѣтельствуетъ о торжествѣ массоваго принципа надъ индивидуальнымъ. Индивидуализмъ не умеръ и врядъ когда умретъ, все равно какъ врядъ ли когда осуществится и уравнительный идеалъ. Въ самой природѣ лежитъ непреодолимая тенденція создавать *личностей*, аристократовъ и плебеевъ по бо-

гатству и скудости талантовъ и способностей. А всякое духовное богатство непремѣнно осуществляется въ качествѣ, въ направленіи и въ результатахъ практической дѣятельности и никакая столовая и рабочая не убьетъ этого естественнаго порядка и споръ между соціализмомъ и индивидуализмомъ никогда не будетъ рѣшенъ въ пользу той или другой стороны. Ассоціація и личность должны будутъ найти какой нибудь общій путь, одинаково соотвѣтствующій развитію исключительныхъ силъ личности и общимъ задачамъ общества. Путь этого, по нашему мнѣнію, откроется въ тотъ моментъ, когда всѣ личные инстинкты преобразуются въ соціальные, т. е. когда личность совершенно утратитъ центробѣжныя наклонности, столь еще могущественныя въ наше время. Не подавленіе личности, а воспитаніе ея, не война противъ индивидуализма, а введеніе его въ кругъ соціальныхъ добродѣтелей не насильственныхъ, а столь же естественныхъ, какъ старая героическая жажда *личной* славы и *оригинальной* дѣятельности. Въ связи съ этимъ процессомъ преобразованія индивидуалистическихъ задатковъ долженъ подняться и идеальный уровень самой ассоціаціи неизмѣримо выше фабричной казармы и общей столовой. Ассоціація должна дать въ своей средѣ просторъ идеальному столь же широкій и законный, какой теперь признается за чисто-матерьяльными потребностями.

И современный соціализмъ несомнѣнно отрѣшится отъ своихъ узкихъ матерьялистическихъ тенденцій, пока, можетъ быть, и необходимыхъ по условіямъ современной практической борьбы. Многія идеи Маркса—и прежде всего ученіе о смыслѣ и содержаніи историческаго прогресса—потерпятъ участь идей Лассаля: онѣ будутъ замѣнены болѣе глубокими и продуманными. Но основной мотивъ соціалъ-демократическаго движенія—строй общества въ интересахъ производительной массы—при всѣхъ преобразованіяхъ боевыхъ принциповъ и общихъ философскихъ положеній—останется главнѣйшимъ завѣтомъ нашего вѣка грядущему. Цѣль слишкомъ высока, чтобы не вызывать разнообразнѣйшей и жестокой борьбы. И конецъ столѣтія застаетъ Германію въ самый разгаръ броженія. Не все здѣсь свѣтло и радостно, даже слишкомъ мало пищи для оптимистическаго ума, напротивъ—именно нашъ вѣкъ создалъ самыя блестящія системы нигилистической философіи, но здѣсь необыкновенно много жизни, движенія, страсти и, слѣдовательно, надеждъ и идеаловъ. Истинное бѣдствіе не тамъ, гдѣ совершаются ошибки, торжествуютъ заблужденія и даже несправедливость и неправда, гдѣ слышатся стоны страданія и вопли гнѣва, а тамъ, гдѣ равнодушны къ ошибкамъ, гдѣ безучастны къ неправдамъ, гдѣ безмолвны въ страданіяхъ, гдѣ смиренны въ обидахъ—гдѣ, наконецъ, нѣтъ трепета чувствующей и мыслящей человѣческой души.

И это бѣдствіе невѣдомо современной Германіи. Она поставила труднѣйшій вопросъ, какой только знаетъ исторія культуры,—и рѣшаетъ его съ неослабной энергіей, съ поразительной затратой блестящихъ умственныхъ силъ; намъ остается привѣтствовать путь великой страны къ общечеловѣческой цѣли.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«La vie américaine, manches, fermes, et usines» par Paul de Rousiers. (Американская жизнь; ранчо, фермы и фабрики). Авторъ описываетъ лихорадочную жизнь и дѣятельность въ Соединенныхъ Штатахъ, преимущественно въ восточныхъ и западныхъ штатахъ; въ особенности много вниманія авторъ удѣляетъ «дальнему западу», гдѣ американской жизни приходится вести упорную борьбу съ природой и всѣми ея враждебными силами, но за то къ услугамъ американцевъ находятся всѣ рессурсы дѣвственной природы. По мнѣнію автора промышленная цивилизація восточныхъ штатовъ становится понятнѣе послѣ знакомства съ жизнью ранчо и фермъ дальняго американскаго запада.

(Revue de Paris).

«Le corps et l'âme de l'enfant» par le docteur Maurice de Fleury. (Тѣло и душа ребенка). Авторъ указываетъ ту роль, которая должна играть медицина и общая гигіена нервной системы въ тѣлесномъ и умственномъ воспитаніи нашихъ дѣтей. Авторъ подробно и послѣдовательно изучаетъ вопросъ о физическихъ упражненіяхъ, о питаніи, одеждѣ, купаніи, о спальнѣ ребенка, его снѣ и употребленіи вакаціоннаго времени. Вторая часть книги менѣе спеціальна, но быть можетъ болѣе заманчива, такъ какъ заключаетъ серію очерковъ, касающихся различныхъ характеровъ дѣтей и тѣхъ особенныхъ гигіеническихъ правилъ, которымъ надо слѣдовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Это книга одна изъ тѣхъ, которыя могутъ разсчитывать на очень большой кругъ читателей.

(Revue de Paris),

«Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat» par Michel Ange Vaccado. (Соціологическія основы права и государства). Этотъ французскій переводъ итальянскаго сочиненія входитъ въ составъ изданій «Bibliothéque Sociologique Internationale». Авторъ этого сочиненія обладаетъ смѣлыми широкими взглядами на исторію человѣчества. Первыя главы его книги посвящены біологическимъ вопросамъ и онъ стремится подвести свою точку зрѣнія подъ системы Ламарка, Дарвина и Вейсмана; въ слѣдующихъ главахъ онъ уже исключительно занимается соціологическими вопросами.

(Revue Sociologique).

«Mélanges féministes, questions de droit et de sociologie» par Louis Bridel. (Giard et Brière). (Феминистскіе вопросы съ точки зрѣнія права и соціологіи). Ученый швейцарскій профессоръ излагаетъ въ сжатой формѣ всѣ главныя пункты феминизма и изучаетъ общее положеніе женщины съ точки зрѣнія юридической и соціологической. Авторъ убѣжденный сторонникъ полной эмансипаціи женщины и даже требуетъ для женщины политическихъ правъ. Онъ расматриваетъ законодательство различныхъ европейскихъ странъ по отношенію къ женщинамъ и указываетъ ихъ слабыя стороны. Вопросъ о проституціи занимаетъ большое мѣсто въ его изслѣдованіи; авторъ горячо высказывается въ пользу отмѣны административной регламентаціи и проповѣдуетъ облегченіе вступленія въ бракъ дарованіе льготъ женатымъ людямъ и розысканіе отца (recherche de la paternité)

(Revue Sociologique).

«Robert Raikes; the Man and his work» by I. Henry Harris. (Simpson Marshall and C°). London. (Робертъ Рэксъ; его жизнь и труды). За два года до начала французской революціи нѣсколько членовъ французской академіи посѣтили Глочестеръ-Сити со спеціальною цѣлью познакомиться съ новыми соціальными опытами нѣкоего Роберта Рэкса, которые начаты были три года тому назадъ и сначала держались въ секретѣ, но затѣмъ, въ виду успѣшныхъ результатовъ, авторъ этихъ опытовъ рѣшилъ сдѣлать ихъ извѣстными и они вызвали подражаніе во всей Англіи. Это былъ опытъ цивилизаціи низшихъ классовъ населенія, которыхъ можно было приравнять къ дикарямъ по степени ихъ развитія. Но, чтобы дѣло цивилизаціи шло успѣшнѣе, надо начинать его по возможности раньше, т. е. обращать свое вниманіе на дѣтей. Исходя

изъ этой точки зрѣнія Рэксъ основалъ воскресныя школы для преобразованія и исправленія дѣтей британскихъ грязныхъ улицъ и притоновъ и такъ какъ печать поддержала его, то дѣло у него пошло очень успѣшно. Но общество, включая епископовъ, начало высказывать опасеніе, что эти школы могутъ сдѣлаться разсадниками революціи и возбудить въ низшихъ классахъ недовольство условіями своей жизни. Возникла борьба, но Рэксъ не уступалъ. Исторія его жизни и постепеннаго развитія и успѣха его идеи въ высшей степени интересны, такъ какъ онъ положилъ начало народному воспитанію въ Англіи; кромѣ того жизнь его тѣсно связана съ соціальной исторіей Англіи и жизнью низшихъ классовъ англійскаго населенія. (Daily News).

«Modern Mysticism and authers Essays» by Francis Grierson (George Allen (Современный мистицизмъ и др. очерки). Авторъ, изслѣдуя современный мистицизмъ и другія явленія современной жизни, высказываетъ довольно смѣлыя и оригинальныя взгляды, носящіе подчасъ слишкомъ пессимистическій характеръ и склоняющіеся въ пользу мистицизма. Въ книгѣ помѣщены очерки подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Красота и нравственность въ природѣ», «Трагедія Магбетъ», «Современная меланхолія», «Толстой», «Подражаніе и оригинальность», «Фабричное мужество и нравственная трусость», «Парсифаль», «Власть и индивидуализмъ», «Новая критика», «Аміель», «Культура.и художественныя способности въ области литературы».

(Athaeneum).

«The Englishwoman's Year book; 1899» Edited by Emily Janes, Secretary to the National of Women Workers of Great Britain aud Ireland. (Ежегодникъ англійскихъ женщинъ). Этотъ ежегодникъ, издающійся секретаремъ національнаго союза женщинъ-работницъ, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній, касающихся различныхъ фазъ женской дѣятельности и интересовъ женщинъ.

(Times).

«Max Stirner; Sein Leben und Sein Werk» Berlin. (Максъ Штирнеръ: его жизнь и его трудъ). Все возрастающее вліяніе Ницше въ Германіи заставило вспомнить о писателѣ, нѣкогда знаменитомъ, но о которомъ всѣ забыли послѣ 1848 года. Максъ Штирнеръ, настоящее имя котораго Каспаръ Шмидтъ, написавшій наканунѣ 1848 года свое знаменитое произведеніе «Der Einzige und Sein Eigenthum» по справедливости называется предшественникомъ Ницше, такъ какъ книга его проникнута такимъ всеподавляющимъ индивидуализмомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ тирады «сверхъчеловѣка» (Uebermensch) Ницше. Въ виду интереса, который возбуждаетъ въ настоящее время ученіе Ницше, очень полезно, конечно, познакомиться съ ученіемъ и личностью его предшественника и поэтому появленіе біографіи Штирнера слѣдуетъ считать вполнѣ своевременнымъ.

(Frankfurter Zeitung).

«Le Cap Nord» par Charles Rabot (Hachette et C°). (Нордкапъ). Книга заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересныя описанія природы и жителей Швеціи, Норвегіи, Финляндіи и Лапландіи. Авторъ въ теченіе шести лѣтъ путешествовалъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ, побывалъ на Нордкапѣ и въ другихъ сѣверныхъ областяхъ и съ восторгомъ отзывается объ этихъ странахъ, столь рѣдко посѣщаемыхъ туристами.

(Revue de Paris).

«Short History of the United States» by Iustin Huntly M'Carthy (Hodder and Stoughton. (Краткая исторія Соединенныхъ Штатовъ). Очень занимательно составленная краткая исторія Соединенныхъ Штатовъ знакомитъ читателей съ ростомъ и развитіемъ цивилизаціи «при условіяхъ совершенно новыхъ для человѣчества и великими усиліями для достиженія свободы, когда-либо сдѣланными людьми». Авторъ начинаетъ съ открытія Америки и доводитъ свой разсказъ до послѣдней войны съ Испаніей. «Отцы-пилигримы, индійскія войны, злоупотребленія въ царствованіе Георга III и успѣшное возмущеніе прекрасно описаны въ первыхъ шести главахъ, но лучшею частью книги все-таки слѣдуетъ считать ту, которая заключаетъ въ себѣ описаніе гражданской войны и въ особенности главы о рабствѣ. (Athaeneum).

«Das Liebesleben in der Natur» eine Entwickelungsgeschichte der Liebe, von Wilhelm Bölsche. (Eugen Diederichs). (Любовь въ природѣ; эволюціонная исторія любви). Авторъ основываетъ свою исторію появленія и развитія чувства любви въ природѣ на принципахъ дарвинской теоріи и исходя изъ этой точки зрѣнія сначала обращается къ низшимъ животнымъ и затѣмъ уже постепенно переходитъ къ высшимъ представителямъ царства животныхъ и къ человѣку, стараясь прослѣдить всю эволюцію этого чувства въ природѣ и постепенный переходъ его отъ простого инстинкта къ высшей степени сложному чувству, которое мы называемъ человѣческою любовью и которое вдохновляетъ поэтовъ и художниковъ и служитъ главнымъ стимуломъ человѣческаго поведенія.

(Frankfurter Zeitung).

«Un Réformateur-parsi dans l'histoire contemporaine de l'Inde» Flammarion éditeur. (Реформаторъ-парсъ въ современной исторіи Индіи). Чрезвычайно интересно написанная біографія одного изъ выдающихся современныхъ дѣятелей Индіи, журналиста парса Бейрама Малабарсъ, главнаго проповѣдника соціальныхъ реформъ и защитника правъ женщинъ. Исторія жизни и

дѣятельности этого выдающагося человѣка написана также индусомъ изъ древней фамиліи Синдъ, по имени Дайярамъ Гидумаль, но она переведена на англійскій и французскій языки. Французскій переводъ сдѣланъ очень тщательно и хорошо, такъ что сохранилась вся свѣжесть и поэзія индусскаго текста.

(Journal des Débats).

«A History of Winchester College» by Arthur E. Leach. (*Duckworth and C°*). (*Исторія Винчестерской колоніи*). Интересующіеся исторіей англійскаго воспитанія найдутъ въ этой книгѣ чрезвычайно много документальныхъ и любопытныхъ свѣдѣній, обрисовывающихъ школьную жизнь въ Англіи въ прежніе времена. Авторъ разсказываетъ исторію первой общественной школы въ Англіи, Винчестерской коллегіи, которая потомъ служила образцомъ для всѣхъ другихъ воспитательныхъ учрежденій подобнаго рода. Книга прекрасно иллюстрирована и изобилуетъ интересными историческими эпизодами изъ англійской школьной жизни прошлыхъ вѣковъ. (Daily News).

«Les grandes Légendes de l'humanité» par L. Michaud d'Humiac. (*Schleicher frères; Petite Encyclopédie populaire illustrée*). *Prix: 1 fr.* (*Великія легенды человѣчества*). Исходя изъ этой мысли, что легенды, даже лучше чѣмъ исторія, могутъ отражать въ себѣ различныя стороны души человѣчества въ различные вѣка, авторъ собралъ въ своей книгѣ восемь главныхъ легендъ, воплощающихъ въ себѣ мечты человѣчества и представляющихъ такимъ образомъ нѣчто вродѣ «метафизики человѣческой судьбы» (métaphysique de la destinée humaine). Легенды о Кришну, Рама, Мерленѣ, странствующемъ жидѣ, Фаустѣ, Донъ-Жуанѣ, миѳъ о Прометѣе и сказка о Психеѣ, служатъ автору главнымъ матеріаломъ для его изслѣдованій и онъ старается опредѣлить философское значеніе и смыслъ этихъ легендъ.

(Journal des Débats).

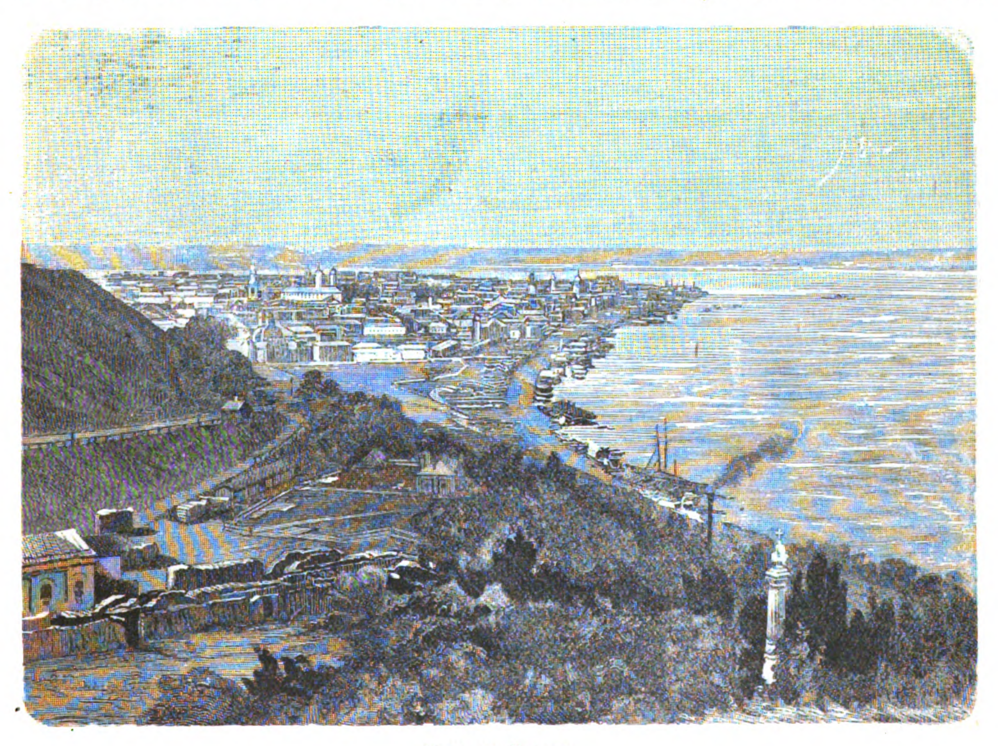
«A History of Bohemian Literature» by Coont Lutzow (*Heinemann*). (*Исторія чешской литературы*). Книга эта входитъ въ серію изданій подъ общимъ названіемъ «Short Histories of the Literatures of the World» (Краткая исторія литературъ міра). Чешская литература мало извѣстна европейской читающей публикѣ, а между тѣмъ, какъ видно изъ ея исторіи, она достаточно богата образцовыми произведеніями. Авторъ цитируетъ въ переводѣ лучшіе образцы чешской литературы и указываетъ какъ отражалась въ этой литературѣ жизнь страны и политическія событія.

(Athaeneum).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Новая серія популярно-научныхъ изданій:

АЛЬБОМЫ КАРТИНЪ
по
ГЕОГРАФІИ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

Кіевъ на Днѣпрѣ.

Предлагаемыя изданія переведены съ нѣмецкаго, съ разрѣшенія издателей оригиналовъ, и снабжены нѣкоторыми, оказавшимися для русскаго изданія нужными, дополненіями въ текстѣ.

Всѣ рисунки и картины исполнены лучшими нѣмецкими художниками и изготовлены, по заказу Книгоиздательскаго Т-ва „ПРОСВѢЩЕНІЕ," въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ.

Опытъ показалъ преимущества нагляднаго преподаванія географіи и естественной исторіи. Вспомогательными средствами для такого преподаванія служатъ стѣнныя таблицы и модели или чучела животныхъ. Однако, при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, они страдаютъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что, не представляя достаточно полныхъ серій, приспособленныхъ для преподаванія, они, съ одной стороны — не по средствамъ начальнымъ школамъ, каковыя мы имѣемъ въ виду, а съ другой — не могутъ находиться въ постоянномъ распоряженіи учениковъ.

Предлагаемые нами „Альбомы картинъ“ отличаются своею дешевизной, дѣлающей ихъ доступными всѣмъ и каждому и заключаютъ въ себѣ большое число научно и при томъ мастерски исполненныхъ картинъ, почему эти Альбомы могутъ служить незамѣнимымъ пособіемъ для изученія подробностей.

Альбомы картинъ по географіи, дополняя принятые учебники и географическіе атласы, путемъ подбора наиболѣе характерныхъ снимковъ даютъ возможность наглядно ознакомиться съ физикогеографическими и этнографическими явленіями различныхъ странъ.

Оазисъ въ Сахарѣ.

Альбомы картинъ по зоологіи, также дополняя соотвѣтствующіе учебники, благодаря превосходному исполненію картинъ лучшими спеціалистами-художниками, даютъ не только правильное изображеніе животныхъ, но и знакомятъ съ особенностями ихъ образа жизни, что дѣлаетъ предлагаемые Альбомы особенно цѣнными.

Какъ тѣ, такъ и другіе снабжены краткимъ пояснительнымъ текстомъ, помогающимъ уяснять сходство и особенности изображаемыхъ явленій.

Кромѣ того, изящная внѣшность и художественное исполненіе рисунковъ позволяютъ рекомендовать Альбомы картинъ не только для школъ, но и въ качествѣ прекраснаго украшенія для кабинетовъ и гостиныхъ, а также для любителей изящныхъ изданій.

Альбомъ картинъ по географіи Европы.

75 страницъ текста и 250 отдѣльныхъ рѣзанныхъ на деревѣ художественныхъ иллюстрацій.

Пояснительный текстъ доктора **А. Гейстбека.**

Переводъ *А. П. Нечаева*, съ предисловіемъ *Д. А. Коропчевскаго.*

Цѣна въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

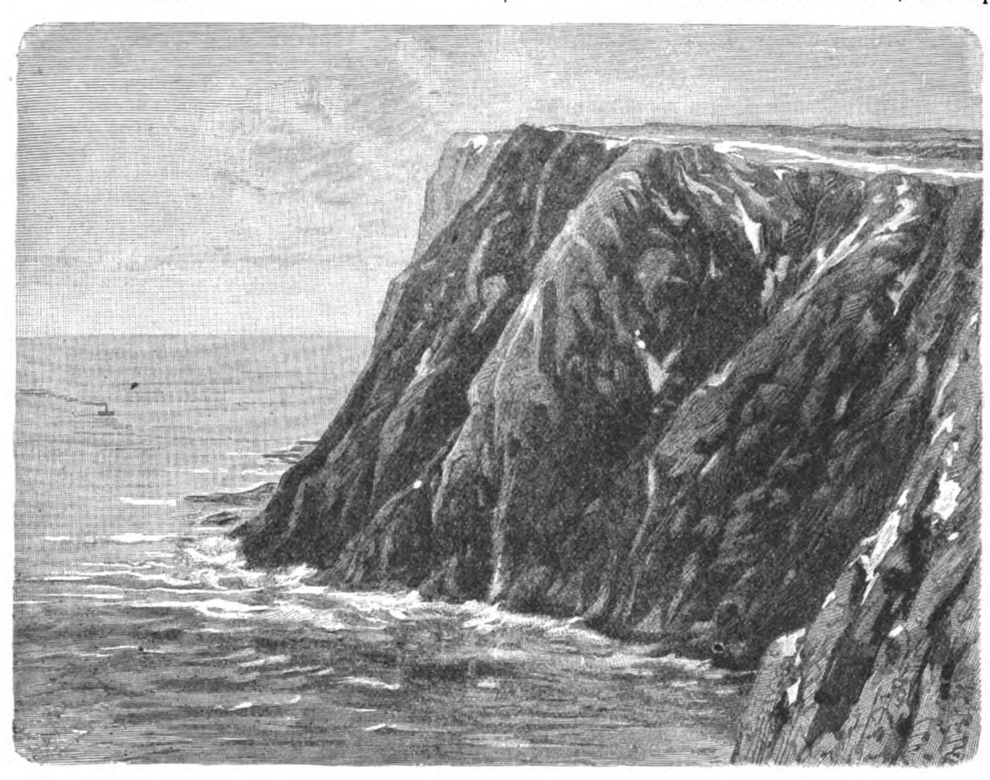
СОДЕРЖАНІЕ:

I. Альпы.
1. Общая характеристика Альпъ Происхожденіе ихъ.
2. Швейцарскія Альпы.
3. Восточныя Альпы.

II. Страны, расположенныя къ сѣверу отъ Альпъ.

III. Южно-Германская котловина.
1. Швабско - Франконская котловина.
2. Верхне - Рейнская низменность.

IV. Средне-Германскія горы.
1. Нижне-Рейнскія сланцевыя горы

Нордкапъ.

2. Гарцъ и Тюрингенъ.
3. Лейпцигская бухта и Эльбскія песчаниковыя горы.
4. Судеты.

V. Сѣверо-Германская равнина, Нидерланды и Данія.
1. Западно-Эльбская низменность.
2. Восточно-Эльбская низменность.

VI. Страны, расположенныя въ области Судетскихъ горъ.

VII. Страны, расположенныя въ области Карпатскихъ горъ.
1. Карпатскія горы.
2. Венгерская низменность.

VIII. Франція.
1. Сѣверная Франція.
2. Средняя и южная Франція.
3. Пиринеи.

IX. Пиринейскій полуостровъ.

X. Италія.

XI. Балканскій полуостровъ.

XII. Великобританія.

XIII. Скандинавскій полуостровъ

XIV. Россія.

XV. Полярная область Европы.

XVI. Общее заключеніе.

„Жизнь растеній“. Соч. проф. **А. Кернера ф.-Марилаунъ.** Переводъ съ дополненіями со 2-го, совершенно вновь переработаннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія *А. Генкеля* и *В. Траншеля* подъ редакціей проф. *И. П. Бородина.* **30 выпусковъ (2 тома) на веленевой бумагѣ съ 2110 художественными иллюстраціями въ текстѣ, 1 картой въ краскахъ, 24 рѣзанными на деревѣ картинами и 40 хромолитографіями.** Цѣна по подпискѣ **12 р. 80 к.,** отдѣльнаго выпуска **50 коп.,** I-го тома въ изящномъ колекноровомъ переплетѣ **7 р. 50 к.**

„Человѣкъ“. Соч. д-ра **Іоганна Ранке,** профессора Мюнхенскаго университета и Главнаго секретаря Германскаго Антропологическаго Общества. Переводъ со второго, вновь переработаннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія д-ра *М. Е. Ліона* и д-ра медицины Берлинскаго университета *А. Л. Синявскаго* подъ редакціей *Д. А. Коропчевскаго.* **30 выпусковъ или 2 бол. тома на веленевой бумагѣ съ 1400 рисунковъ въ текстѣ, 6 картами въ краскахъ и 35 хромолитографіями.** Цѣна по подпискѣ **12 руб.,** отдѣльнаго выпуска **50 коп.**

„Происхожденіе животнаго міра“. Соч. д-ра *В. Гааке.* Переводъ съ нѣмецкаго д-ра мед. *М. Е. Ліона* подъ редакціей д-ра зоологіи *Ю. Н. Вагнера.* **15 выпусковъ на веленевой бумагѣ, 500 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 1 карта въ краскахъ, 9 рѣзанныхъ на деревѣ картинъ и 11 хромолитографій. Цѣна по подпискѣ за всѣ 15 вып. 6 руб.** Цѣна выпуска въ отдѣльной продажѣ **50 коп.**

„Мірозданіе“. Соч. д-ра **Вильгельма Мейера.** Переводъ съ нѣмецкаго съ дополненіемъ и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ подъ редакціей профессора Спб. университета *С. П. ф.-Глазенапа.* **15 вып. на веленевой бумагѣ, 325 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 9 картъ и 29 хромолитографій, геліогравюръ и рѣзанныхъ на деревѣ черныхъ картинъ.** Цѣна по подпискѣ за всѣ 15 выпусковъ **7 р. 50 к.** Отдѣльный выпускъ **60 коп.**

„Народовѣдѣніе“. Соч. проф. **Ратцеля.** Переводъ со 2-го совершенно переработаннаго нѣмецкаго изданія *Д. А. Коропчевскаго.* **30 выпусковъ, около 1600 страницъ большаго формата и убористой печати или 2 большихъ тома, на веленевой бумагѣ, съ 1103 рисунками въ текстѣ, 6 картами и 56 черными таблицами и хромо-литографіями. Цѣна по подпискѣ за 30 выпусковъ 12 р. 60 к.,** отдѣльнаго выпуска **50 коп.**

„Исторія нѣмецкой литературы“. Соч. проф. **Фридриха Фогта** и **Макса Коха.** Переводъ привать-доцента *А. Л. Погодина.* **15 вып., около 800 страницъ текста съ болѣе 100 художественными рисунками въ текстѣ, 2 геліогравюрами, 6-ю черными картинами и 18-ю хромолитографіями. Подписная цѣна за 15 выпусковъ 7 р. 20 к.,** отдѣльнаго выпуска **60 коп.**

„Иллюстрированный Настольный Календарь Т-ва Просвѣщеніе“ на 1900-й годъ. На изящно полированной доскѣ, съ дугами для перелистыванія и подставкой **1 р. 20 к.,** въ формѣ отрывнаго календаря **80 коп.**

ЗАКАЗНАЯ КВИТАНЦІЯ.

(Нежелательное просимъ вычеркнуть.)

Уплачивая при семъ .... руб. .... коп., я прошу Книгоиздательское Т-во „ПРОСВѢЩЕНІЕ“ въ Ст. Петербургѣ — отдѣленіе въ Москвѣ — отдѣленіе въ Лодзи — отдѣленіе въ Одессѣ — прислать мнѣ слѣдующія книги:

„Альбомъ картинъ по географіи Европы“. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ **1** р. **50** к.

„Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ“. Въ изящномъ коленкор. переплетѣ **1** р. **75** к.

„Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ“. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ **1** р. **75** к.

„Альбомъ картинъ по зоологіи птицъ“. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ **1** р. **75** к.

„Альбомъ картинъ по зоологіи рыбъ“. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ **1** р. **75** к.

„Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ“. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ **1** р. **75** к.

„Исторія земли“, проф. *Неймайра.* 30 вып. **12** р. **80** к., въ 2-хъ коленкоровыхъ переплетахъ — **14** р. **30** к., въ полукожаныхъ — **15** руб.

„Жизнь растеній“, проф. *Кернера ф.-Марилаунъ.* 30 вып. **12** р. **80** к. I-й томъ въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ **7** р. **50** к.

„Человѣкъ“, проф. *Ранке.* 30 вып. **12** руб.

„Происхожденіе животнаго міра“, д-ра *Гааке.* 15 вып. **6** руб.

„Иллюстрированная исторія нѣмецкой литературы“, проф. *Фогта* и проф. *Коха.* 15 вып. **7** р. **20** к.

„Мірозданіе“, д-ра *Мейера.* 15 вып. **7** р. **50** к.

„Народовѣдѣніе“, проф. *Ратцеля.* 30 вып. **12** р. **60** к.

„Иллюстрированный Настольный Календарь Т-ва Просвѣщеніе“ **1** р. **20** к., въ формѣ отрывнаго календаря **80** коп.

....

Недоплаченныя за дѣлаемый мною симъ заказъ деньги я $\frac{\text{прошу дополучить съ меня посредствомъ наложеннаго платежа.}}{\text{обязуюсь уплачивать до покрытія всей суммы мѣсячными взносами въ .... руб.}}$ Несдѣланные въ срокъ взносы Т-во „ПРОСВѢЩЕНІЕ“ (мѣстонахожденіе котораго считается мѣстомъ платежа) взимаетъ съ меня посредствомъ наложеннаго платежа съ надбавкой 20 копѣекъ расходовъ.

Мѣсто службы и адресъ (жел.-дор. станція): **(званіе, имя, отчество и фамилія):**

дня 1........... г.

Дозволено цензурою. Спб., 13 апрѣля 1899 г. Типогр. Книгоизд. Т-ва „ПРОСВѢЩЕНІЕ“. Спб., Фонтанка, 52

стр.

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Въ мѣстахъ недорода и цынги.—На голодѣ.—8-ми часовой рабочій день.—Безпорядки и забастовка рабочихъ въ Ригѣ.—Переселеніе духоборовъ въ Якутскую область и Канаду.—Отголоски пушкинскихъ празднествъ.—Послѣсловіе Пушкинскимъ празднествамъ въ Перми—Закрытіе Московскаго Юридическаго Общества. 15
15. **За границей.** Промышленная война въ Даніи.—Событія итальянской общественной жизни. — Освобожденный плѣнникъ. — Индусскій журналистъ Бейрамъ Малабари. — Столѣтіе королевскаго института въ Лондонѣ. 31
16. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des deux Mondes». — «Century Magazine».—«The Idler». 38
17. НА ЖЕНСКОМЪ МЕЖДУНАРОДНОМЪ КОНГРЕССѢ. (Письмо изъ Лондона). **Л. Давыдовой** 42
18. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. **Ботаника.** Органы растеній, служащіе для выдѣленія воды въ жидкомъ видѣ.—**Гигіена.** Достоинство альбумозы и мясныхъ экстрактовъ, какъ пищевыхъ средствъ.—**Минералогія.** Естественная окраска минераловъ.—**Зоологія.** О самостоятельныхъ движеніяхъ псевдоподій у корненожекъ. **Д. Н.**—Астрономическія извѣстія. **К. Покровскаго.** 61
19. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Публицистика.—Исторія искусства. — Политическая экономія. — Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 76
20. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Культурные и соціальные вопросы нашего времени при свѣтѣ германской исторіи. **Ив. Иванова** 104
21. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 134

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

22. ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. **Эдмонда де-Амичиса.** Переводъ съ итальянскаго **Ел. Колтоновской.** (Продолженіе). 33
23. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ**, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго** и **Д. Н. Нелюбова.** Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе). 215

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

